МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Вологодский государственный педагогический университет

Кафедра Отечественной истории

ЧЕРКАСОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА

КРУПНАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ВОТЧИНА В РОССИИ КОНЦА XVI - XVII ВЕКА (По архиву Троице-Сергиевой Лавры).

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

(Специальность 07.00.02 - Отечественная история)

Вологда - 2001 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ.
1.1.Теоретические проблемы “крупной феодальной вотчины”.
1.2. Проблемная историография по тематике диссертации.
1.3. Изучение Троице-Сергиева монастыря как крупной феодальной вотчины.

ГЛАВА II. АРХИВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ.
2.1. Система документирования в русских монастырях и особенности Троицкого архива.
2.2. Крепостная казна Троицкого монастыря.
2.3. Копийные книги и описи крепостной казны.
2.4. Троицкие акты 1584-1700 гг.
2.5. Государственные описания XVII в.
а) дозорные и писцовые книги первой половины XVII в.
б) переписные книги 1640-1670-х гг.
2.6. Вотчинные хозяйственные книги.
2.7. Церковно-государственная учетная документация.

ГЛАВА III. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ТРОИЦКОЙ КОРПОРАЦИИ В КОНЦЕ XVI-XVII В.

3.1. Рост и состояние землевладения Сергиева монастыря в 1584-1700 гг.
3.2. Землевладение приписных монастырей.
а) приписная система Троицкой духовной корпорации
б) вотчины приписных монастырей в конце XVI в.
в) вотчины приписных монастырей в XVII в.
- Север
- Поволжье
Центр

ГЛАВА IV. СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ В ВОТЧИНЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ.
4.1.Общая характеристика: динамика “живущего” и
“пустого”, численность, состав и размещение населения
4.2.Структура сельского расселения (региональные очерки).
4.3.Погосты, слободки, сельские монастыри.
ГЛАВА V. ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ВОТЧИНЫ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ
5.1 Структура и динамика пашни и перелога.
5.2.Троицкий домен: размещение и поуездные масштабы.
5.3. Крестьянское землевладение:
а) вытное тягло и крестьянский надел;
б) опыт корреляционного анализа троицких писцовых и вытных
в) земельно-тяглые переделы в монастырской деревне;
г) вненадельные крестьянские земли.

ГЛАВА VI. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА В МОНАСТЫРСКОЙ ВОТЧИНЕ

6.1.Общая картина феодальной ренты в конце XVI в.
6.2. Сеньориальная эксплуатация монастырских крестьян (региональные очерки):
а) конец XVI - первая четверть XVII в.
- отработочная рента;
- денежная рента.
б) конец XVII в.
- отработочная рента;
- денежная рента,
6.3. Государственная эксплуатация монастырских крестьян в конце XVI -XVII в.

ГЛАВА VП. МОНАСТЫРСКИЙ ИММУНИТЕТ

7.1. Государственный статус Троице-Сергиева монастыря:
а) административно-судебный;
б) финансовый;
в) таможенный.
7.2. Публичноправовые прерогативы вотчины-сеньории и сеньориально-крестьянские отношения.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Примечания к тексту

ПРИЛОЖЕНИЯ.
1. Материалы для реконструкции архива и канцелярии Троице-Сергиева монастыря XVI - начала ХУШ в.
2. Таблицы 1-32.
3. Карто-схемы:
1 .Троицкая духовная корпорация в XVI-XVII вв.
II. Землевладение и население Троицкой корпорации в XVII в.
III. КрVIIнейшие поселения Троице-Сергиева монастыря в Центре России в XVI-XVII вв.(список прилагается)
4. Библиография
5. Список таблиц
6. Список сокращений.
7. Структура “Материалов для реконструкции архива и канцелярии Троице-Сергиева монастыря”

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории человечества земля была и остается “главным объективным условием воспроизводства живого индивида”[1]. Для традиционных обществ, каким было и средневековое, в сильнейшей степени была характерна привязанность к земле как своему природному базису, прямая и опосредованная зависимость от природных условий жизнедеятельности. Эволюция собственности на землю в средневековую, феодальную эпоху во многом определяла направление развития данной общественной системы в целом. Коренная черта феодального общественного устройства заключалась в слабой отчлененности политических отношений и институтов от экономической сферы. Особенно отчетливо и полно эта черта проявлялась в крупных формах собственности, представляющих, как признано в научной литературе, наиболее оптимальное сочетание крупного производства со множеством мелких крестьянских хозяйств. Отсюда вытекает непреходящая научная актуальность изучения самых классических для феодализма форм соединения крупной собственности и политической власти - светских и церковных вотчин-сеньорий.

Тема, избранная в настоящей работе, принадлежит к числу историографически апробированных тем в отечественной науке, о каких бы методологических подходах и научных школах ни шла речь. Объектом исследования в диссертации является вотчина крупнейшей церковной корпорации феодальной России - Троице-Сергиева монастыря, взятого и как таковой, и со всей системой приписных к нему филиалов. Это действительно была не просто крупная, а крупнейшая феодальная вотчина страны, по размерам своим (объем землевладения и количество населения) уступающая только царскому домену (Дворцу). Сам же Троице-Сергиев монастырь (с 1744 г. - Лавра) занимал первенствующее положение и в русской церковной иерархии (закрепленное в памятниках церковного и государственного законодательства), и в массовом религиозном сознании всех слоев русского общества, являясь самой: почитаемой и признанной духовной обителью России.

При обосновании выбора темы сделаем акцент не на том очевидном факте, что до сих пор в нашей научной литературе по такому-то масштабному монастырю-гиганту нет комплексного, целостного, систематического исследования ни структуры его корпоративной земельной собственности, ни отношений с многочисленными кругами господствующего класса землевладельцев, ни его многочисленного зависимого населения, феодальной ренты и иммунитета и др. Главное нам видится в другом. С учетом уже имеющегося в историографии научно-исследовательского, теоретического и методического потенциала (аккумулированного в 40-летней деятельности Симпозиума по аграрной истории, в обобщающих “Историях крестьянства” (в Европе и в России. Т. 1-3, а также региональных), в десятках тематических книг и статей) необходимым является продолжение разработки классической проблематики и введения в научный оборот огромного до сих пор неизученного материала из архива Троице-Сергиевой Лавры. Познавательное значение и новизна специального исследования этого архива для более глубокого теоретического понимания и конкретно-фактического обогащения кардинальных проблем аграрной истории феодальной России неоспоримо.

Хронологические рамки работы - конец XVI - рубеж XVII - XVIII вв. Нижняя хронологическая грань определяется собором 20 июля 1584 г., запретившим монастырям приобретать земли любыми способами и отменившим монастырские тарханы (податные привилегии). Собор этот традиционно считается важной вехой в русской церковной истории и прежде всего в истории церковно-монастырского землевладения. Верхний хронологический рубеж определяется завершением XVII столетия и началом петровских реформ, новой эпохи в истории России. Имеются и источниковедческие “приметы” в

избранной хронологии. Для 80—90-х гг. XVI - это обширные и уникальные в своем роде комплексы троицких копийных и писцовых книг, для рубежа XVII-XVIII в. - это комплекс поздних хозяйственных описаний конца XVII в. (1692-1696 гг.) и начала ХУШ в. (переписная 1701 и приходо-расходная книги 1703 гг.). Впрочем, хронологические рамки работы не жесткие, в ходе нее они свободно раздвигаются в глубь, иногда даже до времен Русской Правды, и поднимаются вверх, до кануна секуляризационной реформы в России.

По принятой в современной науке периодизации избранный нами хронологический отрезок относится к двум периодам феодализма в России. С конца ХУ примерно до середины XVII в. - II-й этап зрелого феодализма, важнейшей типологической чертой которого и был расцвет вотчины-сеньории. С середины XVII в. и во второй его половине можно говорить о начале позднефеодального этапа, в общеевропейском плане соотносимого с явлениями нового времени. Теоретические вопросы типологии и стадиальности в эволюции феодализма в ходе конкретного изучения крупной вотчины будут затрагиваться нами в ряде глав работы.

Предлагаемая работа не имеет какого-то одного регионального аспекта, поскольку землевладение Троицкой корпорации в изучаемое время располагалось не менее, чем в 40 уездах Российского государства, относящихся к разным регионам (Центр, Север, Поволжье, Юг). Не принимая никаких территориальных ограничений (которые сами по себе могли быть оправданы при таком масштабе объекта), мы рассматриваем его крупную феодальную вотчину во всем естественном ее размахе, признавая в то же время, что именно два десятка центральных уездов России составляют региональную основу всех наших наблюдений. Хорошо известно, что происходящие именно в Центре страны процессы социально-экономического и политического развития в значительной степени определяли направление ее движения в целом.

В качестве отдельной нами не ставится в данной работе задача подробного картографирования всей огромной Троицкой вотчины в 40 уездах страны. Считаем, что это задача специального историко-географического исследования, требующая привлечения разнообразных и разновременных картографических и землеустроительных материалов XVII-XX вв., требующая особой методики их анализа и рассчитанная на многолетние усилия, может быть, целого коллектива авторов. В приложении к диссертации дается несколько карто-схем, дающих лишь общее представление о масштабах приписной системы Троицкой корпорации и основных показателях ее экономического развития (землевладение, население) на конец XVII в. Однако пространственно-географические ориентиры, характеристики, параметры сами по себе имеют в нашей работе очень важное значение. Территориальный масштаб Троицкой вотчины был таков, что в конкретном изучении необходимо его “региональное” раздробление, без которого невозможно по-настоящему глубоко сосредоточиться на сути происходивших социально-экономических процессов. Опыт поуездного и более укрупненного - порегионального - исследования феодального землевладения, сельского расселения, феодальной ренты будет представлен в конкретных главах работы. Без такого постоянного “погружения” с вершины “айсберга” к его подводной части невозможно представить аграрно-крестьянские основы изучаемой общественной структуры и механизмы включения крестьянства в систему общественных связей. О естественных ограничителях на этом пути в виде особенностей источниковой базы будет сказано по ходу работы не раз.

В работе постоянно употребляется термин “вотчина” (иногда - “латифундия”). Под ним следует понимать, во-первых, в узком смысле собственно монастырские земли (домен),. на которых велось земледельческое производство. Во-вторых, в более широком смысле всю территорию, занятую и монастырским доменом и тысячами крестьянских дворов, хозяйств, сотнями общин-волостей и т.п. Наконец, в предельно широком смысле - *вотчину-сеньорию* как субъект общественной системы: сеньориально-крестьянская социально-экономическая

организация в соединении со всем исторически обусловленным объемом административно-судебных, политических, поземельно-распорядительных, финансовых и прочих прав и взаимоотношений корпоративного собственника и крестьянских общин.

В работе использовались различные методы исторического исследования - историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный[2]. Вотчина Троице-Сергиева монастыря рассматривается нами как целостная система, определенным образом организованная и функционирующая. Для понимания того, как это происходило, будет сочетание ее обширных пространственно-горизонтальных координат с вертикальной субординацией, соподчиненностью всех ее структурных элементов.

Л.В.Черепнин писал в свое время, что актуальность научного исследования должна пониматься не узкохронологически, а широко[3]. Подлежащие *исследованию* в данной работе проблемы, конечно, относятся к весьма отдаленному прошлому нашего Отечества, не будучи напрямую связанными с конкретными злободневными вопросами современности. И все же проблемы эти как таковые (собственность и сочетание разных ее форм, оптимальные способы организации производства, демографические процессы, церковно-государственные отношения, налоговая система и финансы, сохранение архивов и нашей исторической памяти и пр.) активно обсуждаются в современной общественной мысли. Для более глубокого их осмысления и прогнозирования путей дальнейшего развития России важным является обращение к ее историческому опыту.

QQQ

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ

Научная литература рассматривается нами в данной главе *в* трех планах, в расположении которых избран принцип от общего к частному. Во-первых, предлагается краткий обзор теоретических, концептуальных разработок учеными феодальной собственности и крупной вотчины как наиболее “классической” ее формы. Во-вторых, анализируется изучение конкретно-исторической проблематики (вотчинная система России в XVI-XVII вв., монастырское землевладение как ее органическая составляющая, земельная политика государства по отношению к нему, историческая демография, феодальная рента , иммунитет, сеньориальный режим крупной вотчины и др.), определяющей содержание настоящей работы. Наконец, по возможности полно учитываются и приводятся имеющиеся в исследовательской литературе конкретные наблюдения, суждения, факты по социально-экономической и политической истории Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - XVII в.

1.1. Теоретические проблемы “крупной феодальной вотчины”.

В процессе научного изучения феодальной эпохи одним из генерализующих понятий всегда являлась вотчина-сеньория. С нею связывалось господство крупной земельной собственности в соединении с политической властью ее носителей. Мысль Ш.Монтескье о феодальных порядках как о ленно-вассальной системе была воспринята в русской историографии XVIII в. Г.Ф.Миллером, увидевшим во взаимоотношениях русской монархии с военно-служилым сословием общие черты России и Западной Европы. И.Н.Болтин связывал с феодализмом ослабление верховной власти в пользу крупных собственников н наличие иерархии среди князей, бояр и дворян. Он также проводил аналогию между французским фьефом и русским поместьем. У Болтина можно найти мысль не только о политическом, но и социальном феодализме, то есть о власти помещика (или вотчинника) над своими крестьянами. С.Е.Десницкий писал о возникновении крупной

феодальной собствнности на земледельческой стадии развития человечества. Политическая власть крупных землевладельцев вытекала из их собственности, а не являлась результатом великокняжеского пожалования. По мере роста крупной собственности происходило ослабление государственной власти *1*.

До конца XIX в. в русской историографии признавалось существование в России лишь некоторых черт феодализма. На рубеже X1X-XX вв. в новаторских работах Н.П.Павлова-Сильванского отстаивается мысль о феодальном характере государственного и общественного развития удельной Руси (ХП - середина XVI в.). Важнейшими чертами той эпохи ученый считал связь крупной земельной собственности с политической властью ее носителей и раздробление самой власти. Феодализм понимался им как особый период в истории Руси, период господства частного (вотчинного) права, когда основной ячейкой общества являлась вотчина-сеньория, рассматриваемая в тесном взаимодействии с ее социальным антиподом - крестьянской общиной. Наиболее существенным признаком феодализма Павлов-Сильванский считал сеньориальную власть земельного собственника над населением своей вотчины. Трудами Н.П.Павлова-Сильванского было продолжено сравнительно-историческое изучение феодализма в России и Европе, впервые намеченное еще в ХУШ в. Миллером, Болтиным, Десницким, углублена мысль двух последних о феодализме не только политическом, но и социальном, когда анализ из сферы отношений внутри господствующего класса (знать — государство) переносится в сферу вотчинно-крестьянских отношений. На формирование такого подхода оказали влияние и успехи русской медиевистики, в частности исследования А.Н.Савина, П.Г.Виноградова, Д.М.Петрушевского, М.М.Ковалевского, Н.И.Кареева по аграрной истории европейских стран эпохи средневековья и раннего нового времени. В их исследованиях истоки феодализма виделись в общине, его становление и развитие резюмировалось взаимодействием и борьбой общины и вотчины.

Вскоре после выхода трудов Н.П.Павлова-Сильванского их начали критиковать (П.Н.Милюков, М.Ф. Владимирский-Буданов, а в 20-е годы А.И.Неусыхин) за формально-юридический подход к сравнению феодальных институтов в России и на Западе: вотчина - феод, поместье - бенефиции, боярщина - сеньория, вотчинный режим - иммунитет, боярская служба - вассалитет, закладничество - патронат, кормление - лен-должность (“fief-office”); стадиальную подчас несопоставимость изучаемых институтов и т.д.

Впервые глубокое монографическое исследование социально-экономических проблем крупной вотчины было выполнено Б.Д.Грековым в рамках методологии экономического материализма. В 1914 и 1926 /27 гг. им были изданы две капитальные монографии по истории землевладения и хозяйства Новгородского дома Св.Софии. Хронологический диапазон книг очень широк - с ХП по XVII вв., хотя основная масса материала относится к XVI-XVII вв.[3] В ХП-XV вв. растет землевладение Софийского дома, а с конца ХУ и до XVII в. оно сокращается. В структуре его Греков выделял Софийский домен, поместные земли и владения приписных монастырей. В ХП-ХУ вв. Софийский двор, считал Греков, по устройству своему полностью был подобен боярскому и княжескому, поскольку имел своих дворецких, тиунов, ключников, казначеев, конюших, чашников и т.д. В XVI-XVII вв. управление землями и хозяйством Софийского дома приобретает вид приказной системы (Дворцовый, Казенный, Судный и др. приказы). Б.Д.Греков исследовал положение общины в составе крупной Софийской вотчины, обратив внимание на общинную документацию (приходо-расходные книги мирских старост) и на институт приказчиков и посольских, являвшихся посредниками между высшими властями Софийского дома и крестьянскими мирами. Давая высокую оценку исследованиям Грекова в 1926 г., А.Е.Пресняков писал, что именно в таком направлении должны изучаться внутренние распорядки боярщины и вотчинного режима вообще[4].

Обстоятельное конкретно-историческое изучение Б.Д.Грековым “крупной феодальной вотчины” (на примере Софийского дома) повлияло и на дальнейшую разработку им теоретических, концептуальных подходов к истории феодальной Руси в целом. Происходило это в конце 20-х-30-е годы и сопровождалось усвоением ученым идей исторического материализма. Область же исследовательских интересов историка все более сдвигалась в сторону начального этапа феодализации Руси. В своих последующих работах Б.Д.Греков как бы “нанизал” становление и развитие феодализма в России на эволюцию крупной вотчины Древней (XI-ХШ вв.) и Северо-Восточной (XIV-XV вв.) Руси. В центре внимания ученого оказались проблемы способа производства и феодальной эксплуатации, в формах которой автор усматривал разницу между двумя выделенными периодами истории средневековой Руси. В древнерусской вотчине преобладала отработочная рента, в северовосточной - натуральный оброк. Среди форм крупной вотчины (княжеская, боярская) Б.Д.Греков называл и церковную. На почве крупной вотчины во всех ее формах формировались крестьянская зависимость, крепостничество и феодализм, которые Б.Д.Греков отождествлял. Превращение крестьянина из свободного в феодальнозависимого в рамках крупной вотчины - вот основа процесса феодализации в понимании Б.Д.Грекова.

Ведущим фактом исторического развития Руси в XI в. ученый считал сельское хозяйство мелкого производителя и его эксплуатацию крупным землевладельцем в рамках крупной княжеской, боярской и церковной вотчины. Важно учитывать, что вотчина признавалась формой частной собственности, а в марксизме сущность последней всегда сводилась к эксплуатации человека человеком. Отсюда и шел интерес к тому, как организована система управления и эксплуатации зависимого населения в крупной вотчине. Сопоставляя Русскую Правду и актовый материал ХУ в., Греков намечал общее направление эволюции крупной вотчины - в древнерусский период землевладельцы по отношению к населению были просто хозяевами, а в ХУ в. они являлись уже государями, следовательно, вотчина становится крупной хозяйственной единицей с политическим господством, то есть сеньорией. Начало такого превращения отразила на себе Пространная Правда, а ранее всего в сеньорию превращаются княжеские вотчины, поскольку уже в Правде Ярославичей находим проявление вотчинной юрисдикции князей [5].

Кроме Б.Д.Грекова, проблемами крупной собственности в ранней советской историографии занимались С.В.Юшков и Н.Л.Рубинштейн. Юшков также выделял крупное землевладение князей, бояр и церкви, политическое значение которых росло. Отличие в организации церковной вотчины-сеньории от светской уже в Киевское время Юшков видел в отказе от рабского труда. Привлекая рабочую силу, церковь использовала отношения патроната. Юшков также затронул проблему приписных, вассальных монастырей, зависимых от более крупных церковных организаций. Коснулся он и вопроса происхождения феодального иммунитета, выводимого им из земельных пожалований церкви. Церковно-иммунитетные дипломы были в дальнейшем положены в основу выработки формуляра дипломов, которые стали выдаваться боярству. Н.Л.Рубинштейн подчеркивал, что первым по времени возникновения в Киевской Руси было княжеское землевладение и хозяйство, а затем по его образцу конструируется боярское и монастырское землевладение. Рубинштейн не видел принципиальных отличий древнерусской боярщины-сеньории от западноевропейской XI-ХП вв., когда на Западе был расцвет сеньориально-городского строя.

В период оживленных дискуссий о характере общественного строя Древнерусского государства в конце 20-х-30-е гг. категория вотчины способствовала формированию понимания общности исторического развития Руси и Западной Европы. В 1929 г. молодым Л.В.Черепниным была написана в качестве кандидатской диссертации и только в 1940 г. частично опубликована интересная работа об иерархической структуре земельной собственности Московской митрополичьей кафедры в XIV-XVI вв., с учетом ее обширного

административно-хозяйственного и военного аппарата и приписной системы дочерних филиалов в десятках уездов страны. В ней также широко применялся сравнительно-исторический метод при изучении явлений и институтов русского и западноевропейского феодализма, что позволило установить их принципиальное сходство, в том числе и на уровне сопоставления близких по типу источников (митрополичьей копийной книги и западноевропейских картуляриев). Речь шла о служебно-вассальных и прекарно-бенефициальных отношениях в поземельной сфере между митрополией и многочисленным составом ее слуг, бояр, вкладчиков, других контрагентов по земельным сделкам, с одной стороны, и с системой патронируемых филиалов, с другой [7].

Исследованиями Б.Д.Грекова 1930-1950-х гг., выполненными в рамках марксистско-ленинской методологии и многократно переизданными, была по существу обоснована и закреплена "вотчинная теория" генезиса и развития феодализма в России. В рамках этого подхода с традиционным признанием вотчины как наиболее адекватной феодализму формы частной собственности, противопоставлением вотчины и общины как антагонистов в историческом процессе (особенно в период генезиса феодализма) в те же десятилетия формируется целое направление отечественных историков, возглавленное учеником Б.Д.Грекова И.И.Смирновым. Этот ученый рассматривал общинную собственность на землю как предшественницу и источник образования частной собственности. Наиболее же адекватным воплощением последней при феодализме и его основной ячейкой является вотчина-сеньория. От Грекова у Смирнова шло представление о сложении в пределах XI в. феодальной вотчины. Содержание процесса генезиса феодализма заключается (IX-XI вв.) в постепенном поглощении вотчиной свободной крестьянской общины. В ХП-ХШ вв. рост феодальной земельной собственности за счет экспроприации феодалами общинных крестьянских земель продолжается, он сопровождается острой классовой борьбой. В ходе феодализации И.И.Смирнов выделял две стороны - земельную и крестьянскую. Содержание первой он видел в превращении общинных земель в феодальные владения, а второй - в превращении крестьян из свободных общинников, обрабатывающих собственную землю в феодально-зависимых, возделывающих землю феодала. Идеи И.И.Смирнова получили затем воплощение и развитие в содержательных, регионально и тематически разноплановых исследованиях А.И.Копанева, Г.Е.Кочина, Ю.Г.Алексеева, Н.Е.Носова, И.Я.Фроянова и др. В некоторых из них также широко привлекался актовый материал ХУ-XVI вв. по центральным уездам Руси (Переславскому, Костромскому) из архива Троице-Сергиева монастыря [9]. Наиболее плодотворной идеей этого круга ученых нам представляется мысль о длительном вызревании феодальных отношений в древней и средневековой Руси, пристальное изучение общественного строя славян догосударственной стадии развития, необходимость учета региональных особенностей процесса феодализации, завершение которого относится лишь в ХУ-XVI вв., конкретно-исторические наблюдения над разным объемом владельческих прав на землю у крестьян в разных регионах, мысль об альтернативности исторического развития России *(с* XVI в.)

В работах Л.В.Черепнина 50-х гг. обозначился новый теоретический подход в понимании общего развития русского феодализма, импульсом для которого послужило внутринаучное влияние. Дело в том, что в 1946-1948 гг. вышла капитальная монография Н.М.Дружинина "Государственные крестьяне и реформа гр.Н.Д.Киселева", в которой на огромном конкретно-историческом материале ХУШ - первой половины XIX в. была предложена концепция государственного феодализма в России. У Дружинина было два отправных теоретических положения: 1) высказывание В.И.Ленина о том, что "в крестьянской реформе оболочка феодализма (и помещичьего феодализма и "государственного феодализма", о котором вслед за Плехановым говорил в Стокгольме Мартынов) очень сильна"; 2) высказывание К.Маркса в "Капитале" о таких "чистых" формах,

когда непосредственным производителям противостоят не частные собственники, а государство как верховный собственник земли и вместе с тем суверен, и при этом рента и налог совпадают [10].

По мнению Н.М.Дружинина, при теоретическом анализе одной и той же стадии развития феодальной формации В.И.Ленин усматривал “чистый” тип “государственного феодализма” и элементы “государственного феодализма” в менее “чистой” форме. Под “чистым типом” “государственного феодализма” В.И.Ленин разумел в конкретно-историческом плане систему феодальных отношений, сложившуюся на землях, занятых государственными крестьянами. В своем труде Н.М.Дружинин писал о феодальном государстве как монопольном земельном собственнике. Государственные крестьяне - держатели казенной земли были обязаны платить государству феодальную ренту в форме оброчных денег и натуральных взиманий. Под несомненным влиянием труда Дружинина Л.В.Черепнин начал выяснять генезис данного явления, обратившись к более раннему периоду. В рамках дискуссии о земельной собственности при феодализме Л.В.Черепнин выступил в 1953 г. со статьей, в которой впервые выдвигался тезис о верховной государственной собственности на крестьянские общинные земли в IX-XI вв. как разновидности собственности феодальной, реализуемой через систему эксплуатации в виде ренты-налога. Уже в этой статье можно усмотреть новизну взгляда Черепнина в том, что он попытался отойти от традиционного понимания феодальной собственности как сугубо частной, хотя и признавал ее развитие в IX-XI вв. вместе с государственной формой. Весьма плодотворной была попытка ученого вписать эволюцию форм собственности в общую периодизацию феодальной эпохи в России, а может быть, выстроить эту периодизацию на основе изменения форм собственности. С начала ХП в. и до конца ХУ в. укрепляется вотчина-сеньория с иммунитетом как одним из средств внеэкономического принуждения над крестьянством [11].

В следующей по времени статье Л.В.Черепнина, 1956 г., тезис о верховной государственной собственности был подробно разработан применительно к X-XIV вв. и разным русским княжествам и землям. Начальная грань в становлении государственной верховной собственности была отнесена Л.В.Черепниным к X- первой половине XI в., то есть к периоду, когда в источниках нет еще прямых указаний на существование вотчины-сеньории. Развитие государственной собственности и государственных форм эксплуатации по времени опережало зарождение частной собственности и вотчины-сеньории. Феодализм на Руси не может быть исчерпывающе описан и понят только в рамках своих классических, вотчинно-сеньориальных проявлений, пересмотр традиционного представления о том, что лишь наличие частных форм крупной земельной собственности (наряду с другими признаками) может быть показателем феодального качества поземельных отношений и аграрного строя в целом - вот в чем новизна предложенного Черепниным подхода. Корни собственнических отношений он стал искать не в сфере потребления и распоряжения землей как таковой, а в сфере распоряжения продуктами труда, произведенными на земле, в сфере их присвоения и осуществления властных, организационно-распорядительных функций княжеской власти [12].

Говоря о преобладании в Древней Руси верховной государственной собственности, Л.В.Черепнин “отодвинул” начало становления крупной вотчины на более поздний хронологический рубеж - от IX в., как считал Б.Д.Греков, ко второй половине XI -ХП в. Помимо Черепнина, с пересмотром точки зрения Грекова о существовании уже в 1X-X вв. вотчинной собственности на землю в советской историографии 60-70-х гг. выступили Л.В.Данилова, Я.Н.Щапов (на материале церкви), А.Л.Шапиро, В.Л.Янин, И.Я.Фроянов, расходясь лишь в оценках ее масштабности в древнерусское время и оценке дальнейших этапов развития . Идея Л..В.Черепнина о первичности появления и роли государственной

собственности в период генезиса феодализма была воспринята рядом ученых. Одни вслед за Черепниным тоже стали говорить о верховной собственности государства на землю (М.Б.Свердлов), другие - о верховной собственности князя (О.М.Рапов, Ю.А.Кизилов), третьи - о собственности господствующего класса в лице князя (Я.Н.Щапов), четвертые - о государственно-боярской корпоративной собственности (В.Л.Янин), пятые - о корпоративной собственности военно-дружинной знати (А.А.Горский) [13].

В 1972 г. в коллективной монографии А.П.Новосельцева, В.Т.Пашуто и Л.В.Черепнина был предпринят синхро-стадиальный подход к исследованию генезиса феодализма в разных регионах - Закавказье, Средней Азии, Руси и Прибалтике. Авторами был предложен единый критерий для типологизации феодализма в разных странах и регионах - это эволюция и соотношение частных и государственных форм собственности. В написанном Л. В. Черепниным разделе по Руси IX-XV вв. “окняжение земли” рассматривалось как один из основных путей феодализации через распространение на население организационных, административно-судебных и налоговых прерогатив со стороны княжеско-дружинной корпорации (княжеского суда и даней). Реализацией же этой ранней собственности стало взимание ренты-налоги[4]. Верховная собственность на землю

преобладала на раннем этапе формирования феодализма, а в ХП-XV вв. растет и ширится вотчинная собственность - показатель более зрелых феодальных отношений. Вслед за Грековым Черепнин использовал термины “боярщина-сеньория”, “монастырщина-сеньория”, на основании которых покоятся такие характерные черты феодализма, как правовой режим сеньории, иммунитет, система вассальных связей, феодальная иерархия [15].

Тезис Черепнина о совпадении ренты-налога в Древней Руси (IX-ХП вв.) и на черносошных землях в Х1У-ХУ вв. вызвал возражения И.И.Смирнова, А.Л.Шапиро и Л.В.Ланиловой. Названные авторы подчеркивали, что во всей совокупности государственных поборов и платежей следует вычленять: 1) те, что имеют в своей основе осуществление публично-правовых прерогатив верховной власти, то есть ее верховный суверенитет, а не рентно-налоговую природу, основу и 2) те, что имеют рентную природу, реализацию прав собственности. И.И.Смирнов высказывал мнение о титульной собственности великого князя на черносошные земли, в соответствии с которой собираемая с них дань феодальной рентой не являлась. Л.В.Данилова вообще не видит в Древней Руси государственной земельной собственности. Здесь был только верховный суверенитет княжеской власти. В ряде работ 1976 и 1978 гг., вышедших в соавторстве Л.В.Черепнина, В.Т.Пашуто и В.Д.Назарова, было отмечено, что наличие рентной стороны в системе государственных налогов и повинностей не исключает тех явлений фиска, которые связаны с публично-правовыми прерогативами феодального государства [16].

Исследуя вотчинное право на Руси в Х1У-ХУ вв., Л.В.Черепнин отмечал разнообразие форм земельного оборота, отразившихся в разветвленной документации, что свидетельствовало о развитом гражданском праве. Существовали и переплетались в борении две противоположных тенденции: одна - к наиболее полному развитию собственности на землю, другая - к охране кастовых, фамильных интересов отдельных семей, затруднявшая межфеодальную земельную мобилизацию. Л.В.Черепнин писал, что вряд ли правомерно говорить о вотчине в средневековой Руси как о полной собственности на землю. Ряд ограничений на вотчинное право землевладельцев накладывал расчлененный характер феодальной земельной собственности, в силу которого над вотчинным землевладельцем стояла верховная собственность князя. Доказательность рассуждений ученого подкрепляется приведением свидетельств поземельных актов, в частности, о совершении земельных сделок “с доклада великому князю”.

Л.В.Черепнин предложил оригинальный взгляд на вотчину и поместье как на два варианта одного явления - расчлененной формы феодальной собственности. Для феодальной

раздробленности была типична иерархия, Основанная на наличии привилегированых вотчин-сеньорий в отдельных княжествах Поместная же система отражает новый вид иерархической структуры земельной собственности, соответствющий централизованному государству. Формированию поместной системы в общерусском масштабе исторически предшествовало распространение вотчин жалованных, практика пожалования земли в куплю, другие признаки и черты условности вотчинного землевладения [17]. Эти интересные и глубокие наблюдения Л.В.Черепнина в конце 70-х - 80-е гг. будут продолжены и развиты в трудах его учеников А.М.Сахарова и В.Д.Назарова по теоретическим и конкретным проблемам феодальной земельной собственности.

О роли политических рычагов в первоначальном процессе феодализации, кроме Л.В.Черепнина, в 50-е годы размышляли и другие исследователи. Н.Н.Покровский в работе, написанной в 1956 г., а изданной только в 1973 г., также отмечал, что основным (но не единственным) путем феодализации черных земель на Севере было увеличение власти великого князя на эти земли, шедшее как по линии присвоения великим князем монопольного права по распоряжению черными землями, так и по линии усиления податного обложения.

В 60-70-е гг. плодотворное влияние на разработку проблем ранней феодальной собственности "русистами" оказали работы советских востоковедов, в частности используемая в их исследованиях категория "власти-собственности". Китаевед Л.С.Васильев писал, что структурообразующими отношениями в обществе с несложившейся еще частной собственностью являлись такие, в основе которых лежала объективная потребность в управлении разрастающегося и усложняющегося коллектива. Феномен власти-собственности в этих условиях был структурообразующим элементом, определявшим общий облик, основные параметры и функции разных структур. В ранних обществах главенствующая роль принадлежала административно-политической, организаторско-управленческой функции. В феномене власти-собственности были нерасчлененно слиты в своей первозданной цельности административно-политические, социальные, экономические, военные, религиозные и иные стороны. При таком подходе собственность выступает как следствие власти, как ее право на ресурсы общества, включая землю и труд людей. Л.Б.Алаев отмечает, что понятие "владеть" и "управлять" в нерасчлененом единстве выступает в развитии древних и средневековых обществ Востока

В работах не только востоковедов, но и медиевистов (А.Я.Гуревич) в 70-е гг. был обозначен отход от тезиса о структурообразующей роли частной собственности в ранних обществах, вышедших из недр первобытности. Ранний аллод, как считает А.Я.Гуревич, еще не подлежал свободному отчуждению и не превратился в частную собственность. Для понимания природы собственности на землю в средние века неприемлемы чисто вещные, экономические категории. К поземельным отношениям феодалов и крестьян больше подходят понятия "власть", "присвоение", "владение". По мере возрастания экономических факторов развития личный аспект социальных связей, столь характерный для средневековья, отступает на задний план, соответственно меняется и само содержание феодальной собственности, которая все более освобождается от публичноправовых качеств, переходящих теперь к агентам короны (А.Я.Гуревич, М.А.Барг)[20].

На 1-м этапе развитого феодализма (в Западной Европе XI-ХШ вв., на Руси ХП-ХУ вв.) зрелость феодальных отношений единодушно связывалась исследователями с расцветом частной собственности на землю, иными словами вотчинно-сеньориальных форм собственности. Отсюда и шло определение стран, в которых она более полно была представлена, как стран "классического феодализма" (Англия, Франция). Е.В.Гутнова и З.В.Удальцова относили к числу важнейших типологических критериев феодализма в Западной Европе господство крупного частного землевладения вотчинного типа (при

отсутствии или относительной слабости государственной собственности). Этим был обусловлен и преимущественно частновладельческий (негосударственный) характер эксплуатации крестьян в форме получения с них ренты с помощью частновладельческих средств внеэкономического принуждения. Не случайно М.А.Барг 1-й этап зрелого феодализма называет “домениальным”, в котором господствует барщинная система благодаря институту серважа над подданными сеньории[21]. Говоря о сближении византийского типа развития с западноевропейским на позднефеодальном этапе (в Х1У-ХУ вв.), З.В.Удальцова отмечала сокращение размеров публичноправовой (государственной) ренты и расширение сферы частноправовой эксплуатации, частноправовой ренты[22]. В работах М.А.Барга и Ю.Л.Бессмертного было подчеркнуто значение государственной эксплуатации крестьян в странах Центральной и Восточной Европы на втором этапе зрелого (развитого) феодализма (конец ХУ - середина XVII в.). В этом регионе крепостнические тенденции фактически определили собой завершающий этап зрелого феодализма, подавляя или оттесняя на второй план прогрессивные формы перестройки крестьянско-сеньориальных отношений. Распространение в общегосударственном масштабе форм крепостного права способствовало усилению сеньории как организации по извлечению феодальной ренты. М.А.Барг и Ю.Л.Бессмертный считают, что в указанное время не только в странах Центральной и Восточной, но и Западной Европы был налицо рост государственных налогов, усиление вмешательства государства в сферу крестьянско-сеньориальных отношений. Но определяющую черту в развитии западноевропейской сеньории на втором этапе зрелого феодализма М.А.Барг видит в изменении вотчинной структуры, сокращении и ликвидации домениального хозяйства, в абсолютном преобладании и решающем значении мелкого крестьянского хозяйства, эксплуатируемого в системе денежной ренты [23].

П.В.Советов в своих содержательных в теоретическом, конкретно- и сравнительно историческом плане исследованиях по молдавскому феодализму 70-80-х гг. развил идеи Н.М.Дружинина и Л.В.Черепнина. Само соотношение государственной и сеньориальной разновидностей феодальной собственности ученый рассматривал как важнейший критерий типологизации феодальных обществ на разных этапах развития феодализма. П.В.Советов писал, что в раннефеодальной Молдавии, в отличие от Древней Руси, в ходе “окняжения” (до ХУ в.) сеньориальные и государственные элементы были нерасчлененными. Сочетая в себе первоначально, при формировании, элементы государственных и сеньориальных t отношений собственности, господарское землевладение все больше в дальнейшем принимало характер государственной собственности и эксплуатации. Оно представляло собой своеобразное проявление первой разновидности “государственного феодализма”, когда реализация собственности носит государственно-корпоративный характер - в ней выделяется ведущая рентная сторона, наряду с проявлением публично-правовых прерогатив государства. В последующее время в Молдавии углубление сеньориально-вотчинных форм собственности и эксплуатации не успевает достичь того кульминационного уровня в развитии сеньориально-вотчинного строя, который был характерен для этой фазы развитого феодализма в большинстве стран (от Западной Европы до России). Установление османского ига в Молдавии постепенно приводит к консервации, а затем в XVII - середине ХУШ в. и вовсе значительно ущемляет и ослабляет сеньориально-вотчинную собственность и эксплуатацию за счет огромного наслоения феодально-государственной эксплуатации поверх систематически подвергнутой ограничению частновотчинной. Если в Западной Европе отмеченное наслоение было проявлением новой волны роста феодально-государственной эксплуатации в связи с наступлением более высокой фазы развитого и началом позднего феодализма (на этот раз государственно-централизованной эксплуатации, то в Молдавии оно имело иные предпосылки и иной характер. Вызывалось оно не внутренним стадиальным развитием молдавского феодального общества, а являлось результатом воздействия мощного

внешнего фактора - османского ига. В итоге П.В.Советов отмечает типологический сдвиг “по горизонтали” - изменение форм феодализма за счет его передвижения по типологическому ряду “государственного феодализма” в условиях консервации стадиального уровня формации [4].

В ряде работ историков западноевропейского и русского средневековья в 80-е гг. был сформулирован и развит новый теоретический подход к пониманию самой природы государственной и сеньориальной собственности как органической, диалектической взаимосвязи, ваимопрониновениию двух вариантов, двух видоизменений единой по сути и сложной по строению феодальной земельной собственности. Ю.Л. Бессмертный в конкретно-историческом плане сравнил структуру собственнических отношений и эксплуатации в аллодиальных округах Франции XIV-XV вв. и на черных землях Руси XIV-XV вв., где Управление строилось в форме кормлений. Фигуры королевских агентов прево и бальи в принципе тождественны русским кормленщикам (наместникам, волостелям, доводчикам и пр.). И аллодиальные округа, и черные волости на Руси в принципе могут быть определены, считает Бессмертный, как рентный фьеф, “должностная сеньория”. Своей материальной основой они имели не землю как таковую, но доходы с земли и ее владельцев. В структуре собственнических отношений кормленщика с государственными крестьянами несомненно t присутствовал сеньориальный элемент. В количественном отношении этот последний мог составлять в эксплуатации крестьян весьма весомую часть, поэтому нельзя пренебрегать ролью этого элемента в данном варианте собственнических отношений. Государственные и сеньориальные элементы эксплуатации реализовывались в сочленении, следовательно. государственную и сеньориальную собственность трудно считать вполне самостоятельными структурными образованиями [25].

Теоретические положения, предложенные Ю.Л.Бессмертным, были развернуты применительно к истории Руси конца ХП - середины XVII в. при анализе конкретных форм собственности в соответствующем разделе 2-го тома “Истории крестьянства в Европе”, написанном В.Д.Назаровым. Исследователь определяет кормления того времени как государственно-корпоративную форму собственности, ряд признаков которой может быть действительно уподоблен сеньориально-вотчинным порядкам. Наместники и волостели по отношению к управляемому ими населению обладали не только публичноправовыми, но и частнохозяйственными прерогативами. Сбор натуральных кормов осуществлялся ими с помощью собственного аппарата послужильцев-министериалов. В пользу самих наместников отбывались повинности отработочного типа. Право на получение кормлений могло быть наследственным, а время пребывания на одном и том же кормлении могло быть длительным. Управляемые кормленщиком территории и его собственные вотчины нередко соседствовали. Злоупотребления кормленщиков сеньориального толка также бывали нередкими и т.д. И хотя типологически система кормлений как государственно-корпоративная собственность свойственна, как правило, генезису феодализма и раннефеодальному государству, в России по ряду признаков (охват всех сфер административного, судебного, финансового и т.п. управления, чрезвычайная дробность кормлений, распространение на весь или большую часть господствующего класса, не только реальный, но и формальный отрыв выплат кормленщикам от исполнения ими своих функций, методы их действия т.п.) она соотносится с явлениями развитого феодального общества[26].

По мнению В.Д.Назарова, степень зрелости феодальных отношений может измеряться не только масштабом распространения сеньориальной формы собственности, но и характером эволюции ее государственной формы - от корпоративной к централизованной. Лишь совокупностью видов, видоизменений, сочленений (понятых и количественно и как особое качество) форм собственности - государственной и сеньоральной - может быть описана сложная структура отношений собственности, которая характеризуется феодальным

качеством. В этом автор видит один из путей построения типологических вариантов феодальных обществ с учетом динамики их развития. Ни одна из существующих концепций государственной феодальной собственности пока еще не реализована в наук системно на методологическом и конкретном уровне в рамках всего феодального периода истории России. Феодальная собственность, понимаемая как органическое видоизменение двух форм - государственной и сеньориальной - дает основание, как предполагает В.Д.Назаров, для многомерного анализа ее временной эволюции. Каждая из них может быть признана как "инобытие", скорее всего стадиально более позднее, категории "власть-собственность", а хронологически описана множеством конкретных типов в противоречивом их сближении-расхождении с противостоящей формой. Следует отказаться от перенесения на феодальный строй содержательного плана категории "частная собственность" (прежде всего на землю) буржуазного общества. Частнофеодальная собственность по буржуазным меркам всегда не до конца частная, она заведомо обременена чертами, элементами, связями не частного, а публичного свойства. В ней всегда присутствует нечто от собственности групповой, сословно-корпоративной, государственно-корпоративной. Политические отношения, связи, институты не выделены резко и отчетливо при феодализме, не отдифференцированы из экономической сферы. Аналогичным образом даже позднефеодальное общество не вычленяет последовательно политические отношения, связи, институты их экономической сферы. Эта недифференцированность куда значительнее в более ранние периоды - обстоятельство весьма существенное во многих отношениях .

Плодотворная мысль Ю.Л.Бессмертного получила развитие и в том разделе новейшей монографии Е.Н.Швейковской, где анализируется природа воеводской власти ("Воевода - сеньор для черных крестьян ?"). В городах Севера, управляемых воеводами, в XVП в. как обычноправовая норма существовали порядки воеводского праздничного кормления. Размеры кормов, взимаемых членами воеводской администрации обычно натурой, были ранжированными в зависимости от занимаемого места в иерархии. Имели место и отработки крестьян на воевод частнохозяйственного характера. Не только воеводы и их родственники, дворня, штат приказной избы, но и приезжавшие сюда с поручениями государственные чиновники получали содержание от крестьян и посадских людей. Таким образом, в воеводских праздничных кормлениях вполне правомерно усматривать проявление сеньориальных элементов единой в своей сути феодальной собственности, пишет Е.Н.Швейковская. Исследовательница показала также, как формулы крестьянских челобитных ("твой государев крестьянин") были пронизаны личностным отношением, а в определении принадлежности земли ("искони вечные государевы земли") был сеньориальный оттенок.

Таким образом, познавательные возможности предложенного Ю.Л.Бессмертным теоретического подхода к исследованию отношений собственности и эксплуатации на государственных и вотчинно-сеньориальных землях представляются очень широкими. Для предпринимаемого в данной работе конкретного анализа огромной по масштабу корпоративной монастырской собственности, вотчины-сеньории с сильно выраженным феодальным властвованием над массой зависимого крестьянства и большим административно-хозяйственным аппаратом значение приведенных выше наблюдений Бессмертного и других исследователей весьма велико в плане всякого рода стадиальных, региональных и сравнительно-исторических интерпретаций.

По мнению Л.В.Даниловой, в средневековой Руси в условиях опережающего развития политической надстройки крупное землевладение не получило столь всеобъемлющего развития, как в странах классического феодализма. Вотчина на Руси далеко не стала полным аналогом французской сеньории или английского манора. На стадии ранней вотчины не столько земельное богатство вело к власти, сколько власть обеспечивала обладание землей и

другим богатством. К XVI в. сложилась более зрелая вотчина с четко очерченными границами и стабильным зависимым населением [30].

Последнюю по времени теоретическую разработку проблем феодальной собственности в России находим в ряде статей и новейшей монографии Л.В.Милова. Автор считает, что аллодиальное владение как исторически значимое явление в Древней Руси не состоялось. Феодализация у нас характеризовалась не разложением общины, не скупкой аллодов боярами и не захватом общинных земель, а генезисом господствующего класса. Окняжение или обояривание общин происходило путем насильственного внедрения режима феодальной ренты, подчиняющего общину всю, “in corpore” власти феодалов (князей, бояр, монастырей). Общину Л.В.Милов считает главным препятствием на пути утверждения феодализма на Руси и этим объясняет феноменально медленное развитие до конца **XVI** в. полевой крестьянской барщины. Это было связано с бессилием феодалов преодолеть общинные традиции землевладения и землепользования. В межклассовом плане и конкретно-историческом развертывании соотношение категорий “владение” и “собственность” было подвижным, не столь строгим, как оно представляется в теории.

Владение землей феодально-зависимого крестьянства в зависимости от стадии развития феодальных отношений, степени и форм эксплуатации, степени личной несвободы может сближаться с фактической собственностью на землю, неполной собственностью, но может быть идентично и понятию простого пользования. В межфеодальном плане понятие собственности на землю (Л.В.Милов считает, как и ряд других ученых, не может трактоваться как полная собственность, то есть частная собственность в буржуазном смысле (даже в идеальных для эксплуатациии условиях крепостничества). При всей полноте присвоения земли посредством эксплуатации крестьян и получения ренты собственность феодала на землю исторически ограничена.

Автор развивает взгляд на вотчину как на сложную антагонистически-патрональную систему производства в неблагоприятных природно-климатических условиях России. По мере преодоления первоначальной стадии развития рентных отношений в вотчине типа кормлений возникают крестьянские переходы как следствие сопротивления общины процессу становления вотчины, полноправной ячейки феодального общественного производства. Община и режим крепостничества в России являлись компенсационными механизмами выживания социума, заложенными в самой его социальной и политической структуре.

Л.В.Милов считает, что в XVI - XVII в. масштаб церковно-монастырского земле-и душевладения в России был гипертрофированно велик. С отмеченной гипертрофированностью был связан воплощаемый в церкви синкретизм социокультурных, религиозных, идеологических функций. Такая роль уготована ей именно в обществе с низким уровнем совокупного прибавочного продукта[31].

1.2. Проблемная историография по тематике диссертации.

Первыми монографическими исследованиями по истории церковно-монастырского землевладения в средневековой Руси можно считать книги В.А.Милютина (1862 г.) и М.М.Горчакова (1871 г.). В них был собран обширный конкретный материал, интерпретация которого давалась преимущественно в формально-юридическом плане. Монография В.А.Милютина была посвящена рассмотрению этапов роста землевладения, вопросов управления вотчинами, положению различных категорий зависимого населения, административно-судебному статусу в государстве всех структурных подразделений русской церкви - митрополичьей и владычных кафедр, больших и малых монастырей, их внутреннему устройству. М.М.Горчаков же свое внимание сосредоточил на истории

землевладения и административно-судебной, хозяйственной системе верхнего звена церковной организации - кафедре русских митрополитов, с конца XVI в. - Патриаршем доме. Его работа отличается широчайшим хронологическим диапазоном и включает даже синодальный период истории русской церкви [2].

В 1868 г. публикацией статьи В.О.Ключевского о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря в Беломорском крае началось, ставшее затем наиболее традиционным изучение социально-экономической истории отдельных русских монастырей [33]. Велось оно в рамках статей и целых монографий. Одной из первых книг, в которой подробно исследовалось монастырское хозяйство, система вотчинного суда и управления, состав служебного аппарата, крестьянские повинности была изданная в 1888 г. работа А.П.Доброклонского по Рязанскому Солотчинскому монастырю в XVII в. Интересная статья была издана В.Н.Сторожевым в 1894 г. В ней рассматривалось развитие хозяйств костромских Ипатьева и Богоявленского монастырей в середине XVII в., дополненное публикацией делопроизводственной документации.

В 1890-е гг. увидели свет специальные монографии, посвященные истории крупнейших русских монастырей - Троице-Сергиева (в 1892 г., к 500-летию кончины преп. Сергия Радонежского - книга профессора Московской Духовной академии Е.Е.Голубинского) и Кирилло-Белозерского (в 1897 г., к 500-летию его основания - книга Н.К.Никольского). Наряду с обстоятельным показом церковно-политической истории этих корпораций, в названных книгах рассматривалась и вопросы их землевладения, управления огромными по масштабу вотчинными владениями, состава административно-хозяйственного аппарата и т.п. [5] К началу XX в. вышли и некоторые другие работы, посвященные вотчинному быту отдельных монастырей вроде статьи Л.Л.Воронцовой о Серпуховском Высоцком монастыре XVII-ХУШ вв. В историографии того времени они рассматривались еще как редкие по жанру, и в 1909 г. в рецензии на книгу Ю.В.Готье М.А.Дьяконов писал, что у нас пока недостаточно хорошо обработана история поземельных владений отдельных монастырей [37]. И все же несомненным итогом первого этапа изучения землевладения и хозяйства крупной церковно-монастырской вотчины в русской историографии стала капитальная монография Б.Д.Грекова, 1-ый том которой вышел в 1914 г. и краткий разбор которой был дан выше.

В дореволюционный период почти одновременно с изучением монастырского землевладения и хозяйства началось обстоятельное исследование и крупных светских вотчин с точки зрения их экономической организации, управления, состава крестьянских повинностей, положения зависимого населения и т.д. Серию исследований на эту тему, продолженную уже в советское время, открыла ставшая ныне классической статья знаменитого историка Москвы И.Е.Забелина “Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве” . Важно отметить, что обе части статьи И.Е.Забелина были написаны на обширном архивном материале, опубликованном лишь в 1930-е гг. Забелин одним из первых дал яркую картину организации крупной светской вотчины, вотчинного управления и эксплуатации. Как пишет Н.Л.Рубинштейн, в исследовании этих вопросов Забелиным причудливо переплетались два типовых ряда - вотчинно-господарского и земско-народного быта. На первый план Забелин выводил государственное начало вотчины, владелец которой как государь осуществлял свою власть над народом с помощью вотчинно-приказной службы и суда. Как один из конституирующих элементов вотчины рассматривалась Забелиным крепость крестьян по земле. Закрепощение крестьян выводилось им из вотчинного строя [38].

В более обобщенном теоретическом плане проблема вотчинного строя и происхождения на его основе крепостного права была разработана в исследованиях М.А.Дьяконова, П.И.Беляева. С.Б.Веселовского, А.Е.Преснякова, изданных в 1900-1920-е гг. М.А.Дьяконов считал, что право судить население своих имений и взимать с него подати

(само по себе весьма близкое к европейскому иммунитету) вошло готовым элементом в состав крепостного права [39]. П.И.Беляев вслед за В.О.Ключевским обратился к вопросу об обычном сеньориальном и крестьянском праве, на основе которого регулировались внутривотчинные отношения. Он называл сеньории “ячейками крепостного права”. Землевладелец являлся “государем села”. В такой сеньории развивалось свое обычное право, на которое ссылались живущие в территории, они добивались признания этого обычая. Обычное право сеньории - это ее “Magna charta", этому праву подчиняется крестьянин и его не должен престVIIать сеньор. Крестьянская крепость означала собою принадлежность земледельца к составу населения территориальной единицы, где государем был землевладелец. Крестьянин был прикреплен не к земле и не к господину, а к сеньории, так же, как подданный к своему государю.

С.Б.Веселовский считал, что и в Западной Европе, и в России сеньориальный, или вотчинный режим образовывал основу, на которой развивались крепостные отношения [41]. А.Е.Пресняков в развернутой рецензии-исследовании на книгу Веселовского о вотчинном режиме соглашался с его положением о том, что крепостничесие отношения вырастали на почве вотчинного режима [42]. Более подробный анализ взглядов названных и других авторов дан в статьях С.М.Каштанова об историографии крепостного права в России [43]. В советской историографии эта линия выведения крепостного права из вотчины-сеньории будет несколько отодвинута на второй план. Первостепенными станут сугубо социально-экономические предпосылки закрепощения. Об этом речь пойдет у нас ниже.

Параллельно с изучением светской и церковно-монастырской вотчины (как формы землевладения и как хозяйственной организации) в отечественной медиевистике и историографии раннего нового времени (в дореволюционный и в советский период) использовался метод, названный А. Н. Савиным “индивидуальной экономической биографии”. Специалисты (А.Н.Савин, Е. А. Косминский, В.М.Лавровский, позднее М. А. Барг, Ю. Р. Ульянов), также изучали хозяйственный строй, систему управления, рентные отношения, положение крестьянства в вотчинах-сеньориях, по-английски манорах, европейских стран (прежде всего именно Англии). Ряд статей Савина был опубликован в сборниках по русской истории, рядом с работами русистов, и это тоже способствовало развитию тематики и методики научных исследований в отмеченном направлении. Не можем не привести здесь глубоко не формальное, не академическое завершение А.Н.Савиным одной своей статьи: “...Наши источники обрываются на 1686 году. С сожалением расстаемся с землями и людьми, с которыми после долгих подсчетов свыкаешься, точно добросовестный приказчик. Впрочем, утешение легко найти в других манорах, которые своими описями манят к себе терпеливого счетчика” .

В словах Савина передан момент “вживления” историка в изучаемый им источник, даже такой сверхтрудоемкий, как поземельный кадастр, будь то русский или английский. В этой связи заметим, что именно разнообразные материалы поземельных описаний и служили основным источником для разработки социально-экономической истории церковно-монастырских и светских вотчин, взятых в отдельности либо в пределах определенного региона.

Наконец, церковно-монастырское землевладение и хозяйство рассматривалось в дореволюционной литературе и в рамках общих работ по социально-экономической и внутриполитической истории России XVI-XVII вв.(И.Д.Беляев, С.В.Рождественский, Н.А.Рожков, А.С.Лаппо-Данилевский, Ю.В.Готье, Е.Д.Сташевский, С.Б.Веселовский, который, сложившись как ученый до 1917 г., в дальнейшем практически не менял своих теоретических взглядов). В их работах были проанализированы различные факторы эволюции вотчинной системы в России ХУ-XVII вв. - правовые, религиозные, денежные, демографические. Учитывалась и общая ограничительная направленность земельной

политики московской великокняжеской, а с 1547 г. - царской власти и в то же время ее непоследовательность по отношению как к светскому, так и монастырскому вотчинному землевладению.

И.Д.Беляев писал о том, что монастырские вотчины принадлежали монашеской общине и не составляли частной собственности ее членов, поэтому они постоянно оставались за монастырем и не переходили к родичам иноков. Автор выделял следующие виды монастырских вотчин - "изстаринные" (считая таковыми уступленные государством при построении монастыря); жалованные (подаренные от князя); вкладные (пожертвованные от частных лиц); купленные, вымененные, закладные. Со времени Ивана 1У вотчинное право монастырей стало ограничиваться (ссылки на уложения 1551 и 1572 гг.), что вызывалось огромной растратой вотчинных земель в служилом классе и частично, как считает Беляев, злоупотреблениями со стороны монастырей [45].

С.В.Рождественский считал монастыри главной движущей силой в разрушении крупного вотчинного землевладения в Северо-Восточной Руси. Разрушению этому способствовали следующие факторы: постоянное дробление вотчин между наследниками; 2) непрерывная отдача родовых вотчин на помин души монастырям; 3) непрерывное развитие долговых отношений земельной аристократии; 4) общая ненормальность экономической жизни в стране. Рождественский рассматривал историю вотчинного землевладения в тесной связи с историей крупных и многочисленных княжеских ветвей - Белозерских, Ярославских, Судских, Кубенских и др. князей. Автор отмечал усиление служебного начала в развитии княжеского землевладения в ХУI в., сильную разбросанность княжеских владений по всей территории государства, тесную зависимость землевладельческой судьбы княжеского сословия от его служебной карьеры в Московском государстве. Используя в своих интересах процесс разрушения княжеского вотчинновладения, монастыри, считал Рождественский, стали самым чистым типом землевладельца и капиталиста в России XV-XVI вв.

Анализируя правительственную политику в отношении монастырского землевладения, Рождественский отмечал, что правительство было больше обеспокоено самим фактом перехода громадного количества служилых земель в собственность духовенства и меньше внимания обращало на связанный с этим переходом обычай пожизненного владения своей землей монастырскими вкладчиками. Рождественский называл его "порядком земельных вкладов в монастыри". Благодаря ему, как справедливо пишет Л.И.Ивина при анализе взглядов Рождественского, осуществлялась связь между монастырским и светским вотчинным землевладением, монастырем и обществом. Таким образом, в капитальной монографии Рождественского и его содержательных статьях акцент делался на выявлении общих черт светского и церковно-монастырского землевладения. Этот ученый первым подробно изучил взаимоотношения монастырей со светскими феодалами [46]. Эти наблюдения чрезвычайно важны для исследования истории землевладения как раз Троице-Сергиева монастыря в ХУ-XVII вв., поскольку ее отличала такая черта, как постоянное предоставление монастырских вотчин в различные формы держаний (по времени и по условиям) светским вкладчикам и другим контрагентам по земельным сделкам (см.гл.3).

Земельная политика государства по ограничению роста монастырского землевладения, по мнению Рождественского, была нерешительна и осторожна: оно не посмело посягнуть на принцип неотчуждаемости вотчин, данных духовным учреждениям на вечное поминовение. Кроме того, реализация проводимого правительством принципа замены земельных вкладов в монастыри денежными затруднялась недостатком денежных средств в русском обществе и хозяйственным кризисом 1560-1580-х гг. Неоднократное повторение запретительных мер со стороны государства говорит о том, что жизнь (и прежде всего религиозные воззрения людей) оказывала этим мерам сильное противодействие [48].

Взгляды Н.А.Рожкова, писавшего об абсолютной смене натурального хозяйства денежным в России во второй половине XVI в. были характерны для методологии экономического материализма с его отождествлением феодализма исключительно с натуральным хозяйством, противопоставляемым товарно-денежному. В контекст этого процесса Рожков и ставил стремительный рост монастырского землевладения (прежде всего Троице-Сергиева монастыря) в ХУ-XVI вв., которое успешно росло именно благодаря наличию у монастырей денежных средств. Правда, рост этот оказался временным, поскольку вотчина вообще, будь то светская или монастырская, по природе своей более адекватна натурально-феодальному периоду. Со сменой типов хозяйства Рожков связывал VIIадок и той и другой, оказавшихся нежизнеспособными в новых условиях, и расширение поместной системы в XVI-XVII вв., в чем проявилось приспособление феодальной собственности к денежному хозяйству . В XVII в. рост монастырских вотчин, как считал Рожков, почти прекратился . Другие мнения на этот счет современников Рожкова, а также советских историков будут приведены ниже.

А.С.Лаппо-Данилевский сравнил наследственное право в отношении родовых и выслуженных вотчин в России XVI-XVII вв. В основе переходов родовых вотчин по наследству лежала мысль о естественной, кровной связи членов рода между собой. Переход этот был столь естественным, что первоначально не нуждался в духовном завещании. По мере освобождения личности от родовых пут шло ее прикрепление к государству, поэтому и наследование стало не только законным способом приобретения родовых вотчин, но и продолжением личности умершего в лице его наследника, поскольку личность эта главным образом определялась в Московской Руси ХУI-XVII вв. ее обязанностями государству.

Вызванная релизиозным чувством передача родовых вотчин в монастыри по духовному завещанию способствовала значительному росту монастырского землевладения. В наследовании же выслуженных вотчин духовное завещание не могло играть столь же значительную роль, к их вкладу в монастыри “по душе”, также вызванному религиозным чувством, государство строже относилось. А.С.Лаппо-Данилевский проследил замену завещательного права наследованием по закону, отразившуюся и на переходе выслуженных вотчин в монастыри “по душе”. Государство допускало их выкуп наследниками у

корпораций и запрещало владеть вотчинами тем, кто уже постригся в монастырь. В ограничении наследственных прав вдов на выслуженные вотчины их умерших мужей при патриархе Филарете (указ 1627 г.) выразился канонический взгляд церкви на женщину, не признававшей ее равноправия с мужчиной Ю.В.Готье считал монастырское землевладение одним из наиболее сильных видов феодального землевладения вообще. Впервые оно было существенно ограничено соборным приговором 1581 г. В научно-популярном очерке, изданном в 1915 г., Готье писал, что указ 1581 г. не имел большого практического значения. В более академической монографии 1906 г. изд. он высказывался осторожнее: “Нам неизвестно, насколько успешно этот приговор осуществлялся на практике в течение 20 лет до смуты” . Готье указывал на три пути образования земельных богатств монастырей - пожалования, вклады и колонизация. Во второй четверти XVII в. монастырское землевладение в России продолжало расти, чему способствовали смягчения в курсе земельной политики внесенные указами 1620 и 1622 г., а также личная практика царя Михаила Федоровича. Во второй половине XVII в. землевладение духовных учреждений, считал Готье, достигло своего высшего развития. В непоколебленном и блестящем состоянии вступили они в ХУШ столетие, в середине которого их ждал коренной перелом [5] .

Е.Д.Сташевский, не останавливаясь подробно на историко-правовых моментах, констатировал, что неподвижность монастырских вотчин была на руку прежде всего самим монастырям. Она обезвреживала вмешательство государства с его попытками отписать у церкви ее земли. В своем обстоятельном исследовании внутренней политики в России во

второй четверти XVII в. Михаила Федоровича Сташевский писал о том, что рост монастырского землевладения в России не был остановлен приговорами ни 1580-х, ни 1620-х гг. По указу 1620 г. владельцы вотчин. Получивших их “за московское осадное сидение при царе Василии”, могли отдавать их в монастыри “до выкупу”. Указ 1622 г., поставивший рост монастырского землевладения под правительственный контроль, был шагом назад по сравнению с указом 1580 г. (Сташевский датирует его 1581 г.), безусловно запрещавшим церкви любые земельные приобретения. В числе корпораций, продолжающих расширять свои вотчины, он называл Троице-Сергиев, Спасо-Ярославский, Нижегородский Печерский монастыри. На основе списков даточных людей времени Смоленской войны (1633/34 г.) - по 1 чел. с 300 четвертей- Е.Д.Сташевский приводит вычисленные им сравнительные размеры монастырского землевладения в России. У Троице-Сергиева монастыря он называет почти 100 тыс. дес., у Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского - примерно одинаково -ок. 24 тыс.дес., у Симонова - 15 тыс., у Ростовского Борисоглебского - ок.13 тыс., у Костромского Ипатьева - 10,5 тыс. Сообщает сведения Сташевский и земельной площади вотчин у некоторых митрополий: Ростовской - ок.17 *тыс. дес* ., Новгородской 14,6 тыс.[53]

Огромный конкретно-фактический материал о монастырском землевладении на Руси (особенно в XIV-XVI вв.) был собран и представлен С.Б.Веселовским в его фундаментальных монографиях и статьях. Как и дореволюционные авторы (прежде всего С.В.Рождественский), Веселовский считал русское наследственное право (равный раздел вотчин между сонаследниками, обязательный выдел земли сестрам в приданое! *Ц* слабость денежного развития (недостаток денег затруднял формирование чисто денежного эквивалента при выделении наследства между сыновьями и сестрами) и религиозные обычаи главным фактором разрушения крупного феодального землевладения. Вскоре после выхода своей основной монографии - “Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси” (1947 г.) автор был обвинен даже в своеобразном мальтузианстве, в чрезмерном преувеличении чисто биологического фактора, а именно размножения феодальных семей в развитии феодальной собственности. Тот же рецензент (а им был И.И.Смирнов) критиковал Веселовского за невнимание к классовой борьбе, институту общины и замыкание истории феодального землевладения в сфере отношений между самими землевладельцами, регулируемой законами “гражданского оборота” [54].

Вместе с тем должной оценки рецензента не получил весьма плодотворный -историко-генеалогический - подход Веселовского к исследованию феодального землевладения, скрупулезное воссоздание им истории вотчин в тесной связи с историей самих феодальных семей (например, Валуевых, Ворониных, Годуновых, Головкиных, Сабуровых, Квашниных и мн.др.) . Подход этот с теми или иными особенностями в дальнейшем будет продолжен и развит разными историками - М .Бычковой, Ю.С.Васильевым, В.Б.Кобриным, А.И.Копаневым, В.Д.Назаровым, А.П.Павловым, С.З.Черновым, В.Л.Яниным и др. Демографический фактор (рост, а нередко и распад феодальных фамилий) в истории землевладения также будет все полнее учитываться (исследования В.Б.Кобрина). Значение историко-генеалогического и демографичкеского принципов в исследовании Веселовским проблем феодального землевладения подчеркивают авторы его научной биографии В.Б.Кобрин и К.А.Аверьянов [55].

В истории роста церковно-монастырского землевладения С.Б.Веселовский особенно выделял вторую половину XVI в. На обширном актовом материале он показал резкие различия в темпах и объемах земельного обогащения монастырей, с одной стороны, и высших церковных иерархов, с другой. На долю первых пришлось более 99 % вновь полученных владений. Веселовский продолжил намеченную еще Рождественским линию исследования монастырского землевладения в тесной связи с историей светской вотчинной системы. Вслед за Рождественским он выявил большое количество фактов пожизненных,

условных и срочных держаний светскими лицами монастырских вотчин, полученных из рук духовных корпораций .

О результатах процесса перехода светских вотчин в монастыри С.Б.Веселовский высказывался в особенно сильных выражениях. Он писал буквально о “катастрофе” служилого землевладения во второй половине XVI в., со всей очевидностью обнаружившейся к началу 1580-х гг. Остановлена она была только соборными приговорами 1580 и 1584 гг. Приговор 1580 г., запретивший церкви земельные приобретения любыми способами, стал, по мнению С.Б.Веселовского, поворотным моментом в истории монастырского землевладения. Приговор 1584 г. стал таким же моментом в истории податных привилегий церкви.

В советской историографии был удержан и количественно расширен интерес к исследованию монастырского землевладения и вотчинного хозяйства, намеченный в научной литературе еще в 1860-1880-е гг. Реализован он был в трех направлениях Во-первых, продолжалось ставшее традиционным изучение отдельных монастырей . Во-вторых, такое изучение велось в рамках отдельных регионов (Север, Центр, Поволжье, Сибирь). В-третьих, вопросы монастырского землевладения затрагивались в работах, посвященных общим проблемам феодальной собственности в XVI-XVII вв., поместно-вотчинной системы и т.п. Прежде чем мы остановимся на каждом из выделенных направлений, стоит кратко упомянуть и об изучении церковно-монастырского землевладения в общерусском масштабе в период, предшествующий единому Российскому государству.

Для XIV-XV вв. оно было проведено И.У.Будовницем (по житиям святых), И.И.Бурейченко (во второй половине XIV в.) и особенно основательно Л.В.Черепниным в его классической монографии об образовании Русского централизованного государства. В ней автор развивает и обосновывает взгляд на церковно-монастырское землевладение той эпохи как (уже по самому своему характеру) на серьезную базу для политического объединения страны. Именно монастыри раньше других становятся земельными собственниками всероссийского масштаба. На исчерпывающей источниковой базе (прежде всего актовой, прекрасным знатоком которой был автор) Л.В.Черепнин проанализировал сотни фактов земельных приобретений, их способов и характера по различным монастырям Северо-Восточной Руси, высказал ряд суждений о роли денег, института родового выкупа в межфеодальной земельной мобилизации, сравнил ее условия и возможности для монастырей и боярства, обратил внимание и на практику условного владения вотчинами, пожизненных и срочных держаний светскими феодалами землями, полученными у митрополичьей кафедры или у крупных монастырей вроде Троице-Сергиева[57]. Все эти наблюдения и мнения ученого важны и при рассмотрении проблем монастырского землевладения в последующий период, XVI-XVII вв., поскольку многие из отмеченных явлений имели долговременный и даже постоянно действующий характер.

В плане же конкретного изучения землевладения и вотчинного хозяйства отдельных корпораций и других церковных учреждений можно отметить своих “фаворитов”. Это по-прежнему были монастыри: Соловецкий - работы А.А.Савича и А.М.Борисова [58], Кирилло-Белозерский - работы А.И.Копанева, А.Х.Горфункеля, З.В.Дмитриевой [59], Иосифо-Волоколамский - работы М.Н.Тихомирова, К.Н.Щепетова, А.А.Зимина [60], Московская митрополия и Патриарший дом - работы С.Б.Веселовского, А.Н.Сахарова, Т.Б.Соловьевой[61], Казанская митрополичья кафедра - диссертация Ю.Н.Иванова[62].

Появилось и немало работ (книг, но в основном статей и диссертаций) по целому ряду других монастырей, преимущественно центра страны - Спасо-Ярославскому - статьи В.Н.Бочкарева [63], Костромскому Ипатьеву - А.Н. Захарова [64], Троице-Калязину - И.Г.Пономаревой , Антоньеву Краснохолмскому - О.Ю.Коркиной , патриаршим Иверскому и Воскресенскому - Н.А.Баклановой и З.А.Тимошенковой [67], Московскому Симонову -

Л.И.Ивиной [68], Московскому Чудову - В.Б.Кобрина [69], Московскому Донскому - А.Е.Чекуновой [70], Звенигородскому Саввину Сторожевскому - Е.И.Дементьева [71], Спасо-Прилуцкому - Л. С.Прокофьевой.

Состав монастырских архивов, на базе которых строились указанные выше исследования, весьма различен. По одним (Московскому Симонову, Спасо-Ярославскому, Костромскому Ипатьеву, Троице-Калязину, Московской митрополии в XVI в., а также Троице-Сергиеву монастырям) сохранилась лишь актовая, владельческо-крепостная часть их архива. В силу этого обстоятельства исследователи при обращении к ним имели возможность рассмотреть лишь историю формирования и роста их вотчин, динамику и способы приобретения земельных и промысловых владений, земельно-иммунитетную политику государства по отношению к данным духовным корпорациям в XV-XVI вв.

По другим монастырям, кроме актовой части, уцелели еще и большие массивы хозяйственной документации (комплекс так называемых "вотчинных хозяйственных книг" - приходо-расходных, оброчных, вытных, переписных, ужинно-умолотных и мн.др., вотчинная переписка и пр.), что позволило специалистам "заглянуть" как бы внутрь их устройства, конкретно показать размеры, отрасли и динамику господского хозяйства, организацию обложения зависимого населения, состав его повинностей, землеустройство монастырских вотчин и многие другие важные вопросы социально-экономического развития.

Сам же факт разделения архивного наследия монастырей на две основные части (актовую и хозяйственную) объяснялся организацией управления в крупных общежительных монастырях, наличием в них ведомства крепостной казны (выполняющей функции архива и канцелярии) и ведомств текущего хозяйственного управления, каждое - со своим штатом должностных лиц и соответствующей документацией. Таким образом, обстоятельное изучение хозяйственной истории крупных монастырей имело своим следствием более глубокую источниковедческую разработку материалов их архивов, и к этой проблеме нам придется еще вернуться при анализе источниковой базы диссертации. То, что может быть отнесено к "историографии источниковедения" по теме работы (проблемы изучения актов, копийных, писцовых, вотчинных хозяйственных книг), рассматривается нами во 2-й главе работы.

Весьма масштабные исследования были посвящены и порегиональному изучению монастырского землевладения и хозяйства. В названной выше монографии А.И.Копанева по истории землевладения Белозерского края в XV-XVII вв., помимо Кириллова монастыря, исследовались вотчины и других духовных корпораций Белозерья. Ю.Г.Алексеев обстоятельно рассмотрел историю монастырских вотчин в центральном - Переславском уезде (см. прим.9). Изучались эти вопросы по Новгородской земле - Л.В.Данилова, В.Д.Назаров; Важской земле - Ю.С.Васильев ; Поморью - В.И.Иванов; Вологодскому уезду - Е.Н.Бакланова (Швейковская); центральной России - Н.А.Горская, А.Е.Чекунова; Нижегородскому краю - Н.В.Соколова; Среднему Поволжью - Э.Л.Дубман; Сибири - Л.П.Шорохов, Н.Н.Покровский [73].

Авторы, обработавшие материалы конца XVI-XVII в., единодушно отмечают продолжавшийся в разных регионах России рост церковно-монастырского землевладения, вопреки запретительным мерам правительства 1580-1584 и 1622 гг. По данным А.Х.Горфункеля, землевладение Кирилло-Белозерского монастыря к концу первой четверти XVII в. составило 25.304 четв. пашни в 1 поле и свыше 37 тыс. копен сена. Всего за XVII в. вотчина его увеличилась на 2974 дес. пашни и 1200 дес. сенокосов. У Кириллова монастыря, имевшего земли в 12 уездах страны, свыше 65 % поселений, по подсчетам З.В.Дмитриевой, располагалось в Белозерье. З.В.Дмитриева пишет, что существенного роста его землевладение в XVII в. не претерпело, хотя новые земельные приобретения были сделаны

им в северном Поморье, центральных и южных уездах - Ярославском, Нижегородском, Пронском, Шацком [74].

В.И.Иванов выяснил состав монастырей и их вотчин в Поморье в XVII в., где наблюдалось вытеснение местными духовными корпорациями, имевшими двойное превосходство, иногородних монастырей (Новгородчины и Замосковного края). Некоторый рост монастырского землевладения в Поморье был связан и с царскими пожалованиями, например. Соловецкому, Тихвинскому Успенскому, Крестному Онежскому монастырям. Интенсивному росту монастырского землевладения в Поморье в XVII в. препятствовали и запретительные меры правительства (мнение А.И.Копанева, В.И.Иванова, М.А.Мацука, Г.В.Демчук) и VIIорная борьба черносошных крестьян за землю с духовными корпорациями (мнение А.И.Копанева). Рост монастырского земле- и дворовладения на Русском Севере в XVII в. отмечал П.А.Колесников. К 30-м гг.XVII в. все остающиеся еще черносошные волости Вологодского уезда были поглощены поместно-вотчинными и монастырскими владениями. Земли духовенства увеличиваются, кроме Вологодского, в Двинском с 1620-х до 1680-х гг. в 1,5 раза), Устюжском, Кеврольском, Яренском уездах [75] .

Продолжавшийся даже в конце XVII в. рост монастырского землевладения в центре страны был изучен А.Е.Чекуновой по материалам Московского Донского монастыря с приписными к нему. В Поволжье рост этот совершался в условиях интенсивной колонизации (земледельческого освоения) края. По наблюдениям Н.В.Соколовой, наиболее впечатляющим рост вотчин исследованных ею нижегородских монастырей (Печерского Вознесенского, Макарьева Желтоводского и Благовещенского) был в первой половине XVII в., до Соборного Уложения. Последнее, хотя и не остановило этот рост, но все же заметно уменьшило приток земельной собственности в руки церкви.

Общерусским по распространенности явлением в XVII в. стала интенсивная приписка слабых и обедневших (но не только таких) монастырей к более крупным и сильным, отразившая несомненный процесс централизации, упорядочения системы управления в рамках самой церковной организации. О приписке большинство исследователей единодушно отзывается как об одном из путей роста церковно-монастырского землевладения в XVII в. и как о перераспределении земельной собственности внутри самой церкви, своеобразной форме межфеодальной мобилизации земель. Наиболее сформировавшимися приписные системы были у старинных церковных организаций - Новгородского Софийского дома и Московской митрополии еще в XIV-XVI вв., а в дальнейшем масштаб их приписных систем уменьшается. Судя по приводимым М.М.Горчаковым данным, число патронируемых монастырей у московских митрополитов (с 1589 г. - патриархов) сократилось - от 35 в середине XVI в. до 24 к концу XVII в., а их конкретный состав и землевладение, кроме Горчакова, изучались Н.А.Баклановой и Т.Б.Соловьевой. Аналогичное явление отмечает и Б.Д.Греков по Новгородскому Софийскому дому. Зато у крупных монастырей сеть их приписных филиалов как раз в XVII в. расширяется. Причину приписки мелких разорившихся монастырей в Новгородской земле к более могущественным в XVII в. В.М.Воробьев и А.Я.Дегтярев видят в слабости первых, их хозяйственной несостоятельности. Ю.Н.Иванов отмечает, что во второй половине XVII в. основным способом расширения землевладения Казанского архиерейского дома (сравнительно молодого церковного учреждения, созданного в 1550-е гг. и игравшего важную роль в процессе христианизации Поволжья) стала приписка к нему шести монастырей. Я.Е.Водарский не склонен относить *всю* приписку к увеличению монастырских владений. Взамен приписки какая-то часть вотчин у корпораций могла быть отобрана (примеры по Патриаршему дому в 1680-е гг.).

В обобщающих исследованиях А.А.Преображенского и Я.Е.Водарского был показан громадный количественный рост феодальной земельной собственности в России

XVII - первой половины XIX в. Решительно преобладающей становится частная феодальная собственность. Структура ее упрощается и происходит сближение вотчинных и поместных земель. Возрастает их межфеодальная мобилизация (особенно в 1680-1700 гг.), класс феодалов консолидируется в единое дворянское сословие. В соответствующем разделе коллективной монографии "Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы" А.А.Преображенский отмечал исторически сложившееся многообразие видов и форм феодальных вотчин, что нашло отражение и в организации управления ими. Для крупнейших светских и духовных вотчин в XVII в. (как и в XVI-м) было характерно крайне распыленное расположение по десяткам уездов страны. В 109 уездах находились владения Дворца, в 64-х уездах в первой четверти ХУШ в. - А.Д.Меншикова, в 40 уездах Троице-Сергиева монастыря, в 16 уездах (по данным Т.Б.Соловьевой - в 21 уезде) – Патриаршего дома, в 19 уездах - боярина Б.И.Морозова, в 16 уездах - Н.И.Романова, в 11 уездах - стольника А.И.Безобразова . В течение второй половины XVII в. церковь, несмотря на значительные потери в связи с "посадским строением" 1649-1652 гг., несколько увеличила свой земельный фонд. Даже в районах с преобладанием системы государственного феодализма в это время около 15 % населения проживало во владениях духовенства .

Я.Е.Водарский посвятил капитальную монографию проблеме размещения и роста боярско-дворянского (XVII в.) и помещичьего (ХУШ в.) землевладения. Работа основана на огромном корпусе материалов писцовых и переписных книг XVII в. (117 уездов) и поуездных табелей с итогами генерального межевания ХУШ в. (316 уездов) и построена в основном в количественном и историко-географическом планах. Сравнивая итоги писцовых книг и генерального межевания по сопоставимой территории, Я.Е.Водарский установил, что основная масса помещичьих земель была размещена в XVII в . в Центральном Нечерноземном районе - 12,7 млн. дес., или 43 %. В этом районе большая часть дворянского землевладения располагалась и в ХУШ в. Вместе с владениями духовенства и дворцового ведомства помещичьи владения составляли в XVII в. почти 19 млн. дес (63 %). На втором месте по величине помещичьих владений в XVII в. был Центральный Черноземный район - соответственно 3 млн. и 11 %.[77].

Ряд масштабных работ Я.Е.Водарского посвящен рассмотрению историко-демографических проблем России XVI-X1X вв., в том числе и касающихся церкви. Автор обосновал методику изучения сводных документов (поуездных перечневых выписок, погубернских ведомостей, поуездных табелей, "сказок духовенства" и др.), содержащих итоговые сведения о переписях народонаселения страны 1646 и 1678 гг., ревизий первой четверти ХУШ в., предложил способы проверки достоверности данных этих сложных массовых источников, плодотворный опыт их картографирования в рамках некоторых уездов и в пределах всей страны. По мнению Я.Е.Водарского, в крупных итогах ошибки переписчиков составляют всего несколько процентов. А при изучении небольших районов и отдельных селений необходимо проверять итоги писцов путем их пересчета. Исследователь выяснил численность тяглых дворов практически по всем русским монастырям на конец XVII в. - в составленный им список было включено 600 больших и духовных корпораций . За вторую половину XVII в. (с 1653 по 1700 гг.) число крупнейших (имевших свыше 1250 дворов) монастырей России увеличилось с 16 до 22, а число крепостных дворов у них возросло на 45 %. В то же время убывает число мелких (со дворами менее 125) монастырей от 382 до 286 и на 25 % уменьшается число дворов у них. Таким образом, монастырские крестьяне концентрируются во владениях крупнейших представителей духовенства. Общую численность дворов за духовенством по переписи 1678 г. Я.Е.Водарский определяет в 148-149 тыс. Народонаселение и землевладение церкви были неравномерно распределены между разными ее звеньями (архиерейскими домами, монастырями и т.д.). 92% дворов имели 118 монастырей, тогда как на 286 других монастырей приходилось лишь 8 % дворов. Подлинным

левиафаном среди крупных и крупнейших монастырей России Я.Е.Водарский с полным основанием называет Троице-Сергиев монастырь, имевший к 1700 г. 20 тыс. дворов и 150 тыс. дес. только пахотной земли. Автор выяснил состав и "людность" тяглых дворов духовенства по переписи 1678 г.: в них бобыли составляли 20 % (колебания по районам были от 17 до 29 %). В вотчинах духовенства средняя населенность крестьянских дворов была 3,77 чел., бобыльских - 2,75 чел. Автор считает бобыльство в масс своей беднейшим слоем сельского населения страны. Большое место в историко-демографических исследованиях Я.Е.Водарского занимает слабо изученная проблема миграций населения. Он установил огромные масштабы миграций из Нечерноземного центра России в ее Черноземный центр и Среднее Поволжье, а причинами их были две: 1) крепостной гнет, заставлявший крестьян бежать от владельцев; 2) переводы (нередко насильственные) крепостных на новые земли, в новые владения феодалов.

Общие и частные явления и закономерности эволюции феодального землевладения позволило выявить исследование В.М.Воробьева и А.Я.Дегтярева по Северо-Западу, выполненное на внушительной источниковой базе писцовых и переписных книг обширного Новгородского уезда XVII в. Основные разделы их книги были также воспроизведены в IV-ом томе коллективной монографии ленинградских историков "Аграрная история Северо-Запада России в XVII в". Воробьев и Дегтярев определили место исследованного ими региона в общей системе феодального землевладения России. Новгородский уезд имел развитые формы феодальной земельной собственности, значительную группу служилых помещиков, обширные земли Дворца и церкви. Авторы установили сильный разрыв между мелкопоместным землевладением Новгорода и крупновотчинным землевладением центра России. Региональной особенностью новгородских поместий в 1610-1670 гг. была их более слабая населенность по сравнению с центральными уездами [78].

Еще одной особенностью изучаемого региона Воробьев и Дегтярев считают возрастание монастырского землевладения на Новгородчине в течение XVII в. Из кризисных лет начала столетия монастырские хозяйства вышли менее пострадавшими, запустение в них не приняло столь катастрофических размеров, как в поместьях. К концу XVII столетия численность крестьян, холопов и бобылей возросла у монастырей троекратно. В общей структуре феодального землевладения региона доля монастырских владений возросла до 33,3 % от общего количества дворов . В.М.Воробьев и А.Я.Дегтярев рассмотрели сравнительное распределение монастырского землевладения по пятинам и отметили сильную поляризацию монастырских земель на Новгородчине: на долю шести крупнейших монастырей приходилось 65, 2 % дворов, тогда как на 41 мельчайший и мелкий монастырь приходилось 3,2 % дворов [79] .

Широкие обобщения, имеющие принципиальное значение для определения типа аграрно-феодального развития России в первой половине XVII в., содержит коллективная монография Л.В.Милова, М.Б.Булгакова и И.М.Гарсковой, основанная на методике машинной обработки обширного комплекса писцовых книг России 1620-1640-х гг. До ее выхода в научной литературе были четко выявлены юридические отличия вотчины от поместья как условной формы феодального землевладения. Постановка же авторами задач типологической классификации имела своей целью обнаружение более широкого спектра отличий этих двух форм феодального землевладения. В результате исследования состояния светской поместно-вотчинной системы в экстремальных условиях последствий кризиса 1600-1610-х гг. авторы установили, что отличные по своему юридическому статусу поместья и светские вотчины являлись разными типами феодального землевладения и по своим социально-экономическим характеристикам. Для вотчинного типа собственности они оказываются более оптимальными. В вотчинах отразились в основном позднейшие проявления кризиса. Запустение с "точки зрения" крестьянского хозяйства было слабее,

быстрее восстанавливалась пашня. Бобыльство не являлось столь ослабленной категорией сельского населения, как в поместьях. Его роль в восстановительных процессах проявилась активнее. В целом вотчина оказалась более устойчивым **социально-экономическим типом** феодального землевладения, имевшим более благоприятные условия для развития

крестьянского хозяйства и накопления производительных сил в стране. Проблемам вотчинной системы в России XVI-XVП вв. были посвящены фундаментальные исследования О.А.Шватченко. Ученый выделил уезды Центра России с наибольшей концентрацией родовых вотчин - Бежецкий, Владимирский, Дмитровский, Кашинский, Коломенский, Муромский, Переславский, Ростовский, Суздальский. Тверской, Ярославский. Становление этих вотчинных районов произошло еще в XV-XVI вв. Указы 1562 и 1572 гг. сыграли свою роль в сохранении вотчинного фонда в этих уездах, хотя он и претерпел существенное разрушение как экстремальными обстоятельствами второй половины XVI в. (опричнина и хозяйственный кризис), так и постоянно действующими факторами (наследственные раздел, дробления имений, денежная задолженность светских феодалов, выход земель в монастыри). О.А.Шватченко высказывает мысль о консервации вотчинного фонда в Центре страны благодаря переходу большого количества в руки монастырей и запустению 1610-х гг. С 1570-х гг. начался процесс становления выслуженной вотчины, а с 1610-х гг. она вступила в фазу интенсивного развития. События 1606-1618 гг. изменили соотношение вотчины и поместья, обусловили увеличение вотчинного землевладения в масштабе всей страны.

Основу централизованной вотчинной системы составлял фонд родовых вотчин ХУ-XVI вв., реставрированный при царях Василии Шуйском и Михаиле Романове. Ведущими тенденциями в развитии форм собственности в XVII в. были: 1) сближение юридического статуса поместья и вотчины ; 2) рост числа вотчин за счет распада старой поместной системы. Распад этот в своей активной фазе пришелся на 60-70-е гг. XVII в. и продолжался до указа о единонаследии 1714г., проходя в ряде регионов весьма замедленно [82].

Даваемые в названных выше обобщающих работах по поместно-вотчинному землевладению конкретные пропорции поместно-вотчинной и церковно-монастырской собственности в масштабе всей России крайне важны в плане предпринимаемого нами (в гл. 3) исследования землевладения Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - XVП в., поскольку он был теснейшим образом связан с разнообразными кругами господствующего класса и история его огромной вотчины отразила на себе основные тенденции развития прежде всего светской вотчинной системы XVI-XVП вв. О том же, что нет никаких оснований для резкого противопоставления поместья вотчине, а помещиков - вотчинникам, писали многие отечественные историки - А.А.Зимин, А.М.Сахаров, Ю.Г.Алексеев, А.И.Копанев, В.Б.Кобрин, В.И.Корецкий, Л.В.Милов и др. Это обстоятельство также придется учитывать при конкретном рассмотрении истории землевладения крупнейшего русского монастыря.

Исходя из проблематики предстоящей работы (гл.3-6), проанализируем степень изученности вопросов вотчинного землеустройства, крестьянского землевладения, тяглообложения зависимого населения, феодальной ренты (сеньориальной и государственно-централизованной) и иммунитета в России XVI - XVП в.

Введение в научный оборот больших массивов монастырской вотчинной документации XVП в. позволило специалистам обстоятельно изучить существовавшую в вотчинах духовенства вытно-надельную систему. Для более раннего этапа, середина - конец XVI в. функционирование этой системы было рассмотрено в работах Л.С.Прокофьевой, Е.И.Колычевой, З.В.Дмитриевой.

По мнению Л.С.Прокофьевой, основу вытного обложения составлял земельный надел с учетом экономического состояния каждого крестьянского двора. Крестьянское тягло соизмерялось с вытью, которая, в свою очередь, сообразовывалась не только с величиной пашенного надела, но и с экономическим уровнем крестьянского хозяйства в целом.[84]

Исследовавшая выть по материалам центральных уездов XVI в., Е.И.Колычева отмечает тенденцию к обложению каждого крестьянского двора вытным окладом в конце этого столетия. Исследовательница убедительно показала разнообразие вытного письма в разных вотчинах (светских, духовных), функционирование как унифицированных, так и разновеликих вытей. Значение выти Колычева усматривает в том, что она стала гарантом уровня сеньориальной ренты. С введением официальной 10-четвертной выти в конце XVI в. ставилась своеобразная преграда росту сеньориальной ренты в случае увеличения пахотной земли в этой единице обложения .

Говоря о соотношении выти и крестьянского надела, Колычева подчеркивает их неадекватность. Выяснила исследовательница и структуру крестьянского землепользования - помимо тягло-надельных земель, в деревне существовал фонд общих земель, обрабатываемых “по мере сопча” и вненадельных (наемных) полевых площадей. Е.И.Колычева попыталась установить сравнительные размеры наделов барщинных и оброчных крестьян. По ее данным, у барщинных они были обычно больше, чем у оброчных. Массивы же общих полей вероятнее всего обнаружить в тех деревнях, где наделы крестьян были особенно невелики.

Одним из глубоких современных знатоков вытно-надельной проблематики в монастырской деревне XVI-XVП вв. является З.В.Дмитриева, досконально изучившая обширный комплекс вотчинной документации крупнейшего монастыря Русского Севера - Кирилло-Белозерского. По этому монастырю сохранился наиболее ранний комплекс вытных книг, относящийся к 1559 г. и охватывающий несколько уездов страны. На основе его З.В.Дмитриева установила организацию вытного обложения в кирилловских вотчинах, ранний этап функционирования земельно-тяглых переделов. Отмечая важность воссоздания ранних этапов формирования вытной системы. З.В.Дмитриева рассматривает комплекс кирилловских вытных книг как свидетельство того. что здесь вытная система уже сложилась. Особенность ее состояла в неунифицированности вытей (от 3 до 10 четв. в 1 поле) и в том, что в вытном письме находилась лишь часть обрабатываемых крестьянами земель [86].

А.Л.Шапиро пиал о том, что вытью могли называть то окладную единицу при обложении самыми разнообразными владельческими повинностями, то непосредственно земельный участок, с которого крестьяне тянули вытное тягло. Унифицированным вытным участком в книгах сошного письма XVП в. был учток в 12-14-16 четв. в 1 поле. Исследователь также отмечал пестроту размеров выти в монастырских вотчинах, а также особенность вытной системы обложения, не распространявшейся на бобылей и непашенных крестьян87.

Комплексное исследование крестьянского землевладения и тяглообложения в монастырской деревне центра России в XVII в. провела Н.А.Горская. До появления ее капитальной монографии монастырские архивы было принято использовать преимущественно для изучения вотчинного хозяйства самих монастырей. Горская же сосредоточила внимание на положении в монастырских вотчинах непосредственных производителей, процессе их эксплуатации духовными корпорациями. Поэтому особенно тщательному обследованию были подвергнуты различные документы, происходящие от самого крестьянства.

Исследовательница установила зависимость величины крестьянского тягла и тяглого земельного надела монастырского крестьянина прежде всего от трудовых ресурсов двора. Н.А.Горская первой в отечественной историографии при обработке монастырской хозяйственной документации XVII в успешно применила количественные методы (вычисление парных коэффициентов корреляции и детерминации) при изучении: 1) тесноты зависимости вытного тягла от рабочих ресурсов двора; 2) соотношения надельных и оброчных земель с целью установления характера крестьянской аренды. В условиях

фиксированной ренты тяглый земельный надел монастырских крестьян представлял собой тот минимум, который обеспечивал простое воспроизводство крестьянского хозяйства и ренту монастырю.

Вопрос об имущественной и хозяйственной дифференциации среди крестьян связывается Н.А.Горской с соотношением доль выти на крестьянский двор и большом размахом колебаний вытного расклада по крестьянским дворам. Н.А.Горская отмечает, что исследователи пока мало вычленяли характерное именно для феодализма количественное соотношение имущественных групп в общине. Исследовательница считает неправомерным при определении характера того или иного разграничения отсчитывать от равенства. Первый шаг к изживанию такого положения сделан в коллективном труде, выполненном по единой методике - “Аграрной истории Северо-Запада России конца XV - XVI в.”.

Большое место в фундаментальном исследовании Н.А.Горской занимает проблема крестьянских переделов. Принцип уравнительности применительно к переделам в монастырской деревне XVII в. ею понимается как приведение в соответствие трудовых ресурсов двора и его тягла (и как следствие земельного надела). На протяжении XVII в. в монастырской деревне возрастало значение принципа уравнительности [88].

Никем до появления книги Н.А.Горской столь детально не исследовалось крестьянское оброчное (= вненадельное, =наемное, =арендное) землевладение и землепользование. Н.А.Горская убедительно показала широкое распространение крестьянской аренды в монастырской деревне, отсутствие тенденции к предпринимательскому съему земли у монастырских крестьян в XVII в. и то, что надел в этом столетии уже не являлся единственным источником существования для большинства крестьянских земледельческих хозяйств. Реальная картина крестьянского землевладения представляло собой комбинацию надельных и вненадельных земель. Поскольку крестьянская аренда была широко распространена не только в монастырской, но и помещичьей, дворцовой деревне, а получены вненадельные земли могли быть крестьянином из рук любого земельного собственника, это объективное экономическое обстоятельство не могло не быть учтено господствующим классом в его внутренней политике и неизбежно должно было подстегивать его стремление окончательно прикрепить крестьян к определенному собственнику89.

Н.А.Горской было установлено значительное имущественное расслоение среди крестьян промысловых монастырских сел во второй половине XVII в. В *существенной* степени этой дифференциации способствовал практикуемый монастырскими властями и разрешенный миром порядок закрепления дворовых участков за отдельными членами общины на длительный срок с большой свободой распоряжения землей и тем, что на ней находилось (продажа, заклад), но лишь в границах земельной собственности данного феодала [90].

По переписной книге патриаршего Иверского монастыря 1668 г. З.А.Тимошенкова *выяснила,* что вытное тягло и обеспеченность рабочей силой в его Старорусских вотчинах в среднем были более высокими у прожиточных крестьян и ниже у средних и скудных. Под “прожиточностью” изучаемый З.А.Тимошенковой источник понимает оценку имущества, “живота” (“рублев сот на пять живота”). По мере снижения прожиточности уменьшается как доля выти на двор и число работников, так и обеспеченность скотом. При определении тяглоспособсности крестьянского двора монастырские власти учитывали количество работников и прожиточность, но эти показатели на долю выти значительно разнились по погостам Старорусского уезда. Сами же окладные единицы - выти - были разновеликими.

На материалах Александро-Свирского монастыря конца XVI - XVII в. А.М.Шабанова установила уменьшение тяглых наделов на двор - от 1, 2 дес. в 1 поле в 1582 г. до 6,5 четвериков в 1617 г. и 1,3 четвк. в 1681 г. В этих условиях возрастало значение вненадельных

земель, которые крестьяне снимали у государства, у других феодалов Присвирья. По размерам своим оброчные держания были или равны, или больше тяглого надела. В 1612 г., по данным Шабановой, на 5,7 четвк. тяглого надела приходилось 7,1 чтвк. оброчной земли, а в 1681 г. эти категории земель относились как 1: 1,6. Оброчная плата за вненадельные земли вносилась крестьянами Александро-Свирского монастыря в сноповом исчислении (пятым-шестым снопом). Если в начале XVII в. развитие практики вненадельных земель было одним из факторов восстановления хозяйства в Присвирском крае, то во второй половине XVII в. А.М.Шабанова его рассматривает как свидетельство экономического подъема в стране .

По вотчинной документации монастырей Поморья XVII в. В.И.Иванов отмечает, что в условиях измельчания крестьянских наделов большую роль в землеобеспечении крестьян играли оброчные земли. Размеры фонда оброчных земель во владениях некоторых монастырей Поморья превышали площадь тяглого землевладения. Сами же монастыри получали с единицы площади дохода больше, чем с собственно тяглых крестьянских наделов. Кроме того, фонд оброчных земель использовался “для компенсации крестьянской собственности и поселения безземельных”. Исследователь пишет о свободном распоряжении монастырскими крестьянами землей (купчие сделки, родовое наследование и родовой выкуп), о невмешательстве монастырей в их земельные права. Внутривотчинные поземельные отношения являлись продуктом взаимодействия крестьянских и монастырских правовых норм [93].

Монография Е.Н.Баклановой была построена на материалах церковно-монастырских вотчин Вологодского уезда конца XVII - первой четверти ХУШ в. (Вологодского архиерейского дома и Спасо-Прилуцкого монастыря). В центре внимания автора - семья и хозяйство отдельного крестьянского двора как низовой единицы феодальной вотчины, труд которой являлся основой для развития производительных сил владения. Автор устанавливает рабочие возможности крестьянского двора в монастырской деревне - обычно это были 1-3, реже 4 полных работника, размеры их крестьянских наделов (преобладали участки в 1,5 - 3,2 четв. в 1 поле), обеспеченность дворов скотом, имущественную неоднородность крестьян. В новейшей монографии о взаимоотношениях государства и черносошного крестьянства Поморья в XVII в. Е.Н.Швейковская выделяет тягло-фискальный компонент как ведущий, системообразующий в этих связях. Государство использовало мирской выборный аппарат в качестве низшего управленческого звена, а также частично содержало местную администрацию за счет общины. Исследовательница на обширном по объему актовом материале XVI-XVII вв. установила большое разнообразие поземельно-распорядительных сделок черносошных крестьян. У них движение земли шло как по горизонтали (внутри водной сословной группы), так и по вертикали общественной структуры. В отличие от черносошных, у частновладельческих крестьян поземельные сделки были резко лимитированы принадлежностью к конкретной феодальной вотчине[94].

В трудах советских историков 70-х гг. значительно продвинулось изучение проблемы феодальной ренты. На смену долгое время бытовавшему тезису о неуклонном возрастании феодального угнетения, эксплуатации крестьян пришли более взвешенные и основанные на конкретных разработках суждения и выводы. Медиевист Ю.Л.Бессмертный справедливо критиковал в 1971 г. книгу политэконома Ф.Я.Полянского “Товарное производство при феодализме” за переоценку произвола в феодальной эксплуатации и недооценку роли *обычая* в ограничении ее пределов. Медиевист К.В.Хвостовав 1980 г. также подчеркивала господство обычая в сфере рентных отношений в традиционном аграрном обществе. В этих условиях новые формы ренты в течение длительного времени не имели четкой правовой формы. Обычно-правовые аспекты феодальной ренты в дальнейшем будут полнее учитываться и в работах по истории русского крестьянства, например, Е.И.Колычевой.

Характер поместно-вотчинных материалов XVI-XVII вв. таков, что повинности по-прежнему остаются единственным источником наших знаний об изменениях в положении крестьянского хозяйства от периода к периоду[96]. Комплексное монографическое исследование феодальной ренты в России XVII - начала ХУШ в. было осуществлено в фундаментальных монографиях А.Н.Сахарова, Ю.А.Тихонова, Н.А.Горской, П.В.Советова, Е.И.Колычевой. Значительное место теоретические и конкретные проблемы ренты заняли и в коллективных трудах по крестьяноведению - трехтомной "Истории крестьянства в Европе. Эпоха феодализма" (1985-1986 гг., посвящены памяти академиков С.Д.Сказкина и Л.В.Черепнина) и "Истории крестьянства России" (1990-1993 гг. Т.2-3).

Книга Ю.А.Тихонова основана на широком привлечении отказных и отдельных книг поместных имений и посвящена всестороннему освещению феодальных повинностей помещичьих крестьян в России. Можно согласиться с автором, что специальных исследований этой важной и сложной проблемы проведено еще очень мало и она по-прежнему остается научно-актуальной. К числу недостаточно разработанных вопросов автор относил установление соотношения размеров помещичьих повинностей и государственных налогов [9?]. Ю.А.Тихонов считает, что по одному только росту барщины и оброка без установления его тяжести для отдельного крестьянского двора едва ли возможно представить, насколько в действительности возросла эксплуатация. Может, рост ее был вызван дальнейшим возрастанием численности крестьянского населения на монастырских землях. Автор отмечает большую сложность определения внутренней структуры ренты частновладельческих крестьян, обязанных денежными и натуральными податями и трудовыми повинностями своему землевладельцу и феодальному государству по сравнению с черносошными (государственными) крестьянами, где уплата казенных налогов и отбывание казенных служб покрывали собой рентные отношения.

Анализируя научную литературу по проблемам ренты, вышедшую к началу 80-х гг., А.А.Преображенский писал, что в ней проявился более дифференцированный подход к разным сторонам проблемы, включая порайонный аспект исследования, уточнены не всегда обоснованные "средние" показатели величины ренты, учтены изменяющиеся во времени трудовые и хозяйственные возможности крестьянского двора и т.д.

В первой половине XVII в. барщинные повинности монастырских крестьян, как установила Н.А.Горская, обгоняли барщину в частновладельческих имениях по показателям монастырской запашки на двор и на душу монастырского крестьянина, но в дальнейшем по темпам роста полевой барщины церковные владения отстают от помещичьих. В монастырских имениях барщина, рассчитанная на производство зерна для рынка, распространения не получила. По мнению Горской, в период окончательного оформления крепостного права в конце XVI - первой половине XVП в. экономические интересы церкви сыграли в этом деле ведущую роль. Размещение монастырской запашки и ее расширение в конце XVП в. в непосредственной близости от самих монастырей было связано с потребностью снабжать продукцией сами корпорации и их городские подворья.

Общим явлением и для помещичьих, и для монастырских крестьян к началу XVIII в. было распространение и повышение оброчных платежей, прежде всего денежной ренты. Н.А.Горская на большом фактическом материале сопоставила размеры оброка за тяглые и вненадельные десятины земли. Ею был убедительно обоснован взгляд на арендную плату за оброчные земли как на форму феодальной денежной ренты, весьма выгодной земельным собственникам, поскольку нередко с оброчной земли они имели денежных поступлений больше, чем с тяглой.

В истории феодальной ренты монастырских крестьян центральных уездов России в XVП в. Н.А.Горская выделила три имевших принципиальное значение рубежа - конец 30-х гг., 60-е гг. и конец 80-х гг. С конца 80-х гг. XVП в. можно говорить о коренном нарушении

принципа фиксированности ренты. Теперь она приобретает тенденцию к постоянному росту. Весьма важен вывод Н.А.Горской о том, что с 30-х до 70-х гг. XVП в. основной рост денежных платежей монастырских крестьян происходил за счет государственной денежной ренты, возросшей за указанный период не менее, чем в 2 раза. Платежи среднего двора монастырского крестьянина достигали 4,5 - 4,9 руб. Наблюдения Ю.А.Тихонова и Н.А.Горской об опережающих темпах роста эксплуатации со стороны феодального государства над темпами роста владельческой эксплуатации (со стороны помещиков и монастырей) полностью совпали. Логическим их продолжением стали выводы И.А.Булыгина, изучившего государственную и владельческую эксплуатацию монастырских крестьян России в первой четверти ХУШ в. По его подсчетам, государственное обложение их было в 7-8 раз тяжелее, чем феодальная рента, что, несомненно, препятствовало росту последней[100].

К выводу о сдерживающей роли государственной ренты, тормозившей рост владельческой, в первой половине XVII в. пришли Ю.А.Тихонов и В.Д.Назаров в совместной статье, посвященной крестьянском и бобыльскому двору, а также И.Л.Андреев в диссертации о развитии крепостного права во второй четверти XVII в. Резкое усиление государственного тягла Тихонов и Назаров отмечают в годы Смоленской войны, а отчасти и в конце 30-х гг. Это усиление препятствовало значительному завинчиванию частновладельческого пресса[101]. И.Л.Андреев считает, что использование феодалами в полной мере открывшихся возможностей барщинного хозяйства тормозилось функционированием режима урочных лет. Новые же правовые нормы с конца 1640-х г. способствовали резкому увеличению ренты во второй половине XVII в. [102]

В.И.Иванов в диссертации о монастырских крестьянах Поморья в XVII в. выделил три уровня в обложении крестьян - государственный, вотчинный и общинный. Автор установил подворные нормативы некоторых налогов (например, по 25-30 коп. ямских денег), их динамику (трехкратное увеличение в годы Соловецкого восстания 1668-1676 гг.), удельный вес отдельных налоговых взиманий в составе государственных платежей (60 % уходило на выплату стрелецкой подати крестьянами Крестного Онежского монастыря).

В.И.Иванов отмечает колебания в соотношении владельческой и государственной ренты по изученным им материалам второй половины XVII в. В Крестном монастыре в 1659 г. владельческие выплаты (по 3,5 руб. со двора) в 8 раз преобладали над государственными. В 60-е гг. государственные в 2 раза превзошли владельческие. В 80-е гг. разрыв между ними сократился. Они относились как 1: 0,75. В 90-е гг. XVII в. государственные налоги в 1,3 раза преобладали над владельческими [103].

Важным моментом в изучении феодальной ренты А.Н.Сахаровым было наблюдение над эволюцией барщинных и оброчных крестьян в патриарших вотчинах XVII в. Автор считает, что переход крестьянских повинностей от барщинных к оброчным был проявлением ослабления крепостнических оков русского крестьянства к концу XVII в. Значительный интерес представляет трактовка А.Н.Сахаровым бобыльства как одной из первых групп крестьян, перешедших на денежный оброк, как одна из линий *оброчной эволюции* русского крестьянства. Эта категория был весьма неоднородной, включая в себя не только обедневшие, экономически ослабленные слои деревни, но и непашенное, ремесленное и мастеровое ее население. Бобыльство, считает А.Н.Сахаров, отразило явление отходничества, наемного труда, формирование всероссийского рынка [104].

С этим согласен и Ю.А.Тихонов: если за ростом барщины неизбежно следовало усиление надзора над крестьянами и их хозяйственной деятельностью со стороны феодальной администрации, то оброчные порядки фактически ослабляли узы крепостной зависимости. С развитием товарно-денежных отношений Тихонов связывал первые признаки разделения именно в XVП в. на оброчные и барщинные районы, что прослеживается по имениям знатных людей, владевших землями в десятках уездов.

А.А.Преображенский также замечает, что не надо представлять себе русское крестьянство после Соборного Уложения единой закрепощенной массой. Положение крестьян было различным в зависимости от форм ренты. Барщинные селения были не совсем похожи на оброчные, особенно денежно-оброчные [105].

Эволюция феодальной ренты в России в XVП-XVШ вв. рассматривалась рядом ученых в связи с процессом генезиса капиталистических отношений. 60-70-е гг. XX в. стали временем оживленных дискуссий по этой сложной проблеме. Одна группа исследователей считала возможным говорить о феодально-крепостнической (дворянской) и раннебуржуазной (крестьянско-посадской) линиях развития страны (прежде всего Н.Е.Носов). Другие авторы (Ю.А.Тихонов, В.Д.Назаров) считали более правомерным выделять *крепостническую* и *некрепостническую* тенденции развития в рамках феодализма на начинающейся его поздней стадии. Применительно к аграрному строю Тихонов предложил именовать эти тенденции как *поместно-барщинную и сеньориально-оброчную,* поскольку с формами ренты (и в какой-то степени с формами землевладения) был связан процесс закрепощения, его ход и темпы[106]. В.Д.Назаров писал, что зарождение и взаимосвязь двух этих тенденций в аграрном строе страны в XVI-XVП вв. базировалась на достаточно широком подъеме товарно-денежных отношений и простого товарного производства, а суть заключалась в борьбе и конечном возобладании одного из двух путей приспособления феодальной аграрной системы к складывающемуся рынку (через хозяйство феодала или через крестьянское хозяйство) [107].

В советской историографии 60-70-х гг. также оживленно обсуждалась проблема закрепощения крестьян - ход его правового оформления и сравнительная значимость разных социально-экономические причин. Б.Д.Греков считал, что с конца XV - начала XV1 в. под влиянием растущих рыночных отношений начинается процесс становления барщинного хозяйства. Распространение его ученый связывал с ростом внутреннего рынка. Само же расширение барщинной эксплуатации вело к юридическому оформлению крепостнических отношений в масштабе всей страны 108. Наиболее последовательным сторонником идеи о ведущей роли барщины в закрепощении крестьян в научной литературе 70-х гг. был В.И.Корецкий. Он полагал, что заведение барщинного хозяйства, ставшего ведущей формой эксплуатации крестьянства во второй половине XVI в., явилось важнейшим экономическим фактором окончательного оформления крепостного права [109].

Л.В.Данилова одной из первых подвергла сомнению тезис о решающем значении барщины в установлении крепостного права. Она предложила разделить вопрос о барщине как одной из форм ренты и о “барщинной системе”, направленно дающей товарную продукцию. Явление это важно рассматривать в перспективе - в XVIII - первой половине XIX в. именно территория Центра и Северо-Запада, по материалам которых строились утверждения о барщине в XVI-XVП вв., войдет не в барщинную, а в оброчную зону 110. Г.В.Абрамович подробно исследовавший барщину в новгородских поместьях во второй половине XVI в., пришел к выводу о том, что барское хозяйство с барщинным трудом крестьян на Севере-Западе не играло ведущей роли. Это вполне соответствовало природным условиям и потребительскому в основном характеру земледелия на этой территории. В 1590-е гг. кабальными людьми обрабатывалось 79,2 % господской пашни, а крестьянами -лишь 14,4 %[111].

В аналитических обзорах советской историографии 70-х гг. отмечалось, что во второй половине XVI в. в России начинается двухвековой процесс вызревания барщинной системы. Выразилось оно в широком территоиальном распространении барщины. Масштаб ее развития в конце XVI в. (размеры барщинных повинностей крестьян) в науке преувеличивался, но совсем игнорировать значение барщины в процессе установления крепостного права нельзя [112].

Ю.А.Тихонов выступил против статичного понимания проблемы барщины как хозяйственного фактора закрепощения (либо признание его, либо отрицание как важной составной части системы угнетения крестьян). Проблема должна рассматриваться в динамике, как процесс, с учетом комплекса факторов - географического, демографического, колонизационного, не забывая и об историческом наследии России, доставшемся от ХШ-ХУ вв. Взаимосвязь барщины с остальными факторами закрепощения и являлась той объективной основой, которая позволила классу феодалов накинуть на зависимое население крепостнические путы. В целом же процесс складывания барщинной системы и оформления крепостного права затянулся до конца ХУШ в., испытав на себе воздействие развивающихся буржуазных связей [113].

О необходимости учета аграрного характера колонизации России, историко-географического и других факторов при комплексном выяснении причин закрепощения писал и А.Л.Шапиро. Рассматривать в XVI в. развитие внутреннего и особенно внешнего рынка как определяющий фактор, приведший через барщину к закрепощению, нельзя. По мнению исследователя, чрезвычайно высокую норму эксплуатации крестьянства в XV1 в., внедрение самых жестких форм внеэкономического принуждения можно считать причиной крестьянского закрепощения в конце столетия. В исторической перспективе установление и распространение крепостнических отношений означало задержку в темпах развития народного хозяйства и в переходе от феодализма к капитализмVI[14]. В Заключении к 1V-му тому АИСЗР А.Л.Шапиро с развитием крепостничества связывает замену облегченных форм землепользования тяглыми наделами. Если в XVП в. выпукло выступает аренда земель, то в XVШ в. более свободная - арендная - форма землепользования пошла на убыль по сравнению с XVП в. Не отрицая значения правительственной политики, он считает необходимым уделить больше внимания и крепостническим мерам вотчинных властей. Закрепощение осуществлялось одновременно на разных уровнях: 1) высшем (государевы указы и боярские приговоры); 2) низшем (в поместье и вотчине). Вотчинные власти прикрепляли крестьян с помощью ссуды, а также своего аппарата, удерживавшего и сыскивавшего беглых [115]. О происхождении крепостного права из вотчинного режима писали исследователи еще во второй половине XIX - первой четверти XX в. (В.И.Сергеевич, М.А.Дьяконов, П.И.Беляев, С.Б.Веселовский, А.Е.Пресняков).

Л.В.Милов также считает, что внедрение системы поместного землевладения в конце XV- XVI в. не привело к сколько-нибудь заметному росту помещичьей барщины, не говоря уже об ее товарном характере . Автор не согласился с А.Л.Шапиро, выводящем крепостничество из повышения нормы эксплуатации в XVI в. Происхождением своим оно было связано не с конъюнктурными причинами второй половины XVI в., а с глубинными, постоянно действующими факторами жизнедеятельности российского социума - необходимостью существования общины как компенсационного механизма выживания в неблагоприятных природно-климатических и географических условиях и невозможностью для класса феодалов сломить общинные порядки землеустройства и землепользования, внедрить полевую барщину и принудить крестьян к ее обработке без обращения к самым жестким государственным мерам воздействия на крестьянство. С вопросами феодальной ренты тесно связана проблема монастырского податного иммунитета, так называемых “тарханов”. Для X1V-XV1 вв. она была обстоятельно изучена Л.В.Черепниным, Н.Е.Носовым, и особенно С.М.Каштановым. Его перу принадлежат многочисленные, глубокие и разноплановые (теоретические, методические, источниковедческие, археографические, конкретно-исторические и др.) исследования по феодальному иммунитету. Общая направленность иммунитетной политики государства в отношении церкви заключалась в постепенном привлечении ее к выплате основных налогов (дани, ямских денег), выполнению монастырскими крестьянами государственных повинностей

(городового дела и посохи). В работах С.М.Каштанова развивается мысль о вариативно-корпоративном иммунитетном праве духовных феодалов в Русском государстве XVI в., хотя правительство и пыталось его унифицировать. В большей степени это удалось по отношению к светским феодалам. В целом, по мнению С.М.Каштанова, "в XVI в. не нашлось удовлетворительной общей платформы для выработки унифицированного податного права иммунистов. Это объясняется переходным характером эпохи, когда - усилившееся самодержавие уже было способно на проведение общерусской политики, однако сохранение экономической раздробленности препятствовало созданию, а главное проведению в жизнь единообразных норм финансововго права".[116a]

Содержание соборного приговора 20 июля 1584 г., отменившего "тарханы", было рассмотрено в специальной статье В.Петрова. По его мнению, приговор был направлен главным образом на прекращение действия жалованных грамот на те земли, особое положение которых в податном отношении не было закреплено писцовыми и платежными

книгами. Особый порядок податного обложения монастырских земель правительство совершенно не склонно было нарушать. Местными же властями приговор 1584 г. был понят в прямом смысле полного уравнения в податном отношении монастырских вотчин с другими землями [117]. Касается В.Петров и проблемы "таможенных тарханов". В 1590-е гг. монастыри получают ряд привилегий на ведение своей торговли, то есть их таможенный иммунитет несколько расширяется . Государство заботилось о монастырской торговле и старалось оградить ее от произвола местных властей. О более широком таможенном иммунитете монастырей в 1620-е гг. по сравнению с 1590-ми гг. писал Е. Д. Сташевский (конкретные его наблюдения приведены у нас в гл.7 об иммунитете).

В новейшей научной литературе признается, что тарханы ряда монастырей фактически были нарушены уже в начале 1580-х гг. (Б.Н.Флоря, Е.И.Колычева, Д.П.Тебекин). В то же время почти одновременно с отменой тарханов началась выдача новых жалованных грамот (наблюдения А.П.Павлова, Д.П.Тебекина). По мнению последнего, во второй половине 1580-х гг. расширяется выдача иммунитетных грамот как раз Троице-Сергиеву монастырю. В условиях голода первых лет XVП в. правительство Б.Годунова резко сокращает выдачу новых и подтверждение старых жалованных грамот, и лишь Сергиев монастырь получил наиболее крупные льготы. Об иммунитетной политике в России в период правления Лжедмитрия I есть обстоятельная статья В.Д.Назарова. Автор выявил 100 иммунитетных грамот и упоминаний о них - жалованных и указных - духовным корпорциям. Показательно, что Лжедмитрий считал действующим соборное постановление 1584 г. об отмене тарханов церковным организациям Суть его заключалась, по мнению правительства 1-го Самозванца, в том, что "тарханы все отставлены". В.Д.Назаров приводит свидетельство Конрада Буссова о том, что Лжедмитрий повелел сделать ревизию монастырей, подсчитать их доходы, урезать корма (? - М.Ч.), а лишек взять в казну на содержание войска. О безвозвратных займах правительства Лжедмитрия у монастырей свидетельствует и А.Палицын. В.Д.Назаров сделал вывод о том, что правительство Лжедмитрия скупо и неохотно подтверждало права собственности духовных корпораций на их городские владения. Большинство монастырей подобной санкции не получило вообще.

Иммунитетная политика правительства Михаила Федоровича в начале 1620-х гг. была проанализирована в небольшой ранней работе С.Б.Веселовского. Автор писал о пересмотре монастырских жалованных тарханных грамот, начатом в 1619/20 г. специальной созданным Сыскным приказом. Была выработана унифицированная формула для значительного числа монастырей (40, как считает Веселовский, нам удалось насчитать не менее 60-ти), предписывавшая им обязательно платить ямские деньги, деньги за стрелецкий хлеб, выполнять городовое, острожное и засечное дело. В общеобязательности указанных выплат для всех грамотчиков Веселовский видел суть так называемого "нового уложения" о

монастырских тарханах 1620-х 120 гг. До Веселовского в общей форме об этом “уложении 1620-х гг. отзывался историк русских финансов В.А.Незабитовский 121. В других своих работах С.Б.Веселовский развивал мысль о противоположности “черного” и “белого” тягла и землевладения. Первое воплощалось в служилых и монастырских землях и крестьянах, второе - в податях и повинностях посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян. “Белое тягло” заключалось в особом порядке уплаты государственных податей со служилых и монастырских земель, отдельно от “черных сох”. Сложилось оно в результате длительного и неуклонного процесса обособления монастырских земель от служилых и черных [122].

Последовательных наблюдений о ходе развития и характере монастырского иммунитета после 1620-х гг. в научной литературе мы не встречали. Имеются две статьи, рассматривающие борьбу правительства за отмену “тарханов” в позднее время - 1670-е гг. - И.А.Булыгина и П.В.Седова [123]. В новейшей статье П.В.Седова на основе неопубликованного материала, происходящего главным образом из архива патриаршего Иверского монастыря, обращается внимание на реакцию монастырских властей, самого царя Алексея Михайловича, наиболее влиятельных думных людей, воевод и других чиновников на ограничение тарханов в 1670-е гг. В научной литературе ныне пишется о нескольких “отменах тарханов” в отношении монастырей - в 1551, 1584, 1620-е гг., 1670-е гг. Отмены эти, хотя и означали ограничение моастырского иммунитета, самим его институтом никак не могли покончить. Можно согласиться с мнением П.В.Седова о том, что привилегированное положение церкви в государстве, некоторые черты которого сохранялись даже и в XVIII в., было характерно для традиционного общества[123a].

1.3.Изучение Троице-Сергиева монастыря как крупной феодальной вотчины.

Специального комплексного и системного исследования о землевладении и хозяйстве крупнейшего русского монастыря, землеустройстве его огромной вотчины, получаемой им феодальной ренте со своего многочисленного зависимого населения, его иммунитете в конце XV1 - XVП в. в научной литературе нет. В классических работах профессоров Московской Духовной академии А.В.Горского и Е.Е.Голубинского основное внимание было сосредоточено на церковно-политической истории Лавры XI V-XVШ вв., ее религиозно-нравственном значении в истории русского общества и государства. Единственным в XIX в. историком троицкого землевладения, лаврским библиотекарем Арсением (А.Лобовиковым) исследовался лишь наиболее ранний и во многих отношениях спорный этап складывания земельных богатств Троицы. В научно-популярной книжке известной писательницы и литературоведа начала XX в. гр. Н.Д.Шаховской были приведены лишь отдельные интересные факты хозяйственной истории XV-XVП вв. Ученая дама развивала взгляд на монастырь как на вотчину-сеньорию - соединение крупного землевладения с большим объемом судебно-политических, податных прав над крестьянством [124]. Была еще написана одна работа - сочинение студента IV курса МДА, надворного советника Павла Новгородского “Хозяйство Троицкого Сергиева монастыря до секуляризации и после нее”. Это кандидатское сочинение датировано 9 апреля 1912 г. и имеет даже оценку: “ 4 1/2 балла. Профессор Богословский”[125]. В нем автор, пожалуй, одним их первых указал на существование троицких хозяйственных книг - вытной 1623 г.(называемой им “писцовой”) и Описи 1641 г. Работа носила описательный, обзорный и поверхностный характер.

Конечно, Троицкий монастырь не мог быть совсем обойден вниманием авторов прежде всего обобщающих работ по социально-экономической истории России XVI-XVП вв. Его поземельные акты XV-XVI вв. использовались в исследованиях С.В.Рождественского, Н.А.Рожкова и С.Б.Веселовского, о которых шла речь выше. По концу XVI - первой трети XVП в. обширный комплекс писцовых и дозорных книг послужил источниковой базой для

многих построений Ю.В.Готье и Е.Д,Сташевского и, в меньшей степени, М.А.Дьяконова. Исследователей интересовали общие объемы пашни и перелога у Троицкого монастыря, соотношение в его вотчине крестьянского и бобыльского населения. Цифровые выкладки Готье и Сташевского будут приведены и обсуждены нами в конкретных разделах диссертации, где речь пойдет об общих показателях землевладения, сельского расселения и населения в огромной вотчине в конце XVI - первой трети XVП в.

Из числа не названных выше историков укажем на С.М.Середонина, который еще до Рождественского опубликовал свои наблюдения над распространенной практикой пожизненных держаний троицкими вкладчиками и вообще светскими лицами монастырских земель. Одним из первых С.М.Середонин также оценил значение троицких уставных грамот и писцовых книг конца XV1 в как источников для изучения крестьянских повинностей[126]. Отдельные наблюдения о вотчинном хозяйстве Сергиева монастыря и крестьянских повинностях были сделаны и другими учеными - И.Д.Беляевым, Н.А.Рожковым, И.Н.Миклашевским, Н.Д.Чечулиным. Наблюдения эти строились на основе писцовых книг 1590-х гг., однако недостаточная источниковедческая разработанность их комплекса в то время, его невыявленность в полном объеме не позволяла исследовать названные вопросы более системно. Сосредоточение внимания исследователей на хозяйственных материалах крупнейшего монастыря и их специальное изучение было еще делом далекого будущего.

Обзор мнений историков (в дореволюционный и советский периоды) по поводу грандиозной переписи троицких вотчин в 1592-1594 гг. и ее причинах, направленности, результатах приводился в нашей книге и вряд ли имеет смысл все это здесь заново повторять[127]. Подчеркнем только, что сама по себе организация и единовременное проведение столь всеохватного описания земель самого богатого монастыря страны в 33 уездах можно рассматривать как важный факт земельно-финансовой политики Русского правительства в конце XVI в., как показатель ее активного характера в урегулировании церковно-государственных и межфеодальных поземельных отношений, ее роли в письменной фиксации монастырских крестьян на уровне дворохозяев - глав семейств, обычно-правовых норм сеньориальной эксплуатации. Значение же созданного в ходе переписи обширного и разнообразного по содержанию комплекса писцовых книг, зафиксировавших примерно 13 тыс. крестьянских и бобыльских дворов, при изучении многих спорных вопросов социально-экономической истории России конца XVI в. просто трудно переоценить.

Нельзя сказать, что необходимость создания специальных исследований по хозяйственной истории Троицкого монастыря не осознавалась учеными. Когда в 1919 г. работавшая в Сергиевом Посаде комиссия по изучению и охране культурного наследия Лавры (в ее составе был и отец Павел Флоренский) выпустила свой сборник, то автор одной из статей в нем, П.Каптерев, писал: “Экономически в XVП и в первой половине XVШ в. Троицкий монастырь являлся одной из крупнейших величин на всей территории России. Он был самым крупным русским вотчинником. Эта сторона почти не освящена исторической наукой” . Выработанная П.Флоренским и Ю.А.Олсуфьевым программа по научному изданию ряда огромных по объему источников XVП в. -Троицкой вкладной книги 1673 г. и Описи 1641 *г. в* случае своего осуществления, несомненно, способствовала бы началу такого изучения. Однако программа эта в задуманном авторами объеме не состоялась, реализация ее оборвалась где-то в начале 20-х гг., не говоря уже о дальнейшей плачевной судьбе Олсуфьева и трагической судьбе Флоренского. Лишь в 1987 г., благодаря усилиям научных сотрудников Загорского музея-заповедника вкладная книга была издана по двум спискам -1639 и 1673 гг. малым тиражом и офсетной печатью. Опись же 1641 г. до сих пор так и не опубликована.

В конце 20-х годов оставался единственный исследователь - переславский краевед М.И.Смирнов (до 1917 г. - воспитанник Вифанской духовной семинарии при Лавре), который

занимался разработкой источниковой базы по истории многочисленных троицких вотчин в Переславском уезде в XV-XVП вв. В трудах Переславского краеведческого музея он публиковал обзорные перечни земельных владений всех монастырей края, в том числе и Сергиева [12] . Личное знакомство со С.Б.Веселовским *(и,* возможно, дружеская поддержка последнего) в 1910-1920-е гг. вдохновляли Смирнова на его разработки, помогали ориентироваться в старых и новых публикациях источников, проводить и архивные разыскания. Занятия М.И.Смирнова были насильственно прерваны в годы разгрома нашего краеведения, а написанная им в 1939 г. монография "Радонежские легенды и были", в которой, в числе прочих, затрагивались и вопросы истории землевладения Сергиева монастыря, так и не были опубликована и практически не могла повлиять на историографический процесс [130].

Лишь одна проблема, связанная с социально-экономической историей Троицкого монастыря в конце XV1 - XVП в., оказалась востребованной в научной литературе конца 20-х-30-е гг. - это бегство его крестьян. Примечательно, что самой первой научной публикацией молодого Л.В.Черепнина стала вышедшая в 1928 г. статья на тему о бегстве крестьян Троице-Сергиева монастыря в начале XVП в. Объяснялось это тем, что начинающий историк вместе со С.Б.Веселовским и А.И. Яковлевым в 20-е гг. занимался разбором Лаврского архива, результатом которого стало издание троицких свозных книг беглых 1614 г., вошедшее как 2-я часть в "Памятники социально-экономической истории Московского государства X1V-XVП вв." в 1929 г. Статья Л.В.Черепнина была построена в плане резкого противопоставления монастыря и служилых людей в их борьбе за землю и крестьян. В деле переманивания к себе крестьян противостоят друг другу крупная вотчина и мелкое дворянское поместье. Л.В.Черепнин подробно исследовал сами свозные книги 1614 г., отметив первоисточники, на основе которых они были созданы. — это "имянные росписи троицких властей на своих беглых крестьян, а также поручные записи, повальные обыски, поземельные крепости, "ослушные тетради". Последние предоставлялись вотчинниками и помещиками, привлеченными к ответственности за переманивание беглых. Обращая внимание на состав лиц, к которым уходили (убегали) троицкие крестьяне, Л.В.Черепнин сравнил свозные книги с докладной выпиской 1613 г. о вотчинах и поместьях и с различными десятнями [131].

Тот же комплекс свозных книг послужил основой для написания и А.Г.Маньковым его также ранней статьи. Автор установил, что наиболее сильное движение крестьян Троицких вотчин даже в уездах, удаленных от районов восстания И.Болотникова, приходится на его годы - 1605-1607 гг. Именно тогда сбежало 64 % всех беглых, учтенных в свозных книгах . А.Г.Маньков, выяснил, с каких наделов в основном совершался побег крестьян - в 27,5 % случаев - с полчети выти, в 27 % случаях - с чети выти. Полнее, чем Черепнин, А.Г.Маньков сравнил показатели населения в троицких писцовых книгах 1590-х гг. со статистикой бегства по свозным книгам, приведя по уездам и по годам сведения о том.

Какой процент беглые 1605-1614 гг. составляли от исходного числа монастырских крестьян на 1592-1594 гг. Наиболее высокие проценты вновь оказались для 1605-1607 гг., особенно по Юрьевскому и Муромскому уездам.

Анализируя географию крестьянских побегов, А.Г.Маньков выяснил, что 57 % бежавших троицких крестьян нашли пристанище в тех же самых уездах, где они и жили, а немногим более 305 рассосались в соседних уездах от уезда их исхода. По наблюдениям А.Г.Манькова, 52 % беглых троицких крестьян ушли на земли детей боярских, которые особенно энергично перехватывали и заманивали беглецов, будучи заинтересованными в их рабочей силе. Представляет интерес и бегство сельских жителей Троицкой вотчины в города - только 4% подобных случаев отмечает автор. Объясняет исследователь столь низкий показатель трудностями для большинства крестьян при попадании в города переменить характер своей хозяйственной деятельности, а также тем, что в посад принимали только

правомощных тяглецов132. А.А.Новосельский сопоставлял свозные книги Троицкого монастыря 1614 г. с близкими к им по типу отдаточными книгами 1650-1660-х гг. Исследователь установил по ним основное направление потока беглых крестьян Троицкого монастыря - из центральных и западных уездов в Казань, Арзамас, Курмыш, Алатырь[132].

Новый разворот темы крестьянского бегства видим в содержательной диссертации И.Л.Андреева, который привел и проанализировал много примеров исков служилых людей к Троицкому монастырю по поводу своих беглых крестьян во второй четверти XVП в. Расширению источниковой базы для продолжения исследования борьбы самого Сергиева монастыря с бегством собственных крестьян способствовала и публикация С.М.Каштановым (тоже первая в его научной биографии) отдаточной книги Троице-Сергиева монастыря 1649/50 гг. по Костромскому и Галицкому уездам [133].

Из процесса интенсивной разработки советскими учеными в 50-70-е гг. хозяйственной истории крупных монастырей Троице-Сергиев оказался "выпавшим" по двум причинам. Во-первых, его хозяйственный архив считался полностью утраченным (мнение С.Б.Веселовского, А.А.Зимина, И.А.Голубцова), а ведь именно наличие комплексов вотчинной документации по Спасо-Прилуцкому, Кирилло-Белозерскому, Иосифо-Волоколамскому и многим другим духовным корпорациям сделало возможным углубленное исследование их землеустройства, крестьянских повинностей, организации обложения и т.д. Во-вторых, сохранившийся актовый, крепостной архив Троицы за XV-XVШ вв. был (и есть) столь устрашающе велик (3,5 тыс. грамот и 100 копийных книг), что первоочередной казалась задача разработки прежде всего именно его. Этим и занимались целые поколения отечественных историков, источниковедов, археографов. Особенно значительный вклад в эту разработку и археографическую подготовку актовых материалов Троицы внесли С.Б.Веселовский, Л.В.Черепнин, С.М.Каштанов, Л.И.Ивина и авторская группа продолжающегося издания "Акты Русского государства". Данные вопросы подробнее затрагиваются нами в следующей главе, посвященной анализу источниковой базы.

За последнее десятилетие увидели свет несколько статей, посвященных отдельным сторонам социально-экономической истории Троице-Сергиева монастыря в конце XV1 -XVП в. Л.А.Кириченко по актовому материалу 1584-1641 гг. дала краткий обзор расширения монастырских земель в Московском, Дмитровском, Переславском уездах. Именно им принадлежит первенство по количеству новых земельных приобретений монастыря. сделанных, вопреки запретительным приговорам 1580-1584 гг. Исследовательница также тщательно проанализировала рост промысловых владений (в основном соляных и рыбных) монастыря в Соли Галицкой, Соли Балахонской, Соли Камской, на Двине и в волости Варзуге в 1584-1641 гг. по актам из копийных книг № 530 и 532. Л.А.Кириченко выяснила персональный состав контрагентов монастыря по вкладам и покупкам промысловых объектов, приведя общую сумму истраченных корпорацией на них денег - 2877,5 руб. [134]

С.В.Николаева по Описям 1641 и 1701 гг., а также вкладной книге 1673 г. выявила численный и персональный состав монашеской братии Троицкого монастыря в XVП в., социальное и географическое происхождение постриженников, занимаемые верхушкой монашества административно-хозяйственные должности. Тем самым намечается весьма, на наш взгляд, перспективное микродемографическое исследование крупнейшего русского монастыря и его дочерних филиалов, а в дальнейшем их изучение в антропологическом измерении и с точки зрения "повседневности", интерес к которой так силен в современной отечественной и зарубежной исторической науке. Привлечение позднейшей Описи 1701 г. позволило С.В.Николаевой проследить изменения в численном и социальном составе троицких постриженников. По ее подсчетам, в первой половине XVП в. их было несколько меньше трехсот (250-260 чел., по нашим предварительным прикидкам, все же больше), к концу XVП в. по Описи 1701 г. - 337 чел. Интересную статью С.В.Николаева посвятила

также изучению суммы и динамики денежных вкладов в Сергиев монастырь на протяжении XVI-XVП вв. [135] Учитывать приток вкладных денег в столь почитаемую во всей России обитель важно для представления об ее экономических возможностях, разнообразии и размахе ее хозяйственно-экономической деятельности, весьма прочного и самостоятельного положения в системе церковно-государственных отношений.

Т.Б.Соловьева установила состав городских дворов корпорации, полученных в 1613-1649 гг. в 31 городе. Для нас особенно важны приводимые исследовательницей факты попадания городских дворов в составе крупных светских вотчин, примеры сделок монастыря на городские дворы с крестьянами (в том числе и своими собственными), - заселения корпорацией городских дворов путем перевода в них "старинных" крестьян(и принятия посадских людей-закладчиков. Всего за изученный Т.Б.Соловьевой период Троицкий монастырь получил 80 дворов и дворовых мест - в способах их приобретения преобладали разного рода частные сделки, но и правительственные пожалования имели значение (в Вологде, Великом Устюге, Боровске, Алатыре, Арзамасе и др. городах). Судебным дела также были одним из путей роста городского дворовладения монастыря, дав еще 7 дворов [136].

Ряд исследований существует по наиболее ярким личностям из числа троицкого монашества первой половины XVП в., они же - известные писатели, авторы ценнейших по содержанию историко-литературных памятников. Речь идет об Авраамии Палицыне и его "Сказании" (работы Я.Г.Солодкина и И.О.Тюменцева), о Дионисии Зобниновском (работы О.А.Белобровой), Симоне Азарьине и его "Книге о чудесах преп. Сергия" (статьи Е.Н.Клитиной и Б.М.Клосса). Историко-литературные памятники, созданные в стенах Троице-Сергиева монастыря были недавно переизданы на высоком научно-археографическом уровне Б.С.Клоссом 137.

В самые последние годы можно было наблюдать, как отдельные сюжеты по истории Троице-Сергиева монастыря начали возвращаться в краеведческое русло. Наиболее яркое тому свидетельство - недавно вышедшая книга Н.В.Большаковой о нескольких селениях Троицы по р.Клязьме на юге Покровского уезда Владимирской губернии. Их история прослеживается автором с конца XV1 в. до секуляризации, подробно разбирается географическое расположение населенных пунктов и динамика их населения.

В заключение данного параграфа не можем не отметить, что только по Троице-Сергиеву монастырю из всех духовных обителей средневековой Руси имеется специальная монография в зарубежной литературе. Ее автор - французский славист, доцент Сорбонны Пьер Гонно - подробно осветил церковно-политическую историю монастыря с момента основания до первой трети XV1 в. включительно, организацию в нем власти, процесс роста его земельных и промысловых владений, развитие торговли, снабдив книгу обстоятельным научно-справочным аппаратом[139]. Некоторые троицкие акты XV в. были изданы в зарубежных хрестоматиях по социально-экономической истории средневековой Руси. Религиозная мотивация земельных вкладов в Сергиев монастырь как проявление русской средневековой религиозности и отражение поминальной практики русского православия изучалась в работах немецкого ученого Л.Штайндорфа (Мюнстер) и американского ученого Д.Миллера (Чикаго)[140]. Линия изучения поземельных актов как памятников массового религиозного сознания средневековой Руси начата была еще А.С.Лаппо-Данилевским и Л.П.Карсавиным в конце X1X-XX вв., затем надолго угасла в нашей историографии, когда поземельным актам давали только социально-экономическую интерпретацию. Теперь линия эта постепенно возвращается, на что влияет и более полное знакомство с зарубежными исследованиями (Ф.Ариеса, Ж. Ле Гоффа), достижения отечественной медиевистики (Ю.Л.Бессмертный, А.Я.Гуревич) и усвоение прерванного опыта дореволюционной, правда, идеалистически ориентированной историографии (А.С.Лаппо-Данилевский и Л.П.Карсавин).

Нами было проанализировано современное состояние исследований по теме диссертации: теоретические, проблемные разработки, а также литература непосредственно по Троице-Сергиеву монастырю. Мы постарались показать и теоретико-познавательное значение самой категории “вотчина-сеньория” для осмысления феодальной эпохи, и единое русло историографического процесса, в рамках которого со 60-70-х гг. XIX в. и до наших дней изучались крупные феодальные вотчины - светские и церковно-монастырские - XV-XVП вв. В предварительных итогах научной литературы заметен крен в сторону хозяйственной, экономической деятельности крупных светских и церковно-монастырских вотчин, организации ими сферы обложения, поземельно-рентных отношений и эксплуатации зависимых крестьян. Меньше внимания уделялось структуре корпоративной собственности самих монастырей, особенностям ее функционирования в межфеодальной и церковно-государственной области, публично-правовым аспектам феодальной ренты, организующей роли монастырей по отношению к крестьянским мирам, тому, как вертикаль вотчинного управления и вся его модель вписывались в общую систему социально-политического устройства сословной монархии в России XVI-XVП вв.

Нам представляется, что специальное изучение источников из архива крупнейшего в России Троице- Сергиева монастыря позволит дать более полный и системный “портрет” крупной феодальной вотчины-сеньории, в котором будут в комплексе учтены все факторы ее развития - и феномен крупной корпоративной собственности с ее расчлененной структурой, и материально-пространственная ее организация в виде определенной системы сельского расселения со множеством динамично меняющихся компонентов, и фактор народонаселения огромной по масштабу латифундии, и способы ее землеустройства, с экономической и публично-правовой реализацией прав собственности. Наиболее полной степенью новизны в ходе намеченного изучения обладают проблемы собственности, ренты и иммунитета, применительно к концу XVI - XVП в., когда правительство пыталось более или менее последовательно продолжать ограничительный курс своей земельно-финансовой политики в отношении церкви. Полагаем, что и для понимания принципиальных проблем общероссийского развития в указанное время (эволюция поместно-вотчинной системы, закрепощение крестьян, начало формирования всероссийского рынка, церковно-государственные отношения) специальное рассмотрение социально-экономической истории вотчины Троице-Сергиева монастыря будет иметь несомненное научно-познавательное значение.

QQQ

ГЛАВА II. АРХИВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ.

Одной из проблем, подлежащих специальному рассмотрению в работе, избран Лаврский архив XV - начала XVШ в. как самостоятельный объект изучения. В этой связи характеристика источников дается не в традиционно-обзорном плане перечисления их видов и количества, а с учетом процесса функционирования существовавших (и менявшихся во времени) в Троицком монастыре систем документирования и делопроизводства. Ведение больших массивов деловой письменности, обладание огромным количеством поземельных прежде всего документов, образцово поставленная организация “архивной службы” - все это являлось, наряду с прочими, важнейшим фактором социально-экономического и политического могущества крупнейшего русского монастыря. Основные сферы его социальных взаимосвязей, взаимодействий, отношений - церковно-государственных, межфеодальных, внутримонастырских и сеньориально-крестьянских - были тщательно документированы (особенно первые две). Избранный подход потребует исследования

истории самих монастырских учреждений (прежде всего крепостной казны с ее функциями архива и канцелярии), их должностных лиц и организации работы, применения различных методов сравнительного источниковедения, дипломатики, палеографии, сфрагистики. Глава выполнена на стыке источниковедения и архивистики, истории канцелярий. О необходимости таких синтетических построений, отражающих общемировую тенденцию к генерализации науки, пишет в своих аналитических обзорах один из крупнейший отечественных источниковедов С.М.Каштанов. Все сказанное должно оправдать и выделение проблемы Троицкого архива в самостоятельную и важную по значению главу диссертации, и ее большой объем.

2.1. Система документирования в русских монастырях и особенности Троицкого архива.

В русских общежительных монастырях (особенно крупных) система документирования (порядок составления, хранения, учета документов, ведения делопроизводства) развивалась постепенно по мере формирования различных ведомств по монастырскому управлению. В процессе этом были сходные черты с эволюцией общерусской системы управления, которая шла от великокняжеской Казны и Дворца через дальнейшую специализацию различных ведомств с соответствующими штатами должностных лиц и документацией. В монастырях в XV в. функционировала их казна как нерасчлененная совокупность сокровищ, денег, книг, утвари, документов, возможно, что и каких-то запасов. В XVI-XVП вв. в них формируются различные подразделения (“службы”): крепостная казна, денежная казна, ризная казна, книгохранительная казна, плательная казна, оружная казна и мн. др. В рамках этой же специализации складываются ведомства дворцовых, конюшенных, житенных и др. старцев. Составитель публикации “Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г.” С.Н.Богатырев отмечает, что в этой корпорации отдельно велось келарское и казначейское делопроизводство. Н.П.Успенский называет четыре основные службы в Кирилло-Белозерском монастыре - келарскую, казначейскую, житенного старца и строителя. Б.Д.Греков выявил 60 “отводных книг” Соловецкого монастыря XVI-XVII вв., составлявшихся в различных его службах (числом до 29) при передаче соответствующей казны (крепостной, ризной, сушиленной, мельничной и пр.) от одного старца к другому [3].

Для лучшего уяснения документальной базы по изучаемой в данной работе истории монастырского землевладения и хозяйства внимательнее следует присмотреться к крепостной казне Троице-Сергиева монастыря. Здесь, как и в других корпорациях, она выполняла функции архива и канцелярии. С.Б.Веселовский считал, что владельческая, крепостная часть монастырских архивов (акты и копийные книги) хранилась более тщательно у казначея, тогда как текущая, хозяйственная и делопроизводственная - менее бережно у келаря. Такие же наблюдения встречаем и у других источниковедов - В.С.Иконникова, И.А.Голубцова. Веселовский полагал, что конкретные способы образования монастырских архивов в науке исследованы мало. Правда, с момента, когда ученый это писал, наука обогатилась ценными исследованиями о крепостных и хозяйственных частях конкретных архивов, например. Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, многих других монастырей (работы Л.В.Черепнина, С.М.Каштанова, А.А.Амосова, Т.А.Тутовой, З.В.Дмитриевй и др.) 5. Многое было сделано и самим Веселовским, и последующими поколениями ученых для разработки и Троицкого архива. Нетипичность крупнейшего русского монастыря как колосса среди своих собратьев по объему земле - и душевладения Веселовский считал моментом несущественным применительно к изучению архива, поскольку во всех духовных корпорациях общежительного устройства, а также в Московской митрополичьей кафедре основные принципы организации архивного дела и

делопроизводства были одинаковы, то есть включали функционирование крепостной и хозяйственной части.

Особенность же Троицкого архива ученый усматривал в том, что уже к середине XVШ в. его хозяйственная часть была полностью утрачена, сгорев во время пожара в Лавре в 1746 г. “Вместе с ней погибла - сокрушался он, - вся многовековая сложная и интересная внутренняя история Троицкого монастыря”[6]. Мнение Веселовского разделял и А.А.Зимин. Он писал, что по Троице-Сергиеву монастырю делопроизводственного архива не существует и что делопроизводственные материалы всегда имели в глазах монастырского руководства меньшее значение, чем грамоты, утверждавшие права корпораций на их земельные богатства [7].

Вторая отличительная черта Троицкого архива, по мысли Веселовского, много лет отдавшего его изучению, заключалась в феноменально огромной по масштабу его крепостной части, что вполне соответствовало его первенствующему экономическому потенциалу как сильнейшему среди всех остальных монастырей и церковных организаций России. На нынешнем этапе изучения монастырских архивов это мнение Веселовского можно подкрепить конкретными данными - общее число крепостных актов Сергиева монастыря за XV-XVП вв. составляет 3,5 тыс. единиц + 100 копийных книг XV1-XVШ вв. За один только XV1 в. он имеет 10 копийных книг, тогда как по каждому из монастырей (Кирилло-Белозерскому, Иосифо-Волоколамскому, Симонову, Спасо-Ярославскому, Московской митрополии) за XV1 или за XVП в. сохранилось обычно по 1-4 книги. Поэтому определение Троицкого архива крепостных актов как устрашающе огромного, данное нами в 1 главе, не покажется преувеличением. Сам по себе внушительный комплекс актов и копийных книг требовал специального выявления, разработки, публикации, отодвигая задачу непосредственного комплексного социально-экономического исследования крупнейшей монастырской вотчины на неопределенное время.

Забегая несколько вперед, отметим, что проведенный нами сплошной просмотр рукописных сборников Лаврского архива позволил выявить ряд ценных хозяйственных описаний XVI-XVП вв., хотя целостного и систематического вотчинного архива по Троице, действительно, не сохранилось, и в этом Веселовский был прав. Характеристика дошедших до нас хозяйственных материалов с учетом и тех ведомств монастырского управления, результатом деятельности которых и стало их создание, приводится нами в других параграфах данной главы.

2.2. Крепостная казна Троицы.

Работа крепостного ведомства Троицкого монастыря в XV-XVП вв. выглядит наиболее отлаженной и систематичной. Свидетельство тому - большие массивы копийных книг, “записных книг крепостной казны”, описей актов XV1-XVП вв. Формирование этой отрасли относится уже к 30-40-м гг. XV в., когда в актах появляется упоминания о троицких дьяках и “подьяках”, что указывает на определенную иерархию должностных лиц крепостной казны и выделение ее из более древней и непременной для любого монастыря сферы книгописания. В более раннее время, первой трети XV в., составлением и написанием грамот могли заниматься всякие клирики-грамотеи, как называет их Ю.Г.Алексеев [8].Обилие имен троицких дьяков и даже “дьячишек” в грамотах XV в. заставляет предполагать количественный рост лиц крепостной казны. В 1450-1470-е гг. в троицких актах встречаем определение “казанной дьяк монастырской” (например, Гридя Подгубок, Бориско, Якуш, Глеб чернец, Мичура, Митя Малой). Таким образом, одновременно с формированием дьяческого аппарата московских великих и удельных князей как важного социально-политического института в системе нового Российского государства идет формирование и

монастырского дьячества, по крайней мере в крупнейшей уже в то время духовной корпорации Руси .

Со 60-х гг. XV в. в троицких актах (дошедших до нас в позднейших списках) упоминается келарская печать, прикладываемая казенными дьяками (а иногда и самими келарями) к оформляемым ими документам, что несомненно указывает на келаря как на главу формирующегося ведомства [10]. Не имевшая ни тогда, ни в дальнейшем персонального характера, келарская печать в 1490-1500-е гг. окончательно утверждается в качестве общетроицкой. Ей усвояется общемонастырское представительство: “печать келарская Сергиева монастыря”. Источники XVI в. дают богатый набор определений лиц, работавших в крепостном ведомстве монастыря. Наряду с уже упомянутыми казенными дьяками и подьячими, это и “паробки”, и “детинки”, и дьячки, иногда просто слуги. Некоторые из приведенных терминов могут указывать не только на молодой еще возраст называемых лиц, но и на их зависимое положение в административно-служебном аппарате монастыря, и на обычай вскармливания в обители сирот с последующим оставлением их там. При более подробном рассказе о троицком дьячестве можно было бы привести немало случаев пострижения дьяков в монахи или исполнения монахами дьяческой должности, факты поступления в Троицу настоящих профессионалов из числа дьяков и подьячих московских приказов, целые списки “дьяческих династий”, служивших в монастыре в течение нескольких поколений и т.д. В XVП в. термин “дьяк” постепенно исчезает из троицких источников. Вместо него все чаще фигурируют “оставленные им в наследство” подьячие, стряпчие, приказные, слуги крепостной казны. По подсчетам иером. Арсения, в середине-второй половине XVП в. в Троице было не менее 60 стряпчих и 83 подьячих, на содержание которых был предназначен специальный общемонастырский денежный сбор -“на дьячии и подьячий и стряпческие доходы”. По оброчным книгам 1696 г. в среднем с крестьянского двора сходило по 5 коп., а с бобыльского - по 2 коп., с захребетников - по 1 коп. “стряпческих”.

До конца XV1 в. главой крепостной казны, вопреки мнению С.Б.Веселовского, был не казначей, а келарь, что в сочетании с общемонастырским значением келарской печати говорит не столько о повседневно-хозяйственном, сколько об общемонастырском судебно-политическом значении этого института. Под эгидой келаря Евстафия Головкина (одно из ярких представителей троицкого монашества конца XV1 в., талантливого художника) в 1586/87 г. был составлен крупный комплекс троицких копийных книг № 520-526. Он же ввел в практику и создание “записных книг актов” и их описей, то есть был своего рода реформатором архивного дела в крупнейшем русском монастыре. С 1620-х гг. и до середины XVШ в. крепостную казну возглавляли крепостные старцы (или крепостные казначеи). С 1630-х гг. это должностное лицо становится членом монастырского собора, войдя в верхушку троицкого руководства. Состав крепостных старцев для XVП - первой половины XVШ в. может быть с большой полнотой установлен, поскольку систематическим и регулярным стало создание описей крепостной казны при ее передаче от одного старца к другому, как это бывало и в других русских монастырях.

2.3. Копийные книги и описи актов.

Практическое функционирование крепостной казны монастыря полнее всего отразилось в выработанных в ней комплексах копийных книг XVI-XVП вв. Благодаря глубоким и всесторонним исследованиям С.М.Каштанова и Л.И.Ивиной история формирования этих книг (до 1641 г. включительно) и состав содержащихся в них актов были выяснены довольно полно. В процессе создания копийных книг в крепостной казне Троицкого монастыря проводилась видовая и географическая систематизация грамот, монастырские архивисты группировали их в особые подборки, составляли заголовки к ним,

оглавления и предисловия к самим книгам, нумеровали акты, листы (либо тетради) в сборниках, делали в них различные пометки. Все это может быть названо *"практической дипломатикой"*. Л.В.Черепнин и С.М.Каштанов относят начало создания копийных книг на Руси к середине - второй половине XV в. (у Московской митрополичьей кафедры и отдельных монастырей, вроде Кирилло-Белозерского или Троице-Сергиева)[12].

Наблюдения С.М.Каштанова над древнейшей сохранившейся троицкой копийной книгой № 518 (1534 г.) привели его к выводу о том, что в ней отражены более ранние копийные книги Сергиева монастыря - дмитровских, бежецко-угличских (1470-1490-х гг.) и кинельско-мишутинских (1527 г.) актов [13]. Скорее всего, эти копийные книги были официальными по своему происхождению, то есть составленными по предписнию Ивана Ш. Созданная в 1534 г. также по указанию государственных властей, копийная книга № 518 свидетельствует об определенной системе документирования в Троицком монастыре. В нее были отобраны преимущественно поземельные акты (данные, купчие, разъезжие, судные списки), а не иммунитетные грамоты, и скомплектованы они были в поуездные подборки. Перед документами были написаны заголовки, современные самой кн.518, давались они также и перед территориальными разделами ("грамоты Прилуцкие") . Кн. 518 продолжала заполняться в 1534-1538 гг. и до 1553 г. 14 Л.И.Ивина установила, что в 1560-е гг. в Троицком монастыре была составлена еще одна копийная книга, обнаруженная ею в смешанном сборнике № 637. И хотя она не имеет официальных скреп, толчком к ее возникновению могла послужить проводимая в то время земельная политика правительства (межевание и описание земель, уложение 1562 г. о княженецких вотчинах). Акты в копийной книге были в основном сгруппированы по двум разделам: в одном частные, во втором - жалованные и указные [15].

При изучении копийной книги № 519 С.М.Каштанов пришел к выводу о том, что и в ней отразились более ранние сборники копий. Одну из них автор предположительно относит к концу 1560-х - началу 1570-х гг., а закончена она была в 1579 г. накануне собора 1580 г.[16] В сочетании с другими тетрадями копий эта книга 1579 г. образовала 1-ю часть кн.519 (л.1-239об.), в которой документы датируются временем не позднее октября 1583 г. и расположены не в хронологическом порядке. Во вторую же часть кн.519 были включены только публичноправовые акты с июля 1584 по июнь 1588 г., расположенные в строгой хронологической последовательности, видимо, по времени их получения монастырем. Кн.519 в целом была сформирована по инициативе самих монастырских властей, а не по государеву указу и не имеет официальных скреп.

В 1586/87 г. в Сергиеве монастыре единовременно был создан обширный комплекс из 7 копийных книг. Их составлением занимались: со стороны монастыря келарь Евстафий Головкин, со стороны правительства - дворянин Василий Блудов и подьячий Безсон Пахирев. В процессе работы над копийными книгами № 520-526 с подлинных грамот ("прямых крепостей") были сняты противни ("по государеве грамоте за руками архимандрита, келаря и старцев соборных"), отправленные в Поместную избу для проверки владельческих прав монастыря. С.М. Каштанов тщательно проследил оформление комплекса этих копийных книг, которое не было единообразным. В кн. 520 были помещены не совсем современные этому сборнику боковые (на полях) заголовки, сочетающиеся с указанием уездного центра перед каждым актом. Кн.521 и 522 имеют сходное между собой оформление, но более им современное. В кн.523 нет заголовков перед грамотами, зато соответствующий уездный центр перед ними упоминается. Какие-то из географических указаний могли быть вписаны позднее. В кн.524-526 оформление неровное: перед одними актами есть заголовки и определения уездного центра, перед другими - нет [17].

В отличие от единовременно составленного комплекса копийных книг № 520-526, копийные книги Троице-Сергиева монастыря первой половины XVП в. составлялись на

протяжении более длительного времени. Разницу можно также видеть в весьма внушительном объеме этих книг (более 1000 лл.), их крупноформатности (не в четвертку, как в XVI в., а в лист), наличие в них (кн.528,527) пространных предисловий, полистную нумерацию (в XV1 в. она была потетрадной), обязательное присутствие заголовков перед грамотами, строго официальное происхождение.

На основании предисловия кн.528 Л.В.Черепнин и Л.И.Ивина установили, что 1-я ее часть (л.85-733,737-789,799-802) была составлена по инициативе монастырских властей с 4 июня 1614 по 30 марта 1615г. и включала публичноправовые акты, выданные не позднее 30 марта 1615 г. 2-я часть кн. 528 была создана в сентябре 1641 г. по царскому указу Михаила Федоровича и включены в нее были в основном жалованные и правые грамоты с 1615 по 1641 гг., но не в хронологическом порядке. В первой половине XVП в. в практику архивной работы в Сергиеве монастыре входит составление копийных книг по *противням.* Л.И.Ивина считает кн.527 противнем с книги 528, предназначенном для вручения правительственной стороне. Обе книги, № 527 и 528, имеют по листам скрепы как официальной стороны (дьяков И.Федорова и Д.Прокофьева), так и Троицких властей (архимандрита Андреяна, келаря Авраамия Подлесова, казначея Симона Азарьина, соборных старцев Исайи Печерского, Давида Нащокина, Нифонта Третьякова, Семена Айгустова, Иннокентия Ларионова). Л.И.Ивина сделала очень важное наблюдение о том, что в кн. 528 и 527 тексты грамот вносились с подлинников и сверялись по ним. Это свидетельствует о достоверности копийных книг, которую важно учитывать особенно в тех случаях, когда при отсутствии или дефектном состоянии подлинников находимые в них документы представляют собой наиболее ранние и порой единственные списки. О развитости “практической дипломатики” в то время в крепостной казне Троицы говорит и разнообразие наименований грамот, даваемое архивистами - жалованная, тарханная, указная, льготная, оброчная, несудимая, срочная, отказная, сыскная и т.д. .

Предисловие к кн.528 имело развернутый программно-литературный характер. На первый план в нем было выведено каноническое обоснование земельных и денежных вкладов в монастыри, необходимость и оправданность которых объяснялись потребностью в организации вечного поминовения душ вкладчиков (“боголюбцев” и “христолюбцев”, как называются они в монастырских источниках). В предисловиях приводились ссылки на божественные правила V и VП Вселенских соборов и 75 гл. Стоглава 1551 г. о неотчуждаемости церкновных земель *“не токмо простым, но и самим царем и велможем)".* Уверенностью в будущих приобретениях пронизана фраза предисловия о том, что “и впредь которые боголюбцы учнут давати св. церквам и св. монастырем *отчинные села и купли* и денги и всякие прочие недвижимые вещи по своих душах и по своих родителех в вечной поминок и наследие благ вечных, и по них по тому же годовые памяти творити на их память и поминати по церковному чину и по божественному уставу” [2] . И действительно, в первой половине XVП в., как будет показано в следующей главе, рост землевладения Троице-Сергиева монастыря был весьма интенсивным за счет “отчинных сел по душе”. Иером. Арсений считал автором предисловия или самого троицкого архимандрита Дионисия Зобниновского, или “красноречивого Авраамия Палицына” [21]. Отметим также, что предисловие к кн.528 интонационно очень сходно с предисловием к Вкладной книге списка 1639 г., а также к формуляру многих троицких поземельных актов XVI-XVП вв.

Четкая систематизация актового материала в крепостной казне Сергиева монастыря в 1641 г. выразилась в том, что наряду со сборниками публичноправовых актов (кн.528,527), были составлены два грандиозных по объему сборника копий частных актов - кн. 5 30 и кн.532. Каждый из них имела свой “противень” - у кн.530 - противень кн.53I, а у кн.523 - противень - кн.533. Акты в них были сгруппированы в обширные поуездные разделы, а всего по подсчетам Л.И.Ивиной в кн.530 и 532 было включено 2369 грамот (А.С.Лаппо-

Данилевский насчитал в указанных копийных книгах 2375 грамот) . При изучении кн.530 и 532 исследовательница также установила, что тексты в них вносились с подлинников и по ним сверялись (как и в кн.528,527), и это говорит о высокой информационной ценности комплекса копийных книг № 527-533 в целом, их достоверности и доброкачественности как источников. Добавим также, что формирование обширного комплекса копийных книг № 527-533 являлось составной частью правительственной ревизии монастыря, проведенной комиссией дьяков под руководством окольничего Ф.В.Волынского в 1641 г. Еще одним результатом деятельности комиссии стало составление грандиозной по объему Описи (переписной книги) его строений, имущества и вотчин приписных монастырей (о ней речь пойдет ниже в данной главе). Комплекс же копийных книг 1641 г. в середине-второй половине XVII в. станет основой для составления в крепостной казне и описей актов, и позднейших копийных книг.

Помимо копийных книг, систему документирования в троицкой крепостной казне отразили разного рода **“записные книги актов”** (регистрационные по своему характеру) и близкие к ним по типу описи крепостной казны. До сих пор в актовом источниковедении эти материалы Троицкого архива специально не рассматривалась. С.Б.Веселовский в свое время ошибочно утверждал, что по Троицкому монастырю вообще не сохранилось описей и реестров крепостной казны . На самом же деле таких описей от конца XVI и до начала XX в. до нас дошло несколько десятков. Остановимся на наиболее важных в рамках изучаемого нами периода.

Наиболее ранняя опись крепостной казны (кн.656) известна от I585/86 г., составлена она была келарем Евстафием Головкиным и предшествовала, таким образом, созданию комплекса копийных книг № 520-526. Судя по заголовку к ней, первичной формой описей актов крепостной казны могли быть некие “перечни”: “Лета 7094 книги троецкие Сергиева монастыря *перечень* писан с крепостей всей троецкой вотчине во всех розных городех, а писал и правил троецкой Сергиева монастыря келарь Еустафей Головкин”[24]. По характеру своему кн.656 весьма эклектична - это и регистрационная (записная книга) актов, и их опись, и “книга дарений”, фиксирующая хронику земельных приобретений монастыря за ХУ-ХУI в., особенно подробно - за I560-I570-е гг. Специалист по византийской дипломатике И.П.Медведев отмечает, что регистрационные книги актов в Византии (в Западной Европе аналогом им были книги “имбревиатур”) составлялись до ХШ в. включительно, а затем им на смену приходят копийные книги - “кодики”, “кодексы”, “дипломатарии”)[25].

В ХУШ в. кн. 656, судя по надписи на ее первом листе, определялась как “записная крепостям. № 21”. Отсутствие в ней официальных скреп говорит об ее неправительственном характере, создании для “внутреннего пользования”. Всего в кн.656 перечислено около 600 заголовков грамот и самих фактов земельных приобретений (вкладов, покупок, обменов, удельно- и великокняжеских земельных пожалований). Уделено было внимание и росту городского дворовладения монастыря (на Балахне, в Вологде, Великом Новгороде, Пскове). Четкого различия между записью акта (его вида, то есть вида самой сделки, имен контрагентов монастыря, даты) и фактами роста землевладения корпорации в результате вкладов, обменов, пожалований в кн.656 не проводится.

Записи в кн.656 были систематизированы по 34 поуездным рубрикам, оглавление которых было помещено в ее начало. Название уездного центра указывалось в начале соответствующей подборки. Самым большим уездным разделом кн.656 был Бежецкий (л.68об.-90об.), в который вошло 92 вклада, наиболее поздний относится к I579/80 г. Конец 70-х - начало 80-х гг. ХУI в. вообще были крайним рубежом для многих поуездных разделов кн.656. Видимо, основная ее часть была составлена накануне собора I580 г. По некоторым уездам наиболее поздние записи относились к I583/84 г. (Муром), I584/85 г. (Владимир), I585/86 г. (Балахна), то есть по ним акты записывались прямо по мере поступления, в том

числе и после вынесения запретительных приговоров I580 и I584 гг. Кн.656 рассматривалась в крепостной казне как действующий документ, поскольку в ней после каждого поуездного раздела было оставлено несколько чистых листов для последующего заполнения.

Кн.656 имеет свой черновой, подготовительный экземпляр (противень ?) - кн.657. В нем есть помарки, зачеркивания, отсутствует поуездное оглавление, названия некоторых сел приводятся на полях, не соблюдена хронологическая последовательность актов в поуездных разделах. О незаконченности кн.657 говорит оставление в ее конце незаполненными 36 листов.

Сближение описи актов (кн.656) с серией копийных книг 520-526 возможно не только на основании сходного состава отражаемых ими документов (в кн. 520-526 основную массу также составляли акты I560-I570-х гг.), но и некоторых черт оформления (близость заголовков одних и тех же грамот, указание на уездные центры перед территориальными подборками актов). Отмеченные черты, скорее всего, были обусловлены и хронологической близостью рассматриваемых источников, и одним их составителем - келарем Евстафием Головкиным. В XVП в. в практике крепостной казны Троицкого монастыря уже более четко будут различаться собственно записные книги и описи крепостной документации (актов, копийных книг, писцовых, межевых, дозорных, платежных книг). С.Б.Веселовский бегло упомянул о записных книгах, в которых велась запись выдачи из монастыря светским лицам для временного пользования и обратного приема в крепостную казну грамот[26] . Остановимся на этом виде источников подробнее.

В I6I6 г. в крепостной казне создается наиболее ранняя собственно “записная книга”, имеющая самоназвание - *“черные книги крепостные казны”* (кн.660). Назначение ее было двоякое: I) фиксировать отдаваемые вкладчикам “до их живота” монастырские вотчины; 2) регистрировать поступление в казну новых крепостей “в котором городе в которой ящик положено и то писано имянно”. Кн.660 можно назвать книгой входящих и исходящих актов. Наиболее ранняя запись в ней была сделана 25 марта I6I6 г., наиболее поздняя в I638/39 г. На основании кн.660 можно наблюдать, как шло комплектование и хранение актового архива монастыря. При попадании в крепостную казну акты раскладывались в поуездные ящики. Назовем их в порядке перечисления в кн.660: костромской, московский, дмитровский, нижегородский, вологодский, володимерский, городецкий (Бежецкого Верха. - М.Ч.), двинский, галицкий, углецкий, ярославский, переславский, астраханский, колмогорский, новоторжский, боровский, кашинский, ростовский, муромский. Имелись ящики с актами приписных монастырей - “ чухчеремской”, алатырский, “махрищской”, “свияжской” . Производилась и систематизация актов по видам - государевы жалованные грамоты складывались в “красной ящик жаловалной”. Имелись и смешанные по составу ящики: I) “ розных городов” и 2) “ящик, в коем городы не поименованы” (в копийных книгах I64I г. появится раздел “Рознь” - с грамотами спорной географической приуроченности, неясными датировками, контрагентами и т.д.). Известную поговорку напоминает еще один - “долгой ящик”. Наконец, к крепостной документации в кн.660 были отнесены и писцовые и дозорные книги, помещенные в отдельную “коробью” [27].

Территориальный принцип комплектования и систематизации документов крепостной казны для Троицкого монастыря был очень важен, поскольку в XV-первой половине XVП в. шел интенсивный процесс роста его землевладения, расположенного в десятках уездах Северо-Восточной Руси, а затем и Русского государства. Уже в конце XV - первой половин XVI в., как показал С.М.Каштанов, монастырскими архивистами принцип этот учитывался в полной мере. Забегая вперед, отметим, что и при формировании позднего и самого многочисленного комплекса копийных книг конца XVП в. этот принцип был взят за основу.

В начале I620-х гг. была проведена всесторонняя систематизация и проверка крепостной казны монастыря внутреннего характера. На лл.226-25I в сборнике № 637

находится “Список крепостям недостающим и поручным I30 году сентября в день”. Фактически это опись актового архива Троицы, ссылку на которую дают Л.В.Черепнин и Л.И.Ивина . В Списке было перечислено I65 подлинных грамот конца XV - начала XVП в., наиболее поздняя из которых относится к I6I7/I8 г. Опись I62I г. была составлена по приказу казначея Моисея и благословению архимандрита Дионисия группой соборных старцев в составе Макария Куровского, Илариона Бродского и Иоасафа Пестрикова. Они пересматривали хранящиеся в крепостной казне “государьские жаловалные грамоты и всякие даные крепости налицо по книгам”. Речь шла о сопоставлении наличного состава актов с созданной в I6I4/I5 г. копийной книгой публичноправовых актов (“жаловалной книгой”). Сравнение сопровождалось отметками о физическом состоянии и других признаках подлинников (“которые попорчены, подраны, и у которых печати попорчены и которые бес печатей и тому роспись”). Л.И.Ивина заметила совпадение буквенных номеров актов и их заголовков со старыми номерами и заголовками, под которыми они фигурируют в копийной кн.528, а время ее создания как раз относится к I6I4/I5 г. [29] Наиболее поздний документ в росписи - это “выпись сошному писму I25 году за приписью дьяка Гарасима Мартемьянова, которая с книгами не сошлась”, то есть ее не было в кн.528 . Не оказалось в наличии и “грамоты большие тарханные царя Михаила Федоровича, поскольку та грамота на Москве”. Скорее всего, имеется в виду общая жалованная грамота 3I декабря I6I7 г., а также еще одно место, где располагалась часть крепостной казны Троицы - это Богоявленское подворье в Московском Кремле. Речь, возможно, идет о том, что общая грамота I6I7 г. в начале I620-х гг. была взята в приказ Большого Дворца к правительственной проверке .

Опись I62I г. интересна в плане изучения “практической дипломатики”. Старец М.Куровский и его помощники в ходе составления описи большое внимание уделяли рассмотрению печатей на подлинниках грамот и физическому состоянию последних: I) печать “отломана”, “растопилася”, “имя великого князя отопрело”; 2) грамота “передрана поперег и склеена” и т.п. Предпочтение при поверке отдавалось оригиналам - при наличии только списков старцы отмечали, что “прямые крепости нет”. Разыскивались не только частно- и публичноправовые акты, но и монастырские по происхождению акты – памяти, отписи, записи, выданные из крепостной казны различным светским контрагентам корпорации по земельным сделкам. Более всего документированной была практика пожизненных держаний светскими лицами монастырской земли. Любопытно одинаковое название актов - и тех, что получал монастырь от светских вкладчиков при переходе к нему их земель, и тех, что выдавал им при передаче своей земли в пожизненные или срочные держания - “даные грамоты”, “даные записи”. Считаем важным упоминание о келарской печати, которой скреплялись оформляемые в крепостной казне документы, выдаваемые на сторону. Интересны и свидетельства о том, что в начале I620-х гг. некоторые акты крепостной казны монастыря были затребованы в патриарший суд для рассмотрения по спорным земельным делам [31]. Перечень частных актов в описи I62I г. (с л. 235 в сб.637) был сформирован по поуездным рубрикам (всего 25), и это напоминает структуру описи I585/86 г. (кн.656-657). Следующей наиболее значительной по объему ревизией крепостного архива монастыря стало составление так называемых **сыскных книг** I623 г. - № 658 и 659. Они по сути своей являются описями крепостной казны и обе в заголовках содержат дату - 7I3I год. Работу в I623 г. по-прежнему возглавлял крепостной старец Макарий Куровский, только в помощь ему была придана большая группа слуг. О связи описи I62I г. с описями I623 г. говорит совпадение буквенных номеров (“глав”) некоторых грамот [32]. Сравнение наличного состава грамот в I623 г. проводилось с “двумя книгами большими” (по нашему предположению, I6I4/I5 г.). Привлекался также обширный комплекс монастырских списков и официальных противней с писцовых книг I592-I594 гг. - по ним устанавливалось наличие в троицкой вотчине владений, упомянутых в актах. Характер проверки архива в I623 г. был

таков, что удобнее сначала проанализировать кн.659, а затем - кн.658, хотя практически кн.65 8 не намного предшествовала кн.659.

Наиболее поздние грамоты, упоминаемые в кн.659, относятся к I6I5/I6 г., а датирующим признаком для нее может быть сообщение о взятии К.И.Михалковым 26 сентября I623 г. боровского сц. Байдеева "из строения до своего живота". В поуездных рубриках кн.659 не достает Оболенска, Балахны, Казани, Свияжска, Деревской пятины. Видимо, официальные противни с писцовых книг по ним еще не находились в крепостной казне либо в ней еще не успели изготовить свои с них списки. Самоназванием кн.659 было **"книги вотчинные, которые вотчины в писцовых книгах I0I и I02 году писаны Филатова писма Якимова".** Такой дьяк-слуга известен как писец одной дмитровской грамоты I6I7/I8 г. Следовательно, он же и писец кн.659. Кн.659 имеет зачеркивания, исправления, немало и незаполненных и непронумерованных листов, что отражает ее текущий, рабочий характер в I623 г. Фигурируют акты и владения не только Троице-Сергиева, но и приписных к нему монастырей, например, Киржачского Благовещенского, крепостной архив которого сильно пострадал из-за пожара в I597/98 г. По сравнению с писцовыми книгами I592-I594 гг. некоторые вотчины имеют другую географическую привязку. Например, в Дмитровском разделе кн.659 они были отнесены не к Троицкому, а к Кузьмодемьянскому стану. Виды сельских поселений в кн.659 были даны по состоянию на I623 г., а не на конец XVI в.: "сельцо, а в писцовых книгах деревня, Станишино"; "сельцо, а в писцовых книгах пустошь, что было сельцо Исайцово"[3] . Будучи всего лишь описью актов, кн. 659 попутно позволяет судить и о некоторых признаках хозяйственного возрождения, восстановления запустевших селений после смуты.

Одновременно с сопоставлением актов с писцовыми книгами троицкие слуги провели конкретное разыскание ("сыск") троицких вотчин на местах и записали там, "кто что про те вотчины в сыску сказали попы и старосты и крестьяне которых сел"[34]. Датирующим признаком кн.658 (помимо ее заголовка -7I3I год) можно считать свидетельство подьячего Бажена Чукаринова от I8 ноября I623 г. по поводу двух пустошей в Московском уезде. Видимо, в начале была составлена кн.658, которая уже в кн.659 упоминается и названа "сыскной". Сыскная кн. 65 8 также имеет поуездное оглавление, в котором по буквенной нумерации от .а. до .ле. было перечислено 35 городов. В нынешнем виде у кн. 658 конец утрачен, что устанавливается по отсутствию записей по части Муромского и Стародуб - Ряполовского разделов, хотя в оглавлении они упомянуты под № .лд. и .ле. На последнем листе, 303 об., видим пометку, скорее всего, иером. Арсения: "По счету тетрадей, означенных на I-м листе, не достает 7 листов".

Сыскная кн. 65 8 в каждом поуездном разделе выделяет две группы владений. В первую были включены вотчины, по которым в актах были указаны станы и волости, во вторую - владения, по которым эти ориентиры внутриуездного расположения в актах отсутствовали. В плане источниковедческого изучения Троицкого архива интересны упоминания о не дошедших до нас источниках, которые использовались при составлениикн.658. Некоторые из них были и для I623 г. уже весьма давними - приходные книги казначеев I5I5 и I534 г., а также роспись отданных на промену царю Федору монастырских вотчин в I597 г., какие-то "дворцовые книги". Первичными источниками для составления большей части кн.65 8 послужили письменные "сыски" троицких слуг, посланных непосредственно уезды разузнавать на метах у жителей про отдельные монастыские вотчины. Имена некоторых сыщиков в кн. 65 8 сообщаются: в Переславском уезде сыском занимался Карп Юдин, в Бежецком - Гаврила Величкин, в Новоторжском - Юрий Озеров, в Кашинском и Vгличском - Иван Козлов, в Ростовском и Ярославском - Ерофей Марков, в Костромском - Иван Горчаков. О том, что при составлении кн.658

производилась сводка первичных материалов, говорит одна фраза из ее Vгличского раздела: “А про иные троицкие деревни в сыску не написано”.

Для сравнения монастырских и общегосударственных мероприятий по ревизии земельного фонда в начале I620-х гг. отметим, что тогда же, в I622-I623 гг., осуществлялся большой сыск о поместных и денежных окладах служилых людей. V них проверялись сохранившиеся документы и проводился опрос широкого круга свидетелей данного поместного оклада и фактического владения конкретного служилого человека[37]. Что-то подобное провел сам у себя Троицкий монастырь - VIIорядочение крепостного архива и непосредственный сыск владений на месте. Для целей нашего исследования богатейшую информацию сыскных книг 658-659 (особенно первой из них) трудно переоценить. Поэтому столь часто на нее нам придется ссылаться в следующей главе, а также в Приложении I, где будут представлены материалы для реконструкции утраченной части Троицкого архива. Как и кн.659, сыскная кн.65 8 была рабочим, действующим документом. Помимо оставленных чистых листов для последующего заполнения, она имеет много помарок, зачеркиваний, исправлений, пометок типа “с крепостей списки в большой книге писаны в Переславском уезде”, “села Гнилиц староста Оф.”; “писано в дестевых книгах” и др. 38.

В сыскной кн.65 8 допускались иногда неточности и ошибки в определении географической принадлежности отдельных поземельных актов. Например, некоторые костромские и переславские грамоты (и соответственно названные в них вотчины) были отнесены к Бежецкому Верху, угличские - к Тверскому разделу или к Радонежу, соль-галицкие варницы - к соль-переславским и т.д. Складывается впечатление, что в I620-е гг. уже и сами монастырские архивисты не блестяще ориентировались в огромном объеме информации о составе Троицкой вотчины по сотням полученных поземельных актов и об ее реальном составе после смуты. Отметим также, что в сыскной кн.658, помимо сельских, фигурировали и городские и промысловые владения монастыря.

Общий составитель сыскной кн.658 неизвестен. К написанию же кн.659, помимо названного выше Филата Якимова, привлекался кто-то из слуг-поляков. Об этом свидетельствуют пометки на полях типа: Kostroma, Sol galickaia, Volodimer. Эти ремарки не оставил своим вниманием иером.Арсений: “По всей видимости, это писал поляк по грамотности зачисленый в число слуг” [39].

Текстуальное сближение кн.658 и 659 можно проводить на основании одинаковых интонаций, когда речь шла о неустановленных личностях троицких вкладчиков: “А чей словет, того в даной не написано” или “году в даной не написано”. Точно такие же формулировки находим в списке I639 г. вкладной книги, протограф которой, как установила Е.Н.Клитина, был составлен в I620-е гг., уже после сыскных книг I623 г. Это не случайно, поскольку по крайней мере кн.65 8, называемая во Вкладной “вотчинной”, явилась одним из источников Вкладной[4] . Таким образом, в I620-е гг. в крепостной казне монастыря велась весьма масштабная работа по VIIорядочению актового архива и сведений об огромном числе земельных и денежных вкладов, полученных в XV - первой четверти XVII в. Сыскная кн.658 была также известна С.Б.Веселовскому, который иногда использовал ее при комментариях к троицким актам XV-XVI вв.41. Как источник она отдельно им не характеризовалась.

В первой половине XVII в. в практику крепостной казны Троицкого монастыря входит регулярное составление ее описей. Приурочивалось оно обычно, как это было и в других общежительных монастырях, к смене крепостных старцев, возглавлявших с I620-х гг. данное ведомство. Дошедшие до нас описи крепостной казны I645, I659, I678, I684/85 гг.

(кн.66I-665) имели близкие по содержанию предисловия, составленные по одному формуляру. В них говорилось, что по благословению келаря и казначея и по приговору всего монастырского собора такой-то соборный старец пересмотрел наличные акты в крепостной казне, сравнил их с копийными книгами I64I г., выделил “явившиеся вново” крепости, а затем

передал все это новому крепостному старцу такому-то. Повторим, что во всех описях актового архива, начиная с I645 г., основой для ревизии наличного состава грамот служил комплекс огромных по объему копийных книг I64I г., которые назывались *"переписными книгами* окольничего Ф.В.Волынского I50 году". С.М.Каштанов отметил, что термин "копийные книги" принадлежит источниковедению XVШ в., а в более раннее время его не существовало [4] . В Троицком монастыре, как видим, некоторые из копийных книг определялись как *переписные.* Структура описей актов крепостной казны XVП в. напоминает структуру самих копийных книг I64I г. и описи I62I г. В начале давался перечень заголовков жалованных, а затем, в поуездных рубриках, - частных актов. Буквенные номера напротив заголовков грамот в описях I645-I685 гг. совпадают с аналогичными в копийных книгах № 527-528, 530-53I, 532-533. Каждая новая опись крепостной казны содержала дополнение из вновь прибывших крепостей . Указывались также и неразысканные акты.

Для лучшей ориентации в описях напротив каждого территориального раздела отмечался номер соответствующего ящика, в который были сложены грамоты, относящиеся к нему. В описи I645 г. фигурируют, например, I8 ящиков. О важном значении официальных противней и монастырских списков с писцовых, дозорных, межевых, платежных книг как разновидностей крепостной документации (земельной и финансовой по своему характеру) говорит обязательное включение их перечней, начиная с I64I г. (в кн.532) во все последующие описи крепостной казны. Включалась в описи крепостной казны упоминания и о более ранних ее описях, например I585/86 г. (кн. 656-657), и о сыскных книгах I623 г. (кн.658-659), и о записной кн.660.

Из всех описей второй половины XVП в. наибольший интерес представляют две (кн.664 и 665), относящиеся к I680-м годам и отразившие процесс работы над последним наиболее многочисленным по составу комплексом троицких копийных книг I684-I685 гг. Рассмотрим вопрос об этих описях, и историю создания данной группы сборников в совокупности.

История эта изложена в предисловиях, одинаковых в каждой из копийных книг I684/85 г. В научной литературе оно было опубликовано, насколько нам известно, дважды - С.А.Шумаковым и в "Сборнике ГКЭ" 43. В предисловиях говорилось, что вотчины Сергиева монастыря находятся в "разных сороке городех". В рамках подготовки к очередному валовому землеописанию в России в I680-е гг. в эти города были посланы межевщики для межевания поместных, вотчинных и монастырских земель "по писцовым книгам и по дачам и по крепостям". Из монастыря к ним были направлены старцы и слуги со списками из писцовых и межевых книг и крепостей "за келарскою печатью и за рукою крепостные казны старца". Не довольствуясь списками, межевщики начали требовать непосредственно оригиналы документов, которые монастырские власти давать опасались, дабы их не похитили воры. Так в кругах самого троицкого руководства возникла идея изготовления большого числа копийных сборников (с текстами актов и писцовых книг). Она была изложена в челобитной монастырских властей на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей от 28 сентября I683 г. О том, что и прежде (скажем, в I560-I580-е гг.) составление копийных книг могло быть связано с землеописательными работами, в литературе уже было замечено (С.Б.Веселовский, Л.В.Черепнин, Л.И.Ивина). С.Б.Веселовский в общей форме говорил о том, что большинство сборников, а может быть, и все составлялось в связи с писцовыми описаниями для писцов, чтобы не растерять и не рвать подлинников 44.

Эта же причина формирования большой совокупности копийных книг I680-х гг. должна быть названа и в данном случае. 6 октября I683 г. боярин И.П.Троекуров изложил монастырскую челобитную государям, после чего был издан указ об изготовлении в троицкой крепостной казне списков с крепостей, писцовых и межевых книг с последующим представлением их в Поместный приказ для справы и заверки. Меньше года ушло в

Троицком монастыре для выполнения столь объемной работы, ход которой и отражают как раз упомянутые выше описи казны I680-х гг. (кн.664 и 665). Они показывают распределение поуездных ящиков с документами между слугами, стряпчими и подьячими крепостной казны для их переписывания. Самоназванием описи I684/85 г. (кн.664) является *"черная опись",* а в ряде ее мест встречаются рабочие пометки типа "Юрья принял", "не взяли", "не отдана" (напротив заголовков соответствующих грамот). В начале Суздальского раздела в кн.664 читаем запись: "Суздаль отдан февраля в к. день, отдача Мокея Козлова. Списан и бысть у Мокея". В начале Юрьев-Польского раздела аналогичная пометка: "Отдан писать Юрью Дурасову марта .кв. числа "Помимо поуездных групп актов, в этой описи, как и в других описях казны XVП в., фигурировал раздел "Рознь", в который были включены грамоты с неясной географической привязкой, недатированные или с какими-то еще сомнительными признаками. Поскольку при каждом крепостном старце накапливалась такая совокупность грамот, то кн.664 дает "Розни" именные определения - "Рознь Исихеева" (крепостного старца Исихеи Избышева - М.Ч.), "Рознь Аронова" (крепостного старца Арона Покровского. - М.Ч.)[45].

Вероятно, близкой по времени к описи I684/85 г. является недатированная опись конца XVП в., кн.665. Она интересна тем, что в ней за каждый поуездный раздел расписался определенный слуга, взявший его для переписывания. По левому полю на листах сохранились различные пометки: "у Юрья Дурасова положена в прибору, у Юрья не спрашивать", "Петр спрашивал на Патрикее в казне" (стряпчем Патрикее Башилове.- М.Ч.), "книги Петрушка Лвов взял в казну". Некоторые из упомянутых здесь лиц - это известные слуги, стряпчие и подьячие троицкой крепостной казны второй половины XVП в.

В период работы над комплексом копийных книг в I683-I684 гг. в Сергиев монастырь из Поместного приказа, по-видимому, была прислана перечневая "выпись I92 году всем троецким вотчинам". Как существующий документ, она фигурирует в описи кн.665 и в жалованной грамоте имп. Елисаветы Петровны I752 г., но текстуально нам не разыскана (см. Приложение I, № I02). В I683/84 г., помимо изготовления нового комплекса копийных книг, происходила какая-то доработка и уже существовавших книг. По наблюдениям С.М.Каштанова, в I684/85 г. была переплетена древнейшая кн.5I8 (ее последний л.599 имеет филигрань "голова шута" по Тромонину № 384, аналогичную филигрань имеет и бумага многих копийных книг I684/85 г.), а тетрадь № 7 из сб.637 была вплетена в кн.5I8. Тогда же был составлен еще один экземпляр кн.527 публичноправовых актов - кн.529 [47].

К августу I684 г. серия поуездных сборников копий была изготовлена, и в челобитной троицких властей на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей 2I августа I684 г. содержалась просьба издать указ о справе монастырских списков в Поместном приказе с подлинниками, закреплении справленных текстов "дьячею рукою" и возврате подлинных крепостей, писцовых и межевых книг в Троицкий монастырь "для вотчинного владения по-прежнему". Значение созданных списков возрастало с учетом неизбежного ветшания подлинников: "чтоб те списки и впредь были прочны, потому что подлинные многие крепости обветшали". Сличение представленных в Поместный приказ списков с подлинниками осуществляла группа "старых" (то есть опытных, хорошо знающих свое дело) подьячих. Не позднее мая I686 г. и списки, и подлинники были возвращены в монастырь стряпчему Ивану Гущину под расписку. При сличении в Поместном приказе привлекались и более ранние копийные книги. Например, подьячий Л.Львов на копийной книге Московского уезда I684 г. пометил, что он "справил грамоты с подлинными крепостьми и с описною книгою окольничего Федора Васильевича Волынского ·РН· году". Полагаем, что имеется в виду Московский раздел копийной кн. 530, содержащий 248 грамот [48].

Оставленные по листам копийных книг I684/85 г. скрепы поместного дьяка Дмитрия Федорова, подьячих Левки (Леонтия Львова), Максимки Данилова, Афонки Герасимова

придавали им официальное значение, ставили как бы последнюю точку в процессе их изготовления . Теперь их можно было вернуть корпорации для ее вотчинных дел. После передачи в монастырь списки, включавшие отдельные сборники актов и писцовой документации, были переплетены и отданы в крепостную казну старцу А.Покровскому. Затем сборники писцовой документации были выделены и переданы в приказ Галицкого стола слуге Василию Колмакову и в Замосковный стол подьячему Кузьме Желтухину под расписку . Как видим, кроме крепостной казны как места хранения, комплектования и использования разнообразных поземельных актов, в конце XVII в. у Троицкого монастыря функционировали и другие учреждения - два делопроизводственных стола, в которых, концентрировались большие массивы писцовой документации, работали специальные слуги и стряпчие.

Комплекс копийных книг I684/85 г. отличается единообразным оформлением (наличие предисловий, оглавлений с буквенными номерами и с заголовками актов, тогда как перед самими текстами заголовков уже не было - то же и в комплексе книг I64I г.). Все они были выполнены в едином “дизайне” - помещены в мягкие кожаные переплеты, лишь некоторые особенно пухлые фолианты имели твердые деревянные переплеты, обтянутые кожей (по Переславскому, например, уезду - 830 лл., по Московскому - свыше 500 лл., по Дмитровскому - 302 лл.). Все они крупноформатные - в лист. В конце всех копийных книг была помещена память о сошном письме для Сергиева монастыря в 40 уездах - по 800 четв. в соху и выданная на ее основе жалованная грамота царя Михаила Федоровича 20 января I6I9 г. с подтверждением царей Ивана и Петр Алексеевичей 25 октября I682 г. Все копийные книги заканчивались одинаковой фразой, содержащей основание для их датировки I684/85 г.: “А даны сии списки с подлиных могастырских вотчинных крепостей по указу великих государей и великих князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича архимандриту Викентию, келарю старцу Прокофью, казначею старцу Сергию з братией ис Поместного приказу для вотчинного их владения в нынешнем во I93 году” [30].

Важно отметить, что в предисловия к копийным книгам I684/85 г. устранены ссылки на божественные правила Вселенских соборов и 75 гл. Стоглава, запрещающие отнимать у церкви ее “недвижимые вещи”, а также фразы о возможности для монастыря дальнейшего получения от своих “бого- и христолюбцев” сел, купель и денег . Аналогичным образом изменилось и предисловие к Вкладной книге списка I673 г. Таким образом, материалы, созданные в крепостной казне монастыря в I670-I680-е гг., показывают явное ослабление канонической, религиозной направленности их предисловий, те более практичны и деловиты, но и прежнего пафоса все новых и новых приобретений земельно-денежных богатств уже не находим.

Весь корпус копийных книг I684/85 г. можно разделить на три неравные в количественном отношении группы. Первую, наибольшую группу (52 номера) составляют “чисто” актовые по составу сборники копий, вторую (I2 номеров) - “чисто” писцово-переписные по содержанию сборники, третью (I3 номеров) - смешанные актово-писцовые сборники. Распределяются они в основном по двум архивным фондам - ф. Грамот Коллегии экономии (ф.28I) РГАДА и ф.303- Архив Троице-Сергиевой Лавры в ОР РГБ (см. библиографию в приложениях к работе). В отмеченном разнообразии состава корпуса копийных книг I680-х гг. можно видеть их существенное отличие от более ранних комплексов. I580-х и I64I гг.: те были более “актовыми” по содержанию, хотя и в них (уже в древнейшей кн.5I8) попадали некоторые писцовые описания. Явное отличие видим и от копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря AI/I6 и AI/I7, в которых, по нашим подсчетам, до I0% документов являются выписями из писцовых, межевых книг, сотными и другими разновидностями писцовой документации, приведенными в одном, что называется ряду, с актами, не будучи вычлененными в отдельные сборники[4]. Не столь четко

в кирилловских копийных книгах выражен и территориальный принцип подборки документов - акты и выписи разной географической принадлежности даны, как правило, в смешанном порядке. Возможно, это объясняется абсолютным преобладанием среди них материалов по Белозерью. Имеется некоторое сходство троицких и иосифо-волоколамских копийных книг. Изучивший поздние экземпляры последних (I764 г.) А.А.Зимин также отмечает их разнородный актово-писцовый состав и четкую поуездную структуру52 .

Оформление копийных сборников писцово-переписной документации ничем не отличалось от их актовых “собратьев”. Они имели соответствующие заголовки и оглавления. Небольшую группу в корпусе сборников I680-х гг. составляют разнообразные по составу (и чисто актовые, и смешанные) по приписным монастырям - Иоанно-Богословскому Холохоленскому в Старицком уезде, Николо-Чухченемскому, по трем переславским монастырям (Троице-Махрищскому, Киржачскому Благовещенскому, Симеоновскому) 53. Именно эти книги ранее всего стали использоваться в научной литературе. Например, уже в I850 г., а затем - в I909, I922 и I949 гг. из копийной книги Николо-Чухченемского монастыря I684/85 г. № I4385 было опубликовано несколько десятков грамот XV-XVП вв.[54]

Наиболее поздние копийные книги Троице-Сергиева монастыря I730-I750-х гг. были составлены в Вотчинной коллегии и в одном из Сенатских отделений. В Вотчинной коллегии было сформировано несколько поуездных сборников актово-писцовой документации- по Бежецку, Дмитрову, Твери, Мурому, Соликамску, Казани, Свияжску. Скреплены они были секретарем Вотчинной коллегии А. Дедеревым, а справлены ее канцеляристами и архивариусами Дм.Тележниковым, А.Ермоловым, Дм. Протопоповым, М.Чегодаровым и М.Чемодуевым[55]. При формировании поуездных сборников канцеляристы Вотчинной коллегии обращались к некоторым копийным книгам I680-х г. Например, Муромская копиная кн.7878 была переписана в виде кн.25482 с указанием на скрепы дьяка Дм.Федорова и справы подьячего Аф.Герасимова.

Кроме поуездных сборников Вотчинной коллегии, в Сенате было изготовлено два сводных актовых сборника: кн.763 - на земельные владения лавры, кн.809 - на ее городские дворы. Данные сборники можно считать подготовительными материалами при выработке двух самых поздних общих жалованных грамот Лавре имп. Елисаветы Петровны I752 г. (разговор о них - еще впереди). Важно отметить, что при изготовлении кн.809 использовались троицкие копийные книги еще более раннего времени, I64I г. - № 530 и 532 (буквенные номера в них и в кн. 809 совпадают), а в отдельных случаях даже привлекались и подлинники.

Копийные сборники документации Сергиева монастыря XVШ в. создавались не только в центральных, но и в местных учреждениях. Б.Д.Греков упоминал сборник из собрания Археографической комиссии, изготовленный с копийной книги писцовых материалов Троицкого монастыря по Деревской пятине I684/85 г. Сборник этот был создан не ранее I7I9 г. и имел роспись валдайского комиссара А.Кондратьева [56].

В I733 г. в Переславской провинциальной канцелярии было составлено два сборника выписей из межевых книг Троицкого монастыря по Ростовскому уезду. Оба имели формат в лист и скрепы воеводы А.Зуева[57]. Ныне в некоторых региональных архивах удается обнаружить отдельные актово-поуездные сборники Троицкого монастыря XVШ в., например, по Тверскому и Бежецкому уездам - в Тверском областном госархиве Копировались поземельные документы и в отдельных селах, в ведомстве монастырских приказных. В I752 г. в селе Медна Новоторжского уезда Тверской губернии у приказного А.Наумова находился сборник в 138 лл. in folio, содержащий 34 документа. В начале XX в. он был доставлен в Тверскую ученую архивную комиссию Корчевским уездным исправником Н.М.Докучаевым и издан тверским краеведом В.М.Рубцовым в I905 г.

Крепостные сборники создавались и в церквах отдельных сел. Например, в I754 г. из церкви с. Поречья Дмитровского уезда по приказу Лаврского собора были отправлены в Лавру подлинные акты, но предварительно с них были сняты копии. Образовавшаяся таким образом копийная книга до начала XX в. находилась в сельской церкви, пока священник К.Ф.Колоколов не доставил ее в Тверскую ученую архивную комиссию (с.Поречье относилось тогда к Калязинскому уезду Тверской губ.), опубликовавшую затем эту книгу [59].

Рассмотрев состав копийных книг Троице-Сергиева монастыря XVI- первой половины XVШ в., логично перейти к характеристике содержащихся в них грамот, а также обзору корпуса подлинных актов конца XVI - XVП в.

2.4. Троицкие акты I584-I700 гг.

Весь актовый материал делится нами на три большие группы: I) публичноправовые акты; 2) частноправовые; 3) монастырские по присхождению акты, созданные в крепостной казне (канцелярии). Всего за подлежающий изучению период удалось выявить 977 грамот I и 2 групп . Из них лишь меньшая часть - I80 - была опубликована в различных (преимущественно еще дореволюционных) изданиях (см. библиографию), остальные же - извлечены из центральных архивохранилищ . С этой целью сплошному обследованию были продвергнуты ф.ГКЭ и ф.I204 (Троице-Сергиева Лавра) в РГАДА, ф.ЗОЗ (Архив Троице-Сергиевой Лавры) в ОР РГБ, Основное собрание актов и грамот и Погодинское собрание в ОР РНБ. Рассматривались как отдельные подлинники и списки, так и комплексы копийных книг с конца XVI в., характеристика которых была дана выше. Было установлено, что примерно две трети (60 %) актов дошло до нас в оригиналах, зафиксированных также в виде списков из копийных книг. Исключительное значение последних заключается в том, что в составе своем они содержат тексты еще примерно 40 % актов, подлинники которых до нас не дошли. Для уравнения укажем, что по более раннему времени (конец XIV - I584 г.) сохранилось I900 актов, из которых 58 % в подлинниках, остальные 42 % - только в списках[60]. Как видим, процентное соотношение оригиналов и списков осталось примерно таким же. Само же их количество за конец I584-I700 гг. заметно сократилось. Прав был в свое время С.Б.Веселовский, писавший, что в XVП в. частные акты по сравнению с XVI в. поступают в небольшом количестве [61]. Это верное, но слишком общее суждение, теперь можно конкретизировать сведениями о видовом количественном, хронологическим и географическом распределении троицких актов, представленном в табл. I-2. Грамоты, по происхождению своему связанные с крепостной казной, отражены нами в основном в Приложении I к работе.

Обращаясь к табл.I, отметим, что наиболее многочисленной, занимающей 33,2 % от всех троицких грамот, является группа публичноправовых актов (в абс. выражении – 325 единиц). Царем Федором Ивановичем было выдано Сергиеву монастырю 85 жалованных и указных грамот, Б.Годуновым - I7, первым Самозванцем - 3 (известны в позднейших пересказах), В.Шуйским - I3, польским королем Сигизмундом III - I, правительствами Земских ополчений - 2, Михаилом Федоровичем Романовым - 86, Алексеем Михайловичем - 43, Федором Алексеевичем - 29 ; Иваном, Петром Алексеевичами и царевной Софьей -37, наконец, самостоятельно Петром I до I70I г. включительно - I6. В I752 г. была выдана последняя по времени жалованная грамота имп.Елисаветы Петровны, а 28 июля I762 г. ее даже подписала Екатерина П. В I758 г. была подготовлена еще одна Елисаветина грамота Лавре - на ее городские дворы, которая так и осталась неподписанной.

Выше речь шла только о грамотах, адресованных царской властью монастырю. Была еще небольшая группа царских по происхождению грамот (жалованных послушных), адресованных как бы напрямую монастырским крестьянам и содержащих призывы ко

всяческому им повиновению, безукоснительному исполнению всех положенных феодальных повинностей (табл.I). К числу публичноправовых актов в табл.I отнесены и патриарший жалованные и указные грамоты, которых по сравнению с царскими насчитывается немного - I7. Патриарх Иов выдал Сергиеву монастырю 2 грамоты (обе известны по упоминаниям), Филарет - II, Иоаким - 3, Адриан - I. Наиболее традиционные темы для патриарших "жаловалных тарханных" грамот - это освобождение церковных причтов в монастырских селах от выплаты церковных пошлин владычным десятинникам и заезщикам[62]. Некоторые грамоты патриарха Филарета отличаются более широкой тематикой. Ими регулировались различные вопросы землевладения, земельных споров Сергиева монастыря со светскими лицами, другими корпорациями, управления им со стороны высшей церковной власти. Несколько недошедших до нас грамот патриархов Иова и Филарета Сергиеву монастырю отражено в Приложении I (№ I2,2I-26).

В выявлении публичноправовых грамот большую ценность представляет "Перечень иммунитетных грамот I584-I6I0 гг.". выполненный Д.П.Тебекиным. Он продолжает известные и давно завоевавшие заслуженный авторитет у специалистов "Хронологические перечни иммунитетных грамот XVI в." С.М.Каштанова, В.Д.Назарова и Б.Н.Флори 63. При сплошном обследовании документальной базы обнаружилась неполнота перечня Д.П.Тебекина - к указанным в нем 73 иммунитетным грамотам Троицкого монастыря должны быть добавлены еще по крайней мере 52 грамоты. Таким образом, всего к I584-I6I0 гг. относится I25 жалованных и указных грамот Троицкого архива, которые от общего числа монастырских публичноправовых актов России I584-I6I0 гг., показанного у Тебекина, составляют I7,5 % .

При атрибуции некоторых грамот Д.П.Тебекин называет их подлинными, ссылаясь при этом на списки из копийных книг I684/85 г. [65]. Не всегда, как нам кажется, удачны данные автором Перечня заголовки. Например, "жалованная грамота царя Федора Ивановича архим. Митрофану, *запрещающая* такому-то (имя рек) выкупать у монастыря такую-то вотчину" [66]. Не проще было бы сказать о том, что грамотой разрешалось монастырским властям не отдавать на выкуп такому-то такую-то вотчину? Тогда смысл царского *пожалования* монастырю, которое помогало ему отбиться от выкупщиков родовых вотчин, был бы лучше уяснен.

Среди публично-правовых актов первенствующее значение принадлежит *общим жалованным грамотам* Троице-Сергиева монастыря конца XVI - первой четверти XVП в. (I578, I606, I6I7, I624 и I625 гг.). Для целей нашего исследования весьма важны содержащиеся в них так называемые **вотчинные части,** включающие перечень уездов, в которых корпорация владела земельными, промысловыми и городскими объектами, иногда - и конкретное перечисление новых земельных и промысловых приобретений (сделанных после I578 и I584 г.), а также зависимых дочерних филиалов, широкий объем административно-судебных, податных и таможенных привилегий. В общих жалованных грамотах Троицкому монастырю первой четверти XVП в. отразился дальнейший процесс унификации, выравнивания феодального иммунитета, предшествующий этап которого был подробно изучен С.М.Каштановым [67]. После I625 г. новые общие жалованные грамоты Сергиеву монастырю не выдавались. Дело ограничивалось только подписанием уже выданных - в I657, I680 и I690 гг. В специальной гл.7 эти факты правительственной политики будут подробно проанализированы.

Сравнивая графы жалованных и указных грамот в табл.I, нетрудно убедиться в значительном численном превосходстве вторых (исключение составляет лишь десятилетие I59I-I600 гг.). В конце XVI - XVП в. нарастает выдача не просто указных, а целых *серии указных* грамот (в I4-I6 городов одновременно). И в этом также нельзя не усмотреть процесса унификации, выравнивания административно-судебных норм и административно-судебного,

податного, таможенного статуса Троицкого монастыря в XVП в. в целом. Понятнее становится и необходимость масштабной работы крепостной казны Троицы, в которой переписывались десятки и сотни публичноправовых грамот, заверялись келарской (казенной печатью) для придания им официального характера и рассылались в многочисленные города для соблюдения местными властями прописанных в грамотах "с прочетом" льгот и привилегий корпорации и ее населения [69]. В XVП в. известна и рассылка таких списков, заверенных печатями приказа Большого Дворца и подписями его дьяков, следовательно, под контроль государственного учреждения ставилось само воспроизведение текста государевых грамот монастырскими подьячими и писцами (дабы смысл правительственных документов не был искажен?). О развитом делопроизводстве и в местных органах управления, и в крупнейшем монастыре говорят упоминания в конце XVI в. о *".противнях"* (отданных местным воеводам, городовым приказчика и пр.) и *"прямых крепостях",* находящихся в троицкой казне [70]. И те и другие были востребованы и значимы в регулировании церковно-государственных отношений на всех уровных власти - высшей, центральной и местной.

В корпусе частных актов наиболее многочисленной является группа **данных** грамот. Судя по табл.I, их было I85, или I8,9 %. По сравнению с XVI в. (свыше 600 данных до I584 г.) их количество в конце XVI - XVП в. заметно уменьшилось. Это свидетельствует об общем снижении темпов роста монастырского землевладения, поскольку данными грамотами оформлялся один из основных его путей - дарения и вклады "по душе". Судя по табл.I, основная масса данных грамот Троицкого монастыря приходится на конец XVI -первую половину XVП в. с особенно значительной концентрацией на 10-30-х гг. XVП в. После I648 г. число данных грамот резко идет на убыль. Эти наблюдения пригодятся нам при рассмотрении конкретных земельных вкладов в монастырь, картина которых будет представлена в гл. 3.

Формуляр данных грамот, сложившийся к XVП в., отражал всю сложность и противоречивость, болезненность процесса расставания с землей для широких кругов землевладельцев в России. Вотчины передавались корпорации "по душе без выкупу, в вечной поминок, впрок без выкупа" и т.д. и в то же время в тех же самых данных говорилось о возможности родового выкупа, определялись его размеры. Отмеченной противоречивостью формуляра данных грамот как бы резюмировалась изначальная противоположность церковного и вотчинного права: для церкви *каноническое* требование неотчуждаемости "в Богови данных в наследие вечных благ", для феодалов - *обычное право* родового выкупа в течение 40 лет. В иных данных встречаем прямо-таки парадоксальную формулу дарения земли в Троицкий монастырь *"безвыкупно за I00 руб."* [71].

Новой клаузулой в формуляре данных грамот стало включение в них в начале XVП в. явно крепостнического оборота на случай родового выкупа: "А которых оне (то есть монастырские власти. - М.Ч.) в тое мою вотчину посадят крестьян, и им тех крестьян из вотчины вывети вон, а роду моему и племени до тех крестьян дела нет и не вступатись". На эту и другие близкие к ней по смыслу формулы в поземельных актах Троицкого монастыря первой половины XVП в. обратили внимание еще В.О.Ключевский и П.И.Беляев.

Ключевский трактовал их как наглядное свидетельство успехов личного прикрепления крестьян и отсутствие поземельного прикрепления . Если в поземельных актах XVI в. фразы о том, что земля дается "впрок без выкупа", "до тое вотчины мне дела нет", прилагалась к самой земле, то в первой половине XVП в. - еще и ко вполне одушевленным ее обитателям.

К тому же кругу явлений можно отнести и упоминания в поземельных актах о передаче в монастырь вместе с документами на землю и различных актов на крестьян - порядных, ссудных, поручных, раздельных записей. О возможном ослаблении религиозного характера дарений светских вотчин корпорации и более активной роли самого института выкупа свидетельствует почти полное исчезновение так называемого *заклятья* дарителей в

адрес своих родичей, если те “учнут выкупать ту вотчину у монастыря”. Не более трех случаев, когда заклятье включено в данную грамоту, удалось выявить за первую половину XVII в. Если раньше устрашающие последствия выкупа поминальной вотчины из состава монастырской латифундии могли связываться в религиозном сознании человека с пресечением профессиональной заупокойной молитвы по его душе и душам его предков, то в XVII в. с его более развитыми формами экономической жизни, более заметной ролью товарно-денежных отношений денежный эквивалент, оставляемый корпорации за выкупаемую вотчину, служил успокаивающим, смягчающим оправданием факта выкупа, не угрожающим процессу вечного поминовения, “доколе та святая обитель стоит”. Изменение формуляра данных грамот в первой половине XVII в. выразилось и в почти полном исчезновении так называемых “данных со здачей”, то есть денежной приплатой со стороны корпорации. Во второй половине XVI в. таких данных было очень много, и отразили они фактические купчие сделки на землю, стимулированные со стороны корпорации приплатами к земельным вкладам. В первой же половине XVII в. удалось выявить лишь две данные грамоты, отдаленно напоминающие данные со здачей (обе - на городские дворы): в одном случае при получении двора стоимостью в 70 руб. контрагенту со стороны монастыря было выплачено 20 руб.; в другом - за вклад двора контрагенту было дано I0 руб., то есть фактически купчие сделки были завуалированы под вклады и оформлены данными грамотами [75].

Для частных актов XVII в. была характерна текучесть видов, их переходимость из одного в другой. Об определенном опрощении видов актов говорит обилие не только данных грамот, но и данных *записей, памятей, отказных записей,* оформлявший ту же самую по сути сделку дарения. Данными и отказными записями городских воевод фиксировался переход к Троицкому монастырю городских дворов и мест дворовых в ряде городов (Алатыре, Арзамасе, Вологде, Великом Новгороде, Нижнем Новгороде и др.). В данных грамотах на дворы посадских людей и феодалов заметно влияние обычного вотчинного права. В них включены статьи о родовом выкупе, о пожизненном владении дворами под эгидой монастыря, сами объекты дарения называются “вотчинными дворами”, “вотчинными дворовыми местами на посаде в таком-то приходе”, “вотчинными землями” [76].

Более регулярными в данных грамотах становятся обязательства дарителей записать передаваемые корпорации объекты за нею в книгах Поместного приказа. Акты на городские дворы и дворовые места нередко предъявлялись троицкими стряпчими в местных приказных избах, где в присутствии воевод они копировались в крепостные книги, фиксировались находящиеся при этом послухи, а с монастырских агентов взимались определенные пошлины. В целом в XVII в. заметно более активное циркулирование на разных уровнях центрального и местного деловой документации, отражающей рост и состояние землевладения и городского дворовладения монастыря.

В географическом отношении данные грамоты и записи Сергиева монастыря за I584-I700 гг. распределяются по 20 уездам Центра, Севера и Поволжья. В ряде уездов (например, Арзамасском, Двинском, Галицком) данными грамотами оформлялся переход к корпорации не земельных, а по преимуществу городских и промысловых владений. Общее же соотношение грамот на земельные и городские объекты выглядит так - на первые до нас дошло 94 грамоты (50,8 %), на вторые - 74 (40 %). Доля данных грамот на непашенные объекты еще более возрастет с учетом 9 % актов, которыми был оформлен переход в руки монастыря различных мельниц, дворовых строений (“хором”), садов, ульев (со пчелами), рыбных, водных и прочих угодий, разной движимости (“ладья-двинянка троеколотница”) и т.д. Значительный удельный вес данных грамот не на землю по сравнению с XV - XVI в. свидетельствует, на наш взгляд, об углублении процесса общественного разделения труда,

усилении роли города, вообще непашенных, торгово-ремесленных и промысловых занятий в России XVП в.

Таким образом, изменение формуляра данных грамот и соотношения в них разных групп в первой половине XVП в. отразило и формирование крепостнических норм обычного вотчинного права, и общий ход социально-экономического развития страны, и повышение роли денег в межфеодальной сфере отношений. Ставший более свободным денежный оборот мог повлиять на ослабление принципа невыкупа родовых вотчин, канонической неотчуждаемости монастырских земель, делал светских феодалов не столь беззащитными перед лицом могущественного корпоративного собственника. Активизация института родового выкупа применительно к старинным вотчинам, о чем речь пойдет и в гл. 3, в то же время свидетельствует о далеко еще не утраченной ценности этого сектора светской вотчинной системы.

Наряду с данными грамотами, в Троицком архиве в составе смешанного сб.637 сохранились и так называемые *записи о вкладах.* При отсутствии изначальных актов (в подлинниках либо списках) такие записи становятся для исследователя единственным источником о вкладах и других земельных и промыслово-городских приобретениях монастыря. Если сравнение текста прямой данной грамоты и монастырской записи о вкладе того же самого объекта возможно, то всякий раз приходится видеть более деловитый, практический характер последних. В них отсутствует изложение религиозных мотивов передачи недвижимости в монастырь и то переплетение чувств родственных и религиозных, о котором по средневековым документам писал русский медиевист Л.П.Карсавин как о характерной черте религиозного сознания. Можно также привести интересное определение - “соотносительные акты”, предложенное А.С.Лаппо-Данилевским (вкладная от светского лица - вкладная запись от монастыря, данная от светского лица - данная запись от монастыря, рядная - сговорная и т.д.) . В такого рода актах отразился двусторонний характер заключаемых сделок, оформление их “по противням”.

Следующей после данных группой частных актов Троицкого монастыря в конце XVI-XVП в. были **купчие** (табл.I и 2). Как и данные, они дошли до нас в основном за первую половину XVП в. По второй половине столетия имеется только 4 купчих. Особенностью указанной группы является почти полное отсутствие в ней купчих грамот на землю (их только 4). Купчие буквально “царят” среди сделок на городские и промысловые объекты (дворы, дворовые места, лавки, лавочные места, огороды и огородные места, соляные варницы, колодцы, рассолы и их доли и т.п.). Наибольший “пик” купчих грамот, как и данных, приходится на вторую четверть XVП в. (особенно на I6I0-I620-е гг.). В дальнейшем их число, как и данных, тоже идет на спад.

В немногочисленных купчих на землю видим, как и в данных грамотах, клаузулы о невыкупе продаваемого объекта в сочетании с указанием на допускаемый его размер (например. 50 руб. + дополнительная плата “за прибылое вотчинное строение”). Оформление же некоторых купчих сделок на городские и промысловые объекты было столь урощенным, что ограничивалось подчас лишь подписью продавца на обороте своей прежней (светской) купчей грамоты (или купчей своего деда, бабки) о продаже двора, 59 бадей рассола и т.д. в монастырь . Среди “городских актов” Троицкого монастыря конца XVI - XVП в. определенная часть (8 %) была написана собственноручно дарителями и продавцами своих дворов (в предшествующий период собственноручные акты составляли 6 %), что говорит о несомненном повышении уровня грамотности городского населения страны в XVП в. Вместе с тем повышается значение и гражданского нотариата в русских городах XVП в. Имеем в виду институт площадных подьячих, которыми была оформлена треть частных актов Сергиева монастыря от общего их числа, написанного посторонними лицами (не собственноручно дарителями или продавцами и не в троицкой казне). Рост грамотности и

расширение городского нотариата в лице площадных подьячих ослабляли в XVП в. значение монастырской крепостной казны как места оформления поземельных и дворовых, промысловых, прочих сделок. Это обстоятельство, в свою очередь, влияло и на изменение формуляра частных актов, расшатывало прежние его устойчивые формы, делало их более размытыми, нечеткими, восприимчивыми к воздействию неактовых источников, других видов деловой письменности. Разнообразие частных актов могло объясняться и местными традициями этой письменности, бытовавшими в разных городах России[77a].

Своеобразную группу купчих составляет большая их совокупность (несколько десятков грамот), оформленная в I582-I586 гг. черносошными крестьянами волости Варзуги на Кольском полуострове (Двинский уезд). Они свидетельствуют об интенсивной приобретательской деятельности Троицкого монастыря на Севере в условиях действия запретительных приговоров I580 и I584 гг. Н.Н.Покровский писал о влиянии формуляра новгородских актов на двинские грамоты в более раннее время. Оно сказалось, например, в отсутствии в них традиционного для поземельных актов в уездах московского влияния оборота “куда соха, плуг и коса ходили”. С присоединением Двинской земли к Москве эта особенность исчезает. Некоторые же другие держались весьма стойко, а именно в обозначении сделки указание на то, вотчина это или купля, а также на географическое расположение объекта[79]. В интересующей нас группе варзужских купчих грамот I580-х гг. видна явная архаичность формуляра. Промысловые угодья - луки - продавались “волощаны-варзужаны со всеми с рыбными ловищи и с речными и с морскими и с лешими ухожеи и з сенными покосы, куде ходила коса и топор” (последний оборот в поземельных актах Центра в конце XVI в. чаще всего уже отсутствовал). В старинной формуле определения границ не названа соха, что, вероятно, говорит о ведущей роли в этом крае промысловых занятий, а не пашенного земледелия. Тем не менее в варзужских купчих видим формулу отказа от родового выкупа: “и мне дела нет до того угодья ни детем моим, ни роду моему, ни племени, опричь Троецкого монастыря” . По наблюдениям А.И.Копанева, массовых данных о функционировании института родового выкупа в Двинской земле в XVI в. нет. В крестьянской среде он деформировался в простую сделку купли-продажи 81.

Помимо данных и купчих грамот, в Троицком архиве за конец XVI - XVП в. сохранилось и 35 меновных. Традиционно они были широко распространены в сфере межфеодальных поземельных отношений. Новым моментом в формуляре меновных стало включение в него статьи о неприеме беглых крестьян из светских вотчин, промененных отныне монастырю, а в случае такого бегства обязательная отдача их назад: “А в свои вотчины беглых крестьян ис тех промененных вотчин не примати. А будет прибегут, и их отдавати монастырю безубыточно”. В меновных XVI в. данной клаузулы не было.

Основная масса меновных, как и названных выше видов частных актов, приходится на вторую четверть-середину XVП в. В I67I-I680 гг. монастырь не получил ни одной данной, купчей или меновной грамоты, а в I68I-I700 гг. при полном отсутствии земельных вкладов и заметном снижении покупок только меновные операции как-то оживляли текущую земельную практику монастыря. Эти наблюдения конкретизируют слишком общие суждения С.Б.Веселовского о том, что в течение всего XVП в. частные акты поступают в архив Троицкого монастыря в небольшом количестве, а в конце XVП в. поступление актов всех родов почти прекращается с прекращением роста земельных владении монастыря . Сохранилось I9 **закладных кабал** на отдельные деревни, пустоши, “жеребья” в селах и сельцах и I4 закладных на городские и промысловые владения. По сравнению с XVI в. доля закладных грамот увеличилась вдвое. Всплеск их приходится на I630-е гг., что может объясняться условиями Смоленской войны и резким возрастанием государственных налогов. Озабоченность этим прямо отражена в некоторых закладных: “ для государевы смоленские службы сыну моему”, “в платеж в государевы четвертные и ямские денги и в смоленские

подводы”[84]. Формуляр данных и закладных на землю весьма близок. Старинные и жалованные вотчины закладывались “с пашнею и с лесы и с болоты и со всеми угодьи и со крестьяны и с бобыли”. В текст закладной записи нередко включались выписи из писцовых книг с указанием крестьянских и бобыльских дворов с их дворовладельцами, а также - соответстующих доль вытного тягла, статьи о размерах родового выкупа закладываемой вотчины (+ что власти приговорят за прибылое вотчинное строение), о выведении крестьян из выкупаемой закладной вотчины в другие троицкие села и деревни, очищальные обязательства заимщиков перед корпорацией.

Среди закладных грамот светских феодалов горожан, как и их купчих, заметно немалое их количество, собственноручно написанных. Это отражает их инициативу в обращении к богатому деньгами и хлебом (были и хлебные кабалы) монастырю. Дошедшие до нас закладные (они же заемные записи) составляют лишь долю от общего числа актов этого вида. Например в Описи I64I г. упомянуто не менее I50 кабал конца 20-х - начала 40-х гг. XVП в. Их перечень приводится у нас в Приложении I (№ 229-275), и интересен тем, что показывает широкое распространение закладных и заемных сделок на разные виды имущества, недвижимого и движимого. Это была не только земля, городские и промысловые владения, но и драгоценности, книги, иконы, парсуны (в XVП в. они уже различались), светские поземельные документы (“старые крепости”, “поместные записи”). С учетом всей этой информации можно говорить прямо-таки о функциях ломбарда, которые взял на себя Троицкой монастырь во второй четверти XVП в. Тщательнее всего в крепостной казне монастыря хранились закладные и заемные кабалы на недвижимость (земельную, городскую, промысловую). Кабалы же на движимое имущество практически не уцелели. Следовательно, документированность разных сфер социальных отношений и взаимосвязей у монастыря в XVП в. была еще более основательной, чем позволяет судить дошедший до нас корпус актовых источников.

По виду своему и по сути совершаемых сделок закладные были близки к купчим. Не случайны знакомые и по XVI в. непременные клаузулы о том, что если заложенная вотчина не будет выкуплена на означенный срок, “ся кабала - купчая”. На Двине закладные в случае невыплаты долга считались “и купчими, и отводными, и дерными”. Некоторые вотчины могли быть сначала заложены в монастырь их владельцами “ради своей скудости”, а затем переданы в качестве вкладов, то есть фактически сделка становилась купчей . В городской среде продажа своих дворов также могла производиться после того, как закладные оказались просроченными.

Новой разновидностью поступных актов Сергиева монастыря в XVП в., неизвестной в более раннее время, стали **доступные записи на крестьян** (не менее 18 - табл.I). Прежде поступными грамотами (близкими по сути к данным, отказным) оформлялся переход только неодушевленной недвижимости в руки корпорации. Из исследователей на троицкие крестьянские поступные XVП в. обратил внимание М.А.Дьяконов, опубликовавший значительное их количество. На формуляр новых поступных записей явное влияние оказал формуляр поземельных отступных. В новых поступных видим заверения светских феодалов о том, что “впредь мне... до тое крестьянина дела нет, вперед не вступатись, очищать ото всяких крепостей и убытка никоторово не довесть”. В заключительной части поступных перечислялись послухи и давались их собственноручные подписи . В приложении I (№ I56, 34I) приведены некоторые не сохранившиеся текстуально поступных записей светских феодалов в Троицкий монастырь I640-I650 гг. на крестьян, данные в качестве денежных вкладов, приравненных к 50 руб. (наиболее распространенный в Троице тариф). Так поступные записи на людей становятся одним из компонентов межфеодальных сделок, средством межфеодального распределения рабочих рук, отражая, на наш взгляд, развитие крепостнических норм обычного вотчинного права.

До сих пор речь шла в основном о разновидностях актов, поступивших в крепостную казну Троицкого монастыря, которыми были оформлены его поземельные и другие сделки.

Здесь они хранились, переписывались в копийные книги, использовались в текущей вотчинной практике корпорации. Однако значительная часть актовых источников была изначально выработана в крепостной казне монастыря, осуществлявшей, как выше уже говорилось, помимо архивных, еще и канцелярские функции. Этими актами также была документирована сфера разнообразных межфеодальных отношений. Созданные в Троицкой канцелярии грамоты, записи, памяти, отписи выдавались на сторону светским контрагентам корпорации и в массе своей до нас не дошли, поэтому возможности их дипломатического изучения весьма ограниченны. В качестве обязательной источниковедческой задачи в данной работе нами была поставлена задача максимально полного выявления (на уровне хронологическо-видового перечня) несохранившихся актов Троицкой крепостной казны. Посильное ее решение отражает Приложение I, к которому еще не раз придется нам обращаться. Постановка такой задачи определяется важностью исследования именно канцелярского происхождения актов в тесной связи с историей самих канцелярий, в которых они были созданы. Об этом как об актуальной проблеме современной дипломатики пишет крупнейший отечественный специалист по ней С.М.Каштанов. В отличие от нашей, в зарубежной дипломатике как раз интенсивно изучается история средневековых канцелярий и канцелярское происхождение актов [89].

Непосредственным толчком к созданию в Троицком монастыре своей поземельной актовой документации послужила широко распространенная в нем практика предоставления собственной земли в различные формы условных, пожизненных, срочных и иных держаний светским феодалам. Уже в 30-х гг. XVI в. в Троицкой канцелярии систематически оформляются отписи, записи, памяти, вкладные, данные, льготные, оброчные и иные “властины” грамоты прежде всего широким кругам светских феодалов, а с середины XVI в. и собственным крестьянам. Пока остановимся на документировании межфеодальной сферы поземельных отношений. Вопросы о сеньориально-крестьянской их сфере и степени ее документирванности будут разобраны далее. Названные виды актов скреплялись обычно келарской печатью, за которой с середины XVП в. утверждается наименование “домовой”, “казенной”, *“печати крепостной казны Сергиева монастыря”* . *С* I533 до I584 гг. известно I6 отписей и памятей, выданных из Троицкой канцелярии. Существовала подобная практика и в приписном Киржачском Благовещенском монастыре -в его казне документы заверялись печатью строителя 91.

Кроме поземельной, и чисто денежная сфера отношений корпорации со своими многочисленными вкладчиками порождала необходимость в ее четком документировании. Со второй половины XVI в. в практику Сергиева монастыря входит составление и выдача светским контрагентам вкладных памятей о получении от тех денежных вкладов “по душе” и взятии на себя соответствующих обязательств по профессиониальной организации заупокойного культа для их семей. Так оформлялась договорно-правовая, взаимно-обязательственная основа отношений в рамках: крупнейший монастырь - светское общество. От I584-I600 гг. известно 20 документов Троицкой канцелярии, а в дальнейшем (до I657 г.) - о 60. Еще о 58 канцелярских актах Троицы известно за I592-I672 г. по упоминаниям. В случае утери светским лицом монастырской отписи или памяти ему мог быть выдан ее “дубликат”, что указывает на запись-регистрацию текстов в книгах канцелярии или крепостной казны . О развитых формах делопроизводства в Троицком монастыре говорит упоминание “белых” и “черных” вкладных. Беловой, чистый экземпляр, заверенный келарской печатью, выдавался светскому лиц, а черный (подготовительный ?) оставался в монастыре “в столпу дел”. В таких “столпах” канцелярские акты монастыря находились в составе целых делопроизводственных комплексов - приговоров монастырского собора, выписей из

писцовых книг, челобитных и т.д. В канцелярии или приказных столах монастыря велось такое же столбцовое делопроизводство, как и в центральных и местных учреждениях России XVII в. Как имеющие более текущий, преходящий характер, делопроизводственные документы в копийные книги не вписывались. За теми было закреплено изначально-вечное, непреходящее, сугубо собственническое, земельно-правовое назначение, важное в построении церковно-государственных и межфеодальных отношений. Вкладные же отписи и памяти - это меняющаяся повседневность. Так присущие феодальной эпохе представления о сравнительной ценности тех или иных видов документов, их значимости повлияли и на практическую организацию архивного дела и делопроизводства в монастыре.

Вкладными отписями, памятями, выданными из монастыря светским лицам, также удостоверялось их право быть постриженными в Троице, а затем и погребенными на монастырском кладбище. Получателями таких документов могли быть не только светские землевладельцы-феодалы, но и торговые люди разных городов, их привилегированная верхушка - гости, черносошные и дворцовые крестьяне, приходские священники, монахи и монахини других монастырей (Спасо-Пертоминского, Николо-Шартомского, Костромского Ипатьева, Архангельского в Юрьеве-Польском, Спасской пустыни в Галиче), церковные иерархи, сами троицкие старцы, слуги, крестьяне (см. Приложение I. № III, I32, I57, I66 и др.).

Учитывать приведенные в Приложении I документы-упоминания важно в плане изучения поминальной практики на Руси XV-XVII вв., происходящих изменений в ней и в религиозном сознании русского средневекового человека вообще [94].

Внутривотчинные сеньориально-крестьянские отношения были документированы значительно меньшим количеством актов по сравнению с межфеодальной сферой. До середины XVI в. известна практически только одна льготная грамота троицкая келаря крестьянину С.Лукину с сыновьями I499 г. на поселение на участке земли на р. Воре (приложение I. № I87). По-видимому, регулировались эти отношения обычным вотчинным и общинным правом, в основном на устной основе. В середине- второй половине XVI в. создаются уставные монастырские записи и грамоты, которые для адресуемых в них общин представляли своего рода публично-правовые нормативы, регулирующие порядки землепользования, обложения, феодальной ренты (сеньориальной и государственной) судебно-административных и иных сторон жизни (Приложение I. № I73-I85). Своей творческой удачей автор считает находку тетради порядных записей и грамот Троицкого монастыря I550-х-I590-х гг. в составе Погод. I564 на л.30-50. До этой находки их тексты были известны только по старой публикации - в I-м томе ААЭ (I836). В огромной по территориальному размаху вотчине письменные акты, регулирующие крестьянско-сеньориальные отношения, естественно, не могли оформляться только в монастыре. Этим правом обладали в конце XVI - первой трети XVII в. и дворцовые его старцы, разъезжавшие с податными и судебно-организационными полномочиями по селам своих “дворцов” (подробнее в гл.7 об иммунитете) и имевшие свои печати [95].

Общеизвестных и основных актов, отражающих историю крестьянства XVI-XVII вв. - порядных, ссудных, поручных, жилых записей в Троицком архиве сохранилось ничтожно мало по сравнению с другими монастырями и отнюдь не в соответствующем огромному численному составу самого зависимого сельского населения крупнейшего русского монастыря (2I тыс. дворов в конце XVII в.). Конкретное число **крестьянских порядных** в табл.I не указано, поскольку только для I6I7-I6I8 гг. их можно минимально исчислить - I4. Для остальных же годов этот вид актов упоминается обычно в общей форме и во множественном числе. Точно так же и поручные записи для I6II-I698 гг. фигурируют в качестве упоминаний в различных хозяйственных и вотчинных книгах, начиная со свозных I6I4 г. Такими записями монастырские крестьяне подкрепляли свои обязательства перед руководством самостоятельно “вывестись на свои старые жеребья (по первому пути того же

году или в Егорьев день осенний). Поручными записями сопровождалась также передача из монастыря крестьянам в аренду пашенных земель, мельниц, пустошей, других оброчных статей и их обязательства в этой связи своевременно платить в монастырскую казну оброчные деньги. Справедливости ради стоит отметить, что поручными записями оформлялись отношения монастыря не только со своими крестьянами, но и с городскими ремесленниками, мастеровыми людьми, зависимыми от него, представителями других слоев русского общества.

В группе крестьянских и бобыльских **челобитных** можно выделить так называемые подписные, явочные и изветные. Ранее всего упоминания о них встречаются в составе фрагментов оброчных и вытных книг I595/96 г. В челобитных содержались просьбы об уменьшении тягла для обедневших или пострадавших от пожара, недорода, других стихийных бедствий крестьян, о переводе натуральных взносов на денежные, взятии земли или мельниц на оброк, переводе ремесленных и мастеровых людей также на оброк и т.д. (приложение! № 206-2I8). Весьма примечательны челобитные, в которых крестьяне просили записать их в специальные монастырские **"вывозные книги"** при выходе или переводе из одной монастырской вотчины в другую. Одно такое упоминание известно по Закудемскому стану Нижегородского уезда, который интенсивно заселялся в конце XVI -первой четверти XVП в. (приложение I. № 2I0). Следовательно, распространенные у Троицкого монастыря внутривотчинные переходы и переводы крестьян могли получать соответствующее письменное оформление.

Довольно многочисленна - 40 (табл.I) - группа **явочных челобитных** XVП в. Они отражают разного рода уголовные правонарушения и коллизии на повседно-бытовом уровне жизни. Более всего таких "явок" сохранилось в фонде Я.П.Гарелина в ОР РГБ. Незначительная часть их была опубликована В.Борисовым. Издавались они и в вологодских краеведческих изданиях. Сравнение выявленных нами челобитных с недавно вышедшей публикацией показывает, что и у троицких тематика была примерно такая же. Бросается в глаза лишь обилие этого вида актов в архивах других монастырей, в отличие от Троицкого . В издание включены I22 крестьянские челобитные из архива Кирилло-Белозерского монастыря, 84 - из архива Спасо-Прилуцкого [97]. Д.И.Раскин пишет о том, что в некоторых северных монастырях (Кириллове, Антоньево-Сийском) в первой половине XVШ в. велись специальные книги записей крестьянских челобитных[98]. Ничего подобного по Сергиеву нам неизвестно. Сохранившееся по нему количество крестьянских челобитных, как и других актов, отражающих историю крестьянства (выше уже названных) даже отдаленно не соответствует численности самого крестьянства в его вотчинах. Набираемые нами источниковедческие наблюдения над документальной базой важны в плане определения профиля предстоящей работы, может ли она быть выполнена в традиционном крестьяноведческом русле? Получается, что для желаемой реализации темы в таком именно направлении много ограничителей, связанных с огромным преобладанием поземельно-правовой, собственнической по природе своей документации.

Только по упоминаниям известно о **жилых записях** (в Описи I64I г.), а относятся они к приписным Троице-Казанскому и Троице-Свияжскому монастырям (приложение I. № 226-227 и № 228 по Москве). Текстуально неизвестны ссудные записи, различные "кабалы" по предоставлению денег в долг на приобретение соли, рыбы, "животины", по предоставлению монастырским крестьянам хлеба и денег в долг. О том же, что такие ссуды, причем в большом количестве, имели место в действительности, узнаем из Описи I64I г. В ней только по второй четверти XVП в. перечисляются и отдельные заемные и судные записи на крестьянах, как на индивидуальных, так и на общинах (не менее 400), и целые "долговые", "должные книги". Размах ссудно-подможной деятельности Троицкого монастыря по отношению к собственным крестьянам выглядит весьма внушительным. И учитывать это

обстоятельство важно для понимания экономических основ крестьянской поземельной и личной зависимости в вотчине именно у такого корпоративного собственника-гиганта 99. Своеобразный парадокс заключается в том, что от некогда столь богато документированной сферы вотчинно-крестьянских отношений ныне мы не имеем почти никакого следа.

А уж самый низовой и основной - крестьянско-общинный - этаж огромной вотчины совсем слабо освещен источниками. Лишь по упоминаниям известны **"мирские выборы за священниковыми руками"** ряда монастырских вотчин-волостей, когда речь шла об участии общины в земельно-тяглом перемере надельной земли. **"Крестьянские заручные скаски"** содержали сведения о засеве полей, запасах монастырского и крестьянского хлеба в селах. Они использовались старцами и слугами при составлении переписных книг в конце XVП в. Обобщенное упоминание о разных мирских делах и письмах находим в переписных книгах начала XVП в. и описи I70I г. приписного Троице-Авнежского монастыря в Вологодском уезде (приложение I. № 360). Имеются такие упоминания и еще по одному северному - приписному Николо-Чухченемскому - монастырю - в переписных книгах начала XVП в. и писцовой книге I622/24 г. В этих обителях крепости хранились в ящиках. сувоях, были писаны на харатье (старинная традиция двинской письменности) и на бумаге.

Крайнюю немногочисленность, разрозненность документов крестьянской общины исследователи отмечают даже на Севере, где такого рода источники за XVI-XVП вв. сохранились полнее, чем в других регионах. В.И. Ивановым был выявлен сравнительно полный комплекс мирской документации по Шуерецкой волости Соловецкого монастыря начала XVП в. Здесь сложилась более или менее целостная система общинного делопроизводства, в рамках которой ежегодно составлялись книги четырех обязательных разновидностей - отпускные, проторные, сносные и окладные [100]. Крестьянский "выбор" (мирской приговор) на житничных целовальников в общинах на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVП в. подробно рассмотрела З.В. Дмитриева. Приходо-расходные книги мирских старост на землях Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологодском уезде в конце XVП в. исследовались Е.Н.Баклановой 101. Такого рода документации в Троицком архиве также нет. Можно сослаться лишь на очень небольшой фрагмент приходо-расходной книги мирского старосты одного из сел приписного Успенского Стромынского монастыря I7I5 г. (приложение I. № 36I).

Практически неизвестны в Троицком архиве и крестьянские духовные грамоты. Удалось выявить только два упоминания (в Описи I64I г. и вкладной книге I673 г.). Оба случая связаны с передачей в монастырь этих духовных их составителями. Такая передача означала переадресовку полагающихся по духовным денег от заимодавцев (ими являлись троицкие крестьяне) корпорации, что приравнивалось ею к денежным вкладам с их стороны (приложение I. № 356, 357). Известно также несколько случаев, когда данными грамотами оформлялись вклады троицких крестьян в свой монастырь на городские и промысловые объекты, прежде ими купленные или взятые в заклад у посадских и торговых людей. Таких примеров немного (приложение I .№ 347,346,35I-354).

2.5. **Государственные описания.**

а) дозорные и писцовые книги первой половины XVП в.

Важнейшим и очень сложным по содержанию источником для изучения многих проблем социально-экономической истории Троице-Сергиева монастыря является обширный комплекс писцовых и дозорных книг I590-I640- ых гг. Первое валовое государственное землеописание троицких вотчин было осуществлено в I592-I594 гг. в 33 уездах России.

Источниковедческая характеристика писцовых книг I590-х гг. была дана в нашей монографии (гл. 3), поэтому здесь не повторяется. Остановимся поэтому подробнее на дозорных и писцовых книгах I6I0-I640-х гг.

Совокупность **дозорных книг** троицких вотчин I6I0-х гг. может быть разделена на две группы. Одну составляют дозоры отдельных вотчинных комплексов либо владений в рамках определенного уезда, вторую - многоуездные валовые описания. Хронологически дозорные книги также можно разделить на более ранние, I6I0-I6I6 гг., и поздние, I6I9-I620 гг., примыкающие почти к началу валового описания I620-х гг. В отличие от Калачовской публикации писцовых книг I592-I594 гг., государственные дозоры троицких вотчин I6I0-х гг. опубликованы в ничтожном количестве, хотя ценность самих дозорных книг давно по достоинству оценена в литературе 102.

Наиболее ранние дозоры троицких вотчин были проведены уже в I6I0-I6I2 гг. по распоряжению королевича Владислава "Жигимонтовича" (в угличском селе Прилуки) и руководителей Второго земского ополчения кн. Д.М.Пожарского и кн.Д.Т.Трубецкого (по Владимирскому, Муромскому, Юрьевскому и Костромскому уездам)[103]. Особенностью ранних дозоров является использование писцами, наряду с принципами сошного письма, и принципов описания с помощью "живущей выти", а также отсутствие ссылок на предшествующие описания, приправочную документацию и т.д.

В I6I4-I6I6 гг. были проведены наиболее полные и систематические дозоры троицких вотчин.'В I6I4 г. Ф.Воронцов-Вельяминов и подьячий А.Михайлов дозирали монастырские земли в I5 уездах. Их дозор дошел до нас в четырех подлинных книгах - двух из ф. Поместного приказа (кн.258-259), одной из ф. Грамот Коллегии экономии (кн.3885) и Г.Постоевым - в Бежецком, Переславском, Угличском и Кашинском уездах - дошла до нас в виде только позднейшей копии, I737 г., изготовленной в Вотчинной коллегии с подлинного текста. Как и дозор Веяминова-Воронцова, описание Воейкова-Постоева хранилось в крепостной казне монастыря, поскольку фигурирует в перечне писцовых, дозорных и межевых книг I64I г. При проведении валового дозора I6I4 г. использовались комплекс приправочной документации с описаний I592-I594 гг. В некоторых случаях дозорщики сопоставили результаты своих описаний с итогами книг I593/94 г. непосредственно по подлинникам Поместного приказа. Кроме них, в самом монастыре имелся свой корпус противней с подлинников, заверенный поместными дьяками и подьячими, а также созданные на его основе собственные списки с противней. Привлекались дозорщиками и внутривотчинные переписные документы. Например, они ссылаются на монастырские переписные книги двух переславских сел - Расловского и Микульского, полученных по душе безвременно умершего полководца кн.М.В.Скопина-Шуйского - 2I февраля и 28 июня I6I4 г.[106] Приходилось прибегать дозорщикам и к сыску, то есть устному опросу местных жителей. Это помогло обнаружить, скажем, в Оболенском уезде "сверх приправочных книг по крестьянской скаске" за р.Протвой дер. Ивановскую и 7 пустошей. Полнее был зафиксирован состав монастырских владений, благодаря сыску, и в Дмитровском, Коломенском, Тверском, Переславском, Московском уездам. Те вотчины, которые по каким-либо причинам оказались пропущенными писцами в ходе "валовой ревизии" I590-х гг., теперь были зарегистрированы за монастырем, а это имело большое для него значение в плане закрепления своих владельческих прав. В отличие от описания I590-х гг., в правительственных дозорах I6I4 г. отразилась официальная регламентация монастырской выти, поскольку всюду дозорщики зафиксировали I2-четвертную выть (независимо от качества земли). Лишь в Дмитровском уезде была оставлена прежняя I0-четвертная выть.

Разорение десятков уездов России в результате опустошительного рейда польского полковника А.Лисовского осенью I6I5 - зимой I6I6г. сделало необходимым новый валовой дозор - весной или летом I6I6 г. Автор "Нового летописца" выразительно назвал этот поход

“войной”, столь масштабным он оказался и велики были понесенные русскими потери[107]. Дозорщики I6I6 г. А.Дубасов и М.Толпыгин в качестве приправочных использовали книги с дозора I6I4 г. и по отношению к нему свой дозор назвали *“новым))*. Дошедший до нас в виде подлинной выписи (кн.498), дозор I6I6 г. охватил троицкие вотчины в 9 уездах - Угличском, Кашинском, Ростовском, Ярославском, Пошехонском, Костромском, Владимирском, Муромском, Суздальском. Дозорная книга I6I4 г., как и книги I6I4 г., хранилась в троицкой казне, а скопированные с нее тексты находятся в некоторых смешанных по составу сборниках. Используя приправочные книги с описания I590-х гг., А.Дубасов и М.Толпыгин, как и дозорщики I6I4 г., по ряду уездов более полно зафиксировали состав монастырских владений.

В I6I4-I6I6 гг. специального измерения земли и угодий не проводилось, поскольку главным считался общий ее учет как таковой . В рамках сведений о землепользовании, почерпнутых их книг I590-х гг., происходила как бы перегруппировка разных видов пашни - паханой становилось меньше, а переложной и лесом поросшей - больше, однако общая их сумма не выходила за пределы показателей I590-х гг.[109] В дозорах I6I4-I6I6 гг. использовалась официальная, положенная для монастырей 600-четвертная соха, и общим их финансовым итогом стала роспись сошному письму за приписью дьяка приказа Большого Дворца Патрике Насонова (платежница ? - М.Ч.). Известен факт пребывания ее в крепостной казне (“положена в ящик розных городов”), но ныне этот важный документ не разыскан.

Ряд более локальных дозоров был проведен в I6I4-I6I6 гг. по распоряжениям дьяков приказа Большого Дворца Б.Кашкина и М.Л.Салтыкова местными властями (городовыми приказчиками, губными старостами, стрелецкими сотниками, различными подьячими и пр.). В них, помимо сельских вотчин и населения, были зафиксированы и городские владения и население корпорации (в Соли Галицкой, Алатыре, Бежецке), а также некоторые недавно приписанные к нему монастыри - Троице-Махрищский, Макарьева пустынь, Троице-Алатырский.

Раннее применение так называемой “живущей чети” (дворовой четверти) находим в поздних дозорных книгах I6I9-I62I г. по Юрьевскому и Пошехонскому уездам. Юрьевские дозорщики Ф.К.Арцыбашев и подьячий М. Немцов выразили живущую пашню в условных дворовых четвертях, тогда как обычные пространственные чети земли использовались применительно лишь к перелогу и поросшей лесом пашне. Норма живущей чети здесь была 3-4 двора. В общем итоге дозорщики суммировали данные о живущей пашне (в дворовых четвертях) и переложной, поросшей лесом и по полученному итогу вывели оклад сошного письма. Видимо, в данном случае был осуществлен “деформированный вариант” описания. Дозорщиками применялось и “одабривание” земли, перевод большего количества средней по качеству земли в меньшее ее количество доброго качества. Одновременно с окладом сошного письма новый принцип налогообложения выражался в формуле: “а платить з живущего с 8 четвертей пашни” [110].

Пошехонские дозорщики I6I9/2I г. П.Д.Алябьев и подьячий Г.Софонов использовали живущую четь, равную 3 дворам крестьянским и 3 дворам бобыльским и в то же время соху, равную I200 четв., то есть по разряду поместной сохи для земель худого качества. Наряду с сошным итогом в живущем и в пусте, дозорщики вывели и оклад живущей чети: “А платить им з живущего с 2,5 чети пашни” 111. От поздних дозоров по Бежецкому и Дмитровскому уездам до нас дошли лишь платежные выписи, определявшие оклад живущей чети для монастырских владений в данных уездах. В Бежецком Верхе этот оклад составил I8 четей “пашни паханой”, в Дмитровском - 25 3/4 четей. Платежные выписи с поздних дозоров также хранились в крепостной казне Троицы 112.

Как бы ни были многочисленны дозоры I6I0-х гг., масштаб их не идет ни в какое сравнение с валовым писцовым описанием троицких вотчин I620-I640-х гг. Во второй

четверти XVП в. правительство не стало проводить отдельного для Троицкого монастыря землеописания, как это было в I590-е и I6I0-е гг., а осуществило это в рамках общеуездных землеописательных работ в 36 уездах России. Архивный корпус троицких **писцовых книг I620-I640-х гг.** и их группировка в соответствии с принятой ныне классификацией подробно были нами охарактеризован в специальной статье, поэтому часть материала здесь не дублируется 113 . Однако следует подчеркнуть важность двух групп архивных экземпляров писцовых книг второй четверти XVП в. при конкретном изучении монастырского землевладения, населения вотчины и ряда других вопросов ее аграрного развития .

Первую группу составляют подлинные выписи из общеуездных описаний со скрепами писцов, хранящиеся ныне в основном в ф.ГКЭ и пока еще не привлекшие к себе должного внимания исследователей. Вторую - монастырские списки, создаваемые в казне, начиная уже с I630-х гг., на всем протяжении этого столетия. На них имеются скрепы крепостных старцев (Ильи Айгустова, Арона Покровского и др.), а упоминания о монастырских сборниках писцовой документации находим и в регулярно составляемых описях крепостной казны XVП в., о которых шла речь выше 114.

Отметим также, что наиболее ранние упоминания о писцовых книгах I620-х гг. находим в Московском разделе сыскной кн.658 I623 г. и в некоторых отписях, памятях троицких властей, выданных своим светским контрагентам в начале I620-х гг. В Московском уезде троицкий слуга Е.Марков давал писцам Л.Кологривому и подьячему Д.Скирину сведения о принадлежности корпорации ряда земельных владений. В Московской писцовой книге I622/24 г. нам не удалось выявить ссылок на приправочные книги московских писцов ни I584/8 г. (Т. Хлопова с тов.), ни I593/94 г. (Л.Новосильцова), что утверждает В.Б.Павлов-Сильванский 115. В других же писцовых книгах I620-30-х гг. указания на использование троицких книг I590-х гг. встречаются: по Костромскому уезду (в Нагорной половине), Переславском, Дмитровском уездах. Кроме книг I590-х гг., привлекались и более ранние описания, I560-I580-х гг. (по Переславскому, Тверскому Оболенскому и Ярославскому уездам). Писцам были даны **монастырские** с них списки, заверенные старцем крепостной казны И.Айгустовым. Землеописательные работы сопровождались интенсивной перепиской писцов с разными центральными учреждениями, более всего приказом Большого Дворца, в котором ведались монастыри в XVП в. Как будет показано в следующей главе, писцовое описание I620-30-х гг. в целом способствовало закреплению за Троицким монастырем ряда спорных или еще в I570-80-е гг. впервые полученных владений.

Вотчины приписных монастырей в составе Троицкой корпорации фиксировались писцами на основе представленных им прежних переписных или отписных книг. Например, Николо-Чухченемский монастырь был записан за Троицей двинскими писцами М.Вельяминовым с тов. I622/24 г. на основании показанных его строителем И.Корелянином официальных переписных книг 1611 и 1615 гг. Вологодские писцы Окологодной трети уезда С. Коробьин и Ф. Стогов, записывая за Троицей приписанный к ней Авнежский монастырь, получили от троицкого слуги Ивана Палицына списки с поземельных актов черносошных крестьян Шилеходской волости на их земельные участки и угодья в эту небольшую обитель во второй половине XVI в. Получали валовые писцы в I620-30-е г. себе в помощь и поземельную документацию вотчинного происхождения, а именно росписи пустых сел и пустошей (в Боровском, Стародубском уездах).

К I64I г., когда был составлен первый специальный перечень писцовых, дозорных и межевых книг монастыря (в копийной кн. 5 32) за вторую половину XVI - первую половину XVП в., корпус описаний I620-30-х гг. был у него собран довольно внушительный - по 33 уездам. По некоторым уездам, описания которых продолжались еще в I630-40-е гг. (Переславскому, Юрьевскому, Владимирскому, Свияжскому) списки с писцовых книг были

созданы позднее. Работа по их систематизации и упорядочению продолжалась и в I680-е гг., когда составлялся поздний комплекс копийных книг, а в рамках его - и специальные писцово-переписные сборники (см. об этом выше). В I680-е гг. произошло выделение собственно актовой, крепостной документации (грамот и актовых копийных книг) от сборников писцово-переписных книг. Последние были переданы в два делопроизводственных стола: Галицкий (книги по Угличу, Кашину, Бежецкому Верху, Ростову, Галичу, Холмогорам, Варзуге, Вологде, Ярославлю, Костроме, Пошехонью, Белоозеру) и Замосковный (книги книги по Звенигороду, Малому Ярославцу, Москве, Боровску, Калуге, Верее, Оболенску, Новосилю, Кашире, Тарусе). О том, что писцовые сборники были постоянно в работе, использовались в текущей вотчинной практике монастыря, свидетельствуют пометки на них троицких подьячих: “смотрел Гришка Приклонский”, “смотрил Никитка Васильев”, “смотрел Ивашко Борисов”, “справлена”, “чтена с писцовых”, “держати в крепосной казне” и др. [116а]

Главной проблемой в изучении писцовых книг XVI-XVП вв. является проблема их достоверности. Имеется в виду соответствие действительности данных писцовых книг о размерах крестьянского землепользования. В научной литературе существуют специальные и весьма обстоятельные обзоры хода рассмотрения этой проблемы 117. Особенную сложность представляет эта проблема применительно к наиболее многочисленному и разнородному составу валовых описаний второй четверти XVП в. Понимание содержания этих книг затруднено тем, что в процессе их составления государство начало издавать указы о живущей (дворовой) чети, представлявшей собой определенное соотношение крестьянских и бобыльских дворов. Числовые значения “живущей чети” определялись для каждого уезда или группы уездов специальными указами 118. Отмеченные сложности в полной мере относятся и к комплексу троицких писцовых книг, поскольку они составляют органическую принадлежность общерусского валового описания. Их классификация вполне может быть осуществлена на основе предложенного Л.В.Миловым, М.Б.Булгаковым и И.М.Гарсковой выделения трех групп книг: I) *оптимального,* 2) *деформированного* варианта; 3) *книг с неразделенной пашней* на господскую и крестьянскую. В основу разделения был положен принцип фиксации в книгах второй четверти XVП в. важнейшего показателя аграрного развития - пашни паханой. В книгах оптимального варианта содержатся достоверные данные о пашне. В них обе системы счета - сошного письма и дворовой чети - совершенно независимы друг от друга. В книгах деформированного варианта реальные данные о пашне оказались искаженными применением и преобразованием соответствующей нормы “живущей чети” . В книгах третьего варианта пашня господская и крестьянская была дана нерасчлененно 119. Предложенная классификация получила признание у других исследователей (А.Л.Шапиро, З.В.Дмитриевой и др.). Чтобы быть ближе к определениям изучаемого времени, Шапиро предложил назвать первый тип арзамасско-псковским, второй - рязанско-шелонским, а к еще одному типу отнес писцовые книги черносошных земель, употребляющие “живущую выть”, например, Заонежских погостов. В последних гораздо полнее были учтены категории крестьянских земель и государственные повинности

крестьян. В отличие от живущей чети, живущая выть не распространялась на бобылей и не являлась такой льготной единицей. А.Л.Шапиро писал, что исследователи должны учитывать отличия разных книг одного и того же типа. Шапиро согласился с мыслью московских коллег о временной несостыковке писцовых работ и указов о живущей чети. Нередко те запаздывали к началу писцовых работ, что породило разнобой в содержании писцовых книг, допускаемые писцами произвольные отклонения от нормативов, введенных этими указами. Особенность законодательства Шапиро видел в следующем: I) постепенном, явно вынужденном увеличении тяглых дворов на живущую четь, то есть уменьшении

податного оклада крестьянских дворов; 2) отсутствии общих, относящихся ко всей стране указов о живущей чети [120].

К числу критических замечаний по поводу коллективного труда московских авторов А.Л.Шапиро отнес недооценку ими присущих писцовым книгам *и оптимального варианта* дефектов и лакун. В них попадали сведения не о всех категориях крестьянской земли, может быть, потому, что размеры ее не имели особого значения для определения оклада повинностей. По этой причине писцы далеко не всегда были озабочены их измерением и точностью записей. Сознательно искажать размер пахотных угодий у писцов не было оснований. Только лишь эволюция тяглого крестьянского надела в I580-I620-е гг. может быть детально прослежена по книгам рязанско-псковского типа, а другие виды крестьянской пашни ("затяглой") и угодий (перелога, лесом поросшей и вообще всякой "порозжей") во всей полноте не были отражены даже в книгах оптимального типа . В одной из своих статей А.Л.Шапиро ссылался на данные Готье о мизерных размерах тяглых наделов крестьян Троице-Сергиева монастыря по писцовым книгам I620-х гг. и в этой связи высказывал сомнение в достоверности данных писцовых книг на этот счет и в показываемом им соотношениии пашни паханой, переложной и целиной. Шапиро признавал точным лишь то огромное преобладание пустой земли во многих частях государства в I620-е гг., которое рисуют писцовые книги [121].

Отмечая в Предисловии к IV-му тому "Аграрной истории Северо-Запада России XVП в." резкие расхождения данных о крестьянской запашке на двор в разных писцовых книгах, Шапиро высказывал мнение о том, что писцы, скорее всего, учитывали разные категории земель. Для объяснения подобных расхождений нужно привлекать дополнительные источники, проводить большую источниковедческую работу. В разделах этого коллективного труда при исследовании проблем крестьянского землепользования авторы как раз и обращались не только к писцовым, но и внутривотчинным описаниям (З.В.Дмитриева -по вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря, З.А.Тимошенкова - Иверского Валдайского монастыря).

А.Л.Шапиро писал также и о неполноте данных писцовых книг относительно сельского населения, его категориях (крестьяне, бобыли). В книгах с живущей четью обычно были завышены сведения о численности бобылей и занижены - о крестьянах. Происходило это потому, что землевладельцы были заинтересованы в записи их крестьян бобылями, ведь по указам и живущей чети два бобыльских двора приравнивались к одному крестьянскому, то есть вдвое легче облагались. Поэтому не всегда действительной является корреляционная связь числа крестьянских и бобыльских дворов, выведенная авторами - коллективной монографии по Лихвинскому уезду. З.В.Дмитриева согласилась с этим мнением Шапиро, увидев в пропорциях крестьянского и бобыльского населения писцовых книг I620-х гг. отражение борьбы вотчинников и государства за снижение государственных платежей, последовательную политику сокрытия от государства объектов обложения I[23].

А.Л.Шапиро обратил внимание и на разнородность писцовых книг второй четверти XVП в. в деле учета населения: иногда в них фиксируются только "люди" - главы семейств (как в XVI в.), а иногда - все мужское население дворов (как в переписных книгах I640-х гг.). Таким образом, Шапиро и Дмитриева углубили саму проблему достоверности писцовых книг, обогатив ее демографическими сюжетами, обратив в сторону сложных процессов исторической демографии. На основе сплошного сопоставления вотчинных и дозорно-писцовых описаний по Кирилло-Белозерскому монастырю первой четверти XVП в. исследовательница установила факт сильного преувеличения количества бобылей в государственных описаниях. 82,6 % бобылей от общего их числа в Белозерской писцовой книге I626/27 г. "оптимального варианта" были записаны обычными тяглыми крестьянами на доле выти в монастырской вытной книге 124. В методике работы З.В.Дмитриевой важен

принцип строгой территориальной и хронологической сопоставимости сравниваемых вотчинных и писцовых описаний. До 80 % сельских поселений и дворов в сравниваемых Дмитриевой материалах вотчинного и государственного происхождения по Белозерью сопоставимы.

Опыт сопоставления писцовых книг XVI-XVП вв. с данными других источников находим и у других специалистов по аграрной истории. Г.В.Абрамович выяснил, что с учетом оброчных книг показатели писцовых о количестве живущей пашни должны быть увеличены по крайней мере в 3 раза, не считая обельной усадищной земли. Без учета этой особенности писцовые книги второй половины XVI в. не могут служить источником, объективно отражающим сельское хозяйство этого периода 125. Н.Н.Масленникова присоединяется к этому мнению: оброчные, отдельные, дозорные книги, сыскные и спорные дела при сравнении с писцовыми книгами дают множество конкретных деталей, опущенных в писцовых, дополняют и обогащают их сведения. О том, что писцовые книги по полноте своей значительно уступают внутривотчинным описаниям и должны рассматриваться в сопоставлении с разнородными источниками писали и другие авторы - Ю.С.Васильев, В.И.Иванов, З.А.Тимошенкова, Е.Н.Швейковская, А.М.Шабанова 127.

Отмеченные наблюдения и выводы специалистов в области аграрной истории и источниковедения крайне важны и для предпринятого нами изучения комплекса троицких писцовых книг второй четверти XVП в. Правильность многих их суждений и общих источниковедческих подходов (рассмотрение государственных описаний независимо от их типа там, где это возможно, в сопоставлении с вотчинными и другими источниками, учет особенностей и разнообразия самих указов и живущей чети конца 20—начала 30- гг. XVП в.) подтверждается и проведенным нами сопоставлением писцовых и вотчинных описаний троицких вотчин I6I0-I620-х гг. по ряду уездов. Полученные таким образом результаты будут проанализированы в 4 и 5 главах, где речь пойдет об общих показателях землепользования и населения Сергиева монастыря.

А.Л.Шапиро была также затронута проблема налогообложения по писцовым книгам I620- гг. Он согласен с Л.В.Миловым в том, что соединение в итогах писцов живущих четвертей (исчисляемых по количеству дворов) и четвертей земельной площади, напоминало сложение килограммов с метрами. Но вместе с тем Шапиро замечает, что полученную сумму писцы клали в основу сошного письма в пусте. Однако этот ошибочный прием не отражался на окладе сошного письма “в живущем”, которое определялось на основании только одного показателя - числа живущих дворовых четей . При этом писцы исходили из норм, установленных еще в XVI в. для земель разного качества и разных категорий владений. Автор рассчитал оклад ямских денег на крестьянский (II коп.) и бобыльский (5,5коп.) двор по Рязанской писцовой книге I628/29 г. для помещичьих земель доброго качества. Сидевшие на худой земле крестьянские дворы платили ямских денег в размере 6,6 коп. [128]

Ряд интересных соображений по проблеме достоверности писцовых книг второй четверти XVП в. высказал Я.Е.Водарский. Автор подчеркивает, что одним из принципов современного источниковедения писцовых книг является их сопоставление с другими источниками. Как и Шапиро, Водарский считает, что писцовые книги не регистрировали площадь всех важнейших земельных угодий, кроме одного поля (но и о нем писцы могли брать сведения из предыдущего описания, списывая, а не измеряя непосредственно) и иногда отдельных участков леса (пашенного и непашенного). В отличие от Милова, Водарский полагает, что и писцовые книги “деформированного варианта” содержат информацию о реальных размерах пашни. Если четь пашни становилась условной величиной после того, как проходила приемы писцов, то, следовательно, до того она была реальной. Милов же не видит ничего общего между живущей четью и природой четвертного измерения земли [129].

б) переписные книги I640-I670-х гг.

В Троицком архиве нет полного комплекса переписных книг I646-I648 гг. Имеется лишь несколько выписей по некоторым вотчинным селам в ряде уездов - Арзамасском, Владимирском, Переславском, Московском, Серпейском, Нижегородском, Деревской пятине. Происхождение этих выписей различное: одни (представлены в сб.636) были составлены в самом монастыре со списков, присланных из Москвы и заверенных поместным дьяком И.Клементьевым и справленных подьячим Н.Румянцевым . Другие являются копиями, выполненными в Поместном приказе в I699-I700 гг. со скрепами дьяков А.Невежина и И.Перовского [130]. В I667-I669 гг. несколько переписных отказных книг было создано по троицким селам Деревской пятины, Новоторжского, Тверского и Старицкого уездов по случаю их возврата после кратковременного выбытия из латифундии при патриархе Никоне . Переписные книги I646-I648 гг. используются нами в данной работе при конкретном изучении динамики сельского расселения и населения Троицкой вотчины в отдельных ее районах. Для показа общей ее численности к середине XVП в. их сведений явно недостаточно, поэтому принимались во внимание опубликованные А.А.Новосельским итоговые данные росписи Поместного приказа по переписи I646 г.

Значительно полнее (по 42 уездам) в Лаврском архиве представлен комплекс переписных книг I677-I678 гг. Списки с них были сформированы в несколько крупноформатных (in folio) сборников под № 576,580-584,586-587,590-59I. В основу их были положены выписи, полученные по челобитным троицких властей из Поместного приказа в I703-I7I6 г. “для владения и сыска беглых крестьян и бобылей”. Некоторые сборники были составлены по противням (например, кн.580 и 58I) для того, чтобы один экземпляр послать в Алатырь, куда направлялся основной поток переселенцев из монастырских вотчин центральных уездов, а другой оставить в “большой Троице”. Властям же Алатырского приписного монастыря сборник выписей из переписных книг I678 г. (по 34 уездам !) был необходим для определения действительной принадлежности Троицкой вотчине-сеньории пришедших крестьян и знания того, из каких именно сел центральных уездов они вышли.

В истории составления самих переписных книг троицких вотчин в I677-I678 гг. (в рамках общероссийской переписи, как и писцовых книг I620-I640-х гг.) интересным было использование государевыми переписчиками письменных “сказок” посельских старцев, кретьянских старост и целовальников (а в городах - промышленных старцев, земских старост и выборных) о зависимом населении монастыря, истории заселения данных мест после переписи I646 г. или моровой язвы I654-55 гг. Любопытны ссылки крестьян на писцовые и переписные книги второй четверти XVП в., без которых они затруднялись дать названия тем или иным урочищам, пустошам. Получается, что эти книги к концу XVП в. выступали уже как своего рода хранители народной памяти о своем крае, местных микротопонимических традиций, хотя самому-то народу они были недоступны, находясь или в центральных учреждениях, или в крепостной казне монастыря.

При обращении к переписным книгам I670-х гг. итоги писцов (в пределах вотчинных комплексов, затем станов, волостей и уездов) были нами проверены путем непосредственного пересчета по тексту описания. Расхождения между крупными итогами писцов и нашими обычно оказывались не слишком велики, не превышали нескольких процентов, что подтверждает наблюдения Я.Е.Водарского [131a]. В целях нашего исследования ценность корпуса переписных книг I677-I678 гг. заключается в том, что по ним можно изучать своего рода итог демографического развития огромной вотчины к концу XVП в. Они содержат сведения об общей численности и составе ее населения, пространственном его размещении. Наряду с крестьянскими и бобыльскими дворами, в переписных книгах отмечены и дворы монастырские, служние, детенышей, воловиков, вдов, мастеровых и

ремесленных людей, а также их обитатели мужского пола. По ряду уездов они позволяют сопоставить демографические показатели с монастырскими переписными книгами I690-х гг. (обзор последних см. в следующем параграфе данной главы). В отличие от писцовых книг I590-I620-х гг., переписные книги I640-90-х гг. более полно зафиксировали мужское население дворов, а это важно для более полного определения таких демографических параметров, как населенность (“людность”) крестьянских, бобыльских и других дворов. **2.6. Вотчинные хозяйственные книги.**

Обзор наиболее важных из них также уже был нами дан 132. Частыми же акцентами на необходимости сопоставления писцовых книг с внутривотчинными в предшествующем параграфе главы разговор об этом ценнейшем виде источников был фактически начат. Особая его ценность именно в нашей работе уясняется, во-первых, из утверждений прежней научной литературы о полном отсутствии троицкого хозяйственного архива, а, во-вторых, из хорошей изученности в современном источниковедении как раз этой разновидности кадастровых описаний. С учетом последнего обстоятельства становится возможным сравнительно-историческое рассмотрение внутривотчинной документации вообще.

Первым подробную источниковедческую разработку вотчинных хозяйственных описаний осуществил Б.Д.Греков. В его фундаментальной монографии о Новгородском доме Св.Софии была гл.I0, названная “Софийское письмо”, а в I922 г. была издана статья о вотчинных писцовых книгах. В ней ученый анализировал ранние вотчинные описания Новгородского Софийского дома (середины XVI в.), Тихвинского Успенского, Соловецкого монастырей, сравнивал их с государственными описаниями . В еще одной своей статье, I928 г., при изучении поместной системы Софийского дома Б.Б.Греков показал большую полноту дозорных книг вотчинных старцев по сравнению с государственными описаниями тех же поместий в I653 г.

За последние полвека был опубликован и обстоятельно изучен обширный комплекс вотчинных хозяйственных книг XVI-XVII вв., начиная с наиболее ранней из них - Долговой книги I532-I534 и Книги ключей I547-I56I гг. Иосифо-Волоколамского монастыря. Публикациями были охвачены наиболее важные оброчные, ужинно-умолотные, вытные, приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Чудова монастырей. Издавались также хозяйственные книги Антоньева-Краснохолмского, Болдина Дорогобужского и ряда других монастырей (см. библиографию).

По Троице-Сергиеву монастырю сохранилось 6 хозяйственных книг как таковых, которым и была посвящена наша обзорная статья (см. прим. I32). Все же остальные его вотчинные описания устанавливаются и выявляются на основе смешанных по составу актово-переписных и писцовых сборников № 637,63I,57I и 575. Описания эти обычно невелики по объему и касаются отдельных вотчинных комплексов или всех сел монастыря в данном уезде. Приступая к их разбору, не мешает привести замечание А.Г.Манькова и А.А.Зимина о том, что за книгу принимается не единица архивного хранения, а каждая книга самостоятельного значения и с самостоятельным заголовком. Таких книг в единице хранения обычно заключено несколько. А.А.Зимин отмечал, что по Иосифо-Волоколамскому монастырю имеется 32 единицы хранения хозяйственных книг I532-I6II гг. Поскольку под одним корешком часто помещено несколько разновидностей хозяйственных книг, то число их в целом значительно больше единиц хранения [134]. А.А.Зимин заметил также, что в практике писцового и вотчинного землеописания очень распространенным было множественное наименование - “книги” - даже применительно к единичному источнику. Это действительно так.

Для времени до конца XVI в. известно только об одном, наиболее раннем внутривотчинном описании Троице-Сергиева монастыря. Оно было составлено I5 октября I529 г. двумя старцами в связи с переходом ростовского села Поникарова от московского

дьяка В.Д.Мамырева к Сергиеву монастырю и называлось “дозором и межеваньем пашни, сена и трав”. Впервые в научной литературе это описание упомянул С.М.Каштанов, выявивший его в составе копийной кн.5I8 и назвавший “монастырской записью о дворах, пашнях и межах” [135]. Его содержание будет подробно проанализировано в последующих главах работы, где речь пойдет о землеустройстве и организации обложения в вотчине. В дальнейшем вотчинных переписных книг, созданных в связи с получением новых владений, в Троицком монастыре будет составлено очень много, но примечательно, что такая практика была у него еще в 20-е гг. XVI в. !

До I590-х гг. ни о каких больше вотчинных описаниях по Троице нам неизвестно. В конце XVI - первой четверти XVП в. они уже были систематическими. Вскоре после государственной валовой ревизии I592-I594 гг. корпорация проводит свое описание части земель, дошедшее до нас в виде фрагментов вытных и оброчных книг I595-I596 гг. в составе сб. 637 [136]. Несмотря на фрагментарность описания, даже в нем видна одна существенная черта, отличающая и это, и все последующие троицкие хозяйственные описания от описаний по другим монастырям. Это **одновременная фиксация** и сеньориальной и государственной ренты, собираемой с крестьян монастырскими агентами. У Иосифо-Волоколамского и Чудова монастырей владельческие и государственные платежи записывались в отдельные книги [137]

Сложившийся на рубеже XVI-XVП в. тип вотчинных описаний Троицы может быть определен как **вытные переписные книги,** синонимом (или самоназванием) которых можно считать также “дворцовые книги”, поскольку в I590-I620-е гг. дворцы как административно-территориальные единицы, управляемые дворцовыми старцами, становятся основой вотчинно-хозяйственной системы корпорации. Главными компонентами в содержании вытных переписных книг была обязательная регистрация крестьянских дворов с указанием доли вытного оклада. Сведения о размерах пашни и угодий, составе оброков и других платежей содержались далеко не во всех книгах, поэтому оброчные книги можно считать лишь немногочисленной и счастливо сохранившейся разновидностью вытных переписных книг.

Впечатляющая совокупность вытных переписных книг I6I0-х гг. имела в основном троякое происхождение: I) в связи с получением новых вотчинных комплексов; 2) в связи с припиской ряда новых монастырей; 3) в связи с обычным приездом приказчика или слуги на Управление тем или иным селом. Подавляющее большинство книг (числом 25) было составлено и по инициативе монастыря, и его собственными переписчиками, старцами, иными агентами. Есть и такие (числом 7), что создавались по приказу царского правительства или местных властей, но троицкими функционерами-министериалами. Почти у каждой переписной вытной книги I6I0-х г. имелся свой оттенок в самоназвании -*отказная* (старец отказал крестьян в таком-то селе архимандриту с братией), *дозорная* (старец дозирал и переписал крестьян “во дворех по имяном”), *отводная* (слуги дозирали и отводили монастырскую, церковную и крестьянскую пашню), *сыскная* (слуги дозирали и сыскивали про дворы крестьянские и их вытные и сошные оклады), *отписная* (служка отписал такое-то село такому-то слуге, Дриехавшему на Управление им) и т.д. Синонимом некоторых вытных переписных книг стал термин *“книга роспись* жилым вытем”. Составленные на местах переписные вытные книги в Троицком монастыре в подлинном своем виде (со скрепами священников и самих слуг-составителей) сброшюровывались в сборники, и те получали общие наименования: “белыя книги отписные” (сб. 5 75) или “копии отказных книг и дозорных разных городов” (кн.57I, запись XVШ в.), “книги дозорные, межевые и ввозные на лаврские вотчины разных городов 7I0I года” (сб.57I, запись XIX в.). При формировании сборников переписных книг I6I0-х гг. монастырские подьячие и крепостные старцы старались отделить вотчинные описания от государственных этого же времени, хотя чистой сортировки не получалось: в сб. 575 преобладают первые, в сб.571 - вторые. В оформлении

сборников заметно влияние некоторых приемов оформления копийных - общее ко всему сборнику оглавление с перечнем включенных в него книг, имеющих буквенную нумерацию, перенесение затем этих номеров в начало соответствующих книг внутри сборника, территориальный принцип подборки материалов. Например, переписные вытные книги новых вологодских владений монастыря (пригородной дер.Ершовки и Троице-Авнежской пустыни) были даны одна за другой под номерами -"к-,'ка-, ·кв·.

Ю.С.Васильевым было показано большое разнообразие терминологии монастырских описаний по северным уездам (относимых автором к разновидности писцового делопроизводства): переписные, вытные, поверстные книги (по Кирилло-Белозерскому монастырю), дозорные, поверстные, луковые, обежные книги (по Соловецкому), веревные (по Михайло-Архангельскому, Николо-Корельскому, Антоньево-Сийскому)[139]. Приведенные выше многочисленные определения троицких переписных вытных книг I6I0-х гг., относящихся в основном к центральным уездам, подкрепляют и расширяют терминологические наблюдения подобного рода.

Позднейшей по времени переписной вытной книгой Троицкого монастыря стало описание муромского с.Домнина с дер.Зеховой 5 апреля I630 г. Оно было составлено слугой Иваном Амосовым в связи с передачей этого небольшого вотчинного комплекса в пожизненное держание дьяку В.Ларионову. Несомненное влияние терминологии государственного писцового делопроизводства и бытовавшей в то время практики “отказа”, составления “отказных книг” при передаче земельной собственности от одного лица к другому сказалось на наименовании этого монастырского описания - “отказная роспись”. Интересно еще и то, что помимо хозяйственного, данная *“отказная роспись”* имела для монастыря и владельческое назначение. Поэтому не случайным стало ее включение не в сборники хозяйственной документации № 57I и 575, а копийную кн.530. Если писцовые материалы изредка в них попадались, то внутрихозяйственный документ встречается только раз, тем более такой уникальный, являющийся по сути единственным для Троицкого монастыря **подворным описанием** вотчинного комплекса 140.

Как бы многочисленны и разнообразны ни были троицкие переписные вытные книги конца XVI - первой четверти XVП в., масштаб их никогда не становился всеохватным. По нему не сохранилось ни одного полного по охвату территории огромной вотчины описания, в отличие от описаний Кирилло-Белозерского монастыря I559 и I665 гг. [141] и уж тем более масштабных государственных описаний троицких вотчин I590-I670-х гг. Лишь одна сравнительно обширная недатированная перечневая роспись (по концу XVI или началу XVП в.), ставшая, видимо, обобщением более локальных вотчинных описаний, была обнаружена нами в составе сб. 63 7. По ряду датирующих признаков (отсутствие двух сел, полученных в I6I7 г.) данную роспись предположительно можно отнести ко времени до I6I7 г. От конкретных же переписных вытных книг она отличается тем, что сообщает суммарное число деревень к данному вотчинному центру (селу, сельцу, погосту) и сумму живущих и пустых вытей, крестьянских и бобыльских дворов [142].

Не повторяя уже сказанного о самых основных - оброчной I6I7 и вытной I623 г. - книгах Троицкого монастыря (см. прим. I32), подчеркнем их сложный документальный состав. В них содержатся не только упоминания о многочисленных оброчных, данных, льготных, отводных, межевых, порядных, поручных и прочих поземельных и крестьянских актах (грамотах, памятях и записях), но и **воспроизводятся непосредственно** тексты некоторых из них. Сложный документальный состав отличает и хозяйственные книги других монастырей - Иосифо-Волоколамского и Чудова. В книгах денежных сборов первого содержатся тексты монастырских приговоров, памятей старцев, даже формуляры (образцы) наемных и закладных кабал. Многосоставность монастырских хозяйственных книг - свидетельство их содержательности, глубины, многоплановости как исторических

источников, их полифункциональности. Правомерно сравнение троицких хозяйственных книг и с самоназваниями некоторых книг Иосифо-Волоколамского монастыря - дозорные, поскольку и троицкая вытная кн.604 названа **“дозорной дворцовой”.** В вотчинах Волоколамского монастыря “дозорами” назывались мероприятия администрации по введению прибыльных денежных платежей с крестьян в казну, ужесточению денежной эксплуатации зависимого населения. В I590-е гг. этим занимался соборный старец (и в прошлом известный опричник) Мисаил Безнин [143].

От конца 20-х- 30-х гг. XVП в. по Троицкому монастырю сохранилось несколько фрагментов дворцовых дозорных книг, составление которых всякий раз было связано с пересмотром вытного тягла, размеров взимаемых с крестьян оброков, порядом и предоставлением льгот обедневшим крестьянам или новым обитателям монастырских сел и деревень (новоприходцам либо просто приходцам). Есть сведения о том, что результаты подобных дозоров рассматривались и утверждались приговорами монастырского собора I[44].

Считаем интересным в источниковедении вотчинных описаний и тот факт, что иногда при их составлении использовались материалы официальных описаний. Например, в вытной книге I623 г. находим ссылку на отписные книги городецкого (бежецкого) губного старосты Ф.Маслова на вновь приписную Макарьеву пустынь 8 августа I6I5 г.; в “отказной росписи” муромского с. Домнина I630 г. - на писцовые книги Я.Колтовского и Р.Прокофьева I629/3I г. [145] В ходе монастырских дозоров так же широко привлекались устные показания местных жителей по поводу спорных земельных участков, соседних владений и пр., как и при составлении государевых писцовых книг.

С конца I630-х гг. и до начала I690-гг. в корпусе вотчинных описаний Троицкого монастыря наблюдается длительный пробел. И лишь от I690-х гг. полностью текстуально сохранились три подлинные хозяйственные книги. Характер их по-прежнему может быть определен как переписные и вытные: самоназванием первой является *“верстальная”* (по Суздальскому уезду июня I692 г. старца Иоасафа Певцова и слуги Р. Суворова) и две *оброчных* по приписным Троице-Алатырскому (того же старца И.Певцова и слуги В.Карпова) и Троице-Свияжскому (старца Илариона Ремезова и слуги М.Тургенева) монастырям, составленные одновременно в августе I696 г. [146] Целью создания первой книги было проведение земельно-тяглого поравнения (“верстания”) в Шухобаловской вотчине-волости монастыря в Суздальском уезде, состоящей из нескольких плотно населенных сел и деревень. Целью создания двух остальных книг - осуществление переоброчки повинностей у крестьян зависимых дочерних филиалов.

Поздние переписные книги ценны тем, что в них было учтено все мужское население дворов (не только крестьяне-дворовладельцы, как в описаниях I590-I620-х гг. - и государственных, и монастырских, но и их сыновья, братья, племянники, захребетники и “приимыши”). Сведения эти в последующих главах работы будут учтены при вычислении корреляционной зависимости вытного тягла и обеспеченности дворов рабочей силой (гл.5). Более ранние вотчинные описания такой возможности не дают. Наблюдения над информацией поздних переписных вытных книг I690-х гг. показывают, что и в конце XVП в. среди них продолжали бытовать два вида: I) в первом были данные и о вытных окладах дворов, и о размерах земли/по Суздальскому и Алатырскому уездам); 2) во втором (по Свияжскому у.) сообщались только оклады дворов, а размеры земли не приводились. Непременным же элементом обоих видов была фиксация крестьянских и бобыльских дворов и их работников-мужчин.

Как и описания I590-I620-х гг., поздний комплекс переписных вытных книг отличается многосоставностью, поскольку в них включены сведения из первичных вотчинных документов (предшествующих переписных и отписных книг Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей, крестьянские “заручные скаски” (о засеве на

господских и на своих десятинах пашни, запасах господского и своего зерна в житницах, доходности оброчных статей (мельниц, рыбной ловли, сенокосов и пр.), “приговоры выборных” о перераспределении сенокосных угодий в общине, “приходные” и “росписные книги” прежних посельских старцев и т.д.). Общей чертой переписных оброчных книг Алатырского и Свияжского монастырей I696 г. было наличие в них пространных предисловий, интонационно напоминающих *v* государевы послушные грамоты. Публично-правовой характер феодального властвования по этим предисловиям уясняется вполне отчетливо. Подобные предисловия потребовались для разъяснения крестьянам проводимых властями “большой Троицы” важных мероприятий в отношении и самих зависимых филиалов, и их населения. Составленные переписные оброчные I696 г. должны были зафиксировать значительное перераспределение дохода между дочерними филиалами (им он был определен в пределах потребительского минимума) и властями центрального монастыря (в его пользу крестьяне дочерних филиалов были переоброчены в сторону сильного возрастания норм денежной ренты). Поэтому потребовались призывы к их послушанию своим строителям и непрекословному выполнению изделья и оброков.

Наконец, общей и важнейшей чертой вотчинных хозяйственных книг Сергиева монастыря и I620-х, и I690-х гг. является **одновременная фиксация** ими собранной и сеньориальной и государственно-централизованной ренты. Эта ценнейшая информация, важная для установления соотношения уровней владельческой и государственной эксплуатации монастырского крестьянства в России XVП в. в полной мере будет использована нами в 6-й главе работы.

Одновременно составленные переписные оброчные книги Алатырского и Свияжского монастырей, почти одновременно поступили и в крепостную казну “большой Троицы”, судя по пометкам в верхней части их титульных листов: “ноября I день подал старец Иларион Ремезов”, “ноября ·иі· день подал слуга Василей Карпов”.

Одной из важнейших и широко распространенных разновидностей вотчинных хозяйственных книг являются **приходо-расходные книги** (правильнее их называть по отдельности - приходные и расходные). Когда С.Б.Веселовский утверждал полную утрату троицкого хозяйственного архива, он имел в виду, скорее всего, отсутствие в нем именно этой разновидности хозяйственных книг. Действительно, приходо-храсходные книги как таковые за XVI-XVП в. в Троицом архиве отсутствуют. Правда, в составе ф. 1204 (Троице-Сергиева Лавры) РГАДА под № 2579I нам попалась весьма ветхая тетрадь из I0 лл. приходо-расходных записей троицкого казначея Феодосия Вологодского за I643-I644 гг. Заполнены в ней только 4 лл., остальные оставлены чистыми, а из имеющихся записей трудно сложить сколько-нибудь вразумительную картину. Значение обнаруженной тетради мы видим только в доказательстве того, что в принципе приходо-расходная документация велась и не могла не вестить в столь огромной вотчине, причем на разных ее уровнях (ив самом монастыре, и в приписных к нему, и в отдельных вотчинных центрах, н на соляных и рыбных промыслах, в ходе торговых экспедиций и т.д.). Полнее всего оказался сохраненным корпус приходо-расходных записей Симеоновского монастыря (в Переславском уезде, близ Александровой Слободы) от периода, предшествовавшего его приписке к Троице-Сергиеву в I650 г. [147]

Доказательство ведения в Сергиеве монастыре приходных книг уже в I499-I500 гг. находим в их упоминании во Вкладной книге. По содержанию своему это были фактически вкладные записи о поступлении в монастырь денег “по душе” [146]. Кроме масштабной поминально-заупокойной, культовой деятельности, причиной появления и ведения приходных книг стала известная уже в начале XVI в. практика продажи Троицким монастырем вкладных вотчин посторонним лицам. В сыскной кн.658 находим два уникальных свидетельства о ведении приходных книг казначеями - Павлом 30 июля I5I5 г. и Симоном Шубиным I5 июля I534 г. [147] В них были записаны денежные суммы, полученные за

продажу на сторону вкладных вотчин во Владимирском и Переславском уездах. Таким образом, уже в первой трети XVI в. в Троицком монастыре существовал систематический учет денежных поступлений и занималось им ведомство казначея, тогда как ведомство келаря занималось учетом, хранением, переписыванием крепостной документации, составлением копийных книг, выдачей светским лицам канцелярских актов монастыря и т.д. С конца I530-х гг. известна своя документация ризной казны (отписные ризные книги), а с I550-х гг. - плательной казны (платяные книги) 148. Обилие и разнообразие неземельных вкладов в Сергиев монастырь (деньгами, книгами, драгоценной утварью, тканями, лошадьми и пр.) заставляло их постоянно сортировать, распределять по соответствующим ведомствам. Ответственные в тот момент за них старцы под расписку забирали данное дарение . Во Вкладной книге списка I639 г. приводятся ремарки типа: “книгохранитель Иоасаф сею книгу взял и руку приложил”, “ризничий дьякон Гурей такой-то предмет взял и руку приложил”. Велись записи поступивших по вкладам лошадей и другой “животины” в документации конюшенного двора и воловни I49.

Считаем интересным наблюдение С.Н.Богатырева о том, что в Чудове монастыре вкладных книг не было, а записи вкладов велись в приходных книгах. О генетической близости монастырских приходных и вкладных книг писала и Е.И.Колычева [150]. На наш взгляд, грандиозная по объему Вкладная книга Сергиева монастыря, дошедшая до нас в списках I639 и I673 гг., может считаться в какой-то степени переработкой его более первичных приходных книг, учитывая то, что собственно вотчинный приход -поступление феодальной ренты прежде всего - велся в “приходных дворцовых книгах” (фактически оброчных), о которых выше упоминалось. Именно такой - оброчной по сути своей - и является единственная сохранившаяся до нас в подлиннике приходная (точнее - приходо-расходная) книга Троице-Сергиева монастыря, найденная и введенная в научный оборот И.А.Булыгиным [151]. И хотя она относится к I703 г., в ней много сведений, которые ретроспективно можно использовать при изучении феодальной ренты (сеньориальной и государственной) и более раннего времени. Опять-таки **одновременная фиксация** владельческих и казенных платежей в приходной книге I703 г. роднит ее как раз с отмеченными выше хозяйственными книгами I620-I690-х гг., хотя названия у них разные. Более подробная характеристика этой книги была уже дана нами в специальной статье [152].

Что же касается расходных книг, то текстуально ни одна их них до нас не дошла, если не считать небольшого по объему расходного раздела в приходо-расходной книге I703 г. Все упоминания о расходных книгах XVП в., которые удалось обнаружить в Описи I64I г., приведены нами в приложении 1 (№ 322-326) .Они представляют интерес в плане наиболее полной научной реконструкции состава троицкого архива, когда-то существовавшего.

Если применительно к крепостной казне мы говорили о большом количестве дошедших до нас его описей (актов, копийных, писцовых книг), то никаких учетных материалов денежной казны до нас не сохранилось. Интересны и важны, тем не менее, упоминания об ее отписных книгах и ревизиях. Одно относится к I624/25 г. и связывается с именем патриаршего дьяка Федора Рагозина (приложение I. № 293). Возможно, патриарх Филарет в I624/25 г. осуществил проверку наличных денежных средств богатейшего монастыря. К I698 г. относится известие о правительственной проверке по распоряжению Петра I приходо-расходных книг Троицкого монастыря. Они должны были быть доставлены в приказ Большого Дворца к Т.Н.Стрешневу [153]. Может, потому и не старался монастырь особенно хранить этот вид документации, чтобы не давать официальным властям сведений о своих действительных и весьма немалых доходах? В условиях строительства флота в России и других начинающихся военно-реогранизационных мероприятий нужда Петра I в больших денежных суммах волне понятна и отсюда тяготение к казне богатейшего монастыря.

2.7.Церковно-государственная учетная документация.

Монастырские описные, отписные, переписные (имущества, строений, утвари, архивов и пр.) книги за последнее время в нашем источниковедении интенсивно издаются и изучаются. Опубликованы описи Звенигородского Саввина Сторожевского, Троицкого Усть-Шехонского, Воскресенского Горицкого, Введенского Корнильева Комельского, Кирилло-Белозерского и Кирилло-Новоезерского монастырей. Современные исследователи предлагают оценивать эти источники как разновидность инвентарей, инвентарных книг, учетных документов [154]. З.В.Дмитриева поддержала мнение Н.К.Никольского об установлении в России порядка церковно-государственной отчетности Стоглавым собором I55I г. Исследовательница справедливо усматривает в проведении описи Кирилло-Белозерского монастыря в I60I г. осуществление развернутой программы правительственной ревизии, включающей проверку не только строений и имущества, крепостного архива, но и вотчинных владений, доходов и расходов этого крупнейшего корпоративного собственника на Русском Севере. Напомним, что вотчинная часть Кирилловской Описи I60I г. была опубликована ранее, чем опись имущества и строений, - в I983 г. А.Х.Горфункелем и З.В.Дмитриевой [155a].

Приведенные нами в предшествующем параграфе сведения о приходных книгах денежной казны, отписных ризных книгах I5I5-I540-х гг. свидетельствуют, что в Троице уже задолго до Стоглава свой учет денег и имущества велся. Правительственная же проверка кирилловских вотчин в I60I гг. в чем-то перекликается с генеральной ревизией троицких владений в I590-е гг. Возможны аналогии и когда речь идет о собственно описях строений и имущества крупнейших монастырей России. В Троице таковая была составлена позднее, чем в Кириллове, не в I60I, а в I64I г.

В I64I г. усилиями правительственной комиссии, включавшей окольничего Ф.В.Волынского, дьяков И.Федорова, Д.Прокофьева и 8 подьячих, была создана огромная по объему (839 лл.) Опись строений, имущества, крепостного архива Сергиева монастыря и вотчин его приписных филиалов. В рамках этой ревизии был создан и обширный комплекс копийных книг № 527-528, 530-533, о которых речь уже шла выше. Подлинный экземпляр Описи строений и имущества I64I г., как и копийные книги I64I г., был скреплен дьяками правительственной комиссии и троицкими властями. История формирования Описи I64I г. и ее использование в дальнейшем делопроизводстве монастыря рассматривались в специальной статье Е.Н.Клитиной 156. Очевидец составления Описи, троицкий казначей (и писатель) Симон Азарьин в своей “Книге о чудесах преп. Сергия” также касается истории правительственной проверки и крайне неприязненно отзывается об окольничем Ф.Волынском.

Главным отличием Троицкой Описи I64I г. от Кирилловской I60I г. было отсутствие в первой вотчинной части, касающейся земель самого Сергиева монастыря, В ней были переписаны, повторяем, лишь владения зависимых филиалов (села и деревни с крестьянскими дворами, без указания на количество земли, то есть по типу переписных книг I646-I648 гг.). Видимо, правительство считало достаточной фиксацию Троицких вотчин в рамках валового писцового описания I620-е-I640-е гг., которое, к тому же, к I64I г. еще не было закончено, а в качестве проверки владельческих прав огромной корпорации - составление грандиозного комплекса копийных книг I64I г. По Троицкой Описи I64I г. неизвестно также о правительственной регламентации монастырского домена, суммарного объема сошного и вытного письма, размеров монастырских доходов, в отличие от Кирилловской Описи I60I г.

Для целей нашего исследования Опись I64I г. важна как многоплановый, полифункциональный, многосоставный источник, дающий богатейший материал для

представлений об утраченной части Троицкого архива - его владельческой (крепостной) и особенно хозяйственной (делопроизводственной) частей. Сведения эти учтены нами в приложении I, в значительной мере основанном на многочисленных упоминаниях о несохранившихся документах и самого монастыря, и его приписных обителей.

Некоторые черты Описи I64I г. оказались унаследованными и двумя переписными книгами I70I г. из ф. Монастырского приказа, в котором отложились богатейшие материалы общероссийского описания множества монастырей I70I-I705 гг. Одна из переписных книг, № 27, зафиксировала строения и имущество большого монастыря, состав его братии и административно-хозяйственного аппарата, а также господское хозяйство в нескольких подмонастырских селах. Вторая - № 40 - строения и имущество, крепостные архивы и вотчины приписных монастырей [158]. Именно такое распределение материала можно было видеть и в Описи I64I г. Следовательно, в отличие от большинства других монастырей, по Троицкому его землевладение не было описано ив I70I г. Составлены же переписные книги 27 и 40 были самими троицкими властями и строителями приписных филиалов, но по распоряжению из Монастырского приказа (дьяка Е.Изотова). И.А.Булыгин считает исключительным случаем то, что в I70I г. описание было доверено самому Сергиеву монастырю. Исследователь также считал, что описания троицких вотчин за I70I г. могли не сохраниться и, возможно, оно проводилось на общих основаниях [159]. В Кирилло-Белозерском монастыре перепись самоуправно в I70I г. проводил стольник Л.Кологривов, в результате чего по экономической самостоятельности корпорации был нанесен большой удар и такие ее структуры управления, как келарская служба и монастырский собор, считает Н.П.Успенский, прекратили свое существование. Переписные книги I70I г, № 27 и 40 и приходо-расходная книга I703 г, хронологически как бы “замыкают” обширный комплекс источников, составляющих документальную базу данной работы.

Ретроспективно нами будут привлекаться хотя и более поздние, но весьма ценные (что давно признано в научной литературе - А.И.Комиссаренко, Л.В.Милов и др.) “офицерские описи” троицких вотчин начала I760-х гг. Они важны для понимания долговременных тенденции эволюции вотчины-сеньории, прежде всего феодальной ренты в ней, организации обложения и сеньориально-крестьянских отношений. Следует учитывать, что в сохранившихся “офицерских описях” начала I760-х гг. отразилось не более двух третей от всех троицких вотчин, и этот сложный комплекс описаний нуждается в специальном источниковедческом изучении.

Важное методическое, источниковедческое и прикладное значение в данной работе имеет не раз уже упомянутое Приложение I, в котором в виде перечня предпринят опыт систематизации упоминаний о несохранившихся документах Троицкой крепостной казны (архива и канцелярии - всего более 360 номеров), расширяющих и обогащающих фактическую основу исследования (см.гл.3-7), позволяющих посмотреть на какие-то изучаемые события и процессы со стороны не одного, а нескольких их участников и “виновников”. Методика же построения подобных перечней апробирована в нашем источниковедении, прежде всего дипломатике - сошлемся на III-ю часть “Хронологического перечня иммунитетных грамот XVI в.” С.М.Каштанова, В.Д.Назарова и Б.Н.Флори, на работы А.А.Амосова по реконструкции архивов двинских монастырей, а также на перечни, публикуемые группой молодых археографов РГАДА (А.В.Антонов, К.В.Баранов и др.) в периодических выпусках “Русского дипломатария”. Отличием нашей работы является то, что в нее включены упоминания, наряду с актовыми, и о других видах источников -переписной, делопроизводственной документации, причем не только правительственного, но и канцелярского (монастырского) происхождения. С этим связана предпринимаемая нами попытка максимально полной мобилизации источниковой базы и преодоления

сложившегося в исследовательской практике при изучении монастырей автономного рассмотрения актовых и хозяйственных частей их архивов.

* * *

В данной главе мы не останавливались на общеизвестной характеристике общерусских по своему значению источников, прежде всего законодательных актах конца XVI - XVП в., необходимых для изучения любой проблематики по изучаемому периоду - правительственных указах и приговорах I580, I584, I622 гг., Соборном Уложении I649 г., ряде других законодательных памятников. Ретроспективно придется обращаться и к классическим памятникам отечественного средневековья - Русской Правде, Белозерской уставной грамоте, Судебникам I497, I550, I589, I606 гг.

В заключение 2-й главы подчеркнем, что архив Троице-Сергиева монастыря изучается нами как исторически сложившееся органическое единство всех образовавших его разнообразных документов и целых документальных комплексов. Их возникновение и формирование видового состава находились в связи с историей конкретной службы (прежде всего крепостной казны, денежной казны, ведомства дворцовых старцев и т.д.) по монастырскому управлению в XV-XVП вв. Применительно к Троице-Сергиеву монастырю новизна заключается установлении факта сохранности части его хозяйственного архива, который до сих пор в научной литературе считался полностью утраченным.

Принципиального значения вывод главы заключается в установлении по преимуществу поземельно-правового характера, профиля Троицкого архива, исключительно полной документированности прежде всего поземельных прав этого гигантского корпоративного собственника. Отсюда логичным будет начать конкретное рассмотрение темы с главы о системе собственности Троицкой корпорации (самого монастыря и сети его приписных филиалов) в конце XVI - XVП в. Для нас она является прямым продолжением нашего исследования о землевладении Троицы, доведенного до конца XVI в. [161]

ГЛАВА III. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ТРОИЦКОЙ КОРПОРАЦИИ

В КОНЦЕ XVI - XVП ВЕКЕ. 3.1. .Рост и состояние землевладения Сергиева монастыря

В настоящем параграфе рассматриваются новые земельные приобретения Троицкого монастыря, сделанные после запретительного приговора I584 г., а также другие факты истории его землевладения (случаи родового выкупа вотчин, пожизненных держаний светскими контрагентами корпорации монастырских земель, судебные дела по поводу земли и т.д.) в хронологическом порядке и по уездам. Землевладение же его приписных филиалов будет представлено в следующем параграфе данной главы.

Начать следует с группы центральных уездов - Московского, Переславского, Дмитровского, Бежецкого, Тверского, Костромского, в которых у корпорации за предшествующее время сложились наиболее крупные, плотно заселенные и освоенные в земледельческо-промысловом отношении вотчинные комплексы. По **Московскому уезду** до начала “смуты” известно лишь несколько фактов истории Троцкого землевлевладения. В апреле I586 г. кн .И.М.Глинский завещал “по себе и своих родителех” село Жегалово в Бохове стане, однако в условиях действия органичительного приговора I584 г. фактическое получение монастырем этой вотчины произошло не сразу, а лишь в марте I602 г. с санкции

царя Б.Ф.Годунова 1. В дальнейшем село Жегалово прочно закрепилось в составе троицкой вотчины, о чем свидетельствует его упоминание в писцовой книге I622/23 г.[2]

В I585/86 г. семья Румянцевых (в числе которых был и троицкий старец Феодорит Румянцев) передала монастырю сельцо Власьево в Манатьине стане для поминовения Меньшого Румянцева, убитого разбойниками в Козельске. Впервые сельцо это было предназначено монастырю еще в I578 г., но с тех пор, видимо, удерживалось родичами 3. Не закрепилось оно за корпорацией и на этот раз: в писцовой книге I584/86 г., сельцо Власьево значится за подьячим С.Ильиным, а в описании I593/94 г. оно и вовсе не названо [4]. В I593/94 г. путем "уступки" от вдовы Ульяны Желтухиной в состав монастырской вотчины попала деревня Климкова с 3 пустошами в волости Вохне. Вдова дала запись о том, что "впредь ей не вступатись в ту вотчину", а для надежности старцы приплатили ей 35 руб., поскольку в тот момент она сильно бедствовала: "нонеча я волочусь з детишками меж двор" 5. За нарушение взятого обязательства вдове грозила неустойка в 35 руб.

В I597 г. по обмену с царем Федором Ивановичем корпорация получила десяток пустошей в ближайших от себя окрестностях (станы Радонеж, Корзенев и Бели), отдав I8 жилых деревень, 2 починка и I селище. Столь неравноценный обмен говорит, скорее всего, о том, что правительство делало расчет на восстановление запустошенных земель силами экономически мощной монастырской организации . Отмеченные выше факты истории троицкого землевладения территориально относятся к так называемой "посюсторонней половине" Московского уезда, расположенной к северо-востоку от столицы. В Зарецкой же его части известны земельные приобретения в начале второго десятилетия XVП в.

В марте I6II г. Дарья Палицына дала Троице деревню Похрино на р.Пахре в Жданском стане. Это была вотчина, заложенная прежде Н.Я.Похриным ее мужу, И.М.Палицыну в 2I0 руб. Вдова Дарья выговаривала для себя право владеть деревней "до своего живота", определив также размер ее возможного выкупа в II0 руб. Деревня Похрино недолго оставалось у монастыря поскольку в сыскной книге I623 г. сообщается, что 30 мая I623 г. она была продана кн.А.Львову [7].

В ноябре I6I2 г. старица Московского Вознесенского монастыря кнг. М.И.Мосальская дала Троице вотчину своей умершей дочери Анны Зюзиной село Хинское на р.Хинке в Горетове стане. Несмотря на сильное разорение, отмеченное дозором I6I4 г., село это фигурирует за монастырем в сыскной книге I623 г. В I6I2/I3 г. сын известного дьяка, И.В.Щелкалов, дал архимандриту Дионисию село Переделец с 9 деревнями в Торокманове стане, оговорив в грамоте его выкуп в 500 руб. О состоятельности прежних владельцев села свидетельствует упоминание в нем каменной церкви во имя "Егория страстотерптца" [9].

В феврале I6I4 г. П.А.Бельский дал по душе своего дяди, Б.Я.Бельского. сельцо Зубцово на р.Торгоше в волости Радонеж, оговорив в грамоте безвыкупность своего дарения, В дальнейшем это сыграло положительную для монастыря роль в удержании данного села в составе своей латифундии. В марте I644 г. сыновья П.А.Бельского, Богдан, Сергей и Григорий попытались выкупить данное село у корпорации, однако боярин приказа Большого Дворца кн.А.Л.Салтыков отказал им в их просьбе. Основание для отказа было такое: "которые отцы дают вкладные вотчины в монастыри без выкупу, и тех отцов детем и племянником отцов их дачи на выкуп не дают" 10. Даже и в конце XVП в. Троицкий монастырь позаботился о гарантиях своих прав на сельцо Зубцово, представив в I680 г. царю царю Федору Алексеевичу на подпись указную грамоту об его невыкупе I644 г. 11

Известно лишь единственное прямое царское земельное пожалование Троицкому монастырю в Московском уезде. В ноябре I6I6 г. ему был пожалован "Городок Радонеж" с пустошами, пашней и сенными покосами "и со всякими угодьи, как было к тому Городку истари" [12]. В январе I6I7 г. монастырю была выдана повторная грамота аналогичного содержания [13]. Радонеж в XIV - начале XVП в. проделал эволюцию от городского к

сельскому поселению. Сразу же по его получении корпорация начала интенсивное заселение этого места, о чем свидетельствует сохранившаяся в составе кн.57I тетрадь порядных записей I6I7-I6I8 гг., заверенная келарем Авраамием Палицыным 14. Результат этого заселения отчетливо виден по описанию I623 г. - 24 двора крестьянских и бобыльских и I50 четв. пашни паханой [15]. С приобретением Городка Радонежа, связанного с Троицей старинными духовными, историческими, экономическими связями, обширнее и компактнее стала Околомонастырская округа в северо-восточном Подмосковье.

После отмеченного царского пожалования в росте троицкого землевладения в столичном уезде наступает некоторая пауза. Возобновляется же он в I629 г., и происходит это в Зарецкой половине. В январе I629 г. старица Московского Вознесенского монастыря М.А.Булгакова (урожд. Воронова-Волынская) сначала заложила, а затем дала вкладом “старинную купленную вотчину своего деда и отца” - село Вороново в Перемышльской волости. Выкупная цена села определялась в 700 руб., однако сам выкуп вкладчица запрещала, введя в грамоту традиционное для актов более раннего времени заклятье именем Спаса. О вынужденном характере вклада говорит наличие при его оформлении двух грамот - закладной и данной, но суть сделки определялась первой: 500 руб. необходимы были Марфе Булгаковой “ради своей скудости, на свою нужду, чем долги розплатить и крестьянишкам своим на хлеб на семенной и на ячменной, что божиим судом хлеб у них мороз побил, и на лошади и на коровы, и на всякую крестьянскую ссуду” 16. Забота старицы Марфы о собственных крестьянах объяснялась тем, что, будучи монахиней одной обители и отдавая село Вороново в другую, она не переставала им пожизненно владеть. Правда, для большей надежности своих прав на Вороновскую вотчину в будущем троицкие власти взяли с Марфы Булгаковой еще и духовную грамоту с завещанием села корпорации 17. Столь детальное документальное оформление нового земельного приобретения монастыря, возможно, способствовало прочному его закреплению в составе троицкой латифундии до самой секуляризации.

В апреле I637 г. от своего слуги И.С Павлова-старшего корпорация получила деревню Привальцеву в стане Радонеж и Бели. Деревня эта с 4 тянущими к ней пустошами являлась “государевым жалованьем за выслугу” сыну дарителя, тоже Ивану Павлову (младшему), сотнику московских стрельцов. Речь, вероятно, должна идти не о земельном пожаловании со стороны государя как таковом, а об официальном закреплении за И.Павловым этой деревни, поскольку куплена она была им самим в I63I г. из порозжих земель, оставшихся после смерти стремянного конюха И.Гурьева. При оформлении купчей И.Павлову поместные дьяки предписывали “волно ту вотчину в приданые дати, а в монастырь та вотчина не давать” 18. О каких-то возможных связях стрелецкого сотника И.Павлова с Троицким монастырем может указывать тот факт, что заселение пустующей деревни он произвел за счет монастырских крестьян из костромских сел Буякова и Сухорукова, “и ссуду им денежную и хлебную дал”. Заслуги И.Павлова как стрелецкого сотника, а также служба монастырю его отца позволили обойти запрет поместных дьяков I63I г., и в I639 г. дер. Привальцева стала монастырской. Выкуп ее допускался в 300 руб.

Данный вклад стал последним земельным приобретением Троицкого монастыря в Московском уезде, сделанным у частного лица до издания Соборного Уложения. Все остальные и позднейшие земельные операции его в Подмосковье носили обменный характер. В июле I644 г. в порядке обмена с царем Михаилом Федоровичем Троицкий монастырь получил 6 пустошей в конюшенной Домодедовской волости. Пустоши эти были выбраны самими троицкими властями, поскольку оказались пригодны для добычи извести и камня. Взамен же корпорация отдала ко Дворцу I8 своих пустошей в Звенигородском уезде, тянувших к селу Дмитреевскому-Гузееву. Уже после Соборного Уложения, в марте I652 г. был произведен обмен пустошами с дьяком Б.Силиным: у него были взяты земли в

Сурожском стане (Горка Большая, Горка Малая, Шилово, Волково), а отданы монастырские земли в Зарадомском стане Дмитровского уезда 20.

В мае I657 г. патриарх Никон совершил крупный обмен с Сергеевым монастырем, отобрав у него село Нахабинское в Горетове стане с I606 четв. земли, а взмен отдав село Лаврове в Переславском уезде со I35 четв. земли. Трудно сказать, был ли практически закреплен столь неравноценный обмен. Скорее всего, после низложения Никона в I666-I667 г. он был пересмотрен, поскольку в переписных книгах I678 г московское село Нахабино по-прежнему числилось за корпораций, а переславского села Лаврова она не имела[2]I.

В самом конце изучаемого периода, в I698 г., был произведен еще один неравноценный (на этот раз для светского контрагента монастыря) земельный обмен В феврале I698 г. вдова стольника Ф.В.Александрова Мария Степановна, дала корпорации село Титково Крестешниково тож в Шеренском стане Московского уезда (на границе с Переславским уездом). Взамен же ей была предложена ... деревня Заозерская в Чухченемской волости Двинского уезда. Представляется невероятным, чтобы вдова стольника поехала жить из подмосковной вотчины в далекую северную деревню. Скорее всего, это был столь неправдоподобно завуалированный вклад, причем за нарушение взятого на себя обязательства не вступаться в село Титково вдове грозила неустойка в I000 руб.[22] В документах первой половины XVШ в. и дер.Заозерская, и новое московское село благополучно значатся за Троицей . Обмен с вдовой М.С.Александровой стал последним фактом, связанным с ростом троицкой вотчины в Московском уезде в рамках изучаемого периода.

По сравнению с Московским значительно скромнее выглядят новые земельные приобретения монастыря в соседнем **Дмитровском уезде.** Ближе всего к нему, как бы "нависая" с севера, был расположен Инобожский стан этого уезда. Здесь в I588/89 г. С.И.Пантелеев за право быть постриженным в обители дал архимандриту Киприану половину деревни Пушкиной. Возможно, этот достаточно скромный вклад не сразу был признан за корпорацией, поскольку половина дер.Пушкиной отсутствует в описании I592/93 г., а имеется лишь в сыскной и писцовой книгах I620-х гг. Более значительное по масштабу земельное приобретение было сделано монастырем в Инобожском стане Дмитровского уезда в I597/98 г. благодаря В.Ф.Башенину. Он "к прежнему своему вкладу" дал сельцо Сохино с несколькими пустошами. Это владение было записано за корпорацией в писцовые и дозорные книги I590-I620-х годов *25*.

С учетом сильного разорения времен "смуты" значение некоторых земельных вкладов конца XVI в. практически оказалось сведенным к нулю, поскольку полученные тогда пустоши в дальнейшем так и не возродились. В I595/96 г. Е.В.Чубуков дал Троице пустошь Лебедеву с 6 другими пустошами в Инобожском стане Дмитровского уезда, которые не упоминаются ни в каких описаниях первой четверти XVП в. Скорее всего, они просто окончательно запустели [26].

В первом десятилетии XVП в. в росте дмитровской вотчины монастыря, как и московской, наступает вполне объяснимая сложными событиями тех лет пауза. Возобновляется же он в начале второго десятилетия XVП в. I9 февраля I6II г. были

оформлены две вкладные записи келаря Авраамия Палицына на 2,5 выти в сельце Лазареве Инобожского стана, в I0 верстах к северо-западу от монастыря [27] . Та доля сц. Лазарева была получена Авраамием в феврале I609 г. по судному делу со вдовой своего двоюродного брата Смиряя Катунина, заложившего ее в I583/84 г. тогда еще светскому человеку Аверкию Иванову сыну Палицыну за 20 руб. В I587/88 г. в связи с опалой Аверкия часть сц. Лазарева "была поймана со всеми животами на государя", а в I599/I600 г. имущество Авраамия, ставшего к тому времени уже монахом, было ему возвращено. К этому моменту вдова Смиряя Катунина, Анисья и ее дети так и не выплатили Авраамию долга,

поэтому тот мог считать себя законным владельцем доли сц. Лазарева [28]. Троицкий келарь счел за благо спустя два года передать эту долю в собственную обитель. В I6I8/I9 г. последняя часть Лазаревской вотчины - пустошь Дубровка - поступила в монастырь в период его же келарства, от переславского сына боярского С.С.Назарьева, отец которого еще в I578/79 г. купил ее за 50 руб. у братьев Ивана, Кузьмы и Смиряя Катуниных [29]. Таким образом, к началу I620-х гг. Троицкий монастырь окончательно включил в состав своей латифундии обширный вотчинный комплекс Катуниных-Палицыных в Инобожском стане (Лазареве - Ботвиньево - Ворохобино), история которого по монастырским актам прослеживается с I480-х годов [30]. Ряд пустошей на Дмитровско-Переславском рубеже (Беляево на р.Черменке и др.) были даны Троице в декабре I6II г. М.И.Сабуровой (урожд.Брянцевой) . Ею же в январе I6I2 г. было дано село Федоровское-Маматово для поминовения своих мужа и сына, троицких иноко-схимников Евфимия и Досифея. Выкуп села определялся дарительницей в 250 руб., но фактически оно оставалось у нее в пожизненном держании [31]. К началу XVП в. Сергиев монастырь, вероятно, уже утратил еще одно село Федоровское - в Ижевском стане (Ижве), пожалованное ему Иваном IV еще в I534 г., хотя в сыскной кн. 65 8 два эти села Федоровские - в Инробожском стане и Ижве - были отождествлены.

Иногда корпорации приходилось расставаться с вкладными вотчинами, отдавая их на выкуп родичам (обычно потомкам) своих вкладчиков. Полученные в I6I2/I3 г. от сытника И.И. Мунина пустоши (Хлебезево и др.) на р. Яхроме в Вышегородском стане в I635 г. по соборному приговору были отданы на выкуп его сыну, стряпчему Сытного дворца Еремею Мунину [33].

Некоторые из получаемых в начале второго десятилетия XVП в. сел в Дмитровском уезде уже фигурировали в качестве вкладных в предшествующее время (как правило, во второй половине XVI в), но тогда они по различным причинам не закрепились за корпорацией. Так, сельцо Татищеве впервые было дано еще в I572/73 г. М.К.Ростопчиным со “здачей” от корпорации в I00 руб. Окончательный же переход этого сельца в состав троицкой латифундии произошел лишь в I6I2/I3 г. по вкладу Б.Г.Матусова, купившего Татищеве у отца своей двоюродной сестры Варвары Толстой (урожд.Ростопчиной). Следовательно, Ростопчины и после вклада I572 г. какое-то время еще удерживали за собой данное сельцо 34 . Во Вкладной книге, имевшей культово-поминальное значение, село Татищеве было записано как вклад именно Матусовых. Интересно и то, что в грамоте Б.Г.Матусова содержался перечень I0 имен его родственников для поминовения, целый семейный синодик - довольно редкий элемент в русских поземельных актах XVI-XVП вв. В грамоте, помимо клаузулы о родовом выкупе села в 200 руб., оговаривалось и право дарителя постричься в Троице, “буде он того всхощет” 35.

Вторичное попадание в состав троицкой латифундии светской вотчины и скорое избавление самих старцев от нее можно видеть и на примере сельца Губино Будимер тож . Впервые оно было предназначено монастырю еще в I575/76 г. В.В.Ивереневым, у которого фактически оно оставалось и в I599 г. В январе I6I2 г. сельцо Губино-Будимер вновь отдается корпорации - священником Флавианом и А.Берновым, однако уже через полгода продается монахами дьяку И.Болотникову[36]. Среди покупателей троицких вкладных вотчин представители верхушки приказной бюрократии и высших слоев господствующего класса были весьма нередки. Так, в I625/26 г. боярину Г.И.Морозову были проданы 3 деревни в Зарадомском стане (Малявино и др.), полученные монастырем лишь в I6I7 г. от собственного слуги К.Л.Дорогина [37]. На наш взгляд, подобную практику можно определить как *неканонические* способы распоряжения вкладной землей со стороны Сергиева монастыря - ведь, строго говоря, он не должен был продавать на сторону данные для вечного поминовения земли. Сами монастырские власти именно каноническим принципом

неотчуждаемости полученных “по душе” земель защищались от их родового выкупа. В собственной же земельной практике они они нередко его нарушали, и известны такие случаи с начала XVI в.

Земельные вклады от других троицких слуг (и их вдов) в Дмитровском уезде были корпорацией удержаны. В I6I9/20 г. от слуги Г.Г.Богомолова корпорация получила три его закладные пустоши (Лебедеву и др.) в Повельском стане, заложенные незадолго до того дьяком Разбойного приказа Н.В.Посниковым, который не сумел выплатить долг в срок [38]. В I620/2I г. три других пустоши того же дьяка в Повельском стане перешли к корпорации по обмену с ним (Н.В.Посникову была дана монастырская пуст.Кудрино в Бохове стане Московского уезда близ митрополичьего села Пушкина)39. В декабре I6I9 г. от вдовы троицкого слуги А.Збудова Ксении поступила пустошь Нелидово (бывшее село Воскресенское), когда-то купленная ее свекром, протопопом Д.И.Збудовым, у З.Тюменева.

В апреле I622 г. Ю.А.Редриков дал в Сергиев монастырь дер.Будцеву в Кузьмодемьянском стане Дмитровского уезда “по душе” своей жены, иноки-схимницы Дорофеи. Когда-то эта деревня была куплена ее первым мужем, И.М.Палицыным, “на приданые Дорофеины денги” 41. Уже в I622/23 г. дер.Будцова была отдана старцами в пожизненное держание В.Шестакову, его жене и детям [42].

Последний земельный вклад в Дмитровском уезде был получен монастырем в I628/29 г. от отца известного троицкого келаря Александра Булатникова, Лаврентия Григорьевича. Он дал свой купленный луг на р.Яхроме с рыбной ловлей, поблизости от Николо-Песношского монастыря. Запись всех названных выше земельных приобретений корпорации в Дмитровском уезде в писцовую книгу I628/30 г. означала их правительственное признание за монастырем 43. В период работы дмитровских писцов старцы постарались также закрепить свои права на ряд ранее полученных вотчин. Например, в Зарадомском стане Дмитровского уезда по челобитной троицких властей за корпорацией было записано село Вогнениково [44].

В конце 20-х - начале 30-х гг. XVП в. Сергиев монастырь полностью избавляется от некоторых своих дмитровских вотчин, продавая их на сторону. В марте I628 г. за 200 руб. было продано село Гавшино Л.Н.Титову. Село это находилось в составе троицкой латифундии с I558/59 г., а в I580- I6I8 гг. постоянно отдавалось в различные формы держаний (Ф.Д.Шестунову, немцу Р.Бекману, стряпчему Сытного дворца А.Н.Титову)[45]. В январе I633 г. по соборному приговору была продана пустошь Соколове Сельцо тож С.В.Чаплину за 20 руб., причем покупателю даже была выдана купчая грамота из троицкой канцелярии 46.

Некоторые дмитровские села находились по половинам в совладении у Троицкого монастыря с помещиками. Например, половина сельца Нопелкова в Лутосенской волости по государеву указу в I597 г. была пущена в поместную раздачу и оставалась поместной до I628/30 г, как отметила писцовая книга тех лет (“за дмитровцом И.И.Орловым”). В I630/3I г. по царскому и патриаршему указу Сергиев монастырь отдает на промену и вторую половину сц.Попелкова - дьяку Д.Семенову, получив от него несколько пустошей в Слободском стане Переславского уезда [47]. Обменом стала и вообще последняя по времени (в рамках изучаемого периода) земельная операция Сергиева монастыря в Дмитровском уезде. Произошла она в год издания Соборного Уложения, сентябре I649 г., и заключалась в том, что стольнику А.П.Чирикову были променены две пустоши (Тимоново и Половинино) на р.Сестре в Каменском стане, а взамен от него корпорация получила некоторые земли в Коломенском и Рузском уездах [48].

Во второй половине XVП в. в Дмитровском уезде неизвестно ни о каких больше земельных приобретениях и других операциях Сергиева монастыря. Рост его дмитровской вотчины произошел лишь в I700 г. в связи с припиской по указу Петра I Николо-Песношского монастыря, имевшего села, помимо Дмитровского, и в соседнем Кашинском

уезде. По данным Я.Е.Водарского, в I678 г. Николо-Песношскому монастырю принадлежало 827 дворов, а в I700 г. - 474 [49].

Перейдем теперь к рассмотрению роста землевладения Сергиева монастыря в конце XVI - XVП в. в самом главном для него - **Переславском** уезде. Здесь всегда корпорация имела и наращивала свои наиболее крупные, многочисленные, нередко тесно расположенные и плотно заселенные земледельческо-промысловые вотчины. "Многоуездная" география княжеско-боярского землевладения в XVП в., как и в предшествующие периоды, обусловила одновременное получение от одних и тех же собственников нескольких сел, находящихся в соседних, как правило, уездах. Уоминавшийся нами в "московском разделе" кн.И.В.Глинский в I585 г. дал архимандриту Митрофану приданую вотчину своей покойной жены село Логиново-Пожарское в Новоселовском стане Переславского уезда 50. О фактическом вступлении Сергиева монастыря в права на это село свидетельствует сохранившаяся уставная грамота троицких властей Логиновским крестьянам I589/90 г. 51. И село Логиново, и другие вотчины кн.И.В.Глинского (в Московском, Ростовском уездах) являлись выморочными, поскольку князь умер (в I586 г.) бездетным, став последним представителем рода Глинских. В своей духовной грамоте 20 апреля I586 г. все свои вотчины он завещал в Троицкий монастырь^[2]. Однако исполнение духовных грамот от лиц такого ранга всегда контролировалось правительством, могло быть задержано на несколько лет или же вовсе отклонено. Именно так и обстояло дело с фактическим получением Троицким монастырем вотчин Глинских. Лишь в I602 г. с санкции царя Б.Ф.Годунова ему было дано село Площево с 57 деревнями в Кинельском стане, известное в XV в. как центр черной волости. Интересно еще и то, что денежные вклады Площевских крестьян в Троицкий монастырь известны с I570-х гг., следовательно, определенные связи Сергиевой обители с местным населением уже существовали. Непосредственное же включение столь крупного комплекса в состав троицкой латифундии означало очень солидное увеличение монастырских владений в Переславском уезде. С приходом к власти царя В.И.Шуйского права корпорации на село Площево были подтверждены 3I августа I606 г.[53]

До 1611/12 г. наблюдается пауза в дальнейшем росте троицкого землевладения в Переславском уезде. Возобновляется же он благодаря вкладу братьев Р.Л. и А.Чемодуровых трети сельца Мячкова на р.Богоне в Кодяеве стане Овладение этим селом у корпорации началось еще в I547 г., когда половина его была куплена за 300 руб. у кн.П.И.Шуйского, продолжившись в I575/76 г., когда треть другой половины была получена от царского конюха А.Васильева с оставлением ему ее "до живота". Вклад же Чемодуровых поставил точку в процессе постепенного и неуклонного включения Мячковского комплекса в состав троицкой латифундии.

В январе I6I2 г., а затем повторно в январе же I6I5 г. троицкий старец Кирилл Алексеевич Чулков дал обители дер.Дроздову в Верхдубенском стане, купленную им в более раннее время у подьячего Разрядного приказа П.Д.Матренина. Грамота I6I5 г. была написана сыном старца Кирилла, Григорием, и, возможно, к нему относилась статья о родовом выкупе деревни в 60 руб., хотя Кириллу как монаху, казалось, должен быть известен принцип неотчуждаемости "в Богови данных в наследие вечных благ", да и свидетелями в акте показаны троицкие соборные старцы Боголеп Редриков (тоже переславский землевладелец) и Логгин 55. В дальнейшем никакой выкуп не угрожал монастырским правам на дер.Дроздову и она прочно вошла в состав троицких земель Верхдубенского стана Переславского уезда. Еще одним основанием вклада старца Кирилла было пострижение его сестры Татьяны в приписном женском филиале Троицы - монастыре Покрова Пречистые в Хотькове.

В декабре I6I3 г. от Б.Л.Шапилова поступило сельцо Сырнево (его "выслуженная вотчина") на Переславско-Дмитровском рубеже. Это была "придача" к прежнему вкладу его

отца, троицкого инока-схимника Лаврентия (в миру - Луки Шапилова), отписавшего в I567-I569 г. Сергиеву монастырю две свои дмитровские деревни. Борис Лукин сын Шапилова завещал похоронить себя в Троицком монастыре возле своего отца, а также просил о поминовении всех своих родственников - как умерших, так и томившихся в польско-литовском плену [56].

В I6I3/I4 г. две вотчины кн.М.В.Скопина-Шуйского были даны по его душе матерью Еленой и вдовой Александрой. Это было село Расловское в Кистемском и село Микульское на р.Сотме в Зубове стане Переславского уезда. Денежные вклады князей Скопиных-Шуйских делались в Троицу с I536 г., а земельный, тем более столь крупный, - впервые [57]. Очень тщательным оказалось документальное оформление данного приобретения: на села Расловское и Микульское были составлены как государственные, так и монастырские переписные книги I6I4-I6I7 гг., были они учтены и в правительственной дозорной книге за Троицким монастырем в I6I4 г. На примере вотчин князей Глинских уже приходилось говорить о том пристальном внимании, которое уделялась государством каждому случаю поступления в Сергиеву обитель княжеско-боярских вотчин, завещанных известными военно-политическими деятелями России либо их родственниками.

Ряд земельных вкладов в Троицкий монастырь в первой половине XVП в., как и в предшествующие периоды, был обусловлен поступлением дарителей в состав монастырских слуг. Как близко расположенные к самой обители, Дмитровский, Переславский уезды и ранее всегда “поставляли кадры” для административно-хозяйственного аппарата этой крупной экономической организации. В феврале I6I8 г. И.С.Лихорев расстается со своей запустевшей дер.Поповкой в Слободском стане (округа Александровой Слободы), чтобы быть принятым в слуги и оставляет при этом дарение у себя в пожизненном владении. Действительно, поступление И.С.Лихорева в состав троицких слуг состоялось: в таком качестве он упоминается во Вкладной книге под I642 г. [59]

Довольно любопытны факты земельных сделок троицких старцев и слуг между собой, свидетельствующие об определенном проявлении частно-феодального начала в рамках корпоративной монастырской собственности. Так, в I6I8/I9 г. троицкий старец Алексей Ермолаев сын Хомутов продал за 50 руб. троицкому же слуге Феофану Ивачеву вотчинную пустошь Подольную, полученную когда-то от своего зятя С.И.Вантеева . При этом продавец обещал записать данную пустошь за Ф.Ивачевым “в крепостные книги Поместного приказа”, допуская одновременно ее выкуп за те же 50 руб.[60] В писцовой книге I627/29 г. пуст. Подольная числилась за монастырем без указания на ее покупку слугой у старца 61. Сам же А.Е.Хомутов и в начале I630-х гг. оставался троицким старцем, исполняя должность строителя в приписном Авнежском монастыре Вологодского уезда.

В феврале I622 г. от пяти братьев Редриковых была получена их “исконная родовая вотчина” - пустошь Александровская в Верхдубенском стане (вскоре будет восстановлена как село Редриковы горы Александровское тож). Дарение было осуществлено по душе их дяди, Никиты Леонтьевича Редрикова. Среди вкладчиков два брата - Акинф и Боголеп - являлись троицкими соборными старцами, а три остальных - Исак, Леонтий и Юрий - жили в миру [62]. В анализируемой данной, написанной от лица и монахов, и светских людей, говорилось о возможном родовом выкупе пустоши Александровской в 200 руб., но в дальнейшем никто из семьи на нее не претендовал, а будучи восстановленным, село Александровское значительно усилило объем троицкого землевладения в Верхдубенье.

После коллективного вклада братьев Редриковых земельные поступления от них в Сергиев монастырь не прекратились. В феврале I623 г. Юрий Редриков пожелал дать обители 6-ю долю сельца Лопкова в том же Верхдубенском стане, по душе своей племянницы Феодосии, дочери Елизария Редрикова. Во Вкладной книге под I2 февраля I622 г. записано о взятии с Юрия за эту долю 7 руб., следовательно, вместо земельного вклада на самом деле

был совершен денежный, как того и требовало законодательство о монастырском и вотчинном землевладении I580, I584 и I622 гг.[63] V Юрия Редрикова оставалась еще и своя доля в селе Лопкове, которую он завещал монастырю в I629/30 г., а в I636 г. Юрий стал троицким иноком под именем Геннадий и вскоре умер. До конца I630-х гг. доля эта удерживалась его семьей . В марте I638 г. его вдова Агриппина из-за нужды в деньгах и хлебе заложила корпорации за 20 руб. "треть с четвертью со крестьяны" в селе Лопкове до 20 марта I639 г.

Незадолго до смерти Юрий-Геннадий Редриков совместно с родным братом, старцем Боголепом, дал обители, по-видимому, ядро своей родовой вотчины - пустошь, что было сельцо Симонове Воропаево тож с Покровским погостом на р.Дубне в Верхдубенском стане. Погостом нередко назывались семейные кладбища в родовых гнездах землевладельцев (подробнее об этом - в гл.3). О подконтрольности данного вклада правительственному учреждению говорит тот факт, что грамота была предъявлена в Поместном приказе троицким стряпчим Марком Шешковым, записана в книгу крепостей и за это взята специальная пошлина [65]. С племянником Юрия Редрикова, уже упоминавшимся писцом некоторых актов, К.А.Редриковым, корпорация в сентябре I626 г. произвела земельный обмен. Он отдал запустевшее село Воскресенкое в Слободском стане, а взамен получил три монастырские пустоши звенигородского села Андреевского [66]. Другому Редрикову, слуге Евдокиму, старцы дали в пожизненное держание дер.Соляникову в Мишутинском стане Переславского уезда[67].

Не только с Редриковыми, но и с другими старинными феодальными фамилиями Переславского уезда продолжались у Троицкого монастыря контакты в первой половине XVП в. Это были часто называемые в актах XVI в. Айгустовы, Баскаковы, Замыцкие. Нужда в деньгах являлась одной из причин, заставлявших их расставаться с родовыми и различными другими по происхождению вотчинами. В I625/26 г. Савва Айгустов за I00 руб. заложил, да так и сумел вернуть в срок свою дер. Лодыгину с 2 пустошами в Мишутинском стане. Пицовая книга I628/30 г. уже зафиксировала ее за корпорацией 68. Денежные затруднения С.Айгустова продолжались. В I63I/32 г. ему пришлось за 90 руб. заложить I,5 жребия в "жалованной выслуженной вотчине" селе Голоперове Новоселовского стана в том же Переславском уезде. Правда, на этот раз монастырь недолго владел новым приобретением: в декабре I635 г. доля с.Голоперова была отдана на выкуп "по родству" кн.И.А.Шаховскому . Полагаем., что в отмеченном факте сказалось действие указа I6I8/I9 г. о новой редакции жалованных грамот на выслуженные вотчины. Согласно ему, такие вотчины могли даваться в монастыри *до выкупу.* Допустимо также предположить и действие указа 27 августа I622 г. о том, что данные после I6I3 г. в монастыри вотчины подлежали выкупу или родственниками (хотя бы и дальними), или государевой казной [69].

Несмотря на правовые ограничения, некоторые "жалованные выслуженные вотчины" все же закреплялись в составе троицкой латифундии. В I630/3I г. сын боярский царицы Евдокии Лукьяновны И.М.Григорьев дал корпорации полученную "за троицкое осадное сидение" вотчину в Новоселовском стане - "усадище" деревня Палицыно Меньшое, жребий в дер.Палицыне Большом и полпустоши Петровки [70]. Вкладчик отдал монастырским властям и государеву жалованную грамоту на эти земли, оставляя их у себя "до живота".

Иногда у Сергиева монастыря случались и конфликтные ситуации в отношениях со своими давними переславскими контрагентами. В январе I62I г. Данила Андреев сын Замыцкий попытался вернуть родовую вотчину сельцо Фонинское в Замыцком стане. Находилось оно в тот момент у Евфимии Замыцкой, вдовы его брата Дмитрия Андреевича, в пожизненном держании (с I6I4 г.). В ходе судебного разбирательства выяснилась предшествующая история этого сельца. Впервые его дали Троице Давыд и Иван Никитичи Замыцкие в I570/7I г., а с I585/86 г. за денежный вклад в 50 руб. им владел "по даче из монастыря" Дмитрий Андреевич Замыцкий. И хотя по условиям договора с монастырскими

властями после его смерти сельцо должно было вернуться к ним, Фонинским продолжали владеть сыновья Дмитрия Андреевича: в I602-I606 гг. Дмитрий же, в I608-I608 гг. -Василий (был убит при Шуйском на Ходынке), в I608-I6I0 гг. - внук Афанасий (убит черкасами) 71. Затевая в I62I г. тяжбу с могущественным монастырем в суде патриарха Филарета, Данила Замыцкий преследовал прежде всего собственные интересы, нимало не беспокоясь о землеобеспечении невестки Евфимии, пожизненно владевшей сельцом Фонинским с I6I4 г. за 30 руб. денежного вклада.

На суде у патриарха столкнулись два противоположных понимания того, что есть такое держание ? Троицкой стороной дача светскому лицу за денежный вклад монастырской вотчины, каковой с I57I г. считалось Фонинское, рассматривалась как дача земли "за вклад, а не на выкуп". Истцом же - как законный родовой выкуп, совершенный, правда, не им самим, а его братом, раз тот заплатил за сельцо 50 руб. Патриарший суд решил дело в пользу Троицкого монастыря, а злополучное сельцо оставалось в пожизненном держании у вдовы Евфимии и по писцовой книге I629/3I г.

Еще одна безуспешная тяжба для светского лица с Троицким монастырем состоялась в I628 г. Евдоким Баскаков попытался отсудить у корпорации село Олексино с 2 деревнями в Кинельском стане, данное еще в I577/78 г. его отцом Иваном. После получения этого села старцы предоставили его в держание "из строения" дьяку С.Васильеву, а тот отдал село Евдокиму, "не ведая.что на Олексино есть данная Ивана Баскакова". В ходе судебного разбирательства привлекался и ее подлинник, что способствовало решению спора в пользу, опять-таки, корпорации 73. Таким образом в I620-е годы Сергиеву монастырю удалось через суд удачно отбиться от претендентов на свои вкладные вотчины, поступившие еще в годы опричнины и с тех пор находившиеся в разных формах держаний за светскими лицами.

В I628-I63I гг. известны два земельных обмена Троицкого монастыря с царем Михаилом Федоровичем. Сначала взамен на отобранные у корпорации земли в районе Мытищ по Ярославской дороге (для извозчиков Ловчего пути) ей была дана пустошь Булахова Шаблыкино тож в Слободском стане Переславского уезда "по Суздальской большой дороге". Как всегда в таких случаях, правительство делало расчет на восстановление пустоши силами экономически мощной организации, имевшей достаточные людские ресурсы. Действительно, уже к I646 г. на бывшей пустоши Булаховой-Шаблыкиной известно I2 крестьянских дворов и 20 четв. пашни паханой [74]. В I63I г. взамен на отобранные "к государевой десятинной пашне" пустоши Площевской волости (Посохово, Фатеево, Мельница Прибыловская и др. на р.Молохче) Троице были даны подысканные самими монахами пустоши в Кодяеве стане (Щеголенова и др. на р.Желтушке у дворцового села Ивановского-Хлуденева). К I646 г. здесь также уже имелись жилые дворы крестьян и бобылей, живущая пашня 75.

Последние крупные земельные приобретения Сергиева монастыря в Переславском уезде в I630-I640-е годы были совершены с санкции царя. В декабре I638 г. по душе кн.И.И.Шуйского корпорации было передано село Семеновское на р.Шерне в Борисоглебском стане, принадлежавшее во второй половине XVI в. печально известному Г.Л.Бельскому (Малюте Скуратову). Комплекс включал 9 деревень и I6 пустошей и располагался недалеко от промысловых владений (тоней и кулиг) Троице-Махрищского монастыря, приписанного к Сергиеву в I6I5 г. - см. параграф 2 наст. главы). Переход данной вотчины в руки корпорации, помимо жалованной государевой грамоты, был еще оформлен и переписной отказной книгой переславского губного старосты Б.Айгустова [76].

В ноябре I642 г. "по государеву жалованью и именному указу" бояре Ф.И.Шереметев и кн. Ю.Я.Сулешов дали в Сергиев монастырь старинную вотчину Басмановых-Плещеевых, село Елизарово в Нерльском стане, недалеко от Переславско-Юрьевского рубежа. Вклад был сделан по душе племянницы Ф.И.Шереметева и невестки кн.Ю.Я.Сулешова., Фетиньи

Ивановны Сулешовой (урожд.Басмановой). В свое время она была замужем за братом одного из дарителей, кравчим Василием Яншеевичем Сулешовы (происходили из крымских татар). Село Елизарово являлось “приданой вотчиной” Фетиньи, унаследованной ею от своей матери, Ирины Васильевны Басмановой, жены окольничего И.Ф.Басманова [77]. I0 апреля I643 г. была оформлена жалованная данная грамота царя М.Ф.Романова Троицкому монастырю на село Елизарово. Затем были составлены на него переписные отказные книги и, наконец, в ноябре I643 г. переславский воевода Ф.С.Поливанов передал троицким властям в самом Переславле-Залесском осадный двор, числившийся к селу Елизарову [78]. Своеобразная *“дихотомия”:* городской двор - к сельской вотчине в уезде - была характерна для феодального землевладения на Руси в XIV-XVП вв., особенно для крупных светских и духовных вотчин.

Любопытный обмен был произведен в августе I648 г. между Троицким монастырем и сыном героя пушкинской трагедии, боярином и оружничим Григорием Гавриловичем Пушкиным. Он променял старцам приданую вотчину жен, село Степково Степурино тож в Борисоглебском стане Переславского уезда, а взамен получил в пожизненное держание старинную монастырскую вотчину село Мамоново в Сетунском стане Московского уезда (недалеко от совр. г.Одинцово). Г.Г.Пушкин не был уверен в том, что правительство признает подобную сделку, о чем говорит фраза из его грамоты: “если государь не изволит быть селу Степкову-Степурину за монастырем”, то контрагент выплачивает старцам неустойку в I70 руб. и возвращает взятое в пожизненное держание село Мамоново [79].

Сомнения Г.Г.Пушкина оказались напрасны: царь Алексей Михайлович не посягнул на новое переславское село Троицы и даже выдал две послушные грамоты его крестьянам. Село же Степково-Степурино вместе с соседними с ним селами Семеновским и Мячковым образовало компактный вотчинный комплекс. Об его пребывании в составе троицкой латифундии свидетельствуют проведенные в I676 г. размежевания земли с владениями стольника И.А.Бутурлина и упоминания в переписных книгах I678 г. Сам же Г.Г.Пушкин в феврале I657 г. умер и был похоронен в Троице рядом со своим отцом[80].

Последнее крупное земельное приобретение Сергиева монастыря в Переславском уезде было сделано в I649-I650 гг. благодаря обмену с царем Алексеем Михайловичем. За отданное государю нижегородское село Толоконцево (иногда его относили к Балахнинскому уезду) корпорация получила дворцовое село Константиновское со I50-ю дворами в Верхдубенском стане Переслаского уезда 81. В последующие два года небольшие земельные обмены были произведены корпорацией с думным дьяком С.Заборовским. В I65I г. у него было выменено сельцо Ликсино в Мишутинской волости Переславского уезда, а взамен отданы две бежецкие деревни и мельница на р. Остречине, оказавшиеся поблизости от берега, принадлежавшего к селу дьяка Шоломани. В I653 г. у С.Заборовского были выменены купленные им пустоши в Слободском стане (Савелово Большое и Меньшое, а взамен дана троицкая пустошь Григорьевское Лысцово в Московском уезде, которая постоянно в течение конца XVI - первой трети XVП в. находилась в разных формах пожизненных и срочных держании у светских лиц 82.

Кроме названных выше центральных уездов, непосредственно “примыкавших к Троицкому монастырю, основы его земельного богатства издавна сложились и в **Бежецком Верхе.** По сравнению с Дмитровским или Переславским уездами здесь рост монастырского землевладения был довольно скромным. В I585/86 г. Ксения Яковлева дала корпорации сельцо Горы Морткины (или просто Горы) с 20 деревнями и 6 починками в Ясенитском стане. Вклад был обусловлен крупным долгом ее мужа, М.В.Яковлева, старцам в 900 руб . Будучи вынужденным, дарение это совершалось “с доклада” боярину Н.Р.Юрьеву (Яковли-Захарьины являлись сородичами Юрьевых), чем и объясняется, по справедливому мнению А.П.Павлова, докладной характер сделки 83. Однако фактическое попадание данного села в

состав троицкой латифундии произошло спустя несколько десятилетий, так как его мы не видим ни в писцовой I593/94, ни в дозорной I6I4 гг. книгах. И дело тут не в родовом выкупе: его Кс.Яковлева запрещала, имея в виду конкретно своих племянников кн.Ф.В. и Д.М.Турениных. Запись из сыскной книги I623 г. указывает на то, что какое-то время село Горы находилось в поместье за Данилом и Наумом Грабленого, значит, правительство не допустило попадания этой вотчины в монастырь, отдав ее в поместья . Окончательно же оно закрепилось за монастырем лишь в конце 20-х годов XVП в., судя по писцовой книге I628/29 г. и по памяти из патриаршего Разряда за приписью дьяка Ф.Рагозина [85].

В I588/89 г. вдова М.В.Годунова Анна с сыном Яковом дали Троице их купленную вотчину село Бушарово с 13 деревнями в Верховском стане, оговорив возможность его выкупа за 300 руб. Более ранняя грамота на это село была оформлена И.Д.Нелединским в I573/74 г. ("со здачей" от монастыря тоже в 300 руб.), однако тот вклад по каким-то неизвестным нам причинам не состоялся. Сама же вотчина и грамота И.Д.Нелединского на нее оказались у М.В.Годунова. I5 октября I597 г. данная И.Д.Нелединского была доставлена в троицкую казну братом М.В.Годунова В.А.Измайловым, сделавшим на ней соответствующую запись . О пребывании села Бушарова в составе троицкой латифундии говорят упоминания его в писцовых и дозорной книгах I590-I620-х гг.

После получения корпорацией села Бушарова в росте троицкого землевладения в Бежецком Верхе наступает 20-летняя пауза. Возобновление его происходит в I6I4 г., и в этом сыграло свою роль сохранение связей монастыря со своими давними светскими контрагентами, семьями бежецких вотчинников Клевусовых, Корякиных, Скобеевых. В I6I4 г. были одновременно оформлены данная и духовная грамоты Аксиньи Клевусовой на ее треть сельца Нагорья с 3 деревнями в Каменском стане 88. Тогда же, поступая в троицкие слуги, свои доли в Нагорьевской вотчине передал монастырю племянник Аксиньи А.Клевусов по душе дяди, А.М.Клевусова . В I6I6 г. от снохи Аксиньи Клевусовой Матрены Ивановны Корякиной (жены Я.Е.Клевусова) были получены ее доли в деревнях Нагорьевской вотчины (Кадном, Плоском, Хромцове). В самом селе Нагорье Матрена, вероятно, владела центральной частью, поскольку в ее грамоте фигурируют двор боярский и два храма - Троицы и Николы - с колокольней. Весьма уникальна в грамоте Матрены и формула о родового выкупа земли: вотчина дается *"безвыкупно за I00 рублей" 90.* Таким образом, к концу второго десятилетия XVП в. некогда раздробленная между родичами Нагорьевская вотчина как бы воссоединилась в целостном виде в составе монастырских владений.

В I6I6г. троицкие вотчины в Бежецком Верхе расширились за счет села Баскаки расположенного немного севернее села Бушарова, в районе Весьегонска. Село Баскаки должно быть названо в ряду других сел князей Ивана и Юрия Дмитриевичей и их двоюродного брата Ивана Андреевича Хворостининых (угличское с.Клементьево, ростовское с.Павлове, переславские села Богородицкое и Доратиково, костромское с.Городище). Часть из них передавались в монастырь теткой Ивана и Юрия, княгиней Антонидой Хворостининой по ее духовной грамоте I6I6 г., на села кн.Ивана Андреевича документы нам неизвестны. Нельзя не отметить то окружение, в котором оформлялась духовная княгини Антониды: архимандрит Дионисий, келарь Авраамий Палицын, казначей старец Иосиф, ряд других соборных старцев . Явно доверительные отношения с верхушкой троицкого монашества, возможно, должны были придать особую убедительность распоряжениям дарительницы, всецело отвечающим вотчинным интересам могущественной корпорации . Однако лишь два села из шести завещанных фактически закрепились за Троицким монастырем - бежецкое с. Баскаки и угличское с.Клементьево. Четыре других в I625-I628 гг. старцы отдали на выкуп: с. Богородицкое кн. М.Ф.Волконскому за 450 руб., с.Доратиково за 325 руб. и с.Павловское за 400 руб.- кн.А.М.Львову, а с.Городище выкупил сам кн.Ю.Д.Хворостинин за 200 руб.

Повторный характер был присущ ряду земельных вкладов в Сергиев монастыр, касавшихся как крупных, так и сравнительно скромных по масштабу владений. В марте I62I г. от братьев Евфимия и Степана Скобеевых была получена пустошь Беседа с 3 другими пустошами в Городецком стане. Этот запустевший комплекс передавался в монастырь по душе их сестры Анны, унаследовавшей его когда-то в качестве приданого от своей матери Настасьи, урожд. Мустофиной. Впервые же дер.Беседа с 3 деревнями была предназначена Троице еще в I569/70 г. братьями Давыдом и Антоном Мустофиными, однако на длительное время удерживалась сначала в их семье, а затем в родственной им семье Скобеевых .

Не менее длительной оказалась история включения в состав троицких владений села Василева в Верховском стане Бежецкого верха. Впервые его отписал корпорации Арист Дмитриевич Чемоданов в I573/74 г., однако фактически он продолжал им владеть, а с I594 г. оно находилось уже за его сыном Алексеем, женой и дочерью последнего. В июле I605 г. Лжедмитрий I отобрал село Василево у Алексея Чемоданова и передал его А.Т.Быкасову в возмещение за взятое у того подмосковное поместье, в свою очередь, отданное кн.Н.Ю. и Т.Ю.Трубецким[94]. Нам не вполне ясны дальнейшие перипетии, связанные с селом Василевым, однако бесспорно, что к концу I620-х гг. им владел думный дьяк Василий Ларионов (а с родом Ларионовых-Беззубцевых у Сергиевой обители имелись связи еще в первой половине XVI в). Память о себе в селе Василеве он увековечил тем, что к имевшейся там церкви во имя Живоначальной Троицы пристроил придел в честь своего соименного небесного покровителя Василия Кесарийского. Окончательное же утверждение данного села за монастырем совершилось в I629/30 г. на основе грамоты из патриаршего Разряда за приписью дьяка Ф.Рагозина, информация о чем была вписана в Бежецкую писцовую книгу I628/30 г. Весной I630 г., в качестве компенсации дьяку было дано в пожизненное держание село Домнино в Муромском уезде (его подробная хозяйственная характеристика дается нами в гл.V). В дальнейшем он известен как троицкий соборный старец Васьян Ларионов [95].

В отличие от Московского и Переславского уездов, в Бежецком Верхе земельные “пожалования” царя и патриарха Троицкому монастырю в конце 20-х - начале 30-х гг. XVП в. являлись фактически возвратом ему земель, отобранных в предшествующий период (скорее всего в 1580- I590-е гг.) для раздачи в поместья. Нам уже приходилось писать о внушительных по масштабу испомещениях за счет троицких земель, осуществленных в конце XVI в.[96] По Бежецку такие конфискации известны уже в I570-I58I гг. Именно тогда, по-видимому, у корпорации были взяты ее земли Олексейцева, Струкова, Горка Воронина, Боротова, Шелепулева и др. в Городецком стане (недалеко от Бежецка, он же Городецк) и отданы в поместья Е.Скобееву. С.Заборовскому, Д. и Н.Грабленого, М.Гребенкину и кому-то еще. Состав этих лиц устанавливается на основе упоминаний о серии указных грамот патриарха Филарета за подписью дьяка Г.Леонтьева, направленных бежецким писцам в I627/28 г., чтобы те записали поименованные пустоши за корпорацией[97]. Помимо помещиков, некоторые троицкие земли почему-то оказались в вотчине у Антоньева Краснохолмского монастыря, что также устанавливается по вышеназванным документам. Нетрудно заметить, что у Троицы отбирались, как правило, живущие земли, пускаемые в поместную раздачу, а затем они же возвращались корпорации после хозяйничанья там помещиков в виде пустошей для последующего восстановления. Но и общее хозяйственное разорение, постигшее Россию в результате “смуты”, тоже, разумеется, следует учитывать.

Последним земельным вкладом в Сергиев монастырь в Бежецком уезде стало поступление села Федосова в Городецком стане в марте I633 г. от Рахманина (Филиппа) Скобеева с 5 братьями, Село это в последней четверти XVI в. уже принадлежало корпорации: его дала в I575/76 г. старица Евфросинья Моклокова (урожд. Пыхичева), а в I592 г. монастырь его выменял как раз Рахманину Скобееву за половину сельца Языкова 98. И вот теперь, через 40 лет, с.Федосово от него же вернулось в состав троицкой латифундии.

Для комплекса троицких владений в соседнем с Бежецком **Тверском уезде** конец XVI - первая четверть XVП в. стали прямым продолжением процесса его формирования, который в I560-I570-е гг. фактически лишь начался. В I586/87 г. с доклада царю Федору Ивановичу троицкие соборные старцы выменяли у окольничего А.П.Клешнина его село Омельяново в Суземском стане Тверского уезда. Взамен окольничий получил отдаленную троицкую вотчину село Настасовская Поляна в Новосильском уезде. В меновной грамоте сделка для троицких властей мотивировалась тем, что "та вотчина у нас на украине и для пустоты"[99]. В описаниях I590-I620-х гг. за Сергиевым монастырем значится и тверское, и новосильское село. Значит, ему удалось, приобретая по обмену одно владение, удержать и то, которое положено было отдать. Вряд ли и самому А.П.Клешнину была нужна столь отдаленная вотчина, расположенная на границе с "диким полем". Под I599 г. во Вкладной книге записан его денежный вклад в I00 руб. уже в качестве инока Левкея. Примерно к I599 г. А.Павлов относит и выбытие А.П.Клешнина из Думы 100.

В конце XVI - начале XVП в. рост монастырского землевладения в Тверском уезде происходил неровно. Одни вкладные земли корпорация утрачивала в результате родового выкупа (при всей трудности его осуществления, когда речь шла о столь мощном монастыре), вторые - из-за длительно продолжающихся пожизненных держаний, третьи же просто переставали существовать как хозяйственно значимые единицы из-за сильнейшего разорения "смутного времени". Можно привести примеры всех отмеченных явлений.

В период работы тверских писцов I593/94 г. у Сергиева монастыря была отписана дер.Песошня по челобитью сына боярского Томилы Угримова. По показаниям сыскной книги, оставалась эта деревня у Угримовых и в I623 г. 101. Возможно, перед нами - окончательно удавшийся родовой выкуп, хотя факт этот нуждается еще в доисследовании. Ряд вотчинных комплексов, предназначенных вкладчиками монастырю во второй половине I590- х гг., совсем не упоминается в писцовой книге I628/30 г. Это были вклады от Ф.М.Нагого (пустошь Шишкове с I7 пустошами), кн. Г.П.Бельского (несколько пустошей в Захожском стане к его "прежнему вкладу" селу Ведерне), кн.И.Г.Звенигородского (пустоши в Микулинском стане, у себя же и оставленные "до живота").

Особенностью в развитии троицкого землевладения в Тверском уезде было то, что поток земельных вкладов здесь не прекращался даже в первом десятилетии XVП в. Такого не приходилось замечать в уже упомянутых выше Московском, Переславском, Дмитровском, Бежецком уездах. В Тверском же уезде новые земли продолжали поступать в состав монастырских владений в I605-I608 гг., когда происходили бурные общественно-политические и военные события в разных районах государства Российского.

В I604/05 г. И.Д.Милюков дал в Сергиев монастырь пустошь Татаркину с 11 пустошами на р.Шоше в Микулинском стане, в котором и в дальнейшем будет получено более всего земель. Судя по записи этого комплекса в Тверскую писцовую книгу I628/30 г., дарение было получено[103]. В I605/06 г. от Н.Г.Неплюева была получена пуст. Заборовье с I4-ю другими в том же стане 104. В I605/06 г. Ф.И.Кудрявцев отписал корпорации пуст.Высокое с несколькими на р.Шоше, а Т.М.Болешев - село Болешево с I7 пустошами [105]. Столь прямое антропонимическое название села, скорее всего, говорит о том, что землевладельцы расставались со своими исконными родовыми вотчинами, так называемой "первой генерации". В данных грамотах на перечисленные вклады нередко упоминаются и "иные пустоши", то есть степень запустения ряда районов Тверского края уже к началу XVП в. была столь велика, что даже сами феодалы не могли припомнить название ряда собственных земель, полностью утратив их население. Находясь в столь тяжелом экономическом положении, отдельные из тверских землевладельцев считали для себя благом попадание в состав троицких слуг. Так. Т.М.Болешев предусматривал для себя в грамоте возможность быть принятым в монастырские слуги: "буде похочю в дому Живоначальные Троицы

потружатися". С некоторыми их своих светских контрагентов монастырь в I600-е годы практиковал различные формы срочных, оброчных, пожизненных держаний троицких вотчин, начавшихся еще с I570- х гг. Например, тверской землевладелец Казарин Херонов с I578/79 г. за денежные вклады покупал троицкие вотчины в данном уезде, время от времени возобновляя подобные сделки с корпорацией. Он же в Микулинском стане передал корпорации в I607/08 г. пустошь Пехову с I7 другими, одновременно оставляя этот комплекс у себя и двух своих сыновей "до живота" [106].

Из-за сильнейшего разорения Тверского края в дальнейшем наступает длительная пауза в росте троицкого землевладения здесь. После I608 г лишь в I630/3I г. было сделано новое земельное приобретение: от кн.Н.И.Одоевского получено село Романовское-Ивановское и сельцо Тимошкино все в том же Микулинском стане. Вотчина давалась по душе его дяди, кн.И.Н.Одоевского, его жены Ксении Петровны и даже ее первого супруга, кн.П.Т.Шейдякова [107].

К концу 20-х - началу 30-х гг. XVП в. в состав троицкой латифундии были возвращены некоторые села, в предшествующий период пущенные в поместную раздачу, как это приходилось отмечать и по Бежецкому Верху. В период работы тверских писцов, как и бежецких, первым было послано распоряжение из Москвы о записи за Троицей села Сушкова в волости Воловичи. Впервые оно было дано старцам еще в I556/57 г. кнг.Софьей Телятевской по душе своего мужа, одного из главных воевод в Казанском взятии, кн.Д.И. Микулинского. В I597 г. село это оказалось в поместье за дьяком А.Шапиловым, а дальнейшая его история во всех деталях нам неизвестна [108].

Последним крупным земельным вкладом в Тверском уезде стало полученное с санкции царя Михаила Федоровича село Никольское на р.Шоше в Микулинском стане. Собственно, само село уже давно считалось монастырским, дала его кнг. Ксения Телятевская в I566/67 г. по душе другого знаменитого воеводы под Казанью, кн. С.И.Микулинского, однако фактически оно еще длительное время удерживалось прежними "вотчичами". В I576-I60I гг. им владела сама кнг.Ксения за денежный вклад монастырю в I00 руб., в I60I-I624 гг. - ее сын Андрей, постригшийся в Троице под именем Гермогена, а в I624-I645 г. -его сын Федор Андреевич "по государеву указу и по даче троицких властей" [109]. Таким образом, после смерти кн.Ф.А.Телятевского с.Никольское окончательно вошло в состав троицких владений в Микулинском стане.

В соседнем с Тверским **Старицком уезде** земельных вкладов от частных лиц Троице-Сергиев монастырь в конце XVI - XVП в. не получал. Незначительное увеличение его старицких владений, приобретенных в XVI в., произошло лишь за счет приписки в I668 г. Богословского Холохоленского монастыря, а этот вопрос кратко затрагивается нами во втором параграфе настоящей главы и главе о сельском расселении. Отметим лишь, что в I683 г. в Старицком уезде был произведен обмен пустошами между Сергеевым монастырем и В.Г.Огаревым. Последний променял корпорации две свои поместные пустоши в Иворовской волости, а взамен получил одну - пуст. Просикову - там же [110].

На юг от Тверского уезда, в **Клинском уезде** устойчивого землевладения у Сергиева монастыря к XVП в. не сложилось. Полученное по вкладу от царского казначея Б.И.Сукина в I549 г. село Никитское давно уже было утрачено корпораций. В июне I626 г. "клиненин сын боярской" М.А.Кривцовский при поступлении в троицкие слуги дал обители пустое село Владыкино с 9 пустошами и озеро Захаровское в Домховской волости Клинского уезда "у Николы во Вьюхове". Вклад делался по велению матери, У.Л.Федоровой, сам же комплекс являлся старинной вотчиной ее свекра и свекрови, Андрея и Домны Семеновых 111.

В I628/29 г. "свою купленную вотчину" пустое село Маслово в том же приходе Николы во Вьюхове дал монастырю И.Ф.Березников. В дальнейшем, однако, это село за корпораций ни в каких документах не значится 112. В январе I633 г. кн.Д.М.Пожарский с

двумя сыновьями, Петром и Иваном, дал в Сергиев монастырь село Берсенево в Клинском уезде, предназначенное для поминовения умершего сына Федора. Село это, скорее всего, досталось кн.Д.М.Пожарскому от матери, по ее “рядной” (свадебной записи? - М.Ч.) I570/7I г. По-видимому, и после I633 г. с.Берсенево находилось в пожизненном держании за самим кн.Пожарским или его дядей Ф.И.Беклемишевым, а в I650/5I г. и вовсе было выкуплено из монастыря двоюродными братьями кн. Пожарского В.М., Н.М. и П.М. Беклемишевыми “по их челобитью” 113. К моменту составления переписных книг I678 г. в Клинском уезде Троицкий монастырь имел только село Владыкино [114].

В I620-е годы землевладение Сергиева монастыря впервые появляется в новом для него **Зубцовском уезде.** В I625 г. по специальному царскому и патриаршему указу ему было разрешено принять сельцо Быхово Шеремевская слободка тож от вдовы кн.М.К.Черкасского Агафьи (урожд. Шереметевой) на р.Лоче в Лочском стане [115]. До конца XVП в. сельцо Быхово, иногда также называемое просто слободкой, оставалось единственным владением Сергиева монастыря в Зубцовском уезде [116].

В других уездах Верхневолжья - Кашинском, Новоторжском, Угличском, Ярославском - рост троицкого землевладения и сам состав монастырских вотчин были неровными. Некоторые сельца и деревни корпорации, полученные в названных уездах еще во второй половине XVI в., в первой четверти XVП в. оказались захваченными местными землевладельцами. Так, сыскная книга I623 г. отметила, что пустой монастырской деревней Ендоуровой в **Кашинском уезде** завладел боярин В.П.Морозов. По памяти из патриаршего Разряда за приписью дьяка Ф.Рагозина I630/3I г. кашинские писцы должны были записать эту спорную деревню “по крепостям за Троицким монастырем” [117].

Сыскная книга I623 г. упоминает и о том, что запустевшими троицкими сельцами Юрьевским и Кринковым в Кринкове стане Кашинского уезда владели в тот момент дети боярские М. и Ю.Филимоновы . Они отдавали их пахать “из найму” крестьянам государевой Кимрской волости [118]. Сельцом Рожновым и дер.Починком владел в I623 г. кн.И.Р.Гагин “неведомо почему”. Сельцо Рожново (статус которого в течение XVП в. понизился до деревни) монастырю удалось вернуть, по-видимому, лишь во второй половине XVП в. - в переписной книге I678 г. оно фигурирует в составе группы Мануковских деревнь [119].

Помимо захватов монастырской земли явочным путем, неблагоприятным фактором для роста троицкого землевладения в Кашинском уезде стало осуществление родового выкупа вотчин. Так, корпорации не удалось закрепить за собой завещанное в духовной грамоте кн. А.П.Куракина I6I5 г. село Васисино. Его племянники, Ф.С., В.С. и Г.С.Куракины, в феврале I6I7 г. выкупили свою долю в этом селе за I00 руб. [120]. Но и остальной частью с.Васисина корпорации владеть, вероятно, не пришлось, поскольку нет тому никаких свидетельств в документах. В сыскной книге I623 г. говорилось, что в с.Васисине I5 дворов, под селом озерко, “а владеет тем селом Олексей Нагой неведомо почему” 121. В I654 г. патриарх Никон отобрал у корпорации вообще все ее владения в Кашинском и Новоторжском уезде в порядке обмена. Возращение их произошло после его низложения в I667 г., причем в составленных тогда отказных книгах данные о земле и населении приводились на основании писцовых описаний I620-х гг. [122]

В соседнем с Кашинским **Угличском уезде** новым пополнением троицкой вотчины стало лишь село Клементьево на левобережной (Прилуцкой) стороне. Село было дано в I6I4 г. кн.Ю.Д.Хровостининым по душе его брата Ивана, а располагалось на р.Молокше по соседству с владениями Угличского Покровского монастыря *123.* Другой вклад - сельцо Зеленцово в Елоцком стане, данное в I6I2/I3 г. Ф.Г.Желябовским, по условиям дарения оставалось у него в пожизненном держании, а в сыскной книге I623 г. отмечено как захваченное кн.А.Ю.Сицким “неведомо почему” 124. Ни в каких позднейших документах сц.Зеленцово за Сергеевым монастырем не числилось.

Поблизости от данного сельца в Елоцком стане Угличского уезда были расположены село Морское (со столь необычным названием для той местности) и сельцо Исакове, предназначенные корпорации еще в I575/76 г. Ф.Г.Юхновым и его сыновьями. Однако отсутствие этого комплекса в описаниях I590-I6I0-х гг. склоняет к предположению о том, что фактически в состав монастырской вотчины он еще не поступил. Сыскная книга I623 г. отметила, что названными селами владеет Н.П.Чубаров-Истленьев "неведомо почему" [3]. Затем села Морское и Исакове оказались у И.К.Татищева и лишь в I628/29 г. в запустошенном состоянии поступили в монастырь. Дальнейшее их пребывание там зафиксировано переписными книгами I678 г., общей жалованной грамотой I752 г. и "офицерскими описями" кануна секуляризации, I76I-I763 гг. [126]

Некоторые троицкие земли в Елоцком стане в I620-е годы были захвачены угличскими монастырями - Покровским и Воскресенским, и возвращение их относится уже к моменту составления переписных книг I678 г. С другим расположенным на Кашинско-Угличском рубеже монастырем, Троице-Калязиным, власти Сергиевой обители произвели в конце I620-х гг. обмен: отдали дер.Толстикову, а взяли дер.Тестову к главному своему вотчинному центру в этом крае - селу Прилукам на левом берегу Волги, примерно в 20 верстах к юго-западу от Углича. Дер. Тестова предназначалась для "Прилуцкого перевозу".

Не вполне ясна история приобретения и утраты Сергеевым монастырем села "Рожественного" в Кадском стане Угличского уезда, В общеуездной писцовой книге I629/30 г. говорится, что половина этого села была выкуплена у монастыря кн.А.Ю.Сицким по памяти из Поместного приказа за приписью дьяка В.Махова, а в троицком противне с общеуездного описания такое село вообще не фигурирует. Выкупленная половина являлась "старинной родственной вотчиной" его дяди, кн.А.В.Сицкого, другой же половиной села Рожественного кн.А.Ю.Сицкий владел на основании угличских писцовых книг кн.Д.Г.Бельского I595/96 г. Кем и когда Сергиеву монастырю была дана выкупленная половина данного села (по-видимому, кн.А.В.Сицким), точно сказать затрудняемся. Во Вкладной книге не удалось найти сведений о князьях Алексее Васильевиче и Андрее Юрьевиче Сицких, хотя о других представителях этого известного ярославского княжеского рода сведения имеются.

Переходя теперь от Угличского к расположенному ниже по Волге **Ярославскому** уезду, отметим, что здесь ни один из новых земельных вкладов закрепить за собой корпорации в первой четверти XVП в. не удалось. Обратимся к конкретным фактам. В Приволжской (Московской) половине уезда, в Закоторосльском стане, по духовной грамоте А.Я.Волынской (урожд. Вельяминовой) монастырю в I6I0/11 г. отписывалось село Босино с оговоркой о родовом выкупе в I00 руб. Судя по записи во Вкладной книге, выкуп этот был осуществлени тогда же В.И.Волынским, правда, не за I00, а за 65 руб. 131. В том же Закоторосльском стане от известного в первой четверти XVП в. деятеля Андрея Федоровича Палицына в I6I4/I5 г. была, как будто, получена дер.Бухаринская, однако сыскная книга I623 г. отметила ее как находящуюся в пожизненном держании у дарителя [132]. В позднейших документах дер. Бухаринская в Ярославском уезде за монастырем нигде не значится.

Весьма значительных княжеских вотчин пришлось лишиться Троицкому монастырю в соседнем с Ярославлем **Ростовском уезде.** Завещанные еще в I585/86 г. кн.И.М.Глинским ростовские села оказась в I623 г.: с.Ильинское за кн.И.Н.Хованским, с.Угодичи - за Т.Луговским [133]. Село же Павловское в Лутском стане Ростовского уезда, завещанное в I6I6 г. кнг.А.Хворостининой, как уже упоминалось выше, в I625 г. было отдано на выкуп кн.А.М.Львову за 400 руб. (см. прим.92 в наст главе). Ни одно из названных сел в Ростовской писцовой книге I629/3I гг. за корпорацией не было записано. Состав земельных владений у нее вив Ярославском, и Ростовском уездах оставался прежним, в тех пределах, как он сложился в XVI в.

Имея в нашем обзоре точкой отсчета Москву и само расположение Сергиева монастыря недалеко от нее, обратимся теперь к рассмотрению того, в каком состоянии (рост, запустение, родовой выкуп, пожизненные либо срочные держания и другие факты) находилось в конце XVI - первой половине XVII в. его землевладение в уездах к западу, югу и юго-западу от столицы - Рузе, Звенигороде, Боровске, Оболенске (он же Серпуховской у.), Серпейске, Новосиле, Коломне.

В самом конце I590-х гг. корпорации были возвращены прежде отобранные государством земли в **Рузском уезде -** пустошь Торшино с 4 другими пустошами в Вышковском стане и пустошь Ондреевское с 11 другими - в Скирманове стане. Последующий VIIадок в этих комплексах, отмеченный писцовой книгой I624/26 г., стал необратимым и монастырь фактически эти земли утратил [134]. К моменту составления переписных книг I678 г. лишь единственный вотчинный комплекс в Рузе сумел восстановить монастырь - село Тархово с 7 деревнями в стане Локнаш 135. Никаких новых земельных вкладов монастырь здесь не получил. В I65I г. был произведен обмен со стольником А.П.Чириковым: у него была выменена пустошь Маурина на Глубоком озере в Бортном стане, а взамен отдано троицкое село Лаптеве в Коломенском у. [136]

В Звенигородском уезде из-за его сильнейшего разорения в “смуту” также было не до новых земельных вкладов. Старейшую троицкую вотчину здесь - село Андреевское (в I5 верстах к западу от уездного центра, до I540-х гг. - дворцовое) монастырю удалось восстановить только к I646 г. (об этом см. главу о сельском расселении). Известно, правда, небольшое земельное пожалование со стороны царя Михаила Федоровича. В I6I7 г., а затем повторно в I627 г. (уже совместно со своим отцом патриархом Филаретом) он дал Троице пустошь Брус из состава дворцовых земель села Михайловского на р.Москве. Имевшая площадь I00 на 40 сажень, пустошь эта предназначалась для складирования (“пристанища”) леса и дров, вывозимых из другого троицкого села в Звенигородском уезде, Кляпова Никольского, стоявшего в верховьях р.Сетуни, впадавшей в р.Москву. Этими материалами снабжалось Троицкое Богоявленское подворье в Московском Кремле.

К юго-западу от Москвы, в **Боровском уезде,** в августе 1611 г. вдова дьяка, Евфимия Власова, отписала корпорации мужнину вотчину село Булатниково на р.Кремичне с оговоркой о возможном его выкупе в 500 руб. Судя по отсутствию этого села в дозорных и писцовых описаниях I6I0-I620-х гг., оно или действительно было выкуплено (но тогда соответствующая запись должна была быть сделана во Вкладной), или сильно запустело. Фактически корпорация получила с.Булатниково не ранее I633 по выписи из патриаршего Разряда по указу патриарха Филарета за приписью дьяка Г.Леонтьева. Были составлены переписные и отказные книги этого запустевшего комплекса подьячим боровской съезжей избы П.Глебовым и пушкарем Р.Исаевым 138.

Способом удержания за собой другого боровского запустевшего села - Байдеева - в условиях сильного разорения стала для монастыря отдача его в держание “из строения” К.И.Михалкову с I623 и до I630 гг.Условия хозяйствования держателя были подробно перечислены в данной им монастырскому руководству записи: устроить господский двор на пустоши Байдеевой, назвать I0 чел. крестьян и дворы им устроить, бережно расходовать хоромный и дровяной лес, сечь его только на свой и деревенский обиход, никому другому не давая, у всех дозорщиков и писцов записывать возрождаемое село как вотчину Сергиева монастыря. За нарушение условий держания К.И.Михалкову грозил штраф в пользу корпорации в 500 руб.139. О выразительных результатах держания “из строения” в бывшей пустоши говорит уже писцовая книга I627/28 г., согласно которой, в селе имелся господский и 4 живущих крестьянских двора, а общая населенность комплекса (дворники, крестьяне, бобыли, детеныши) составляла 30 чел. Расходы К.И.Михалкова на “строение” села Байдеева - I50 руб. - во Вкладной книге были зачтены ему как денежный взнос “по душе”.

В отличие от с.Байдеева, другое боровское село - Романовское на р.Романовке в Щитове стане - корпорации на всем протяжении XVII в. так и не удалось восстановить. Полное запустение в нем отметили дозорные и писцовые описания I6I0-I620- х гг., а в переписных книгах I678 г. в с.Романовском был зафиксирован лишь один монастырский двор. Крестьянского же населения здесь по-прежнему не было 141. Последним по времени в рамках изучаемого периода земельным вкладом в Троицкий монастырь в Боровском уезде был полученный в I640 г. от Л.Г.Васильчикова "вотчинный берег" на р.Лопасне для устройства там мельницы 142.

Если в Рузском, Звенигородском, Боровском уездах корпорации хоть как-то удавалось удерживать часть своих прежних вотчин в сложных условиях "смуты" и последующего разорения, то в **Оболенском уезде** (в среднем течении Оки, по р.Протве) итог наблюдается совсем плачевный. Еще в I570-е гг. закреплению за Троицей ее оболенских сел (Марьинского, Пажи, Дорны) существенным образом мешали часто случавшиеся в этих местах набеги крымских татар, что отмечалось в дозорах тех лет. Едва наметившееся улучшение экономического положения и, как следствие, усиление позиций корпорации в оболенских селах, наблюдаемые по описанию начала I590-х гг., вскоре были прерваны новыми социально-политическими и военными потрясениями начала I600-х гг. [143] В I620-е годы запустение ряда оболенских сел стало необратимым, а полученное ок. I633 г. по вкладу кн.Д.М.Кашина-Оболенского сц.Трояново было выкуплено в июле I635 г. за I40 руб. кн.Б.М.Лыковым. Вероятно, в том же I635 г. было выкуплено и несколько оболенских деревень, полученных от кн.Д.М.Кашина, - Василием Нагим за I25 руб. Не избежало выкупа и последнее остающееся жилым монастырское село в Оболенске - Запажье. В I642/43 г. с отдачей его на выкуп кн. Б.А.Репнину (из рода князей Оболенских) троицких владений в Оболенском уезде совсем не стало и в дальнейшем уже не было [144].

Новым уездом к юго-западу от Москвы, в котором в начале 1610-х гг. у Троицы появились вотчины, стала **Таруса.** В августе 1611 г. по приказу начальников "подмосковных таборов" кн.Д.Т.Трубецкого и атамана И.М.Заруцкого тарусский губной староста И.Кунаков передал корпорации два сельца в Мышецком стане - Шамшуринское и Жаливки. Завещала их в монастырь вдова А.С.Шапкина (урожд. Нагая), а расположены они были в нескольких верстах к северо-западу от совр. г.Алексина Тульской обл. Вскоре официальным признанием названных селец за Троицким монастырем новым правительством стало включение их в дозорные и писцовые книги I6I4-I628 гг. Сохранялись они за монастырем и по переписным книгам I678 г., оставаясь его единственным вотчинным комплексом в Тарусском уезде до самой секуляризации [145].

Права Троице-Сергиева монастыря на свои земли в самом западном и пограничном - **Серпейском уезде** - непосредственным образом оказались в зависимости от общерусских событий "смутного времени". По Деулинскому перемирию России с Речью Посполитой I6I8 г. Серпейск отошел к Литве, а в составе уезда и троицкое село Олферьевское, расположенное на р.Зерне и р.Середенке в 30 верстах к северу от Серпейска, ближе к Мосальску. Сразу же по окончании Смоленской войны I632-I634 гг. Серпейск был возвращен России, а вместе с ним и с.Олферьевское было описано Серпейских книгах I635/36 г. как принадлежащее Сергиеву монастырю [146].

Упомянутые писцовые книги по Серпейскому уезду I635/36 г. способствовали также закреплению прав Троицы еще на один вотчинный комплекс - пустое село Бабаевское с 27 пустошами, поступление которого в состав монастырских владений впервые было оформлено еще в I570/7I г. данной грамотой братьев И.В. и П.Булатниковых. Лишь к I678 г. корпорации удалось полностью восстановить село Бабаевское с тянущей к нему округой.

В сентябре I634 г. произошло рсширение серпейских владений монастыря благодаря вкладу М. М. Беклемишева и его сына Одинца "своей выслуженной жалованной вотчины"

села Гнездилова на р.Пополте в I0 верстах от с.Олферьевского. Село Гнездилово Беклемишев-старший получил “за московское осадное сидение” от царя В.И.Шуйского, а давал в монастырь за пострижение в троицкие монахи (известен как инок Мисаил Беклемишев, а под I649 г. записаны крупные денежные и вещевые вклады инока Иоанисифора Беклемишева, возможно, и сын Одинец постригся в Троице) [148].

Самой южной оконечностью комплекса земельных воладений Сергиева монгастыря можно считать **Новосильский** уезд. Здесь они отличались небольшими размерами, а пограничное расположение вблизи от “дикого поля” нередко подвергало их нападениям со стороны крымских татар. Кроме того, само правительство в I580-I620- е гг. не раз отдавало новосильские земли монастыря в поместья служилым людям. Так, село Настасовская поляна, полученное в I570/7I г. от М.Заболоцкой, в I584/85 г. по половинам находилось за помещиками кн. Гр. Шаховским и Д.Андреевым, в I593/94 г. - за Ф.Д.Чулковым, в I620-е гг. - за О.Г.Грязновым, В.Засецким, в вотчине за Н.Воейковым. И выменивалось это село (А.П.Клешнину - см. об этом в "тверском" разделе), и отдавалось в пожизненные держания посторонним лицам под эгидой корпорации, и порой просто отбиралось правительством, и разорялось крымскими татарами- каких только коллизий с ним не было! Но по писцовой книге I628 г. оно окончательно было признано за Троицей 149. К I678 г. центром новосильского комплекса было уже не село Настасовская поляна, а развившаяся до села одна из деревень комплекса - Толстенкова, причем она фактически оставалась единственным владением Сергиева монастыря на юге России. Пожизненные держания как способ сохранения за собой столь отдаленной, оторванной от основного массива троицких владений вотчины старцы практиковали здесь и в самом конце XVП в. В июне I696 г. часть пашни была дана в с.Толстенкове вдове стольника М.И.Куракина Марье Дмитриевне, село же в целом удалось удержать за Лаврой вплоть до самой секуляризации 150.

Из группы южных уездов осталось проанализировать положение троицкого землевладения лишь в **Коломне.** Здесь в I590/9I г. земельный обмен внутри уезда был произведен между Сергиевым монастырем и И.В.Годуновым. Последнему была дана монастырская дер.Денискова, а взамен получена дер.Максимовская. Такой обмен для И.В.Годунова являлся, вероятно, способом возврата небольшой родовой вотчины, поскольку дер.Денискову дал в I57I/73 г. Я.А.Годунов [151]. После данной операции до середины I620-х гг. никакие факты истории троицкого землевладения в Коломенском уезде не заметны.

В июле I625 г. одновременно с получением Быховой слободки в Зубцовском уезде (об этом шла речь выше по группе уездов Верхневолжья) было получено коломенское сельцо Граворонь - с санкции царя М.Ф.Романова и патриарха Филарета. Вклад был сделан княгиней-старицей А.И.Черкасской (урожд. Шереметевой), а разрешение высших властей потребовалось потому, что, как писала дарительница в своей челобитной, “без твоего государь, царского жалованья, к Живоначальной Троице дать не смею” . Кроме правительственного разрешения, уверенность в своих правах на фактически родовые села Шереметевых (коломенское Граворонь и зубцовское Быхово) монастырь обретал благодаря данной в феврале I626 г. коллективной грамоте боярина Федора Ивановича и трех братьев Ивана, Бориса и Василия Петровичей Шереметевых [152].

В I626/27 г был получен последний земельный вклад в Коломенском уезде. Вдова троицкого слуги А.Ананьина дала купленную мужнину вотчину в Усмерском стане - сельцо Чекменево с правом пожизненного им владения и пострижения в одном из приписных женских филиалов Троицы. Судя по писцовой книге I627/28 г., вклад сельца Чекменева был официальное признан за корпорацией, а располагалось оно в непосредственной близости от уже имеющегося у монастыря другого коломенского села в Усмерском стане - Кишкина I[Э3]. О земельном обмене со стольником А.П.Чириковым в I649 г., в котором фигурировали коломенские и рузские земли монастыря, шла речь выше (см. прим. I36).

- * *
-

Остановимся теперь на развитии землевладения Троице-Сергиева монастыря в восточных, северо-восточных и юго-восточных от Москвы и от него самого уездах - Костромском, Галицком, Владимирском, Суздальском, Юрьевском и Муромском . Для их географического положения не была столь характерна (за исключением, может быть, только Мурома) та "распахнутость" вовне, которую мы отмечали на примере только что рассмотренных окраинных уездов Серпейского, Оболенского, Новосильского. Более внутреннее, укорененное в сердцевине Северо-Восточной Руси положение обеспечивало соответственно и большую стабильность в процессе роста монастырских земельных богатств.

В Костромском уезде в течение XV-XVI в. у Сергиева монастыря сложились крупные вотчинные комплексы как в Нагорной (правобережной), так и на Луговой (левобережной) стороне. Для конца XVI - первой половины XVП в. стоит отметить лишь несколько значимых фактов роста и убывания троицких владений здесь. Еще в I559/60 г. в волости Емстне (Нагорная половина) Н.Я.Аминев дал старцам свою *"вековую вотчину"* половину сельца Клементьева, которая в дальнейшем (когда именно, это требует специального выяснения) была, по-видимому, у монастыря отобрана правительством и пущена в поместную раздачу. К I597 г. всем селом Клементьевым владел сын боярский К.О.Супонев, а село это вновь было обещано корпорации по обмену с царем Федором Ивановичем. Фактического же приобретения этого села монастырем и тогда не произошло, поскольку оно не фигурирует за ним в описаниях I6I0-х гг., а сыскная книга I623 г. владельцем села называет по-прежнему К.О.Супонева [154].

О небольших по масштабу земельных вкладах в Сергиев монастырь в Костромском уезде акты позволяют говорить в I620-I630-е гг. В августе I62I г. *"неслуживый сын боярской"* С.Т.Фофанов при поступлении в деревенские служки к монастырю дал половину дер. Сергеевой и половину пустоши Захаровой в Шачебольском стане (на Луговой стороне Костромского у.). В грамоте вкладчика содержалось обязательство приезжать в монастырь трижды в году: на Чудотворцеву память (25 сентября по ст. ст.), Троицу и "к хлебной развоске" . Видимо, речь шла о регулярной доставке продуктов служкой С.Т.Фофановым в монастырь, а сами ритмы доставки определялись двумя главными монастырскими, общецерковными и общерусскими религиозными праздниками. В том же стане еще один *"неслуживый сын боярский",* В.Ф.Панов, при поступлении в троицкие служки дал в I634/35 г. "благословенье отца и брата своего" треть сельца Пундуева-Кудуева в Буегородской осаде.

В I622/23 г. от своего старца Сергия Харламова (в миру был сын боярский Севрин Данилов сын Харламов) корпорация получила его *"выслуженную жалованную вотчину"* (имел он ее с I6I4 г. "за московское осадное сидение и службу в Костромском у.) - два сельца, Козмищево (Кузмищево) и Рогачево в волости Емстне. Из более ранней истории этих селец известно, что в I570-е годы они уже были даны в Троицу семьей Рогачевых, а после I594 г. были отобраны государством у корпорации и после смены разных помещиков пожалованы в I6I4 г. Севрину Харламову. В I6I6 г. в одном из этих сел он уже проживал вместе с прежним вотчинником, Вл.Рогачевым [156]. Перед нами интересный факт тесного переплетения владельческих прав на сельца Козмищево и Рогачево - и в монастырь они были даны (права троицких властей), и прежний вотчинник в них оставался (права В.Рогачева), и государство их отбирало у корпорации (верховное право собственности на землю), и оно же жаловало их в качестве "выслуженной вотчины", пока искомый земельный вклад (если не с первого захода, в I570-е гг., то со второго - в I620-е гг.) не занял место в составе костромских владений монастыря, а бывший помещик не стал троицким старцем !

Для костромских поземельных актов характерно то, что старинные и даже “прирожденные” вотчины назваются их светскими владельцами (на всякий случай ?- М.Ч.) “государевым жалованьем”. Именно так, например, определял И.Д.Нелидов в июле I630 г. завещаемое в своей духовной грамоте Троице *((государево жалованье прирожденную вотчину своего деда и прародителей наших”* пустошь Выползово в Андомском стане Судиславской осады на Луговой стороне Костромского уезда 157. В декабре I630 г. поляк Василий Рафаилович Руцкой с сыном Ильей дали “царского жалованья своее вотчинные земли” села Скарисовского на р.Солонице в волости Емстне. Впервые участок в этом месте был получен корпорацией еще в от Руцкого-старшего, “пана Рафаила”, в I573/74 г. Само же царское пожалование выезжим полякам Руцким следует, думаем, связать с Иваном Грозным Скарисовские земли находились поблизости от крупного вотчинного центра монастыря в Емстне - села Марьинского, их разделяла р.Солоница. Поскольку в с.Марьинском в конце XVI - первой четверти XVII в. существовали “монастырские десятины”, то приобретение соседнего участка может объясняться потребностями расширения господской запашки. Неотчуждаемость его из состава монастырских владений гарантировалась запретом родового выкупа в грамоте В.Р.Руцкого I630 г.

В костромской волости Емстне наблюдается явление, отмеченное нами выше по Переславскому и Бежецкому уездам. Речь шла о том, что на протяжении нескольких десятилей, нескольких поколений землевладельцев шел процесс включения того или иного вотчинного комплекса в состав троицкой латифундии. К марту I637 г. и в волости Емстне корпорация окончательно “овладела” селом Кулиги, которое постепенно “долями” переходило к ней в руки. Уже в I570-I590-е гг. село Кулиги было разделено на три части, одна из которых была дана в Троицу Вас.Родионовым, но фактически ею пожизненно владели его жена Алена и сын Афанасий. Вторая доля с.Кулиг находилась в вотчине у С.В.Годунова, а третья - в поместье за Г.А.Бобкиным. Аф.Вас.Годунов выкупил Годуновскую долю и в марте I637 г. передал ее в монастырь. Делом времени для столь могущественной корпорации оставалось поглощение и поместной доли сельца 159. Его полное “воссоединение” в целостном виде в составе троицкой латифундии стало последним фактом, означавшим рост монастырского землевладения в Костромском уезде в рамках рассматриваемого периода.

В Костромском крае новым районом, где впервые у Троицкого монастыря появляются земли, стала **Кинешма,** называемая также иногда в качестве отдельного уезда. Здесь в I6I3/I4 г. при поступлении в троицкие слуги И.С.Павлов (выше он уже упоминался в московском “разделе” наст. главы) дал “вою выслуженную вотчину государево жалованье” дер.Даниловскую Быстрое тож с 2 пустошами. Вкладчик оговаривал право пожизненного владения данным комплексом, однако сыскная книга I523 г. упоминает его уже за корпорацией 160.

В расположенном на север от Костромы **Солигаличе** новые земельные приобретения монастыря делались с гораздо меньшей интенсивностью по сравнению с городскими и промысловыми владениями. По актовому материалу рост последних обстоятельно изучен в статье Л.А.Кириченко [161]. В январе I597 г. по обмену с царем Федором Ивановичем в Галицком уезде был получен единственный для троицы значительный земледельческий комплекс - бывшая черная Попова Слободка из 10 деревень и стольких же пустошей по р.Точеме. Рядом находилась черная Вотская волость, проникновение на земли которой монастырь начал еще в I560-е гг. Опорной точкой для продолжения этого наступления стал починок Ильинский, поступивший в I577/78 г. от Стефана Потылицы и расположенный в устье р.Точемы у ее впадения в Вотчу 162. В I600-е гг. была проведена серия размежевании земли между Поповой Слободкой и соседней черной Вотской волостью. Получение Поповой Слободки увеличивало земледельческо-солеваренный комплекс Троицкого монастыря близ

Соли Галицкой, тяготевший к старинному троицкому селу Гнездникову. Впервые и оно, и слободка были одновеременно зафиксированы за монастырем уже в июне I6I4 г. в дозорной книге галицкого губного старосты Ф.Мичурина 163.

Галицкие акты I620-I630-х гг. сообщают о таком нечастом явлении в истории троицкого землевладения, как попадание земель приходских священников в состав монастырской вотчины. В декабре I628 г. от поступавшего в троицкие слуги галичанина Н.И.Попова Сергиеву монастырю досталась "Покровская земля Игумновская пустошь" без жильцов недалеко от Соли Галицкой. О предшествующей истории этого участка известно, что его купил дед дарителя, поп Леонтий Константинов у пяти братьев Суминых еще в I5I4/I5 г. На передаваемом в монастырь в I628 г. участке существовали два храма - Покровский и Никольский. Другие обстоятельства из истории этого места нам неизвестны.

В сентябре I632 г. Сергиев монастырь получил совместное дарение от черного священника церкви Рождества Пречистые в Галиче и крестьян дер.Телковой - "пашенную землю возле посадских дворов размером 200 на 50 сажень, и это стало последним земельным приобретением корпорации в данном уезде [165]. В I637/38 г. иноземец И.М.Путковский дал троицким властям запись, разрешавшую им сечь лес в его поместье в волости Нижний Березовец по обе стороны р.Костромы и поблизости от монастырского села Гнездникова в округе I5 на 20 верст.

От Галицко-Костромского рубежа обратимся теперь к самой сердцевине древней Северо-Восточной Руси - Владимиру, Суздалю, Юрьеву Польскому. Какие факты по истории землевладения Троицкого монастыря здесь (рост, убывание, земельные споры, родовой выкуп и др.) стоит отметить?

На Переславско-Владимирском рубеже в I579-I584 гг. продолжалось спорное дело между корпорацией и черными крестьянами Аргуновской волости о деревнях Крутое и Омутище, все детали которого были подробно изучены В.И.Корецким [167]. Названные деревни относились к троицкому селу Крутец и входили в Богаевскую волость Владимирского уезда. При первом рассмотрении этого конфликта в Чети дьяка Саввы Фролова в I584 г. монастырь не имел желаемого результата, и дело было передано в приказ Большого Дворца, руководимый тогда Г.В.Годуновым. В ноябре I585 г. тог принял удовлетворяющее старцев решение, окончательно санкционированное затем царем Федором Ивановичем. Права корпорации на присужденные ей деревни были закреплены в писцовых книгах Богаевской волости Я.Губина и Ф.Тютина I585 г. в ходе "генеральной" ревизии троицких вотчин в I593/94 г. и подписанием монастырю жалованной грамоты I586 г. в I60I, I606, I6I3,I6I8 и I680 гг. Были они записаны за ним и во Владимирских писцовых книгах I638-I642 гг. [168].

Ряд земельных вкладов в этом уезде, предназначенных обители еще в I580-е гг., фактически поступил лишь в конце I620-х гг. Скажем, дер.Коноплево на р.Пекше в Жегаловской волости была дана Б.П.Сущевым в I585/86 г., в сыскной книге I623 г. отмечена за сыном боярским В.П.Матвеевым, а в I627/28 г. по грамоте патриарха Филарета взята у помещика В.Вяткина и возвращена корпорации [169].

В июне I634 г. в пользу троицких властей был решен спор с Владимирским Рождественским монастырем по поводу трети пустоши Юрьевца в Опольском стане. Захват ее рождественскими старцами произошел до I623 г., поскольку сыскная книга I623 г. отметила, что двумя долями этой пустоши владеют троицкие крестьяне по даче дворцовых старцев, а другой - власти Рождественского монастыря "неведомо почему". Переход спорной доли в Троицу был оформлен царской послушной грамотой ее крестьянам и отказной книгой владимирского городового приказчика Н.Володимерова I633/34 г. [170]

Некоторое убывание земель из состава троицкой вотчины во Владимирском уезде в I645/46 г. произошло в результате обмена со знаменитым правителем России в тот период и богатейшим феодалом, боярином Б.И.Морозовым. Тот отдал свое арзамасское село Серятино.

Получив взамен от Сергиева монастыря его владимирское село Филисову Слободку в Ильмехотском стане [171].

Имели значение обмены и для расширения землевладения Троицкого монастыря в соседнем **Суздальском уезде.** В I597 г. здесь из состава дворцовых владений были получены села Перелоти (оно же Перелоги), Семеновское и Брилкина слободка. Располагались они в непосредственной близости от уже имевшихся у монастыря с середины XV в. крупных вочинных комплексов Шухобалово, Тума, Микульское, которые по происхождению своему являлись домениальными селами суздальских удельных князей. Дворцовыми селами в Юрьевском уезде - Кузьмодемьянским и Малым Петровским, также полученным по обмену с царем в I597 г., было расширено землевладение Троицкого монастыря в Юрьевском уезде. Новые для корпорации комплексы тоже находились недалеко от ее юрьевских вотчин - Кинобала и Кубаева [172].

В I6I2 г. вкладом И.В.Щелкалова сел Нельши, Якимовки и Пырьевки перед землевладением Сергиева монастыря в Суздальском уезде открывались дальнейшие перспективы роста. Теперь же, однако, они были пресечены правительством М.Ф.Романова и патриарха Филарета, по указу которых названные села были выкуплены у монастыря в I620 г. кн.Д.М.Пожарским за 500 руб. [173]

В Стародубе Ряполовском, формально входящем в Суздальский уезд, и в XVП в. сохранялись существенные особенности структуры феодального землевладения. Они заключались в обилии старинных княжеских вотчин многочисленных потомков Стародубских удельных князей. Длительная история включения некоторых из них в состав троицкой латифундии второй воловины XVI в. получила органическое продолжение во второй четверти XVП в. [174] Нередко на этом пути интересы и земельные “аппетиты” Троице-Сергиева монастыря схлестывалась с аналогичными, проявляемыми другими крупными духовными феодалами, например, Московским Богоявленским монастырем . Реальную трудность для расширения монастырского землевладения во второй четверти XVП в. в данном районе иногда представляла и практика родового выкупа вкладных вотчин государевой казной. В I630 г. кнг. М.М.Татева для поминовения своего сына Сергея Борисовича дала Троице с.Павловское. Этот крупный комплекс, включавший 2I88 четв. пашни и перелога, не был удержан корпорацией. В I634 г. по государеву указу село это было выкуплено у корпорации Ф.Куракиным за 500 руб., а деньги были присланы В.Г.Коробьиным [175].

В I645/46 г. две трети села Васильевского Ивановского тож в Стародубе Ряполовском были проданы в Троицкий монастырь А.И.Внуковой (урожд. кнг.Мезецкой) с тремя сыновьями “с государева царева и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу” за 2 тыс. руб. Проданные две трети села являлись вотчиной ее деда, кн.И.Ю.Мезецкого. Как можно было заметить по вышеизложенному материалу, покупки земли у Троицкого монастыря в первой половине XVП в. были крайне редки. Покупал он в основном городские дворы, варницы и другие промысловые объекты. Поземельная же купчая сделка такого масштаба, разумеется, не могла не пройти самой тщательной регистрации в Поместном приказе. Здесь троицкий слуга Р.Ратманов предъявил поместному дьяку Ф.Елизарову купчую крепость и заплатил при этом приличную пошлину - 60 руб., тут же и записанную в приходные книги этого учреждения 176. В комплекс документации, оформившей по всем правилам и требованиям того времени поступление в монастырь крупной княжеской вотчины, вошли также послушная царская грамота крестьянам двух проданных третей села 20 апреля I646 г. и отказные книги суздальского рассыльщика., фактически представлявшие собой выпись из писцовых книг Суздальского уезда I627/28 г. [177]

Из названных документов уясняется, что столь неординарная покупка была разрешена Троицкому монастырю в порядке компенсации за утрату оболенского села Запажья,

выкупленного в I642/43 г. кн.Б.А.Репниным, о чем уже упоминалось выше при рассмотрении южных и юго-западных уездов. Естественно, получив две трети села Васильевского Ивановского, корпорация на достигнутом не остановилась. В апреле I646 г. она выменяла оставшуюся треть у кн.И.А.Голицына, отдав ему взамен пустое тверское село Сушково и приплатив 2 тыс.руб. "за роспашку и за росчистку и за церковное строение и за боярские и крестьянские дворы и за все дворовое строение". Фактически и это была дорогостоящая купчая операция, лишь оформленная как обмен. В конечном счете, как уже приходилось наблюдать и по другим уездам, монастырю досталось и восстановленное тверское село Сушково, и суздальское Ивановское. Практика обменов с денежными приплатами со стороны корпорации также была известна в XVI в. Не забыли ее старцы ив XVП в., когда денег в монастырской казне уж никак не стало меньше.

В Юрьевском уезде в апреле I597 г. в Сергиев монастырь было отказано село Новое Скоморохово (по церкви - Никольское), предназначенное еще в I572/73 г. И.Г.Нагим, правда, приписному Киржчскому Благовещенскому монастырю. В данной грамоте оговаривалось, что благовещенский строитель приплачивает "здачу" за село в 350 руб. Отсутствие с.Нового Скоморохова в писцовой книге I593/94 г. по Юрьевскому уезду заставляет предполагать, что фактически вклад этот реализован не быд. Действительно, село это было отказано в Троицу (а не на Киржач) по жалованной грамоте царя Б.Ф.Годунова только в I598/99 г а затем подтверждено за монастырем царем В.И.Шуйским в I607/08 г. I

В декабре I6I0 г. братья П.Б. и С.Б.Крюковы дали корпорации село Черкасове в Тихотине стане "по душе своего Богом даннова отца" (второго мужа их матери), Михаилаа Ильича Пушкина (он же троицкий инок Мисаил). Подлинник данной, исполненной выражением самых глубоких чувств пасынков в отношении их отчима, был написан собственноручно одним из них. Впервые село Черкасове завещал в Троицу сам М.М.Пушкин в своей духовной в I598 г. с правом родового выкупа в I50 руб. Следовательно, фактическое получение С.Черкасова состоялось позднее, да и то не полностью, поскольку в писцовых книгах I628/30 г.и I645/46 гг. четверть его значилась за И.П. и А.П.Образцовыми. По переписным книгам I678 г. уже все с.Черкасово фигурирует за монастырем, а вместе с ним одна из деревень его округи - Тенки, развившаяся к тому времени тоже в сельцо.

В ноябре I627 г. в состав юрьевских владений монастыря было возвращено сельцо Красково на р.Селекше в Кузьмине стане, данное впервые боярином Ф.И.Хабаровым еще в I57I/72 г. со "здачей" от властей в 200 руб. С I597 г. с.Красково находилось в поместье за отцом и сыном В.А. и П.В.Жеребятичевыми. В период работы юрьевских писцов в конце I620-х гг. троицкие власти сумели добиться у патриарха Филарета возвращения пустоши Красковой с селищами в лоне своей вотчины. Писцам была предоставлена грамота Ф.И.Хабарова I572 г., выпись из писцовых книг I594 г., а помещик П.В.Жеребятичев дал отстVIIную запись от пустоши с сохранением ее у себя в пожизненном держании. В результате по суду и сыску патриарха Филарета и по его государевой грамоте I629/30 г. за приписью Разрядного патриаршего дьяка Г.Леонтьева все права корпорации на Красковскую вотчину были закреплены. Правда, и в дальнейшем старцы практиковали отдачу ее в пожизненные держания светским лицам. Переписная книга I678 г. называет в качестве такого лица Н.С.Собакина 182.

Любопытные коллизии, имевшие место у Троицкого монастыря со своими юрьевскими клиентами, отразил такой историко-литературный памятник, как "Книга о чудесах преп. Сергия" казначея Симона Азарьина. Писатель подробно рассказал историю получения монахами вотчины Нагих в Тихотине стане - села Клобукова. Завещано оно было в I632/33 г. в духовной Б.М.Нагого, другие же свои села он распорядился распродать, чтобы на вырученные деньги осуществить "стенную подписку" Троицкого собора. Однако вдова и брат умершего, стольник Василий Нагой, не спешили выполнять его завещательные

распоряжения, продолжали владеть селом Клобуковым и денег не давали на роспись церкви. Неоднократные напоминания об этом и троицких властей, и даже патриарха оставались безрезультатны. Однажды во время пожара на своем московском дворе Вас.Нагой был смертельно ранен упавшим бревном и, усмотрев в этом гнев Божий, уже на смертном одре завещал лично перед келарем Александром Булатниковым село Клобуково корпорации, а деньги от продажи остальных сел просил жену Прасковью отдать-таки на церковную стенную подписку. Наконец, в I639/40 г. вдова выполнила первую часть распоряжения Вас. Нагого: село в монастырь поступило и на него были составлены отказные книги юрьевского подьячего Т.Афанасьева. Деньги же на роспись церкви от вдов Богдана и Василия Нагих монастырю так и не достались. Рассказ Симона Азарьина заканчивается укоризненной сентенцией: "Да не поставит им Господь Бог во грех, и препроводят свой живот мира сего безмятежно молитвами преподобных старец!"[184]. Оба брата, Богдан и Василий Нагие, а также их вдовы нашли вечный покой именно в Троице.

Последнее крупное земельное приобретение Сергиева монастыря в Юрьевском уезде было сделано в I643 г. Им стало село Никольское Клин с дер.Вязовкой в Сорогожине стане, купленное за I,5 тыс.руб. с разрешения правительства у кн. Ю.Я.Сулешова. как и покупка суздальского с.Ивановского Васильевского, эта купчая операция также рассматривалась государством как своеобразная компенсация монастырю осуществленного у него выкупа оболенского села Запажья кн.Б.А.Репниным 185. Само же село Никольское Клин, скорее всего, входило в состав вотчин рода Басмановых-Плещеевых и родственной им семьи Шереметевых, отошедших в монастырь в связи со смертью Ф.И.Сулешовой (урожд. Басмановой - см. в переславском разделе сюжет о с.Елизарове).

Из группы восточных и юго-восточных уездов осталось проанализировать положение троицкого землевладения лишь в **Муромском уезде.** Здесь в XV-XVI в. оно росло в основном за счет мелких и средних вотчин местных феодальных семей и исключительно по левобережью Оки и ее притоков, поскольку освоение правобережной стороны края затруднялось частыми набегами казанских татар. В I584/85 г. в Сергиев монастырь был сделан совместный вклад двух семей - Телятевых и Хвостовых, давших дер.Чаину с 2,5 другими деревнями и пустошами и получившими "здачу" от архимандрита Митрофана в 50 руб. [186] В течение первой четверти XVП в. Сергиев монастырь часть своих муромских земель утратил. В годы "лихолетья" они оказались захваченными явочным путем различными людьми. Сыскная книга отметила, что в I623 г. участки земли к сельцу Чегодаеву стали распахиваться крестьянами кн.И.А.Хованского, часть деревень комплекса Дубровы взял себе сын боярский Н.Я.Репевский, покосы к дер. Зуевой захватил "насилством" кн.И.Одоевский 187.

В условиях сильного разорения корпорация практиковала в Муроме различные формы своего совладения монастырскими вотчинами со светскими лицами. Например, треть сельца Сущева была дана по властелинской указной подписной грамоте П.Г.Синему "до его живота". Двумя другими долями этого сельца владела вдова Аграфена Домнина, купившая их у патриаршего дьяка Т.Петрова. Значит, в какой-то момент с.Сущево было утрачено корпораций, попало к патриаршему дьяку, затем - к вдове, да так и не вернулось обратно в состав троицких вотчин [188].

В отличие от Переславского, Дмитровского, Бежецкого уездов, где старцам в конечном счете удавалось из разрозненных, раздробленных в семейных разделах вотчин сложить нечто единое в составе своей латифундии, в Муромском уезде долевые, жеребьевые деревни, сельца он не только не смог соединить, но и почти все их утратил. В сыскной книге сообщается, что половиной дер.Запрудья завладел до I623 г. муромский сын боярский И.Коверин с племянниками, третью сельца Конкина-Копнина - И.Апраксин "неведомо

почему". Среди "захватчиков" монастырских земель называются московский дворянин И.П.Матюшкин, владимерец Ф.К.Хонев и др. [189]

До I624 г. наступает пауза в росте землевладения троицкого монастыря в Муромском уезде. В июле I624 г. А.Ф.Ершова (урожд.кнг.Гагарина), получив приплату от старцев в 300 руб., рассталась со своим селом Ершовым. В данной оговаривался размер выкупа села в 500 руб. и в то же время содержались уверения в том, что дается оно "безвыкупно", а кроме того, остается у дарительницы в пожизненном держании. Этот вклад увеличивал старинный монастырский вотчинный комплекс к северо-востоку от Мурома, село Дубровы [190].

Как и в Галицком, в Муромском уезде по актам наблюдается связь Троицкого монастыря с местным приходским духовенством. В I630 г. корпорация Уплатила обременительные государственные налоги ("в городовые и в четвертные и в ямские деньги и в Смоленские подводы") за некоторых священников, благодаря чему приобрела небольшие земельные участки в погосте, "что был девичь монастырь собора Иоанна Предтечи " и Никольской церкви погоста Старых Котлич в Дубровском стане [191].

По Муромскому уезду известен редкий случай расширения монастырского землевладения после Соборного Vложения. В марте I682 г. была выменена *"поместная вотчина"* (!- М.Ч.) у четырех братьев Яновых - Георгия, Федора, Ивана и Алексея - село Степанове с 2 деревнями. Этот комплекс принадлежал их деду, думному дворянину В.Ф.Янову и включал как его купленные (само село и дер.Высокая), так и выслуженные земли (дер. Черницыно). Сделка была для монастыря выгодной - он променял братьям меньше (одну только дмитровскую деревню Бурцеву), чем выменял у них них [192]. "Полюбовный" обмен был произведен в I683/84 г. с боярами Н.И. и Ю.М.Одоевскими, у которых была получена половина сельца Курбатова с 6 пустошами на р.Мотре в Замотренском стане Муромского уезда. К моменту составления отказной книги на этот комплекс I685 г. корпорация уже сумела заселить его 9 крестьянскими семьями, фактически за нею таким образом закрепленными 193.

Расположенный на нижней Оке Муромский уезд естественно переходил в край **Нижегородского Поволжья** (Нижегородский, Балахнинский, Арзамасский, Курмышский уезды). Рассмотрим положение троицких вотчин здесь. Впервые они появляются у Сергиева монастыря в Балахнинском и Нижегородском уезде в I530-I540-е годы (соляные варницы в Балахне и земли из состава поместных близ Нижнего Новгорода). До конца XVI в. его владения в Нижегородском Поволжье оставались очень скромными по масштабам (лишь несколько деревень), что объясняется и сравнительно окраинным положением этой местности, и частыми разливами Оки и Волги в районе их мощного слияния, на так называемой балахнинско-нижегородской Стрелке, и определенным "отсасыванием" сельского населения в развитые в промыслово-ремесленном отношении Балахну и Нижний Новгород [194].

Новый этап в экономическом освоении Нижегородского Поволжья наступил в I580-I590-е годы, когда и троицкое землевладение в крае заметно расширяется благодаря государственным пожалованиям . Особенность их заключалась в том, что адресованы они были не напрямую Сергиеву монастырю, а его приписным филиалам (Киржачскому Благовещенскому, пустыни Св. Георгия в Гороховце) и по принятому нами порядку изложения в данной главе рассматриваются в следующем параграфе. Непосредственные же троицкие села и деревни с конца XVI в. значительно укрупняются, увеличивается и само их число в результате интенсивного демографического прироста и земледельческого освоения края, введения в оборот новых массивов пригодных для хлебопашества земель. Эти сюжеты в большей степени связаны с сельским расселением и населением вотчины, поэтому также разбираются нами в другой главе работы. Какие же, все-таки, сведения нижегородских грамот из троицкого архива стоит привести в рамках проблематики данного параграфа ?

В I6I4-I6I6 гг. возрастание объемов земледельческого производства заставляет корпорацию приобретать в **Нижегородском уезде** мельницы. И хотя мельница - это отнюдь не земледельческий объект как таковой, подобно селу, деревне, пустоши, продиктованы были такие сделки в том числе и дальнейшим ростом монастырского землевладения. В июле I6I4 г. крестьянин нижегородского села Шахманова О.Никитин за свое пострижение в Троицком монастыре дал половину мельницы на р.Сундовике на рубеже Нижегородского уезда с дворцовой Мурашкинской волостью, входящей в Курмышский уезд [195]. В том же Курмышском уезде в феврале I6I6 г. от крестьянина дворцовой Лысковской волости деревни Красной Луки Ф.Зверева и тоже на р.Сундовике была получена вкладом мельница "одноколесная со всем мельничным строением" I96.

С I638 по I649 гг. в составе троицкой вотчины на Нижегородско-Балахнинском рубеже находилось село Толоконцево, полученное по духовной думного дьяка И.Т.Грамотина (перед смертью известен как троицкий инок Иоиль, похоронен был в монастыре). Бездетность дьяка делала вотчину выморочной, что не грозило бы монастырю возможным ее выкупом ближайшими родичами. Однако правительство, вероятно, не желало произвольного расширения троицкой вотчины в Нижегородском Поволжье либо сама корпорация не в силах была удержать и освоить здесь слишком большие массивы земель. По челобитной старцев на царское имя в октябре I649 г. взамен этого села, отошедшего в состав дворцовой Заузольской волости, монахам было дано другое дворцовое же село - Константиновское в Серебожском стане Переславского уезда, издавна плотно "насыщенного" многочисленными троицкими владениями [197].

Новым уездом в Нижегородском Поволжье, где Троицкий монастырь старается внедриться, стал **Арзамасский уезд.** Правда, земель здесь было им приобретено заметно меньше, чем городских дворов в самом Арзамасе - по вкладам и покупками [198]. Уже упоминавшийся выше А.Ф.Палицын изъявил готовность дать корпорации в I6I4/I5 г. деревню Хрипунову (запись об этом имеется во Вкладной книге), однако сыскная книга I623 г. сообщает, что данной деревней по-прежнему владел он же 199. В сентябре I628 г. поп Маркел Константинов дал в Сергиев монастырь погост Николы чудотворца на Сакме в Залесном стане на р. Пьяне "со крестьяны и с бобыли и с пашнею и с сенными покосы" [200]. В том же стане в I632/33 г. от 8 чел. "мордвы и бортников" Сергиев монастырь получил их бортные ухожаи, взяв на себя обязательство платить за всех ежегодный оброк в Москву по 3 пуда меду. Специалист по мордовской общине XVП в. К.И.Козлова пишет, что при передаче или продаже бортных ухожаев у мордвы владелец(-цы) устVIIал контрагенту свое право опромышливать этот ухожаи, но вместе с тем и все повинности с этого угодья переходили новому владельцу. Принадлежавшая мордовскому мурзе А.И.Мустофину дер.Телешове в I633 г. по закладной кабале в 250 руб. оказалась сначала у М.И.Максимова, а затем была передана им и тоже по закладной кабале на такую же сумму в Сергиев монастырь [201].

Перечисленные мелкие приобретения были дополнены обменом, который по-настоящему положил основу арзамасским вотчинам Сергиева монастыря. В I632 г. по обмену с царем М.Ф.Романовым корпорации досталось несколько пустошей из состава бывших мордовских земель - Старое Резоватое, Банковое (оно же Байковое) и Островок у Кривого озерка. На границе Арзамасского и Темниковского уездов по тому же обмену троицкие власти получили дер.Рудинскую. О том, что все перечисленные земли сохранились в составе троицкой вотчины, говорит подписание царем Федором Алексеевичем в I680 г. жалованной меновной грамоты I632 г., а также их упоминание в переписных книгах I678 г. Отданные же взамен переславские пустоши были названы нами выше в соответствующем месте данной главы. Стоит отметить и несостоявшуюся попытку расширения троицкого землевладения в Арзамасе. Ок. I630 г. кнг.М.М.Татева по душе своего сына Федора Борисовича дала

корпорации I40 четв. пашни в их сц. Никитине, однако в дальнейшем этот жребий сельца за Троицей неизвестен[202].

Расширению троицких владений в Арзамасском уезде в I640 г. способствовал обмен, произведенный с боярином Б.И.Морозовым. В Залесном стане было выменено его купленное село Серятино, а взамен отдана уже упоминавшаяся Филисова Слободка во Владимирском уезде. В арзамасском селе очевидны были результаты хозяйствования такого владельца, как Морозов, - 56 дворов и I25 чел. Находилось же оно возле вымененных у царя сел Старого Резоватова и Байкова и тем самым округляло монастырскую вотчину в целом. Трудно сказать, насколько сопоставимы по масштабам были меняемые села, не исключено, что старцы отдавали во Владимирском уезде даже больший по размерам комплекс, лишь бы плотнее закрепиться в Арзамасе [203]. Внедрение это сопровождалось также земельными тяжбами с соседними помещиками. В I630-I640-е гг. такие споры известны у монастыря с кн.П.Г.Ромодановским. В I633 г. по приговору боярина и дворецкого кн.А.М.Львова Ромодановскому были присуждены спорные участки “по конец пол серятинских на 50 четв. в поле да сенных покосов на I00 копен да рыбные ловли в р.Рудне”. Однако в I647 г. Троицкий монастырь нашел, все-таки, способ добыть себе искомые 50 четв. поместной земли: кн.П.Г.Ромодановский согласился “не ходя в суд, полюбовно” отдать их корпорации, а взамен принял монастырскую дер. Высокую в Рузском уезде 204. Эта операция интересна тем, что показывает практику обмена вотчин на поместья, узаконенную в Соборном Уложении I649 г.

Нами были рассмотрены факты истории землевладения Троицкого монастыря в уездах центра, юго-запада и Поволжья в конце XVI-XVII в. Последний район, о котором еще не говорилось, - это крайний северо-запад троицкой вотчины, проходящий по территории новгородской **Деревской пятины.** Появление земель у Сергиева монастыря в этом районе, на восточном побережье оз.Ильмень, относится к I570-I580-м годам, а состав их был рассмотрен нами в специальной статье 205. И для роста монастырского землевладения, и для хозяйственного освоения полученных земель здесь крайне неблагоприятными оказались обстоятельства конца XVI - начала XVII в., близость Новгородчины к театру действий сначала Ливонской войны, а затем, после едва наметившегося изживания разорения в начале I590-х гг., бурные военно-политические события I600-х гг. Корпорации к началу второго десятилетия XVII в. удавалось удерживать за собой, хотя и в сильно запустошенном виде, две основных волостки в Деревской пятине - Сытине (в XVI в. называлось Кунья Гора) и Сопки (в XVI в. имело название Мокрой Остров).

В августе I6II г., как будто, у старцев возникла возможность расширить свои деревские владения: А.Ф.Палицын оформил данную грамоту на свою “выслуженную жалованную вотчину” сельцо Тисву с 2 деревнями. Этот небольшой комплекс располагался аккурат возле уже имевшихся в данной местности монастырских владений, смежно с упомянутыми селами Сытино и Сопки, что, несомненно, усиливало заинтересованность монастыря в его получении 206. Вкладчик, правда, оставлял с.Тисву у себя “до живота” и в то же время оговаривал возможность его выкупа для своего брата Семена, но тоже только до “его живота”. Указанные условия и еще какие-то неизвестные нам причины так и не позволили монастырю реализовать этот вклад фактически, и сельцо Тисва в состав его вотчины не попало. Небольшой рост монастырского землевладения в Деревской пятине произошел позднее. В I627/28 г. помещик Г.В.Языков заложил корпорации за 200 руб. две свои деревни по половинам - Дуброву и Волоскову, которые упоминаются за монастырем во всех позднейших писцово-переписных материалах.

В I654 г. деревенские вотчины Сергиева монастыря постигла та же участь, что и кашинские и новоторжские: они были в порядке обмена (скорее всего, вынужденного) отданы всесильному в тот момент патриарху Никону. Взамен монастырю были даны другие

села в Кашинском, Новоторжском, Тверском, Старицком уездах, пока в I667 г. сразу же по низложении Никона все не было возвращено к прежнему состоянию, оформлены отказные книги на возвращаемые села I667/68 г. [207]

Большой объем приведенного выше фактического материала, естественно, требует предварительного обобщения. Главный вывод заключается в том, что, вопреки запретительному приговору I584 г., рост землевладения Троице-Сергиева монастыря продолжался. В хронологическом плане в процессе этого роста можно выделить два периода: I) с I584 по примерно I6I0 г. и 2) после I6I0 до середины XVП в. До начала второго десятилетия XVП в. вотчина Троицкого монастыря увеличилась в целом на 20 сел и селец преимущественно в 8 центральных уездах - Московском (2), Дмитровском (2), Бежецком (2), Переславском (2), Тверском (2), Суздальском (3), Юрьевском (4). а также в южном Тарусском у. (2).Большинство сел было получено по вкладам частных лиц, 5 сел и I волость (Попова Слободка) - по обмену с царем Федором Ивановичем в I597 г. и происходили они из состава дворцовых и черных земель Суздальского, Юрьевского, Костромского, Галицкого уездов. Некоторые троицкие села, отошедшие от монастыря в ходе обмена I597 г. в скором времени вновь оказались в составе монастырской вотчины (боровское Байдеево, тверское с.Сушково, кашинское с.Введенское Олексино, дмитровское сц.Попелково, рузское с.Тархово).

Еще более интенсивным стал период роста монастырского землевладения с начала второго десятилетия XVП в. и до Соборного Уложения I649 г. Общее увеличение троицкой вотчины произошло на 44 села, а территориально, помимо уже названных, могут быть приведены такие уезды, как Серпейский, Коломенский, Костромской, Зубцовский, Кинешемский, Арзамасский. По-прежнему ведущую роль в расширении монастырских земель играли вклады частных лиц, среди которых видим и титулованных представителей господствующего класса, княжеско-боярских семей России (Глинские, Пожарские. Хворостинины, Одоевские, Сулешовы, Голицыны, Черкасские, Шереметевы, Пушкины, Морозовы, Беклемишевы), и верхушку московской приказной бюрократии (дьчества), и массу мелких и средних провинциальных детей боярских, представителей приходского духовенства, и мордву Нижегородского Поволжья, и некоторых дворцовых крестьян. В монастырь поступали как старинные родовые (по преимуществу они), так и купленные, вымененные, заложенные, “жалованные” вотчины, что может свидетельствовать о развитых формах межфеодальной земельной мобилизации в России в XVI-XVП вв.

Прямые царские земельные пожалования в рассматриваемое время были очень редки. Напомним лишь о пожаловании Троице запустевшего Городка Радонежа в I6I6-I6I7 гг. Все же остальные “земельные вливания” со стороны государства осуществлялись в порядке обменов с Троицким монастырем и являлись по сути перераспределением собственности между церковью и государством. Мотивами таких обменов для правительства, несомненно, являлись соображения с помощью экономически мощной организации добиться скорейшего изживания запустения как в центральных, так и в южных и поволжских уездах. В плане общерусского хозяйственного освоения и интенсивного заселения Среднего Поволжья возможности Сергиева монастыря и его собственные интересы там учитывались в полной мере.

Внутрицерковным перераспределением собственности можно считать весьма масштабный обмен Сергиева монастыря с патриархом Никоном в I654 г., но он носил для корпорации явно вынужденный характер, не был надолго закреплен и заметного следа в истории его землевладения не оставил.

На фоне абсолютного преобладания земельных вкладов как главного способа роста монастырского землевладения исключительными являлись случаи крупных и дорогостоящих покупок и обменов Сергиевым монастырем некоторых сел (суздальского Васильевского Ивановского и юрьевского Николького). Столь значительные земельные операции строго

контролировались государством и разрешались в порядке компенсации за выкупаемые крупные княжеские вотчины.

Институт родового выкупа в I584-I649 гг. действовал, как представляется, более активно и результативно для светских феодалов, чем в XVI в. Объяснение тому нам видится в большей их денежной состоятельности и платежеспособности, недостаток которой в предшествующее время всегда затруднял осуществление права родового выкупа. По приведенному выше фактическому материалу также нельзя было не заметить распространенного, как и раньше, явления пожизненного держания вкладчиками своих вотчин, даримых в монастырь. Эта черта по-прежнему оставалась одной из наиболее характерных в процессе формирования и функционирования системы поземельных отношений Троицкого монастыря с широкими кругами господствующего класса в России.

Завершая наблюдения над способами роста монастырского землевладения, отметим, что в рассматриваемое время наибольшее распространение покупки, обмены и заклады имели применительно не к земельным, а к промысловым и городским объектам, также интенсивно приобретаемым монастырем, особенно после смуты. Нами эта страница истории его собственности не рассматривалась, поскольку на данную тему имеются обстоятельные статьи Т.Б.Соловьевой и Л.А.Кириченко.

В плане общей многовековой истории роста троицкого землевладения действительным рубежом, означавшим его остановку, стало, все-таки, Соборное Vложение I649 г., а не соборные приговоры I580-I584 и I622 г. Правда, и после него, в I680-I690-е г. отдельные земельные операции, расширявшие троицкую вотчину, старцам удавалось провести (в Московском, Муромском уездах - см. об этом выше).

Какой бы насыщенной фактами ни была история троицкого землевладения в конце XVI - XVП в., картина ее станет еще ярче и полнокровней, если обратиться к приписной системе могущественной духовной корпорации и проанализировать ее состав и пути роста владений приписных филиалов Сергиева монастыря.

3.2.Землевладение приписных монастырей.

а) приписная система Троицкой корпорации в XV-XVП вв.

Термин “приписной монастырь” - довольно поздний. По нашим наблюдениям, он встречается в переписных книгах I678 г. Само же существование мелких обителей под Управлением более крупных и могущественных, покровительствующих им, известно в Северо-Восточной Руси в XIV-XV вв. Например, в уставной договорной грамоте Василия I с митрополитом Киприаном (I392 или I404 гг.), хотя и нет термина “приписные монастыри”, подразумеваются именно зависимые дочерние филиалы Московской митрополичьей кафедры. В интересующей нас статье речь идет о “селах пошлых монастырских”, в которые великий князь не должен “не всылать, не судити, ведают их игумены, а будет суд сместной, ино прибыток наполы” [208] .

В середине XV в. великий князь Тверской Борис Александрович пожаловал игумену Троице-Калязина монастыря монастырек Св. Николы в устье р.Жабны Кашинского уезда. В хорошо известных в научной литературе жалованных грамотах Тверскому Отрочу монастырю XIV-XV вв. речь идет о целой группе зависимых от него более мелких обителей [209]. В I509 г. удельный кн.Юрий Иванович Дмитровский пожаловал игумену переславского на Болоте Никольского монастыря Мисаилу в своей вотчине в Дмитровском уезде монастырь Покрова Св.Богородицы и село Турабьево с правом административно-судебного иммунитета [210]. Были известны малые монастыри под эгидой более крупных и в Северо-Западной Руси. Например, у новгородского Николо-Вяжицкого монастыря находился какое-то время в

подчинении Рождественский Палеостровский (на о.Палий в Онежском оз.) монастырь 211. Н.П.Павлов-Сильванский писал о “вотчинной коммендации”, отразившей как переход монастырей под патронат более сильных князей, так и внутрицерковное явление закладничества, поиска защиты малыми обителями, находимой ими под эгидой более крупных. Когда-то Иосифо-Волоколамский монастырь перешел из ведения волоцких удельных князей под патронат Василия Ш. То же самое можно сказать и о самом Троицком монастыре, который в I456 г. в связи с ликвидацией Радонежско-Боровского удела стал фактически подконтрольным Василияю П и т.д. [212]

По масштабам своей приписной системы Троицкая духовная корпорация вполне сопоставима с такими крупными церковными организациями, как Московская митрополичья кафедра или Новгородский Дом Св.Софии. Обзор землевладения их приписных монастырей был сделан в работах С.Б.Веселовского и Б.Д.Грекова (см. I гл.).

В подчинении у Троице-Сергиева монастыря в XV-XVП вв. находилось десять малых обителей, официально признаваемых в жалованных великокняжеских, царских и митрополичьих грамотах. Особенно важна настольная грамота митрополита Макария от 6 января I56I г. о возведениии троицкого игумена Елевферия в почетное звание архимандрита и о провозглашении троицкой архимандритии самой старшей над всем черным духовенством России. Помимо официально признанного круга зависимых обителей, под эгидой Троицы пребывало и еще некоторое количество мелких монастырей, выявляемых на основании актовой и писцово-переписной документации XVI-XVП вв.

Максимально полный состав и официально признанных, и более “скрытых” зависимых от Сергиевой корпорации малых монастырей и пустыней систематизирован в табл.3. Список их в ней оказывается более полным по сравнению со списками, приводимыми в классических работах по церковно-политической истории Лавры А.В.Горского и Е.Е.Голубинского. Всего в табл.3 показано 35 монастырей, в разное время на протяжении XV-XVП вв. (а некоторые и изначально, постоянно и безвыходно) пребывавших и территориально, и в церковно-административном отношении в пределах Троицкой духовной корпорации. Обстоятельное выяснение социально-политической истории каждого из них, путей и способов попадания в подчинение от Троицких властей в данной работе мы не считаем своей задачей, хотя некоторые экскурсы в эти сюжеты делать все же придется. Приписная система Троицкого монастыря прежде всего интересуют нас в двух аспектах, обусловленных тематикой диссертации: I) в связи с историей троицкого землевладения (какие конкретно вотчины, сколько земли и дворов в XVП в. имели наиболее значимые приписные филиалы, насколько они усиливали общий экономический и демографический потенциал корпорации ?); 2). как фактор монастырской системы сельского, по преимуществу, расселения (этот сюжет рассматривается в следующей главе).

Заметим также, что общая совокупность представленных в табл.3 монастырей не совсем совпадает с тем, что в литературе называется “школой Сергия Радонежского” . В школу эту включают обычно монастыри, основанные самим Сергием и его ближайшими учениками в XIV-XV вв. Из таковых в нашей табл. 3 бесспорно к “школе Сергия” могут быть отнесены следующие: Киржачский Благовещенский, Троице-Махрищский, Вологодский Авнежский и, возможно, пустынь св.Георгия в Гороховце [213]. Основная же масса остальных монастырей имела иное происхождение, чаще всего ранний этап их возникновения никак или с большим трудом улавливается источниками. В табл.3 выделены наиболее существенные признаки для ориентировки во всей совокупности монастырей. К первому признаку нами отнесены такие характеристики монастырей, как то, были ли они мужскими, женскими или совместными; ко второму - тип устава, на основе которого они функционировали (общежительный или особножительный), к третьему - по месту расположения являлись ли они сельскими, городскими или пригородными; к четвертому -имели ли они земельные или

промысловые владения либо оставались безвотчинными ? В зависимости от своего масштаба каждый из приписных монастырей управлялся игуменом, строителем или просто черным священником, но все они находились в подчинении у троицкого архимандрита, что и придавало корпорации определенное единство и целостность. “Скрепляющим” началом для всей отмеченной совокупности обителей было и то, что игумены и строители назначались в приписные монастыри, как правило, из состава троицкого монашества. Кроме того, и сами постригающиеся в приписных монастырях нередко на каком-то этапе своей жизни переходили в “большую Троицу” и занимали в ней заметные административно-хозяйственные посты. Словом, в более широком плане это, действительно, было единое и целостное, весьма обширное по численности людское сообщество. Параллель с западноевропейским монашеским орденом в данном случае хотя и напрашивается, но не вполне убедительна из-за отсутствия жесткого единого устава в Троицкой корпорации (в нее входили и обще- и особножительные обители, причем не только мужские, но и женские), хотя на построении вертикали церковной власти в ней это, как будто, не сказалось. Большая структурно-организционная рыхлость, размытость русского средневекового монашества по сравнению с католическим европейским - черта, установленная в литературе (Б.Н.Флоря, В.Д.Назаров и др.)[213a]I

В контексте занимающей нас проблемы монастырского землевладения вопрос о пространственном размещении зависимых филиалов Троицкой духовной корпорации весьма важен. Большинство из них, как видно из табл.3, находились в сельской местности, некоторые - непосредственно в селах, крупных вотчинных центрах Троицкого монастыря. Лишь несколько приписных монастырей изначально возникнув в городах, там, естественно, располагались и в дальнейшем (Троице-Алатырский, Троице-Свияжский, Троице-Казанский, Троице-Богоявленский в Москве). Выделяется и группа пригородных монастырей, расположенных близ Городецка (Бежецка), Гороховца, Чердыни, Холмогор. Среди всех “городских” филиалов Троицы особое значение имело Богоявленское ее подворье в Московском Кремле, своего рода “постпредство” в столице, в непосредственной близости от высших светских и церковных властей, приказной администрации. По существующим письменным традициям, начало этому подворью было положено едва ли не Дмитрием Донским либо оно возникло ок.I460 г.[214] Величиной переменной оказывается такой, казалось бы, важный признак, как “вотчинность” приписного монастыря. На протяжении XV-XVП вв. с их меняющимися историческими условиями бывшие вотчинные монастырьки могли по разным причинам терять свои земли и промыслы, население, превращаясь в лучшем случае в обычное поселение (село, погост или деревню), а в худшем - бесследно исчезая. Всего в табл.3 как вотчинные нами показаны 22 монастыря, у которых объем земле- и дворовладения весьма варьировал; от 2-3 деревень и десятка дворов до сотен деревень и тысяч дворов. Наиболее значительные монастыри-землевладельцы выделены нами в табл.4, их там I5, а сведения для нее были почерпнуты в основном из писцово-переписной документации второй четверти XVП в.

б) вотчины приписных монастырей в конце **XVI в.**

Обзор землевладения приписных монастырей следует начать с **пустыни св. Георгия в Гороховце.** Она располагалась в низовьях р.Клязьмы на рубеже Великого Владимирского и Нижегородско-Суздальского княжеств. Лишь позднейшие известия имеются об ее происхождении, которые, по справедливому мнению Б.М.Клосса, нуждаются в доисследовании. По одной из версий, основана она была Сергием Радонежским во время своей миссии по примирению нижегородских князей в I365 г. По другой, более причудливой легенде, на этом месте состоялось и вовсе само зачатие великого чудотворца 215. Вотчина Георгиевской пустыни в XV в. состояла всего лишь из двух деревень и нескольких озер, а с I520-х годов началось ее длительное разорение, вызванное частыми набегами казанских

татар. Возрождение монастырька относится уже к I590-м годам и было связано с инициативой троицкого соборного старца Варсонофия Якимова, всемерно поддержанной царем Федором и царицей Ириной, поскольку старец был крестным отцом их дочери Феодосии. На протяжении I590-х гг. пустыни Св.Георгия правительством Федора Ивановича, а затем и Б.Годунова были пожалованы бывшие поместные земли в Закудемском стане Нижегородского уезда и обширные сенокосные и рыбные угодья в низовьях Оки в Муромском уезде. Некоторые пустоши давались не в собственность, а в оброчное держание (Игумново, Копенкино, Юрьевец, Бабино) и в I606 г. на время были даже были отобраны царем В.И.Шуйским, но в I607 г. возвращены и с тех пор уже никак больше не отчуждались.

Прошло два десятилетия, и в Нижегородской писцовой книге начала I620- х гг. земли в Закудемском стане фигурировали уже как принадлежащие Троице-Сергиеву монастырю без отнесения их к пустыни Св.Георгия. За ней же сохранялись лишь угодья в Муроме и две деревни - Лушки и Маныйлова, известные с XV в. и находящиеся в 5-7 верстах от Гороховца [217]. Дальнейшему расширению вотчин пустыни могло препятствовать низинное, заболоченное расположение данной местности: “пашни у той пустыни нет, потому что поставлена в пойме, вода поймает вешняя от Клязьмы и от болот”. В соседнем же Нижегородском уезде в XVП в. интенсивно растет землевладение своих монастырей (Вознесенского Печерского, Благовещенского, Макарьева Желтоводского), а часть земель пускается в массовую поместную раздачу . В документах I678-I680 гг. (переписных книгах и подписях царя Федора Алексеевича на жалованных грамотах I590-х гг. в I680 г.) за пустынью Св.Георгия в Гороховце закрепляется определение “приписной” или просто “вотчины Троице-Сергиева монастыря” [219].

В I590-е годы еще один зависимый от Троицы монастырь - женская обитель **Vспения Пречистые под сосною** (в Радонеже, в 7 верстах к югу от Сергиева) получил царские земельные пожалования. В декабре I598 г. Б.Ф.Годунов дал ему два села в Тверском уезде - Федулово в волости Хорвач и Кузьминское в Захожской вол. Села эти были куплены царем у крупного тверского землевладельца В.В.Киндырева в I596/97 г . за 300 руб., которые тот предназначал в Троицу по своей душе в I599 г.[220] Села Федулово и Кузьминское входили в состав обширной вотчины Киндыревых, отдельные части которой уже принадлежали Троице с I57I/72 г. (села Кошелево и Федосово). В одном из них, Кузьминском, существовал небольшой женский монастырек или, по крайней мере, “старчество” как своего рода филиал Подсосенской обители. В ней же самой в I586-I6I7 гг. жила на покое дочь казненного в I569 г. удельного кн.В.А.Старицкого и “королева Магнусова” Марфа Владимировна, которой как представительнице старой удельной знати в начале своего правления Б.Годунов покровительствовал. Об этом свидетельствует также и то, что он пожаловал в I598 г. 30 монахиням Подсосенского монастырька хлебную ругу 221. В то время царь еще не знал, что в I606 г. в Успенском Богородицком монастыре “под сосною” окажется и его собственная осиротевшая в одночасье дочь Ксения...

В конце XVI в. в Успенском монастырьке были также были весьма интересны поземельные отношения между представительницами аристократической верхушки господствующего класса. Занимавшая превосходящее по своему происхождению место Марфа Владимировна лично владела несколькими селами и сельцами в Московском и Переславском уездах, отдавая некоторые из них в держания “своим старицам” - игуменье Маремьяне Заболоцкой и кнг.Феодоре Одоевской 222. Такой строй поземельных отношений, думается, дополнительно свидетельствует об особножительной организации данной обители, проявлении в ней своеобразных поземельно-вассальных связей. И в то же время все отмеченные манипуляции с землей осуществлялись в рамках общетроицкой корпоративной собственности. Ни одно из сел потеряно не было, все были сохранены и до, и после смуты.

в) вотчины приписных монастырей в XVП в.

Наиболее продуктивный период роста землевладения Троицкой духовной корпорации за счет вотчин приписных монастырей наблюдался одновремено с их припиской во втором десятилетии XVП в. В общих жалованных грамотах царя М.Ф.Романова I6I7, I624 и I625 гг. (которые и могут считаться официальными актами приписки) назывались 5 вновь приписанных обителей: I) Vспенский Стромынский монастырь (в волости Шеренке Московского у.); 2) Троице-Махрищский (в Слободском стане Переславского у.); 3)Троице-Авнежский (в вол. Авнеге Вологодского у.); 4) Макарьева пустынь под Бежецком; 5)

Николо-Чухченемский монастырь напротив Холмогор 223. В первой четверти XVП в. приписка получает более тщательное, чем в XVI в., документальное оформление. Помимо выдачи государевых жалованных грамот на подчиняемые Троице монастыри, она еще сопровождается созданием переписных, отписных, отказных книг приписываемых обителей. Их составлением могли заниматься как правительственные агенты на местах, так и троицкие старцы, слуги, строители, назначаемые в эти монастыри. Иногда даже уставные грамоты выдавались от имени троицких властей в новые для них филиалы.

С конца I620-х гг. имели место уже разовые акты приписки: в I627/28 г. -Антоньевой Покровской пустыни в Переславском у., в I632 г Богословского Чердынского монастыря, в I650 г. - Симеоновского монастыря близ Александровой Слободы в Переславском уезде, в I663 г. - Богословского Холохоленского монастыря в Старицком уезде. Наконец, последним этапом приписки в рамках изучаемого периода можно считать I699-I700 гг., когда Сергиевой корпорации были подчинены Троице-Астраханский, Троице-Белопесоцкий напротив Каширы и Николо-Песношский монастырь в Дмитровском уезде (см. в табл.3 № 33-35). Их землевладение здесь нами на рассматривается, учитывается лишь принадлежащее им количество дворов, которое в конце XVП в. увеличило общий состав зависимого населения корпорации.

Отметив основные этапы приписки в XVII в., остановимся теперь более подробно на конкретных зависимых монастырях и их землях. Разберем их в таком географическом порядке - Север, Поволжье, Центр.

— Север.

Троице-Авнежский монастырь в Вологодском уезде располагался примерно в 60 верстах к востоку от уездного центра, а генетически был связан с Троице-Махрищским, поскольку Григорий и Кассиан Авнежские являлись последователями Стефана Махрищского. Поэтому не выглядит случайной почти одновременная приписка к Сергиеву монастырю двух названных обителей. В диапазоне между 1612 и 1641 гг. троицкие власти выдали Авнежскому монастырю уставную грамоту, упоминаемую в Описи 1641 г., но текстуально, к сожалению, до нас не дошедшую. Это не позволяет судить, о чем в ней говорилось. Возможно, грамота касалась не только устройства самой маленькой обители, но и положения крестьян в ее немногочисленных деревнях. К началу XVII в. небольшая Авнежская обитель фактически являлась общинным монастырьком, тесно сросшимся с окружающим крестьянским миром Авнежской и Шилеходской волостей, расположенных по мелким притоком Сухонского правобережья - речкам Юрьевке, Княжей, Нозме. Известно до десятка данных грамот черносошных крестьян Шилеходской волости на свои мелкие земельные участки и угодья в Авнежский монастырь во второй половине XVI в. [225] В дальнейшем подобные вклады уже не встречаются, вероятно, потому, что Шилеходская волость пошла в поместную раздачу.

Скромная по размерам вотчина Авнежского монастыря поступала в Троицкую корпорацию в состоянии интенсивного земледельческого освоения, резервы которого на правобережье Сухоны и в XVII в. были еще далеко не исчерпаны, в отличие от более

обжитой левой (“ходячей”) стороны. Не случайно в описаниях 1620-1640-х гг. вблизи монастырька фигурирует много починков (Попов, Оброшин, Новодеревенный, Елохин и др.). Всего же Авнежскому монастырю к 1641 г. в Вологодском уезде принадлежало 476 четв. пашни в 1-м поле и 68 дворов (см.табл.4). По данным Я.Е.Водарского, в 1678 г. у Авнежского монастыря было 65 дворов.

Помимо внутреннего освоения, некоторый рост землевладения Авнежского монастыря совершался за счет земельных операций, совершаемых его строителями. VIIправлявшие обителью Боголеп Редриков (1615-1617 гг.) и Алексей Хомутов (1631 г.) ряд участков приобрели у ямщиков Шуйского яма, помещика-иноземца Я.П.Шешинского, устюжанина М.Ф.Горбунова. Авнежские строители в XVII в. VIIравляли также отдельно расположенной троицкой деревней Ершовкой поблизости от самой Вологды, не связанной исторически с Авнежским монастырем. Ершовка в XVI в. входила в состав Говоровских дворцовых сел, а в 1611-1612 гг. находилась в поместье за С.Волынским. Получил же Троицкий монастырь эту деревню в 1613 г в качестве компенсации за отобранную у него мельницу стоимостью в 1263 руб., работа которой приводила к конфликтам со Спасо-Прилуцким монастырем. К моменту приобретения Ершовки Сергиев монастырь уже имел несколько дворов в самом городе и, возможно, был заинтересован в проникновении в ближайшее “окологородье” - именно так и называется местоположение данной деревни в переписных материалах XVII в.

Отправляясь от Вологды в нижнее Подвинье, мы видим самую северную оконечность земледельческого развития Троицкой корпорации, поскольку здесь проходил вообще северный рубеж русской земледельческой культуры. Первоначальное проникновение Сергиева монастыря на Беломорский Север имело давние корни, уходящие еще в первую половину XV в. и связаны они были прежде всего с его торгово-промысловыми интересами на Сухоно-Двинском пути, всемерно поддержанными тогда Новгородской феодальной республикой. Спустя столетие, в середине XVI в., троицкими властями был основан небольшой **монастырек Чудотворца Сергия** на “усть Великой Курьи”. Место же под него было дано холмогорцами Осипом Барсиным и Амосом Бущуевым в 1554-1555 гг. [229] Монастырек этот продолжал существовать и в первой четверти XVII в., хотя ни в одном официальном документе никогда не упоминался. В него даже делались небольшие вклады землями и промысловыми угодьями местными посадскими людьми и крестьянами [230]. Иногда, правда, в документах XVП в. называлась слободка Барсиновская Амосовская с приходской церковью Сергия Чудотворца и несколькими монастырскими дворами или Троицкая Курейская слободка. К середине XVIII в., как отметили “офицерские описи”, слободка Барсиновская опустела, а причту приходского храма Сергия Чудотворца троицкие власти выделяли пашенные и сенокосные угодья в безоброчное владение.

В 1611-1613 гг. позиции Троице-Сергиева монастыря на нижней Двине заметно усилились благодаря приписке к нему местного **Николо- Чухчемского монастыря.** Это был один из древнейших двинских монастырей, существовавший, по мнению А.А.Шахматова, с конца XIV в., а судя по его грамотам, по крайней мере уже к середине XV в. На протяжении длительного времени его земельные и промысловые владения формировались за счет вкладов и покупок, обменов у крестьян и посадских людей Холмогор, Чухченемской, Великокурейской, Ровдогорской, Ухтостровской волостей. Значительный крепостной архив Николо-Чухченемского монастыря (свыше 100 пергаменных грамот) отразил интересные местные традиции деловой письменности, развитые формы частного поземельного акта, любопытные черты внутреннего устройства мирской обители (институт “чернецких” и церковных старост и т.п. 232.

К моменту приписки вотчина Чухченемского монастыря была небольшой, включая 13-15 малодворных деревень и не более 22 дворов всего. К 1678 г. состав деревень практически не изменился, да и число дворов не сильно возросло - их стало 29 (по данным Я.Е.Водарского

на 1700 г. -28) 233. В научной литературе утвердилось мнение, что приписка к Троице-Сергиеву монастырю оборвала последние связи Николаевской обители с окружающим ее волостным миром (М.А.Островская, Н.Н.Покровский, А.И.Копанев) [234]. Мысль эта имеет под собой основание. Действительно, многое меняется в самом характере документации Чухченемского монастыря после включения в состав Троицкой корпорации. Чухченемские акты теряют присущую им в XV в. (в меньшей степени XVI в.) самобытность - пергамен в качестве материала для письма, наличие свинцовых вислых печатей, упоминания о чернецких и церковных старостах, да и особенности самих поземельных сделок, которые совершались раньше. Но сами поземельные связи жителей края с Чухченемским монастырем все же сохранялись и после его включения в состав Троицкой корпорации. За 1616-1635 гг. известны факты передачи холмогорцами по вкладам, закладам, обменам своих "вотчинных деревень" (то есть участков), "орамых земель", пожен, дворов, изб, разной движимости. Вклады эти по-прежнему мотивировались желанием быть погребенным в "доме Живоначальной Троицы и чудотворца Николы на Чухченеме" или поступить туда в слуги 235.

Конечной стVIIенью эволюции Николо-Чухченемского монастыря к середине XVIII в. стало его превращение в село Никольское, в церкви которого А.А.Шахматов еще в 1909-1911 гг. видел "старинные тетрадки", летописи и грамоты. Масштаб вотчины Николо-Чухченемского монастыря в XVII в. вполне соотносим с параметрами и Николаевской Чухченемской волости в конце XVIII в., являвшейся одной из мелких волостей Подвинья, в которой исследователи отмечают 14 поселений и 67 дворов 236.

В начале 1630-х гг. в еще одном районе Поморья, Соликамском и Чердынском уездах, появляются небольшие по размерам владения Троице-Сергиева монастыря, отчасти связанные и с припиской к нему **Богословского Чердынского** монастырька. Документально приписка эта была оформлена в 1632 г. жалованной грамотой царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета троицкому келарю Александру Булатникову. Пожалование мотивировалось тем, что к тому времени кое-какие владения в "Перми Великой" Сергиев монастырь уже имел, и его старцы у Соли Камской у промыслов "живут беспрестанно". Сам же Чердынский Иоанно-Богословский монастырь являлся одним из древнейших центров православия в Пермской земле и был основан епископом пермским Ионой до 1470 г.

В 1631-1632 гг. известно несколько вкладов не мелкие земельные и промысловые участки в Троице-Сергиев и Чердынский монастыри местных жителей Соли Камской: Б.В.Швецова, братьев П.,Т. и П.Осиповых, И.В.Выдрина. Они давали "свои посилья", состоявшие из пожен, "чертежей земли", дворов и сенных покосов [238]. Присылаемые в Соль Камскую "к промыслу" старцы и на Чердынь строители заключали с местными крестьянами порядные и поручные записи о распашке новых земель и засеве их монастырскими семенами. Однако ни самому Троицкому, ни "на базе" приписанного к нему Богословского монастыря развернуть в Соликамском и Чердынском уездах сколько-нибудь значительное солеваренное и земледельческое производство не удалось. Причину можно видеть в конкуренции, которую Сергиев монастырь встречал в этом крае в лице местных Спасо-Пыскорского и Вознесенского монастырей. В 1649 г. правительство осуществляет явно ограничительные меры против монастырского солеварения на посадах, не делая при этом исключения и для Троицкого монастыря в Соли Камской [239]. В этих условиях прочно утвердиться в Приуралье Сергиеву монастырю так и не удалось, хотя кое-какие мелкие вклады продолжали в него поступать и в 1660-е гг. Главным для него стало сохранить свои более старинные соляные владения в Соли Галицкой и на Балахне. Здесь он чувствовал себя более уверенно и среди местной среды более укорененно, чем в новом для него Приуралье. Не помогла приписка и Чердынскому Богословскому монастырю подняться на ноги. Троицкая Опись 1641 г. отметила у него только одну слободку из 3 дворов, да несколько

человек работников. По данным П.А.Колесникова, в 1678 г. Богословский монастырек имел только 7 “исполовничьих дворов”, а в переписных книгах Троицкого монастыря 1678 и 1701 гг. он уже не упоминался [240].

От Севера обратимся теперь к группе приписных монастырей Среднего Поволжья. Здесь за счет зависимых филиалов было достигнуто наиболее значительное увеличение землевладения и населения Троицкой духовной корпорации. Речь идет о Свияжском, Казанском, Алатырском уездах. К этой же группе будут отнесены и владения одного из приписных филиалов Троица в Юрьевецком уезде Повольского. Общей чертой данной группы уездов было то, что формирование и рост землевладения Троицкой корпорации здесь сопровождались интенсивным первичным и повторным земледельческим освоением края, имевшего, к тому же, смешанный этнический состав населения (татары, мордва, черемисы, русские). **—Поволжье.**

Троице-Свияжский монастырь изначально был основан как филиал “большой Троицы” сразу же после завоевания Казанского ханства в 1552 г. Можно сослаться на грамоту-упоминание из “Хронологического перечня” С.М.Каштанова от сентября 1552 – 17 марта 1554 г. Согласно ей, новооснованный монастырь получал от Ивана IV три пустоши, селище Киждеево на р.Курмышке, черный лес и место под рыбную ловлю. В писцовых книгах Свияжского уезда 1566/67 г. и 1593/94 г. отмечалось, что вотчина монастыря состояла из сельца Городища на левом берегу Волги и села Услон на ее правом берегу, у оз. Долгого, 2 деревень и 5 починков. Во второй половине XVI в. происходило интенсивное земледельческое освоение окрестностей Свияжского монастыря: на Городищенской земле и массивах черного Услонского леса возводились займища, починки, деревни и делалось это трудом большого числа новопоселенцев. Объем пашни с 1560-х до 1590-х гг. возрос со 139 до 318 четв. (земля была “добрая”, высокой укосностью отличались угодья). Освобождение селившихся на монастырских землях крестьян от государственных налогов по жалованным грамотам Ивана 1У 1572 и 1575 гг. (дани, ямских и приметных денег, строительной и подводной повинностей) также способствовало более эффективной эксплуатации новопоселенцев в рамках формирующейся свияжской вотчины[241]. Иммунитетными грамотами 1570-х гг. не только закреплялись владельческие права Сергиева монастыря в новом крае, но и частично расширялись владения его приписного филиала за счет дворов в остроге и лесных массивов на Услоне. Вместе с тем правительство Ивана Грозного старалось предотвратить несанкционированное увеличение церковно-монастырского землевладения здесь, чтобы не происходило произвольного расхищения земель татар и новокрещен: “учнут татарове и новокрещены давати в монастырь свои вотчины, без указу не передавать”.

Земельно-иммунитетные пожалования государства сыграли свою важную роль в основном на начальном этапе формирования владений Троице-Свияжского монастыря, в 1550-1570-е гг., а в дальнейшем их значение снижается. В июне 1591 г. троицкие власти добились у царя Федора Ивановича подтверждения своих прав в отношении дер. Семеновой на р.Берли (Горная сторона уезда), развившейся на участке в 20 дес., данном еще в 1575 г. новокрещеном К.И.Васильевым. Фактически участок этот был закреплен за монастырем в 1576 г. по указной грамоте Ивана IV свияжскому воеводе кн.М.Ф.Бахтеярову-Ростовскому. Теперь же троицкие власти были озабочены тем, чтобы утвердить свои права на дер. Семенову, поскольку образовалась она за ним до “государева уложенья” 1584 г. Нужна была царская жалованная грамота на эту деревню, и такая действительно была им выдана царем Федором Ивановичем, а в 1601 и 1613 гг. подтверждена другими царями. Связь же Свияжского монастыря с семьей К Васильева, по-видимому, продолжалась и в начале XVII в. В июле 1613 г. его строитель Трифон “Греченин” получил от вдовы К.И.Васильева Ульяны Григорьевой с сыном пашенную землю их лужка у дер. Семеновой.

Незначительного расширения своей вотчины троицкие власти добились весной 1612 г. от лидеров Второго земского ополчения кн. Д.Т.Трубецкого и казацкого атамана И.М.Заруцкого. “По Совету и по приговору всея Земли” корпорации были переданы две деревни - Гремячее и Ключища - в качестве компенсации за отобранную в 1597 г. слободку в Казани [244].

На протяжении 1590-1620-х гг. благодаря интенсивному притоку населения у Свияжского монастыря появились села Большой (Верхний) и Нижний Услон на Горной стороне против Казанского устья, а починок Новый развился в село того же названия. В писцовой книге 1649 г, было отмечено всего 5 крупных сел, свыше 5 тыс. четв. пашни и 714 дворов (из них 536 - сельские, остальные - в городе). Середина XVII в. стала наивысшим пиком в росте землевладения Троице-Свияжского монастыря, значительно увеличившим общий его объем для всей Троицкой корпорации (табл.4).

Масштабы вотчины соседнего **Троице-Казанского монастыря** в XУI-XVII вв. выглядят скромнее. Объяснить это можно тем, что уже в 1550-е гг. Казань стала центром новооткрытой епархии, и здесь интенсивно росло церковно-монастырское землевладение своих организаций - архиерейской кафедры, Преображенского и Зилантова монастырей [245]. В 1560-е гг. Троице-Казанский монастырь имел только две деревни, а в 1575/76 г. произошло некоторое расширение его владений за счет конфискованного поместья кн. П. И Гр. Булгаковых - села Большие Петрецы и дер. Тевелды с оз Шалбой, огородом и мельничными местами. Правда, в 1579/80 г. дер. Тевелды была у Троице-Казанского монастыря отобрана и отдана в поместья И. и М.Волынским. В день 200-летия кончины Сергия Радонежского, 25 сентября 1592 г., царь Федор и царица Ирина пожаловали половину той деревни снова в монастырь, “опричь жребия за литвином М.Балинским” [246].

Как и в Свияжском, в Казанском уезде закреплению и расширению владельческих прав монастыря на новые земли способствовали царские земельно-иммунитетные пожалования, оформленные в грамотах 1575, 1588 и 1608 гг. В июне 1588 г. царь Федор Иванович подтвердил права Троице-Казанского монастыря на дер Петрецы, мельницу и рыбную ловлю в Волге и Тетюшских плесах. Одновременно обитель получила бывшие “поместные жеребья” в с. Царицыне, принадлежавшие А.Плещееву - 103 четв: и З.Люткину - 20 четв.[247] И все же рост землевладения Казанского монастыря был неровным: в 1560-е гг. у него имелось 285 четв. пашни, а в 1590-е гг. отмечено 210 четв. За XVII в. сведений о количестве земли у него нет. Рост дворов же происходил - в 1590-е гг. их было 33, в 1641 г. стало 76 (табл.4). В переписных книгах Троице-Сергиева монастыря 1678 г. его казанский филиал отсутствует, а по итоговым сведениям переписи 1678 г., изученным Я.Е.Водарским, он имел 116 дворов. Сам же состав вотчины не изменился, судя по подтверждению в 1680 г. грамоты 1608 г. и по перечню казанских владений в переписных книгах 1701 г.[248]

Существенное усиление позиций корпорации в Среднем Поволжье произошло в связи с припиской к ней на протяжении 1612-1618 гг. **Троице-Алатырского монастыря.**

Начальный момент приписки имел место еще в феврале 1612 г., когда “по указу московских бояр и всей Земли” была удовлетворена просьба алатырского игумена Евфимия. Он просил разрешения для перехода его маленькой, запустевшей от “воровских людей” обители перейти под защиту Троице-Сергиева. В дальнейшем приписка была оформлена включением Алатырского монастыря в состав общих жалованных грамот 1617, 1624. 1625 гг. и оформлением ряда переписных книг 1617-1618 гг. [249]

В момент перехода к Троицкой корпорации собственная вотчина Алатырского монастыря включала только село Ичиксу и дер.Тургакову, расположенные к юго-западу от Алатыря, ближе к Ардатову Симбирскому. По происхождению своему это были земли алатырской мордвы, о чем красноречиво говорят их названия. Интенсивное освоение креая привело к тому, что уже в 1624/26 г. здесь возникли новые села - Четвертаково (в 4 верстах от

Ардатова), деревни Новый Усад, Верхняя Ичикса, Евлея. Если на начальном этапе приписки было только 524 четв. пашни, перелога и “дикого облога”, то уже к 1626 г. стало 952 четв. и 262 двора (табл.4). В результате продолжавшегося земледельческого освоения в 1626-1696 гг. концу XVII в. Троице-Алатырский монастырь имел 2116 четв. пашни и 870 дворов.

Приобретения уже “готовых” поселений у местных землевладельцев по сравнению с внутренним освоением имели гораздо меньшее значение, и все же на них стоит хотя бы кратко остановиться. Среди контрагентов по земельным сделкам видим перешедших в православие мордовских мурз и поместных казаков Алатырского уезда. В апреле 1618 г. старец Троице-Алатырского монастыря Никифор (в миру - мурза Досай Иванов) дал свою “вотчину - жеребей двои знамени Ишухутинской ухожей “на правобережье р. Суры. В январе 1623 г. другой алатырский монах, Макарий (в миру - казачий атаман Никита Маматов) тоже дал свой жребий - 19 четв. доброй земли и 3 крестьянских двора в с.Стемасе, являвшиеся его жалованной вотчиной за “московское осадное сидение в 128 г.”[250] Такой вклад мог бы рассматриваться как явное нарушение правительственных указов 1619/20 и 1622/23 г., запрещавших верстанным казакам отдавать свои вотчины в монастыри по душе, но в данном случае вкладчик уже был монахом, что позволяло ему как-то обойти. Тем не менее, вклад старца Макария в дальнейшем за Алатырским монастырем не значится [251]. В декабре 1631 г. поместный казак А.Григорьев дал свой жребий - 63 четв. в С.Языкове. Другие владельцы этого села против дарения не возражали, поскольку назывались в числе свидетелей. В 1638 г. три племянника А.Григорьева, Константин. Андрей и Афанасий, выкупили дядин жребий в С.Языкове, хотя кое-какие крестьянские дворы в нем продолжали значится за Алатырским монастырем по Описи 1641 г. К 1678 г. никаких прав на части в поместных селах Стемасе и Языкове Троице-Алатырский монастырь уже не сохранил.

О масштабе алатырской вотчины к началу 1630-х гг. свидетельствует обмен властей “большой Троицы” с царем Михаилом Федоровичем. В 1631 г. у корпорации были взяты две алатырские деревни, Кидань и Веретея, насчитывавшие 800 четв. пашни, а взамен в том же уезде было дано бывшее поместное село Мишуково с дер. Милениной (прежде находилось за Данилой Мишуковым), имевшие 438 четв. пашни. Неэквивалентность обмена для корпорации была очевидна- правительство обещало ей “додать” 382 четв. земли [253].

С возникновением зависимого монастыря было связано расширение троицкого землевладения в уезде Юрьевца Повольского. Первоначальное его проникновение сюда произошло в 1580/81 г. на основе обмена с Иваном 1У, когда взамен на отобранное у монастыря звенигородское село Дмитреевское-Гузеево было получено бывшее поместное село Соболеве в правобережной части **Юрьевецкого уезда.** В тот момент Соболевский комплекс состоял из 12 деревень и 13 починков, то есть находился в стадии интенсивного земледельческого освоения. В 1620-е гг. Сергиев монастырь начинает продвигаться на менее освоенную, левобережную сторону уезда, “за Волгу”. В лесах низовьев р.Унжи была подыскана пустошь Николы на Вилешеме, разоренная луговыми черемисами. Пустошь эта была выменена троицкими монахами у царя Михаила Федоровича вновь на звенигородские земли [254]. Пустошь Николы на Вилешеме представляла собой обширное пространство 3 на 2 версты с 90 четв. пашни и массивами “раменного леса”. Недалеко от нее образовался еще один комплекс троицких владений путем внедрения вглубь дворцовой Коряковской волости, имевшей свой общинный монастырек **Пелегову пустынь** с ц. Богоявления. В 1617/18 г. местный старец Трефилий Некрасов получил от дворцового стряпчего Т.Мандрикина “данную кружную запись, что ему на том месте пустыня строити вновь”. В 1627/28 г. Трефилий Некрасов сделал вклад в Сергиев монастырь Пелеговой пустынью - “особняком своего строения”. После этого вклада продолжалось ее восстановление в конце 1620-х-1630-е гг. на средства троицкой денежной казны [255]. Вклады в нее местных крестьян Коряковской волости заносились в троицкую вкладную книгу. Они рисуют облик Пелеговой пустыни как

маленького общинно-крестьянского монастырька, находящегося под патронатом мощной духовной корпорации. К началу 1640-х гг., по данным Описи 1641 г., заселение местности вокруг нее достигло апогея - отмечены 148 дворов. К 1678 г. их стало 111. В конце XVII - начале XVIII в. Пелегова пустынь превратилась в обычное село, называемое иногда также приселком 256.

— Центр.

Закончив обзор приписных монастырей Поволжья, обратимся теперь к зависимым обителям Троицкой корпорации в Центре страны. Располагались они в Суздальском уезде (Хотимская пустынь), Бежецком Верхе (Макарьева пустынь), Старицком (Богословский Холохоленский монастырь), Переславском (Киржачский Благовещенский, Троице-Махрищский, Симеоновский), Московском (Успенский Стромынский монастырь) уездах. Дадим обзор их землевладения, двигаясь от "периферии" к центру.

Только из переписной книги троицкого служки Е.Маркова 4 июня 1616 г. узнаем о попадании в состав корпорации **Хотимской пустыни** на р.Тезе в Стародубе Ряполовском Суздальского уезда . Никаких официальных актов по его приписке не было. Небольшие владения Хотимской пустыни (несколько деревень и селищ, всего 23 двора и 72 четв. земли) были учтены в Суздальской писцовой книге 1627/28 г. По своему местоположению пустынь находилась в зоне притяжения соседнего солепромышленного посада Холуя, где еще с 1540-х гг. имелись варницы Троицкого и Киржачского монастырей. Возможности расширения землевладения и земледельческого освоения у Хотимской пустыни были ограничены. Полагаем, что именно близость Хотимской пустыни к Холуйским варницам обусловила заинтересованность троицких властей в принятии ее под свое покровительство. Деревни пустыни могли рассматриваться как резерв рабочей силы для обслуживания монастырских варниц в этом районе. Данное соображение подтверждается материалом переписных книг 1646 и 1678 гг., в которых отмечалось, что бобыльское население у Холуйских варниц монастыря формировалось за счет крестьян Хотимской пустыни[258]. К концу XVII - началу XVIII в. Хотимская пустынь, как и Пелегова, превратилась в обычное село, называемое иногда "приселок Хотимль, что была пустыня" [259].

Пригородным по своему положению была **Макарьева пустынь** в предместье Бежецка, у впадения р.Моглуши в р.Мологу. Ранняя ее история известна мало. Возможно, название она получила от некоего игумена Макария, действовавшего в 1530-е гг. В 1538 г. братья Воронины (Михаил, Леонид, Григорий) продали игумену Макарию дер. Чермневу, которую уже через год у него купили троицкие старцы. Поблизости от Макарьевой пустыни Сергиев монастырь имел несколько своих деревень, которыми та оказалась как бы взята в окружение 260. Согласно позднейшим известиям, в 1615 г. макарьевский строитель Леонид заложился за Сергиев монастырь как за более сильный и влиятельный в данном крае 261. Не позднее 1623 г. троицкие власти выдали макарьевому игумену Леониду оброчную грамоту на ежегодное получение по чети ржи и по чети овса из ближайшего монастырского села Присеки. Крестьяне макарьевских деревень были переведены на оброк, а в отношении Уплаты государственных налогов они были включены в один платежный округ с присецкими крестьянами. К середине XVII в. Макарьева пустынь стала фактически торгово-ремесленной слободкой, а от ее деревень троицкие власти и вовсе избавились, променяв их дьяку С.Заборовскому 262.

В соседнем с Бежецким Тверском уезде Сергиеву монгастырю с последней трети XVI в. принадлежала **Рождественская Тутанская пустынь** на р.Тьме. Это был ктиторско-вотчинный монастырек местных землесладельцев Заборовских. В 1570/71 г. А.Д.Заборовский и старица Настасья Заборовская в данной грамоте Сергиеву монастырю писали: " приказали беречь господину своему троецкому архимандриту Кириллу з братьею своего строения монастырь Тутан на р. Тме, а поставили есмя монастырь сами и строили и

что к тому монастырю вотчинки нашего данья и христолюбцы по родителех давали со всеми угодьи". Помимо нескольких деревень в Тверском уезде, Тутанский монастырек имел 2,5 пустоши в соседнем Новоторжском уезде, описание которых сохранилось от 1540-1580-х гг. По троицким описаниям 1616 и 1623 гг. за Тутанским монастырьком оставалась 3 его деревни. Более сгущены краски в Тверской писцовой книге 1628 г.: здесь обитель показана пустой. В ней живет лишь один старец для береженья, кормится Христовым именем [263].

О подконтрольности Тутанского монастырька Сергиеву говорит меновная память 1629 г., по которой тутанская пустошь Боршнево отдавалась на промену в Тверской Саввин монастырь. Взамен же была взята саввинская пустошь Меглино, земли которой "сошлись смжно Троицкого Тутанского монастыря с вотчиною". Ник то из тутанских властей в меновной памяти даже не был назван [264]. По Описи 1641 г. вотчина Тутанского монастыря состояла из села Заборовья с 7 деревнями, всего 52 двора, а также из подмонастырской слободки с 4 дворами работников. Переписная книга 1678 г. называет Рождественский Тутанский монастырь приписным к Троице-Сергиеву, а к началу XVIII в. он превратился в обычное село, называемое Тутань, крестьяне которого вместе с крестьянами соседнего с. Заборовья платили в троицкую казну общий оброк в 140 руб. Воспоминание же о бывшем монастыре сохранялось еще и в середине ХУШ в., поскольку в общей жалованной грамоте 1752 г. фигурирует "село Тутань, что был Тутанской монастырь" [265].

В соседнем с Тверским Старицком уезде в 1663 г. произошла официальная приписка к Троице-Сергиеву монастырю **Холохоленского Иоанно-Богословского** монастыря на р.Волге в Иворовской волости. Об его ранней истории известно, по крайней мере, то, что он существовал и в XVI в. и жалованные грамоты ему выдавал удельный кн. В.А.Старицкий. Задолго до официального акта приписки, Богословский монастырек упоминался в Старицкой писцовой книге 1624/25 г. среди троицких владений. Вотчина его была невелика и сильно запустошена - 7 пустошей, 6 селищ и всего два крестьянских двора. В челобитной холохоленского строителя Ильи на имя царя Алексея Михайловича в 1663 г. необходимость защиты более мощного монастыря мотивировалась тем, что, расположенный на пересечении трех больших дорог (Новгородской, Тверской и Смоленской), Холохоленский монастырек сильно страдал от насилия проезжих людей. В ответ на челобитную царь предписал властям "большой Троицы", чтобы те Холохоленскую обитель "строили, оберегали и расправу чинили" . К 1678 г. слишком впечатляющих результатов восстановления Холохоленской вотчинки не заметно - по данным Я.Е.Водарского, монастырек имел в 1651-1661 гг. 5 дворов, а по переписным книгам 1678 г. она включала 4 живущих деревни и 17 пустошей, К концу же XVII в., как это уже не раз приходилось замечать. Холохоленская обитель превратилось в село Холохольню [267].

Наибольшее число приписных монастырей Троицкая корпорация имела в Переславском уезде. Из них наиболее значительным по масштабу владений и изначально зависимым являлся **Киржачский Благовещенский монастырь** на р.Большой Киржач (левый приток Клязьмы), в Борисоглебском стане Переславского уезда, к югу от уездного центра. Как монашеская община, он также являлся довольно крупным - в середине XVI в. здесь проживала 90 монахов, находившихся под Управлением *строителя,* который имел свою печать. Во внутримонастырской иерархии настоятель Киржачского монастыря занимал вторую стVIеньку после общетроицкого архимандрита. Кроме основного - Переславского уезда, его вотчины располагались также в Дмитровском, Владимирском, Юрьевском уездах. Имелись у Благовещенского Киржачского монастыря также и городские дворы, дворовые места, соляные варницы во Владимире, на Балахне и у "Новой Соли" на Холуе в Стародубе Ряполовском Суздальского уезда. Одним словом, Киржачский монастырь был примерно таким же по своему экономическому потенциалу, как множество "средних" монастырей России, вроде Павлова -Обнорского, Михайло-Архангельского Великоустюгского, Антоньева

Краснохолского или Спасо-Прилуцкого, исходя из общего количества дворов у них по переписным книгам 1678 г. - по 500-600 [268].

То, как складывалось землевладение Киржачского монастыря до конца XVI в., требует специального изложения, что не входит в нашу задачу в данной работе. Отметим лишь, что в конце XVI в., когда царские земельные пожалования способствовали продвижению Троицкой корпорации в район Среднего Поволжья, коснулись они и Киржачского Благовещенского монастыря. В 1587/88 г. ему была выдана жалованная грамота царя Федора Ивановича на с.Черное на реках Черной и Оке в Нижегородском уезде, волости Стрелице (см. приложение 1. № 6). Вотчина эта сохранится и будет успешно в целом развиваться и в дальнейшем, однако других крупных земельных пожалований Киржачский монастырь после 1588 г. уже не получал. Далеко ему было и до тех по интенсивности и богатству земельных вкладов, которые имел Троице-Сергиев монастырь в конце XVI - первой половине XVII в. Лишь единственный и весьма скромный земельный вклад можно отметить по Киржачскому монастырю в январе 1640 г., когда братья И.А. и Б.А.Милославские дали “свой вотчинный луг полпустоши Фофановой с кулишкою”.

Примечательно, что вклад делался напрямую в “дом Пречистые Богородицы Благовещения да ее чудотворца Сергия”, без упоминания троицких властей [269]. По объему землевладения - 6521 четв к 1640-м гг., как показывает табл.4. Благовещенский Киржачский монастырь являлся самым крупным приписным филиалом Троицкой духовной корпорации.

В Слободском стане Переславского уезда в августе 1615 г. к Сергиеву был приписан **Троице-Махрищский монастырь** на р. Молохче. Документально приписка была оформлена жалованной царской грамотой и переписными книгами переславского сына боярского С.Айгустова, изданными почти одновременно - 15 и 18 августа 1615 г. [270] Вся его вотчина состояла из древнего сельца Зеленцова на р.Сере, полученного еще в 1433 г. от боярина удельного кн.Юрия Дмитриевича Галицкого А.В.Лыкова. Село представляло собой довольно крупный и освоенный земледельческий комплекс, насчитывавший по данным писцовой книги 1629/31 г. 458 четв в 1-м поле. В продолжение второй четверти XVII в. происходило успешное восстановление пустующих деревень в окрестностях Махрищского монастыря и по “дописи” переславских писцов А.Загряжского и подьячего Д.Минчакова в 1646/47 г. к ним была зафиксирована группа деревень по рекам Сере и Молохче (Рыкулино, Малинново, Офонасово, Запрудная и др.), которые с 1620-х гг. интенсивно заселялись новыми жильцами. К концу 1640-х годов в переславской вотчине Махрищского монастыря (а иной у него и не было) насчитывалось 563 четв пашни в 1 поле и 66 дворов [271].

В Переславской писцовой книге 1628/29 г. в числе троицких владений фигурирует **Покровская Антоньева пустынь** на р.Богоне. В более раннее время она известна в составе домовых монастырей Московской митрополичьей кафедры. Ее приписка состоялась по грамоте патриарха Филарета, упоминаемой в писцовой книге 1628/29 г, которая (грамота) в троицком архиве не выявлена. Возможно, патриарх переподчинил маленькую обитель ведомству Сергиева монастыря вследствие ее тяжелого экономического положения: она имела в конце 1620-х годов одну только подмонастырскую слободку с 28 дворами, несколько рыбных озер и 6 пустошей, 20 четв господской пашни и 75 четв перелога[272]. Наличие рыбных озер могло быть наиболее привлекательным фактором для Сергиева монастыря при включении Антоньевой Покровской пустыни в свой состав. Писцовая книга 1628/29 г. отметила, что ловят в тех озерках рыбу в Троицкий монастырь “для государева приезду”. По мере восстановления маленькая пустынь могла снова перейти в подчинение Патриаршего дома, поскольку в Троицкой Описи 1641 г. она уже не фигурирует, а в переписных книгах 1678 г. значится как патриаршая 273.

Последним по времени приписки в Переславском уезде стал **Симеоновский монастырек** в Слободском стане, расположенный к югу от Александровой Слободы.

Подчинен Сергиеву он был по жалованной грамоте царя Алексея Михайловича в августе 1650 г.. подтвержденной в 1680 г. царем Федором Алексеевичем [274]. Все "вотчинное богатство" монастырька заключалось, по-видимому, только в подмонастырской слободке, а сел и деревень не имелось. В общей жалованной грамоте имп. Елизаветы Петровны 1752 г. названо "сельцо Семеновское, что был монастырь Семионовской, а к сельцу Хохряковская слободка" и дается ссылка на грамоту 1650 г., следовательно. Никакой другой документации во второй половине XVII в. Симеоновский монастырек не имел. В перечне переславских монастырей по переписным книгам 1678 г. в статье Я.Е.Водарского он отсутствует [275].

Завершаем обзор приписных монастырей Троицкой корпорации обращаясь к самому центральному - Московскому уезду. В Подмосковье, было время, Сергиева обитель находилась как бы "в окружении" своих дочерних филиалов. Старейшим из них являлся монастырь **Покрова на Хотькове** в Радонеже. Собственно, он был древнее самой Троицы, существуя уже в 1314 г. как совместный мужеско-женский и особножительный монастырь Радонежского удельного княжества. Здесь, согласно "Житию Сергия", приняли постриг его родители Кирилл и Мария, а затем брат Стефан. О каких-то связях Хотькова монастыря с Троицей уже в XV в. говорит оформление в троицкой канцелярии купчей грамоты Покровского священника А.Федорова на дер.Коростьковскую в Радонеже [276].

В начале XVI в. Хотьков монастырь находился уже под патронатом Василия III, получая от него "ругу" - дотацию и продолжая оставаться совместным (в нем в 1514 г. проживало 17 старцев и стариц, вопреки запретительному постановлению собора 1503 г на этот *счет.* В 1544 г. троицкий игумен Никандр получил от Ивана IV жалованную грамоту "на мой девичий монастырек на Хотькове, а в том монастыре лежат чудотворца Сергия родители, с поповскою пашнею и с хлебной и с денежной и с соляною ругою". Официальным же церковным актом приписки Покровского Хотькова монастырька к Троицкому можно считать его включение в состав корпорации в настольной грамоте митрополита Макария 1561 г.[277] Во второй половине XVI в. популярность Хотькова монастыря несколько уступает популярности у представительниц феодальных семей Успенского Богородицкого монастыря "Пречистые под сосною", тоже в Радонеже, о котором выше уже шла речь. Последний гораздо чаще упоминается в поземельных актах второй половины XVI в. как желаемое место пострижения вдов и дочерей троицких вкладчиков. Но и о Хотькове монастыре не забывали. Например, в недатированной духовной грамоте Пелагеи Житовой (из старинного тверского рода Бороздиных-Житовых) говорилось о предоставлении хотьковским старицам хлебных запасов". В духовной соборного старца Варсонофия Якимова 1595 г. о них также была проявлена забота, каждой обещалось раздать по рублю и т.д.

После смуты именно Хотьков монастырь оказался более жизнеспособным и не запустел, в отличие от Богородицкого под сосною. Численность его в 1590-1640- гг. (38-40 монахинь оставалась практически стабильной). То же самое можно сказать и о небольшой его вотчине - всего двух деревнях (Филимоново и Варавино) и подмонастырской слободке. Никаких новых приращений к ним в течение XVII в. сделано не было.[279] Конечной стадией в истории Хотьковского монастыря стало превращение его в село Хотьково, который ныне каждый проезжает по Ярославской дороге незадолго до Сергиева Посада (если ехать от Москвы).

В западной московской волости Шеренке в 1616-1617 гг. к Сергиеву монастырю был приписан **Стромынский Успенский монастырь,** стоявший на старой дороге в сторону Владимира, являвшейся продолжением знаменитой московской улицы Стромынки. Земли его, помимо столичного, располагались еще и в соседнем Переславском уезде. Официальной приписке предшествовали челобитные стромынских властей в апреле 1613 и октябре 1616 г., в которых они просили царя назначить к ним строителя из Троицы. Однако в 1616-1625 г. на

Стромыни продолжались разные коллизии, связанные с пьянством и непослушанием местных монахов новому начальству. Потребовалось вмешательство патриарха Филарета, в грамоте которого 1625 г. были четко определены мероприятия троицких властей во вновь приписанном к ним Стромынском монастыре. Перечень их интересен и вообще в плане изучения начального этапа осуществления приписки в любом другом случае. Что же предписывалось руководству Сергиева монастыря в зависимых филиалах?

Во-первых, заново должны быть освящены церкви (видимо, в разоренных обителях, где богослужение оказалось прерванным). Во-вторых, должно быть отремонтировано всякое церковное строение. В-третьих, огорожен сам монастырь. В- четвертых, поставлены новые кельи. Остальные распоряжения патриарха касались господского хозяйства – отремонтировать мельницы, дать в зависимый филиал семена и хлеб на обиход и, наконец, собрать вотчинных крестьян. Расходы на все эти дела и возлагались - на власти "большой Троицы" [280]. После приписки к Сергиеву монастырю, помимо земельных владений Стромынской обители, перешло также и ее старинное дворовое место в Москве "в Деревянном городе за Фроловскими вороты у Николы в Мясникех" 281. В данной главе уже отмечалось характерная и для светских, и для духовных вотчин "дихотомия" - наличие городских дворов к сельским вотчинам в уезде, что усиливало общую экономическую устойчивость вотчинной системы.

Какие-то формы зависимости у Стромынского монастыря в отношении Троице-Сергиева были и более раннее время, поскольку в жалованных грамотах о приписке 1616-1617 гг. говорилось о ведении его "по-прежнему" троицкими властями. Действительно, некоторые ранние стромынские акты 1440-х гг. сохранились в составе троицкого архива, а поземельные сделки Стромынского монастыря в XV в. имели докладной характер троицкому начальству [282]. В научной литературе известно несколько версий основания Успенского Стромынского монастыря - либо Сергием Радонежским, либо Дмитрием Донским по своему обещанию. Высказываются разные мнения по поводу причины основания этой обители, после какой из побед над татарами это произошло - битвы на Воже в 1378 г. или Куликовской битвы в 1380 г.

По описанию 1620-х гг. старинная вотчина Стромынского монастыря - село Коровицыно на р.Дубенке (левый приток Клязьмы) с 3 деревнями - имела 2422 четв. земли в 1 поле, из которых пашня была только в домене (238 четв.), вся же остальная земля лежала в перелоге и поросла лесом. В Переславском уезде Стромынскому монастырю принадлежала небольшая группа деревень, пожалованная еще в 1441/42 г. вел кнг.Софьей Витовтовной, а затем закрепленная в грамотах вел.кнг.Марии Ярославны. В бурные годы смуты этими деревнями завладели "выезжий литвин" А.Просовецкий и "иноземец турченин" И.Салтанов. Потребовалась специальная грамота царя Михаила Федоровича в январе 1614 г. с подтверждением прав стромынских властей на его старинные переславские деревни (всего в них насчитывалось, по описанию конца 1620-х гг., 193 четв. земли). Общий же объем земле-и дворовладения Стромынского Успенского монастыря в двух уездах. Московском и Переславском, составлял в конце 1620-х гг. 2615 четв. в 1 поле и 61 двор, к 1641 г. отмечено уже не менее 117 дворов 284.

На этом фактический материал о большинстве приписных монастырей Троицкой корпорации и их землевладении закончен. В следующей главе (о сельском расселении) будут приведены сведения и о сельские монастырьках, которые по масштабам своим были вовсе микроскопическими, намного меньше иных, тоже довольно маленьких, упомянутых в данной главе работы. Осталось только упомянуть и о попытках несостоявшейся приписки. В 1628/29 г. к царю Михаилу Федоровичу обращались с челобитной монахи Троице-Сыпанова монастыря (в волости Нерехта Костромского уезда). Они жаловались на разорение своей маленькой обители, расположенной на пересечении дорог из Костромы в Москву и из

Нижнего Новгорода в Ярославль. Земли Троице-Сыпанова монастыря находились смежно с крупными вотчинами Сергиевой корпорации в Нерехте (комплекс Федоровское), а их крестьяне даже совместно пользовались мельницами и некоторыми угодьями 285. Однако просьба сыпановских монахов, видимо, осталась без удовлетворения и в документах Сергиева монастыря ничего о зависимом положении Сыпанова монастыря в XVII в. не говорится.

В заключение параграфа о приписной системе Троицкой корпорации приведем показатели общего объема землевладения приписных филиалов к середине XVII в. - 17,7 тыс. четв. в 1 поле и населения - 2042 дв. Примерно 11,7 % всей земли и 20 % населения размещены были в вотчинах приписных монастырей (табл.4). Примерное пространственное размещение большинства из них представлено на карте-схеме 1. Какова была доля экономики приписных монастырей в совокупном доходе Троицкой корпорации, источники выяснить не позволяют. По оброчным книгам 1696 г. Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей можно просчитать ок.2 тыс. руб. денежной ренты, получаемой в их селах и деревнях.

* * *

Переходя от 2-й главы работы к 3-й, здесь завершаемой, мы говорили о чрезвычайном обилии поземельно-правовых документов, прежде всего актов, которое и обусловило столь богатый фактический материал главы, столь длинную ее протяженность. Что же общее, все-таки, в содержательном плане объединяет две части данной главы? Думаем, это расчлененный характер корпоративной монастырской собственности. В структуру ее входили и растущие земли самого Троице-Сергиева монастыря, и земли приписных к нему филиалов, в административно-церковном и хозяйственном отношении подчиненных троицкому руководству, и большое количество вотчин, находившихся в пожизненных и иных формах земельных держаний у светских вкладчиков с монастырем, а также у помещиков - в ним же. Активное вмешательство государства в земельную практику корпорации (контроль за ее приобретениями, обмены, земельные конфискации с нередким впоследствии возвращением отобранного, частичное испомещение на монастырских землях служилых людей, невыполнение некоторых земельных вкладов и завещаний, землеописательные работы и пр.) свидетельствует и о проявлении верховной государственной собственности на землю в России в изучаемое время. Налицо тесная переплетенность, сочлененность разных форм монастырского и светского вотчинного и отчасти поместного землевладения, о чем писали С.В.Рождественский, С.Б.Веселовский, Л.И.Ивина и мн.др. Приведенный в главе материал убедительно показывает такую характернейшую черту крупной вотчины (будь то светской или церковно-монастырской), как рассредоточенность ее по десяткам уездов страны. Применительно к землевладению Троицкой духовной корпорации можно говорить и распространении его к середине XVII в. в 40 уездах России. Для монастырей черта эта была обусловлена, в свою очередь, разветвленностью самого светского вотчинного землевладения определенных феодальных семей (не только княжеско-боярских) по разным уездам страны. У ряда монастырей (преимущественно центральных уездов) в XVI-XVII вв. была известна практика предоставления своих земель в пожизненные держания светским лицам.

Количественный же размах ее у Троицы был столь велик и постоянен, закреплен в источниках XVI-XVII вв., что можно говорить об особом качестве земельной собственности именно Сергиева монастыря. Он выглядит прямо-таки как неисчерпаемый резерв дополнительного землеобеспечения для сотен феодальных семей России. С учетом отмеченного качества групповой, сословие-корпоративный характер самой природы феодальной собственности уясняется особенно отчетливо.

Залог дальнейшего роста землевладения Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - первой половине XVII в. заключался в сохранении его старинных связей с десятками родов из центральнорусских уездов, с которыми корпорация имела разнообразные контакты в предшествующие века, землями которых обогащалась, нередко принимая в состав братии и слуг их владельцев (Баскаковы, Мустофины, Палицыны, Редриковы, Скобеевы и мн.др.). Устойчивость вотчинной системы и ее составляющих элементов (старинных, купленных и выслуженных вотчин), отмеченная О.А.Шватченко, объясняет жизнеспособность и землевладения Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - первой половине XVII в., питательным источником его продолжающегося роста, вопреки всем правительственным ограничениям.

Вторым важнейшим источником его роста стала интенсивная колонизация (земледельческое освоение) новых земель, преимущественно в Поволжье, и осуществлялось это в основном в рамках вотчин приписных монастырей. В реализации этого источника сыграл свою роль особый церковно-политический статус Сергиева монастыря, его возможности и в упорядочении внутрицерковной системы управления, и в осуществлении миссионерских функций на обширном пространстве страны (в Поволжье и на Севере). По масштабу приписной системы (см. табл.3-4 и карту-схему 1) Троице-Сергиев монастырь правомерно сравнивать не с его духовными собратьями, а с Московской митрополичьей кафедрой (с 1589 г. - Патриаршим домом) и Новгородским Софийским домом. Отличием же от них в структуре землевладения было более слабое развитие института службы с земли в Троицкой вотчине. У церковных иерархов, возглавлявших церковно-политические институты, сложились целые поместные системы владычных бояр и детей боярских. Троицкий же монастырь, как и другие обители, был учреждением, прежде всего профессиональной организации заупокойного культа и лишь во вторую очередь церковно-политической, в силу чего он намного ближе стоял к массе “христолюбцев”, одаривавших его землей, деньгами, драгоценной утварью и пр.

QQQ

ГЛАВА IV. СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ В ВОТЧИНЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI - XVII В.

Изложенное в третьей главе работы землевладение Троицкой корпорации было пространственно организовано в виде определенной системы сельского расселения, а непосредственно функционировало в конце XVI - XVII в. в виде сложившейся системы землеустройства. Обе этих составляющих вотчины - расселение и землеустройство - динамично развивались на фоне общих исторических условий России в рассматриваемый период. Отсюда вытекает логическое продолжение третьей главы, посвященное рассмотрению названных проблем (главы 4 и 5).

Система сельского расселения формировалась и развивалась по мере складывания монастырского землевладения. В состав Троицкой латифундии различными путями попадали компактные княжеско-боярские вотчинные комплексы, мелкие и раздробленные в семейных разделах земли светских феодалов различного ранга, целостные либо частями дворцовые и черные волости, запустевшие после помещиков земли и т.д.

Фактический материал о видах и динамике сельских поселений и дворов в Троицкой вотчине систематизирован нами в нескольких таблицах, основанных на сплошном привлечении массовой писцово-переписной документации XVI-XVII вв. Имеются две сводно-обобщающие таблицы (табл.22 и 23) и три поуездных (табл.24-26). Кроме того, мы посчитали необходимым отразить ранний этап сельского расселения в Троицкой вотчине по

первым писцовым описаниям 1500-1560-х гг., в которой также учтены и ранние данные о крестьянском землепользовании (табл.21).

Поскольку для Троицкого землевладения была характерна сильная разбросанность по десяткам уездов России, то в “поуездных” таблицах материал сгруппирован, хотя и с известной долей условности, по четырем основным регионам: 1) Центру (отсчитывая, естественно, от Москвы и самого монастыря); 2) Югу и юго-западу; 3) Северу и северо-западу; 4) Поволжью (Нижегородский и Казанский края). Собственно, при изложении роста и состояния Троицкого землевладения в 3-ей главе мы уже придерживались отмеченных “региональных ориентиров”. По количеству уездов выделенные регионы, конечно, не равны (в центральном их более всего-22, в южных и юго-западных - 8, в северо-западных и западных - 5, в поволжских - 7). Но и они удобны в изложении, давая представление об особенностях пространственного размещения огромной вотчины и ее составляющих, расположенных в отличающихся друг от друга природно-климатических зонах, с разными историческими условиями и традициями.

Если при изучении истории землевладения никак нельзя было избежать изложения отдельных, могущих показаться со стороны даже малозначительными, фактов, то при исследовании системы сельского расселения приходится искать наиболее оптимальное сочетание между общим пространственным “видением” основных изменений в этой области и более или менее глубокой проработкой динамики развития отдельных сторон, компонентов, видов данной системы. Попытка приблизиться к решению этой задачи и привела к комбинации сводно-обобщающих и поуездных таблиц. Последние, правда, не означают, что сельские поселения будут нами подробно описываться буквально в каждом уезде. В ходе работы именно поуездные таблицы явились ступенькой к составлению сводно-обобщающих. “Отталкиваясь” от поуездного уровня наблюдений над эволюцией и динамикой огромного числа сельских поселений и дворов (жилых, пустых) в вотчине Сергиева монастыря XVI-XVII вв., мы попытаемся в данной главе определить наиболее существенные черты этой системы в пределах каждого региона из числа названных. Лишь в некоторых случаях по необходимости придется углубляться на уровень конкретных вотчинных комплексов, сельских округ, крестьянских волостей и других “микроорганизмов” монастырской системы расселения. Наиболее практикуемые “параметры” данной главы - общестатистические, региональные и видовые. Хронологические ее рамки - практически весь XVI и XVII вв.

4.1. Общая характеристика расселения: динамика “живущего” и “пустого”; численность, состав и размещение населения.

В данном параграфе в первую очередь рассматривается соотношение жилых и пустых селений и дворов в Троицкой вотчине на протяжении XVI-XVII вв. В табл. 21 обобщен ранний этап изучаемого процесса, относящийся к 1500-1560-м гг. В ней учтено более 1,5 тыс. жилых селений монастыря (сел, селец, деревень, починков) в 12 центральных и юго-западных уездах России. Всего к концу 1560-х гг. монастырь имел в них 6350 крестьянских дворов. О благоприятной экономической и демографической ситуации в тот период говорит высокий удельный вес жилых селений и дворов - тех и других было по 97 %, а пустых селений и дворов всего по 2,9 %. При поуездном рассмотрении оказывается, что наиболее высокой доля пустых дворов и мест дворовых была в 1530-1560-е гг. в Костромском и Переславском уездах -7-8% (табл.21).

В дальнейшем произойдет резкое изменение в соотношении жилого и пустого, что показывают писцовые книги 1590-1640-х гг. Доля жилых селений в конце XVI в. в целом по вотчине составила больше половины - 59%, а пустых селений и пустошей - 40,9 % (табл.22).

В центральных и некоторых юго-западных уездах особенно заметно падение доли жилых селений в конце XVI в. по сравнению с первой его половиной, например, в Верейском уезде - на 60%, Переславском - на 57%, Угличском - на 50 %. Отмеченное падение отразило магистральный и хорошо известный в литературе процесс в общем развитии системы сельского расселения в России - укрупнение сельских пунктов за счет исчезновения массы мелких деревень, починков, пустошей, их "припуска и снесения" к более крупным, увеличение дворности первых и расширение их земельного фонда за счет включения в оборот угодий из-под исчезающих деревень (С.Б.Веселовский, А.Я.Дегтярев, Б.А.Романов и др.). В табл.23 нами поэтому выделена рубрика "припущенные в пашню селения и пустоши".

Если до 1560-х гг. в припуске преобладали в основном жилые деревни и починки (Верейский, Ростовский, Дмитровский, Переславский уезды), то в конце столетия пустоши занимали уже 64-73 % в составе припускаемых пунктов (Балахнинский, Бежецкий уезды). Доля пустошей еще более возрастает во всей совокупности припускаемых селений во второй четверти XVII в., причем они теперь "припускаются" целыми группами (по 5-6 пустошей) - 94,5 % (Ростовский, Муромский уезды), что само по себе свидетельствует о хозяйственном преодолении разорения. Деревни же в конце XVI в. составляли 26 % среди припускаемых селений. Слабее был выражен и припуск починков в 1590-1620-е гг. по сравнению с первой половиной XVI в. И все же явление это, отмечаемое в писцовых книгах 1620-163 0-ых гг. по ряду уездов (Угличскому, Муромскому, Переславскому, Дмитровскому), указывает на некоторое экономическое оживление в аграрной сфере России во второй четверти XVII в.

В результате опустошения первых двух десятилетий XVII в. (экстремальный фактор) и исчезновения "припускаемых" мелких деревень (естественно-исторический фактор) общее сокращение числа живущих селений в Троицкой вотчине к 1620-м годам произошло на 15 % и установился отрицательный баланс, когда доля пустых селений - 65,7 % -превзошла долю жилых - 34,2 % (табл.22). Поуездное же рассмотрение показывает еще более тяжелую картину. Полностью запустевшими в 1620-е гг. были села и деревни Сергиева монастыря в Кашинском уезде (100 %). В других центральных уездах наиболее высокой доля пустых селений была в Звенигородском (95,7 %), Старицком (94,3 %), Тверском (86,5%), Бежецком (81,3 %), Переславском (81,% %), Дмитровском (78,% %) уездах (табл. 24-26). Наиболее высокий процент запустения коснулся как раз самых развитых видов сельских поселений - 26% сел, селец, приселков и 40% деревень. Поуездная картина падения числа сел, селец, приселков представлена в табл.25. Даже с учетом вновь приобретенных корпорацией сел в первой четверти XVII в. их общее уменьшение в ряде центральных и юго-западных уездов бросается в глаза. Например, в Московском уезде в табл.25 на основании писцовой книги 1594 г. отмечено 32 села, а в 1620-е гг. - 25; в Дмитровском соответственно 24 и 14, в Тверском - 13 и 6, в Бежецком - 13 и 10, в Боровском - 5 и 2 и т.д. Кроме того, 10 % сел и селец, известных в конце XVI в., к 1620-м гг. понизились в своем статусе, превратившись в деревни. Лишь две деревни конца XVI в. во второй четверти XVII в. стали селами, причем одна из них - хрестоматийно известное Деулино, оно же Мирное. Подъем деревни до села в данном случае можно усматривать, скорее всего, в причине внешней и даже дипломатической, поскольку здесь в 1618 г. было заключено Деулинское перемирие с Речью Посполитой, затем на средства монастыря основана церковь во имя Сергия Радонежского, наблюдался приток населения из окрестных разоренных деревень и т.д. Некоторые троицкие села и деревни, запустевшие в смуту, возродились уже "после переписных книг 154 году" (1646 г.), например, звенигородское Андреевское 1. Гораздо больше деревень запустело необратимо, а пустоши так и не возродились. К концу XVII в. общая сетка расселения стала как бы более разреженной, "расчищенной". Это имело важные последствия для наибольшей концентрации населения в оставшихся селах и деревнях и сокращения поселкового звена административно-хозяйственного аппарата вотчины.

Благополучную картину в развитии сельского расселения и населения рисуют переписные книги 1677-1678 гг. Теперь доля жилых селений в Троицкой вотчине составляла 96,5 %, а пустых и пустошей 3,4 % (табл.22). К концу XVII в. сокращение жилых селений по сравнению с концом XVI в. произошло на 24 %. Если оперировать абсолютными значениями, то по писцовым книгам 1590-х гг. монастырь имел примерно 2100 жилых селений, а по переписным книгам 1670-х гг. - 1599. На фоне убедительного преобладания жилых селений доля пустых и в абсолютном, и в процентом отношении выглядит весьма скромной - соответственно 57 и 3,4 %. Пустоши в переписных книгах по Троицкому монастырю 1677-78 гг., как правило, не регистрировались. Возможно, у переписчиков вообще не было такой установки, поскольку проводилась подворная перепись именно населения. Я.Е.Водарский подчеркивает, что именно дворам как объектам податного обложения уделялось главное внимание в переписных книгах 1678 г.

Наблюдения над соотношением количества жилых и пустых дворов позволяют отметить следующее. В конце XVI в. у Сергиева монастыря имелось 86,1 % живущих дворов (в абс. 13.089 дворов и 13.202 чел. м.п. поименно названного в них). По видам своим это были господские, служние, крестьянские и бобыльские дворы. Подавляющее большинство дворов (87 %) были крестьянскими (в абс. 11.388 дв. и 11.891 чел.). Второе место по численности занимало бобыльство - 9,4 % (в абс. 1.235 дв. и 1.281 чел.). Наконец, 3,6 % дворов были господскими (в абс.446) и служними (в абс.58). Выведенные нами пропорции основных категорий сельского населения Троицкого монастыря в конце XVI в. близки к показателям Ю.В.Готье и Е.Д.Сташевского, также полученным на основании комплекса троицких писцовых книг 1590-х гг. - 88,9 % крестьянских и 11,1% бобыльских дворов. Другие данные о количестве дворов находим в работах Н.Д.Чечулина - 6,8 тыс. и в них 7,9 тыс. человек и А.Л.Шапиро - также 6,8 тыс. крестьянских и 700 бобыльских дворов[3]. Названные ученые (двое из последних) использовали только опубликованные троицкие писцовые книги 1590-х гг., относящиеся к 17 уездам, поэтому их сведения о количестве крестьянских и бобыльских дворов у Сергиева монастыря выглядят явно заниженными. Приводимые же нами цифры получены на основе более полного привлечения троицких описаний 1590-х гг. относящихся всего к 33 уездам, как изданных Н.В.Калачовым, С.А.Шумаковым и М.В.Рубцовым, так и до сих пор неопубликованных. Кроме того, были привлечены фрагменты внутривотчинных описаний 1595-1597 гг., поэтому полученные на основе такой источниковой базы итоговые показатели населения представляются более полными и адекватно отражающими состав населения огромной вотчины.

Пустых дворов и мест дворовых у Троицкой корпорации в конце XVI в. было свыше 2 тыс., или 13,8 % (табл.22). Если в сотных второй четверти XVI в. пустые дворы и места дворовые упоминаются как редкое исключение, то в писцовых книгах 1590-1630-х гг. такие сведения по каждому уезду становятся регулярными. Наиболее высокий процент пустых дворов в конце XVI в. отмечен в монастырских вотчинах Переславского (в табл.21 уже на 1562 г. по нему показано 132 пустых двора и места дворовых) и Суздальского уездов. Возможно, это объясняется пребыванием названных уездов в опричнине, что вызвало их особенное разорение. Допустимо и другое объяснение: в Переславском и Суздальском уездах находились старинные, давно и хорошо освоенные троицкие вотчинные комплексы. Возрастающее население здесь могло испытывать недостаток земли и поэтому “отливало” в более благоприятные места (с точки зрения землеобеспеченности) в пределах обширной вотчины (как правило, на Луговую сторону Костромского, Юрьевецкого уездов и на юго-восток - Муромский, Нижегородский уезды и далее в Казанское Поволжье). На вопросах внутривотчинных миграций нам придется не раз останавливаться в других местах данной и последующих глав работы.

Относительно демографических последствий смуты для Троицкой вотчины в начале XVII в. в литературе высказано авторитетное мнение Ю.В.Готье, на которое нередко ссылаются в общих трудах. На основе сопоставления комплекса троицких писцовых 1592-1594 гг. и дозорных 1614-1616 гг. книг ученый утверждал, что у Сергиева монастыря падение населения произошло в 7 раз, а процентное соотношение крестьянских и бобыльских дворов стало 60 и 40 %. Нами были привлечены описания 1614-1623 гг. не официального, а внутривотчинного происхождения, сопоставленные с правительственными дозорами 1614-1621 гг. В результате выяснилось, что не в 7, а по крайней мере в 1,7-2 раза уменьшилась численность крестьян и бобылей Троицкого монастыря в 9 просчитанных уездах - Бежецком Верхе, Галицком, Муромском, Новоторжском, Ростовском, Пошехонском, Ярославском, Костромском, Тверском. Иными выглядят и пропорции крестьянского и бобыльского населения. Численность последнего в правительственных описаниях 1610-1620-х гг. (дозорных и писцовых книгах) обычно оказывалась завышенной. Согласно официальным дозорам 1610-х гг., в 9 названных уездах монастырь имел 63 % дворов крестьянских и 36 % бобыльских дворов (в абсолютном выражении тех и других - 1275). По нашим же подсчетам, произведенным на основании монастырских переписных 1610-1616 гг, оброчной 1617 и вытной 1623 гг. книг крестьянские дворы в вотчине занимали 96,7 %, а бобыльские - только 3,2 % (в абсолютном выражении тех и других 2940 дв.).

Стабильность населения вотчины в условиях 1590-1610-х гг. не могла быть высокой. Сравнение поименного состава крестьян-дворохозяев по писцовым 1590-х гг. и дозорным, а также монастырским переписным 1610-х гг. книгам показало, что не более 10% тех же самых крестьян-дворохозев конца XVI в. было удержано монастырем ко второму десятилетию XVII в. Остальные жители троицких сел и деревень фигурируют как “люди пришлые”, “приходцы”, “новопорядные”, “порядчики”, посаженные на монастырскую землю и польгоченные различными способами, В 1614-1615 гг. корпорация осуществляла широкомасштабные “свозы” своих крестьян из-за других землевладельцев во исполнение царских указов о 9-ти и 11 -летнем сроке сыска и возврата беглых крестьян Троицкого монастыря. В литературе свозы эти были изучены Л.В.Черепниным и А.Г.Маньковым (гл.1). Какая-то часть сельского населения, укрывшаяся в городских дворах и подворьях корпорации, также была возвращена в сельскую местность на их “тяглые жеребья”. Источники не позволяют с высокой точностью просчитать, сколько крестьян таким образом вернулось к земле, но несомненно, что наличие городского дворовладения у Сергиева монастыря послужило дополнительным фактором устойчивости его экономической системы, в какой-то мере помогло уберечь часть крестьянского населения в тяжелые времена лихолетья, а в дальнейшем способствовало реставрации социального и хозяйственного режима латифундии. Наши наблюдения полностью совпадают с мнением Е.Д.Сташевского, высказанным еще в 1913 г., о роли слободских дворов Троицы в сохранении части населения монастыря[4].

С учетом энергичных мер, предпринятых троицкими властями во второй половине 1610-х - в начале 1620-х годов по заселению своих земель новыми жильцами и возврату старых становятся понятнее приводимые ниже пропорции. Ко второй четверти XVII в. число жилых дворов в целом по латифундии хотя и сократилось на 9,6 % по сравнению с концом XVI в., а доля пустых хотя и составила 23,4 %, но количество живущих дворов все же значительно превосходило число пустых и мест дворовых - соответственно 10.190 жилых (и в них 15.760 чел., поименно названных) и свыше 3.118 пустых (табл.22). Эти пропорции не кажутся нам катастрофическими, если учесть губительные последствия смутного времени для всей страны. Они отражают, отчасти и тот потенциал населения, который был накоплен Сергиевым монастырем за предшествующий период его развития, и первые результаты стремительного заселения пустующих земель, о чем уже говорилось выше. В наличии

определенных людских ресурсов, активной социально-демографической политике властей, продолжающемся росте самих монастырских вотчин за счет нового пополнения (гл. 3) можно видеть залог скорейшего и успешного хозяйственного восстановления экономики Троицкой корпорации, вышедшей из лихолетья. В отмеченных процессах проявилась и ее жизнеспособность, устойчивость в периоды сильнейших социально-политических потрясений во всей стране.

Данные о живущих дворах во второй четверти XVII в. еще и потому выглядят сравнительно благополучными, что, помимо официальных писцовых книг 1620-х гг., нами привлекалась вотчинная вытная книга 1623 г., включающая описания трех уездов - Бежецкого, Ярославского и Пошехонского. Сведения о жилых дворах в ней в абсолютном выражении оказались значительно полнее официальных, зафиксированных у государевых писцов, поэтому при подсчетах населения по названным уездам использовалось монастырское описание. Например, по Бежецкому Верху вытная книга 1623 г. зафиксировала 572 крестьянских двора (и ни одного бобыльского), а писцовая - 412 крестьянских дворов и свыше 200 бобыльских, по Ярославскому уезду - 226 крестьянских и 7 бобыльских дворов, а в писцовой 1627/28 г. - 100 крестьянских и 80 бобыльских дворов, по Пошехонскому - 42 крестьянских двора, а в писцовой книге 1627 г. их 24. Общий “недобор” населения в трех названных уездах у государевых писцов составил 25 %, независимо от того варианта, к которому, согласно принятой в современном источниковедении классификации, относились писцовые книги 1620-х гг. (Бежецкая - к оптимальному, Пошехонская - к деформированному, Ярославская - к варианту с неразделенной пашней).

Сравнение оброчной книги 1617 г. по Костромскому и Галицкому уездам с писцовыми 1620-1630-х гг. показывает, что и в ней (в 1617 г.) крестьянских дворов отмечено больше, чем в официальных, причем позднейших описаниях. Получается, будто в ближайшие к смуте годы крестьян у Троицкого монастыря было больше, чем в конце 20-х - начале 30-х гг. XVII в., а это противоречит самой исторической логике, отмеченному выше процессу интенсивного заселения монастырской вотчины в 1617-1623 гг., имевшему продолжение и в конце 1620-ых - начале 1630-ых гг., когда обозначились явные признаки оживления хозяйственной деятельности.

В монографии Ю.В.Готье (расчеты которого использовались и Е.Д.Сташевским) соотношение крестьянских и бобыльских дворов в троицких вотчинах по писцовым книгам 1620-1640-х гг. представлено как соответственно 56,2 и 43,8 %. Выкладки Готье дают основание рассматривать бобыльство как прогрессирующее явление в вотчине Сергиева монастыря в 1610-1640-е гг., поскольку по дозорам 1614-1616 гг. доля бобыльских дворов в ней составила 40 %, а по описанию второй четверти XVII в. их стало 43 %. Наш подсчет также выявил рост бобыльства, хотя выведенные нами пропорции дворов крестьянских и бобыльских несколько иные - доля первых составляла во второй четверти XVII в. 67 % (в абс. ок. 6 тыс.), а доля вторых - 32 % (в абс. 2860). Полагаем, что на таких пропорциях сказывается характер источниковой базы - разнородность и неравноценность информации сложного комплекса писцовых описаний второй четверти XVII в. На самом же деле доля бобыльства, скорее всего, была в целом по вотчине меньше, чем приведенные 32 %. При поуездном рассмотрении, особенно на основе вотчинных описаний, она оказывается значительно ниже. Почти повсеместная черта писцовых книг того времени заключается в указании практически по всем уездам на определенное количество различных мастеровых людей, ремесленников, служебников и детенышей в рамках вотчинной ремесленной специализации и, якобы, “для монастырские пашни”. В собственных же вотчинных описаниях монастыря 1610-20-х гг. названные лица фигурируют не как мастера, служебники и детеныши, а как обычные тяглые крестьяне, дворы которых положены в вытный оклад. Таким образом происходил существенный недобор тяглого населения в

официальных книгах. То же самое относится и к бобылям - значительная их часть на самом деле, судя по оброчной 1617 и вытной 1623 гг. книгам, являлась тяглыми крестьянами.

Конкретные сопоставления относительно численности детенышей и бобылей в писцовых и вотчинных книгах 1620-х гг. будут еще нами продолжены в гл.6 о феодальной ренте. Здесь же сошлемся на опубликованные нами результаты сравнений по Ростовскому, Ярославскому, Переславскому, Угличскому уездам. Например, в Переславских писцовых книгах 1627-1628 гг. в ряде троицких сел, по которым отыскивается сопоставимый материал в переписных книгах 1610-х гг., ок.20 % дворов указаны как населенные детенышами "для монастырские пашни", тогда как в переписных книгах 1610-х гг. **эти же самые люди** отнесены к тяглым крестьянам, а группы детенышей не указано вовсе. 26,2 % дворов в Переславских писцовых книгах определены как бобыльские, а в переписных книгах 1610-х гг. по тем же самым селам доля бобылей составляла лишь 6,7 %. Отсюда и более высокая доля крестьян, выводимая по монастырским описаниям - крестьянских дворов было не 54 %, как зафиксировано в Переславских писцовых книгах *1627-1628* гг. ("оптимально варианта"), а 93 %, как указывают переписные книги 1610-х гг. тех же самых сел. Недостоверными оказываются сведения и Ростовской писцовой книги 1629/31 г. ("деформированного варианта") относительно дворов мастеровых людей (21 дв.) и детенышей (22 дв.). Первые, якобы, получали "монастырский отсыпной хлеб", а труд вторых использовался на монастырской пашне. В Ростовском разделе оброчной книги 1617 г. при описании тех же самых сел и деревень мастеровые люди не указаны вовсе, что обязательно было бы зафиксировано именно в таком документе, если бы в действительности такая категория лиц проживала и платила бы духовному феодалу денежный оброк. Явно фиктивные сведения о дворах мастеров и ремесленников в официальной Ростовской книге 1629/31 г. фактически уменьшали для монастыря бремя государственного тягла, поскольку в соответствии с указом 1 апреля 1631 г. дворы монастырских ремесленников (как и бобылей) должны были облагаться вдвое легче, чем крестьянские. Категории же детенышей в Ростовском уезде корпорация вовсе не имела, как и в Переславском, и указанное писцами количество детенышевых дворов в официальном описании 1629/31 г. фактически означало для монастыря только выведение части своих тяглых и полнонадельных крестьян за пределы государственного обложения. По Угличскому уезду сведения о количестве и составе населения Троицкой вотчины в Угличской писцовой книге 1627/28 г. были сопоставлены с перечневой монастырской выписью 1610-х гг., в которой имеется Угличский раздел. Роспись эта зафиксировала большее количество крестьянских дворов - 154, чем писцовая книга (их в ней 111, то есть недобор тяглого населения у официальных писцов составил по крайней мере 28 %) и совсем не упоминает ни о бобылях, ни о детенышах. В писцовой же книге фигурирует 145 бобыльских дворов и 55 дворов детенышей "для монастырские пашни".

Своего рода итог демографического развития Троицкой вотчины за изучаемое время подводит обширный комплекс переписных книг 1677-1678 гг., охвативших монастырские вотчины в 42 уездах (табл.26). Прежде всего следует отметить вполне благополучную картину в соотношении живущих и пустых дворов. Доля живущих дворов (господских, крестьянских, бобыльских, вдовьих,, мастеровых людей, детенышей, воловиков и пр.) составила 9,9 %, а доля пустых дворов - 2,2 % (табл.22). Наличие пустых дворов можно объяснить неизжитыми еще к 1678 г. последствиями моровой язвы 1654-1655 гг., затронувшей некоторые троицкие села и деревни в Московском, Переславском, Костромском, Галицком, Юрьевском, Суздальском, Нижегородском уездах. При поуездном рассмотрении распределения пустых дворов обращает на себя внимание их количество в Нижегородском уезде (23,1 %), но здесь, полагаем, дело было не в эпидемии, а в оттоке населения (в результате внутривотчинных переходов крестьян и переводов их самим феодалом) на троицкие же земли в Арзамасском и Алатырском уездах.

Проанализируем теперь численный состав живущих дворов обширной вотчины по переписным книгам 1678 г. В это время Сергиев монастырь с дочерними филиалами имел 21.014 живущих дворов и 73.661 чел. м.п. поименно названного в них. По-прежнему большинство (75,5 % дворов) населения вотчины составляли тяглые полнонадельные крестьяне (в абс.15.874 дв. и 63.046 чел.). Следующей по численности населения группой (12,4 %) было бобыльство (в абс. 2625 бобыльских дворов и 6914 чел.). Остальные примерно 12 % дворов приходились на долю господских, служних, служебниковых, детенышевых, мастеровых и ремесленных людей (в абс. 2515 дв.).

Приведенная нами выше цифра общего количества дворов в Троицкой вотчине на 1678 г. - 21.014 - существенно отличается от данных А.А.Новосельского - 16813 дворов, а с учетом приписных филиалов - 18,6 тыс. дворов. Я.Е.Водарский приводит более близкую к нашей итоговую цифру - 18,5 тыс. дворов было у самого Троицкого монастыря и 1796 дв. - у приписных к нему филиалов, всего получается 20.296 дв.[7] Расхождение наших цифр, с одной стороны, и цифр А.А.Новосельского, возможно, объясняется тем, что названный автор использовал различные итоговые ведомости Поместного приказа по переписи 1678 г., мы же обратились непосредственно к текстам переписных книг троицких вотчин 1677-1678 гг., довольно полно отложившихся в монастырском архиве. Это позволило получить более исчерпывающие сведения, суммируемые по отдельным вотчинным комплексам, затем - в рамках уездов и, наконец, в пределах всей обширной латифундии. Близкий к подсчетам нашим и Я.Е.Водарского сообщает итог по Троицкой корпорации И.А.Булыгин, - 20.131 дв, что составляло 13,6 % всего населения в вотчинах духовенства в России по переписи 1678 г.[8]

Привлечение самих переписных книг восполнило и некоторые пробелы в сведениях о населении у приписных монастырей Троицкой корпорации в 1678 г., отмеченные в Приложении П к очень содержательной, масштабной статье Я.Е.Водарского о церковных организациях и их крепостных крестьянах в конце XVII в. В итоговых документах переписи 1678 г. эти “промежуточные” сведения могли оказаться пропущенными (например, количество дворов у зависимых монастырей: Николо-Чухченемского - 29, Тверского Тутанского -77, Суздальского Хотимского - 57 дв. По некоторым другим приписным монастырям (скажем, Троице-Свияжскому) у Я.Е.Водарского на основе справочника В.В.Зверинского приводятся заниженные сведения о количестве дворов в 1678 г., чем сообщают сами переписные книги - 356, тогда как непосредственный подсчет по тексту дает 567 дворов[9].

На основе “Сказок духовенства” 1699-1700 гг. Я.Е.Водарский указывает количество населения у Троицкого монастыря на самый конец XVII в.- 20,333 дв. Сравнение отдельных показателей в этих (тоже итоговых) документах с непосредственными данными о населении в вытных оброчных и переписных книгах по Троице-Алатырскому и Троице-Свияжскому монастырям 1696 г. свидетельствует об определенной неполноте первых. Так, по Троице-Алатырскому монастырю в “Сказках” отмечено на 1700 г. 502 двора, а переписная вытная книга по нему же в 1696 г. зафиксировала их 870! Менее разительно расхождение по Троице-Свияжскому монастырю - по “Сказкам” числилось 536 дворов, а по переписной вытной книге 1696 г. - 558. Признавая исключительную ценность “Сказок духовенства”, восполняющих в ряде случае утраченные или дефектные переписные книги 1678 г., сам Я.В.Водарский в то же время отмечает и определенную условность результатов их изучения[10].

В этой условности можно убедиться при сравнении итоговых данных “сказок” и непосредственно переписными книгами 1678 г. по некоторым уездам, где располагались собственно троицкие вотчины. Например, в Ростовском уезде, согласно “Сказкам”, Сергиев монастырь имел 684 двора, а наш подсчет непосредственно по Ростовской переписной книге 1678 г. дает 1135 дворов. В Суздальском уезде у Сергиева монастыря, согласно “Сказкам”, было 1879 дв., обращение же к переписным книгам 1678 г. показывает 1974 дв.

Мы не располагаем источниками о населении всей Троицкой вотчины после 1678 г. Сохранившиеся переписные вытные и оброчные книги 1692-1696 гг. позволяют проследить изменение численности населения за 1678-1696 гг. лишь в трех уездах - Суздальском, Алатырском, Свияжском. Сравнение показало его уменьшение в Суздальском уезде на 67 %, в Свияжском - на 6 % и значительный рост - на 40 % - в Алатырском уезде (табл. 18,30). Ниже в данной главе мы конкретно покажем перераспределение населения внутри обширной вотчины в 70-90-е гг. XVII в. в ходе внутривотчинных миграций.

Судя по приходо-расходной книге 1703 г. (в сущности, это оброчная книга), которая буквально пестрит упоминаниями о “новоселидебных, новопоставленных деревнях и дворах”, “новопорядных крестьянах” 11, приток нового населения в вотчину и ее демографический рост за счет собственных ресурсов продолжались и в 1678-1700 гг. Возможно, в 1700-1701 гг. численность населения Троицкой духовной корпорации была выше, чем приводимая И.А.Булыгиным цифра на 1701 г.- 21,5 тыс. дворов. Но конкретных данных у нас нет, поскольку переписные книги 1701 г. по троицким вотчинам (в отличие от других монастырей) население не фиксировали. По подсчетам И.А.Булыгина, общий прирост населения монастырских вотчин в России за 1678-1701/05 гг. составил 36 % (примерно по 1,4 % в год). Более локальные данные находим в работе Ю.Н.Иванова, установившего прирост населения в вотчинах Казанского митрополита в 1678-1686 гг. на 35,7 % [12]. Эти наблюдения следует учитывать относительно возможного и у Троицкой духовной корпорации роста зависимого населения в течение двух последних десятилетий XVII в., тем более что в 1699-1700 гг. к нему были приписаны три новых монастыря (Николо-Песношский, Троице-Белопесоцкий и Троице-Астраханский).

Пространственное размещение населения огромной Троицкой вотчины по писцовым и переписным книгам 1590-1670-х гг. отражено в табл.26 и иллюстрирующей ее карте-схеме П. На последней сведения об общем количестве дворов (господских, служних, крестьянских и бобыльских) приведены по переписным книгам 1678 г. в виде условных диаграммных фигур. Считаем важным тот факт, что на протяжении всего изучаемого периода подавляющая масса населения монастыря была сосредоточена в группе центральных уездов - в конце XVI в. 90 % жилых селений и 85 % дворов, в 1620-40-е гг.- 81 % селений и 87 % дворов, в 1678 г. - 84 % селений и 80 % дворов. Средняя “дворность” селений в отдельных уездах центра отличалась большим разнообразием, что отражено в табл.24. Средний размер деревень в 1590-1620- е гг. был 6,0-6,6 дв., а в 1678 г. - 12, 8 дв. На протяжении изучаемого периода именно в центральных уездах происходил наиболее интенсивный рост населения вотчины - с 1594 по 1678 г. оно увеличилось на 28 %.

В конце XVI в. следующим регионом после центра, где размещалось зависимое население корпорации, были южные и юго-западные уезды -4,5 % жилых селений и 8,5 % дворов. Средний размер селений на юго-западе в конце XVI в. был сравнительно крупным, составляя 10,9 дворов. Сильное разорение времени “смуты” уменьшило значение этой группы уездов - по описаниям 1620-30-х гг. в них располагался всего 1,3 % дворов вотчины, а к концу XVII в. - 3,7 %. Средние размеры селений сильно уменьшились, составив 3,2 дв. и лишь к 1678 г. превзошли уровень конца XVI в. - 12,2 дв. (табл.24). Юго-западные уезды оказались единственным районом, в котором в течение 1594-1678 гг. произошло не расширение, а сокращение - на 27 % - численности зависимого от монастыря населения. Последствия смуты и Смоленской войны 1632-1634 гг., набеги крымских татар, общая распахнутость границ России в этом районе сделали его самым неблагоприятным с точки зрения демографического развития. Численность населения, зафиксированная в троицких писцовых книгах 1594 г. - 941 дв. - на сопоставимой территории к концу XVII в. так и не была восстановлена. По переписным книгам 1678 г. на ней проживало лишь 72, 4 % монастыря к уровню конца XVII в.

С конца XVI в. и в течение первой половины XVII в. увеличивается значение поволжских уездов в распределении тяглых дворов вотчины. В 1594 г. здесь было 3,6 % жилых селений и 3,5 % дворов, а к середине XVII в. -7 % жилых селений и 17,5 % дворов (речь идет о сопоставимой территории Свияжского, Казанского, Балахнинского, Нижегородского уездов в хронологических рамках 1594-1678 гг.). Всего же за 1594-1678 гг. население троицких вотчин в Поволжье (то есть в основном во владениях приписных монастырей) возросло на 22 %. Здесь наиболее устойчивым и впечатляющим было и увеличение размеров самих селений. Темпы роста их размеров были самыми высокими по всей вотчине: в конце XVI в. по 7,2 дв., во второй четверти XVII в. - по 19,1 дв., в 1678 г. -по 24,1 дв. (табл.24).

Самыми низкими численность и плотность населения троицких владений были в северных уездах. В конце XVI - XVII в. здесь располагалось 2% жилых селений и 1,6% дворов крестьян и бобылей. Рост дворности северных деревень в изучаемое время был неустойчивым (в конце XVII в. по 4,9 дв., в 1620-е гг. - по 3,5 дв., в 1678 г. - по 5,2 дв., хотя в некоторых монастырских вотчинах на севере в 1660-1670-е гг. (например, в Деревской пятине) они включали по 10-15 дворов (табл.24). Общий прирост дворов Сергиева монастыря в его северных владениях за 1594-1678 гг. составил 8 %. Особенностью северного региона был и сравнительно высокий процент бобыльства: 25 % дворов в конце XVI в. и 20 % - в конце XVII в. Это соответствует среднему показателю, выведенному Я.Е.Водарским для владений духовенства в России на конец XVII в. - 20 %. Прав исследователь и в отмечаемой им амплитуде колебаний удельного веса бобыльства по переписным книгам 1678 г. в разных районах (от 19 до 29 %). Регионом наибольшей “бобылизации” в рамках троицкой вотчины были монастырские владения в юго-западных уездах. Высокая доля бобыльства здесь по переписным книгам 1678 г. - 31 % - может свидетельствовать о разоренности, бедности, слабой платежеспособности части сельского населения. В центральных и поволжских уездах доля бобыльских дворов от 31-35 % во второй четверти XVII в.(процентное преобразование цифр писцовых книг как таковых) снизилась к концу XVII в. до 12,4 - 12,9 %. Снижение это отразило и преодоление разорения частью крестьянства, и усиление его денежно-оброчной, торгово-ремесленной специализации, углубление общественного разделения труда в рамках обширной вотчины, ставшие регулярными связи сельских жителей с городом, рынком и пр. При сопоставлении пропорций крестьянского и бобыльского населения на конец XVI и конец XVII в. считаем принципиальной тенденцию к уменьшению процентной доли крестьянства (от 87 % до 75,5 %) и увеличению доли бобыльства (от 9,4 % до 12,4 %) при абсолютном росте численности обеих основных групп сельского населения. Таким образом, за 1594-1678 гг. доля крестьянских дворов у Сергиева монастыря уменьшилась на 11,5 %, доля бобыльских возросла на 3 %. Для сравнение сошлемся на исследование Ю.Н.Иванова, также установившего падение численности крестьянского и увеличение бобыльского населения в изученных им вотчинах Казанского митрополита по переписным книгам 1646 и 1676 гг. (конкретных процентных соотношений автор не приводит - см. прим. 12).

Весьма показательно также и уменьшение общего числа господских дворов. Максимальное их количество в конце XVI в. (446) к середине XVII в. сокращается до 170, а к 1678 г. - до 60, то есть всего на 87 %. Наибольшей концентрацией монастырских дворов на протяжении всего изучаемого периода отличались селения центральных уездов. Отмеченное сокращение отразило важные изменения, связанные со свертыванием масштабов самого вотчинного хозяйства и уменьшением административно-хозяйственного аппарата на местах, усилением денежно-оброчных форм и методов эксплуатации. Сюжеты эти будут развиты в гл.5 о землеустройстве, гл.6 о феодальной ренте и гл.7 о сеньориально-крестьянских отношениях в Троицкой вотчине.

Характер фиксации “людей во дворах” в писцовых книгах и во внутривотчинных описаниях конца XVI - первой четверти XVII в. был таков, что сведения о численном составе самих дворов получаются минимальные. В источниках обычно сообщается только об одном человеке в крестьянском или бобыльском дворе (скорее всего, это хозяин-дворовладелец, глава семьи), реже - об 1-2-х у него сыновьях или братьях (в литературе они трактуются как взрослые женатые мужчины). Отсюда фактически одинаковые показатели “людности” и крестьянских, и бобыльских дворов по всем уездам в 1590-1630-е гг.- 1,0 - 1,5 чел. (табл.26).Авторы коллективного труда “Аграрная история Северо-Запада России” определяют для конца XV - XVI в. среднюю численность двора с 1 семьей в 5 чел., с 2 семьями - в 7,5 чел., с 3 семьями - в 10 чел. Установленная нами средняя численность крестьянской семьи на изучаемых монастырских землях оказалась немного ниже - 4,3 чел. об. П. (по отдаточной книге Троицкого монастыря 1649/50 г., опубликованной С.М.Каштановым и относящейся к Костромскому и Галицкому уезду).

Более полную фиксацию мужского населения дворов дают переписные книги 1678 г. Их обработка позволила привести разнообразные сведения о “людности” крестьянских и бобыльских дворов по уездам, систематизированные в табл.26. С учетом населенности дворов по каждому уезду нами были выведены общие данные о числе “людей” (прежде всего в крестьянских и бобыльских дворах), указанные выше. О важности определения численности населения не по итогам дворов в переписных книгах, а с учетом именно средней их населенности, локальных (поуездных) особенностей пишет ведущий современный специалист по исторической демографии России Я.Е.Водарский[13]. Несколько неожиданными оказались высокие данные по вотчине в юго-западной группе уездов, наиболее разоренных в смуту. Здесь населенность крестьянского двора составляла 4,3 - 5,5 чел., а бобыльского - 2,1 - 3,3 чел. Самый высокий показатель видим по Серпейскому уезду, в котором троицкие вотчины интенсивно заселялись и повторно осваивались после окончания Смоленской войны 1632-1634 гг. (об этом подробнее ниже) - 5,5 чел на крестьянский двор (табл.26).

В группе центральных и поволжских уездов видим примерно одинаковые параметры средней населенности дворов: по 2,6 - 4,6 чел. на крестьянский и по 2,3 - 2,6 чел. на бобыльский двор. Для сравнения вновь сошлемся на приводимые Ю.Н.Ивановым данные по вотчинам Казанского митрополита - в них населенность крестьянского двора была выше -4,9 чел. (а во владениях приписных к митрополичьей кафедре монастырей и того выше - 9, 6 чел.), бобыльского - 3,3 чел. Полученные нами средние данные о населенности крестьянских и бобыльских дворов в целом согласуются с приводимыми Я.Е.Водарским цифрами для имений духовенства в конце XVII в. - примерно по 3,7 чел. на крестьянский двор (исследователь допускает округление до 4 чел.) и 2,7 чел. на бобыльский двор. Н.М.Шепукова дает среднюю населенность крестьянского двора во владениях духовных феодалов 3,43 чел[13a]. Самые зенитные цифры для Троицкого монастыря по центру находим в верхневолжских Угличском и Ярославском уездах, в которых средняя населенность крестьянского двора составляла 4,3 - 4,6 чел. Произведенные на основании опубликованной С.М.Каштановым отдаточной книги Троицкого монастыря 1649/50 г. (Костромской и Галицкий уезды) подсчеты показали, что примерно столько же составляла и средняя численность крестьянской семьи - 4,3 чел. об.п.

В группе средневолжских уездов по населенности крестьянских дворов лидировал Свияжский уезд - 3,8 чел., а в алатырских селениях более плотно оказались населенными бобыльские дворы - по 4,8 чел. (табл.26). Слабее всего населены были дворы в троицких вотчинах северных уездов 6 по 3,5 - 3,9 чел. на крестьянский и по 1,9 - 2,3 чел. на бобыльский двор. Здесь данные о населенности бобыльских дворов уступают средним общероссийским, выведенным Я.Е.Водарским для имений духовенства на 1678 г. - по 2,7 чел.

В графе 10-й табл.26 нами отражены сведения и о нетяглых дворах, приводимые в переписных книгах 1678 г. Это дворы мастеровых людей, воловиков, детенышей, вдов, а также данные о захребетниках и кельях нищих старцев или стариц. Особенным обилием названных категорий населения отличалась по понятным причинам. Подмонастырная округа - в 1678 г. здесь было зафиксировано 546 одних только ремесленных дворов, а в них 1447 мастеровых людей. Кроме того, во дворах у крестьян, бобылей, ремесленников, слуг Подмонастырья переписная книга 1678 г. перечисляет 318 захребетников. Служебный аппарат также был сконцентрирован в Подмонастырье - в 1620-е гг. 543 двора, в 1678 г. -367 дв. (см. табл.26 и ниже по тексту в данной главе). Отсюда довольно высокий удельный вес отмеченной категории населения - 12 %, что на 8,5 % превосходило его численность в конце XVII в. В остальных же районах на протяжении 1590-1670-х гг. наблюдается сокращение поселкового штата управления, числа служних и господских дворов.

4.2.Общая структура сельского расселения (региональные очерки).

Выше была дана лишь суммарная характеристика динамики жилых и пустых селений и дворов в вотчине Троице-Сергиева монастыря. Компонентами же, из которых складывались “живые микроорганизмы” огромной вотчины, являлись многочисленные села, сельца, приселки, деревни, слободки, погосты, сельские монастырьки. Их количественное распределение по видам и периодам и общая динамика в конце XVI - XVII в. представлены в табл.23, а на уровне уездов - в табл.25. В разных видовых и количественных сочетаниях эти большие и малые, живущие и пустые поселения образовывали то, что в литературе применительно к крупным корпоративным земельным собственникам принято называть “вотчинными комплексами”, Таковых у Троицкого монастыря к концу XVI в. насчитывалось около трехсот, а перечень их с хозяйственными показателями (пашня, перелог, население) дан в итоговой, 10-й, таблице нашей монографии. В большинстве случаев вотчинный комплекс представлял собой село (или сельцо, приселок) с тянувшей к нему по управлению, другими сторонами жизни (общинной, церковно-приходской) округой в виде деревень, починков, пустошей. Систематизация сведений об их количестве по писцовым и переписным материалам конца XVI - XVII в. представлена в табл.23. В состав комплексов могли входить также и торгово-ремесленные, непашенные слободки, и старинные погосты, и маленькие сельские монастырьки. Известны и такие случаи, когда погост или слободка сами являлись центрами определенной сельской округи. Главное заключалось в том, что всегда “микротерритория” вотчины имела тот или иной стягивающий центр, полифункциональный по своему значению - для сеньориального управления, волостной, церковно-приходской жизни, дальнейшего земледельческого, промыслового освоения и т.д. Именно различия в степени и перспективах такого освоения, а также роль и место конкретного вотчинного комплекса, группы деревень в общемонастырской хозяйственной, торгово-промысловой, ремесленной специализации, особенности природных условий и каких-нибудь еще местных традиций на данной микротерритории во многом обусловили большое разнообразие реальной картины сельского расселения на пространстве огромной по своему размаху вотчину, даже если брать одни только центральные уезды. Если же учитывать еще и обширные регионы севера и северо-запада и тем более динамично развивавшееся в XVII в. Нижегородское и Казанское Поволжье, то обусловленность множества конкретных вариантов расселения станет понятнее.

Оптимальным способом изложения фактического материала о сельском расселении и населении было бы полное отсутствие повторов материала предыдущей главы. Однако тематически гл.3 и данная глава весьма близки, поэтому кое-какое возвращение к уже упомянутым фактам станет необходимым.

Начать же логичнее всего с самого Троице-Сергиева монастыря как определенного вида поселения. В полном объеме в рамках данной работы с ее тематикой вряд ли возможно исчерпывающее выяснение всей системы монастырских культовых и хозяйственных построек, зданий административно-политического назначения. Как природно-исторический ландшафт древнего Радонежа воздействовал на формирующийся монастырь и как, в свою очередь, его социо-культурная и хозяйственная деятельность влияла на развитие природно-исторического ландшафта? Многое для такого понимания дают специальные работы археологов, историков архитектуры, культурологов и тех, кто изучает историю города Сергиев Посад Московской области 14.

Вряд ли здесь возможно всесторонне развивать взгляд на Троице-Сергиев монастырь с его обширной сетью приписных филиалов и как на объект социально-демографического исследования. Выявление "персонального состава" его монашества и изменение во времени этого крупного людского сообщества (социальная структура, соотношение различных групп в нем, в том числе и представителей крестьянства, условия поступления и пребывания и пр.) требуют специального рассмотрения. В работах С.В.Николаевой (гл.1) и некоторых наших статьях была только еще начата эта работа, поэтому приведем здесь результаты предварительных подсчетов, дающих примерное представление о масштабе троицкой монашеской общины. На протяжении XIV-XVII вв. происходило ее непрерывное увеличение: для XIV в. устанавливаеся минимум 21 конкретно названный чел., для XV в. -202, для XVI в. - 430, для XVII в. - 757 [15]. Естественно, были нужны, выражаясь канцелярски, многочисленные и разнообразные помещения для жизнедеятельности такой "массы людей".

Расположенный на некотором возвышении (на древней горе Маковец), Сергиев монастырь, безусловно, являлся архитектурной доминантой над всем окружающим пространством. Это подчеркивалось и наличием у него под горой, а "Подоле" ближайшего зависимого монастырька - Пятницкого-Введенского. По такому же образцу, в сущности, формировался и Кирилло-Белозерский ансамбль, поскольку большой Успенский монастырь возвышался над малым, Ивановским 16.

"Отталкиваясь" от самого монастыря как исходного пункта рассмотрения системы расселения в его вотчине, далее обратимся к анализу Околомонастырской округи, которая и введет нас в рамки собственно сельского расселения. Располагалась она преимущественно к востоку от самой обители, в московских волостях Радонеж, Воря и Корзенев. Уже по писцовым книгам начала XVI в. здесь ок.80 % всех крестьянских дворов было сосредоточено в крупных селах (Зубачеве, Морозове, Благовещенском и др.), насчитывавших по 29-53 крестьян-хозяев. Особой сконцентрированностью населения отличалось подмонастырное село Клементьево, расположенное всего в 1 версте к югу от Троицы и имевшее в начале XVI в. 128 дворов, а в его конце - 267. Эволюцию этого села в литературе принято связывать прежде всего с углублением торгово-ремесленной специализации его обитателей. И действительно, в конце XVI в. бобыльское и чисто оброчное население Клементьева вдвое, если не больше, превосходило собственно крестьянское. В первой четверти XVII в., несмотря на сильное разорение окрестностей Троицы в "смуту", интенсивно формируются 8 торгово-ремесленных слобод, своеобразных "спутников", окружающих село Клементьево.

В писцовой книге начала 1620-х гг. отчетливо выражена "материнская" подоснова образования слобод: "...да в том же Клементьевском селе монастырские тяглые слободы, а живут в них всякие мастеровые люди...на монастырь делают всякое изделье". Писцовая книга 1620-х гг. употребляет катойконимы, указывающие на происхождение данного мастерового человека из села - "Клементьевский". Фигурирует и множество других сел обширной Троицкой вотчины, выходцами из которых укомплектовывались Клементьевские " слободы-спутники" - дмитровские села Желтиково, Бебяково, Синково и Бужениново, переславские

села Площево, Мячково, Шарапове, Сватково и Дерюзино, села Тверского, Новоторжского, Бежецкого уездов, Деревской пятины и т.д. Складывается впечатление, что монастырь словно выискивал мастеровых и ремесленных людей в своих владениях (особенно в крупных селах торгово-ремесленного профиля, вроде новоторжского села Медны) и сселял их в Клементьевские слободы как свой торгово-ремесленный посад.

Слободы назывались: Служняя, Кокуева, Пушкарская, Тележная, Иконная, Поваренная, Стрелецкая, Конюшенная. Из приведенных названий следует, что, кроме торгово-ремесленной специализации, важным фактором образования слобод было отмеченное выше размещение в них обширного административно-служебного, аппарата огромного монастыря (правда, часть слуг проживала и непосредственно на его территории, об этом говорится в Троицкой Описи 1641 г.). Имели значение в формировании подмонастырного населения и собственные военные силы (стрельцы, пушкари), особенно после того, как Троицкий монастырь натерпелся от неприятелей в 1608-1610 и 1618 гг.

Конкретный состав населения и его динамику в селе и слободах красноречиво показывают сохранившиеся описания 1620-40х, и 1670-80-х гг. Сообщаемые ими профессиональные названия слобод не противоречили факту проживания в них и представителей иных ремесленных специальностей. Например, в Иконной слободе, помимо собственно иконников, селились серебряники, сусальники, книгописцы. В Тележной слободе, кроме тележников, были известны также колесенники, “служебники нижегородской службы”. В Пушкарской слободе, наряду с пушкарями, жили бочары, лошкари, слуги *17*.

В 1640-1680-е гг. большинство населения Околомонастырья (558 дв., или 82,5 %) было сосредоточено в слободах, а не в с.Клементьеве. В последнем Троицкой описью 1641 г. отмечено 118 дв., или 17,4 %. Значительные демографические потери понесла Околомонастырская округа вследствие моровой язвы 1654 г. Согласно донесению Б.Хитрово царю Алексею Михайловичу, только за ноябрь-декабрь 1654 г. в самом монастыре умерло 60 старцев с язвами и без язв, а в с.Клементьеве и слободах - 1212 чел “мужеска и женска полу” [18].

В конце XVII в. население села Клементьева возросло до 271 дв. (из них 77 %, или в абс. выражении 209 дв.бобыльских и 23 %, или 62 дв. крестьянских), но в количественном отношении над ним по-прежнему преобладало население слобод (958 дв., или 77,9 %, а проживало в этих дворах 2902 чел.). Средняя населенность торгово-ремесленного двора в Околомонастырных слободах составляла таким образом 3 чел. Полагаем, что демографические показатели округи к концу XVII в. могли быть больше, если бы не эпидемия 1654-1655 гг.

Значительно плотнее были населены дворы троицких слуг, сыновья которых, как правило, служили в троицких подьячих. В писцовой книге 1684/85 г. слуги были разделены на три статьи, и подробно описан мужской состав населения их дворов. Помимо самих слуг с сыновьями, описание фиксировало их крестьян, дворовых людей и захребетников. С учетом всех жильцов м.п. средняя населенность двора слуг 1-ой статьи составляла 17,9 чел. (это были прямо целые усадьбы высшей верхушки служебного аппарата!), 2-ой статьи - 7,3 чел., 3-ей статьи - 3,8 чел. 19. Крестьяне в служних дворах указаны в описании 1680-х гг. с катойконимами типа “уроженец Копринский”, “Присецкий”, “Бужениновский”, “Кувакинский” и мн.др. Это говорит о том, что корпорация обеспечивала слуг рабочим населением, переводя некоторых крестьян из различных монастырских сел, уроженцами которых они были, в служние дворы Околомонастырья. Переводились и крестьяне приписных монастырей - Успенского Стромынского, Киржачского Благовещенского. Наряду с троицкими, в этих дворах указываются иногда и крестьяне других монастырей - Московского Ново-Спасского, Костромского Спасо-Геннадьева, Владимирского Рождественского, а также пленные поляки.

Усиленная концентрация населения в слободах привела к формированию здесь двух приходов - церкви Рождества Христова и церкви Иоанна Богослова. Дальнейшее развитие слобод во второй половине XVII - первой половине XVIII в. становится фактором урбанизации в этом крае, приведшем к образованию в конце ХУШ в. города Сергиев Посад[20].

Отмеченная система расселения (сам монастырь как место проживания + подмонастырное село и слободы) с теми или. иными модификациями будет нами отмечена и применительно к многочисленным приписным филиалам Троицы, перечисленным в гл.2. Там также можно наблюдать комплекс монастырских хозяйственных и жилых построек, обозначавших центр вотчинного управления и место обитания здешней монашеской общины, подмонастырскую слободку (пусть у "большой Троицы "их было 8, разница здесь не в сути, а в масштабе явления) и тянущую к дочерней обители различную по величине земледельческую округу (порой из 2-3 деревень). Здесь же напомним наблюдение из 2-й главы о том, что к концу XVII в. некоторые приписные обители, утратив жизнеспособность, превратились в села и таким образом их развитие может рассматриваться как один из факторов селообразования на огромном пространстве Троицкой вотчины.

Снова возвращаясь к собственно Троицкой округе, отметим, что на ее "периферии", в волостях Воря (по одноименной реке) и Корзенев, мы не видим столь сильной сконцентрированности населения, как в с.Клементьеве и слободах. Здесь в течение XVI в. еще шло первичное земледельческое освоение, было много одно-двухдворных починков и лишь 40 % всех дворов размещались в крупных селах (Боркове, Путилове/Михайловском, Муромцеве и др.). Не случайно, может быть, именно к району р. Вори относится уникальный для Троицкого архива документ - льготная грамота келаря Васьяна крестьянину С.Лукину на поселение с сыновьями на этой реке 1499 г. 21. Более слабая заселенность волостей Воря и Корзенев сохранялась и в конце XVI в. - во всех их 30 селах и деревнях дворов было меньше, чем в одном только с. Клементьеве. Можно предположить, что крупнейшее село Околомонастырья "отсасывало" какую-то часть населения этого района, являясь при этом основой для формирования торгово-ремесленных слобод, в процессе которого само теряло население в пользу последних. Наконец, некоторая часть жителей села и слобод переходила на положение троицких слуг, служек, служебников, а то и оказывалась в самом монастыре в составе его братии.

Еще один недалеко от монастыря расположенный район его владений - старинная переславская волость Кинела - был местом сравнительно высокой концентрации населения. Здесь сотные 1562 г. отметили 51,8 % дворов в крупных селах (Шарапове, Вяхорево, Воронине), насчитывавших по 30-53 дворов. В табл.21 отмечено, что всего в Переславском уезде к 1562 г. Троицкий монастырь имел 1323 двора, да у приписного Киржачского Благовещенского их было 594. Столь густо не была населена ни одна другая поуздная вотчина корпорации. Правда, у Киржачского монастыря лишь 36 % дворов было сосредоточено в крупных селах (Селиванова Гора, Желдыбино, Тутолмина Слободка), поскольку шел интенсивный процесс первичного земледельческого освоения левобережья Клязьмы, рек Малого и Большого Киржача и их более мелких притоков. Текст сотной 1562 г. по Киржачскому монастырю показывает, что одним из путей образования новых дворов было разделение братских семей: "во дворе Сувор Федин, во дворе Тимоня, брат его", "во двор Левонка Сенин, во дворе Нечайко, брат его" - и т.д., всего ок.5 % дворов Киржачской вотчины в 1562 г. были образованы в результате такого разделения[22]. На территории черного Ортемьевского стана, включенного в состав Киржачской вотчины в 1540-е гг., и вовсе преобладали малодворные деревни, бывшие в недавнее время "починками пашенными и новыми починками", и лишь 7 % дворов находились в сельце Ортемьевском и сельце Орлове[23].

Расположенные к северу от Троицы дмитровские села и сельца монастыря при явном их обилии отличались сравнительно небольшими размерами (по 19-22 дв.), и в них было размещено около трети крестьянских дворов (32,9 %). Все же остальные дворы находились в пределах сельских округ сел и селец, то есть в деревнях, число которых в 1620-1670-е годы даже не изменилось (табл.25).

Самой высокой сосредоточенностью населения в рамках Троицкой вотчины отличались уезды древнейшей земледельческой культуры Северо-Восточной Руси - Суздальский и Юрьевский. В крупных монастырских селах Опольского стана Суздальского уезда и Залоцкого стана Юрьевского уезда (Шухобалово, Богданское, Тума, Микульское, Кинобал, Леднево, Маслово и др.) находилось 83-95 % крестьянских дворов. Распаханность и заселенность этого края были столь велики, что для починков и деревень почти не оставалось места: на три-четыре села приходилась одна-две деревни. Размеры иных из перечисленных сел доходили в конце XVI в. до 95 дворов, а починков и пустошей в Суздальском и Юрьевском уездах Троицкий монастырь не имел ни в XVI, ни в XVII в. Средний показатель размеров суздальских сел в конце XVI в. - по 24-59 дворов – является самым высоким для троицких вотчин центральных уездов. Стоит ли говорить о том, что таким мощным “бастионам” крупной феодальной вотчины по плечу были все испытания опричнины, хозяйственного кризиса 1560-1580-х гг., а затем и смутного времени.

Смежно с Суздальским уездом и к востоку от него находился Стародуб Ряполовский, где существовала другая система сельского расселения. В селах находилось не более 19-27 % дворов зависимого от Сергиева монастыря населения данного уезда, сами села были как бы в “окружении “ деревень, а починки продолжали возникать и в XVII в. [24] Лишь стародубское село Алексино - центр троицких вотчин в крае - отличалось в конце XVI в. крупными размерами - 57 дворов. Его организующее окружающее пространство значение было унаследовано еще со времен существования древнего Алексинского стана Стародубского удельного княжества XIV-XV вв.

Сравнительно окраинный Муромский уезд показывает нам систему расселения, близкую к отмеченной нами для Околомонастырья, Переславской волости Кинелы, Суздальского и Юрьевского уездов. Муромские села монастыря по описанию 1590-х гг. отличались довольно крупными размерами - по 52-72 крестьянских двора (Дубровы, Чегодаево, Саванчаково), и в них было собрано 64,3 % сельского населения корпорации в данном уезде.

Система сельского расселения Троицкого монастыря в уездах Верхневолжья (Угличском, Ярославском, Костромском) отличалась в зависимости от расположения на правом или левом берегу великой русской реки. Например, если в первой половине XVI в. и право-, и левобережная половины Угличского уезда были районом интенсивной починковой колонизации, то в дальнейшем на правобережной стороне процесс этот заметно затормозится и продолжится лишь в 1640-1670-е гг. Рост монастырских починков и деревень на левой стороне затруднялся для Сергиева монастыря соседством там с тоже растущей вотчиной Троице-Калязина монастыря, на что обратил внимание еще С.Б.Веселовский.

О роли крестьянского труда в земледельческом освоении Угличского Верхневолжья в XVI в. красноречиво говорят антропонимические названия починков и деревень - “починок Гриди Рязанцева”, “ починок Луки Обухова”, “починок Ивашки Ненадобного”. Или: “дер.Агапитово, во дворе Матфейко Агапитов”, “дер.Плетенево, во дворе Плетенко Павлов да сын его Михейко” и т.д. Анализ крестьянских имен и, в ряде случаев, фамилий (при всей их неустойчивости для XVI в.) в выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536/37 г., открытой, опубликованной и прокомментированной С.М.Каштановым, позволяет говорить об отделении сыновей от отцов и разделении братских семей как одном из путей образования не только новых поселений, но и роста дворности в недавно возникших деревнях. Скажем:

“дер.Тропа Сидоровская: Во дворе Меншик; во дворе Коняха, брат его “Во дворе Коняйко другой; Во дворе Ондрейко Сидоровы”. Не менее 13 % новых деревень на Красносельской стороне Угличского уезда возникли в результате такого разделения. Фактически это и было проявлением внутривотчинных крестьянских переходов, наряду с которыми имели место и приемы в вотчину новых жильцов-приходцев.

Наиболее результативной конечной точкой в развитии сельских поселений можно считать образование сел как наиболее “организующих” центров вотчинной и крестьянской жизни. Если на левобережной (Прилуцкой стороне) Угличского уезда на троицких землях процесс “селообразования” в XVI в. завершился, то на правобережной (Красносельской) он происходил еще и в 1640-1670-е гг. Здесь возникло новое село Красное, удержавшее название старого села, необратимо запустевшего после 1550-х гг. Новое село сформировалось постепенно на основе слияния погоста Голенева в устье ручья Голенец с дер.Перхуровой и пустошами Красное Пенье и Кровниково [25].

Продолжением Красносельской стороны вниз по Волге можно считать ярославскую волость Черемху, где с 1540-х гг. у Сергиева монастыря имелся крупный вотчинный комплекс Коприно, активно осваиваемый в земледельческом отношении. Новые деревни и починки здесь интенсивно росли в 1540-1560-е гг., а в конце XVI в. часть их уже запустела. Некоторые фразы из Ярославской писцовой книги 1593/94 г. раскрывают роль не только крестьянской, но и монастырской инициативы в земледельческом освоении края. Его “пусковым” моментом могло быть заведение монастырской “нивы” (“селятся ново на починке Меншичково Займище, что была нива монастырская”)[26].

Новый этап роста деревень и починков вокруг села Коприна наблюдается в 1620-1670-е гг. (табл.21,25,26), правда, сохраняется их малодворный состав почти до самого конца XVII в.(3,4 - 4,7 дв. - табл.24). С.Б.Веселовский был прав, отмечая устойчивость типа малодворных деревень в западной части Ярославского уезда, где и располагался Копринский комплекс. Правда, указанные им размеры деревень (по 2-3 дв.) все же несколько занижены для конца XVII в. К концу XVII в. здесь произойдет общее увеличение деревень, починков, займищ (см.табл.25), в отличие от массы других центральных уездов. Само же село Коприно на правом берегу Волги крупным по количеству дворов не станет. На демографические процессы в Копринской вотчине оказывало влияние расположение села на Волге, между такими “притягивающими” торгово-ремесленными и промысловыми центрами, как Рыбная слобода и Ярославль, возможность для одних крестьян отхода в них, втянутость других в занятия, связанные с функционированием и обслуживанием Волжского торгового пути. Набираемые в данной главе наблюдения важны для последующего рассмотрения рентных отношений в огромной Троицкой вотчине, понимания процесса формирования в них “чисто” оброчных и барщинно-оброчных имений уже в конце XVI в.

На Ярославско-Костромском рубеже, в старинных волостях Нерехта и Емстна, корпорация имела приобретенные еще в XV в. крупные села (Федоровское, Кувакино, Поемечье, Жарки). К 1530-м гг. произошло несомненное закрепление части крестьянства в пределах этих вотчинных комплексов. В писцовом описании их 1536/37 г. бросается в глаза частая повторяемость одних и тех же крестьянских фамилий - Ворыпаевы, Гридины, Грибановы, Матфеевы, Манаковы, Олешковы, Серковы, Шиловы, Шернины. У крестьян указывалось не только имя, как мы видим в большинстве сотных второй четверти XVI в., но и фамилия его отца: “дер.Новоселка - во дворе Филка Гридин, во дворе Олешка Гридин же сын”, “дер.Ластекино - во дворе Якуш Гридин. Во дворе Сенка Гридин же сын”.

На левобережной, Луговой стороне Костромского уезда (Андомский и Шачебольский станы) напротив, устойчивого “костяка” населения у монастыря во второй половине - конце XVI в. еще не сложилось, шло только формирование монастырских вотчин, находящихся в состоянии первичной земледельческой колонизации (в получаемых по вкладам 1550-1560-х

гг. комплексах Богородицкое, Буяково, Горки, Костомы, Кишема, Новое, Сухоруково и др. в середине XVI в. до 25 - 45 % от числа всех поселений составляли починки). Правда, к концу XVI в число их уменьшается. Сама же починковая колонизация, пусть с меньшей интенсивностью, продолжалась на Луговой стороне и в 1620-1670-е гг. Помимо земледелия, дополнительным фактором, привлекавшим сюда население, было обилие болотных руд и возможность для крестьян заниматься железоделательным помыслом, подробно описанным в Троицкой оброчной книге 1617 г. и приходо-расходной книге 1703 г. (прим.25).

На Галицко-Костромском рубеже сельское расселение монастыря в XV-XVI в. включало группу деревень в волости Верхний Березовец по р.Костроме, тяготеющую к солигалицкому селу Гнездникову. Здесь во второй четверти XVI в. возникали и новые починки, возобновление которых наблюдается затем в конце 1620-х - 1670- е гг. Но процесс сельского строительства шел неровно, поскольку наряду с починками появлялись и пустые деревни и пустоши (табл.25).

Существовали отличия в системе сельского расселения в вотчине Троицкого монастыря и в разных частях Ростовского уезда. В его юго-западной части. (Песьем и Саввине стане) уже в первой половине XVI в. было уже закончено первичное земледельческое освоение, шло укрупнение пунктов, “припуск”, “снесение” более мелких починков и деревень к более крупным. Здесь к концу XVI в. сформировавлся крупнейший вотчинный центр монастыря в Ростовском уезде - село Дебалы (в 10 верстах к югу от города) с 56 дв. Северо-восточный же Лутский стан (по рекам Луту и Пере) этот этап еще не миновал. Здесь в первой половине XVI в. наблюдалось почкование деревень – Староселово Нижнее и Староселово Верхнее, Деревеньки Большие и Деревеньки Малые, Гора Большая и Горка Малая. Лишь к концу XVII в. и в Лутском стане произойдет укрупнение селений, и мелкие “двойные” деревни соединятся: каждая пара - в одну. Иногда укрупнение деревень становилось основой для естественного процесса селообразования. Целая деревенская округа образовалась у Троицкого монастыря в конце XVI - XVII в. в зоне притяжения дер.Микитинской в Песьем стане [29].

Приведенные выше наблюдения над системой сельского расселения у Троицкой корпорации в ряде центральных уездов позволяют говорить о двух ее основных моделях. Условно они могут быть названы либо “концентрированной” (когда в селах собрано более половины населения), либо “рассредоточенной” (более классической), когда село находится в окружении деревень, починков и пустошей, и в деревнях с починками размещено более половины населения данного вотчинного комплекса. Первая модель в XVI-XVII в. находила воплощение в более давних, плотно населенных и хорошо освоенных районах монастырской вотчины, вторая - там, где еще продолжался процесс внутренней колонизации. Нередко в пределах одного и того же уезда приходится отмечать близкое “соседство” данных моделей, что свидетельствует о многообразии и неравномерности не только регионального, но и внутриуездного развития великорусского центра.

Остановимся на некоторых особенностях расселенческой структуры в монастырских вотчинах юго-западных уездов. В Верейском, например, уезде в XVI в. в центре сельской округи находилось не одно село, а два - Илемна (оно же по церкви Троицкое) к юго-западу от г.Вереи, на р.Руде, и Юрьевское (оно же Егорьевское, Георгиевское, тоже по соответствующей церкви). Илемна в отношении вотчинного управления доминировало над всей округой, хотя по количеству дворов не являлось крупным (13 дв.), уступая иным деревням данного вотчинного комплекса. Основная масса крестьянских дворов (95 %) была сосредоточена в конце XVI в. с. Юрьевском и прилегающих к нему деревнях. Объяснение такого типа сельского расселения тематически выходит за рамки данной главы, но не привести его здесь нельзя. Речь должна идти о размещении монастырем в своих юго-западных селах больших массивов домениальной пашни. Следствием этого было вытеснение

(переселение ?) части крестьянства из центра на периферию вотчинного комплекса, поскольку в “головном селении” им земли не оставалось или же ее оставалось там очень мало. Авторы коллективной монографии по аграрной истории Северо-Запада России XVI в. отмечают аналогичное явление (развитие полевой барщины у новгородских помещиков создавало для крестьян определенные трудности, вызываемые переселением с удобных земель, занимаемых под усадьбу, или близких к ним), но само это переселение не склонны считать сгоном крестьян с земли. В сравнительном плане интересно отсутствие подобного явления на монастырских и владычных землях Новгородчины, что свидетельствует о слабом еще развитии на них барщины как таковой.

В дальнейшем разорение смутного времени и отказ Сергиева монастыря от собственной запашки привели к тому, что в течение XVII в. ряд верейских деревень необратимо запустели, “распределение” дворов между сохранившими устойчивость селами Илемной и Юрьевским и уцелевшими 4 деревнями комплекса выровнялось и фактор домена в ходе сельского расселения и демографического роста верейских владений монастыря перестал действовать[30].

В малоярославецких селах Передел и Почап в конце XVI в. наблюдаем такую же картину - дворов в них было размещено 7,6 %, все остальные - в деревнях, домен в количественном отношении преобладает над крестьянскими землями. В первой половине XVII в. большинство деревень так и не возродилось, что привело к “уплотнению” оставшихся поселений, а отказ от господской пашни способствовал более равномерному, как и в Верейском уезде, распределению населения между селами и деревнями. С.Б.Веселовский в свое время связывал так называемое “владельческое укрупнение” сел с ростом господской запашки в конце XVI в.[31] Однако приведенные выше примеры по Верейскому и Малоярославецкому уездам показывают, что в селах с внушительным доменом (до 250 четв., как в Илемне) крестьянских дворов могло быть как раз немного. И вообще понятие “крупная феодальная” вотчина” не всегда обязательно предполагает крупное, большое село, вроде тех, которые приходилось отмечать для Околомонастырной округи, Переславского, Суздальского, Юрьевского уездов. Понятие это может иметь отношение к экономической организации, социально-демографической политике, проводимой крупным земельным собственником.

В Серпейском уезде писцовая книга конца XVI в. рисует такую же картину, как и в Малоярославецком и Верейском уездах - в малодворном селе Олферьевском сосредоточен приличный домен (80 четв.) и лишь 4 % крестьянских дворов, остальные 96 % размещены в деревнях комплекса. Две “литовские войны” первой трети XVII в. (1610-х и 1632-1634 гг.) существенным образом осложнили условия жизни людей, хотя и не деформировали полностью уже сложившуюся структуру. В середине 1630-х гг. Сергиеву монастырю почти с нуля пришлось заселять и осваивать свою серпейскую вотчину, в которой пустые селения составили 95,4 %. Помимо отмеченных войн, дестабилизирующим население фактором в данном районе были в XVII в. набеги крымских татар. В Троицкой Описи 1641 г. по с.Олферьевскому записано на крестьянах несколько долгов и кабал, “что плачено за них крымского окупу”, значит, монастырь выкупал собственными деньгами своих крестьян, попавших в плен, намереваясь затем вернуть истраченные суммы в качестве долгов 32.

В Серпейской писцовой книге 1635/36 г. фигурируют займища и починки с антропонимическими названиями, доносящими до нас имена расчищавших и распахивавших землю крестьян: “займище Куземкино”, “займище Богдашково, крестьянин Богдашко с детьми”, “займище Давыдково, крестьянин Давыдко”, “починок Вешняков, во дворе Иван Вешняк” и т.д. Переписная книга 1646 г. показывает интенсиный приток крестьян в деревни Олферьевского комплекса из соседних уездов - Оболенского, Дорогобужского, Смоленского. Новые жильцы оседали именно в деревнях округи. В самом селе по-прежнему было размещено меньшинство дворов (8 %). За 1635-1646 г. число крестьянских дворов у

Троицкого монастыря в Серпейском уезде возросло в 6,8 раз, в 1646-1678 г. темпы его роста снижаются (увеличение в 2,9 раза). К 1678 г. все селения монастыря в Серпейском уезде были полностью восстановлены и даже приумножены, в отличие от общего для троицкой вотчины сокращения числа сел и деревень к концу XVII в. (табл.24,25). Результаты роста числа дворов монастырских крестьян в Серпейском уезде нельзя было бы считать впечатляющими (в конце XVI в. их было 122, в конце XVII в. - 143), если не учитывать, в сколь неблагоприятных социально-политических и внешнеполитических условиях пришлось существовать данной территории и населяющим ее людям до середины 1630-х гг. Более выразительны показатели населенности самих дворов в конце XVII в.: в среднем по 5,5 чел. в крестьянском и по 3,3 чел в бобыльском дворе.

В другом юго-западном от центра уезде, Оболенском, формированию устойчивой расселенческой структуры также препятствовали и окраинное положение, и набеги крымских татар, и общие потрясения начала XVII в. Из-за сильного разорения уезда (83 % пустых селений отмечено у монастыря здесь в 1620-е гг.- табл.25) у троицких властей не нашлось сил для восстановления своих оболенских вотчин. В начале же 1640-х они предпочли и вовсе избавиться от земель в Оболенском уезде, отдав единственное тамошнее сел (Пажу, оно же Запажье) на выкуп кн.Б.А.Репнину (см. 3 гл.).

Хорошее начало было в освоении Троицким монастырем полученных им земель в самом южном, Новосильском уезде в 1570-1590-е гг. На починке Становом на р.Колпне трудом монастырских крестьян было основано село Становое, в ближайших окрестностях которого интенсивно распахивалось "дикое поле", раскашивалось сено (1217 копен). Однако в XVII в. за возникшим селом так и не закрепилось значение связующего центра, оно вовсе прекратило свое существование, а несколько уцелевших новосильских деревень монастырь едва удерживал, разместив в каждой часть своего домена. В 1640-1670-е гг. крымские набеги привели к тому, что у Троицы оставалась единственная новосильская деревня Толстенкова, а остальных деревень "крестьян и бобылей тотарове поймали, а иные розбежались" [33]. Так окраинное положение Новосиля (ныне - Орловская область), распахнутость границ делали очень ненадежным положение населения здесь, которое и страдало от набегов, и уходило дальше на юг. В целом же отмеченные факторы не привели к формированию устойчивой расселенческой структуры у монастыря в данном районе, столь удаленном от расположения основной массы монастырских вотчин.

Заканчивая рассмотрение общей структуры сельского расселения в центре и на юго-западе, отметим еще одно. При взгляде на табл.25 в глаза бросается обилие дробных сел и селец, также составлявшее особенность сельского расселения в Троицкой латифундии, которая с конца XIV в. формировалась и расширялась за счет постепенного поглощения долей и жребиев различных по масштабу и происхождению светских вотчин (пол села, пол сельца, треть сельца, две трети сельца, пол деревни и т.д.). В главе .и примеры таких "поглощений", растянутые порой на многие десятилетия и несколько поколений владельцев .приводились по Переславскому, Бежецкому, Костромскому, Владимирскому. Коломенскому, Муромскому, Старицкому, Тверскому уездам. Долевые владения, как раз и реализуемые в виде "неполных" сельских поселений, отразили саму историю троицкого землевладения, сложные взаимоотношения монастыря с окружающим его миром светских вотчинников. И все же явление это было временным, преходящим: на конец XVII в. в табл.25 долевые поселения показаны только в Московском и Переславском уездах. Во всех же остальных таковых уже не было.

В системе сельского расселения Троицкого монастыря в Центре России считаем также интересным тот факт, что нередко монастырские села являлись как бы "связующими узлами" в определении пограничных участков некоторых уездов страны. Имеем в виду то, что ряд троицких сел и их деревенские округи имели межуездное расположение. Например,

одна треть села Петровского находилась в Сурожском стане Московского уезда, другая - в Ижевском стане Дмитровском, третья - в Скирманове стане Рузском уезде. Села Зубачево и Глинково по половинам располагались в Московском (стан Радонеж) и Переславском (волость Кинела) уездах. Деревни новоторжского села Медны размещались в соседнем Тверском уезде, означая Новоторжско-Тверской рубеж. Порубежное положение было характерно и для некоторых кашинских сел и деревень монастыря (причем как право-, так и левобережных по Волге), исторически и экономически тяготеющих к соседнему Угличу. Заметим, что устойчивости сложившихся сельских и деревенских округ их межуездное расположение не мешало.

В отличие от большинства центральных и юго-западных уездов, система сельского расселения у Троицкого монастыря в Нижегородском Поволжье в конце XVI-XVII в. развивалась по линии формирования сразу крупных деревень и сел, не проходя этапа мелкой починковой колонизации с последующим "припуском" деревень, починков, пустошей к более крупным селениям. Получив в 1590-е гг. массу запустевших земель, Троицкий монастырь уже к началу 1620-х гг. сумел в 12 раз увеличить здесь свое население и в 4,5 раза число самих жилых селений (табл.24.25). Рост по двум отмеченным направлениям показывает и сравнение писцовой книги 1620/21 г. с переписной 1646 г., хотя темпы его несколько снизились. Лишь после 1646 г., как показывает перепись 1678 г., население Троицкого монастыря в Закудемской волости Нижегородского уезда уменьшилось за счет его оттока в Свияжский и Алатырский уезды.

В начале 1620-х гг. на рассматриваемой территориии у Сергиева монастыря возникли новые крупные села в результате восстановления пустошей: Ляпесь с 49 дворами и Ондрейково с 56 дв. Нижегородские села монастыря нередко располагались на два-три "усада" (называемых иногда "посадами"), были обустроены двумя-тремя прудами. К концу XVII в. некоторые деревни так укрупнились, что тоже стали селами. В них были открыты церкви и сформированы приходы (дер.Игумново, дер.Татинец). О роли монастыря в церковном устроении своих сел говорит факт основания церквей во имя Сергия Радонежского в селах Ондрейково и Копосово (вол.Стрелица), во имя Живоначальной Троицы в одной части села Варварского и Никона Радонежского - в другой его части[4].

Имея в Нижегородском уезде села еще и в волости Стрелице (Копосово и Черное, Киржачского монастыря) Троицкая корпорация большую часть населения к концу XVII в. сосредоточила в Закудемском стане (65 %).

О том, как складывалось монастырское землевладение и тесно связанная с ним система сельского расселения в уездах Казанского Поволжья (Свияжском, Казанском, Алатырском), говорилось в гл.2, параграфе о приписных обителях. В данной же главе остается только подчеркнуть стремительный рост крестьянского населения этих зависимых от "большой Троицы" филиалов в XVII в., особенно в Свияжском и Алатырском уездах.

- Если в первом он продолжался до середины XVII в.(табл.24,25), то во втором можно отметить два зенитных периода - 1620-е гг. (266 дв.) и вторая половина XVII в. (870 дв.). Именно в Алатырском уезде сельские поселения отличались наивысшими размерами в рамках всей Троицкой латифундии: уже в 1620-е гг. они имели в среднем по 54 дв., по переписным книгам 1678 г. - по 72 дв., а по монастырской вытной переписной и оброчной книге 1696 г. - по 96 дв.! (табл.24). Этот средний показатель вдвое уступает реальным размерам отдельных сел. Например, алатырское село Четвертаково имело в конце XVII в. 222 двора! Сообщаемые переписной книгой 1696 г. катойконимы при крестьянских именах (Шухобалец, Кувакинский, Присецкий, Сухоруковский и пр.) рисуют широкую географию происхождения алатырских новопоселенцев. Здесь называются практически все крупнейшие монастырские села Московского, Переславского, Дмитровского и особенно Суздальского, Муромского, Юрьевского, Юрьевецкого, Костромского (Луговой стороны),

Нижегородского, Арзамасского уездов. По ним видна направленность внутривотчинных миграционных потоков - от центра на юго-восток. Указаны также и годы прихода крестьян в Алатырский уезд - в основном конец 1680-х-начало 1690-х гг.[33] Наблюдалось соединение центрально-русской топонимики с прежними мордовскими названиями. Одна из "новоселидебных" алатырских деревень Верхняя Ичикса Кувакино тож была полностью заселена (60 дв.) выходцами из крупного приселка Кувакина, стоявшего на Ярославско-Костромском рубеже. Специалист по топонимии В.А.Никонов пишет, что перенос с собой родного названия возможен лишь при компактном переселении сразу целой группы односельчан на новое место[36]. Происходило перемещение крестьянского населения и внутри самого Алатырского уезда, из деревни Подгородней как своего рода "пересылочного" пункта в уездную "глубинку".

Для начального этапа развития и Троице-Свияжского, и Троице-Алатырского монастыря важную роль играло их городское население, ведь и сами монастыри возникли как городские. Например, 18 % населения Алатырского монастыря по писцовой книге 1624/26 г. показаны как городские бобыли. В дальнейшем по мере "внедрения" в сельскую местность, укоренения там, соотношение "городской" и "деревенской" частей их зависимого населения все более менялось в пользу первой.

На всем огромном пространстве Русского Севера сельское расселение Троице-Сергиева монастыря (особенно когда к нему обращаешься после бурного демографического роста в Поволжье) выглядит скромными, едва тлеющими очагами в Деревской пятине, Пошехонье, Белозерье, на Вологодчине и на нижней Двине. Дадим краткий обзор их сельского расселения, двигаясь с запада на восток. Начнем в таком случае с Деревской пятины Новгородской земли. За короткий период после окончания Ливонской войны и до начала новых напастей троицкие волостки на восточном побережье оз.Ильмень развивались сравнительно неплохо (это отмечается и в очерке по Деревской пятины Т.И.Осьминского в коллективной монографии ленинградских авторов). Постепенно преодолевались демографические потери, понесенные ими в Ливонской войне: описание 1581/82 г. называет 16 крестьян-дворохозяев убитыми и 13 дворов пустых, через 12 лет, в 1594 г., число живущих дворов возросло, а пустых сократилось в 2 раза (табл.20). В волостках Сытинского (сельцо Сытине, оно же Кунья гора) и Листовского (сельцо Сопки, оно же Мокрой остров) погостов в 80-90-е гг. XVI в. шел процесс внутреннего освоения: новые деревни "выставлялись" из старых, другие "припускались" в пашню к более крупным, дворность которых от этого еще более увеличивалась. Для волостки Сопки в Листовском погосте была характерна рассредоточенная система сельского расселения, более половины дворов (51 %) было размещено в самом сельце, остальные - в малодворных (по 3-4 дв.) деревнях ее округи. По подсчетам Т.И.Осьминского, в 1500 г. на крестьянский двор в этих волостках приходилось 1,14 "людей", в 1582 г. 1,44, *а* в 1594 г. - 1,9 "людей". На бобыльский двор "людей" приходилось 1,5.

Способом хозяйственого возрождения волостки Кунья Гора в Сытинском погосте в конце XVI в. было предоставление монастырем некоторых ее деревень и пустошей в пожизненные держания прежним владельцам-вкладчикам (братьям Н., Б., Ю.Таракановым) и в служебно-поземельные держания - слугам (приказчику Т.Елизарову). И все же пустые селения здесь преобладали над живущими. Об ослабленности сельского населения говорит более высокий процент бобыльских дворов (54 %) над крестьянскими (46 %). Практиковалось и "подселение" бобылей в крестьянские дворы, возможно, как средство поддержания беднеющей части сельских жителей (табл.20). В писцовых и переписных книгах XVII в. такие люди чаще всего будут называться "захребетниками" (табл.26). В переписных же книгах Деревской пятины 1667/69 г. они именуются "подсоседками".

Прав А.Л.Шапиро, писавший, что “улучшение положения в 1590-е гг. было незначительным, а главное непродолжительным. Голод и мор первых годов XVII в., гражданская война, польская и шведская интервенции, политика резкого увеличения податей - се это привело к новому еще более тяжелому, чем в 1570-1580-е гг. кризису первых десятилетий XVII в.” [7]. Деревская же пятина по праву считается наиболее пострадавшим от смуты районом и на Северо-Западе, и во всей России.

Действительно, дозоры 1620 и 1623 гг. показали, что население Троицкого монастыря в Деревской пятине практически было утрачено, если не считать по одному крестьянскому и бобыльскому двору. Село Сытино удавалось удерживать тоже благодаря единственному двору - монастырскому. Уже по описанию 1627/28 г. число дворов возросло до 22 и до конца 1640-х гг. продолжалось увеличение населения (табл.20). Теперь волостка Сытинского погоста развивалась более динамично, чем волостка Листовского (в отличие от конца XVI в.). Во второй четверти XVII в. в Сытинском погосте у Троицкого монастыря было в 2,5 раза больше селений и в 5, 2 раза - дворов, чем в Листовском. Такое положение сохранялось и по описаниям 1660-1670-х гг. К середине XVII в. система сельского расселения у Троицкого монастыря в Деревской пятине была полностью восстановлена, деревни заметно укрупнились, иные до 20-25 дворов. Средняя же их дворность в данном районе составляла 15,5 дворов. Неоформленной в четкий рисунок и рыхлой в XV-XVII вв. оставалась группа сельских поселений Сергиева монастыря в Пошехонском уезде, в низовьях Шексны и ее мелких правых и левых притоков, на рубеже с Ярославским уездом. Некоторые соображения о причинах этого будут высказаны нами ниже при рассмотрении материала о погостах (следующий параграф данной главы). Здесь же отметим как возможную причину “проходное”, транзитное положение пошехонских деревень, связывающих белозерские и верхневолжские (ярославские, угличские, кашинские) владения монастыря. Отсутствие здесь господского хозяйства также не способствовало концентрации группы мелких деревень, погостов, приселков и пр[39].

В соседнем с Пошехонским Белозерском уезде, Андогском стане, у Троицкого монастыря сложился типично приречный тип сельского расселения. Речь идет о княжеском по происхождению вотчинном комплексе Танищи на левом берегу р. Суды, в который входило два десятка деревень, вытянутых вдоль левого берега этой реки. Никаких новых приобретений к уже полученному комплексу (еще в 1550-е годы) монастырь в дальнейшем не сделал. Соотношение жилых и пустых селений здесь менялось в зависимости от общих условий развития Белозерского края в годы смуты и послесмутного времени. В целом в расселенческой структуре к концу XVII в. принципиальных изменений не произошло, только увеличилась численность дворов и их “людность”.

Об идущем в соседнем с Белозерским Вологодском уезде процессе починковой колонизации по правобережью Сухоны, где к Троице-Сергиеву в начале XVII в. был приписан Авнежский монастырь, говорилось в гл.2. Сравнение описаний конца 1620-х и начала 1640-х гг. показывает, что состав поселений Авнежской обители не изменился, зато количество дворов в них возросло почти вдвое. Обращаясь к переписной книге 1678 г., видим, что некоторые починки 1620-х гг. к концу XVII в. уже запустели, то есть процесс земледельческого освоения здесь шел неровно, в живущих деревнях появились пустые дворы и места дворовые (табл.24,35). От 1640-х к 1670-м гг. рост дворов также оказался незначительным. Одним словом, у Авнежского монастыря во второй четверти XVII в. происходило и земледельческое освоение края, а во второй его половине проявлялись и некоторые признаки запустения [41]

О малодворных деревнях, составлявших вотчину приписного Николо-Чухченемского монастыря в Холмогорском уезде также говорилось в гл.2. Здесь на всем протяжении XVII в. еще медленнее росло количество дворов, чем в Вологодском уезде (в пределах 22-27 от 1620-

х к 1670-м гг.). Малодворный состав деревень в 1620-1670-е гг. также сохранялся. В писцовой книге 1620-х гг. названы две деревни, восстановленные из пустошей - Меньшое Перхуровское и Зайцовское. В Троицкой Описи 1641 г. две деревни названы пустыми - Поташевская и Полевская, правда, появились две новых - Дьячья и Дьячья Вторая. Мы видим, что на Севере ураганного, устойчивого хозяйственного развития и заселения чухченемских (или авнежских) деревень и их населения, подобного тому, какой приходилось наблюдать в Поволжье, в XVII в., не было и не могло быть. Кроме того, ни в Вологодском, ни в Холмогорском уезде Сергиев монастырь не имел ни одного села как крупного (и привычного для него) вотчинного центра. Роль такого "стяжения" играли, по-видимому, сами Авнежский и Чухченемский монастыри, которые, как могли, справлялись с возложенными на них задачами.

4.3.Погосты, слободки, сельские монастыри.

Разбирая в свое время систему сельского расселения в вотчине Троице-Сергиева монастыря, Б.А.Романов образно называл ее "выразительной коллекцией поселенческих типов"[4]. Значительный интерес представляют в этой "коллекции" погосты. Их доля в общей совокупности сельских поселений была невелика - от 0,3 до 1,1 % (табл.23). В той же табл. видим и изменение количества погостов на троицких землях - к концу XVI в. их было 11, во второй четверти XVII в. - 16, в конце XVII в. -5.

В троицких актах XV в. погосты не упоминаются. Встречаем мы их в грамотах первой половины XVI в. в значении административно-территориальных округов при оформлении пожалований Василия III и Ивана IV Сергиеву монастырю из фонда черных крестьянских земель. В 1520 г. корпорация по обмену с Василием Ш получила погост Кузьмы и Демьяна, "что был стан волостелин" на черной земле в составе подмосковной волости Корзенев.

Комплекс был значительным по масштабу, включая 70 деревень. "Во чреве" монастырской вотчины уже к началу 1560-х гг. произошло преобразование погоста как бывшей резиденции княжеского волостеля в обычное село с внедренным туда представителем вотчинной администрации (ключником-старцем или приказчиком-слугой). Описание 1594 г. называет сельцо Корзенево Кузьмодемьянское тож с церковью монастырского строения. Из обширной деревенской округи бывшего погоста сохранились только 3 деревни и отмечено 37 пустошей. В рамках троицких владений "периферийного" Околомонастырья сельцо Корзенево было включено в состав более крупного вотчинного комплекса села Муромцева.

Известен еще один случай попадания в руки Троицкого монастыря крупной крестьянской волости в самом центре государства - подмосковной Вохны, сохранявшей свою погостскую структуру более длительное время. Последним владельцем волости был удельный князь В.А.Старицкий, после казни которого в 1569 г. в течение некоторого времени происходит передача Вохны монастырю, окончательно она была оформленная изданием послушной грамоты Ивана IV Вохонским крестьянам в мае 1582 г.[44] Через 10 лет в той же волости монастырь получил дер.Климкову от вдовы Ульяны Желтухиной (см. гл2).

Изменения в структуре волости с конца XVI и до конца XVII в. позволяют проследить писцовые и переписные книги. Схематично изменения эти можно выразить так.

1594 г. - дер.Климкова. на поле которой крестьянином И.Оксеновым была поставлена церковь Параскевы Пятницы

новый погост Параскевы Пятницы - 30 дер.

погост Дмитрия Солунского на р.Вохонке - 30 деревень

сельцо Павловское на той же реке против Дмитриевского погоста,

погост Уполозы с церковью Рождества Пречистые - 26 дер.
погост Никиты Мученика - 27 дер.
пустой погост на Исаковом озере с ц.Рождества Пречистые - 9 дер.
1623 г.-погост Дмитриевский
сельцо Павловское - 40 дер., 21 пуст.
погост Уполозы - 18 дер.,19 пуст.
погост Никитский - 16 дер.. 12 пуст.
погост на Исаковом озере - 9 дер.,13 пуст.

1678 г. - село Павлове на двух погостах - Параскевы Пятницы и Дмитриевском - 69 дер.живущих и 29 дер., вымерших в мор 1654-55 г.

1752 г.- с.Павлове с 68 дер., в числе которых бывшие погосты Уполозы Никитский [45] 1654/55.

Приведенная схема показывает, во-первых, что та часть волости Вохны, которая к концу XVI в. еще не попала в руки частных феодалов или монастырей, состояла из нескольких погостов. Они представляли собой центры приходов, к каждому из них тяготела определенная деревенская округа. О сосредоточении в каждом из них каких-либо административных функций, полномочий у нас данных нет, равно как и о лицах, которым таковые могли усвояться. Во-вторых, до конца XVII в. в волости Вохне продолжался процесс сокращения деревень (всего на 40 %), что само по себе не могло не подрывать значения погостов как центров сельских округ. Одновременно с этим действовал и механизм “крупной феодальной вотчины”. Он заключался во внедрении в одно из селений (им стало сельцо Павловское близ Дмитриевского погоста) агентов вотчинной администрации. Исчезновение погостов как когда-то существовавших административных центров в Вохне относится ко времени после 1620-х гг. Правда, церковное значение за некоторыми из них, уже ставшими приселками сельца Павловского, сохранялось и в конце XVII в. В межевой книге волости Вохны с соседними волостями (московскими Гжелью, Куней, владимирской Сенежской, московской Рогожской ямской слободой) 1680 г. фигурируют к сельцу Павловскому - приселок Уполоз на р.Клязьме с церковью Рождества Пречистые и приселок Никитский на р.Дроздне с церковью Никиты Мученика. Деревни Вохонской волости, расположенные на Клязьме и ее притоках, были тесно связаны в торгово-экономическом отношении с Владимирскими и Нижегородскими землями. О развитии крестьянской торговли в Вохне имеется несколько свидетельств за XVII в. В рамках же вотчинной торгово-хозяйственной специализации Вохна играла роль “житницы”, поставщика хлеба для монастырских “низовых” (прежде всего Астраханских) промыслов. На многочисленных речках Вохонской волости было сооружено много мельниц, которые мололи зерно для отправки его “вниз по матушке по Волге”, а также активно сдавались в аренду посторонним людям. Торгово-ремесленная специализация здешнего населения в дальнейшем, как и в Околомонастырской округе, станет фактором урбанизации края, вошедшего в состав формирующегося Центрального промышленного района (Иваново-Вознесенская текстильная промышленность и павлово-посадские платки), а бывшее монастырское село Павлове в 1845 г. получит статус города (Павловский Посад и ныне в Московской обл.)[46].

Погосты иногда могли быть компонентами средних и крупных по масштабу светских вотчин. Один такой погост - Василия Кесарийского на р.Остречине в Бежецком Верхе, с селом Елизаровым, несколькими деревнями, починками и пустошами представлял собой владельческий комплекс троицкого соборного старца Паисия Мичурина. В 1570/71 г вместе со своим братом Василием он дал его в Троицкий монастырь. О религиозно-культовом значении погоста (собственно, это могло быть еще и родовое кладбище) для Мичуриных говорится так: “А тот у нас погост вопчей всех наших родителей” [47]. Кроме церкви Василия

Кесарийского, на погосте имелась церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом Сергия Радонежского - строения Паисия и Василия Мичуриных. Перед нами, думается, обычная ктиторская церковь (даже несколько) и семейный некрополь.

Фигурируют погосты и в составе более крупных княжеско-боярских вотчин, вместе с которыми они и оказались у Сергеева монастыря. Например, по данной грамоте богатой боярыни Елены Челядниной 1542 г. в корпорацию передавался большой вотчинный комплекс в Ростовском уезде, включающий несколько сел и селец, до 60 деревень и "погостец Никола Чудотворец на р.Талице". Обширная деревенская округа тяготела "к тем селцом и погосту". В составе вотчины кнг.Марии Оболенской (нескольких сел на р.Протве) в Оболенском уезде к селу Марьинскому назван погост Афанасия Великого. Когда село запустело (после 1570 г.), то именно на погосте еще какая-то жизнь теплилась, с него началось повторное заселение данной местности [49]. В этой связи следует отметить амбивалентность погостов - они, действительно, могли являться и исходным пунктом для последующего развития (или восстановления) сельского поселения, и конечной формой запустения. Выражения писцовых книг типа "погост, что было село" и "село, что был погост" вполне понятны. Подобная метаморфоза например, произошла со звенигородским селом Андреевским, ставшим после смуты погостом и возрожденным снова в село лишь после 1646 г. (см. прим. 1 к данной гл.). В подмосковном Радонеже в погост после смуты превратился бывший Успенский монастырек "Пречистые под сосною", да так и не поднялся дальше. Зато в бежецком селе Присеки погост "бес пашни" с церковью Спаса-Преображения послужил основой для возникновения сельского монастырька. На правобережной стороне Угличского уезда именно погосты явились исходными формами для последующего образования сел. Растянулся, правда, этот процесс почти на столетие - с 1530-х до 1620-х гг. Село Сергиевское на Гривах возникло на основе припуска починка Палкина на Гриве в пашню к погосту Сергия Радонежского [50]. Видимо, и роль церковных земель при погостах следует учитывать, и взаимодействие погостов с другими видами поселений. О роли же другого погоста - Голенева - в образовании угличского села Красного речь шла выше в рамках региональных очерков сельского расселения.

Двухпогостскую структуру имело в конце XVI в. сельское расселение у Троицкого монастыря в Пошехонском уезде. В округу первого - Подъяблонного (с церквями Живоначальной Троицы и Сергия Радоежского) - входило 7 деревень, второго - Раменского (с церковью Св. Георгия)- 6. Раменский погост представлял собой трансформированный монастырек Св.Юрия в Раменейце, известный по ряду княжеских грамот ХУ в. Наряду со дворами церковного причта в погосте Подъяблонном, описания 1594 и 1616 г. называют и крестьянские. Закрепление названных погостов в качестве административно-хозяйственных центров небольшой территории перспектив не имело, но такое значение во второй четверти XVII в. утвердилось за деревнями, возникшими на церковных землях - Подъяблонной и Поповской (последняя - у погоста Раменского). В конце XVII в. видим уже один центр - приселок Поповский с тянущей к нему округой из 7 деревень. В рамках более общего административно-хозяйственного организма монастыря его небольшой пошехонский комплекс был "притянут" к ярославскому селу Коприну, вместе с которым он был описан и включен в вытную книгу 1623 г.[51]

Во Владимирском уезде в конце XVI в. погост Федосов с церковью Воздвижения у Сергиева монастыря находился в совладении по половинам с Ю.И.Плещеевым. На троицкой половине было размещено 5 крестьянских дворов. В конце XVII в. о правах светских лиц на этот погост ничего неизвестно, зато произошло его слияние с соседним селом Обакумцевым [48]. Другой свой погост во Владимирском уезде, Николы Чудотворца на Усть-Колокши, корпорация отдала в 1583/84 г. по обмену братьям Л. и К.Волковым на их муромские земли. Правда, в переписной книге 1678 г. погост на усть-Колокши отмечен в составе троицких

владений, а в нем 5 бобыльских дворов “за попом Иваном”[52]. Рыболовное значение для Троицкой корпорации имел погост Рождества Пречистые в Залипенье на р.Клязьме у озера Глебовского (“в нем пристанища рыболовей, а ловят рыбу на монастырь”). Имевший кельи черного попа и старцев, погост в Залипенье иногда назывался и монастырьком [53].

Обратимся теперь к рассмотрению слобод или слободок на землях Троицкого монастыря. Нас в данном случае интересуют не городские слободки как компактные группы дворов монастырского населения в городах и на посадах, а именно сельские и подмонастырские слободки. Подобно погостам, их доля на фоне других видов сельских поселений была невелика: от 0,1 до 1,4 %. (табл.4).

Под слободами следует понимать как определенные территориальные округи, население которых собиралось первоначально на льготных условиях, так и отдельные сельские поселения. В редких троицких актах ХУ в. находим упоминания “слобод” (слободка в “Соснязе” Пошехонского уезда и “слободища” в Угличском у.)[54]. В.Д.Назаров обратил внимание на то, что в серии княжеских грамот на бежецкое село Присеки ХУ в. последнее называется то селом, то слободой и отметил, что данная клаузула показательная для начального этапа освоения московской княжеской властью какого-либо района и более характерна для XIV в., чем для ХУ в.[55]

Слободы как интенсивно заселяемые округи известны в ХУ-XVI вв. в Дмитровском уезде (Берендеева Слобода), Переславском (Великая Слобода, позднейший Слободской стан, Маринина Слобода), Галицком (Жилина Слободка). Когда речь шла об определенной округе, то слово “слобода” обычно стояло на втором месте, а когда о конкретном селении с антропонимическим названием, то на первом: Чечевкина слободка, Филисова слободка” Тутолмина слободка и т.д.[3] В отношении двух из перечисленнных известны их прежние владельцы - великокняжеский бортник Гридя Филисов и переславский вотчинник И.С.Тутолмин. Подобно погостам, слободки являлись компонентами в составе крупных княжеско-боярских вотчин. Например, в крупной вотчине М.В.Тучкова в Ростовском уезде в рамках комплекса Дебалы имелась непашенная слободка Потаповка на р.Где. Свой непашенный облик и чисто бобыльский состав населения она сохраняла до конца XVII в., не сливаясь ни с какими другими сельскими поселениями Дебальской вотчины [57].

Одна из причин образования слободок в XVI-XVII в. - это рост непашенного населения в результате отделения ремесел и промыслов от земледелия. У многочисленных приписных монастырей Троицкой корпорации такая группа людей селилась обычно в подмонастырских слободках. Этим объясняется их обилие в табл.22 для второй четверти XVII в., ведь именно в тот период к Сергиеву монастырю было приписано более всего зависимых филиалов. Слободки торгово-ремесленных, мастеровых людей известны практически у каждой из приписных обителей, особым их количеством отличалась околомонастырская округа “большой Троицы”, о чем выше уже говорилось. Иногда слободка являлась конечным пунктом в развитии отдельных монастырей. Например, в предместье Бежецка (Городецка) в середине XVII - первой половине XVIII в. фигурирует “Макарьева слобода, что была Троицкая Макарьева пустыня”. Населена она была выходцами из монастырской Присецкой волости (крупнейшего вотчинного комплекса Троицы в Бежецком Верхе), обосновавшимися там для своих торговых дел. Обитатели ее совмещали торгово-ремесленные занятия с земледелием: “скупают кожи и телятины и хлеб припахивают; делают овчины и хлеб припахивают”.

Не только занятия, но и само население слободок часто отличалось смешанным составом: сюда входили и называемые исключительно по ремесленным специальностям люди (бочары, плотники, кузнецы и мн. др), и бобыли, и крестьяне. Четких отличий между ними источники не проводят, может быть, потому, что какая-то часть обитателей слободок продолжала заниматься и хлебопашеством. На правом берегу р.Сухоны на Усть-Толшмы в

Тотемском уезде в Пьянкове слободке у Троицкого монастыря, наряду с торгово-ремесленными, были в 1620-е гг. и пашенные дворы [5].

В писцовых и переписных материалах XVII в. слободкой могла называться компактная группа (из 10 и более дворов), являющаяся компонентом более крупного поселения. Скажем, в барщинных селах монастыря выделялись "воловьи слободки" с целью размещения в них воловиков и детенышей "для монастырские пашни" (муромское с.Дубровы, 1628/29 г.). Рост бобыльства в 1620-е гг. приводил к появлению составе сел отдельных бобыльских слободок, население которых было или польгочено на какое-то время, или выделялось своей экономической ослабленностью, неплатежеспособностью. Костромская писцовая книга 1628/29 г в с.Буякове указывает "Оксиньинскую слободку непашенных бобылей", в которой в одном из дворов названа "вдова Оксиньица Нефедьевская жена с сыном Олешкою" [60].

Видим слободки и в крупных поволжских селах XVII в., куда шел стремительный поток новых поселенцев. В нижегородской дер.Игумновой, расположенной на р.Кирелке, на одной стороне реки было в 1620-е гг. 35 крестьянских дворов, а на другой, в бобыльской слободке, - 41 бобыльский двор. Позднее вся деревня именовалась Игумновской слободкой [61]. В свияжском селе Новом льготные крестьяне в 1641 г. были поселены в отдельной слободке из 11 дв.[62] Слободки вообще могли возникать вследствие естественного или созданного человеком разделения поселения - рекой, ручьем, прудом, озером, оврагом, крупной идущей через него дорогой и т.д. Часть поселения, расположенная несколько "на отшибе", могла считаться его слободкой. Так, суздальское село Тума оврагом было отделено от Окаемовской слободки, хотя при описаниях они нередко обозначались как одно поселение - Тума Окаемово тож. Одно из древнейших троицких сел Медна, стоявшее на большой дороге из Твери в Торжок и далее в Новгород Великий, было разделено р. Твердой на собственно село и торгово-ремесленную слободку. Правда, более устойчивое демографическое развитие было показательно в середине XVII в. именно для села, имевшего "подпитывавшую" его чисто земледельческую деревенскую округу [64]. Торгово-ремесленное же развитие слободки в Медне мог подрывать сам монастырь, сселяя меденских мастеровых в Клементьевские слободы собственной округи, о чем уже упоминалось в предшествовавшем очерке.

Некоторые слободки (и деревни) Сергиева монастыря в XVII в. формировались и по национальному признаку. Речь идет о хорошо известном в литературе факте переселения карел во внутренние районы России после Столбовского мира со Швецией 1617 г. Деревни, населенные только карелам, фигурируют в переписных материалах в вотчине Троицкого монастыря в Деревской пятине, Тверском, Кашинском, Бежецком и др.уездах. Имели случаи и рассредоточенного размещения карел во дворах в составе русских деревень, среди крестьянского и бобыльского населения. В Суздальском уезде в конце XVII - середине ХУШ в. на троицких землях фигурирует "Корельская слободка", но это единственный выявленный нами факт.

Остановимся теперь на проблеме малых (сельских) монастырей как факторов расселения в вотчине Троицкой духовной корпорации. Из табл.23 следует, что в конце XVI в. у него их было 10, во второй четверти XVII в.15 и в конце XVII в. - 10. При изучении этой проблемы главная трудность заключается в хронологическом соотнесении обители и сельского поселения, поскольку письменные источники не всегда с желаемой полнотой раскрывают и раннюю историю самих монастырьков, и этапы развития порожденных ими или связанных с ними сел, деревень, погостов, слобод и т.д. Археологически же изучены очень немногие из интересующих нас монастырей, а ведь только данные археологии и позволяют уверенно сопоставить время возникновения монастырей и функционирования жилых селений.

С определенной степенью условности сельские монастыри были разделены нами на две группы. К первой группе были отнесены обители, так сказать, первичные по отношению к возникшему в дальнейшем на их месте “гнезду” поселений. Запустение таких обителей обычно “давало жизнь”, как ни странно это звучит, другим населенным пунктам. Ко второй группе нами были отнесены вторичные монастырьки, открытые в уже функционировавших селах, ставшие необходимыми вследствие роста их дворности, религиозно-духовных потребностей жителей в пострижении и т.д.

В непосредственной близости от Сергиева монастыря, в подмосковной волости Воре уже в ХУ в. существовали две зависимых от корпорации обители - Троицы на Березняках и Св.Ильи. Обе археологически были исследованы С.З.Черновым. В ходе раскопок первой автор выявил территорию собственно монастырька с храмом и некрополем и подмонастырное селище, датируемое по керамике второй половиной ХШ - первой половиной XIV в. Более раннее время возникновения жилого селения по сравнению с первыми письменными известиями о самом монастыре, не идущими глубже 1430-1470-х гг., позволило **С. З.** Чернову предположить, что обитель появилась на месте ранее существовавшего поселения, на некотором удалении от центра земледельчского освоения [66]. Троицкий на Березняках монастырь сначала был ктиторским боярской семьи Бяконтовых (из рода которых происходил митрополит Алексей), а в 1471 г. по пожалованию удельного кн.Юрия Васильевича Дмитровского, владевшего волостью Ворей, поступал в состав Сергиева монастыря. В дальнейшем монастырек Троицы на Березняках назывался то погостом, то приселком, то сельцом [7].

Еще слабее известна история монастырька Св.Ильи в вол.Воре. В 1460-е - начале 1470-х гг. он, по-видимому находился под юрисдикцией митрополита Филиппа и имел кое-какие свои земли (Игнатове, Копорское, Ворыпаево и др.), перешедшие в 1471 г.- в состав троицкой вотчины с включением Ильинского монастырька по грамоте князя Ю. В. Дмитровского. В выписи из писцовых книг начала XVI в. он, хоть и называется монастырем, фактически уже являлся маленьким селом с 5 крестьянскими дворами. Правда, оказалось оно нежизнеспособным и позднее ни в каких документах не встречается. Лишь некоторые из прежних земель Ильинского монастырька (дер.Копорская, например, и пуст.Ильинская) вошли в состав обширного комплекса троицких владений в вол.Воре вокруг села Муромцева. Вряд ли прав С.К.Смирнов, локализовавший Ильинский монастырь в одном из ворьских сел, Боркове (в нем, действительно, была Ильинская церковь). Но в описании начала XVI в село Борково и “Илья Святый в Воре” показаны отдельно и независимо друг от друга [68].

На запад от Троицы, в московском Горетове стане в 1569/70 г. в руки корпорации попал небольшой ктиторский Спасо-Преображенский монастырек близ села Тушина на р. Москве и р.Сходне. Он принадлежал боярской семье Тушиных-Фоминых и их родственников, князей Телятевских. В данной грамоте кнг.Софьи Телятевской 1569/70 г. находим редкие сведения о каменных монастырских храмах: 1) Преображенском с приделом Благовещения и 2) Андрея Стратилата, каменной ограде длиной в 53 саж, каменных воротах, что говорит о состоятельности вотчинников-ктиторов. Каменные строения, безусловно, выделяли обитель на фоне окружающих крестьянских деревянных построек. Писцовая книга 1594 г. отметила в монастыре 5 бобыльских дворов, то есть он постепенно трансформировался в крестьянское поселение. Каменные строения не помогли пережить ему потрясения смуты и в начале 1620-х гг. описание отметило уже “село, что был монастырь Всходня на р.Москве, а нем церковь Преображения Господня с трапезою” [6C)]. Сохранялось это село и в дальнейшем, а из прежних вотчинных деревень маленькой обители в документах упоминается единственная деревня - Назарьево [70].

Фактором “селообразования” стало запустение другого зависимого от Троицы монастырька, Успения на Воинове горе, расположенного на рубеже Переславского и Владимирского уездов, на р.Клязьме, против устья р.Киржач. Под юрисдикцией троицких властей он находился еще со времен Василия I, упоминался также и в настольной грамоте митрополита Макария 1561 г. как зависимый от Сергиева. После смуты Успенский Воинов монастырек превратился в погост с церковью Успения близ дер.Воиновой. Именно она и становится основой для последующего поселения людей, укрупнившись к концу XVII в. в село Воиново, Воинова Гора или просто Гора [71].

В Пошехонском уезде и в XV, и в XVI в состав Троицкой корпорации неоднократно и удельными князьями (И.А.Можайским, А. В. Угличским) и Иваном IV передавался “монастырек Егорей Великой, а к нему деревня монастырская”. Наблюдается упорное стремление князей помочь Троице утвердить свое влияние в низовьях Шексны “от рубежа Ерославского”. Возникшая на церковной (поповской) земле деревня Поповская и стала после запустения обители (позднее 1534 г.) “притягивающим” к себе пунктом для остальной группы мелких деревень в этом районе [72].

Что же касается сельских монастырей, как бы “вторичного происхождения, организованных в уже существующих селах, то можно отметить три основных пути их появления. Первый - когда сама троицкая корпорация создавала такие обители в своих, наиболее крупных и перспективно развивавшихся селах. Второй - когда она получала села с монастырями в них по вкладам от своих светских контрагентов. Третий - когда крестьянская община основывала для себя обитель в том или ином крупном селе. Питательной же основой для осуществления каждого из отмеченных путей, полагаем, было весьма распространенное в средневековой Руси “келейничество” при приходских храмах. В расширенном виде оно и могло приводить к образованию сельской обители. Е.И.Колычева пишет о “келейных сообществах”, “келейных братствах”, которые хотя и не относились официально к монастырям, в общественном сознании продолжали восприниматься как одна из форм аскетического жития, то есть как монашеское сообщество [73]. Ряд суждений по проблемам сельских монастырей и сельскому приходскому келейничеству будет приведен ниже.

Обратимся к доступному для нас фактическому материалу по вотчине Троицкого монастыря. В крупном троицком селе Прилуки на левом берегу Волги, на Кашинско-Угличском рубеже уже в первой трети ХУ в. известен как зависимый от Сергиева Христо-Рождественский монастырек. Из ряда княжеских грамот первой половины ХУ в. узнаем, что строителем в этом монастырьке был старец из Троице-Сергиева, имевший право “пятна”, то есть собиравший с местного населения пошлины с купли-продажи лошадей и другого скота в пользу троицких властей. упоминаются также рыболовы, состоявшие из чернецов Рождественского монастырька и мирян “Прилучьских деревень” и ловившие рыбу “до Ярославского рубежа” [74]. Обитель эта официально была признана за Троицким монастырем в настольной грамоте митрополита Макария 1561 г., а существование свое прекратила в 1620-е гг.Роль же ее можно видеть в интеграции населения на раннем этапе освоения Кашинско-Угичского Врхневолжья. Заметим, что первые письменные известия о Рождественском монастырьке относятся, по Житию Павла Обнорского”, к 1330-м годам. Археологические данные о возникновении села Прилук и других поселений в его окрестностях нам неизвестны, поэтому трудно выделить строго первоначальный компонент расселенческой структуры, являлся ли им Рождественский монастырек или села Прилучское и Удинское, слияние которых привело к образованию крупного комплекса Прилуки, в котором подобающее место заняла и обитель 75. Собственных земель у нее не было.

Во второй четверти XVI в. в крупном бежецком селе Присеки (в 10 верстах к югу от уездного центра) появился Спасо-Преображенский монастырь, официально даже признанный за Троицей в настольной грамоте митрополита Макария 1561 г. Во второй половине XVI -

первой четверти XVII в. Спасский монастырек находился под Управлением игумена и насчитывал 8-10 жилых и 3-5 пустых келий [76]. Был он безвотчинным.

Примером ктиторского вотчинного монастырька может служить обитель Рождества Христова в селе Рождественном в Дмитровском уезде. Ее ктиторами были прежние владельцы села И.А. и Ф.А.Рябчиковы, дававшие некоторые из своих деревень. Попав в состав мощной духовной корпорации в 1544 г по их вкладу, Рождествеский монастырек в дальнейшем получал содержание (фактически ругу) от троицких властей: "дают оброку из монастыря по чети ржи да по чети овса". О существовании монастырька в конце 1620-х гг. напоминали лишь церковь Рождества Христова с приделом Николы Чудотворца да при ней несколько келий "нищих бобылков" [77].

Наличие ктиторских монастырей в вотчинных селах в момент перехода их по вкладам к троице — явление, которое нередко фиксируется в поземельных актах. Для позднейшего времени у нас не всегда имеются данные, что происходило с такими обителями, всегда ли корпорация заменяла им прежних светских ктиторов, поддерживала их? В московском селе Новленском (Шеренский стан) по вкладу Авдотьи Бреховой-Ощериной был получен монастырек-погост Николы Чудотворца, в переславских селах Дерюзине и Стогове также известны монастырьки во имя этого святого, а в селе Сваткове - Покрова Св. Богородицы, в кашинском селе Фроловском "церковь Покров Пречистые монастырек" и т.д. [78]

Примером общинного по происхождению сельского монастырька может предположительно являться обитель Флора и Лавра в муромском селе Дубровы на р.Ушне. Наиболее раннее упоминание о ней находим в данной грамоте муромского посадского человека А.К.Родионова 16 января 1580 г. на двор в Муроме на белом месте. За этот вклад он просил руководство Сергиевой корпорации постричь его "в Троицком монастыре у Флора Великого в Дуброве". Следующее по времени упоминание находим в писцовой книге 1593/94 г. - здесь были игумен, 6 братов-старцев и нищенская слободка, населенная, помимо нищих, еще и "приходцами". На возможные земельные вклады крестьян в свой монастырь указывают дозорные книги 1612 и 1616 гг. - у него отмечено "данных крестьянских жеребьев по душам пашни паханые средние земли 10 четей да данных жеребьев перелогу 10 четей", а в конце 1620-х гг. пашни показано уже 50 четв. [79] Судя по описанию конца 1620-х гг., монастырек имел ограду, которая к тому времени уже "обвалялась", и только 3 кельи. Во главе крохотной общины стоял уже не игумен, а черный поп. Вообще особенностью малых сельских монастырей было предельно простое их внутреннее устройство, почти полное отсутствие иерархии должностей, если не считать редко упоминаемых игуменов и черных священников. Никаких больше келарей, казначеев и пр. здесь не было. По-видимому, на средства Сергиевой корпорации в монастырьке была возведена деревянная шатровая церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом Чудотворца Сергия дополнительно к уже существовавшей там "древяной клетски" церкви Флора и Лавра. Дальнейшая его судьба в источниках не отражена. Скорее всего, он просто запустел, как и названные выше монастыри в Присеках и Прилуках.

Монастырь, подобный только что описанному, при всем лаконизме известий, можно понимать как проявление общинной и церковной благотворительности, как способ поддержания мизерабельных слоев деревни. В литературе больше известно о существовании малых монастырей у черносошного крестьянства на Севере России (М.М.Богословский, С.В.Юшков, А.В.Камкин). Как пишет А.В.Камкин, такие монастыри могли формироваться вокруг некоторых приходских храмов. Здесь образовывались своеобразные общины "старцев" или "стариц". Постригаться могли местные бобыли и нищие, а постригали их строители каких-нибудь расположенных по соседству монастырей. Малые сельские монастыри выполняли роль богадельни для крестьянской общины. В них могли получить пищу и кров обедневшие, одинокие и престарелые [77]. Явление малых монастырей этим же

автором отмечается как преходящее. С.В.Юшков считал, что на начальном этапе в управлении такими, монастырями преобладал приходской сход, а в дальнейшем -возвышался черный совет из монастырской братии. По поводу распоряжения собственностью малых монастырей А.В.Камкин высказывает суждение, что право это могло принадлежать местным церковным старостам [80].

Вопрос о статусе земельных владений приходских церквей и сельских монастырей в центре России в XV-XVII вв. требует специального изучения и по законодательным актам, и по массовой писцово-переписной докуметации. В приговорах 1572 и 1580-1584 гг. разделялись большие монастыри, у которых вотчин много, малые монастыри, у которых их мало, и "места убогие", у которых земли или совсем нет, или очень мало. О последних царь и митрополит должны были позаботиться и "устроить их землею, как будет пригоже, как бы им мочно прожити". В законодательстве 1625-1636 гг. проводится линия на то, чтобы не допустить превращения оброчных земель у приходских церквей в их вотчины и поступления выслуженных вотчин по- вкладам бездетных вдов в приходские церкви. Но необходимо специальное выяснение того, кто распоряжался землями - поп, церковный староста как доверенное лицо общины или монашество сельской обители?

Не перечисляя здесь всех случаев (в источниках их множество) келейничества-монашества при приходских церквях, отметим, что, наряду с чересполосно называемыми кельями с мужчинами и женщинами, фигурируют и более строго выдержанные мужские и женские "старчества". Со стороны Троицкой корпорации предоставлялась денежная и хлебная руга-дотация некоторым женским старчествам в ряд околомонастырных и более отдаленных сел. Эта руга была как бы "вписана" в поминально-культовую практику монастыря, широкомасштабно осуществляемую им поминально-религиозную деятельность по увековечению памяти ряда московских великих и удельных князей, множества других своих вкладчиков самого различного социального ранга. Организация подобных старчеств нередко предусматривалась самими дарителями как способ посмертного устроения собственной души. Так, по душе удельного кн.Юрия Ивановича Дмитровского (ум. 1536) женские старчества в московских и переславских селах Клементьеве, Благовещенском. Зубачеве, Дерюзине, Шарапове получали дважды в год милостыню деньгами. В бежецком селе Сукромное Никольское в конце XVI в. жили "оброчные старицы черноризицы", также получавшие ругу-дотацию по душе рода Головкиных, прежних вотчинников этого комплекса[83]. Если мужские сельские монастыри имели, как говорилось выше, элементарную внутреннюю организацию, то в женских старчествах таковой не было вовсе.

В составе приписных к Троице монастырей нередко имелись свои, пусть микрокопические, зависимые обители. Вологодский Авнежский монастырь, судя по Описи 1641 г., расположил на р.Нозме вотчинный погост с церквями Троицы и Рождества Иоанна Предтечи, где находились кельи нескольких стариц-черниц. В некоторых костромских селах переписная книга 1678 г. отмечает такое количество лиц, живущих в кельях (до 58-60 чел.), что взгляд на келейничество, помимо всего прочего, и как на дополнительный фактор "многолюдства", населенности не покажется сильным преувеличением [85].

В заключение рассмотрения проблемы сельского расселения и населения в вотчине Троице-Сергиева монастыря суммируем основные наблюдения. В XVI-XVII вв. у корпорации сложилась и успешно функционировала развитая система сельского расселения. Она включала различные виды сельских поселений, отличалась иерархичностью, динамичностью, богатством форм и сочетаний населенных пунктов. Проанализированные в главе виды сельских поселений (села, деревни, погосты, слободки и др.) нередко отличались амбивалентностью, текучестью, переходя один в другой.

Важнейшим фактором ее развития была земледельческая база - качество почв (например, в Суздальском и Юрьевском уездах), наличие пригодных для хлебопашества

земельных массивов, делавшее возможным земледельческое освоение. Первичный его этап во внутренних районах великорусского центра к середине XVI в. уже был завершен, но в ряде центральных уездов и тем более окраинных регионах он продолжался еще и в 1670-1690-е гг. Приведенные в главе материалы писцовых описаний XVI-XVII вв. показывают неравномерность распределения сельского населения на пространстве огромной вотчины. Основные его сгустки, образующие своего рода “несгибаемый каркас” всего социального организма латифундии, ее крестьянской основы были представлены наиболее старинными и многодворными селами в Московском, Переславском, Юрьевском, Суздальском, Костромском, Муромском, Угличском, Бежецком и др. уездах. Эти вотчинные центры, опорные узлы упомянутого каркаса не прогнулись от всех потрясений второй половины ХУ 1 - начала XVII в. - опричнины, хозяйственного кризиса 1560-1580-х гг., смуты и ее разорительных последствий.

До конца XVI в. существенным фактором в развитии системы сельского расселения был и троицкий домен, его масштабы и способы размещения. Внедрение барской пашни в села влияло на количественное распределение крестьянских дворов в рамках данного вотчинного комплекса, на размеры наделов “сельчан” и “деревенщиков”. По мере сокращения домена в конце XVI - первой четверти XVII в. распределение дворов выравнивалось, размеры сельских поселений унифицировались, становились более соотнесенными друг с другом. Домен играл и организующую население роль в окраинных регионах (юго-запад, юг, Поволжье, отчасти даже север). Он был важен для монастыря и как средство закрепления своих владельческих прав на новых землях, стимул их первичного хозяйственного освоения. Роль домена как способа повторного заселения пустых деревень отчетливо проявилась и в восстановительные 1620-е годы. Здесь тематика одной главы буквально “наползает” на другую, поскольку к этим же наблюдениям и выводам придется вернуться в главе о феодальной ренте, когда речь пойдет о полевой барщине.

В рассматриваемый период сильно проявились и внешние, и естественные факторы развитии демографических процессов - набеги крымских и казанских татар. Военные действия в годы польско-шведской интервенции. Особенно страдающими, несущими большие демографические потери были в конце XVI - начале XVII в. монастырские вотчины окраинных и пограничных уездов - юго-западных, отчасти поволжских. После смуты и преодоления ее тяжелых последствий набирает силу демографический рост огромной вотчины, наиболее ярко выразившийся в центральных и поволжских уездах. Моровое поветрие 1654-1655 г. тоже следует учитывать как неблагоприятный фактор процессов народонаселения, хотя в- полном объеме количественные потери среди троицкого крестьянства установить по имеющимся источникам не представляется возможным. Более или менее полные данные известны по Околомонастырской округе, а по отдельным уездам обнаруживаются в переписных книгах 1678 г. Они были приведены в главе.

Важным фактором демографического развития Троицкой корпорации в XVI-XVII вв. были внутривотчинные крестьянские переходы и другие виды внутривотчинных миграций.

На их основе совершалось постоянное внутреннее земледельческое освоение огромной латифундии, резервы которого, как говорилось выше, и до конца XVII в. еще не были исчерпаны. В рамках обширной латифундии отчетливо вырисовываются два очага наиболее интенсивных миграционных потоков - это Подмонастырная округа и Алатырский уезд. Если в первой сходились все их географические направления (с юга, севера, запада и востока - к центру), то второй стал как бы крайним восточным форпостом вотчинной территории, в котором оседали и организованно переведенные сюда монастырскими властями троицкие крестьяне, и прибывшие по своей воле и инициативе из центральных троицких сел и деревень поселенцы.

Фактор общественного разделения труда, наряду с земледельческим, также должен быть учтен для более глубокого понимания развития системы сельского расселения.

Появление непашенных (бобыльских в массе своей) дворов в селах и деревнях и чисто бобыльских (непашенных) поселений (слободок в первую очередь) объяснялось как потребностями монастырской ремесленной специализаций, так и углублением специализации внутри самого крестьянства.

Особую специфику системе сельского расселения Троицкой корпорации придавало обилие у нее зависимых монастырей, а также наличие малых сельских обителей. В сложении их сети сыграли свою роль и политические (высокий церковно-государственный статус Сергиева монастыря), и морально-религиозные факторы. Дочерние филиалы в XVI - середине XVII в. служили дополнительными связующими узлами локальных миров сельской жизни в рамках огромной по территории вотчины, приближали администрацию к управляемым селениям, структурировали всю систему сельского расселения под эгидой единого центра, которому они подчинялись.

Рассмотренный в главе материал служит убедительным подтверждением магистрального процесса в развитии системы сельского расселения в России XVI-XVII вв. - постепенного исчезновения массы мелких деревень, укрупнения остающихся, в которых и сосредотачивалась основная масса крестьянства. В Троицкой латифундии этот процесс к концу XVII в. сказался и в сфере вотчинного управления, привел к сокращению поселкового штата слуг, ключников и приказчиков, к наибольшей концентрации административно-судебных функций в самом монастыре. Этот сюжет, в свою очередь, связан с более общей проблемой монастырского иммунитета и его финансовые основ, и будет рассмотрен нами в последней главе работы.

QQQ

ГЛАВА V. ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ВОТЧИНЫ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI - XVII В.

5.1.Структура и динамика пашни и перелога.

Сведения об основных хозяйственных (пашня, перелог) и социальных (домен и крестьянские наделы) градациях земли систематизированы в табл.5-7. Произведенные на основе комплекса писцовых книг 1592-1594 гг. подсчеты показали, что в конце XVI в. один только земельный фонд монастыря (без сенокосов) составил в абс. выражении 146.755 четв. в 1 поле, или 220 тыс. дес. в 3 полях. Другие данные приведены Н.А.Рожковым -200 тыс. дес. в 3 полях, Ю.В.Готье -210 тыс.дес. и Е.И.Колычевой -143 тыс.дес.[1] Отмеченное расхождение, как и в случае с населением (гл.4), объясняется меньшим количеством писцовых книг, которые привлекали названные авторы, опиравшиеся в основном на Калачовскую публикацию. В табл.20 из книги Е.И.Колычевой отсутствуют сведения по пашне и перелогу в Бежецком, Балахнинском, Звенигородском, Тверском, Нижегородском уездах.

Указанная нами цифра -220 тыс дес. в 3 полях - также не может считаться исчерпывающей, поскольку в ходе “валового описания” оказались пропущенными отдельные вотчинные комплексы монастыря в Коломенском. Костромском. Ростовском, Юрьевецком, Гороховецком уездах, о чем нам уже приходилось писать [3]. Пашня в целом по вотчине на конец XVI в. составляла 63.813 четв. в 1 поле, или 43,4 % (в абс.95,7 тыс.дес.). Остальные 82.942 четв. в 1 поле занимали перелог и лесная поросль (56,5 %). Нами эти категории угодий всюду даны нерасчлененно, поскольку именно так - суммарно - они и приводятся в большинстве изученных нами писцовых книг.

Основополагающим принципом феодального землеустройства являлось разделение земли на крестьянскую и на господскую запашку (terra dominica, terra indominicata). В вотчине Троице-Сергиева монастыря в конце XVI в. 88,5 % пашни принадлежали крестьянам (в абс. 56.627 четв в 1 поле), а 12,1 % - составляли домен самого монастыря (в абс.7191 четв. в 1 поле). Надельная и домениальная земля находились в примерном соотношении как 8:1. Помимо жилых селений, пашня паханая размещалась и на пустошах и называлась обычно "наезжей". Ее более всего было у крестьян - 7,1 % (в абс.4541 четв. в 1 поле) и совсем немного у монастыря - 0,2 % (в абс. 156 четв.). Не представляется возможным вывести соотношение крестьянского и господского перелога из-за того, что в писцовых книгах (и не только 1590-х гг.) он обычно не расчленен по социальной принадлежности либо однозначно отнесен к категории крестьянских угодий.

Как и в других сводных таблицах, в табл.5 материал сгруппирован по четырем регионам. В ней наиболее благоприятное положение видим в группе северных уездов (Пошехонского, Белозерского и Деревской пятины) - 62,5 % пашни и 37,4 % перелога. Далее можно назвать группу южных и юго-западных уездов - 48 % пашни и 51,9 % перелога. В самой многочисленной по числу уездов центральной группе фактически воспроизводились пропорции, выводимые для вотчины в целом - 43,4 % пашни и 56,5 % перелога. Особенно тяжелым оказывается положение в поволжской группе уездов - 26,6 % пашни и 73,3 % перелога. Правда, внутри этой группы пропорции сильно разнились (сравним, например, данные по Балахнинскому и соседнему с ним Нижегородскому уездам в табл.5). В этом регионе, недавно замирившимся после "черемисских войн" второй половины XVI в., еще только начинался процесс интенсивного хозяйственного освоения, зримые результаты которого будут видны лишь в следующем столетии, Применительно к сельскому расселению и населению речь об этом уже шла в гл.4.

Какие изменения в структуре пашни и перелога позволяют отметить писцовые книги 1620-1640- ых гг.? Несмотря на разорение смутного времени, у Троицкого монастыря к середине XVII в. общий земельный фонд увеличился на 3,1 %, составив 151.306 четв. в 1 поле, или 226 тыс. дес. в 3 полях. Объем пашни паханой по сравнению с концом XVI в. уменьшился вдвое и включал 32.821 четв. в 1 поле, или 51 % от уровня 1590-х гг. Пашня занимала 24,1 %, а перелог 75.8 %, то есть находились в соотношении примерно 1:3. Если бы при вычислении показателей землепользования мы ограничились только писцовыми, официальными описаниями, то размеры пашни оказались бы еще меньше. Мы же по ряду уездов привлекали внутривотчинные описания (вытную книгу 1623 г. по Бежецкому, Пошехонскому и Ярославскому уездам и отказную монастырскую книгу 1630 г. по Муромскому уезду). Указанные источники позволили скорректировать и дополнить информацию писцовых книг разных вариантов о соотношении пашни и перелога, как это было сделано и в отношении сельского населения (гл. 4).

По Зарецкой половине Московского уезда из книги "деформированного варианта" Ф.Пушкина и А.Строева 1627/28 г. сведения о наезжей пашне (325 четв.) были учтены нами в графе общего количества пашни паханой, а остальные виды угодий (перелог и лесная поросль - 1735 четв.) включены в соответствующую графу. По Галицкому уезду из писцовой книги 1628-1635 гг. также "деформированного варианта" использовались сведения о количестве, правда, очень небольшом (10 четв.) господской пашни, а о крестьянской они, в силу характера источника, фальсифицированы, следовательно, общий показатель пашни паханой в соответствующей графе табл. 5 по Галицкому уезду должен быть выше, но у нас он минимальный. По Луговой стороне Костромского уезда из писцовой книги "деформированного " варианта 1628/30 г. брались сведения о монастырской пашне, наезжей пашне, перелоге и лесной поросли. За счет включения описания двух крупных троицких сел - Буякова и Сухорукова, пропущенных писцами в 1594 г., в книги конца 1620-х гг. получилось

значительное общее увеличение пашни у Троицкого монастыря во второй четверти XVII в. (табл.5). Из писцовых книг “деформированного варианта” по другим уездам (Ростовскому, Рузскому, Звенигородскому, Верейскому, Новосильскому) были взяты данные об общем количестве земли в виде перелога и лесной поросли. Информация эта, естественно, не позволяет судить о пропорциях пашни паханой живущей и запереложенной, поэтому при вычислении процентного соотношения пашни и перелога по вотчине информация писцовых книг “деформированного варианта” не использовалась, что должно было обезопасить от возможных искажений.

Анализ табл.5 по регионам свидетельствует о том, что земельный фонд Троицкой корпорации в центре страны практически не изменился с конца XVI в., находясь в пределах 129,3 тыс.четв. в 1 поле. Правда, в отдельных уездах центра, где в конце XVI - первой половине XVII в. происходил рост монастырского землевладения (гл.3), земли у корпорации стало больше: в Переславском на 21,8 %, Дмитровском - на 14 %, Юрьевском - на 8,8 %, Суздальском - на 7,9 %. Сильное же разорение смуты в целом по региону как бы “съедало” отмеченное поуездное увеличение владений.

Продолжая “региональный” обзор табл.5, наиболее значительный рост земельных площадей Троицкого монастыря видим к середине XVII в. в группе поволжских уездов (лишь по Казанскому у. у нас отсутствуют данные за 1620-1640-е гг.) - на 55 %. Объясняется это припиской новых обителей (Троице-Алатырский монастырь, Пелегова Юрьевецкая пустынь) а главное - интенсивным земледельческим освоением и ростом населения в данном регионе. Соотношение пашни (75,5 %) и перелога (24,4 %) в Поволжье у Троицкого монастыря было прямо противоположным тому, которое существовало в целом по вотчине. В Алатырской писцовой книге 1624/26 г. говорится еще и о “диком облоге”, не вычленяемом количественно из перелога и лесной поросли.

Заметным оказался прирост земли и в группе северо-западных и северных уездов - на 29,1 %. В нем могло сыграть свою роль земледельческое освоение в рамках вотчины Троице-Авнежского монастыря (правобережье р.Сухоны в Вологодском у.) и интенсивное хозяйственное восстановление в Деревской пятине в конце 1620-х-1660-е гг., отраженное в переписных книгах 1667-1669 гг. В виде исключения книги эти со сведениями о земельных угодьях нами используются, хотя, строго говоря, и выходят за хронологические пределы соответствующей графы в табл.5 - вторая четверть XVII в.

В группе юго-западных и южных уездов Сергиев монастырь имел к середине XVII в. 23 % пашни и 76,9 % перелога (в конце XVI в. соответственно 48 % и 51,9 %. Некоторый рост монастырского землевладения в этом районе (за счет новых приобретений в Тарусском уезде - см.гл.3) оказался полностью снивелировнным крайним разорением этого пограничья Русского государства в смуту. Особенно пострадавшим выглядит Серпейский уезд: если в конце XVI в. у монастыря здесь было 100 % пашни, то проведенное сразу по окончании Смоленской войны описание 1635/36 г. отметило лишь 0,6 % пашни и 99,3 % перелога.

Что изменилось в соотношении крестьянской и домениальной земли в троицкой вотчине к середине XVII в.? По-прежнему львиная часть земель (27,9 тыс. четв. в 1 поле, или 85 %) находилась под крестьянскими наделами. Напомним, что население вотчины в 1620-е гг. составляло более 10 тыс. дворов (гл.4), а по итогам переписных книг 1646 г., опубликованным А.А.Новосельским, - 16,8 тыс. дворов. 15 % земли образовывали троицкий домен (в абс.4906 четв. в 1 поле). По сравнению с концом XVI в. мы видим возрастание его процентной доли при уменьшении абсолютного количества: в 1590-е гг. он занимал 12 %, а абс. 7191 четв. в 1 поле. Соотношение надельной крестьянской и монастырской запашки во второй четверти XVII в. выглядело примерно как 5:1.

Такими были самые общие пропорции пашни и перелога, господской и крестьянской земли, устанавливаемые на основе сплошного привлечения писцовых книг конца XVI -

первой половины XVII в. Переписные же книги 1640-1670-х гг. информации о земле, как правило, не содержат. Сведения о домене и крестьянских землях по ряду уездов в конце XVII в. будут проанализированы ниже в данной главе при конкретном рассмотрении сектора господского и крестьянского землевладения.

5.2.Троицкий домен: масштабы и размещение.

Впервые раздельную фиксацию господской и крестьянской пашни в документах Троицкого архива встречаем в самом раннем сохранившемся внутривотчинном описании. Оно относится к селу Поникарову Ростовского уезда, которое в 1529 г. от прежнего владельца дьяка Д. К. Мамырева, перешло к Сергиеву монастырю. В момент перехода в селе было 60 четв. господской запашки (у крестьян села - только 17 четв.). Домен занимал в селе 78 % земли, и обрабатывался при светском владельце не крестьянами, а казаками. В целом по вотчине доля господской пашни составляла 19,5 %[5]. В конце XVI в. в комплексе Поникарово господской пашни не отмечено совсем, а население самого села возросло в 4,3 раза. В данном случае не приходится говорить о каком-либо соотношении домениальной и крестьянской пашни. Не позволяют вывести их пропорции и ранние сотные (1520-1560-х гг.), поскольку они не разделяют господской и крестьянской пашни, а нередко и вообще не приводят количественных сведений о ней, ограничиваясь лишь суммарным указанием на число сох. В отличие от Центра, по Северо-Западу имеется сопоставимый материал писцовых книг конца XV - XVI в. о соотношении господской и крестьянской запашки, глубоко изученный по единой и усовершенствованной методике в коллективной монографии ленинградских авторов “Аграрная история Северо-Запада России второй половины XV -XVI в.” (Т.1-Ш).

Широкую территориальную распространенность домена в Троицкой вотчине к концу XVI в. видим по табл.6, где он показан в 27 уездах из 34, охваченных “валовой ревизией”. Посмотрим сначала, как он распределялся по регионам? Наибольшая часть домена была размещена в группе центральных уездов - 89,5 %. Очень незначительная - 0,6 % - в Поволжье и 0,4 % - в Деревской пятине. Для Поволжья необходимо сделать оговорку о том, что Свияжская писцовая книга 1593/94 г. пашню крестьянскую и господскую не разделяет, поэтому размер домена в данной группе и его процентная доля должны быть больше. В юго-западных и южных уездах в табл.6 показано 9,4 % господской пашни.

Поуездные же пропорции домена в рамках регионов весьма варьировали. Не может не бросаться в глава его высокая в доля в Суздальском - 29,3 %, Юрьевском - 29,1 %, Переславском - 21,6 % уездах. В группе южных и юго-западных уездов доля господской пашни была значительна (и об этом как о факторе сельского расселения в гл.4 уже упоминалось) - в Малоярославецком 19,4 %, Боровском 16,1 %, Верейском 15,2 %. В группе поволжских уездов, несмотря на начальный этап освоения (а может, как раз благодаря ему), тоже была заметной: в Нижегородском - 7,6 % - и Казанском - 9,4 %.

Монастырская запашка размещалась обычно в крупных селах и на лучших по качеству землях - добрых или средних. В некоторых вотчинных центрах домен достигал 75-85 % всей распахиваемой на момент описания (речь идет о комплексе писцовых книг 1592-1594 гг.) земли. В суздальском с.Шухобалово отмечено - 300 четв. доброй земли, тогда как крестьянам села - 36 дв. - было оставлено только 100 четв. Аналогичную картину видим в ростовском с.Новое; верейском с.Илемна. На средний крестьянский двор в Шухобаловской вотчине-волости приходилось 2,3 четв. господской и 5,5 четв. надельной запашки (соотношение 1: 2,3). Крестьяне Илеменской волости-вотчины пахали на двор по 0,9 четв. домениальной и по 4,9 четв. надельной земли (соотношение 1: 5,4). Существенные различия порой выявляются в сравнительных размерах господского и крестьянского клина между вотчинами даже в пределах одного уезда. Например, в ростовском с.Деболы, ближе всего расположенном к

уездному центру, видим самое неблагоприятное с точки зрения крестьянских интересов сочетание - на крестьянский двор приходилось 2,2 четв. домениальной и 4,1 четв. надельной пашни (соотношение 1: 1,8).В соседнем с ним с.Новое, округа которого была сильнее распахана и плотнее заселена, средний двор обрабатывал по 0,9-четв. господской и 6,4 четв. надельной пашни (примерное соотношение 1: 7). В других ростовских селах, расположенных в более отдаленной северо-восточной части уезда, Берлюкове и Ивашкове, устои барщинной системы еще не укоренились. По 0,2-0,3 четв. монастырской и 2,2-5,4 четв. надельной земли приходилось здесь в среднем на двор, то есть соотношение было 1:18; 1: 22.

В Московском уезде более половины господской запашки сосредоточено в Околомонастырье, под селом Клементьевским (350 четв.) и на землях мелких приписных обителей - Пречистой под сосною (село Подсосенье в Радонеже) и Спаса-Преображения в Тушине Горетова стана (по 50 четв.). Под домен была пущена и пашня на многочисленных пустошах Московского уезда, где она распахивалась наездом (72 четв. в 1-м поле). В с.Кесове описания 1594 и 1623/24 гг. господскую пашню указывают неразделенно от крестьянской, что не позволяет вывести конкретные размеры первой и тяжесть ее для отдельного крестьянского двора.

Для 1620-х гг. не представляется возможным установить пропорции домена вообще для всех троицких владений в столичном уезде, поскольку две его половины - “по ею сторону Москвы-реки” и Зарецкая - оказались зафиксированными: первая - в книге с неразделенной пашней, вторая - в книге деформированного варианта. Поэтому была использована позднейшая писцовая книга, 1684/85 г., стольника И.Вердеревского, относящаяся, правда, только в первой из названных половин уезда [5]. Это описание показывает некоторые внутриуездные изменения в размещении троицкого домена. Судя по ней, он перестал существовать в подмонастырном селе Клементьеве. Может быть, к концу XVII в. торгово-ремесленное его развитие “перебороло” пашенное, хотя крестьянское население со своей землей в Клементьеве и в конце XVII в. сохранялось. По книге 1684/85 г. мы видим общее возрастание доли домена в “посюсторонней” части столичного уезда по сравнению с концом XVI в. В абсолютном выражении он составил 3147 четв. в 1 поле, а располагался почти поровну в селах к востоку от обители - Кесово, Копнино, Рахманцово, Городок (б.Радонеж), Борково, Глинково, Варавино, Титково (52 %) и на пустошах северовосточной части Подмосковья (48 %). Назначение домена здесь, опираясь на наблюдения Н.А.Горской, как и у других монастырей, было потребительским. Оно заключалось в снабжении продуктами многочисленной братии и административно-служебного аппарата корпорации, а также - ее московских дворов и подворий. Сведений о товарной направленности полевой барщины Троицы в Подмосковье у нас нет. В приходо-расходной книге за 1703 г. ничего о продаже монастырского хлеба на московских рынках не говорится. А такие сведения обязательно попали бы в нее, если бы само явление существовало.

Источники позволяют выделить два основных способа в размещении господской пашни, напоминающие нам таковые же применительно к сельскому расселению. Первый из них, уже отмеченный выше и наиболее распространенный, можно условно назвать *концентрированным,* второй *-рассредоточенным.* При первом способе домен находился в крупном селе - центре данного вотчинного комплекса, и при этом крестьянских дворов в нем было немного, они оттеснялись в сельскую округу, а наделы “сельчан” были существенно меньше наделов “деревенщиков”. В с.Шухобалове наделы крестьян составляли всего 2, 7 четв. на двор, а в других селениях данного комплекса - по 6,6-четв.В малоярославецких селах Передел и Почап соотношение господской и крестьянской запашки было как 6: 1 и 8: 1, а в деревнях этих сел как 1: 3,5. Известны примеры, когда в домениальных селах и вовсе отсутствовали крестьянские дворы - в угличком с.Прилуки, свияжском сц.Городище.

При втором способе (известном по ряду писцовых книг 1620-30-х гг.) корпорация более или менее равномерно распределяла господский клин не в деревнях, на починках и пустошах данного вотчинного комплекса. Такое внедрение могло преследовать разные цели: стимулировать земледельческое освоение какой-то местности, закрепить владельческие права монастыря, если район был окраинным, пограничным (южные уезды - от дикого поля, поволжские - недавно отвоеванные у Казанского ханства, со смешанным этническим составом и активно в XVII в. заселяемые).

Например, во всех своих новосильских деревнях троицкие власти в 1620-е гг. разместили домен (в 1594 г. его не было) - в дер.Казначеевой 15 четв., в дер.Толстенковой 12 четв., в дер.Журавники 8 четв.[6] При отсутствии у Сергиева монастыря в Новосиле крупного вотчинного села такое внедрение домена могло иметь цель как-то “скрепить” мелкие разрозненные деревни, страдающие, к тому же, от набегов крымских татар (см.гл.3-4). Отсюда довольно высокий общий процент господской пашни в Новосильском уезде в 1620-ые гг., показанный в табл.5 - 87, 5 %. В остальных же уездах южной и юго-западной группы в эти годы произошло или его резкое сокращение (по Верейскому - в 50 раз !), или исчезновение (Коломенский, Боровский, Оболенский, Серпейский уезды). В возвращенном после Смоленской войны 1632-1634 гг. серпейском имении (с.Олферьевское) корпорация домен заводить также не стала, хотя в 1594 г. он был здесь весьма внушительным - 80 четв., что составляло 13 % от всей пашни. Приведем еще пример, географически прямо противоположный южному Новосилю, но по существу ему близкий. На землях северного Троице-Авнежского монастыря в Вологодском уезде в конце 1620- х гг. господская пашня составляла 44 % от всей обрабатываемой здесь земли (табл.6). В условиях активной внутренней колонизации Сухонского правобережья и отсутствия у Троицы сложившегося здесь крупного вотчинного центра ее мы видим на починках - Новодеревенном - 6 четв., Елохине- 7 четв., Слободихе -25, Емельянове - 5 четв., Михальцове - 15 четв. и т.д. всего 100 четв. в 1 поле. Заметим, что в старинных авнежских деревнях, известных и в XVI в., монастырской пашни не было (Мерлино, Поплевино, Глупяково).

В плане сравнительном стоит привести предложенную Ю.Г.Алексеевым при исследовании сельского расселения и землепользования в Вотской пятине в первой половине XVI в. классификацию деревень - 1) чисто крестьянские, 2) деревни господского типа (без крестьянских дворов), 3) деревни смешанного крестьянско-господского типа. В деревнях первого типа размеры барской запашки и сенокосов были значительно ниже, чем в деревнях второго типа. В последних размеры господской пашни и сенокоса на двор в 2 и более раза превосходили крестьянскую пашню и сенокосы, причем разрыв этот от 1540 к 1561 гг. увеличился[7]. Определенные аналогии с приведенным у нас материалом о связи способов землеустройства с характером сельского расселения между Северо-Западом и Центром России налицо.

Временный характер и более классический способ размещения носило в 1620-е гг. заведение барской запашки в белозерском селе Троицкие Танищи на средней Суде. Скорее всего, организованные здесь 16 четв. были связаны с инициативой корпорации в деле хозяйственного восстановления данного вотчинного комплекса. Микроскопический по размерам домен - 7 четв., обрабатываемый детенышами, был заведен в 1620-е гг. и в отдаленной двинской дер.Игумновской, в вотчине новоприписного к Троице Николо-Чухченемского монастыря. Вовсе неосязаемый отмечен домен в деревской волостке Сытино - 3 четверика, согласно писцовой книге 1628 г. В дальнейшем и он перестанет существовать, как показывают описания Деревской пятины 1640-1660-х гг. (табл.20). Ни в одном из северных уездов господская пашня явлением длительным не стала, хотя в табл.5 доля ее в 1620-е гг. выглядит немалой - 29,2 %.

Для второго-третьего десятилетия XVII в. наиболее достоверные сведения об изменении размеров господской запашки на сопоставимой территории с концом XVI в. имеются в троицких хозяйственных книгах - оброчной 1617 г. (по Ростовскому и Костромскому уездам) и вытной 1623 г. (по Бежецкому Верху). Источники эти показывают уменьшение домена в названных уездах по сравнению с писцовыми книгами 1593/94 г. - в Ростовском на 56,9 %, Костромском - на 32,8 %, Бежецком - на 89,8 % (абсолютные значения приведены в табл.5). В Пошехонском уезде (включенном в вытную книгу 1623 г.) господской пашни не было ни в 1594, ни в 1623 г. (как фактор сельского расселения момент этот оговаривался у нас в гл. 4). В Ярославском уезде минимальный для конца XVI в. домен (10 дес.) в 1623 г и вовсе прекратил свое существование, будучи розданным крестьянам.

Вопросы, касающиеся повытно-подворных нормативов обработки домена в Ростовском, Костромском и Бежецком уездах в 1590-1620-е гг. (то есть проблема собственно барщинной эксплуатации), подробно рассматриваются в следующей, 6-й главе работы, посвященной феодальной ренте.

В условиях хозяйственного разорения центральных уездов России после смуты господская пашня служила средством реактивации земледелия в некоторых опустошенных местах. Сведения о такой именно роли домена в начале 1620-х гг. сообщает сыскная книга 1623 г. В первую очередь следует отметить очень сильно пострадавший Кашинско-Угличский рубеж (в результате карательного рейда польского полковника А.Лисовского в 1615/16 г.). В пустой кашинской дер.Морткиной была посеяна рожь монастырская ; в вымененной у Троице-Калязина монастыря дер.Тестовой заведена господская запашка, а Тестовские крестьяне “розвезены по иным монастырским (Сергиевой корпорации. - М.Ч.) деревням” Угличского уезда. Припустил в “господские десятины” монастырь и землю пустых деревень в Закоторосльском стане Ярославского уезда, присоединив ее к домену в крупном соседнем костромском приселке Кувакине. Частичные интервенции домена наблюдались по сыскной книге 1623 г. и на некоторых пустошах Костромского (в округе с.Марьинского) и Владимирском уезде, которые “были изрезаны в монастырские десятины”[9].

Переходя от Верхневолжья к Нижегородскому Поволжью, замечаем развитие господской пашни в 1620-е гг. Крупные клинья домена были внедрены, как показывает Нижегородская писцовая книга 1621 г. “оптимального варианта”, в троицкие села и деревни: с.Варварское - 50 четв., с.Ондреевское - 60 четв., деревни Выездное, Келейниково, Ташлыково, Долгое - в каждой по 20 четв. На средний двор в нижегородских деревнях Сергиева монастыря приходилось по 2,0-3,3 четв. господской и по 3,6-4,0 четв. Надельной запашки. Труднее выяснить этот вопрос для троицких владений в уездах Казанского Поволжья. По Казанскому уезду владения Сергиева монастыря во второй четверти XVII в. описаны не были, и в известном указателе актовых и писцовых материалов, составленном И.П.Ермолаевым, также не упоминаются. В Алатырской писцовой книге 1624/26 г. о монастырской запашке не сообщается (по-видимому, домен в новоприписанном - с 1617 г. - Троице-Алатырском монастыре еще не был организован). А Свияжская писцовая книга 1649 г., как и ее предшественница книга 1594 г., не разделяет пашню на господскую и крестьянскую.

В позднейших оброчных и переписных книгах Алатырского и Свияжского монастырей 1696 г. информация о домене есть. Находился он в конце XVII в., что называется, на излете, но даже и более поздние известия способны пролить некоторый свет на саму его организацию в предшествующее время. В Свияжском уезде монастырская пашня в XVII в. была размещена практически в каждом селе и деревне (Городище - это было чисто господское селение, Новое, Килдеево, Верхнее и Нижнее Услон). К концу XVII в. домен Троице-Свияжского монастыря включал 235 четв. пашни в 1 поле и 800 волоковых копен. В среднем крестьянскому двору (речь идет о 233 дворах) приходилось обрабатывать по 1 четв.

господской запашки и заготавливать по 3,4 копны. Переписная оброчная книга по Свияжскому монастырю позволяет установить масштаб проведенного сокращения господской пашни - на 65,9 % (в абс.на 155 четв., было оставлено 80 четв. домена в с.Новое). Поскольку переписная вытная книга 1696 г. Троице-Свияжского монастыря информации о крестьянской пашне не дает, мы не можем вывести соотношение этих категорий пашни по уезду, отдельным комплексам и на уровне конкретного хозяйства.

Менее разветвлен был троицкий домен к концу XVII в. в Алатырском уезде - книга 1696 г. называет его только в трех крупных селах (Четвертаково - 90 дес. в трех полях, Мишуково - 36 дес., Тургаково - 45 дес.). После проведенного сокращения джомена на 47,3 %, его соотношение с крестьянскими наделами стало как 1: 18. В среднем на крестьянский двор в вотчине Троице-Алатырского монастыря приходилось по 0,4 дес. господской и 7,6 дес. надельной запашки (колебания в зависимости от доли вытного тягла были весьма сильны - об этом см. в гл.6). Полагаем что в условиях стремительного роста сельского населения Свияжского и в особенности Алатырского уезда свертывание монастырской пашни на 47-65 % было продиктовано прежде всего задачами землеобеспечения массы новопоселенцев. Таким образом, если, по мысли С.Б.Веселовского, укрупнение поселений в конце XVI в. вызывалось ростом господской пашни (речь у него шла о центральных уездах), то спустя столетие оно потребовало ее значительного сокращения (мы имеем в виду на основе упомянутых переписных книг! 696 г. поволжские уезды).

Помимо фактора демографического, в отмеченном уменьшении масштабов земледельческого производства самого монастыря (хотя точнее следовало бы говорить о приписных к нему - Алатырском и Свияжском монастырях) сыграли роль - и другие факторы. В условиях растущих товарно-денежных отношений в России конца XVII в. имела значение для Сергиевой корпорации и большая выгодность оброчных платежей со своих крестьян, нежели полевая барщина, и об этом более подробный разговор предстоит в гл.6 по Феодальной ренте.

5.3.Крестьянское землевладение.

а) вытное тягло и крестьянский надел

Крестьянский надел определяется исследователями как “комплекс необходимых для сельскохозяйственного производства угодий — пашенных, сенокосных, лесных и др.”10.Впервые в документах Троицкого архива размеры крестьянских наделов были определены в Ростовском уезде в 1529 г. в комплексе Поникарово. В описании указывалось количество дворов и крестьянской пашни с сенокосами по каждой деревне с соответствующим им тяглом в “жеребьях”. Сведения эти были обобщены нами в таблице в специальной статье, которую здесь не дублируем 11. Размеры наделов в комплексе Поникарово колебались от 5,6 до 12 четв. в 1 поле. В среднем на двор приходилось тягло в 0,4 жребия, а надел - 7,4 четв. в 1 поле. Как видим, сведения о крестьянских наделах в монастырских описаниях появляются одновременно с фиксацией их тяглых долей в системе монастырского обложения. В Ростовском уезде окладная единица называлась “жеребей”, составлявший 15-16 четв. земли в 1 поле.

Фактором, в значительной степени определявшим величину крестьянских наделов, был, как уже говорилось выше, объем домениальной пашни в том или ином комплексе, способы его размещения. В анализируемом комплексе наделы обитателей села были меньше (5,6 четв.), чем жителей деревень (8-12 четв.), думаем, именно вследствие размещения в Поникарове внушительного объема барской запашки (60 четв.).

По другим уездам, где располагались троицкие владения, средние размеры крестьянских наделов позволяют вывести сотные 1562 г. (Переславский, Костромской уезды) и приправочные книги 1567/69 гг. (Рузский, Ярославский уезды). Они составляли от 6 до 9,2 четв. в 1 поле на двор (табл.21). Обращение к писцовым книгам 1593/94 г. показывает уменьшение крестьянских наделов по сопоставимым с 1560-ми годами вотчинным комплексам- у переславских крестьян, например, до 5 четв., у костромских - до 4 четв. По среднеуездным подсчетам А.Л.Шапиро, они стали еще меньше - 2,4 - 3 четв. С конца XVI в. отложился обширный комплекс писцовой и вотчинной документации, позволяющий подробно исследовать систему тяглообложения и крестьянского надельного землевладения корпорации.

В документах Троицкого архива термин *"выть"* впервые был употреблен в монастырской записи на московскую дер.Зиновьеву 1533/34 г. В деревне были отмечены две выти, каждая включала по десятине земли: одну из них обрабатывал один дворохозяин, другую - два. В записи выть соотносилась не только с конкретной земельной площадью (тяглым наделом ?), но и конкретными крестьянскими дворами. Состав их был даже описан, что является очень редкой деталью для вотчинных документов Троицкого архива. Указаны избы "ветчаны", клети, погреба, сенники с пристеном, а под ними два ветчаных хлева. Сведений о том, какую площадь занимала земля при дворе, ни в этом, ни в каких позднейших документах не находим [13]. Фигурируют выти в поземельных актах светских феодалов, начиная с 1540-х гг., владения которых по вкладам и другими путями попадали в Троицу. упомянутая дер.Зиновьева, например, принадлежала прежде радонежскому землевладельцу В. С.Племянникову. В данной и купчей грамотах 1540-х гг. галицкой владелицы А.Нетребуевой говорилось о трех вытях в каждой деревне 14.

Информация о вытно-надельной системе Троицы в 1590-е гг. относится более, чем к 2750 дворам и 13 уездам России и систематизирована нами в табл.8. Мы видим широкую территориальную распространенность и разнообразие вытного письма в огромной монастырской вотчине. Е.И.Колычевой уже было замечено существование на троицких землях как унифицированных (в Дмитровском и Кашинском уездах - по 10 четв. в 1 поле), так и разновеликих вытей (в Ростовском у. по 14-17 четв., Нагорной половине Костромского - 30-35 четв. и т.д.) [5]. Существенные различия в размерах выти выявляются и по писцовым, и по вотчинным книгам 1590-х гг. Кашинско-Дмитровское описание М.Волынского - П.Степанова оперировало унифицированной вытью, а описание А.Загряжского - Ж.Степанова содержит широчайший диапазон вытей: по 4-96 четв. в Тверском у., по 7-24 четв. в Старицком., по 12-33 четв. в Рузском, по 8-26 четв. в Звенигородском и по 6-72 четв. в Новоторжском уездах [16].

Из табл.8 следует, что наиболее употребимыми в конце XVI в. были вытные оклады в 0,25 выти (38 % дворов), 0,3 (18,5 %), осьмак или осьмуху (0,125) - 12,3 % дворов и половину доли выти - 12,9 % дворов (см. также метрологическую справку перед таблицами вытных окладов). Сильное измельчание вытного тягла в дальнейшем отражено в табл.9-12. Комплекс переписных книг 1610-х гг. по 16 уездам, охватывающий 1900 дворов, показывает, что ведущее значение сохраняется за окладами в 1/8 и *1/4*. Первыми было описано 23,5 % дворов, вторыми - 20,8 %, и к ним добавляются еще полуосьмачные оклады в 1/16, которыми было описано 17,4 % дворов. Примерно такое же положение наблюдаем и по оброчной книге 1617 г., относящейся к 4 уездам и включающей 1539 дворов (табл.10). Предельное же измельчание вытного тягла видим в хозяйственных книгах 1620-1690-х гг.: если в 1623 г. не было оклада крупнее 1/4 доли выти и таких дворов насчитывалось в трех уездах, охваченных вытной книгой 1623 г. не более 1 %, то в 1692-1696 гг. не оказалось доли выти, крупнее 0,171. В 1623 г. почти каждый 10-й двор (из 600) был описан 1/32 или 1/64 долями вытного тягла и стали употребляться такие его мельчайшие доли, как 1/128 (0,007) и 1/160 (0,005).

В отличие от информации о вытных окладах крестьянских дворов сведения о поземельном значении самих вытей не носят всеобщего характера. Например, в обширном комплексе переписных книг 1610-1616 гг. и в оброчной книге 1617 г. “земельное наполнение вытей” почти нигде не раскрывается. Нам пришлось оперировать в основном данными писцово-вотчинных описаний 1590-х гг., вытной книгой 1623 и переписными книгами 1696 гг. Названными источниками всего было зафиксировано ок.4 тыс.дворов.

На основе вычисленных крестьянских наделов были выделены четыре группы хозяйств. В *первую* группу были включены дворы с мельчайшими наделами, не превышавшими 1 четв. в 1 поле. Ко *второй* группе отнесены хозяйства с мелкими, по нашему определению, наделами от 1 до 4,9 четв. в 1 поле. К *третьей* - со средними наделами в 5-7,5 четв. в 1 поле. К *четвертой* - с крупными наделами - дворы, имевшие свыше 7,5 четв. в 1 поле. Такая группировка дворов положена в основу табл.17, имеющей три хронологических среза- 1590-е гг. (и здесь более всего уездов - 11), 1623 г. (3 уезда) и 1690-е гг. (2 уезда). Состояние наших источников таково, что сравнимых данных о развитии вытно-надельной системы крестьянского землевладения они не содержат, это видно по случайному набору уездов в табл.17. В ней также даны более подробные градации наделов в рамках мельчайших и самых крупных, чем названные выше (по 0,5-0,9 четв. и менее 0,5 четв. в 1 поле на двор).

В Дмитровско-Кашинском описании 1592/93 г. чуть более 1 % дворов имели крупные наделы, по 10-15 четв. в 1 поле, соответствующие окладам в 1,0 - 1,5 выти. Средних по размерам хозяйств в Дмитровском и Кашинском уездах в конце XVI в. было 15,8 %. Их наделы составляли 5,0 - 7,5 четв. в 1 поле, а оклады у них были соответственно 0,5 - 0,75 выти. Основная же масса дворохозяйств в анализируемых уездах может быть отнесена к мелким осьмачным (по 1,25 четв. в 1 поле), “шестушным” (по 1,67 четв.), четвертьвытным (по 2,5 четв.) и третьвытным (по 3 четв.) дворам.

Труднее вывести наиболее употребимые доли тягла и соответствующих наделов в уездах с разновеликими окладными единицами. Например, в Коломенском уезде в вытной книге 1595-1596 гг. размеры выти составляли 10-17 четв., и здесь наделы четвертьвытных дворов могли быть 2,5 - 3,75 четв., осьмачных дворов - 1,25 - 1,875 четв. В Оболенском (Серпуховском) уезде та же книга использует болыперазмерную выть - по 30-40 четв. (причем, не заметно влияние качества почвы на эти размеры), поэтому осьмачные дворы имели наделы в 3,7 - 5,0 четв. в 1 поле, четвертьвытные по 7,5 - 10 четв. (и таких дворов в Оболенском уезде было немало -свыше 33 %).

В писцовых книгах по Тверскому, Старицкому, Рузскому, Звенигородскому и Новоторжскому уездах 1593/94 г. (описание А.Загряжского - Ж.Степанова) хозяйства с крупными наделами отмечены, как правило, в одно-двухдворных деревнях Кроме того, в самих крупнонадельных дворах описание нередко фиксирует не одного, а двух-трех дворохозяев. Это же описание отмечает и отмену домена в ряде уездов (Новоторжском - с. Кунганово, Звенигородском - с.Кляпово Никольское), замену полевой барщины крестьян денежным оброком, что сопровождалось увеличением их наделов. Например, в новоторжском с. Кунганове фонд крестьянской пашни таким образом был увеличен на 78 четв., а самый крупный надел составил 21 четв. в 1 поле (для двора, описанного 0,7 долей выти). Отметим, что это наивысший показатель крестьянского тяглого надела, выявленный нами по писцовой и вотчинной документации Сергиева монастыря конца XVI - XVII в. Попутно заметим, что отмена господской пашни в названных селах стала необратимой - в XVII в. она здесь не заводилась.

Ценным документом для изучения вытно-надельной системы у Сергиева монастыря является дошедшее до нас во фрагментах описание переславского села Давыдовского (в 20 верстах к югу от уездного центра) 1600/01 г. По сути это *вытная переписная и мерная книга.* Она была составлена старцем-замолотчиком В.Карачевцем совместно с верхушкой

крестьянской общины (старостой П.Федотовым, отрубщиком С Корелкиным и несколькими “добрыми”, то есть зажиточными людьми) и представителями местного духовенства. Кроме угодий самого села, описание затронуло также прилегающие к нему деревни и приселки Милославле, Сушково, Бориловка и Ростиново (по двум последним в тексте заметны утраты).

В Давыдовском комплексе была непосредственно измеряна в каждом из трех полей (большом, среднем и третьем) и повытно учтена как **“тяглая земля в жиле”,** так и **“пустотная (или пусторная) наемная земля”.** Первая описывалась вытью в 20-21 дес. в 3 полях, вторая - вытью в 14-21 дес. в 3 полях (см.табл.13). Будучи приданной к тяглому крестьянскому наделу, **пусторная наемная земля** феодальными повинностями не облагалась, отсюда и ее название, зато существенно могла увеличить землеобеспеченность крестьянского двора. Подчеркнем, что речь в данном случае идет не о пусторной наемной земле на пустошах, а именно о пусторной наемной земле в жилых селениях Давыдовского комплекса. Земельный собственник описывал и учитывал ее вытями, но назывались те также “пустарными” или пустыми. В Давыдовском комплексе ее было 15 % (или 104,6 дес. в трех полях). Через обработку данной категории земли полнее реализовывались производственные возможности крестьянских дворов. Отражением такого порядка в системе вытного письма стала фиксация как бы двойных вытных окладов крестьянских дворов: “у него *четь выти в тягле* и *четь выти в пусте”* и т.п. В анализируемом источнике видим примеры описания не одного, а пары крестьянских дворов под общей долей выти. Дворы эти могли быть населены и братьями, и, судя по фамилиям, неродственниками. Отыскиваются примеры, когда в одном дворе зафиксировны два хозяина, не являющиеся родственниками, каждый со своей долей вытного тягла. Много свидетельств образования новых дворов на основе разделения отцовских и братских семей. В приселке Сушково книга 1600/01 г. последовательно называет дворы: Лукьяна Щурова, Ивана Щурова, Истомы Щурова, каждый - на чети выти в тягле и чети выти в пусте [17].

Тягло-надельное распределение дворов в Давыдовском комплексе в 1600/01 г. отражено в табл.14. Наиболее крупнонадельные хозяйства были описаны здесь 0,75 выти и имели 18 дес. в 3 полях, но таких дворов насчитывалось только три во всей вотчине, причем в центральном селе. Большинство же дворов были четверть- (по 5,2 - 5,7 дес. в 3 полях) и полувытные (по 9,0 - 10,7 дес.). Ими возделывалось 87 % пашни данного комплекса. Мелконаделные дворы были описаны осьмаками (0,125), их наделы составляли 2,5-2,6 дес. в 3 полях, отмечены они за пределами села, в тянущих к нему приселках Милославле и Сушкове, а обрабатывалось ими лишь 3,1 % всей пашни Давыдовской вотчины. В целом же картина вытного письма и крестьянского тяглого и “наемного”, освобожденного от несения тягла землевладения в жилых селениях предстает вполне развитой и разнообразной. К этому ценному описанию мы еще раз вернемся при анализе земельно-тяглых переделов в Троицкой вотчине ниже в настоящей главе, упомянутая в Давыдовском описании 1600/01 г. практика двойных вытных окладов (такая-то доля в тягле, а такая -то в пусте) станет очень распространенной во втором десятилетии XVII в. В монастырских переписных 1610-1616 гг. и оброчной книге 1617г. большая часть дворов была зафиксирована именно так (1/4 + 1/6, 1/12 + 1/8 или 1/4 + 1/8 и множество других сочетаний, приведенных у нас в метрологической справке и унифицированных в таблицах вытных окладов в десятичном выражении). Отмеченная “добавка” могла отражать и состояние крестьянского землепользования, взятие отдельными крестьянами дополнительных участков для обработки, и частичную польгоченность дворов в условиях сильного разорения, и дотошный повытный учет корпоративным собственником всех категорий земли, даваемых крестьянам.

Предположения эти находят подтверждение в тексте оброчной, например, книги 1617 г. В костромском приселке Салтанове: “во дворе Первой да Савелей Федоровы на чети выти, да им же придано в дер.Киноболине полтрети”. В том же уезде в дер.Дуровой: “во дворе

Первой да Третьяк Терентьевы да Первова сын Левонтей на чети, да за ними же в дер.Киноболине полполтрети". По поводу предоставления льготы на весь или на часть вытного оклада можно сослаться на включенные у нас в Приложение 1 под №№ 191,192,194 льготные памяти троицких властей крестьянам своей вотчины об освобождении их на определенный срок от государевых податей, монастырских оброков и "изделья", волостных платежей. Перевод на льготу осуществлялся нередко в ответ на крестьянские челобитные, подписанные троицкими дьяками по распоряжению монастырских властей (см. в приложении 1 №№ 206-209 -самые ранние "подписные челобитные" упомянутые во фрагментах оброчных и вытных книг 1595/96 г. по Бежецкому, Верейскому, Московскому, Коломенскому уездам). В связи с широкой практикой предоставления льготы и вообще подвижности, мобильности системы вытного письма представляет интерес существование среди разновидностей вотчинной документации и "дворцовых вытных книг прежних сбавок", которые фигурируют также во фрагментах монастырских описаний конца 1630-х гг. (Приложение 1.№ 298). Предоставление льготы отразилось и в номенклатуре окладных единиц. Во втором десятилетии XVII в., наряду с вытями, долями которой описывались обычно тяглые дворы, в некоторых имениях употреблялся и "кол" - им описывались льготные крестьянские дворы (Суздальский у., с.Татарово). Сугубо подворный характер данного описания, к сожалению, не позволяет вывести поземельный размер "кола".

В описаниях второго десятилетия XVII в. заметна и тенденция к определенной унификации вытных окладов в пределах селений. Скажем, в ярославской дер.Харловой все 12 дворов были положены в 1617 г. в 1/12 долю выти ("другонатку"). В московских селах Салареве и Мамонове все 23 двора были описаны в 1616 г. только "осьмухами", а в с.Рахманцове - 21 двор - сидел только на "шестухах"[19]. Унифицированность вытных окладов можно вслед за Е.Н.Баклановой (Швейковской) оценивать как признак существования уравнительной системы землепользования у монастырских крестьян.

Детальное описание вытно-надельной системы крестьянского землевладения находим в ценнейшей по содержанию вытной оброчной книге 1623 г. Как и небольшое по объему описание Давыдовской вотчины 1600/01 г., книга эта явилась результатом **непосредственного измерения** дворцовым старцем Л.Смагиным и выборными представителями от общины (особое значение придадим упоминанию в Бежецком разделе книги **отрубщика** Степана Олексеева) разных категорий земли -пашни тяглой, льготной, пашни "в лишке за тяглом", " пустотной наемной" в жилых селениях. Имеются также сведения о повытно учтенном перелоге и лесной поросли на пустошах. При описании в 1623 г. использовались разновеликие выти: пашня тяглая и льготная регистрировались вытью 19-58 четв. в 1 поле, затяглая пашня -унифицированной 8-четвертной вытью. Размер вытей, которыми учитывались перелог и лесная поросль на пустошах, не указывался, а в отдельных случаях данные об этом приведены в десятинах. Нигде в вытной книге 1623 г., как и в документах 1590-х гг., размер выти не поставлен в зависимость от качества земли (добрая, средняя или худая), в отличие от вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, в которых худых земель на выть приходилось в 1,8 раз больше, чем средних или добрых, как пишет З.В.Дмитриева. Считаем важным также и то, что вытная книга 1623 г., будучи монастырской по происхождению, всюду оперирует понятием **"крестьянские владения",** независимо от категорий описываемой земли - тяглой, льготной, лишней за тяглом, наемной (оброчной). Это свидетельствует о признании корпоративным собственником крестьянских прав на землю.

В ряде вотчинных комплексов Сергиева монастыря в Бежецком Верхе (Присеки, Молоково, Ахматово) выть в среднем включала 20-21 четв. в 1 поле, в отдаленном с.Баскаки она состояла из 58,5 четв. При описании ярославского с.Коприна использовалась выть в 27 четв., в пошехонских приселках - 19-21 четв. в 1 поле [22]. Наши наблюдения над вытной

книгой 1623 г. убеждают в правоте суждения З.В.Дмитриевой о том, что отдельно взятая деревня могла выступать в качестве окладной единицы. Так было в старину, и отсюда исследовательница выводит само происхождение разновеликих вытей [23]. В Ярославском разделе книги фигурирует немало деревень, по каждой из которых указан суммарный вытный оклад. относящийся ко всем ее дворам. Для исчисления подворных окладов и наделов в таких случаях всегда приходилось делить общую сумму оклада и земли на количество дворов, получая при этом обычно очень малые величины. В Бежецком Верхе 17,6 % крестьян имели мельчайшие наделы, менее 0,5 четв. в 1 поле, в Ярославском - 7,7 %.

Разномасштабные окладные единицы, используемые при описании 1623 г., не позволяют вывести наиболее употребимые нормы тяглообложения и надельных участков в трех изучаемых уездах. Например, в комплексе Присеки при выти в 21 четв. четвертьосьмачный двор (на 1/32) мог иметь 0,8 четв. пашни, а в с.Баскаки при формально такой же доле выти - 1,8 четв. пашни в 1 поле. Соответственно были весьма различны и наделы крестьян на формально одних и тех же долях вытного оклада - 1/24, 1/48 и т.д. при сравнении вотчинных комплексов между собой. За этим следовала и весьма пестрая картина внутривотчинного обложения феодальной рентой и государственными, налогами, о чем разговор предстоит в следующей, 6-й, главе работы.

Общая структура крестьянского землевладения по вытной книге 1623 г представлена в табл.15. В ней отмечено по Бежецкому Верху 607 четв. **тяглой пашни** и 433,2 четв. - **пашни в лишке за тяглом,** что составляло 38 % от всей обрабатываемой земли. В отдельных комплексах уезда, например, в Баскаках затяглой пашни было даже больше, чем тяглой - соответственно 77 и 75 четв. в 1 поле. Кроме того, в жилых селениях Бежецкого Верха монастырские крестьяне возделывали еще “наемную пусторную пашню”, составлявшую 95 четв. в 1 поле, или 7,3 % обрабатываемой земли. В имениях Ярославского и Пошехонского уездов такой категории пашни не было.

В отличие от писцовых книг по названным уездам за 1620-е гг, показывающих на **пустошах** только перелог и зарастающие лесом земли, вытная книга 1623 г. указывает на **пашню паханую** и здесь - в Пошехонском уезде 13 %, в Бежецком - 12 %, в Ярославском - 2,2 % от всей обрабатываемой земли (табл.15). Такая категория пашни может быть отнесена к явлению крестьянской аренды и рассматривается нами ниже в параграфе о вненадельном крестьянском землевладении.

Таким образом, реальная землеобеспеченность крестьянского двора складывалась из нескольких компонетов. Там, где использовалась пусторная наемная земля в жилых селениях и пашня на пустошах, землеобеспеченность двора составляла в среднем от 3,9 до 5,6 четв. в 1 поле. В комплексах, где резерва пашни на пустошах не было (Скорыново, Люботицы, Княже и др.) землеобеспеченность двора оказывалась меньше —от 1,9 до 2,9 четв. в 1 поле (табл.15).

В структуру крестьянского надела, безусловно, должны быть включены и сенокосы. Их повышая норма в известных нам вотчинных описаниях, как правило, твердо не определялась. Нами в табл.15 приведены данные о сенокосах на основании вытной книги 1623 г. по вотчинным комплексам и выведена средняя их норма на крестьянский двор в зависимости от общего количества последних в каждом селе. Получается, что в среднем монастырский крестьянин имел сенокосные участки по 5,2 - 14,9 копен сена.

Последующие сведения о крестьянских наделах имеются только от конца XVII в. Их можно почерпнуть из весьма содержательных вытных переписных книг Троицкого монастыря по Суздальскому уезду 1692 г. (она же *“верстальная)* и приписному Троице-Алатырскому монастырю 1696 г. При описаниях здесь использовались различные выти - в Суздальском у. - 50-десятинная, в Алатырском -по 36-192 дес. в 1 поле. Столь сильное *укрупн ей ие* окладной единицы сопровождалось не менее сильным *измельчанием* вытного тягла дворов. Самыми крупными долями тягла в Суздальском уезде были 0,071 - 0,14, в Свияжском

- 0,125, в Алатырском -0,063, но встречаются в описаниях такие дворы очень редко. Чаще других употреблялись в конце XVII в. оклады крестьянских дворов в 1/64, 1/32 доли выти и комбинация 1/24 + 1/48 (см.табл.12 и метрологическую справку).

Наиболее тяглоспособными в Суздальской книге 1692 г. являлись крестьянские дворы, описанные 0,078 - 0,171 долями выти, которым соответствовали наделы от 7,8 до 17,1 четв. в 1 поле. Таких хозяйств в Суздальском уезде было 10,6 % (51 двор), и обрабатывалось ими 21,2 % тяглой земли. Среднетяглыми можно считать суздальских земледельцев, дворы которых были зарегистрированы монастырскими переписчиками 0,052 - 0,073 долями выти с наделами в 5,2 - 7,3 четв. в 1 поле. От общего числа дворов такие хозяйства составляли 24,1 % (в абс. 115 дворов). Ими обрабатывалось 32,9 % земли. Большинство дворов (65 %, или 311 в абс. выражении) сидели на мельчайших долях вытного оклада в 0,007 - 0,046 доли, а наделы имели от 0,7 до 4,6 четв. в 1 поле, возделывая 43,3 % пашни. Таким образом, в Суздальском уезде преобладали мелконадельные крестьянские хозяйства, согласно избранной нами градации (табл.11 и 17).

В Алатырском уезде в 1696 г. при разномасштабных размерах выти самыми тяглоспособными являлись дворы, описанные 0,031 - 0,057 долями, наделы которых составляли от 7,7 до 20,7 четв. в 1 поле на двор. Таких наиболее зажиточных крестьян в Троице-Алатырском монастыре было 9 %, а обрабатывалось ими 23,2 % пашни. Крестьяне средней тяглоспособности описывались в 1696 г. 0,021 - 0,035 долями выти, наделы имели 5,3 - 7,3 четв., и таких дворов было 15,5 %, а пахали они 23.9 % земли. Наконец, 75,2 % алатырских дворов может быть отнесена к мелкотяглым и мелконадельным. Их оклады колебались в пределах 0,007 - 0,015 доли, а наделы составляли 1,7 - 4,3 четв. в 1 поле на двор. На их долю приходилось более половины, 52 % всей обрабатываемой в вотчине Троице-Алатырского монастыря земли (табл. 12,17,32). По сравнению с концом XVI - первой четвертью XVII в. мы видим общее увеличение сравнительно обеспеченных землей крестьян. Правда, следует учитывать, что по концу XVII в. перед нами уезды с более благоприятными условиями для развития земледелия - Суздальский и особенно Алатырский, нежели большинство названных в табл.17 уездов. Вместе с тем наивысшие показатели крестьянских наделов - 20-21 четв. - и в конце XVI в., и в конце XVII в. встречались как редкое исключение. В Суздальском уезде в конце XVII в. землеобеспеченность крестьян выглядит лучше, поскольку средненадельных дворов здесь показано больше: 24 % (в Алатырском - 15 %). В то же время для обоих уездов отчетливо видим сильную дифференциацию дворов по размерам наделов - от мельчайших (менее 1 четв.) до самых крупных (17,1 - 20,7 четв.)[24]

б) опыт корреляционного анализа троицких писцовых и вытных книг.

До сих пор говоря о вытном тягле и крестьянском наделе в вотчине Сергиева монастыря, мы не ставили вопрос о тесноте зависимости между этими явлениями. Чисто логически правомерно допустить, что чем больше земли было выделено крестьянину монастырем-собственником, тем выше было вытное тягло данного участка. Однако только количественный анализ может показать степень этой зависимости. В научной литературе имеется плодотворный опыт вычисления парных коэффициентов корреляции по монастырской вотчинной документации XVI-XVII вв. Специалисты выясняли тесноту связи между: 1) вытным окладом и мужским населением крестьянского двора и 2) между вытным тяглом и размерами надела (Н.А.Горская, З.В.Дмитриева). Н.А.Горская с помощью парных коэффициентов корреляции исследовала также соотношение между между надельными и оброчными землями у монастырских крестьян центра России в середине XVII в.[25] Нами был предпринят опыт корреляционного анализа не только внутривотчинных, но и ряда писцовых

описаний Сергиева монастыря, содержащих ценные сведения о вытном окладе каждого крестьянского двора 1590-х гг.

Поскольку характер фиксации населения в имеющихся у нас по Троицкому монастырю писцовых и вотчинных описаниях 1590-1620-х гг. не позволяет судить о всем мужском составе двора, то для указанного периода нами были вычислены парные коэффициенты корреляции только между вытным тяглом и крестьянскими наделами [26]. Особенно высоким коэффициент корреляции получился в уездах с унифицированной вытью: в Кашинском (137 дворов)- 0,99, в Дмитровском (845 дворов)- 0,98, в Юрьевском (50 дворов)- 0,99. В ряде уездов и с разновеликой вытью, отмеченной во фрагментах монастырских описаний 1595/96 г., коэффициент корреляции также оказался достаточно высоким: в Коломенском 0,97, Костромском -0,99, Галицком - 0,83, Оболенском - 0,92.

Иную картину получаем при обработке писцовых книг 1593/94 г. описания А.Загряжского и Ж.Степанова с очень большим диапазоном в размерах выти. По Тверскому уезду (626 дворов) показатель самый низкий - 0,46; по Звенигородскому (103 дв.) - 0,6; Новоторжскому (118 дв.) - 0,71.Только в Старицком уезде (119 дв.) он сравнительно высок - 0,81. В большинстве уездов в конце XVI в. существовала тесная корреляционная зависимость между высотой вытного тягла и размерами крестьянских наделов. Слабая зависимость между этими показателями была фактически только в Тверском и Звенигородском уездах. Обработка вытной книги 1623 г. дала следующие результаты. Коэффициент корреляции очень высоким оказался в Пошехонском уезде (42 дв.) - 0,98, В остальных уездах он средний- в Бежецком (360 дв.) - 0,61 и в Ярославском (214 дв.) - 0,66.

В обстоятельной статье З.В.Дмитриевой приводятся коэффициенты корреляции между тяглом и крестьянским наделом, просчитанные на основе обширного комплекса вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря 1559 и 1665 гг. В большинстве монастырских ключей они оказались очень высокими 0,8 - 0,9 и приближающимися к 0.99, что свидетельствует о тесной связи между изучаемыми факторами (табл.3 и 14).

О том, что размер пашни не был единственным фактором, определявшим вотчинное тяглообложение, свидетельствует обработка уникального для троицкого архива подворного описания села Домнина с дер.Зеховой в Муромском уезде 5 апреля 1630 г. Это была монастырская отказная книга, составленная в связи с временной предачей данного комплекса (был он небольшим - 16 дворов) в держание дьяку В.Ларионову [27]. В отказной книге содержатся редкие сведения об имущественном положении крестьянских дворов - количестве у них рабочего (лошади) и продуктивного (коровы, овцы, свиньи) скота, пчелиных ульев и запасах зерна в клетях к весне 1630 г. (табл.16). Численный состав дворов был различным. Самым населенным (7 чел.) являлся двор с тремя братьями (в табл.16 № 6), обладавший наибольшим количеством скота, пчелиных ульев и 30 четв. зерна в клетях и положенный в 1/8 выти. Правда, озимый его посев к моменту описания не был велик - 5 четв. - и уступал озимому клину соседних дворов, причем с меньшим числом работников (8-10 четв. при 3-4 чел.м.п.).

В табл.16 обобщена ценная информация отказной книги 1630 г., включая и полученные показатели корреляции и детерминации между: 1) вытным тяглом дворов и размерами их озимого поля; 2) тяглом и мужским населением дворов; 3) тяглом дворов и их обеспеченностью рабочим и продуктивным скотом. Вычисления показали, что в первом случае между факторами связь умеренная или средняя (корреляция 0,62, детерминация 33,4 %), во втором - также умеренная или средняя (корреляция 0,55, детерминация 30,4 %). И лишь в третьем случае связь между факторами получилась тесной - корреляция 0,74, детерминация 54,7 %. Коэффициент детерминации показывает процентное выражение влияния величины надела в 1 поле, населенности двора и его обеспеченности скотом на величину вытного тягла. Показатель ниже 30 % свидетельствует о слабой, от 30 до 50 % - об

умеренной или средней, от 50 до 60 % - тесной и от 60 % - об очень тесной зависимости между анализируемыми факторами. В муромском с.Домнине в 1630 г. тяглообложение крестьянских дворов на 54,7 % определялось их обеспеченностью рабочим скотом, то есть зависимость между этими факторами действительно была тесной (табл.16).

Для сравнения полученного результата сошлемся на подсчеты, проведенные В.Д.Назаровым и Ю.А.Тихоновым на основе подворного описания одного суздальского имения (15 дворов) 1629 г. По их данным, размер крестьянского тягла на 25 % зависел от количества душ м.п. во дворе (у нас- на 30,4 %), и приблизительно на 60 % - от количества рабочего скота (у нас- на 54,7 %). В любом случае авторы признают, что эти факторы (численный состав двора и его обеспеченность скотом) являлись ведущими в раскладке внутривотчинного тягла 29.

Что же касается сравнительно невысокой корреляции между тяглом и наделом в муромском с.Домнине, то он может объясняться и сравнительно небольшим количеством дворов в нем, и разновеликой окладной единицей, которая использовалась при их описании. В самом деле, по табл.16 видно, например, что осьмачные дворы С.Семенова и братьев Ивановых (№ 1 и 6) имели разные озимые поля - 8 и 5 четв. Полуосьмачные дворы в комплексе также имели разные наделы, значит, тягло их определялось, исходя из разных размеров самой выти - 31 четв., 47 четв. и даже 158 четв. Наделы четвертьосьмачных дворов (в табл.16 №№ 2,3,5,8,11,12) колебались от 0,75 до 2,25 четв. в 1 поле. Подобные недоумения разрешатся, если признать, что в данном комплексе при определении тягла, кроме величины надела, учитывались и другие факторы, отмеченные выше.

О значимости таких факторов, как прожиточность и семьянистость двора, в принципе говорится в дошедшем до нас небольшом отрывке соборного приговора Троицкого монастыря от 2 октября 1642 г. Приговор был принят в результате рассмотрения итогов общего дозора, проведенного дворцовым старцем Тихоном Казанцем. Дозор заключался в установлении количества “лишней за тяглом земли” во всех троицких вотчинах. Руководство монастыря приняло решение обложить вытным тяглом эту выявленную землю “по крестьянским животом и по семьям” [30].

Количественному анализу были подвергнуты и поздние вытные переписные книги конца XVII в. Характер фиксации населения в них позволил вычислить парные коэффициенты корреляции между вытным тяглом и мужским населением двора (Суздальский, Свияжский и Алатырский уезды). Всего были просчитаны показатели по 1711 дворам, из них в Суздальском у.- 477 дв., в Алатырском - 693, в Свияжском -541 (табл.12). Кроме того, по Суздальскому и Алатырскому уезду были вычислены парные коэффициенты корреляции между вытным тяглом и размерами крестьянских наделов. В Суздальском уезде коэффициент корреляции между тяглом и наделом составил 1,0, поскольку здесь практиковалась унифицированная 50-десятинная, или 100-четвертная, выть и существовало совершенно четкое соответствие между окладом и наделом: на 0,063 долю приходилось 6,3 четв., на 0,046 долю 4,6 четв., на 0,031 долю 3,1 четв. и т.д. (табл.18). Значит, в суздальской вотчине монастыря в конце XVII в. существовала абсолютно жесткая, теснейшая зависимость между изучаемыми факторами. На 100 % высота вытного тягла зависела от величины надела.

Несмотря на разномасштабные выти в Алатырском уезде, и здесь коэффициент корреляции по всем изученным комплексам оказался очень высоким - 0,99. Размеры селений в нем составляли от 56 до 222 дворов (табл.18). По Свияжскому уезду такие вычисления невозможны, поскольку его переписная вытная книга 1696 г. сведений о земле не содержит. Она фиксирует лишь вытные оклады дворов и их мужское население. Параметры корреляции и детерминации между высотой вытного тягла и мужским населением дворов в Свияжском уезде были просчитаны по четырем крупным вотчинным комплексам, размеры которых составляли от 83 до 158 дворов (табл.18). Полученные коэффициенты оказались невысоки -

корреляция 0,3-0,6, детерминация 9,5-27 %. Из 11 суздальских имений с числом дворов от 21 до 87 слабая корреляционная зависимость между вытным тяглом и мужским населением дворов видна в трех - приселке Богданском (0,38), дер.Дергаеве (0,47) и дер.Ильиной (0,19). Детерминация во всех трех пунктах - от 14 до 22 % - также свидетельствует о слабой связи. Умеренная или средняя зависимость отмечена в центральном селении суздальского комплекса - Шухобалове (корреляция 0,6, детерминация 36 %), ближайшей к ней дер.Вышковец (корреляция 0,7, детерминация 49 %), приселках Микульском, Туме и Брилкиной Слободке - в них коэффициенты совпадают с полученными по с.Шухобалову (табл.18). Заметим, что именно в Шухобалове в 1692 г. было размещено наибольшее количество дворов Сергиева монастыря в Суздальском уезде - 87 и людность их составляла в среднем 3,2 чел. на двор.

Среди алатырских имений только в дер.Милениной вычисления показали очень тесную зависимость между вытным тяглом и мужским населением дворов: корреляция 0,8, детерминация 63 %. Ни по общему числу дворов (50), ни по их людности (2,5 чел.) она не являлась самой крупной в алатырском комплексе монастыря. В остальных же селениях зависимость эта оказалась или умеренной (Мишуково, Новый Усад (корреляция 0,5 - 0,6, детерминация 30-37 %), или слабой (Четвертаково. Тургаково, Новая Ичикса) - корреляция 0,3 - 0,4, детерминация 2,6 -18,3 % (табл.18). Крупнейшее алатырское село - Четвертаково - показывает картину, отличную от отмеченной нами для суздальского Шухобалова. Там, в центральном селе комплекса, зависимость тягла от мужского населения была умеренной или средней. Здесь, едва ли не самом крупном сельском поселении монастыря и в Алатыре, и вообще (222 двора с такой же людностью, как и в Шухобалове, - 3,2 чел. на двор) зависимость оказалась слабая.

В нашем распоряжении нет повторных описаний тех же самых сел и деревень, по которым можно было бы просчитать зависимость тягла от менявшейся численности населения дворов, и это придает полученным результатом неизбежную статичность, снижает их познавательно значение. Вывод же напрашивается такой: в целом тесной корреляционной связи между тяглом и мужским населением дворов в вотчинах Сергиева монастыря Суздальского и Алатырского уездов в конце не существовало. К аналогичному выводу пришла и З.В.Дмитриева при изучении вытной книги Кирилло-Белозерского монастыря 1665 г. Исследовательница вычислила парные коэффициенты корреляции между общим количеством мужского населения во дворе, количеством женатых пар работников и тяглом в каждом дворе. Из 23 ключей, представленных З.В.Дмитриевой в табл.14, только в двух автор отмечает коэффициент корреляции более 0,7. Во всех остальных случаях тесной связи между тяглом и населением двора не наблюдается [31].

В результате изучения зависимости между этими факторами в вотчинах Донского (с приписными) и Солотчинского монастырей в конце XVII в. Н.А.Горская пришла к выводу о том, что “картина получается достаточно пестрая” (в разных селах и деревнях теснота зависимости выражена по-разному) и хотя связь показателей тягла и населенности двора была, абсолютного характера она не имела 32. Ряд критических соображений по поводу материала описаний, использованного Н.А.Горской, высказал А.Л.Шапиро. Он считает, что функциональной связи между населением двора и вытным тяглом в представленных ею таблицах нет и что при сравнительно небольшом количестве наблюдений разброс показателей очень велик и нередки случаи, когда зависимость тягла от населения оказывается случайной.

Можно согласиться с З.В.Дмитриевой, которая пишет, что при раскладке тягол по дворам учитывали число мужских душ и работников (“семьянистость”), однако делалось это опосредованно. Главным принципом при раскладке выступает “посильность” двора, его

возможность тянуть тягло с другими крестьянами, а также равенство и справедливость в распределении этого тягла между крестьянами.

в) земельно-тяглые переделы в монастырской деревне.

По мнению В.А.Александрова, поддержанному Н.А.Горской, передельный тип общины в России начал складываться с рубежа XV-XVI вв. Л.В.Милов считает одной из существеннейших предпосылок земельных переделов отсутствие в России аллода - крестьянская пашня оставалась во временном владении. Будучи сами по себе явлением поздним, земельные переделы в соседской общине не переставали быть всего лишь поздним проявлением изначального свойства общины - коллективной земельной собственности. Этот фундаментальный признак восточнославянской общины был системообразующим, определившим многие свойства позднейших вариантов ее развития[34].

Конкретное изучение земельно-тяглых поравнений по монастырской документации второй половины XVI в. осуществили З.В.Дмитриева и Е.И.Колычева. З.В.Дмитриева обстоятельно проанализировала земельные переделы в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в нескольких уездах центра и севера страны по комплексу его вытных книг 1559 г. О функционировании земельно-тяглых переделов в вотчине Троице-Сергиева монастыря свидетельствуют некоторые писцовые книги 1590-х гг. Частичный характер этих переделов, которые генетически представляют собой более раннее явление, чем полные, отмечала Е.И.Колычева[35]. Действительно, в Новоторжском, Тверском и др. уездах писцовые книги 1593/94 г. нередко говорят о том, что двор такого-то, доля выти такая-то, а он умер, состарился, ослабел, бежал и т.д. Оставшийся без тяглого жильца участок мог передаваться в тягло или без несения его другим крестьянам той же деревни, сдаваться “в наем” им же или кому-то со стороны. Явление земельно-тяглых переделов, несомненно, пронизывает и все вытные, переписные и оброчные книги XVII в., о которых выше уже шла речь. Однако в троицком архиве немного уцелело документов, в которых был бы детально описан сам механизм земельно-тяглого передела.

Уникальные описания, отразившие, наряду с иной информацией, и этот механизм, выше уже анализировались, но под другим углом зрения. Теперь же снова обратимся к ним как к ценным источникам по изучению земельно-тяглых переделов в монастырской деревне центра страны в XVII в. Имеем в виду вытную мерную книгу по переславскому с. Давыдовскому 1600/01 г. и вытную переписную верстальную книгу по Суздальскому уезду 1692 г.

Переславское село Давыдовское было получено монастырем в августе 1571 г. по распоряжению Ивана 1У. Оно являлось вотчиной кн.И.Д.Бельского, погибшего в приход крымского хана Девлет-Гирея к Москве в мае того же года[36]. В 1575 г. на это село была выдана жалованная тарханная грамота за приписью дьяка К.Горина (см. приложение 1. № 4), однако в писцовой книге 1593/94 г этого комплекса мы не находим. Вытная мерная книга 1600/01 г. является его самым ранним описанием. Оно было проведено по приказу келаря Акакия и казначея Ильи и старцев соборных Давыдовским старцем-замолотчиком совместно с верхушкой общины (старостой, отрубщиком и 8 добрыми крестьянами). Описание скрепил священник Восресенской церкви села Давыдовского: “ К сем книгам поп Первой руку приложил”. Наиболее полные сведения уцелели по селу Давыдовскому и его приселкам - Милославлю и Сушкову. По дер.Ростиновой имеются только общие итоги, а по дер.Бориловке лишь две первые строчки описания. Всего в книге фигурируют 77 дворов.

В Давыдовском комплексе были измеряны тяглая (доля ее составила 85 %) и пустотная земля (ее доля была 15 %) земли, проведено поравнение в отношении тяглой и передел между дворами пустотной земли. В абсолютном выражении тяглой земли было

измеряно и соотнесено с вытными долями дворов 672, 5 дес., а пустотной пущено в передел- 104,6 дес. в 3 полях. Фонд последней образовался прежде всего из-под дворов, хозяева которых бежали, умерли, состарились, ослабели, утратили тяглоспособность и т.д. Кроме этого, источником образования пустотного фонда стали неиспользуемые монастырские, церковные и оброчные земли. В с.Давыдовском 51 %, в прис.Сушкове - 86 % дворов получили пустошную землю в прибавку, по остальным селениям информации нет. В книге указывалось, участки какого прежнего хозяина (Тимохинского двора, Шиловского двора, Коробовского двора и т.д.) даются в прибавку новому их дворовладельцу и закрепленная за ними вытная доля ("четь выти" и т.д.), местонахождение этих участков: на одворице, по заполью, "на Бобровнике", "в Жарех", "на вражке под болотием Онтипин Рукав" т.д. Обилие упоминаний о болотах и заболоченной местности составляет особенность "природного фона" данной книги. Чересполосность, лоскутность крестьянского землевладения по этому источнику прослеживается вполне отчетливо. В нем также часто указывается, кем прежде "из найму" уже возделывались передаваемые в прибавку земли, в том числе и монастырские. Значит, и раньше община и земельный собственник старались поддерживать окультуренный фонд земли в этом районе, прибегая к оброчному землепользованию. Возможно, со смертью светского владельца - кн.И.Д.Бельского - господское хозяйство в давыдовском комплексе находилось в упадке.

В анализируемом описании несомненный интерес представляют указания на пущенные в передел участки в заболоченных и трудных для освоения местах ("облоги"; облог в литературе обычно понимается как перелог) и даже некоторые подворные участки. Например, крестьянину из дер.Ростиновой Ивану Дуброве на его полвыти было дано *"одворище* Лепешкинского двора и с *огуменником* и с *огородцем* полувытное, за то ему дано, что ему к меже" [37]. В вытно-мерной книге указывалось, к какому из трех полей - большому (заболоченному), зарокитному (среднее) или малому (третье) - прибавлялась земля и в каком количестве (в десятинах, размер которых не был обозначен). Скажем, крестьянину Осюте на его четверть выти была дана монастырская земля: 2 дес. в среднее поле, 2 дес. в зарокитное и 2 дес. - в заболоченное поле. "Доброму крестьянину" Якову Ватолину на его три чети выти в зарокитное поле было придано 4 дес. **монастырской** земли. Переделу подлежали и сенокосные угодья - пожни - из-под опустевших дворов. Крестьянину Пятому Море дали в прибавку "Матюшина двора пожни 10 копен, что Олеша Яковлев розкашивал", "да пожен у них с прибавкою на 30 копен" и т.д.[38]

Фрагментарный характер источника не позволяет с желаемой полнотой установить, всегда ли прибавка земли сопровождалась одновременным увеличением вытного тягла. Часть земли могла передаваться, как говорится, "под то же тягло" ("десятина отдана ж ему к прежней его полувыти"). О широком распространении такой практики в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря по его вытным книгам XVII в. пишет З.В.Дмитриева[3]. В отношении большинства дворов с прибавкой земли в с.Давыдовском читаем о фиксации их "пустотного вытного оклада", вероятно, феодальные повинности с них не должны были исполняться (табл.13). В приселке Сушкове была заметна зависимость размеров прибавленной земли от вытного оклада двора, получавшего "прибавку": четвертьвытные дворы в прибавку получали по 5,375 дес. в 3 полях, полувытные - по 10,75 дес. В с.Давыдовском подобной зависимости не находим, но в среднем крестьяне этого села получили по 1-3 дес. на двор в дополнение к своим тяглым участкам. Какая-то часть пусторной земли осталась непеределенной: "Тимохинского двора осталось одворицы и заболотью в зарокитном поле 2 дес., да в среднем поле осталось х Козлову 2 дес., да пожен на 10 копен впусте, а в третьем поле земля отдана Овдокиму Шевелеву на выть". Отчетливо выражена проводимая монастырскими властями и верхушкой общины регламентация самих размеров крестьянских полей. Например, в приселке Сушкове пашни "на жилое и на пусто у них поверстано всем ровно, в

дву полех по пол-8 десятине, а в третьем поле - по пол-7 десятине. Аналогичный принцип разверстки был и в дер.Ростинове: в большом поле по 8 дес., среднем и третьем - по 6,5 дес. упорядочение землеустройства, вытно-надельной и вненадельной системы в Давыдовском комплексе производилось, судя по описанию 1600/01 г., и **внутри** селений, и между ними.

Следующее по времени описание Давыдовской вотчины находим в составе оброчной книги 1617 г., но характер ее не позволяет сопоставить сведения о тяглой и пустошной земле. Важно то, что ив 1617г. здесь не было монастырской пашни, еще в 1600/01 г. розданной крестьянам и это заставляет усомниться в показателе писцовой книги 1629/31 г. по Давыдовской вотчине - 150 четв. домениальной пашни и 13 дворов детенышей для ее обработки[40]. Скорее всего, и в 1601-1617, и в 1629 г. не было здесь ни монастырской запашки, ни детенышей.

Если в Переславском уезде в 1600/01 г. переверстка-передел были проведены в отдельном вотчинном комплексе, то Суздальская верстальная книга 1692 г. рисует более масштабное мероприятие по земельно-тяглому поравнению во всех селах и деревнях Троицкого монастыря, расположенных в этом уезде. О том, что здесь практика переделов существовала и в более раннее время, свидетельствует упоминание **“оттрубщика”** Емельяна Есипова в переписной монастырской книге 1616 г. Впервые выявивший и опубликовавший данный факт В.Д.Назаров отмечает, что функции отрубщика заключалась в поравнении надельных участков, и вытного тягла, Это была выборная должность из числа зажиточных крестьян - названный “оттрубщик” имел хозяйство в 1/4 выти[41]. До конца XVII в. конкретный механизм земельно-тяглого поравнения на троицких землях Суздальского уезда источниками не освещен.

Верстальная книга 1692 г. была составлена старцем И.Певцовым, слугой Р.Суворовым при участии представителей общины - “добрых крестьян первой, средней и молочие статьи по 2 чел. с выти”. Книга включает две части. Материал первой (перепись крестьянских дворов с фиксацией их вытных окладов) выше уже был проанализирован нами при изучении вытного тягла, крестьянских наделов и мужского состава дворов, в том числе и с применением количественных методов. Вторую, меньшую часть книги, представляет запись о размерах земельных и сенокосных угодий и осуществленная земельно-тяглая переверстка-передел земельных и сенокосных угодий **между селениями.**

В отличие от Давыдовского описания, в Суздальском у. в 1692 г. измерению и переделу подлежали земли не каждого двора, а данного села или деревни в целом и не в каждом из трех полей, а только в двух - яровом и паровом. Размер озимого поля определялся в половину суммарной площади двух первых. Фактически верстание озимого поля производилось из расчета 50-десятинной выти и нормы сенокосов в 96 копен на выть. Размер озимого поля и тянущих к нему сенокосов у данного селения приводился в соответствие с его вытным окладом. В этом и заключалось отмеченное верстание. По Суздальской книге 1692 г. каждое селение предстает с комплексом необходимых для него пашенных и сенокосных угодий.

В ходе верстания озимого поля обнаруживалось наличие какого-то количества земли “сверх тягла”, либо ее недостаток по сравнению с вытным окладом, либо их полное соответствие (“пашня против тягла вся сполна”). Информация о земельно-тяглом поравнении в Суздальском уезде систематизирована в табл.19. В центральном селении монастыря здесь - Шухобалове - измерение ярового поля показало 184 дес., парового - 167 дес., а размер озимого был определен в половину их величины, то есть в 175,5 дес. Поскольку установленному вытному окладу села -3,472 вытям - соответствовали 173,6 дес. (исходя из 50-десятинной выти), то обнаружился “лишек” в 1,672 дес. Этот “лишек” был крестьянам оставлен, лишняя земля отдана им “на враги”, а вытное тягло увеличено на 0,188 (табл.19).

В дер.Мукино яровое поле в результате измерения составило 87 дес., паровое 99,75 дес., а размер озимого был определен в 93,375 дес. Поскольку в соответствии с тяглом деревни - 1 выть - обнаружился приличный избыток земли (более 43 дес.), то было решено 41,6 дес раздать крестьянам на оброк, а 1,7 дес отдать им же "на враги" с соответствующим увеличением оклада на 0,047. Дер.Мукино оказалась единственной во всем суздальском комплексе монастыря, где надельное землевладение крестьян сочеталось с оброчным, и объем его был немал - 44 %.

Приселок Богданское и дер.Дергаево, которые "пашнею и сенными покосы сошлись вместе", имели и совместный вытный оклад в 3,412 выти, а их общее озимое поле составило 164 дес., из них, правда, 10 дес. являлись церковными. В соответствии с вытным тяглом крестьянам Богданского-Дергаева полагалось в озимом поле 170 дес., у них же было фактически только 154 дес. Недостающие 12 дес. изыскали для них в другом селе - Семеновском, куда из Богданского-Дергаева были переведены "от семей крестьянские дети". Еще 4 дес по приговору выборных Шухобаловской волости им было дано на сенокосы, поскольку у них "своим сеном было скудно".

В селе Семеновском хватило свободной пашни и для наделения землей молодых крестьянских семей (21 пара), переведенных из села Перелоти (они же Перелоги). Но и после такого наделения в Семеновском сверх тяглого оклада этого села оставалось 6 дес., которые были розданы крестьянам на сенокосы, а суммарный оклад села оставлен без изменений. Что же касается селений, откуда крестьян переводили (Богданское-Дергаево, Перелоти), то такое убывание людей (хотя бы и в рамках внутриуездных миграций, на очень недалекие расстояния) сопровождалось уменьшением вытного оклада: в Богданском - Дергаеве на 0,25, в с.Перелоти на 0,407 оклада. Был уменьшен вытный оклад и в приселке Тумы (-0,109), поскольку после всех измерений здесь выяснилась нехватка 17,5 дес., из которых 12 дес. удалось изыскать в соседнем с.Микульском, а с 5,5 дес. вытный оклад пришлось снять. В селениях Брилкина Слободка и Ильино было установлено полное соответствие измеренной земли их вытному окладу, поэтому здесь не производилось ни прибавок, ни убавок, ни изменений вытного тягла.

Складывается впечатление, что проведенная переверстка-передел крестьянам была нужна не меньше, чем монастырскому руководству. Она помогла урегулировать всю систему крестьянского землевладения в суздальской вотчине, изыскать резервы пашни в отдельных селах и улучшить землеобеспеченность молодых растущих крестьянских семей в пределах небольшого региона, давно распаханного и плотно населенного. Напомним, что в эти же 1690-е гг. отсюда идет значительный отток населения в поволжские уезды, а о катайкоме "Шухобалец", "Шухобаловский", изобилующем в алатырских имениях монастыря, говорилось в гл.4. Следовательно, рост населения и земельное "утеснение" выталкивали за пределы суздальского (Шухобаловского) микрорегиона значительные массы людей, переселявшихся на новые земли в рамках более масштабных межуездных вотчинных миграций. Известно и бегство крестьян из Шухобаловской волости в Саранский уезд в конце XVII -первой половине ХУШ в. К 1761 г. в ряде саранских селений осело 100 чел. беглых из числа монастырских крестьян суздальского села-волости. Местный воевода в 1761 г. вынес решение о возвращении беглых в Лавру[42]. Так проблемы сельского расселения, внутривотчинных демографических и общерусских колонизационных процессов, крестьянского землевладения, тяглообложения, земельно-тяглых переделов и крестьянского бегства оказываются тесно связанными. В контексте перечисленных проблем нам представляется особенно значимой связь между складыванием многодворных деревень и явлением передельной уравнительной практики, на что недавно еще раз обратила внимание Н.А.Горская[4]. Полагаем, что по разобранной выше верстальной книге по Суздальскому уезду 1692 г. уравнительность земельно-тяглой переверстки-передела следует понимать как

уравнение соотношения трудовых ресурсов отдельного селения с: 1) его суммарным вытным окладом и 2) суммарного вытного оклада селения с комплексом необходимых для него земельно-сенокосных угодий.

Возвращаясь к теме земельно-тяглых переделов, думаем, что не случайно столь редки источники, отразившие их. Е.Н.Бакланова (Швейковская), изучившая земельно-тяглые переделы у крестьян вологодского архиепископа и Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVII в., пишет, что переделы проводились эпизодически, вызывались назревшей необходимостью для крестьян. Н.А.Горская отмечает, что полные переделы производились раз в 10-15 лет и вызывались естественным развитием производительных сил 44.

По Троице-Сергиеву монастырю удалось найти еще только одно упоминание о возможном уравнительном переделе земли. В 1616 г. крестьяне московского села Рахманцова (все их дворы были положены в “шеспуху") обратились с челобитной к троицким властям и получили от них “властину жалованную грамоту”, чтобы **поровну** изверстать землю на пустошах сельской округи, исходя из ее размеров, определенных московскими писцами в 1593/94 г. (Приложение 1.№ 193) упоминание это интересно тем, что показывает роль крестьянской инициативы в проведении уравнительных земельно-тяглых переделов. Сама же **уравнительность** в данном случае может пониматься как соответствие доли вытного тягла двора размерам получаемого земельного участка. В вологодской деревне Ершовке в июне 1618 г. служка А.Радошевский крестьянские дворы *“изверстал ровно повытно, хто на какове доле живет”* - полувытным хозяйствам было нарезано по 4 четв. земли в 1 поле, “в дву по тому ж”, четвертьвытным - соответственно по 2 четв.в каждое из трех полей.В данном случае уравнительность заключалась не только в соответствии получаемых земельных участков долям вытного тягла, но и в буквальном равенстве трех крестьянских полей[45].

О роли общины в измерении и вообще контроле за земельным фондом сел и деревень говорит и тот факт, что в Алатырскую переписную вытную книгу 1696 г. сведения о размерах пашни во всех трех полях и сенокосов были включены на основе “крестьянских заручных сказок” (Приложение 1. № 359).

г) вненадельные крестьянские земли.

Исчерпывающее исследование проблемы крестьянского вненадельного (оброчного, арендного) землевладения и землепользвания в XVII в. было выполнено Н.А.Горской. Рассмотренные ею богатейшие по содержанию источники монастырского происхождения позволили глубоко и всесторонне раскрыть широкий круг вопросов: 1) территориальное и временное распространение этого явления в монастырской деревне XVII в.; 2) контингенты крестьян, берущих землю из оброка. Коллективная и индивидуальная формы съема и обработки оброчных земель; 3) доля дворов, пользующихся оброчными землями, в общем числе дворов в той или иной вотчине; 4) постоянство состава съемщиков оброчной земли; 5) динамика размеров оброчных земель; 6) соотношение крестьянской надельной и оброчной земли; 7) типы сдаваемых в оброк угодий 4,8) характер оброчных сдач и изменение оброчной платы за землю в течение XVII в.; 9) оброчные сдачи монастырей своим и чужим крестьянам; 10) переход оброчных земель в тягло[46].

В троицком архиве нет целостной вотчинной документации, позволяющей столь же всесторонне и исчерпывающе осветить проблему вненадельного крестьянского землевладения, как это сделано в классической монографии Н.А.Горской. И все же совсем проигнорировать ту небольшую сумму известий об этой категории земель, которая содержится в писцовых 1592-1594 гг., оброчных, вытных и переписных книгах Сергиева монастыря 1617-1623 гг., нельзя. Без нее картина крестьянского землевладения в его вотчине будет искусственно обеднена.

Когда в научной литературе ищут и находят ранние свидетельства существования вненадельной обработки крестьянами земель, то не случайно обращаются к троицким актам ХУ в. Именно в них о “наезде” и “найме” земли говорится уже применительно к 20-40-м гг. ХУ в. Данные об этом относятся к Дмитровскому, Переславскому, Малоярославецкому уездам и к таким видам поселений, как пустоши, селища, починки [47]. Под “наймом” уже в ХУ в. понималась оброчная плата за пользование пустующими угодьями (“клал наем всей братье на столец”, “заплатил наем”). В сотных начала 1560-х гг. упоминается о распашке наездом на монастырь пустых деревень (Переславский уезд, вотчина Киржачского монастыря). употребление терминов “пашня наездом”, “пашня наездом из найму”, просто “пашня из найму” крайне трудно расчленить и в писцовых, и в монастырских описаниях 1590-х гг., тем более что прилагались они к земле, находящейся не только на пустошах, но и в жилых селениях, а в итогах и та и другая нередко суммировались и назывались однозначно - “наезжей”. В этом нельзя не усмотреть определенной условности терминологии писцовых книг.

Фрагменты оброчных и вытных книг 1590-х гг. упоминают о “наемных пустошах”, “оброчных” и “наемных” деньгах, взимаемых за них. В Московской писцовой книге 1593 - 94 г. в качестве объектов взимания наемных денег фигурируют:

1) пустые пашни, 2) пустоши, 3) сенокосы. В той же книге указаны собранные суммы за этот найм: в с.Нахабине 14 руб., в С.Протасове - 3 руб., в комплексе сел в вол.Воре - 58 руб.

В монастырских описаниях наемная пашня в жилых селениях чаще называется не наезжей, а пусторной или пустотной, о чем уже шла речь при рассмотрении вытной и мерной книги по переславскому с. Давыдовскому 1600/01 г. Судя по вытной книге 1623 г., “наем” был платой за краткосрочное (в течение 1-3 лет) пользование землей в жилом селении или на пустоши. **“Оброк”** же представлял собой зачастую фиксированный взнос за более длительный срок пользования (7-8, 12-17 лет). О найме можно говорить и как о форме межкрестьянских поземельных отношений. В общей уставной губной грамоте Троице-Сергиева монастыря 1586 г. читаем: “...х кому хто въездет или пришлой человек хотя у кого учнет жити **в наимитех для пашни...”**. Значит, наймитом на пашне у крестьянина мог быть и свой односельчанин, и пришлый со стороны человек, некий сезонный работник.

Сведения о наемной в жилых селениях и наезжей на пустошах пашне по комплексу троицких писцовых книг 1592-1594 гг. систематизированы в табл.7. Из нее следует широкая территориальная распространенность наезда на пустошах в троицкой вотчине (в 25 уездах) и более скромные географические масштабы найма в жилых селениях (только в 5 уездах, наиболее представлен Переславский - 9,5 % занимали здесь наемные земли в селах и деревнях, в остальных - по 2-3 %). В жилых селениях “наемная пустотная пашня” соответствовала пустым дворам и местам дворовым, которых в конце XVI в. в Троицкой вотчине насчитывалось не менее 2 тыс. Это свидетельствовало о не до конца еще изжитом хозяйственном кризисе 1560-1580-х гг., определенной недонаселенности латифундии. В таких условиях и сам монастырь, и община старались сохранять и поддерживать фонд окультуренных земель, переделяя их между оставшимися тяглыми жильцами или же отдавая в аренду (в оброк) кому-то со стороны.

Помимо комплекса писцовых книг 1590-х гг., о широком распространении “найма” земли свидетельствует Троицкая оброчная книга 1617 г., но конкретное изучение этого явления по ней затруднено особенностями текста. Дело в том, что книга оперирует только повытными эквивалентами земель в жилых селениях и на пустошах, нигде не раскрывая поземельного значения выти, поэтому вывести численное соотношение надельных и оброчных земель по ней невозможно. Об одном книга 1617 г. позволяет судить уверенно - что оброчная плата за съем земли бралась исключительно в денежном выражении.

Единственный пример удалось найти, когда за пустошь уплачивалось и деньгами и “пятинной рожью”[50]. Собираемые дворцовыми старцами платежи за съем земли в жилых селениях и на пустошах обычно суммировались по комплексу в целом и назывались **“пустарными** деньгами”.

Запись взятых денежных сумм велась в специальных “дворцовых книгах”. У крестьян также возникала документация, отражающая пользование **“пусторными** землями”. По бежецкому с.Баскаки в 1616 г. известно ведение специальных “росписей **пусторному** хлебу”, высеваемому крестьянами на **“пусторных** жеребьях” как в деревнях, так и на пустошах этого комплекса. За сохранение, организацию ужина и умолота такого хлеба отвечали выбранные общиной *целовальники,* которые и расписывались в конце подобных документов (приложение № 288). Интересная статья о житничных целовальниках в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. с аналогичными функциями была выполнена З.В.Дмитриевой, в распоряжении которой были такие уникальные документы, как мирские выборы на целовальников[51].

О практике документального оформления крестьянской аренды говорят приводимые у нас в приложении различные “оброчные записи”, “данные памяти” и “подписные челобитные” крестьян, как индивидуальные, так и коллективные. Этими документами, выдаваемыми крестьянам из троицкой канцелярии, оформлялось их право на распашку пустошей в Бежецком, Московском, Костромском, Ярославском уездах в 1616-1623 гг. (приложение № 201-203,212,214-216). На основе этих документов монастырь признавал крестьянское право владения данной категорией земель. Монастырские земли, помимо троицких крестьян, могли брать и крестьяне соседних помещиков, троицкие стрельцы и другие лица (см. там же № 197, 198). Точно так же и монастырские крестьяне могли брать в оброк, например, дворцовые и государственные земли (Приложение 1, № 219). О разнообразии документации, оформлявшей аренду земли, пишет Е.Н.Бакланова (Швейковская). В каждом конкретном случае участники коллективной аренды договаривались об условиях распределения арендуемой земли. Они могли пользоваться равными паями или размер их доли определялся в соответствии с размером тягла[52].

Единственный, имеющийся в нашем распоряжении источник для изучения наемных и наезжих земель в Троицкой вотчине - это уже анализированная выше вытная книга 1623 г. Сведения по интересующей нас проблеме отражены в табл.15, к которой также уже приходилось обращаться. Из сопоставления табл.7 и 15 следует, что в Бежецком Верхе у Троицкого монастыря с конца XVI в. до 1623 г. возросла доля оброчной земли от 10,9 % до 19,5 %.

95 четв. (или 7,3 %) “пусторной наемной земли” (“пашут все той деревни крестьяне”) было в жилых селениях и 156 четв. (12 %) - на пустошах. Такое же сопоставление табл.7 и 15 показывает, что в Пошехонском и Ярославском уездах наемной пустотной пашни в жилых селениях в 1590-1620-е гг. не было. В ярославском комплексе Коприно не было и наезжей пашни на пустошах, что объясняется, на наш взгляд, неисчерпанностью еще первичного земледельческого освоения округи села Коприна на Ярославском правобережье (см.гл.4). В Пошехонском уезде доля наезжей пашни на пустошах в конце XVI в. составляла 3,8 %.

К 1623 г. наезжая пашня на пустошах в Ярославском узде составила 2,3 %, в Пошехонском она возросла до 13,3 %. Нами был сопоставлен размер оброчной платы за арендуемую землю в жилых селениях и на пустошах с размером платы за землю тяглую. В имевших оброчный профиль бежецких приселках Молоково и Ахматово оброчная плата за наемную землю в жилых селениях составляла 12-13 коп., на пустошах - 16 коп., тогда как плата за тяглую десятину была 28,5 коп. В другом оброчном селе, Баскаках, хотя и не было наемной пашни в жилых селениях, плата за нее на пустошах - 17,6 коп - уступала стоимости тяглой десятины - 27, 3 коп. В оброчных комплексах Пошехонского и Ярославского уездов

арендная плата за десятину наемной земли на пустошах - 52,3 - 77,8 коп. значительно превосходила стоимость тяглой десятины в жилых селениях - 7,5-9,7 коп.

Иным было соотношение в барщинно-оброчном комплексе Присеки. Здесь наемная десятина в жилых селениях стоила 19,5 коп., а на пустошах 42,9 коп. Денежная рента с тяглой десятины составляла 12,7 коп. Недостаток надельной земли в этом селе мог компенсироваться съемом крестьянами дополнительных участков в деревнях и на пустошах, повышенная плата за которые по сравнению с денежной рентой была выгодна и самому земельному собственнику. По данным Н.А.Горской, в вотчинах Рязанского Солотчинского монастыря в конце XVII в. на 1 дес. надельной пашни приходилось 20 коп. владельческих платежей, тогда как оброчная плата за вненадельную землю составляла 30-70 коп. и более. Следовательно, и для этого монастыря такая форма крестьянского землепользования была весьма привлекательна.

Помимо резерва пашни паханой, в рамках вненадельного землевладения на пустошах поднимался перелог и использовались сенокосы. Плата за 1 дес. перелога и сенокосов составляла 5-15 коп. и была обычно меньше платы за пашню. Не всегда, правда, в вытной книге четко расчленяется плата за перелог, сенокосы и за пашню паханую, нередко платежи за все эти объекты аренды даются суммарно.

* * *

В главе о землеустройстве Троицкой вотчины считаем необходимым отметить и явление общих крестьянских полей, хотя материала об этом оказалось недостаточным для выделения данного сюжета в отдельный параграф. Смысловую же связь с предшествующим параграфом можно видеть в том, что и оброчные земли, и общие массивы земель в какой-то степени служили дополнительной компенсацией индивидуальных крестьянских наделов. Выше приводилась формула, чаще всего употребляемая вытной книгой 1623 г. при указании на наемную пашню в жилых селениях: “ **да под ними ж подо всеми столько-то вытей”.** С таким же оборотом встречаемся очень часто и в оброчной книге 1617 г., но в ней, как уже говорилось, количественных показателей самой земли нет. Формула эта по сути близка к тому, что приходилось читать, например, в Дмитровско-Кашинском описании 1592/93 г - “да они ж пашут по мере сопча столько-то вытей”. Полагаем, что и в конце XVI в., и в 1617- 1623 г. речь должна идти о массивах **общей надельной тяглой пашни** у крестьян. По нашим подсчетам, в Кашинском уезде в конце XVI в. 20,7 % (в абс. 146,5 четв.) обрабатываемой земли находилось в общем пользовании, в Дмитровском - 19,6 % (в абс. 151 четв.)[53]. Вытный учет пашни распространялся и на общее поле, его вытный эквивалент суммировался с вытным окладом данной деревни или села.

По мнению Е.И.Колычевой, общая пашня имела двойное назначение: во-первых, как гарант прожиточного уровня деревни, во-вторых, для создания круговой поруки крестьянам по уплате ренты сеньору. Исследовательница также обратила внимание на то, что чем меньше крестьянские наделы в селении, тем больше вероятности встретить здесь общее поле. В однодворных же деревнях общие массивы пашни всегда отсутствуют[54]. Соглашаясь с мнением Е.И.Колычевой относительно назначения общих полей, добавим к нему и то, что с них монастырь получал довольно солидную часть своей феодальной ренты, и это соображение будет подкреплено конкретным материалом и расчетами в следующей главе работы. Полагаем также, что общие поля в какой-то степени компенсировали иногда очень маленькие наделы у крестьян. В ярославском разделе вытной книги 1623 г. почти повсеместно фигурируют общие массивы пашни в деревнях, но их вытный оклад был невелик - 1/32 доля выти. Деленное на количество дворов в деревне (4-5), это давало прямо-

таки микроскопические части каждого двора в общем массиве - по 0,007-0,005 выти (последняя - 0,005 - и называлась, по нашим представлениям, “пирогом”[55].

Сравнительно небольшой объем главы о землеустройстве Троицкой вотчины компенсируется значительным объемом цифрового материала, представленного в разобранных выше таблицах. Феномен крупной феодальной вотчины применительно к землеустройству можно усматривать в широкой территориальной распространенности господской пашни Троицкого монастыря и ее высоком удельном весе для конца XVI в. В дальнейшем происходит его неуклонное сокращение в целом по вотчине, что было связано, на наш взгляд, в первую очередь с растущим количественным составом ее крестьянства. Грубо говоря, со второй четверти XVII в. до его конца население вотчины увеличилось вдвое (от 10 тыс. дворов до 21 тыс. - см. гл.4). Сокращение домена в этих условиях имело назначение решить проблему тягло-надельного землеобеспечения растущих крестьянских семей, а также, полагаем, позволило расширить фонд земельной аренды. Еще одна причина сокращения домена могла заключаться в большей выгодности для корпоративного собственника денежного обложения своего населения по сравнению с полевой барщиной в условиях растущих товарно-денежных и к этому вопросу нам еще придется обратиться в следующей главе работы.

Представленный в главе опыт корреляционного анализа троицких писцовых и вытных книг конца XVI -XVII в. показал, что в числе значимых факторов тяглообложения были крестьянские наделы, обеспеченность хозяйств рабочим и продуктивным скотом и, в меньшей мере, мужским населением. Картина вытно-надельной системы в целом по огромной вотчине получилась достаточно пестрой. Монастырь практиковал разновеликие в основном выти как окладные единицы, варьируя нередко их размеры для земель разных категорий (пашни тяглой, в лишке за тяглом, льготной и т.д.). Было подтверждено наличие таких традиционных для феодального землеустройства черт, как чересполосность крестьянского землевладения, тенденция к уравнительности земельно-тяглых переделов, сведения о которых в исследованных документах из Троицкого архива обогащают фактическую основу для дальнейшего исследования дискуссионной проблемы происхождения и механизма передельной общины в феодальной России.

Основу землеустройства вотчины составляла крестьянская вытно-надельная система. Наряду с ней, велика была роль была и вненадельного, оброчного землевладения монастырских крестьян. Аренда земли имела широкую территориальную распространенность, хотя возможности ее конкретного изучения в троицкой вотчине в силу состояния источников весьма ограниченны. Реальная картина крестьянского землевладения представляла собой комбинацию тягло-надельных и оброчных земель. Можно согласиться с Н.А.Горской и рядом других исследователей (В.И.Ивановым, З.А.Тимошенковой, А.М.Шабановой) в том, что надел в XVII в. уже не являлся единственным источником существования для большинства крестянских дворохозяйств. Поляризация крестьянских хозяйств по размерам тяглых наделов была значительная. Основная масса их может быть отнесена к мелко- и средненадельным дворам.

О поземельно-распорядительных правах крестьянской общины свидетельствует названный выше институт *“отрубщиков”*. Сам по себе довольно редкий, этот термин удалось выявить в троицкой документации по Переславскому у. - 1600/01 г., Суздальскому у. - 1616 г., Бежецкому Верху - 1623 г. Каждое из упоминаний свидетельствует об участии крестьянского мира в проводимом земельном собственником земельно-тяглом поравнении. Еще одним должностным лицом мира, также редко фигурирующим в актовых и писцовых материалах, был *“полник”* (или польник). Эти люди знали полевые границы и межи. В Юрьевском уезде в одной грамоте 1473-1485 гг. полник Пасынок вел по меже, в с. Клементьеве в начале XVI в. двор Гридки полника назван в составе других крестьянских

дворов. Наконец, в верейском с.Илемне (Троицком) полником является крестьянин Васка Степанов[56]. В.Д.Назаров считает полников первоначально, скорее всего, выборными лицами общины. Позднее это могли быть надзиратели над порядком исполнения барщины[57], но в таком качестве полники в изученной нами троицкой документации не фигурируют.

***

Итоговые сведения о населении и общем объеме землевладения (пашни и перелога) Троицкой духовной корпорации отражены в виде условных диаграммных фигур на карте-схеме П. В ней информация о земле дана по писцовым книгам второй четверти XVII в. (табл.5), а об общем количестве дворов (крестьянских, бобыльских, служних, монастырских и пр. -табл.26) - по переписным книгам 1678 г. По некоторым уездам (Арзамас, Клин, Зубцов) сведений о землевладении не имеется. Разновременность показателей по земле и дворам, возможно, объясняет "разновеликость" диаграмм, обозначающих эти показатели по ряду уездов (Руза, Серпухов, Алатырь, Казань и др.). Одно остается бесспорным - группа центральных уездов заметно выделяется на картах-схемах и по количеству размещенных там приписных монастырей, и по общему объему землевладения, и численности тяглого населения.

QQQ

ГЛАВА VI. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА В ВОТЧИНЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ.

Окладной единицей в троицких вотчинах по крайней мере с середины XVI в. была выть. Информация о ней в актовом материале первой половины XVI в., кормовой книге 1549-1592 гг. и писцовых книгах 1590-х гг. была подробно проанализирована в ряде наших статей. Говорилось о вытной системе и в предшествующей главе. Вряд ли следует все это здесь повторять 1. Подчеркнем лишь, что выть являлась единой обложения монастырских крестьян и феодальной рентой, и государственными налогами. То разнообразие поземельного значения выти в многочисленных вотчинах Сергиева монастыря, о котором шла речь в гл. 5 сказалось и на разнообразии конкретной картины крестьянских повинностей и платежей. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют раскрыть данную проблему на трех хронологических срезах - в 1590-е гг., 1617-1623 гг. и в 1690-е гг.

Материал о крестьянских повинностях, содержащийся в комплексе троицких писцовых книг 1592-1594 гг. (по публикации Н.В.Калачова), был обстоятельно проанализирован в работах Ю.А.Тихонова и Е.И.Колычевой. Ученые подробно рассмотрели состав феодальной ренты, ее повытные и подворные нормативы, организацию обложения владельческими повинностями монастырских крестьян. И все же целостной картины феодальной ренты в вотчинах крупнейшего русского монастыря в конце XVI в. в научной литературе до сих пор нет. Предпринимаемое нами повторное обращение к писцовым книгам 1590-х гг. строится не только на их дореволюционной и не во всем исправной публикации, но и на привлечении архивных экземпляров этих ценнейших источников, а также на не введенных еще в оборот фрагментах оброчных и вытных описаний самого монастыря 1590-х гг. Обращение же к позднейшим источникам - оброчной 1617 и вытной 1623 гг. книгам и переписным вытным и оброчным книгам 1696 гг. позволяет представить длительную эволюцию феодальной ренты в крупнейшей вотчине-сеньории России с конца XVI в.- в 1620- и 1690-е гг. Наконец, в них содержится ценная информация и о государственных налогах и повинностях монастырских крестьян, что дает возможность сопоставить степень их

вотчинной и государственной эксплуатации. Фактический материал по проблематике данной главы систематизирован у нас в табл. 6,27-3 2. Отправной же точкой этих разысканий должно быть выяснение, все-таки, основного вектора рентного развития троицкой сеньории, как оно определилось к концу XVI в.

5.1.Общая картина феодальной ренты в конце XVI в.

Всего писцовые и внутривотчинные описания 1590-х гг. содержат сведения о феодальной ренте более, чем по 4,7 тыс. дворам, то есть по 36 % сельского населения корпорации, расположенного в 13 уездах России (преимущественно центральных и северных). Из них 72 % дворов (в абс.3419) привлекались и к полевой барщине, и к различному "изделью", и к денежному оброку, и к внесению определенных натурально - продуктовых компонентов ренты, то есть, строго говоря, имели смешанный рентный статус. При конкретном рассмотрении оказывается, что в отмеченном смешанном составе повинностей уже в конце XVI в. у большинства дворов троицких крестьян и бобылей преобладали в том или ином объеме денежные обязательства перед земельным собственником.

Доля дворов, исполняющих только денежную ренту в упомянутой совокупности, по которой имеются сведения о повинностях, в конце XVI в. составляла 27,8 % (в абс.1322 дв.). В рамках же уездов соотношение чисто оброчных и оброчно-издельных, барщинно-оброчных дворов весьма варьировало. Более всего (67 %) "чисто" оброчных дворов было у Троицкого монастыря в Кашинском и Звенигородском уездах, 60 % - в Галицком, 50 % - в Костромском и Угличском, 38 % - в Дмитровском, 42 % - в Свияжском, 25 % - в Казанском, 23 % - в Ярославском уездах, 21 % - в Деревской пятине, по 14-15 % в Ростовском и Московском уездах. В Ярославском уезде денежно-оброчный облик остальных 77% дворов в очень незначительной степени дополнялся малым объемом полевой барщины в с.Коприне (всего 10 дес.). То же самое можно сказать и о составе повинностей троицких крестьян в Галицком уезде: преобладание денежного оброка и символический домен (5 дес.).

В ряде уездов вотчинные комплексы Сергиева монастыря по составу повинностей крестьян прямо-таки распадались на барщинно-оброчные и чисто оброчные половины. Это левобережная сторона Кашинско-Угличского рубежа (барщинно-оброчный состав) и правобережная его сторона (исключительно денежный оброк); Луговая сторона Костромского уезда (чисто оброчный состав) и Нагорная его сторона (барщинно-оброчный состав). Из двух звенигородских сел одно -Андреевское (37 дв.) - было по преимуществу барщинным с малым нормативом денежного оброка (по 5,3 ден. на двор), а другое - Кляпово Никольское (77 дв.) -чисто оброчным, в котором ставка ренты на двор была 136 ден. Южные и юго-западные вотчинные комплексы монастыря в Верейском, Боровском, Малоярославецком, Серпейском уездах имели барщинно-оброчный профиль, в них денежная рента составляла 5,7 - 5,9 ден. на двор. В группе южных имений корпорации наивысший норматив полевой барщины указан в коломенских селах Остафьево и Екиматово в монастырской уставной грамоте 1590 г. - по 5 дес. на выть. Полевую повинность крестьянского двора при столь высоком нормативе не позволяет вычислить характер писцовой книги 1594 г, не сообщающей ни о количестве господской пашни (она дана неразделенно от крестьянской), ни о вытях и их поземельном значении в Коломенском уезде. Во фрагментах вытной книги 1595/96 г. в селах Остафьво и Екиматово о барщине ничего не говорится, а размер выти указан -10 четв.[3] Возможно, от 1590 к 1596 г. барщинное тягло в данных селах было отменено либо приходится допустить, что урок полевой барщины был равен крестьянской выти, *а это* маловероятно.

Для ряда московских и дмитровских сел был характерен барщинно-натуральный облик (предоставление в большом количестве продуктовых запасов в виде яиц, сметаны, сливок, сыров, оброчной ржи, других натуральных компонентов ренты - холстов, поярков, овчин; изготовление пива, кваса, хлеба). В некоторых селах Подмонастырья удалось насчитать 16 % дворов, освобожденных за полполтины (50 ден.) оброка от монастырской пахоты "изделья" и мелкого дохода (Муромцево, Путилове, Рахманцово, Федоровское, Михайловское "на пупках" и др.). Барщинно-натуральные устои для большинства крестьянских дворов в селах Подмонастырья сохранятся и в конце XVII - начале ХУШ в. в. (гл.4).

На северо-западе рентный статус двух небольших волосток Троицкого монастыря в Деревской пятине также отличался - в с. Сытине (Кунья гора) -оброчный профиль с повинностью рыболовства на монастырь, в с. Сопки (Мокрой остров) - оброчно-барщинный профиль. Именно в с.Сытине в писцовой книге конца XVI в. видим наивысший показатель денежного оброка - по 2,5 руб. (500 ден.) на выть, в пересчете на двор - 250 ден, а на душу м.п. - 104 ден. (табл.20). Объяснение можно видеть в том, что Сытинские дворы были особенно плотно населены - по 2,4 чел. на двор, поскольку здесь практиковалось подселение бобылей к крестьянам (см. гл.З). В с. Сопки при малом объеме полевой барщины достаточно высок был уровень ренты - при такой же ее повытной ставке - 2,5 руб. - в пересчете на двор получалось 90 ден.

В среднем Поволжье состав феодальной ренты существенно отличался в вотчинах приписных Троице-Казанского и Троице-Свияжского монастырей. В первом большинство дворов (23) в с.Петрецы и дер.Тевелды привлекалось в одной только полевой барщине *"за всякие доходы",* норма которой была 1 дес. на выть. Меньшинство (8) дворов (в троицком жребии в с.Царицыне), наоборот, было пооброчено *"за пашню* и всякие доходы" в размере по 20-40 алт. с выти (+ изделье мельничное в г.Казани). Больше разнообразия в составе и организации феодальной ренты наблюдаем в конце XVI в в. Свияжском уезде. На полевой барщине специализировались сельца Городище и Килдеево (всего 76 дв., или 58 %), а село Услон и ряд деревень (всего 54 дв., или 42 %) были чисто оброчными, повытная ставка ренты в которых варьировала от 40 алт. (240 ден.) до рубля (200 ден.). 40 % дворов в свияжском с.Услон являлись бобыльскими и облагались довольно высоким оброком в 60 ден. со двора, не намного устVIIавшим ренте крестьянского двора - по 63 ден.[4]. Практиковалось и обложение отдельных селений в целом (с починка Карнаухова - полтина), и льготное освобождение ряда починков от ренты вообще. Мы видим, что рентный статус свияжских сел, деревень и починков во многом определялся условиями интенсивного земледельческого освоения и заселения этого края в конце XVI в.

В Белозерском, Пошехонском уездах, на Красносельской стороне Угличского уезда и в Копринском комплексе деревень Ярославского уезда смешанный характер денежно-оброчному профилю всех дворов придавал большой объем "провозных"и подводных повинностей для местных крестьян два раза в году по р.Суде, Шексне и Волге до ярославского села Коприна. Помимо многоуздной организации повозов, существовала повозная повинность для отдельных вотчинных комплексов -коломенского с.Дубешни, московского с.Тушина, костромского с.Марьинского.

Вотчинное обложение многочисленного и разнородного по составу населения Сергиева монастыря в конце XVI в. осуществлялось не только в рамках вытной системы. В ряде уездных вотчинных комплексов в 1590-е гг. "вытей не знали", и рента собиралась с данной вотчины-волости(в целом (белозерское с.Танищи, подмосковная волость Вохна). В последней обложение осуществлялось на основе сох. В писцовой книге 1594 г. говорится, что здесь с 2 1/4 сохи без 1/16 был взят универсальный денежный оброк в 80 руб. Наряду с вытным принципом обложения, корпоративный собственник в эксплуатации сельского

населения в конце XVI в. ориентировался и на отдельных тяглецов, то есть существовал и “подворный принципа их обложения. Он использовался применительно к сельским и городским дворникам, огородникам, отдельным бобылям монастыря. Сам же размер оброка в каждом случае мог отличаться от другого. В Ярославле, например, с городского, дворника брался 1 руб., в Солигаличе, Малой Соли, Костроме, Нерехте - по 1-3 руб. В оброчной книге 1595/96 г. в верейских деревнях фигурируют “оброчники” -крестьяне, с которых бралось по 4 алт. с десятины [5]. Бобыльство в 1590-е гг. выглядит самой текучей и динамичной группой в плане обложения. Какие-то бобыли называются льготными, погорелыми, какие-то приходцами - все они вовсе освобождались от денежных выплат. В комплексе писцовых книг 1590-х гг. при весьма частом упоминании бобылей намного реже сообщается о размерах их оброка. Мы располагаем сведениями из Свияжской писцовой книги 1594 г. о 60 ден. оброка с бобыльского двора (о чем уже говорилось) и из фрагментов оброчной книги 1595/96 г. о “бобыльском со дворца” в бежецких деревнях в размере 1 алт. (6 денег). Наблюдения эти нам пригодятся ниже при изучении денежно-оброчной эволюции сельского населения огромной вотчины.

5.2. Сеньориальная эксплуатация монастырских крестьян в конце XVI - XVII в. (региональные очерки)

а) 1590-1620-е годы.

- отработочная рента

Важнейшей ее формой являлась полевая барщина, количественные показатели и широкое территориальное распространение которой у Троицкого монастыря в конце XVI в. (по 28 уездам) представлены в табл.6. Наблюдения над динамикой домена, приведенные в специальном параграфе предшествующей главы, служат фактической основой для понимания эволюции полевой барщины в изучаемой огромной по масштабам вотчине. Основу в организации полевой пашни в 1590-е гг. составляло крестьянское “десятинное паханье”, разверстанное по вытям. Таким образом возделывалось 77 % господских полей. Примерно 7 % пахалось крестьянами “взгоном” и 13 % - детенышами и воловиками, остальная господская земля пахалась “наездом” (и крестьянами, и детенышами). Избегая повторений того, что уже было выяснено о полевой барщине в троицкой вотчине на основании писцовых книг 1590-х гг. в работах Ю.А.Тихонова и Е.И.Колычевой (прим.2 к наст. главе), остановимся на некоторых моментах в этих книгах, которые не привлекли внимание названных авторов. Акцент постараемся сделать на дальнейшей эволюции этой формы ренты, в первой четверти XVII в.

Характер фиксации вытных окладов и ренты в Кашинской писцовой книге 1592/93 г. позволяет установить степень барщинной эксплуатации для крестьянских дворов разной тяглоспособности. В названном уезде к полевой барщине привлекалось 43 двора в левобережно расположенных селах Фроловское и Михайло-Архангельское, что составляло 31,3 % от числа всех монастырских крестьян здесь. Село Фроловское имело более выраженный барщинный облик, поскольку господскую пашню обрабатывало большинство его населения (66 % дворов). При существовавшей во Фроловском норме барщины в 2 дес. на выть полувытные дворы с наделом в 5 четв. пахали на монастырь по 2 четв., четвертьвытные дворы с наделом в 2,5 четв. - по 1 четв., третьвытные с наделом 3 четв. — по 1,2 четв., шестушные с наделом 1,6 четв. -по 0,6 четв.

В селе Михайло-Архангельском, одном из старейших троицких сел (с конца XIV в.), стоявшем на Кашинско-Угличском рубеже, лишь 25 % дворов были барщинными, а отбывали полевую повинность они в соседнем угличском селе Прилуки (на левом берегу р. Волги). С ним же село Архангельское составляло и единый налоговый и административно-судебный

округ, подконтрольный троицкому доводчику в Прилуках[7]. Повытный норматив полевой барщины здесь был вдвое ниже, чем во Фроловском - 1 дес., поэтому и в пересчете на двор показатели уменьшаются. Два наиболее тяглоспособных двора в Михайло-Архангельском, описаные 0,75 долей выти, возделывали на монастырь по 1,5 четв., полувытные дворы - по 1 четв., четвертьвытные дворы - по 0.5 четв., третьвытные - по 0,6 четв. Небольшая господская "делянка" в Прилуках в 2 четв. обрабатывалась архангельскими крестьянами с общей выти, то есть совместного участка размером в 10 четв., размещенного в селе Михайло-Архангельском. Напомним, что в Дмитровско-Кашинском описании 1592/93 г. была зафиксирована унифицированная 10-четвертная выть (гл.5). Следующие по времени описания - дозор 1616 г. и писцовая книга 1620-х гг. отметили полнейшее разорение всего кашинского комплекса владений Сергиева монастыря. Особенно роковую роль сыграл опустошительный рейд польского полковника А.Лисовского в 1615/г. Троицкая сыскная книга 1623 г. упоминает о некотором "вкраплении" господской пашни в ряде пустых деревень Кашинско-Угличского рубежа (см. гл.5), но в прежнем объеме полевая барщина в Кашинском уезде уже не была создана.

Поуездные данные о господской пашне, просчитанные по комплексу и писцовых, и вотчинных книг 1590-1620-х гг., показывают сокращение в первой четверти XVII в. полевой барщины у Троицкого монастыря в таких уездах центра России, как Угличский - на 26 %, Дмитровский и Костромской - в каждом на 67 %, Тверской - на 65 %, Бежецкий - на ***89*** %, Старицкий - на 98 %. В табл. 6 в некоторых других центральных уездах отмечено и повышение объемов господской запашки: Переславском - на 20%, Юрьевском - на 16 %, Муромском - на 73 %. Объясняться приведенные цифры могут и ростом самого монастырского землевладения в названных уездах в конце XVI - первой четверти XVII в. (гл.3), и широкой датировкой некоторых писцовых книг. По Переславскому уезду, например, описание, начавшись в 1627/29 г., было закончено лишь к 1646 г., поэтому данные о размерах господской запашки в нем по отношению к 1620-м годам выглядят завышенными. Практически не изменился размер монастырской пашни во Владимирском уезде, описание которого относится к 1638-1642 гг.(табл.6). Нет данных по Суздальскому уезду и Стародубу Ряполовскому, поскольку Суздальская писцовая книга 1627/29 г относится в варианту "с неразделенной пашней". Писцовые книги 1620-1640-х гг., представляя собой разнородный и разнокачествнный комплекс источников, помимо абсолютных показателей господской пашни, никаких больше сведений, необходимых для конкретного изучения проблемы полевой барщины, не сообщают.

Более детально эту проблему можно рассмотреть на примере трех уездов - Костромского, Ростовского и Бежецкого, по которым благодаря оброчной 1617 и вытной 1623 г. книгам имеется сопоставимый с концом XVI в. материал (табл.27). Были просчитаны количественные объемы полевой барщины, способ ее организации (повытно или "згоном), а также повытные, подворные и подушные ставки этой повинности в крупнейших селах. Отметим, что характер сообщаемых данных о полевой барщине и в конце XVI в., и в 1617-1623 гг. в трех избранных уездах не позволяет вывести ее нормативы для дворов разной тяглоспособности и соответственно с разными наделами, в отличие от приведенного выше Кашинского описания 1592/94 г. Дело в том, что оброчная книга 1617 г. поземельного значения выти нигде не раскрывает, а интересующий нас Бежецкий раздел вытной книги 1623 г. как раз по тому комплексу, где еще оставалась барщина (с.Присеки) сохранился лишь в виде итогов, а не развернутого описания.

В Костромском уезде на правобережной (Нагорной стороне) полевая барщина была организована в крупных комплексах Федоровское-Поемечье-Кувакино (волость Нерехта) и Марьинское (волость Емстна). Сопоставление писцовой 1594 и оброчной 1617 г. книг по с.Федоровскому с приселками показывает сокращение господского поля с 290 до 198 четв.,

то есть почти на 32 %. Повытная норма барщины - 2 дес. в Федоровском и 3 дес. в Поемечье - от 1594 к 1617 г не изменилась, а подворная -увеличилась вдвое. Если в конце XVI в. крестьянский двор пахал на монастырь в среднем по 0,6 четв., то в 1617 г. - 1,3 четв. Подушная норма барщины в с.Федоровском в 1594 г. из-за характера описания (один двор - один дворохозяин) не может быть выведена, поэтому совпадает с подворной. Оброчная же книга 1617 г. более подробно описывает мужской состав двора, на основании чего можно вывести его населенность -1,4 чел., а подушную ставку полевой барщины - 0,9 четв. в 1 поле. В Федоровский комплекс входил приселок Кувакино, расположенный на Ярославско-Костромском рубеже и имеший более выраженный оброчный профиль. Под полевую барщину здесь были отданы земли запустевших соседних ярославских деревень, а ее повытная норма была уменьшена здесь вдвое (с 2 до 1 дес.) и соответственно подворная ее ставка составила 0, 2 четв. в 1 поле. Таким образом, дифференцированный характер нормативов полевой барщины для разных сел в волости Нерехте, имевший место в 1594 г., был сохранен и в 1617 г. В самой же организации этой повинности изменение заключалось в том, что в 1617 г. пашня “взгоном” уже не практиковалась, тогда как в конце XVI в. таким способом обрабатывалось 37,2 % господского клина (в абс. 108 четв. в 1 поле).

В другом костромском селе, Марьинском, объем господского поля с 1594 до 1617 г. уменьшился почти на 39 % (табл.27). Количество дворов, в отличие от с.Федоровского, почти не изменилось, хотя оброчная книга 1617г. дает более полные сведения об их населении (141 чел.), на двор выходит 1,5 чел. Вытный урок полевой барщины в Марьинском оброчная книга 1617 г. не сообщает, а в конце XVI в. он был таким же, как и в с.Федоровском (2 дес.), что в переводе на двор означало 1,2 четв.

Проведенные нами вычисления показали, что в 1617 г. урок этот уменьшился до 1,8 дес. на выть и до 0,7 четв. на двор, а на душу составила - 0,4 четв., то есть барщинная эксплуатация для марьинских крестьян в 1617 г. по сравнению с концом XVI в. стала слабее в 1,5-2 раза (табл.27). В оброчной книге 1617 г. ничего не говорится о тяжелой подводной повинности для местных крестьян, существовавшей в конце XVI в. - по 5 повозов в год с выти. Вероятно, она была отменена.

Таким образом, в Нагорных волостях Костромского уезда троицкие власти комбинировали и возрастание подворно-подушных уроков полевой барщины (с.Федоровское, приселок Поемечье), и их уменьшение (приселок Кувакино, с.Марьинское), стремясь в целом сохранить эту форму повинности, хотя бы и в значительно уменьшенном количественном объеме. Напомним, что в целом по Костромскому уезду объем этот сократился к 1620-м годам более, чем на треть (см. гл.5).

Некоторой компенсаций сокращению барского клина в Федоровском и Марьинском стало заведение монастырем небольшой по величине господской пашни в с.Медведкове (тоже на правобережной стороне Костромского уезда, ближе к Плесу) - 21 четв. В конце XVI в. известен его универсально-оброчный профиль - “за все про все 81 руб.”, и очень высокий норматив денежной ренты, на который обратил внимание Ю.А.Тихонов: 166 ден. со двора, а с учетом платежа “за приказчиков доход” - 180 8. Повытная норма полевой барщины, введенная монастырскими властями в Медведкове во втором десятилетии XVII в., была вдвое меньше, чем в Федоровском и Марьинском, и такой же, как в оброчном приселке Кувакине - 1 десятина, а подворная и подушная ставки - соответственно 0,4 и 0,2 четв. в 1 поле.

Имеется официальное описание тех же самых троицких сел Нагорной половины Костромского уезда 1627-1629 гг. (книга так называемого “оптимального варианта”). В нем находим, на наш взгляд, сильно преувеличенные данные о размерах монастырской запашки - 635 четв., которую пашут, якобы, детеныши[9]. Более достоверными представляются приведенные выше сведения о масштабе полевой барщины в костромских волостях Нерехта и Емстна из оброчной книги 1617 г., которые на 55 % отличаются от официальных (в сторону

уменьшения). Не подтверждается информация писцовой книги и о наличии у монастыря детенышей для обработки пашни. На самом деле такой группы населения в Нерехте и Емстне корпорация не имела, домен ее, не столь значительный, обрабатывался на основе повытной раскладки тяглыми крестьянами.

Костромской раздел оброчной книги 1617 г. содержит подробное описание монастырских сел и левобережной (Луговой) стороны уезда, расположенных в Андомском и Шачебольском станах (Сухоруково "что на железном враге", Буяково, Кишема, Богородицкое, Костомы, Новое и др.). Характерно, что ни в одном из них троицкого домена и полевой барщины не отмечено, а в конце XVI в. лишь в с.Костомах было 10 четв. монастырской запашки. Следовательно, во втором десятилетии XVII в. окончательно возобладал оброчный профиль этой группы сел. Отработочная повинность для крестьян перечисленных сел заключалась не в полевой барщине, в обслуживании монастырской водяной мельницы "железного промыслу" на р.Андоме.

В этой связи представляются недостоверными сведения Костромской писцовой книги Луговой стороны 1629-1631 гг. ("деформированного варианта"), сообщающей о 285 четв. господской пашни здесь, обрабатываемой, к тому же, детенышами [10]. О существовании железоделательных промыслов в селах Андомского и Шачебальского станов и у крестьян, и у монастыря ни в одном из официальных описаний 1590-1610-1620- х гг. не говорится. На самом деле корпорация конце XVI в. разворачивала на Луговой стороне Костромского уезда не земледельческое, а железоделательное производство, которым занимались и ее крестьяне, и не имела здесь такой группы населения, как детеныши. Объяснить же подобные расхождения между источниками можно, вероятно, тем, что писцы заведомо искаженные сведения о господской пашне и категориях населения могли получать от представителей монастырских властей на местах. В условиях обеления троицкой запашки (по указным грамотам 1616, 1617 и 1619 гг.) последним было выгодно представить больший ее объем, чем тот являлся на самом деле. Указы о "живущей четверти", требовавшие более подробной фиксации крестьянских дворов, также могли быть обойдены, если монастырю удавалось часть крестьянского населения представить не как полноценных тяглецов, а выдать его за необлагаемых монастырских работников на пашне - детенышей.

В Ростовском уезде Сергиев монастырь имел два крупных барщинных центра. Один располагался к юго-западу от города, в Саввине стане, в селах Дебалы и Новое, другой - к северо-востоку от него, в Лутском стане, в селах Ивашково и Берлюково. От 1594 к 1617г. произошло значительное сокращение размеров полевой барщины по уезду. Теперь они составили 46 % от уровня 1594 г., что можно объяснить падением на 41 % крестьянского населения в ростовских вотчинах монастыря. Наибольшее сокращение барщины произошло в тех селах, которые в предшествующем столетии были особенно плотно населены и где в конце XVI в. она была особенно значительна - в с.Новом на 33 % к уровню 1594 г., в с.Дебалы - на 23 %. В качестве некоторой компенсации корпорация отвела под домен "пусторную пашню" в с.Поникарове - 20 четв. в 1 поле, тем более что здесь относительно благоприятной оказалась ситуация с населением (8). В способе обработки господского клина в селах Новое и Дебалы в 1617 г. сохранялась пашня "згоном", в отличие от костромского с. Федоровского, хотя объем такой обработки уменьшился на 60 %. Повытная норма полевой барщины в селах Саввина стана была уменьшена вдвое (с 3 дес. до 1,5 дес.) и с учетом упавшей численности дворов подворные и подушные ее ставки для крестьян также стали меньше - соответственно 1,5 и 0,9 четв. в 1 поле. И хотя общее ослабление барщинного гнета к 1617 г. в с.Новом произошло в 1,9 раза, а в с.Деболы - в 3,7 раза, эти показатели оставались самыми высокими для полевой барщины в троицкой вотчине во втором десятилетии XVII в. в пределах уездов, освещаемых нашими источниками. В конце XVI в. комплекс Дебалы-Новое также отличался особенно сильной барщинной эксплуатацией.

Во втором ростовском барщинном центре, селах Ивашково и Берлюково Лутского стана, господский клин почти не уменьшился, но повытная норма его обработки возросла в 4 раза, составив 2 дес. (в конце XVI в. было 0,5 дес.), а в условиях резкого сокращения численности населения (и дворов, и людей) это означало утяжеление в 2,3-3,3 раза барщинного гнета, составившего на двор 1 четв., а на душу - 0,7 четв. в 1 поле. По поводу резкого диапазона различий нормативов полевой барщины в ростовских имениях Троицкого монастыря в конце XVI в. (от 0,5 до 3 дес.) Е.И.Колычева недоумевала, хотя тут же интуитивно (и безошибочно) замечала, что комплекс Новое-Деболы более плотно населен. Полагаем, что объяснение, действительно, в этом: как отмечалось в главе о сельском расселении, юго-восточные станы Ростовского уезда были плотнее заселены, чем северовосточные, в них уже к 1540-м гг. завершился первичный этап земледельческого освоения, и именно там располагались села Новое и Дебалы с высоким новытным нормативом барщины в 3 дес. В интенсивно осваиваемых северо-восточных районах уезда корпорация не могла в XVI в. завести столь же стабильно функционирующий домен, так как не имела для этого ни земли в достаточном количестве, ни рабочих рук. Допустимо влияние и традиций феодальной ренты в полученных вотчинных комплексах Берлюково и Ивашково до их попадания в монастырь, где и в предшествующее время барщина могла не практиковаться в слишком крупном масштабе. Отсюда и более “щадящий” повытный норматив полевой барщины - 0.5 дес. Во втором же десятилетии XVII в. монастырь в селах Берлюково и Ивашково, не задаваясь нереальной в тех условиях целью увеличить размер собственной запашки, ужесточает режим ее обработки в рамках уже достигнутого размера. Комбинируя уменьшение нормативов полевой барщины в одних селах, с увеличением их в других, троицкие власти выравнивают тем самым отмеченные для конца XVI в. различия - с выти должно было обрабатываться по 1,5-2 дес.[11] Стремление троицких властей сохранить полевую барщину, хотя бы и в уменьшенном объеме (в гл.4 отмечены 57 % его сокращения по уезду к уровню 1594 г.) и в условиях резкого падения численности населения, ослабления возможностей крестьянского хозяйства совершенно очевидно и в Костромском, и в Ростовском уездах.

По Бежецкому Верху сравнительные данные о полевой барщине в 1590-1620-е гг. отыскиваются только для крупного вотчинного центра Присеки. Правда, в Бежецкой писцовой книге 1594 г. не сообщается о повытном нормативе полевой барщины. Она вообще не дает ни суммарных сведений о вытях по комплексам, ни вытных окладов по дворам. Сопоставление количественных показателей господской пашни в 1594 и 1623 г. свидетельствует о сокращении объема полевой барщины к началу 1620-х гг. на 78 % по сравнению с концом XVI в. В 1623 г. на монастырь в селе Присеках пахалось по 2 дес. с выти, а в пересчете на двор и на душу - по 0,4 четв. в 1 поле, что в 2,2-2,3 раза превосходило уровень 1594 г. (табл.27). Изменение в организации полевой барщины к 1623 г. заключались в с.Присеках в отмене пашни “згоном”, занимавшей в 1594 г. 18 %. В остальных бежецких селах полевая барщина к 1623 г. была уже полностью упразднена и заменена высоким денежным оброком - в с.Молоково и Ахматово - по 6 руб., в с.Баскаки - по 8 руб. с выти. Для сравнения отметим, что Бежецкая писцовая книга 1627-1629 гг. (так называемого “оптимального варианта”) сообщает о 20 четв. монастырской пашни в с.Молокове), хотя данные вытной книги 1623 г. вызывают большее доверие[12].

Отмена полевой барщины произошла к 1623 г. и в ярославском с.Коприно. В Пошехонском уезде, как показывают все писцово-дозорные и вотчинные описания конца XVI - первой четверти XVII в., корпорация эту форму ренты не практиковала совсем. К широкому комплексу отработочных повинностей были привлечены в конце XVI - первой четверти XVII в. крестьяне Белозерского, Пошехонского, Угличского и Ярославского уездов. Комплекс этот напоминает “эстафетную палочку”, когда провоз продуктов и запасов на корпорацию,

начавшись в одном уезде, продолжался в других, к нему как бы подключались следующие исполнители. Исходным пунктом отмеченного движения с севера к центру страны можно считать Белоозеро. Сначала крестьяне белозерского с.Танищи везли по Суде и Шексне соль, хлеб, мед, рыбу, тес и другие продукты и материалы, затем крестьяне приселков с низовьев Шексны доставляли все это по Волге до ярославского с.Коприна. Функционирование данного участка пути подробно описано в писцовой книге 1594 г. и вытной книге 1623 г., где имеется Пошехонский раздел. Провозы рыбы совершались 2 раза в году на основные монастырские праздники - Чудотворцеву память (25 сентября по ст.ст.) и Троицын день. Стоимость таких провозов оценивалась в 12 руб. Раз в 2 года осуществлялся провоз рыбы в монастырь на Успение, и его стоимость определялась в 3,5 руб. Пошехонские крестьяне также обязаны были провозить "рыбные мережи" с Мологи в Ярославль (стоимость 2 руб.). Ответвление маршрута могло вести с низовьев Шексны не только в Ярославль, но и в Углич, а далее через Кашин и дмитровские села Поречье и Синково —в монастырь или в Москву для продажи части продуктов и запасов.

Отработочные повинности для троицких крестьян, живущих в предместье Соли Галицкой, заключались в солеварении на монастырь - "поделывают варницы и онбары и колодцы варничные". Немалый доход имел монастырь со своих варниц здесь - в писцовой книге 1594 г. фигурируют по крайней мере 300 руб. в год. Не совсем пока ясны пункты транспортировки рыбных запасов, которые шли из новгородского села Сытина, расположенного недалеко от Ильмень-озера. Его крестьянам, также не имевшим барщины, приходилось вылавливать на монастырь "з дву неводов по 20 щук и по 20 судаков больших". К числу отработок можно отнести и мельничную повинность на монастырь. Например, в подмосковном селе Ростокине на р.Яузе крестьяне должны были "ежевесень поделывать мельницу, сечь лес и возить землю к заплотине". Крестьяне подмонастырных сел (в Радонеже Московского уезда, стане Инобоже Дмитровского у.) занимались приготовлением съестных запасов (хлеба, пива), привлекались к многообразному "изделью". Помня об огромной численности и самой троицкой общины в XVI-XVII вв. (свыше 700 чел.), и о периодических царских приходах и приездах, и о паломничестве тысяч верующих со всей России к самой знаменитой и почитаемой обители, нетрудно понять, почему ей были необходимы в огромных количествах и съестные припасы, и разные материалы для торговли и т.д.

- денежная рента.

Анализ ее в конце XVI в. логично начать опять-таки с Кашинского уезда, в котором, напомним, писцовая книга 1592/93 г. отметила наибольшую долю чисто оброчных дворов - 67 %. Здесь у монастыря было два исключительно оброчных комплекса - с.Олексино Введенское (29 дв.) и группа Пестовских деревень (50 дв.). В последних отмечена наиболее высокая денежная рента - по 1,5 руб. (300 денег) с выти. В табл.28 показаны размеры платежей крестьянских дворов разной тяглоспособности. Наибольший - 90 ден. - приходится на 22 третьвытных двора, тяглые наделы которых при 10-четвертной выти составляли 3 четв. в 1 поле. Мы видим, что наиболее землеобеспеченные дворы являлись и наиболее облагаемыми. Далее в табл. 28 показано 15 четвертьвытных дворов, платившие по 75 денег, 10 "шестушных" дворов - по 50 ден. и 3 осьмачных двора - по 37,5 ден. Всего же более половины, 52 % денежной ренты сходило монастырю в группе Пестовских деревень с треть- и четвертьвытных дворов.

Значительную часть денежных платежей - 37,5 % поступало в монастырь в данной группе деревень и с общих массивов крестьянских полей. В дер.Сухие с 1,3 вытей - 390 ден., в дер.Куриково с 1 выти - 1,5 руб., в дер.Выгари с 3,659 вытей - 5,4 руб., в дер.Ондрониково - с 1,5 вытей - 2,25 руб., а всего с 7,5 вытей (75 четв.) - 11,1 руб. Эта сумма превышает то, что получала корпорация от какой-либо отдельно взятой группы крестьян, включая даже

наиболее тяглоспособных. Следовательно, массивы общих полей в Кашинском уезде были важны крестьянам не только как гаранты прожиточного минимума, а феодалу - как круговая порука в деле сбора податей, о чем писала Е.И.Колычева (см. гл.5), но и интенсивно использовались самим последним как объект вотчинного обложения.

Другие ставки денежного оброка существовали в с.Олексино для дворов, описанных (по крайней мере формально) такими же долями выти, как и дворы Пестовской группы деревень. Например, четвертьвытные дворы в с.Олексино платили по 25-30 ден., третьвытные - по 30 ден., а имевшие больше земли полувытные дворы - 50-60 ден., хотя в Пестовских деревнях значительно выше облагались - по 90 ден. - третьвытные дворы (табл.28). Более всего ренты монастырь в этом селе получал от шести полувытных дворов - 26,9 %. Примерно столько же - 26,1 % платежей сходило ему с массивов общих полей в с.Олексине (3 выти, или 30 четв. в 1 поле). Отдельно от крестьян, вне вытного оклада, платили непашенные (бобыльские) дворы в с.Олексине

- по 20 ден. ("бобыльская гривна").

С еще большим разнообразием показателей денежного оброка на двор сталкиваемся, переходя к рассмотрению уже названных в предшествующем параграфе кашинских сел с барщиной. Из табл.28 следует, что дворы в них или делились на барщинно-оброчные и чисто оброчные (с.Фроловское), или все имели "уравновешенный" барщинно-оброчный облик (с.Архангелькое). Особенно сильным диапазон различий был у крестьян с.Фроловское. Самое высокое изъятие денежной ренты указано именно здесь в оброчных дворах, хотя ее повытная ставка - 138 ден. -значительно устVIIала той, что отмечена в Пестовской группе деревень. По с.Фроловскому в табл.28 отражены следующие данные писцовой книги 1592/93 г. о денежном оброке - по 207 денег для двора на 1,5 выти, по 138 ден. для вытного двора, по 89 ден. для двора на 0,583 выти, по 69 ден. для шести полувытных дворов и т.д.

Самый низкий показатель денежной ренты для наименее тяглоспособного, осьмачного двора в оброчной половине с.Фроловского - 17 ден. - как бы "смыкался" с самым высоким ее показателем для наиболее тяглоспособного, вытного барщинного двора в барщинно-оброчной половине этого села, который возделывал на сеньора 4 четв. запашки и платил 3 алтына (18 ден.) оброка. Наиболее многочисленные, полувытные дворы с.Фроловского возделывали на монастырь 2 четв., а оброка вносили 9 ден. (табл.28). Использовались и общие массивы крестьянских полей в барщинно-оброчной половине с.Фроловского. С совместной 1,416 выти (14,16 четв. пашни в 1 поле) обрабатывалось 5,6 четв. барского поля и вносилось 25 денег оброка. Значит, не только для денежного обложения, но и барщинного тягла общие поля имели значение. В другом кашинском селе, Михайло-Архангельском показатели денежного оброка дворов были более высокими (от 33,6 до 12 ден.), чем во Фроловском, вследствие вполовину меньшего норматива полевой барщины (см. предшествующий параграф) - табл.28.

В соседнем с Кашином Угличском уезде повытные ставки денежного оброка резко отличались в двух половинах вотчины - Прилуцкой, барщинно-оброчной (235 дв.) и Красносельской, чисто оброчной (142 дв.). В первой половине они составляли 52 ден. (по 5,7 ден.на двор), а во второй - 1,5 руб. (по 91 ден. на двор)[13]. В Красносельской половине мы видим столь же высокие повытно-водворные показатели денежной ренты, как и в кашинской группе Пестовских деревень, которые как раз располагались "за Волгою" смежно с названной половиной.

В отличие от вотчинных комплексов Троицкого монастыря в Кашинском уезде, по двум другим, отраженным в табл.28, имеется сопоставимый материал за 1590-е гг. и второе десятилетие XVII в. Это группа деревень в волости Верхний Березовец Галицкого уезда и село Костомы на Луговой стороне Костромского уезда, по которым сохранились оброчные книги Сергиева монастыря 1595/96 и 1617 г. (первая - во фрагментах). Обратимся сначала к

небольшой группе из 7 березовецких деревень (23 двора). Они как бы связывали троицкие вотчинные комплексы Луговой стороны Костромского уезда (земледельческие и железоделательные) с галицким селом Гнездниковым (земледельческим и солеваренным). В оброчной книге 1590-х гг. использовались разновеликие выти (даже в пределах одного сравнительно небольшого комплекса!), и это затрудняет выведение единой повытной ставки денежной ренты в нем. Возможно, что в данной группе деревень таковой и не существовало вовсе. В самом деле, табл.28 показывает, что 69 денег оброка платил и вытный, и три полувытных двора с весьма отличающимися по размерам наделами (от 1 до 10 четв. в 1 поле). Большинство дворов в комплексе были четвертьвытными и вносили по 36 денег ренты, хотя 11 из них имели надел в 1 четв., а четыре других -вдвое меньше (табл.28). Очевидно, определение вытного тягла и размеров денежной ренты зависело, помимо надела, от ряда других факторов. Обработанное с помощью вычиления парных коэффициентов корреляции подворное описание по с.Домнину Муромского уезда 1630 г. это показало (см. гл.5). В данном же случае крайний локанизм дошедшего до нас фрагмента не позволят исчерпывающе в этом разобраться. С учетом отмеченного выше расположения деревень Верхнего Березовца допустимо предположить значительный удельный вес в хозяйственной жизни крестьян неземледельческих, промысловых занятий. Думать так заставляют слишком малые показатели крестьянских наделов: в 1595 г. в среднем 1,3 четв., в 1617 г. - 0.73 четв. на двор в 1 поле. К этому добавим, что писцовая книга 1594 г. упоминает о непашенных бобыльских дворах в ряде березовецких деревень - Княже, Борсино, Матково.

В оброчном описании костромского с.Костомы (27 дворов), как видно из табл.28, в 1595/96 г. также использовались разновеликие выти, хотя и с меньшим диапазоном различий (4-5 четв. в 1 поле). Рента полувытных дворов колебалась от 14 до 75 денег, а четвертьвытных - от 6 до 24 денег. Более усредненные величины находим по с.Костомам в писцовой книге 1594 г. В ней повытная ставка оброка определена в 120 ден., а подворная - 60 ден., из которых 48 ден. собственно оброк + 12 ден. “за мелкий доход” (табл.29).

Если в 1590-е гг. повытный норматив денежного оброка для группы деревень Верхнего Березовца вывести невозможно, то в оброчной книге 1617 г. он указан - 3 руб. (табл.29), что в пересчете на двор составляло 111 денег оброка. По сравнению с 1590-ми гг. это выше, чем самый высокий подворный показатель денежного оброка для данной группы деревень. С определенной поправкой на обесценение денег в первой четверти XVII в. такое сравнение наводит на мысль об увеличении денежного обложения крестьянского двора в данном комплексе от 1594 к 1617 гг. по крайней мере в 1,6 раза. Слабее - в 1,2 - 1,1 раза - выглядит изменение повытно-подворных нормативов денежного оброка и при сравнении данных по с.Костомы за 1594 и 1617 гг.: повытных от 120 до 200 ден., то есть до 1 рубля, подворных - от 60 до 66 ден. Более полная фиксация населения в оброчной книге 1617 г. позволяет даже вывести подушную величину денежной ренты в с.Костомы - 44 ден.- отдельно зафиксировано обложение бобыля-захребетника - по 10 ден.

По другой части галицкой вотчины монастыря - комплексу Гнездниково - есть возможность сравнить данные о феодальной ренте в писцовой книге 1594 г. и оброчной книге 1617 г. В конце XVI в. повытная ставка денежного оброка здесь была 20 алт. (или 120 ден.) + 25 ден. “за сыры, масло и “московские дрова”, что в пересчете на двор составляло в среднем 50-52 ден. (табл.29). Оброчная книга 1617 г. зафиксировала норму 3 руб. с выти и для с.Гнездникова, и для упомянутой выше группы березовецких деревень. Поскольку Гнездниково находилось буквально в 1 версте от посада Соли Галицкой, крестьянский двор при формально такой же повытной норме платил 150 ден. оброка, то есть в абсолютном выражении налицо троекратное усиление его оброчного бремени от 1594 к 1617 г. В табл. 29 отражен и подушный показатель денежного оброка в с.Гнездникове - 107 ден., что значительно превосходит тяжесть оброка на душу в с.Костомы. По галицким владениям

Сергиева монастыря имеются редкие сведения и о размерах государственных налогах крестьянских дворов в 1617 г. Эти ценные данные будут приведены нами в другом параграфе настоящей главы.

Информация о денежной ренте в 1590-1620-е гг., которую удалось извлечь из писцовых и вотчинных описаний не только в Галицком и Костромском, но и в Бежецком, Ростовском, Ярославском, Пошехонском уездах приведена в табл.29. Не по всем селам и деревням, к сожалению, есть сопоставимый материал.

В бежецких комплексах Раменки, Волосково и Наместково фрагменты оброчной книги 1595/96 г. отмечают повытные ставки денежного оброка от 131 до 288 ден., что позволяет вычислить и его средние подворные показатели - от 34 до 72 ден. Кроме того, по дер.Волосково с деревнями оброчная книга 1595/96 г. дает самую раннюю информацию и о государственных платежах крестьянских дворов, к которой мы также обратимся ниже. За 1620-е гг. вытная книга сообщает об оброке других бежецких сел монастыря. Самый низкий показатель -210 ден. (1,1 руб. с выти) видим в барщинном с.Присеки, где крестьянский двор с наделом 2,15 четв. в 1 поле пахал в среднем на монастырь 0,4 четв. и платил ему 14 ден. оброка. Остальные же вотчинные комплексы, как уже говорилось в предшествующем параграфе, были чисто оброчными. Не может не поражать очень высокая повытная ставка денежного оброка в деревнях Макарьевской Слободки, расположенных в предместье Бежецка - 10,3 руб., что в пересчете на двор с наделом в 2,6 четв. в 1 поле -228 ден. - превосходило повытную норму оброка в соседнем с.Присеки (табл.29). Высоким был оброк и в селах Молоково, Ахматово и Баскаки (по 6-8 руб.), заменивший прежде существовавшую в них барщину. Денежная рента крестьянских дворов с наделами 2,6 - 3,9 четв. в 1 поле составляла по 69-71 ден.

Самыми облагаемыми являлись бобыльские дворы в Макарьевой Слободке. Например, “бобылек” Данило Дорофеев Горбун платил в 1623 г. со своего двора 2 р. 10 алт., а вклад в обитель на Память Чудотворцеву 25 сентября в том же 1623 г. дал 10 руб. Это был наиболее состоятельный житель Макарьевской Слободки, поскольку он единственный арендовал ряд участков под Слободой, VIIлачивая за них 1 руб. Семья его не бедствовала и после смерти: в 1628 г. во вкладной книге записан вклад вдовы Ульяны Дорофеевой и тоже 10 руб. [5] О категории сельских бобылей и их денежной ренте(ничего/вытная книга 1623 г. не сообщает, тогда как в официальной, писцовой книге 1627/20 г. эта группа населения выглядит весьма многочисленной: 55 % (в абс.228 дв.), а крестьян показано только 38 % (в абс. 156).

Обратимся теперь к самому обширному - Костромскому- разделу табл.29, разделенному для удобства рассмотрения на Нагорную и Луговую половины. В селах Федоровское и Поемечье денежная эксплуатация барщинных дворов в 1594 г. была сравнительно невелика —по 3,2 ден., а в имевшем более оброчный профиль приселке Кувакине (на Ярославско-Костромском рубеже) - 12, 1 ден. Оброчная книга 1617 г. показывает усиление разрыва - для крестьян с.Федоровского и Поемечья оброк на двор составил 4,6 ден.(при барщине в 0,9 четв.), а для Кувакинских - 53,3 ден. (при барщине в 0,2 четв.). О дифференциации повытных и подворных норм полевой барщины в этих костромских селах говорилось в предшествующем параграфе. Повытные показатели оброка в 1617 г. приведены в табл.29. Существенную разницу отмечает оброчная книга 1617 г. и в обложении бобыльских дворов - в селах Федоровское и Поемечье - по 18 ден., в Кувакине - по 35 ден.

На Нагорной стороне Костромского уезда у Сергиева монастыря в 1594-1617 гг. имелись и чисто оброчные селения - Жарки и Салтаново. В группе Жарковских деревень, тяготеющих к Кувакину, в 1594 г. был самый высокий вытный урок денежной ренты - 2 руб., а на двор - 32 ден. О крестьянах этих мест описания 1590-1610-ых гг. замечали, что “они

пашни не пашут” (имея в виду господскую? - М.Ч.). В 1617 г. при шестикратном уменьшении населения в приселке Жарки корпорация удержала столь же высокую повытную норму оброка (+ 2 алт. подымного и 1 четв. “проезжей ржи”), что означало усиление оброчного бремени двора в 2,1 раза (не 32, а 68 ден.). Теперь на душу приходилось столько, сколько в конце XVI в. платил целый двор (табл.29). В сохранении прежней повытной ставки оброка (2 руб.) выразилось стремление монастырских властей как-то компенсировать падение доходов с комплеса при сильном сокращении численности его населения от 1594 к 1617 гг.

В другом оброчном приселке, Салтаново, корпорация и вовсе вдвое увеличила повытную ставку денежного оброка, поскольку здесь падения численности населения не произошло. Если в 1594 г. с выти брался 1 руб. оброка, а со двора 50 ден., то после увеличения - с выти полагалось платить 2 руб., со двора - 77 ден., с души - 38, 2 ден. (табл.29). Заметнее, чем в Жарковской группе деревень, в Салтанове были представлены и натуральные компоненты ренты - с выти по 12 четв. оброчной ржи и овса. По сравнению с универсальным денежным обложением приселков Жарки и Салтаново в конце XVI в. оброчная книга 1617 г. показывает определенную натурализацию их рентного статуса, хотя ведущее значение по-прежнему сохраняли денежные обязательства крестьянских дворов перед монастырем.

В костромском с.Марьинское табл.29 на 1594 г. отражает данные о денежном оброке только по 26 чисто оброчным дворам. Повытная норма для них была зафиксирована в описании 1594 г. в 1 руб., а на двор - 60 ден. Большинство же крестьянских дворов (77 %) выполняли высокий урок полевой барщины (по 1,2 четв. - см. об этом выше) и поэтому их денежный оброк был значительно ниже - 9 ден. Для барщинных дворов он также дополнялся рядом натуральных компонентов в виде оброчных ржи и овса, холстов, овчин, льна и обременительными пятикратными “повозами”. В 1617 г. весь комплекс Марьинское приобретает более унифицированный рентный статус. В связи с сокращением господского клина и установлением пониженных нормативов полевой барщины, отменой повозов в году (см. об этом выше) вводится и уменьшенный по сравнению с 1594 г. для наиболее облагаемых дворов, но всеобщий теперь для крестьян оброк в 56 ден. с выти, что в пересчете на двор и на душу составляло соответственно 11,6 и 2,4 ден. (табл.29). Происходит также коммутация натуральных сборов (за лен по 6 ден. и за овчины по гривне с выти). Как и в других костромских селах, оброчная книга 1617 г. в с.Марьинское зафиксировала отдельное обложение и бобыльских дворов - по гривне.

В оброчном селе Медведкове, судя по табл.29, от 1594 к 1617 г. произошло более чем четырехкратное уменьшение повытной нормы денежного оброка - от 2 руб. (+ за приказчиков посопный хлеб 6 руб. со всего комплекса) до полтины с выти “ для их бедности”, поскольку село было разорено поляками А.Лисовского в 1616 г. Мера эта являлась временной, поскольку в оброчной книге 1617 г. говорилось о том, что “вперед крестьянам платить полный оброк с выти по рублю”. Значит, после 1594 г. монастырские власти по крайней мере дважды меняли в этом комплексе повытную ставку денежной ренты, примеряясь, возможно, к изменению численности населения. Если в 1594 г. оброчное тягло двора составляло 180 ден. (Ю.А.Тихонов пишет о 166 ден.), а души м.п.- 150 ден., то в 1617 г эти показатели уменьшились соответственно до 22,7 и 13, 3 ден. (табл.29). Некоторой компенсацией такому уменьшению стало заведение в с.Медведкове небольшой по объему полевой барщины в 20 четв., поэтому крестьянский двор в дополнение к облегченному оброку должен был еще пахать на монастырь 0,2 четв. в 1 поле (см. выше).

Рассмотрим теперь денежную ренту в троицких селах Луговой стороны Костромского уезда. Кроме с.Костомы, уже упоминавшегося нами, полевой барщины ни в одном из них в конце XVI в. не было, а к 1617 г. во всех наблюдается универсальный денежно-оброчный облик. В приселке Горки в 1594 г. существовал оброк 1 руб. с выти, дополняемый также

платежами за “московские дрова, сыры, масло” плюс ряд еще сохранявшихся компонентов ренты в виде овчин и холстов. Всего двор платил по 56,4, а душа м.п. - 53,7 ден. В 1617 г. повытная ставка оброка увеличивается здесь вдвое, но с учетом возросшего количества дворов, уменьшения числа самих вытей денежная рента снижается до 33,3 ден. на двор и 19,3 ден. на душу м.п. (табл.29). Натуральные компоненты ренты в оброчной книге уже не упоминались.

В селе Головинское в 1594 г. писцовая книга отмечает примерно такое же положение, как и в Горках - повытная стака денежного оброка у них совпадает, как и состав натуральных взносов. С учетом другого количества дворов в выти здесь денежная рента крестьянского хозяйства составляла 44 ден. В 1617 г. оброчная книга отмечает возрастание повытной нормы оброка вдвое - 1 руб. С учетом возросшей численности населения и сохранения того же количества дворов в выти это означало утяжеление оброчного бремени двора до 71,4 ден., а души м.п. - 51 ден. В с.Головинское существовало также отдельное от крестьян обложение бобылей, но сам размер “бобыльского” не указан. Кроме того, оброчная книга 1617 г. впервые сообщает об обложении монастырем в свою пользу крестьянских железодутных горнов, с которых всего было собрано 9 алт. 3 деньги.

О том, что в троицких селах Луговой стороны Костромского уезда демографическая ситуация после смуты оказалась сравнительно благополучной, убеждаемся и переходя к с.Кишемы в Андомском стане. В нем также в 1617 г. дворов стало больше, чем в конце XVI в. Повытная ставка оброка - 120 ден. (+ коммутированные взносы за сыры, масло и дрова + натуральные компоненты в виде овчин и холстов) - после 1594 г. изменялась дважды: сначала (год неизвестен) ее увеличили до рубля, а затем - снизили до полтины. По сравнению с концом XVI в. денежный оброк двора как таковой в среднем уменьшился с 48 до 27 ден., а на душу м.п. составил 19 ден. (табл.29). Дополнительной тяжестью на крестьян, занимающихся железоделательным промыслом в этом селе, ложились платежи за их кузницы (по 5 алт. за кузницу непосредственно во дворе и по 10 алт. за кузницу на монастырской земле) и горнов (за 10 горнов было взято 31 алт.4 ден.). Никаких более взносов - ни коммутированных, ни натуральных - в с.Кишеме не отмечено. Бобыльский двор платил отдельно от основной массы крестьянских - 10 ден. (возможно, что и в с.Головинском бобыльские дворы облагались в таком же размере).

В соседнем с с.Кишемы селом Богородицким наблюдаем аналогичную картину и в самом составе феодальной ренты в 1594 г. и его изменении в 1617 г. Разница- лишь в более высоких повытно-подворных ставках оброка, общее - в их снижении к 1617 г. (табл. 29). Село Новое в конце XVI - начале XVII в. находилось в пожизненном держании за его прежним владельцем, С.Ф.Лихоревым. Фактически это было разделенное владение между ним и монастырем - 9 вытей (19 дворов) принадлежали Лихореву, 11 вытей (23 двора) - корпорации. Рентный статус для всех крестьян был одинаков - по 5 алт. с выти + коммутированные взносы за сыры, масло, дрова, овчины, всего 62 ден., а со двора - 29,5 ден. В 1617 г. при сохраняющемся совладении с Лихоревым монастырь в 2,7 раза увеличивает в с.Новом повытную ставку оброка и отменяет коммутированные платежи. Крестьянский двор теперь должен был платить по 49 ден., а с души м.п. сходило по 30,6 ден. (табл.29). Существовал ли и в 1617 г. раздел самих вытей (крестьянских дворов) между светским лицом и корпорацией, оброчная книга не сообщает.

На Луговой стороне Костромского уезда нам осталось рассмотреть денежную ренту еще в двух селах - Сухорукове “на железном враге” и Буякове. По ним сравнительного материала за 1594 и 1617 г. нет, поскольку эти села оказались пропущены при составлении писцовой книги 1594 г. Оброчная же книга 1617 г. зафиксировала в них наибольшее количество дворов - в первом 145, во втором - 124. В с.Сухорукове, наиболее плотно населенном, корпорация расположила и центр собственного железоделательного

поизводства. Здесь находилась монастырская мельница “железного промыслу” на р.Андоме (не потому ли троицкие агенты постарались не сообщать об этом селе официальным писцам в 1594 г., и оно оказалось не включенным в описание 1594 г., чтобы не давать правительству нежелательной информации о таком источнике дохода для монастыря ?..). Работавшие на ней крестьяне не платили владельческих поборов со своих кузниц и горнов. Для тех, кто не работал на этой мельнице, оброк с горна составлял 3 алт. 2 ден. По данным К.Н.Сербиной, в нижегородском С.Павлове за железодутный горн платилось в 1642 г. от 3 алт. 2 ден. до 8 алт. 2 ден.16

Повытная ставка денежного оброка 1 руб (+ символическая деньга подымного), что в пересчете на двор означало 37,9 ден., а на душу м.п. - 29,1 ден. При такой же повытной норме оброка в с.Буякове ее подворные и подушные показатели были побольше - соответственно 46,7 и 31,1 ден. (табл.29). Различие может объясняться тем, что для буяковских крестьян не существовало отработочной повинности в виде обслуживания господской железоделательной мельницы. Занимавшиеся своим промыслом платили по гривне с кузницы. Отметим, что сведения о железоделательном производстве из Троицкой оброчной книги 1617 г. остались неизвестны К.Н.Сербиной и не учтены в ее монографиях на эту тему ни по Северо-Западному, ни по Центральному районам России XVI-XIX вв.

Перейдем теперь к рассмотрению денежной ренты в Ростовском уезде. Первым в табл. 29 у нас указан приселок Поникарово, В 1594 г. писцовая книга отметила в нем повытную ставку оброка в 126 ден. + ряд натуральных взносов (рожь, овчина, холсты). В среднем на двор приходилось 42 ден. В 1617 г., несмотря на некоторые увеличение количества дворов, норма денежного оброка была уменьшена в 2,3 раза. Одновременное уменьшение числа самих вытей и увеличение количества дворов в них привели к общему снижению оброчного бремени двора до 7,6 ден. (с души м.п. -7,2 ден.). Напомним, что в приселке Поникарове была заведена небольшая господская запашка как способ реактивации пустеющих земель. Следовательно, значительное понижение оброчного тягла крестьянского двора частично компенсировалось для монастыря распространением здесь полевой барщины (см. выше). Самым платежеспособным в этих условиях оказывался единственный в Поникарове бобыльский двор, который платил гривну (20 ден.).

Ростовское село Дебалы, отличавшееся наибольшими размерами в данном уезде, являлось центром барщинного хозяйства корпорации здесь. Село имело “уравновешенный” барщинно-оброчный облик, поскольку все крестьянские дворы в равной мере привлекались и к полевой барщине, и к выплате денежного оброка, составлявшего 15,5 ден. на двор (табл.29). К 1617 г. в этом селе одновременно с ослаблением барщинного гнета (об этом шла речь в предшествующем параграфе) наблюдается и уменьшение денежных обязательств двора - до 11 ден.

В другом ростовском селе. Новом, в конце XVI в. большая часть дворов (86) являлись барщинными, поэтому их денежный оброк был весьма мал - по 2,8 ден. на двор. Чисто же оброчные дворы (47) в Новом облагались значительно выше - по 38,7 ден. (табл.29). В 1617 г. рентный статус села Новое выглядит более унифицированным - все крестьянские дворы в нем в равной мере привлекались и к полевой барщине, и к денежному оброку. Повытно-подворные ставки обеих форм ренты были значительно снижены. Относительно первой говорилось выше, а показатели денежного оброка в с.Новом отражены в табл.29 - на выть 53 ден. (+ дымное), а на двор - 12,7 ден. 1594 г. в По сравнению с денежным оброком барщинных дворов в конце XVI в. это означало увеличение оброчного тягла в 4,5 раза. Имевшая наивысший для Ростовского уезда в конце XVI в. подворный показатель денежного оброка - 89 ден. - деревня Гусарникова, в 1617г. включается в единый платежный округ с с. Новым и на нее также распространяется отмеченный показатель - 12,7 ден., означавший семикратное снижение оброка для крестьян. Лидировали же по высоте денежного обложения

бобыльские дворы - в с.Дебалы с них бралось по 29 ден., в с. Новом - по 18 ден., в Поникарове - по 20 ден., а в отдельно стоявшей бобыльской слободке Потаповке на р. Где - по 50 ден. Для Потаповских бобылей норматив этот оставался неизменным и в 1594, и в 1617 г. Будучи непашенными, они обслуживали монастырскую мельницу под селом Дебалами.

Расположенные к северо-востоку от Ростова, села Берлюково и Ивашково имели в конце XVI в. "уравновешенный" барщинно-оброчный облик. Рентный режим в них представляется щадящим - сравнительно небольшой повытный норматив полевой барщины (по 0,5 дес.) дополнялся оброком со двора в 10,8 ден.(+ натуральные взносы и двухразовые праздничные взимания в году в размере 1 руб. с двух сел). В 1617 г. усиление эксплуатации здесь шло по линии прежде всего возрастания повытно-подворных нормативов полевой барщины (см. предшествующий параграф), а оброк со двора был уменьшен до 8/3 ден. (табл.29). Натуральные компоненты ренты и праздничные взносы в оброчной книге 1617 г. не фигурируют. Намного меньше разрыв и в показателях обложения крестьянских и бобыльских дворов. Последние платили в селах Берлюково и Ивашково по 9,7 ден., то есть значительно меньше, чем в Новом, Деболах, Поникарове.

Из ценнейшей оброчной книги 1617 г. осталось привести материал только по ряду ярославских деревень Закоторосльского стана. В 1594 г. в деревне Харловой с другими деревнями (всего 23 двора) писцовая книга отметила повытную норму оброка в 1 руб., что в переводе на двор составляло 34,7 ден. ренты. К 1617 г. из всей группы деревень живущей оставалась только дер.Харлова с 12 дворами, в которой монастырские власти втрое увеличивают повытный норматив оброка. Это означало, что крестьянский двор должен был теперь вносить 50 ден. (+ подымное), а с души м.п.- 33,3 ден. (табл.29). Если в конце XVI в. в данном селе не было не только полевой барщины, но и натуральных компонентов ренты, то в 1617 г. один таковой появился - с выти вносилась 1 четв. "проезжей ржи".

Более сложная картина феодальной ренты наблюдается в другой, западной части Ярославского уезда, где в волости Черемхе располагался вотчинный комплекс Коприно. В конце XVI в. чисто оброчными в нем было 12,5 % дворов, плативших по 46 ден. оброка (табл.29). Разница с показателем оброка для барщинно-оброчных дворов была не слишком велика (те вносили по 34,7 ден.), видимо, в силу незначительности объема и норм обработки полевой барщины в селе (только 20 четв. и по 0,1 четв. на двор). К 1623 г. унифицируется денежное обложение дворов в данном комплексе - все они, должны платить по 35 ден., поскольку разделявшей их барщины уже не стало. Размеры крестьянских наделов, судя по вытной книге 1623 г., в них также были близки - по 3,6 - 3,8 четв. в 1 поле на двор. Коммутация натуральных поборов происходила и в Копринском комплексе - в 1623 г. упоминаются платежи за мелкие доходы, грибы и ягоду "брусницу"; овчину. Отдельные компоненты такого свойства еще сохранялись - холсты, оброчная и проезжая рожь и овес. Как и в Костромском, Ростовском уездах, в с.Коприне указано отдельное обложение бобылских дворов - по гривне.

Точно так же, как в Ярославском разделе вытной книги 1623 г., описан состав феодальной ренты и в ее Пошехонском разделе. Это не случайно, поскольку троицкие приселки в низовьях Шексны были тесно связаны с ярославским с.Коприным в сложившейся системе провозных и подводных повинностей крестьян, исполняемых на монастырь. Барщина, которая в конце XVI в. являлась отличием ярославского комплекса от пошехонского, в 1623 г. более не существовала. Исходя из повытной нормы оброка для пошехонских крестьян в 1594 г. (120 ден.), обязательства двора составляли 34 ден. Если же просчитать стоимость организации и осуществления провозных и подводных повинностей (наем крестьянами для них подвод, речных судов, гребцов, кормщиков и пр.), то денежная нагрузка для выти повысится до 332 ден., а для двора - до 94 ден. Вытная книга 1623 г.

стоимости провозов не указывает, а подворные ставки денежного оброка в ней - 35-41 ден. - как бы “подтянуты” к таковым в ярославском с.Коприне (табл.29).

Рассмотрение феодальной ренты в вотчине Троице-Сергиева монастыря за конец XVI - первую четверть XVII в. приводит к следующим выводам. Общая картина ренты была достаточно разнообразна. Она создавалась наличием и чисто оброчных, и по преимуществу барщинных, и уравновешенных барщинно-оброчных вотчинных комплексов, а также имений со смешанными формами ренты. Чем крупнее была господская запашка в том или ином селе, тем сильнее дифференциация крестьянских дворов по нормативам денежного оброка на выть и на двор. Сокращение полевой барщины в ряде сел Новоторжского, Звенигородского уездов и раздача монастырской земли крестьянам на оброк отмечено уже в конце XVI в. В первой четверти XVII в. снижение абсолютных показателей полевой барщины в изученных уездах продолжалось и доходило до 32-39 % в Костромском, 57 % в Ростовском, 78 % в Бежецком уездах к уровню 1594 г. “Барщинная политика” земельного собственника была весьма разнообразна. Сокращение повытно-подворных ставок полевой ренты было масштабнее в имениях с более выраженным оброчным профилем. Удержание полевой барщины монастырскими властями при уменьшении господской запашки требовало в ряде имений ужесточения ее повытно-подворных нормативов. Там же, где домен сокращался, наблюдается выравнивание различий в размерах денежного оброка крестьянских дворов, которые (различия) в конце XVI в. были более резкими. В то же время изживается такой способ в организации полевой барщины, как пахота господской земли детенышами и существенно сокращается распашка “згоном”. Частичные интервенции полевой барщины на пустые участки некоторых сел и деревень в 1617-1623 гг. имели целью реактивацию земледелия и не влияли существенным образом на общий процесс сокращения барщины.

Оброчная эволюция части крестьянства, заметная в конце XVI в., продолжалась и во втором-третьем десятилетиях XVII в., хотя тяжелые последствия “смуты” и ослабили ее. В повытно-подворных ставках денежного оброка также не было единообразия: в одних селах и деревнях они снижались, других были увеличены в 2-3 раза. В прежних оброчных селах с частично восстановленной полевой барщиной уменьшение ставок денежного оброка было особенно наглядным. Дополнительным источником дохода для корпорации становится обложение крестьянских железоделательных промыслов в костромских селах Луговой половины уезда. Более четко прописанные оброки бобылей и городских дворников, мастеровых людей, ремесленников монастыря показывают, что владельческое обложение ориентировалось не только на вытно-надельных крестьян, но и на отдельных тяглецов, в том числе и непашенное население деревни и городских слободок, стоявших вне системы вытного письма.

После 1623 г. и до 1696 г. у нас практически нет сведений о феодальной ренте в вотчине Троице-Сергиева монастыря. Можно привести лишь два отрывка из россыпи хозяйственной документации конца 1630-х гг. и 1679/80 г. Первый - это результат сбора феодальной ренты дворцовым старцем Маркелом Корнильевским в московском с.Звягине 1638/39 г. Как и в оброчных фрагментах 1590-х гг., в данной записи перечень различных владельческих поборов завершается суммарным указанием на изъятую ренту: “за лен и за скань и за московские дрова и за овчины и за холсты и за грибы и вытного (? - М.Ч.) и дымного 4 руб. 19 алт.4,5 ден. Проезжие ржи 1 четь”. Поскольку количество дворов в данном комплексе не означено, нельзя вычислить тяжесть денежного оброка на двор. Как и в вытной книге 1623 г., в анализируемом отрывке дворцовый старец собирает феодальную ренту одновременно с государственными платежами. Информация об их соотношении по тяжести взимания будет приведена у нас ниже, в последнем параграфе настоящей главы. В 1679/80 г. с кашинского с.Фроловского было взято “оброку 5 руб.4 ден., дымных 7 алт.4 ден., с бобылей и захребетников оброку 13 алт. 2 ден.” [17] В конце XVII в. уже не было в составе ренты

большого количества мелких натурально-продуктовых компонентов, столь характерного при ее фиксации в 1590-1620-е гг. Это говорит о более полной их коммутация в универсальные денежные платежи к концу XVII в.

Налицо также и четкое отчленение оброка с бобылей и захребетников, от оброка с крестьян, которое в источниках 1590-1620-е гг. не всегда последовательно фиксировалось.

б) 1690-е гг.

- отработочная рента

О полевой барщине в конце XVII в. имеются сведения только по двум приписным монастырям в Поволжье - Троице-Алатырскому и Троице-Свияжскому. Они содержатся в двух переписных вытных и оброчных книгах этих дочерних филиалов 1695/96 г. и не находят сопоставления ни в более раннем, ни в более позднем материале по данным уездам. Это не позволяет проследить развитие отработочной ренты, способов ее организации, повытно-подворно-подушных нормативов на протяжении длительного времени. За конец XVII в данные обощены в табл.30. Прежде, чем мы обратимся к ней, стоит упомянуть и о табл.6, в которой видим долю господской запашки в общей площади пашни названных уездов - в Свияжском - 4,4 % (в абс.235 четв.), в Алатырском - 5,3 % (в абс.114 четв. в 1 поле).

Названные книги зафиксировали проведенное властями “большой” Троицы сокращение объемов полевой барщины в алатырских и свияжских селах, сведение ее к потребительскому минимуму (“для пропитания”) братии и административно-хозяйственного аппарата Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей. Напомним приведенные в гл.4 цифры, отражающие масштабы сокращения - в Алатырском уезде на 47 %, в Свияжском - на 6f %. В Алатырском уезде господская запашка была оставлена только в самом крупном (222 дв.) селе, Четвертакове - 90 дес. в 3 полях. В других многодворных селах Мишукове (123 дв.) и Тургакове (101 дв.) ее упразднение сопровождалось увеличением денежного оброка, адресуемого в “большой” Троицкий монастырь. В еще большем количестве алатырских селений (6) полевой барщины, по всей видимости, в XVII в. не было совсем (табл.30).

В Свияжском уезде полевая барщина была отменена, напротив, в наиболее многодворных селах (по 154-158 дв.), где прежде объем ее был особенно велик -Килдееве (это был старый центр полевой барщины, существовавший с конца XVI в., - 60 дес.). Нижнем и Верхнем Услоне (82,5 - 96 дес. в 3 полях). Оставлена же она была в наименьшем размере - 36 дес. в 3 полях в с. Новом (138 дв.). В нем пониженными оказываются и подворно-подушные нормативы полевой барщины - по 0,26 дес. на двор и по 0,09 дес. в 3 полях на душу м.п. В селах, где эти нормативы к 1696 г. были более значительными - до 0,6- 0,9 дес. на двор и 0,25 -0,45 дес в 3 полях на душу, барщина как раз отменялась (табл.30). Особенно понятной выглядит отмена барщины в с.Верхнее Услон, где оброчная книга 1696 г. отмечает преобладание бобыльских, то есть непашенных дворов над крестьянскими (соответственно 65 и 35).

Подворно-повытные нормативы полевой барщины в Алатырском уезде были наиболее высокими в сохранявшем барщинный облик и наиболее плотно населенном с.Четвертакове. В нем крестьянский двор пахал на монастырь по 0,4 дес., а на душу м.п. приходилось по 0,12 дес. в 3 полях. Примерно такие же подворно-подушные ставки полевой барщины существовали и в с.Тургакове до ее отмены. Слабее всего они выглядели в с.Мишукове - по 0,29 дес на двор и 0,08 дес. на душу в 3 полях.

Наряду с VIПразднением полевой барщины, для крестьян Алатырского и Свияжского уездов отменялась и повинность сенокошения в пользу троицких филиалов. Лишь в упомянутом с.Четвертакове был сохранен прежний объем сенокосов - 1 тыс. волоковых копен, что в пересчете на двор составляло 4,5, а на душу - 1,4 копны (табл.30). В свияжском с. Новом масштаб монастырских сенокосов бросается в глаза - 3 тыс. волоковых копен, что значительно усиливало барщинное бремя двора и души м.п. (заготовка соответственно по

21,7 и 8 копен). О том, что полевая барщина, действительно, была отменена в большинстве алатырских и свияжских сел, убедительно свидетельствует приходо-расходная (оброчная) книга Троице-Сергиева монастыря 1703-1704 гг., в которой об обработочной ренте уже не упоминалось . Дальнейшая эволюция полевой барщины в троицких вотчинах требует специального изучения по всем имеющимся материалам первой половины ХУШ в. Исследования, проведенные на основании “офицерских описей” начала 1760-х гг. (А.И.Комиссаренко и Л.В.Миловым), показывают, что накануне секуляризации позиции барщины в ряде троицких сел оставались весьма сильными[183]. Возможно, это следует отнести к явлениям так называемой “феодальной реакции”.

- денежная рента.

Информация о ней для конца XVII в. также содержится в переписных вытных оброчных книгах Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей 1695/96 г. В этих источниках данные об оброке приводятся в итогах по каждому селу или деревне. Нами в табл.30 они преобразованы на уровне двора и души м.п. Самый низкий средний показатель денежного оброка видим в барщинном с.Четвертакове -по 51 копеек на двор и 16 коп. на душу. Для сравнения отметим, что в барщинном селе Новом Свияжского уезда в том же 1696 г. на двор приходилось в среднем по 66 коп. ренты, а на душу - по 24,6 коп.(мог сказаться меньший численный состав двора - табл.30). В алатырских селах Мишукове и Тургакове в связи с отменой барщины и хлебного оброка (“отсыпного хлеба”) денежная рента была больше, чем в с.Четвертаково: в Мишукове в среднем по 1 р.27 коп. на двор и 38 коп. на душу, в Тургакове - также в среднем по 1 р.49 коп. на двор и 71 коп. на душу. Последний показатель - предельно высокий для души м.п. в алатырских имениях монастыря. Расхождение подушных ставок оброка объясняется разным численным составом дворов - в с.Мишукове средняя населенность двора была 3,3 чел., в Тургакове - 2,1 чел. (табл.30). Отмеченные нормативы для указанных сел только вводились в 1696 г. Думаем, что троицкие власти в какой-то мере ориентировались на уже существовавший в других алатырских селах и деревнях уровень денежных взиманий. Например, в оброчной дер.Милениной в 1696 г. средний крестьянский двор платил 1 р.49 коп., с души сходило по 60 коп. (табл. 30). Более же детальную, а не усредненную, картину денежной ренты в алатырских имениях с учетом разной тяглоспособности и землеобеспеченности крестьянских дворов показывает табл.32.

В ней представлено распределение денежной ренты, выплачиваемой крестьянскими дворами в Алатырском уезде в зависимости от их тяглоспособности и размеров тяглых наделов. Были выделены три группировки крестьянских хозяйств -крупные, средние и мелкие, в соответствии с обоснованной в гл.JT характеристикой наделов. Из табл. 32 видно, что в каждом селении большинство дворов может быть отнесено к группе мелконадельных, описанных 0,007 - 0,015 долями выти. В некоторых алатырских селах крупнонадельных хозяйств не было (с.Ичикса). В с. Верхняя Ичикса не было и среднетяглых хозяйств (табл.32). Наибольшую сумму владельческих платежей - 63 % вносили в Алатырском уезде мелконадельные крестьянские хозяйства, описанные мелкими долями выти, 22,3 % - дворы средней и 14,4 % - наиболее высокой тяглоспособности.

В пределах каждой выделенной группы наблюдаем широкий диапазон различий в размерах денежной ренты. В барщинном с.Четвертаково мелконадельные крестьянские дворы с участками 1,9 - 4,2 четв. в 1 поле платили 19-42 коп. оброка. В этом селе вообще существовало единое для всех дворохозяев требование - с четверти земли вносился оброк в 10 коп. В группе среднетяглых дворов с наделами в 5,9 – 7 четв. видим подворные ставки ренты от 59 до 70 коп., в группе крупнотяглых с наделами 8, 7 - 14,7 четв. - соответственно 87 коп. - lр.40 коп. В других алатырских селах видим зависимость размера денежного оброка от

доли вытного тягла - с 0,031 -0,057 долей вносилось 3р. 10 коп. - 5р.70 коп. (группа из пяти крупнонадельных дворов в оброчной дер.Милениной).

Из-за существования разновеликих вытей в алатырских селах видим сильный разброс показателей денежной ренты в самой многочисленной группе мелконадельных дворов. Например, в с.Верхняя Ичикса 60 дворов с наделами 0,5 -4,5 четв. в 1 поле и с окладами 0,007 - 0,063 выти платили оброка от 63 коп. до 5р.60 коп. В "новоселибенных" деревнях Евлея и Подгородняя еще не было введено вытное обложение наделов и поэтому отмечено их унифицированное денежное обложение - в Евлее - по 1 руб. в Подгородней - по 1р. 10 коп. со двора.

Характер записи оброков в книге по Троице-Свияжскому монастырю позволяет сравнить денежные тяготы вотчинных комплексов в целом и отдельного крестьянского двора до и после отмены полевой барщины. Для комплекса Нижнее Услон с починками Студенец и Воробьев (всего 158 дв.) и самым большим господским клином упразднение полевой барщины оборачивалось для крестьян введением "новоокладного" оброка в 101 руб.! Для комплекса Нижнее Услон с дер.Печище и поч.Дорогишев (83 дв.) такая отмена означала возрастание совокупного оброка на 50 руб., для старинного барщинного комплекса Килдеево с 3 деревнями (154 дв.) - на 69 руб. Общий денежный сбор с бывших барщинных сел Свияжского уезда увеличивался с 254 руб. до 476 руб. то есть в 1,8 раза. Напомним, что адресованы эти платежи были в "большой" Троицкий монастырь.

Как отмеченные изменения отразились на денежном обложении крестьянских дворов? До 1696 г. в свияжских селах крестьянский двор обязан был платить по 41-73 коп., а с души м.п. сходило по 17-30 коп. С отменой барщины в селах Килдеево и Нижнее Услон подворно-подушные ставки денежной ренты возросли в 1,8 - 1,9, а в с.Верхнее Услон - в 3,3 - 3,6 раза. Самый высокий показатель денежной ренты среди свияжских сел наблюдаем в Верхнем и Нижнем Услоне - на двор 1 р.36 коп. - 1 р.38 коп., а на душу м.п. - по 57-62 коп.

Оброчные книги Троице-Алатырского и Троице-Свияжскогг монастырей 1696 г. содержат сведения и об обложении бобылей. В алатырском с.Мишукове каждый из 12 бобыльских дворов платил по 80 ден. (или 40 копеек), что в целом укладывается в размер оброка для наименее тяглоспособного и землеобеспеченного крестьянского двора. Значительно выше - по 3 руб.- было обложение бобыльских дворов в городах - Алатыре (3 двора) и Симбирске, где также отмечены три двора бобылей Алатырского монастыря.

Более разнообразную картину бобыльских повинностей и оброков видим в оброчной книге Троице-Свияжского монастыря 1696 г. Отличен и характер их фиксации в разных селах. В сц. Городище бобыли (4 дв.) только пасли монастырских лошадей, а в самом Свияжске (39 дв.) - использовались для различного "изделья". И те и другие были освобождены от денежного оброка как такового и платили лишь по 1,1 ден. "стряпческих". В дер.Куземкиной и селе Новом бобыли платили по 2-4 алт. (6-12 коп.) со двора, захребетники - 2-4 ден. (1-2 копейки). Более высоким бобыльский оброк был в с.Верхнее Услон, где эта группа населения составляла 65 %. Напомним, что в конце XVI в. в с.Услон бобылей было 40 % и вносили они сравнительно высокий для того времени оброк - 60 ден. (см.выше в настоящей гл.). К концу XVII в. численный рост бобыльства в данном селе (разделившемся на Верхний и Нижний Услон) не сопровождался увеличением его денежного обложения. К 1696 г. оброчная книга указывает на 10 р. 16 алт. 4 ден. со всех 65 бобыльских дворов (то есть по 32 деньги, или 16 коп. с каждого). В 1696 г. произошла резкая переоброчка всей группы бобылей, связанная с отменой для них "изделья" и возложения новоокладного оброка в сумме 15 руб. С учетом этого нововведения бобыльский оброк увеличивался на 23 коп. со двора и составил в целом 39 коп., то есть примерно столько же, сколько у бобылей алатырского с.Мишукова. Оброки с бобылей и с захребетников (с последних 1р.8 алт.) села Верхнее Услон в 1696 г. было предписано направлять в большой Троицкий монастырь. О

том, что с группы верхнеуслонских бобылей именно столько и собиралось, свидетельствует приходо-расходная книга 1703-1704 гг. - оброк 10 руб + 15 руб. “за изделье”.

Помимо собственно поземельной ренты, в общей совокупности владельческих платежей монастырских крестьян в конце XVI - XVII в. значительное место занимали различные административно-сеньориальные взносы, имевшие и натурально-продуктовую, и коммутированную денежную форму. С.Д.Сказкин отмечал, что судебная и административная власть сеньора была источником доходов, которые тоже входят в ренту как одна из ее частей. Нами эти по природе своей публично-правовые аспекты феодальной ренты рассматриваются в последней главе работы, посвященной проблеме феодального иммунитета Троице-Сергиева монастыря и его практической реализации.

5.3. Государственная эксплуатация монастырских крестьян

В гл. 1 уже говорилось об особой ценности троицкой вотчинной документации конца XVI - XVII в., в которой одновременно с сеньориальной рентой были зафиксированы государственные платежи монастырских крестьян. Обложение крестьян и сеньориальной рентой, и государственными налогами осуществлялось монастырской администрацией в рамках вытного оклада. В 1590-гг., когда вытная система в троицкой вотчине сформировалась, именно в наиболее ранних вытных книгах и находим соотношение двух этих видов платежей. А прежде окладной единицей для сбора государственных налогов для Сергиева монастыря, являлись, разумеется, сохи. В Коломенской писцовой книге 1593/94 г. по с.Дубешне есть упоминание об “отписях в государевых податех”, которые згорели в татарщину (приход Девлет-Гирея? - М.Ч.). Далее следует важное пояснение - “а платили ежелет з живущего с полчети сохи по сошному розводу сполна, на которой год по чему собрано по государеву указу” (приложение 1. № 46). Следовательно, ежегодно издавались царские указы, определявшие состав и размеры государственных налогов, которые должен был платить Сергиев монастырь. По мере их внесения вотчинные комплексы получали платежные отписки, которые хранились в отдельных селах.

Как же выглядит соотношение владельческих и государственных взиманий в конце XVI в., после отмены монастырских тарханов? Самые ранние и весьма лаконичные известия об этом находим во фрагментах оброчной книги 1595/96 г. по трем деревням Бежецкого Верха (всего 6 дворов). В интересующем нас отрывке фигурирует повытная норма денежного оброка 288 ден., а государевых податей полтина (100 ден.). В переводе на двор соотношение сеньоральной и государственной ренты выглядит соответственно 72 и 25 денег, или 3:1. (табл.29). Непосредственный состав государственных платежей не раскрывался.

Следующие сведения отыскиваются в оброчной кн.573 1617 г. для монастырских деревень Галицкого уезда (село Гнездниково и деревни Верхнего Березовца). Если повытные ставки монастырского оброка для двух этих комплексов были одинаковы (по 3 руб.), то государственных платежей на выть полагалось разное количество: в с.Гнездникове - по 42,4 ден., в березовецких деревнях - по 59,4 ден. Для последних известно даже, с какого среднего надела крестьяне выплачивали и ренту сеньору, и подати государству. Был он весьма невелик - 0,73 четв. на 1 двор. Такое хозяйство вносило 110-111 денег оброка духовному феодалу и 18 ден. “государевых ямских и прогонных да за белой корм и к губному делу на подмогу”. Государевы подати названы в оброчной книге 1617 г. суммарно, без указания на повытную норму для каждого из наименований платежа. По с.Гнездникову в оброчной книге 1617 г. находим близкие показатели - 150 ден. оброка на монастырь и 20 ден. государевых податей на двор (на душу м.п. - соответственно 107 и 14,2 ден.).

Строго унифицированную норму государственных платежей с выти сообщает вытная книга 1623 г. по Бежецкому, Ярославскому и Пошехонскому уездам - 94 ден., тогда как

ставки феодальной ренты (полевой барщины и денежного оброка) для каждого вотчинного комплекса весьма варьировали (см. выше). Впервые в этой вотчинной по происхождению книге находим повытные нормативы разных видов государственных налогов: 1) государевых ямских и прогонных - по 8 алт.2 ден.; 2) за белой корм - по 2 алт.4 ден.; 3) к губному делу на подмогу - по 4 алт., 4 ден.; всего получается как раз с выти 94 ден. государственных платежей. Отметим, что ямские деньги являлись одним из важнейших государственных налогов, который духовенство платило со своих вотчин в обязательном порядке с середины XVI в. Непременное требование для монастырей платить ямские деньги последовательно соблюдалось в финансовой политике правительства и весь XVII в. Остальные же компоненты податей (за белой корм и к губному делу на подмогу) не находят подтверждения в общих жалованных грамотах русским монастырям 1620-х гг., отразивших общегосударственную унификацию церковного иммунитета, о которой предстоит разговор в следующей главе работы. В тех грамотах шла речь о городовом, острожном и засечном деле и деньгах за стрелецкий (иногда - за казачий) корм. Тем не менее, компоненты эти и их повытные нормативы по крайней мере для Троице -Сергиева монастыря на протяжении 1620-1630- х гг. оставались довольно устойчивыми.

Еще более устойчивым в течение всего XVII в. оказался отмеченный резкий диспаритет повытных (и подворных) размеров сеньориальной и государственной ренты. О том, что монастырские власти сами устанавливали такие соотношения владельческих и государевых взносов в рамках вытного оклада и закрепляли их во внутривотчинных нормативных документах - уставных грамотах, говорит упоминание об одной такой грамоте для крестьян крупнейшей в Бежецком Верхе троицкой вотчины - села Присеки и относящихся к его округе деревень Макарьевой Слободки в вытной книге 1623 г.: “...а государевы подати и прикащиковы и доводчиковы и дьячьи доходы платят по уставной грамоте с присецкими крестьяны в ряд” (Приложение 1. № 184). Кроме уставных грамот, отмеченное соотношение закреплялось и в самих монастырских вытных (окладных) книгах. В троицкой Описи 1641 г. есть упоминание об окладных книгах вотчин приписного Успенского Стромынского монастыря, в которых было записано, “хто на какове доле живет и с чево хто государевы подати и монастырские оброки платит” (Приложение 1. № 307). Несомненно, имелись в виду какие-то недошедшие до нас вытные книги Стромынского монастыря, доли тягла в которых являлись основанием для обложения сеньориальной рентой и государственными налогами.

Какими же конкретно были собираемые суммы на уровне крестьянского двора по вытной книге 1623? Наиболее высоко облагаемые рентой на монастырь оброчные дворы в Макарьевой Слободке, описанные 1/4 долей выти и имевшие по 2,3 - 3,0 четв. надела, выплачивали 2,5 руб. сеньору и 23 ден. государству. Это предельно высокие показатели, которые удалось отыскать в данном источнике.У крестьян остальных вотчинных комплексов в Бежецком Верхе (Присеки, Молоково, Ахматово, Баскаки) существенных различий в размерах государственных платежей в зависимости от барщинного или оброчного их профиля не было. В пересчете на двор любого из них государственная эксплуатация выражалась в Уплате 4,0-5,5 ден. Несколько выше она была для пошехонских и ярославских крестьян - по 8,0 - 9,4 ден. со двора (табл.29). Для осуществления режима феодальной ренты в вотчинах Сергиева монастыря важнейшее значение имел и его общий финансовый статус, право-привилегия самому собирать со своих крестьян и владельческие, и государственные платежи. Практически осуществляли это, судя по вытной книге 1623 г., дворцовые старцы, разъезжавшие зимой по монастырским селам и деревням с административно-судебными и фискальными полномочиями. Проблема финансового статуса Сергиева монастыря как составная часть его государственного статуса вообще будет специально рассмотрена нами в последней главе работы, посвященной иммунитету.

Повытные ставки государственных налогов, практикуемые в троицкой вотчине, могли не изменяться в течение 10-15 лет. Например, точно такие же их нормативы, как в вытной книге 1623 г., видим мы и в отрывке вотчинного описания по московскому с.Звягину 1638/39 г. В нем дворцовый старец Маркел Корнильевский собрал “государевых емских прогонных денег с выти по 8 алт.2 ден., за белой корм по 2 алт.4 ден., к губному делу на подмогу по 4 алт.4ден.” Сумма собранного на государство в 2 раза оказалась меньше, чем сумма монастырских оброков. Одновременная запись владельческих и государственных взиманий была сделана и по кашинскому с.Фроловскому 1679/80 г.: 6 руб.26 алт.10 ден. оброка на монастырь и 20 алт.5 ден. “ямских” на государство.

Резкий дисбаланс сеньориальной и государственно-централизованной ренты демонстрируют и поздние оброчные книги 1696 г. На уровне отдельных сел и деревень сведения об этом представлены в табл.31, а по группам хозяйств - в табл.32. В книгах приводятся суммарные данные о собранных оброках на монастырь и платежах на государство при подведении итогов по селу или деревне. Нами эта информация преобразована на уровне крестьянского двора и души м.п. В Алатырском разделе табл.31 сумма денежной ренты на монастырь составляет 398 руб., а государственных налогов (“ямских подможных и полоняничных”) - 26 руб., то есть разница в 15, 3 раза! Некоторые алатырские деревни (Верхняя Ичикса, Евлея) как недавно заселенные вообще были освобождены от выплаты государственных платежей. Конечно же, такой порядок - с каких сел и деревень платить госналоги, а с каких - нет, определяли сами монастырские власти. Знаменательно, что от оброков на корпорацию жители деревень Верхняя Ичикса и Евлея освобождены ими не были (табл.32).

Впечатляет сумма собранных оброков на монастырь и платежей на государство и в Свияжском уезде - соответственно 566 руб. и 45 руб., то есть разница в 12,5 раза! В оброчных книгах 1696 г. видим сравнительно небольшой разброс сведений о государственных платежах на двор: в Алатырском уезде по 4,4 - 6,3 копеек на двор и по 1,5 - 2,4 коп. на душу; в Свияжском соответственно по 7,0 -17,4 коп. на двор и 2,9 - 7,9 коп. на душу. Свияжский комплекс монастыря выглядит сильнее обложенным и более платежеспособным, может быть, в силу своей плотной населенности (в табл.31 в Свияжском у. представлено всего 533 дв., в Алатырском - 448 дв.), более полного освобождения от полевой барщины и ярче выраженной общей оброчной направленности. Отметим, что здесь существовала большая группа бобыльских дворов (65) в с.Верхнее Услон, информация о которых в табл.30-31 не отражена, поскольку их не коснулись мероприятия по отмене барщины и “отсыпного хлеба”.

Кроме вопроса о соотношении владельческой и государственной ренты по тяжести взимания, в данном параграфе необходимо привести те немногочисленные сведения о характере привлечения троицких крестьян к исполнению некоторых государственных повинностей и платежей, которые удалось найти в других источниках, вне монастырских хозяйственных книг.

Применительно к Троице-Сергиеву монастырю наблюдаем своеобразное переплетение его вотчинных и государственных повинностей. Точнее было бы сказать, что некоторые вотчинные повинности монастырских крестьян использовались и государством в случае необходимости. Например, предоставление подвод для государевых гонцов. В Московской писцовой книге 1593/94 г. говорится том, что крестьяне троицкого села Черкизова, расположенного на большой дороге, ставят “для скорого дела подводы по государевы гонцы и для монастырские розсылки” [20].

Вотчинная же повинность “городового дела”, исполняемая крестьянами такого монастыря приравнивалась по своему значению к общегосударственной. Строительство и обновление крепостных сооружений в Сергиеве монастыре и в середине XVI, и в конце XVI в., и в начале 1630-х гг. являлись основанием для освобождения его крестьян от “городового,

острожного и засечного дела” в других местах. Так, в марте 1631 г. стройщикам Вологодского острога была направлена царская указная грамота с изложением монастырской челобитной. Троицкие власти жаловались на то, что в ряде городов (Владимире, Переславле-Залесском, Суздале) местные воеводы “правят к городовому и острожному делу с троицких крестьян лес, тес и всякие городовые припасы и на дело людей”. Поскольку на весну 1631 г. у Троицы “осада и городовая поделка будет своя”, в названных городах (в том числе и Вологде, куда была направлена грамота) воеводы и стройщики не должны были привлекать троицких крестьян к городовому и острожному делу. Грамота аналогичного содержания касалась и Кирилло-Белозерского монастыря в том же 1631 г. Забота правительства о боеспособности монастырских крепостей в преддверии Смоленской войны была вполне понятна [21].

Помимо унаследованных от XVI в. важнейших государственных налогов (ямских денег и городового дела), в XVII в. получат распространение новый налог -“деньги за даточных людей”. Н.А.Горская пишет об этом поборе как о наиболее тяжелом и чрезвычайном, случавшимся не реже двух раз в каждое десятилетие, что увеличивало сумму платежей с крестьянского двора в отдельные годы не менее, чем в 10 раз. По подсчетам исследовательницы, выплаты на “даточных людей” в 1639 г. в вотчине Покровского Суздальского монастыря составили 2 руб. со двора, у Иосифо-Волоколамского - 3 руб. [22] В отличие от других монастырей, по Троице-Сергиеву о выплате денег на даточных людей известно немного. Похоже, что корпорация практиковала превентивную выплату этого налога за своих крестьян, намереваясь затем “донять” истраченные суммы на них в качестве долгов. В Троицкой Описи 1641 г. есть запись о том, что “за даточных людей” в приказ Большого дворца была направлена очень крупная сумма - 4.589 руб 18 алт. В той же Описи под 1639/40 г. упоминаются “долговые книги соборного старца Никиты Соловецкого”, в которые были записаны долги монастырских крестьян разных волостей, сел и городских слободок “за Тулских даточных людей”: подмосковной волости Вохны - 200 руб., звенигородских сел Андреевского и Кляпова - 240 руб., бобыльской Неглиненской слободки в Москве - 40 руб, Троице-Казанского монастыря - 104 руб., всего на сумму свыше 700 руб. [23] В июне 1678 г. в указной грамоте царя Федора Алексеевича в Вологду стольнику и воеводе И.Д.Голохватову и дьяку П.Ляпану говорилось о том, чтобы те не брали троицких крестьян в конные даточные люди, поскольку монастырь уже заплатил за них в Москве “запросные деньги? в размере 10 тыс. руб.[24]

О выплате крестьянами Троицкого монастыря “стрелецких денег” в XVII в. сведения противоречивы. В общей жалованной грамоте царя Михаила Федоровича 17 октября 1624 г. деньги за “стрелецкие запасы” фигурировали в числе общеобязательных государственных платежей для Сергиева монастыря. А уже на следующий день, 18 октября 1624 г., в указной грамоте каширскому воеводе кн.П.В.Волконскому говорилось о том, что стрелецкий хлеб не должен собираться с вотчин Патриаршего дома, поместий патриарших дворян и детей боярских, вотчин Троице-Сергиева монастыря, а также - с государевых служилых людей в Сибири и в Астрахани. Со всех же остальных грамотчиков и тарханщиков и льготчиков стрелецкий хлеб предписывалось платить в московскую торговую меру [25]. В двух поземельных актах 1629-1631 гг. удалось найти свидетельство возможных выплат этого налога крестьянами Сергиева монастыря. В записи боярыни Н.П.Головиной (урожд. Желябовской) при получении от монастыря в пожизненное держание некоторых сел в Московском уезде 1629/30 г. говорилось об Уплате ею “государевых податей и ямских и за стрелецкой корм денег троецких вотчин со крестьяны по-прежнему”. В выкупной записи К.Обросимова на жребий алатырского С.Языкова также находим заверения в том, что “ямские деньги и стрелецкие и всякие государевы подати” будут выплачиваться по-прежнему [26].

Приведем данные об уплате троицкими крестьянами “полоняничных денег”. Под названием “окупа”, “окупных денег” полоняничные деньги выплачивались с троицких вотчин еще в середине XVI в. С.М.Ка штанов выявил круг троицких жалованных грамот, при подтверждениии которых в мае 1551 г. использовалась не краткая, а пространная ограничительная формула, *состоящая* не из трех, а из большего числа компонентов: “опричь ямских денег и посошные службы и тамги и окупных денег”[27]. Последовательного употребления термина “полоняничные деньги” в общих жалованных грамотах Троице-Сергиеву монастырю конца XVI – первой четверти XVII в. не находим. При изложении нарушений монастырских прав местными властями в жалованной грамоте 28 апреля 1578 г. говорилось, что с зависимого населения монастыря взимаются и полоняничные деньги, однако в последующем тексте нет ни клаузулы.освобождающей от их Уплаты, ни предписания делать это. В общей жалованной грамоте царя Василия Шуйского от 11 июня 1606 г. содержится соответствующее иммунитетное освобождение: “...ни полоняничных денег не платити, ни кормовой проводников татарских и немецких не давати...”. Грамота В.Шуйского была подтверждена в августе 1613., октябре 1624 г. и апреле 1625 г. одновременно с выдачей новых жалованных грамот Сергиеву монастырю, но в них статьи об Уплате корпорацией полоняничных денег не было.

Деньги эти иногда платились самим монастырем за собственных крестьян при выкупе их из крымского плена. Так, в Троицкой Описи 1641 г. фигурирует монастырский крестьянин серпейского села Олферьевского Бориско Иванов, На котором было взято по кабале 10 руб., “что плачено за него крымского окупу”. В том же источнике перечислено 15 троицких монахов, слуга и служка, на которых числились долги за “запросные деньги на окуп полоняников” на сумму 25 руб. Вероятно, речь шла о каком-то чрезвычайном поборе (запросе, коснувшемся даже троицкого монашества и слуг. В конце XVII в. полоняничные деньги взимались нерасчлененно от ямских, их оклад составлял 700-800 руб. с сохи. Этот побор фигурирует в проанализированных выше оброчных книгах Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей 1696 г. Ямские и полоняничные деньги вносили и крестьяне, и бобыли этих монастырей.По данным Н.А.Горской, в 1679-1700 гг. монастырские крестьяне Центральной России выплачивали в среднем по 10,5 – 12 коп. ямских и полоняничных денег со двора 29.

Подводя итоги рассмотрению феодальной ренты у Троице-Сергиева монастыря подчеркнем, что обнаруженное уже для конца XVI в. разделение его имений на барщинные и оброчные можно считать одним из характерных проявлений крупной феодальной вотчины. Если применительно к многоуездно расположенным вотчинам светской знати эта черта отмечается лишь с XVII в. (Ю.А.Тихонов, А.А.Преображенский - см. гл.1), то, благодаря наличию ценнейшего комплекса писцовых книг 1590-х гг., по Троицкому монастырю она фиксируется для более раннего времени. Вместе с тем, вслед за М.А.Баргом, считаем правомерным использовать термин “домениальный период” (так автор называет 1-ю фазу зрелого феодализма в Западной Европе - XI-XШ вв.). Комплекс троицких писцовых книг 1590-х гг., показывающий широкую территориальную распространенность барщины и общий значительный объем монастырского домена, отмечает тем самым заключительный этап в домениальном периоде развития самой Троицкой вотчины-сеньории. Далее начинается постепенная перестройка вотчинно-крестьянских отношений, связанная со все большей эксплуатацией крестьянства в системе не полевой а денежной ренты. О трудностях, возникших на этом пути, скажем ниже.

Отчетливо наметившаяся уже в конце XV в. денежно-оброчная эволюция части монастырского крестьянства вскоре оказалась деформированной и заторможенной из-за разорения смутного времени. Во втором-третьем десятилетиях XVII в. феодальная рента претерпевает некий зигзаг в своем развитии, когда наряду с продолжающейся коммутацией

прежних архаических компонентов, наблюдается некоторая натурализация ее состава, а в ряде прежде чисто оброчных комплексах как временная мера вводится полевая барщина. В целом по вотчине, судя по повсеместному территориальному и количественному сокращению домена (гл.5) барщинное тягло отступало на второй план. Натурально-барщинные устои еще очень длительное (до середины XVIII в.) сохранялись лишь в некоторых селах Подмонастырной округи, где имели потребительскую направленность. Присоединимся в мысли Н.А.Горской о том, что у монастырей барщина товарного характера не приобрела. Это подтверждается изученными нами источниками из архива Троицкого монастыря и XV, и XVII в.

Во втором десятилетии XVII в. корпорация старается сохранить полевую барщину и денежный оброк в условиях падения численности населения, что не могло не означать повышение эксплуатации в расчете на двор. Картина в целом по вотчина во втором-третьем десятилетиях XVII в. была настолько пестрой и разнообразной, что однозначный тезис о росте вотчинной эксплуатации в целом был бы явной натяжкой. Характер сведений о феодальной ренте в источниках 1590-1620-х гг. столь разнороден, богат массой интереснейших деталей, что трудно определить общую картину - преобладало ли разнообразие рентного статуса вотчинных комплексов или же верх брала тенденция к определенной унификации? Было и то и другое, а судя по позднейшей оброчной (приходо-расходной) книге 1703 г., необыкновенная пестрота картины феодальной ренты (по преимуществу денежной с рядом дополнительных компонентов) сохранялась и в начале ХУШ в.

К концу XVII в. с полной очевидностью можно утверждать, что именно крестьянское, а не господское хозяйство стало основой для приспособления аграрного строя вотчины к процессу роста товарно-денежных отношений в стране и начавшемуся формированию всероссийского рынка. В этой связи считаем вполне обоснованным выделение Ю.А.Тихоновым двух тенденций в эволюции аграрного строя России XVII в. - сеньориально-оброчной и поместно-барщинной. Изученные нами хозяйственные материалы из Троицкого архива в полной мере подтверждают правомерность выделение *сеньориально-оброчной тенденции,* поскольку эксплуатация крестьянского хозяйства именно в системе денежной ренты стала ведущей формой к концу XVII в. Напомним, что отмена полевой барщины в вотчинах приписных Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей в 1696 г. обернулась для крестьян ростом денежной ренты в 1,8 - 3,6 раза.

Принципиального значения вывод данной главы, вносящий красноречивый штрих к портрету “крупной феодальной вотчины”, - это установление по всем изученным вотчинным описаниям Сергиева монастыря конца XVI - XVII в. резкого дисбаланса сеньориальной и государственно-централизованной ренты в пользу первой. Повторим, что государственные платежи не только взимались, но и раскладывались самими монастырями в рамках вытного оклада своих крестьян. Это обусловило попадание ценных сведений **об** одновременном сборе и владельческой, и казенной ренты в вотчинные хозяйственные книги. Общая разница по суммам оброка на монастырь и на государство, рисуемая, например, оброчными книгами 1696 г., была в 12-15 раз! Это принципиально новый вывод, полученный в результате изучения до сих пор неизвестной хозяйственной документации крупнейшего русского монастыря, существенно расходящийся с принятыми в классических работах по феодальной ренте XVII - первой четверти XVIII в. (Н.А.Горской, И.А.Булыгина, Ю.Д.Тихонова, коллективных трудах по “Истории крестьянства - см. гл.1) с тезисом об опережающем росте государственной эксплуатации над сеньориальной. Одним из объяснений такого положения дел в Сергиеве монастыре может стать специальное изучение его иммунитета, рассмотрению которого и посвящается последняя, заключительная глава работы.

QQQ

ГЛАВА VII. МОНАСТЫРСКИЙ ИММУНИТЕТ В КОНЦЕ XVI - XVII ВЕКЕ.

Данная работа заканчивается, как и начиналась, главой по социально-политической истории. Иммунитет как атрибут крупной феодальной собственности, проявление ее привилегированного и иерархического характера в высшей степени был присущ Троице-Сергиева монастырю на всем протяжении его истории. Будучи юридическим выражением целой совокупности административно-судебных, налоговых, таможенных, иных прав корпоративного собственника, иммунитет скреплял огромную, разбросанную по десяткам уездов вотчину в нечто целое. Иммунитет служил и объединяющим началом феноменальной по размерам церковной вотчины, и в то же время влиял на каждую отдельную ее составляющую - конкретный вотчинный комплекс, людское сообщество, семью и даже человека. В иммунитете как бы сопрягались и глобальные церковно-государственные и межцерковные структуры, и молекулярные ячейки социального организма вотчины, все множество вертикальных и горизонтальных социальных связей и взаимодействий. Без иммунитета само понятие вотчины-сеньории не может быть раскрыто на системном уровне, ибо таковая обязательно предполагает большой объем публично-правовых по своей природе прерогатив собственника земли над зависимым населением, живущим и работающим на земле. Иммунитет служил способом “встраивания” крупнейшей по своей территории и количеству обитателей Троицкой корпорации в общегосударственную систему России, взаимодействия церковной организации со светскими властями всех уровней.

Конец XVI - XVII век стали исторически последней стадией развития иммунитета крупнейшего монастыря в России. Подлежащему рассмотрению периоду предшествовал длительный и сложный путь ограничительной иммунитетной политики московской великокняжеской власти в XV в. и Русского централизованного государства в XVI в. по отношению к церкви в земельно-финансовой, административно-судебной, таможенной, иных сферах.

Основным источником для изучения проблемы феодального иммунитета служат жалованные и указные грамоты великих и удельных князей и царей XIV-XVI вв. Обращение к общим жалованным грамотам первой четверти XVII в. и к разнообразным хозяйственным материалам Троицкого архива позволяет рассмотреть иммунитет этой мощной церковной корпорации не только с точки зрения его нормативной, юридической стороны, но и в плане конкретной реализации земельным собственником своих полномочий над многочисленным зависимым населением. Отсюда и построение данной главы: первый ее параграф развивает взгляд на институт иммунитета как на регулятор церковно-государственных отношений, второй - раскрывает через призму иммунитета публично-правовые прерогативы корпоративного земельного собственника над зависимым от него населением и сеньориально-крестьянские отношения в огромной вотчин.

7.1.Государственный статус Троице-Сергиева монастыря.

а) административно-судебный.

Административно-судебный иммунитет Троице-Сергиева монастыря в конце XVI-XVII в. определялся полным **“introitus iudicum”,** то есть невъездом должностных лиц государства (центральных и местных властей) на его территорию, полной ее заповедностью “от всяких ездоков”. В общей жалованной грамоте от 28 апреля 1578 г. (была подписана в

1584, 1601 и 1613 гг.) имелась статья о невъезде также и представителей церковной администрации - митрополичьих и владычных десятинников и “заезщиков” 1. Иеромонах Арсений, лаврский библиотекарь, обратил внимание на то, что попы и дьяконы в троицких селах не должны платить дани и “иных никоторых пошлин” митрополиту и архиепископам[2]. В последующих общих царских жалованных грамотах этот пункт оказался выпущенным. Аналогичное право могло иметь приходское духовенство на землях приписных к Сергиеву монастырей. Например, при описании архива Николо-Чухченемского монастыря 1616 г. упоминалась “государева жалованная грамота, что десятинником в монастырь не въезжати”[3]. Отмеченная статья, включаемая в царские грамоты, свидетельствует об определенной регулирующей роли государства в межцерковных отношениях.

В упомянутых общих жалованных грамотах 1578, 1606,1617,1624 и 1625 гг. провозглашалась полная несудимость троицких старцев, слуг, купчин, крестьян и дворников (то есть сельского и городского населения) от местных властей без обычного для ХУ-XVII вв. изъятия из ведома монастырского руководства дел по наиболее тяжким уголовным преступлениям (“опричь душегубства и разбоя с поличным и татьбы”). В отсутствии такого ограничения можно видеть существенное отличие троицких жалованных грамот 1578-1625 гг. от множества царских жалованных грамот, изданных в то время другим русским монастырям. В ближайшей к 1578 г. общей грамоте от 2 сентября 1550 г. норма о несудимости была выражена компромиссно: наместники и тиуны и посланники Ивана 1 У не судят монастырских людей ни в чем “по прежним нашим жалованным грамотам, иных - опричь душегубства, а иных - опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным” [4]. Вероятно, в последующих общих грамотах правительство от такой неопределенности отказалось. Полная несудимость сельского и городского населения Троицкой корпорации в конце XVI - XVII в., полагаем, имела своей оборотной стороной вполне развитую собственную губную организацию, функционирующую с ведома и санкции самого государства. Этот сюжет изложен ниже в данной главе.

Что же касается троицкого духовенства (монашества и священников), то высшей санкцией над ним общая жалованная грамота 1578 г. провозглашала суд самого царя и его “введенных бояр”. В общих жалованных грамотах 1624 и 1625 гг. над троицким духовенством в гражданских делах утверждался суд патриарха Филарета “или кому он, великий государь, повелит их судити”. Включение данной статьи, по-видимому, отражало особую роль Филарета как соправителя Российским государством в 1620-е гг. и носило временный характер. Во всяком случае после его смерти в 1632 г. при подписании общей жалованной грамоты 1625 г. в 1657, 1680 и 1690 г. особых распоряжений о святительском суде над троицким монашеством в гражданских делах не последовало. В этой связи стоит напомнить указ 1640/41 г. о подсудности монастырских властей и их людей (“Троецкого и иных розных монастырей”, как в нем говорилось) обычному суду приказов. Н.Е.Носов считает этот указ свидетельством того, что монастыри как таковые не пользуются судебными привилегиями в централизованном государстве с его развитым приказным строем 5.

Общим правилом в отношениях Русского государства с монастырями (независимо от их ранга) в XVI-XVII в. была их подведомственность приказу Большого Дворца. Известный и в XVI в., принцип этот был возобновлен после бурных лет смуты. Е.Д.Сташевский праведливо писал, что для Троице-Сергиева монастыря право суда во всем только в приказе Большого Дворца было возвращением после “лихолетья” к прежнему порядку [6]. В июне 1616 г. архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын получили от царя Михаила Федоровича жалованную грамоту о ведении по-прежнему Троицкого монастыря во всех делах в приказе Большого Дворца и о полном невмешательстве в эти дела других представителей центральных и местных властей - воевод, дьяков, приказных людей [7]. Сноситься же последние с населением и духовенством Троицкого монастыря могли только

через данного пристава (в грамоте 1617 г. уточняется - “пристава приказа Большого Дворца”). В 1616-1617 гг. делами монастырей в этом приказе занимались дьяки И.Болотников и Б.Кашкин.

Институт данного приставства, также известный в ХУ-XVI вв., был своего рода компромиссом между административно-судебной обособленностью Сергиева монастыря и стремлением государства поставить его под свой контроль, способом взаимодействия с ним. Известны и особые судебные сроки, в которые данные приставы могли предъявлять иски населению иммунитетных вотчин в ХУ-XVI вв. Обычно это были один-два срока (например, на Сретенье и на Покров). В ходе унификации общих жалованных грамот в 1620-е гг. для всех русских монастырей, в том числе и для Сергиева, были установлены три судебных срока - Семенов день Летопроводца, Рождество Христово и Троицын день. Так была принята единая норма судебного иммунитета, к которой был подключен и наиболее привилегированный монастырь в государстве. Избрание в качестве одного из сроков праздника Троицы Живоначальной можно рассматривать как признание особого государственного статуса Сергиева монастыря, храмовый праздник которого одновременно являлся и общерусским.

Отмеченные три срока были без восторга приняты массой служилых людей, поскольку это ограничивало возможности последних подавать иски в своих обидах “на Троицкий и иные монастыри”, как говорилось в их челобитных 1637 и 1641 гг., прежде всего в делах о вывозе у них крестьян. Поэтому не было случайным требование служилых людей в упомянутых челобитных об изменении сроков и процедуры суда с духовенством [8].

Общие жалованные грамоты 1620-х гг. определяли юридические основы монастырского иммунитета после тяжелых испытаний смуты. Крайне редко в это время удается отыскать текущие жалованные и указные грамоты, содержащие иммунитетные установления отдельным троицким вотчинным комплексам, и старинным, и недавно (в конце XVI - первой половине XVII в.) полученным - см.гл.3. 31 января 1626 г. патриарх Филарет направил указную грамоту в Коломну стольнику и воеводе П.А.Загряжскому по поводу “нововкладной вотчины Троицкого монастыря полусельца Граворонь, данного кнг.М.К.Черкасской. Патриарх выражал недовольство по поводу чинимых воеводой нарушений судебно-податного режима этой вотчины: “на крестьян всяким людем суд даешь и...стрелцов и пушкарей и затинщиков посылаешь и всяких государевых податей на тех троецких крестьянех править велишь”[9]. Далее говорилось о суде над монастырскими старцами, слугами, служебниками, крестьянами и бобылями в патриаршем Разряде боярами кн.А.В.Хилковым, И.А.Колтевским и дьяками Ф.Рагозиным и М.Куликовым. Попытка установить контроль над троицким духовенством и крестьянами со стороны патриаршего Разрядного приказа также свидетельствует об особой политической роли патриарха Филарета в 1620-е гг. Отмеченные попытки высшей церковной власти носили временный характер и в дальнейшем продолжения не имели. К вопросу об исключительной подсудности Троице-Сергиева монастыря и его населения только приказу Большого Дворца правительство вернется в конце XVII в. 21 июля 1685 г. об этом будет направлена серия указных грамот царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи в 16 городов России к местным властям.

Общий административно-судебный статус Троице-Сергиева монастыря характеризовался также несомненной привилегией не платить печатных, подписных и явочных пошлин при оформлении и предъявлении своих жалованных и “управных всяких” грамот должностным лицам высших и центральных учреждений. Известное и в XVI в., право это в 1613 г. было возобновлено царем Михаилом Федоровичем в интересах Сергиева монастыря “для избавления нынешних многомятежных бед”: его документы не должны предъявляться “бояром нашим и окольничим и думным дворяном и печатнику и дьяком и

всяким приказным людем во всех приказех” [10]. В 1642 г. это право-привилегия Троицкого монастыря было подтверждено, а затем включено в ст.59 Соборного Уложения 1649 г.Такое же право имел по ст.60 и московский Ново-Спасский монастырь, а в дальнейшем его добились для себя многие другие церковные учреждения - Патриарший дом, Успенский собор Московского Кремля, Саввин Сторожевский, Чудов, Воскресенский на Истре, Симонов, Ново-Девичий, Высокопетровский, Московский Алексеевский монастыри ".В 1699 г. Петровским указом такое право-привилегия было отменено для всех без исключения монастырей и церковных учреждений со ссылкой на предшествовавшую отмену тарханов и всяких тарханных грамот в 1672 и 1677 г.

Остановимся подробнее на губной организации Троицкого монастыря, в которой находили практическую реализацию существенные черты его судебно-административного статуса. Попутно придется затронуть и финансовый аспект этой проблемы, поскольку деньги “к губному делу на подмогу” являлись одним из важных государственных налогов в России. Формирование губных учреждений на территории Троицкой вотчины известно с 1541 г. (Тверской, Новоторжский, Старицкий, Бежецкий уезды) и по времени, таким образом, примыкает к начальному этапу осуществления губной реформы в России[13]. Губные органы в вотчине Троицкого монастыря в 1540-1580-е гг. представляли выборные люди из крестьянских общин (губные старосты и целовальники), а с конца XVI и в XVII в. их возглавляли общевотчинные губные старосты из числа монастырских слуг. Н.Е.Носов видел отличие губного самоуправления в вотчине Троицкого монастыря от Кирилло-Белозерского в том, что в первом во главе его стояли слуги, а во втором губными старостами избирались обычно уездные дети боярские. Думаем, что слишком большой разницы здесь не было. поскольку монастырскими слугами чаще всего и становились местные землевладельцы средней и мелкой руки. Важно то, что над органами губного самоуправления и Кириллова, и Троицкого монастырей устанавливалась такая же зависимость от центрального учреждения - Разбойного приказа в Москве, как и над другими губными органами по стране.

В конце XVI - первой половине XVII в. губная организация Троицкого монастыря может быть изучена на основании общей жалованной губной грамоты царя Федора Ивановича февраля 1586 г., относящейся к 25 уездам. Она свидетельствует о том, что с 1541 г. произошло значительное территориальное расширение и рост губных учреждений в Троицкой вотчине. Согласно этому документу, монастырские крестьяне могли учинить у себя по выбору губных целовальников, дьячков и приказчиков “для разбойных и татинных дел”. С этой целью надлежало соорудить (“поделать”) тюрьмы и выбрать к ним сторожей [15]. Данная грамота была подписана царями: Б.Годуновым в 1601 г., В.Шуйским в июле 1606 г., Михаилом Федоровичем в августе 1613 г. и Алексеем Михайловичем в мае 1657 г. В указной грамоте Б.Годунова юрьевским губным старостам Д.Шевыреву и М.Курову 1598 г. упоминается “прежний наш (то есть Годуновский ? - М.Ч.) наказ, каков наш наказ дан о татинных и розбойных делех из Разбойного приказу” [16]. Имеется в виду или общая губная грамота 1586 г. или какое-то отдельное от нее распоряжение Годунова. Серией указных грамот 1598-1602 гг. Б.Годунов освободил ряд троицких вотчин во Владимирском, Нижегородском, Суздальском, Юрьевском, Коломенском, Серпуховском уездах от платежа денег “к губному делу на подмогу”, поскольку монастырь сам в своих владениях ведает губное дело.

Соответствующая статья о губной организации Сергиева монастыря была включена и в общие жалованные грамоты первой четверти XVII в. В них говорилось о том, что “монастырские люди у тюрем сторожи не стерегут и целовальников к губному делу не емлют”. Последовательного освобождения монастырских крестьян от уплаты податей “к губному делу на подмогу” в XVII в. не было. Напомним, что такой взнос фигурирует в оброчной 1617 и вытной книгах 1623 гг. и во фрагменте хозяйственного описания по

Московскому уезду 1638/39 г. 7 июля 1637 г. был издан указ, отменявший права церковных учреждений (Патриаршего дома, митрополичьих кафедр, монастырей) не участвовать в общем порядке в организации губных органов. Отныне перечисленные церковные власти должны были предоставлять свое население для строительства тюрем, выбирать из него губных целовальников, дьячков, сторожей, палачей. Практически же, как мы видим по перечисленным источникам, деньги "к губному делу на подмогу платились крестьянами Сергиева монастыря во втором-четвертом десятилетиях XVII в. 30 декабря 1669 г. последовала серия указных грамот царя Алексея Михайловича в 14 городов России о непривлечении троицких крестьян к отбыванию губной, сторожевой и тюремной повинности в городах, уплате "подможных денег в губные расходы". В марте 1680 г. все эти грамоты были подписаны царем Федором Алексеевичем. Известны и поуездные царские указные грамоты 1680-1690-х гг. по этому вопросу 19. За вторую половину XVII в. данных о выплате названного государственного побора крестьянами Сергиева монастыря и отбывании этой повинности у нас нет.

Помимо нормативных и финансовых моментов, связанных с губным делом, интересна и сама его практическая организация в троицкой вотчине. И хотя тематически об этом уместнее было бы говорить в следующем параграфе настоящей главы, раскрывающем внутреннее административно-судебное устройство вотчины-сеньории, сделаем это здесь, чтобы не разрывать искусственно сюжет о губной организации.

В конце XVI в. ее центром было подмонастырное село Клементьево, где существовал Губной двор, а на нем губной староста всего монастыря Измиря Амосов. У него в подчинении находились губные старосты и целовальники всех остальных сел. Сам же Измиря Амосов известен с 1560-1570-х гг. как землевладелец Бежецкого Верха и троицкий вкладчик. Под 1630 г. во вкладной книге находим запись о продаже за 17 руб. двора

умершего палача Клементьевской губы - им был некий бобыль Василий. В Троицкой Описи 1641 г. фигурирует другой Клементьевский губной староста - Иван Коротнев, которому были подведомствены два целовальника да три сторожа, "выбирают их из крестьян, а подмогу им збирают в селе ежегод с монастырских же вотчин". Для этого же времени известно и о функционировании некоторых уездных "губ" Троицкого монастыря. Например, в Ростове, по случайному совпадению названий, тоже в Клементевской слободе у корпорации была "губа своя", где ставилась тюрьма, а денежное жалованье и хлеб целовальникам и дьячкам дают крестьяне ростовских вотчин корпорации[22]. Как только в 1641 г. ростовский воевода Л.Д.Салтыков попытался привлечь монастырских крестьян к тюремной, губной и мостовой поделке, это вызвало челобитную троицких властей на имя царя и указную грамоту от последнего о ненарушении установленного порядка.

Конкретного материала о деятельности губных органов Троицкого монастыря в XVII в. у нас немного. В 1689 г. в Дмитровском уезде известен "губных дел сотской" Ф.Федосеев, который вместе с пятидесятским, "старостишкой" и целовальником обратились к царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье по делу о пропавшем у них без вести крестьянине [23].

В "сместных" уголовных делах о татьбе и разбое с поличным обвиняемые монастырские крестьяне не могли избежать подведомственоcти местным должностным лицам (воеводам, губным старостам). При этом должны были соблюдаться установленные правовые процедуры - три судных срока и данное приставство. В указной грамоте Михаила Федоровича новгородскому воеводе кн. Ю.Я.Сулешову 2 октября 1638 г. напоминалось о порядке сместных судов с крестьянами Сергиева монастыря. Речь шла о конфликтах зависимого населения, принадлежащего самому Сулешову, с троицкими людьми села Сытина Деревской пятины "в земленом и в хлебном и в бортном владенье и в крестьянском бою и в грабеже и в безвестных головах и в озимном пожоге и в толоке". В Троицкой Описи 1641 г.

имеется запись о расходах стряпчего И.Павлова, заплатившего “железное” в 10 руб. приставу Разбойного приказа за одного монастырского крестьянина[24]. В 1678 г. бежецкий губной староста Я.Окулов вел сыск по делу об убийстве троицким крестьянином крестьянина стольника В.И.Травина, сыскную и следственную документацию о чем должен был прислать в Москву, в Разбойный приказ [25]. Административно-судебный статус Троицкого монастыря подробно разъяснялся в указной грамоте двинскому воеводе стольнику К.Ф.Нарышкину в 1685 г. Местные власти в городах не должны были ведать судом и расправой слуг и крестьян монастыря и высылать в его вотчины приставов и рассыльщиков для каких бы то ни было дел и денежных доходов. Воеводы имели право лишь расспрашивать о случаях смертного убийства, татьбе и разбоях, в которых “объявлялись” троицкие крестьяне. Пытать же их и производить другие следственные действия без государевых указных грамот и распоряжений из приказа Большого Дворца им не разрешалось [26].

Заканчивая рассмотрение административно-судебного статуса Троицкого монастыря в конце XVI - XVII в. отметим, хотя и общеизвестные, но вполне уместные в данном контексте факты, в которых его особое церковное и государственное положение проявилось. С 1561 г. троицкий настоятель получил от митрополита Макария почетное звание *архимандрита* и преобладающее положение **над всем черным духовенством в России.** Не случайно именно троицкие архимандриты подписывали первыми среди представителей русского монашества некоторые акты церковно-земских соборов. В 1580 г. архимандрит Иона, а в 1584 г. архимандрит Митрофан первыми подписали соборные приговоры о запрете церкви приобретать земли любыми способами и об отмене монастырских тарханов. Подпись троицкого архимандрита Кирилла стоит первой и на Утвержденной грамоте по избранию на царство Б.Годунова 1 сентября 1598 г. Наконец. в X-й главе Соборного Уложения 1649 г. находим наивысший по размерам штраф за “бесчестье”, установленный духовенству Троице-Сергиева монастыря: настоятелю, келарю, казначею, соборным старцам, а также стряпчим. Троицкий архимандрит получал за бесчестье 100 руб., келарь -80, казначей - 70, соборные старцы - по 40, стряпчие - по 15 руб. Для сравнения отметим, что архимандриты других монастырей получали: Чудова - 80 руб., Владимирского Рождественского, Ново-Спасского, Новгородского Юрьева - по 70 руб., Симонова, Андроникова, Ипатьева -по 60 руб., Кирилло-Белозерского - 50 руб и т.д. По размерам штрафа за бесчестье троицкий настоятель находился на одном уровне лишь с **именитыми людьми Строгановыми,** которым Соборное Уложение определило возмещение также в сумме 100 руб. Крестьяне же Сергиева монастыря статусом своим никак не выделялись из общей массы непривилегированного сельского населения России (дворцовых, черных, помещичьих, вотчинных крестьян), которым за бесчестье был установлен штраф в 1 руб. Такая же норма существовала для крестьян и в XVI в. по Судебникам 1550 и 1589 гг.

Помимо административно-судебных характеристик, государственный статус крупнейшего монастыря России включал также финансовую и таможенную сторону. Остановимся на наиболее принципиальных моментах этой области.

б) финансовый статус

В результате финансовой политики Русского государства церковь к середине XVI в. была привлечена к Уплате основных налогов (дани, ямских и стрелецких, иногда полоняничных денег, исполнению городового, острожного и засечного дела, предоставлению стрелецких и казачьих кормов и т.п.).

В общей жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 2 сентября 1550 г., подробнейшим образом изученной С.М.Каштановым, была оформлена исключительная привилегия корпорации - она могла сама платить ямские деньги “на Москве в казну” и сама

наряжать посошных людей. Для подмонастрных сел была также установлена своя “ямчуга” (производство пороха) и свое “городовое дело”. 9 февраля 1551 г. эта грамота была подписана без изменений на имя игумена-осифлянина Серапиона Курцева. 17 мая 1551 г., в момент массовой ревизии монастырских тарханов Иван 1У ее подписал на имя игумена-нестяжателя старца Артемия с большим ограничением: “опричь ямских денег и посошные службы и тамги - то им давати” [29].Такая подпись означала, как справедливо считает С.М.Каштанов, восстановление финансовой власти городовых приказчиков в отношении Троицкого монастыря по сбору государственных налогов и отбыванию государственных повинностей, следовательно, по монастырскому иммунитету был нанесен серьезный удар [30].

Принципы жалованной грамоты 2 сентября 1550 г. без учета ее ограничительной подписи 17 мая 1551 г. получили развитие в общей жалованной грамоте удельного кн.В.А.Старицкого 25 августа 1566 г. Троице-Сергиеву и приписному к нему Киржачскому Благовещенскому монастырю в пределах территории Старицкого удела (Дмитровский, Боровский, Звенигородский, Стародубский уезды). Этот документ восстанавливал для корпорации более выгодный для нее порядок выплаты казенных налогов и отбывания казенных повинностей. Сознательно возобновленные удельным князем для троицы привилегии были в дальнейшем с успехом использованы монастырскими властями в борьбе с государством за свой иммунитет. Именно из текста грамоты кн.В.А.Старицкого исходило правительство при оформлении Сергиеву монастырю новой общей жалованной грамоты после его казни в 1569 г. Согласно ей, для всех троицких вотчин восстанавливался порядок уплаты налогов самим монастырскими властями. В условиях опричнины с владений, расположенных в земских уездах, налоги платились в Москву, в Большой Приход, а с владений в опричных уездах - в Александрову Слободу (“иные в Москве, а иные – в Слободе”). Кроме того, этой грамотой троицкие крестьяне освобождались от ямской, подводной и кормовой повинности с запустевших земель. Новая общая жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю сгорела в Москве в приход крымского хана Девлет-Гирея в мае 1571 г.[32]

Хозяйственный кризис, охвативший Россию с конца 1560-х гг., вносил существенные коррективы в общий ограничительный курс финансовой политики государства по отношению к крупнейшему монастырю. 17 марта 1571 г. вся запустевшая часть троицкой вотчины была освобождена от налогов. 12 октября 1571 г. 18 монастырских сел в Московском, Дмитровском, Звенигородском, Верейском, Малорославейком и Коломенском уездах, оказавшихся в полосе движения крымских татар и сильно запустошенных, были полностью освобождены (на 3 года) от налогов 33. 28 апреля 1578 г. Троице-Сергиев монастырь получил последнюю за XVI в. общую жалованную грамоту от Ивана 1У, при оформлении которой использовалась общая грамота 2 сентября 1550 г. с подтверждением 17 мая 1551 г., но без ограничительной подписи. На этой основе особый порядок выплаты ямских денег самой корпорацией в Москве, в Большой Приход, а не денежным “зборщикам” на местах, подтверждался. После смерти Ивана IV его сын Федор подписал данную грамоту троицким властям 3 мая 1584 г. В том же 1584 г. последовали две серии указных грамот царя Федора: 1) 4 июля в 17 городов с предписанием не привлекать троицких крестьян к исполнению ямчужной повинности; 2) 25 сентября (в общерусский день Памяти Сергия Радонежского) - в 12 городов о невъезде городовых приказчиков в троицкие вотчины для сбора налогов и непривлечении троицких крестьян для службы в целовальниках[34]. Вторая серия грамот была издана вскоре после общегосударственной отмены монастырских тарханов на соборе 20 июля f584 г. Принцип этой отмены так выражен в этой серии грамот:

“А наши всякие доходы велено им, збирая (имеются в виду власти Сергиева монастыря. -М.Ч.) платить в нашу казну самим на Москве”. Общая жалованная грамота 28 апреля 1578 г., кроме царя Федора, была также подписана и Б.Годуновым 9 октября 1601 г.,

то есть оставалась действующим документом и в начале XVII в. Один и тот же дьяк оформил подтверждения и в 1584, и 1601 г. - Андрей Арцыбашев.

Не подписывая Троице общей грамоты 1578 г. после царей Федора и Годунова, царь В.И.Шуйский вскоре после своего избрания выдал Сергиеву монастырю собственную жалованную грамоту 11 июня 1606 г. По сравнению с актом 1578 г. она имела расширенную вотчинную часть за счет включения в нее новых владений, приобретенных монастырем после 1578-1584 гг., промысловых объектов, городских дворов и приписных монастырей. В отношении номенклатуры государственных налогов и порядка их Уплаты нормы общей грамоты 1578 г. были подтверждены. В декабре 1607 г. царь В.И.Шуйский выдал Сергиеву монастырю еще одну жалованную грамоту, в которой говорилось о праве троицкого архимандрита "всякие денежные доходы и городовые посохи по царскому указу збирати самому по-прежнему в монастыре и платити на Москве в приказех по книгам сполна, сколко в котором году доведетца по нашему указу взяти". Эта грамота получила подтверждение царя Михаила Федоровича 25 августа 1613 г., оформленное дьяком И.Болотниковым[35].

Новый царь, Михаил Федорович Романов, в мае 1613 г. подписал общие жалованные V грамоты Сергиеву монастырю 1578 и 16^06 г., а в 1617 г. дважды подтвердил и состав обязательных к Уплате казенных налогов, и сам порядок Уплаты. По его грамоте 16 июня 1617 г., возобновившей подведомственность Троицкого монастыря одному только приказу Большого Дворца, никакие посланники, денежные и кормовые сборщики и ямские стройщики не должны были всыпаться из московских приказов и Четей в троицкие вотчины. Архимандрит с братией по предписаниям из Большого Дворца сами могли посылать из монастыря агентов "збирати наши всякие доходы и дела делать на сроки". 31 декабря 1617 г. в своей первой общей жалованной грамоте Троицкому монастырю М.Ф.Романов распространил указанные принципы на более обширную территорию, поскольку этот документ содержал расширенную вотчинную часть по сравнению с грамотой Шуйского 1606 г., сообразно новым приобретениям в сельской местности и городах, а также приписным монастырям, полученным Троицей.

Восстановленный для растущей корпоративной вотчины финансовый статус в первые послесмутные годы регулировался не только общими жалованными грамотами, но и текущими правительственными указами. Уже в 1613-1615 гг. ряд указных грамот М.Ф.Романова был направлен на отделение Николо-Чухченемского монастыря, вологодской дер.Ершовки "от черных сох и посадов" при Уплате налогов. В опубликованных приходо-расходных книгах московских приказов за 1615-1619 гг. находим записи о внесении троицкими стряпчими с монастырских земельных и промысловых владений в Двинском, Вологодском, Нижегородском уездах данских, оброчных, ямских и иных денег. В июле 1619 г. белозерскому ямскому приказчику М.Викентьеву была направлена царская указная грамота о сборе с уездных и посадских людей ямских денег по 1 руб. с четверти (то есть по 800 руб. с сохи), "опричь Троецкого Сергиева монастыря вотчин", власти которого, как и патриаршего дома, со своих крестьян сами их платят на Москве в Ямском приказе [J6].

Выражая протест против особого порядка Уплаты казенных податей монастырями, население Двинской земли в 1622 г. называло как местные (Соловецкий, Николо-Корельский, Антоньев-Сийский, Михайо-Архагельский), так и "иногородние" монастыри - Кирилло-Белозерский и Троице-Сергиев. Позаботилось правительство М.Ф.Романова и о распространении общего для Троице-Сергиева монастыря порядка и в новом для него Алатырском уезде. В указной грамоте января 1618 г. по поводу выплаты государственных налогов с вотчин недавно приписанного Троице-Алатырского монастыря подчеркивалась, что архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын сами собирают с новых владений "всякие наши подати и платят их на Москве сами".

Во второй половине 1610-х-начале 1620-х гг. не только применительно к Троице-Сергиеву, но и многим другим монастырям правительство М.Ф.Романова проводит пересмотр их “тарханов”, иммунитетных привилегий прежде всего налогового характера. Первый приступу был сделан в указе не позднее 16 июня 1617 г., предписавшем отобрать в государеву казну жалованные тарханные новые и старые грамоты, выданные монастырям московским, гостям, торговым и всяким людям. Из приказа Большого Дворца было разослано указание за приписью дьяка П.Насонова местным воеводам взять у монастырских настоятелей их прежние и новые жалованные тарханные грамоты. Изъятие документов происходило и у приказчиков монастырских сел. И в самих духовных корпорациях. О том, что Сергиев монастырь действительно представил в 1618 г. комплекс своих жалованных грамот к правительственной ревизии упоминается в правой грамоте 30 ноября 1618 г., опубликованной и подробно изученной В.И.Корецким. Поводом для ее выдачи стало ограбление ворами у с.Черкизова по дороге из Москвы троицкого служки К.Юдина, везшего 21 августа 1618 г. ящик с публичноправовыми актами. Второй, и более впечатляющий, приступ к массовому пересмотру монастырских тарханов был сделан в начале 1620-х гг.

2 февраля 1623 г. был издан царский указ о предоставлении на утверждение жалованных грамот духовенству и о восстановлении утраченных, на основе которого для всех монастырей в течение 1620- гг. был введен (возобновлен ? -М.Ч.) единый порядок выплаты налогов и единая номенклатура казенных податей и повинностей. В ходе массового пересмотра и подписания большой серии жалованных грамот монастырям давались ссылки на “наше новое уложение”, каковым А.И.Копанев и считает как раз указ 2 февраля 1623 г.[39] Для Троице-Сергиева монастыря, получившего общие жалованные грамоты 17 октября 1624 (за подписью дьяка П.Пахирева) и 11 апреля 1625 г. (за подписью дьяка С.Бредихина), тоже не было сделано исключения: его крестьяне, как и население всех других монастырей, обязано было платить ямские деньги, деньги за стрелецкие хлебные запасы, выполнять городовое и острожное дело. Перечисленные налоги и повинности должны были вноситься и исполняться “с сошными людьми вместе”, то есть на основании дозорных и писцовых книг первой четверти XVII в., но организация их сбора и исполнения возлагалась на монастырскую администрацию, без вмешательства местных и центральных властей.

Впервые применительно к Троицкому монастырю отмеченная формула (состав повинностей - городовое и острожное и засечное дело и указание на исполнение их “с иными сохами вместе” (вариант- “по сошному разводу”, “с сох”) встречаются в жалованных тарханно-несудимых и заповедных грамотах Ивана IV Троице-Свияжскому монастырю 1572 и 1575 гг. [40] При массовой выдаче и подтверждении монастырям в 1620-е гг. жалованных грамот те традиционно назывались “тарханными”, хотя тархан в строгом смысле - это даваемое правительством бессрочное освобождение светских или духовных феодалов от основных государственных повинностей. В “тарханных” грамотах 1620-х гг., повторимся, был сформулирован унифицированный принцип общеобязательной для всех монастырей Уплаты основных податей. “Тарханом” же в данном случае можно считать, опять-таки, общее для всех монастырей право самим собирать в своих вотчинах государственные налоги и организовывать отбывание казенных повинностей. Тарханы в 1620-е гг. становятся способом организации казенных выплат с монастырей, своего рода “диалогом” государства и духовенства в тяжелейшей для России XVII в. - финансовой сфере. Для многих из монастырей, чьи жалованные грамоты прошли правительственную ревизию, она стала по сути подтверждением порядка, существовавшего и раньше, в чем убеждает рассмотрение платежных отписок конца XVI в., опубликованных в “Актах юридических” [4].

О том, что в вотчинах Троицкого монастыря государственные налоги действительно собирали представители монастырского административно-хозяйственного аппарата (дворцовые старцы, слуги), сообщают оброчная 1617 и вытная 1623 гг. книги, которые уже не

раз использовались нами в ходе работы. Например, в Галицком разделе оброчной книги 1617 г. говорится, что “повез те деньги (оброк и государевы ямские, прогонные и кормовые. - М.Ч.) в монастырь слуга Иван Новокщенов”[4]. О продолжавшемся и далее сборе государственных налогов троицкими слугами и старцами имеются убедительные свидетельства и для 1620-1630-х, и для 1670-1690-х гг. Они были приведены в гл.6 о феодальной ренте при рассмотрении соотношения владельческих и государственных платежей. Известны указные грамоты 1620-х гг., освобождавшие троицких новопоселенцев на восстанавливаемых землях вообще от всех государственных налогов “до тех мест, как с них учнут имати монастырские подати” [42a]. Обычно такое освобождение давалось на 15 лет.

Помимо реально функционирующего права Троицкого монастыря самому собирать со своего населения государственные налоги, еще одним выражением его привилегированного финансового статуса можно считать предоставленную (или только продекларированную? - М.Ч.) ему правительственными пожалованиями служилую 800-четвертную соху. Не все еще вполне ясно в этой государственной мере, предпринятой по отношению к корпорации сначала Б.Годуновым в 1598 г., а затем возобновленной М.Ф.Романовым в 1617-1619 гг.[4"3]

Основная трудность - в согласовании нормативной стороны этого мероприятия (она более или менее ясна) с реальным содержанием сошных итогов в большом, сложном и разнородном по составу комплексе дозорных и писцовых описаний - как ранних, 1614-1616 гг., и поздних, 1619-1621 гг., дозоров, так и валовой переписи 1620-1630-х гг. Дело в том, что в одних описаниях, действительно, использовалась поместная 800-четвертная соха, в других — обычная монастырская (600-четвертная), в третьих царил разнобой сох.

Согласно указу царя Б.Ф.Годунова в декабре 1598 г., монастырская пашня Сергиевой корпорации обелялась (то есть освобождалась) от тягла в Московском уезде и в “иных городех”. Крестьянская же и служняя пашня в столичном уезде должна была раскладываться в сошное письмо не по разряду принятой для духовенства более тяжелой (600-700-800-четвертной), а по разряду поместно-вотчинной служилой сохи, по 800-1000-1200 четв. Земли соответственно доброго, среднего и худого качества. Конкретные же обстоятельства, диктующие эту правительственную меру, заключались в том, что в тот момент велось с большим напряжением для всей страны строительство Смоленской крепости. Дьяки Разрядного приказа С.Аврамов и И.Карташов (именно их ведомство руководило строительством в Смоленске) по предписаниям поместных дьяков Е.Вылузгина и И.Ефанова не должны были привлекать зависимое население Троицкого монастыря с 9 35/36 сохи к работам и брать с указанного количества сох денежные доходы. Отметим, что в 1598-1599 гг. осуществлялись мероприятия и по укреплению крепости самого Троицкого монастыря, имевшей, как и ряд других монастырских крепостей,, общегосударственное значение. С остальных же 70 77/96 сох крестьянской и служней пашни “посошные и денежные доходы и всякие ямские розметы должны были взиматься по-прежнему, по сошному розводу”[44]. О серьезности правительственных намерений ввести для крупнейшего русского монастыря особый сошный статус говорит составление в Поместном приказе в 1599 г. под руководством дьяков Е.Вылузгина и И.Ефанова официальной платежной книги во исполнение Годуновского указа декабря 1598 г. Ее Московский раздел открывался кратким изложением Годуновского указа и содержал перерасчет всей пашни корпорации в данном уезде по уровню поместной сохи, что сокращало “налогооблагаемую базу” для этой части монастырских владений примерно на 4 сохи. Содержание остальные поуездных разделов платежной книги заключалось в разделении сошных окладов господской и крестьянской пашни и выкладывания первой из сошного письма, поскольку та обелялась. В писцовых же книгах 1592-1594 гг. сошные оклады и барской, и крестьянской запашки давались нераздельно 45.

В плане сравнительном необходимо отметить, что в 1590-е гг. обеление господской запашки вообще широко практиковалось в правительственной политике. Правда, у Троицкого монастыря оно оказалось полным, тогда как у светских феодалов, например, новгородских помещиков, обелялась часть господской пашни. А.Л.Шапиро видит результат такой меры в том, что она временно задержала сокращение господской пашни и, возможно, привела к некоторому росту ее размеров. Однако вскоре разорение начала XVII в. вновь сильно ударило и по барской, и по крестьянской запашке[45a].

Платежную книгу 1599 г. можно рассматривать как своего рода итог (и в то же время зигзаг) финансовой политики правительства по отношению к крупнейшему монастырю страны к концу XVI в. Особенно важно задуматься над этим итогом в свете отмены тарханов в 1584 г. Если обширный комплекс составленных вскоре после этого писцовых книг 1592-1594 гг. стал практической реализацией принципа обязательной Уплаты государственных налогов таким гигантским корпоративным собственником, то Годуновский указ и платежная книга 1598-1599 гг. выглядят явным отступлением от прежнего более жесткого курса. И хотя разовые факты обеления запашек монастырей (в том числе и Сергиева) предпринимались и раньше, освобождение столь значительного массива земли, которое было сделано в 1598-1599 гг. применительно к Троице, означало не что иное, как признание исключительного, привилегированного статуса этой крупнейшей корпорации государством. Кроме политического, анализируемая мера могла иметь и социально-экономическое назначение - способствовать восстановлению земледелия в запустевших местах обширной вотчины, поземельному прикреплению крестьян. Усиленно используемых в секторе полевой барщины. Допустимо увидеть в мероприятиях 1598-1599 гг. и политику финансовой унификации определенного выравнивания податного статуса разных категорий земель.

Ближайшим по времени после Годуновского указа и платежной книги 1598-1599 г. стало создание комплекса дозорных книг 1614-1616 гг. Анализ сошных итогов в них говорит о том, что новшество конца XVI в. конкретной реализации не получило. Дозорщики всюду пользовались традиционной для монастырей 600-700-800-четвертной сохой соответственно доброго, среднего и худого качества. Не практиковалось также и раздельное обложение господской и крестьянской пашни, как было рекомендовано указом 1598 г. Лишь по некоторым вотчинным комплексам Переславского и Угличского уездов удалось обнаружить раздельную фиксацию сошного итога для монастырской и крестьянской пашни [47].

Во втором десятилетии XVII в. сами монастырские власти позаботились о возобновлении для корпорации более предпочтительной 800-четвертной сохи. В декабре 1616 г. архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын представили в Поместном приказе выпись с памяти 4 декабря 1599 г. о льготном посошном обложении своей обители. Документ этот в 1599 г. поступил в Троицу из Поместного приказа. И вот в 1616г. выпись с памяти была направлена троицкими властями поместному дьяку И.Мартемьянову и подьячему М.Бороздинцеву с целью возобновить некогда полученный льготный финансовый статус. Память о льготном налогообложении из Поместного приказа в 1616 г. была послана также и в приказ Большого Дворца к боярину Б.М.Салтыкову, дьякам Б.М.Кашкину, И. Болотникову и П.Насонову. Эта память учитывалась при подготовке двух жалованных грамот царя М.Ф.Романова по поводу монастырского посошного обложения - 31 января 1617 г. и 20 января 1619 г. Возможно, на решение государя повлиял факт сильного разорения ряда центральных уездов рейдом польского полковника А.Лисовского, в полосе движения которого осенью 1615 - зимой 1616 г. оказалось и немало владений Сергиева монастыря. Проводившие в 1614-1616 гг. дозоры троицких вотчин писцы “не смели положить монастырскую и крестьянскую пашню в сошное письмо без государева указу”. Обеление господской запашки для Троицкой корпорации было в царских грамотах 1617 и 1619 гг. подтверждено, а размеры служилой, 800-четвертной, сохи распространены на все уезды, но

без “наддачи”, то есть расширения ее не допускалось, сохи в 1000-1200 четв. использоваться при обложении троицких владений не могли. Тем самым, как отмечал С.Б.Веселовский прежняя льгота была весьма существенно урезана для монастыря.

Реальное же применение этой, хоть и урезанной, льготы оказалось осложненным введением в России уже в конце 1610-х гг. новых элементов налогообложения, связанных с так называемой “живущей четвертью”. По Троицкому монастырю имеются поздние дозоры, 1619-1621 гг. и ранние писцовые книги начала 1620-х гг. с этой системой счета, используемой наряду с сошным письмом. Наблюдается полный разнобой в размерах сохи. В выписи из Юрьевских дозорных книг 1620/21 г. в разных вотчинных комплексах дозорщики зафиксировали разные сохи - и 600-четвертную монастырскую для земли доброго качества, как традиционно полагалось монастырям, и 800-четвертную служилую. Практиковалось и “одабривание” земли среднего качества, а затем полученный цифровой результат получал сошный оклад, исходя из 800-четвертной поместной сохи.Для сравнения отметим, что в позднейшей писцовой книге по Юрьевскому уезду 1642-1645 гг. такого разнобоя в применении монастырской и служилой сохи, а также одабривания монастырской земли не было 50. При описании пошехонских владений монастыря в 1620/21 г. дозорщики использовали 1200-четвертную соху для земли худого качества, что в строгом смысле являлось нарушением принципов царской жалованной грамоты 20 января 1*619 г.* ближе к букве этого документа оказались белозерские дозорщики 1620/2 г., положившие троицкие земли в этом уезде в 800-четвертную служилую соху. Дозорщики Бежецкого и Дмитровского уездов 1620 г. в своих выписях Троицкому монастырю зафиксировали итоги “живущей четверти”, не давая сведений о сошном окладе совсем.

Нижегородским писцам в 1620/21 г. была известна царская жалованная грамота 1619 г. о 800-четвертной сохе для Троицкого монастыря “без наддачи”. Однако сошный итог в их выписи для корпорации дан, исходя из монастырской 600-четвертной сохи и в то же время учтена норма живущей четверти - по 3 двора крестьянских и по столько же - бобыльских[32]. В Московской писцовой книге 1622/23 г. не только в сошном итоге, но и в абсолютных показателях монастырская и крестьянская пашня не были разделены, хотя именно на этот уезд Годуновский указ и платежная книга 1598-1599 гг. обращали особое внимание[33]. Разумеется, в начале 1620-х гг. официальные писцы вовсе не руководствовались этими документами, да и вряд ли они вообще были им известны.

Основная же масса писцовых описаний конца 1620-х - начала 1630-х гг. показывает применение писцами, независимо от типов книг, 700-четвертной сохи для средней земли и 800-четвертной - для худой, которой, заметим, обычно было больше. Таким образом, царская жалованная грамота 1619 г. об обложении вотчин Троице-Сергиева монастыря 800-четвертной служилой сохой без наддачи тем самым как бы и исполнялась, поскольку в монастырском разряде 800-четвертей худой земли смыкались с таким же их количеством доброго качества в служилом разряде. К самой же грамоте 1619 г. правительство в XVII в.

обратилось еще раз лишь в конце столетия. 25 октября 1682 г. цари Иван и Петр Алексеевичи и царевна Софья осуществили массовое подписание ее по каждому из 40 уездов, в которых Троицкая корпорация имела свои земли. Эта грамота была включена в каждую поуездную копийную книгу 1684/85 г. и, возможно, должна была использоваться (как и сам поздний комплекс копийных книг) при задумываемой тогда валовой переписи 1680-х гг. Это грандиозное мероприятие в полном масштабе так и не состоялось.

В заключение рассмотрения “посошного” аспекта финансового статуса Сергиева монастыря в конце XVI - XVII в. остается напомнить, что, как бы там ни было, государственные налоги в пределах известной нам информации вотчинных книг, собирались в троицкой латифундии самой корпорацией со своей окладной единицы - выти, а не с государственной - сохи.

в) таможенный статус

Несомненный финансовый аспект имеет и вопрос о таможенном статусе Троицкого монастыря в конце XVI - XVII в., поскольку таможенные привилегии крупных иммунистов-грамотчиков означали для государства весьма существенные изъятия из общей системы обложения торгово-промысловой сферы. Принципы же таможенно-иммунитетной политики правительства по отношению к монастырям вполне определились в период реформ 1550-х гг. Они заключались в непременном освобождении от тамги, мыта, других пошлин при купле и провозе товаров и запасов "на монастырский обиход" и обязательном взимании упомянутых пошлин с товаров, приобретаемых "на продажу".

С 1584 до 1626 гг. Сергиеву монастырю было выдано не менее 40 жалованных и указных грамот, содержащих в том или ином виде и объеме таможенно-проезжие привилегии. Затем количество таких документов резко идет на убыль, а за вторую половину XVII в. известно лишь две грамоты о сельских торжках в Костромском и Ярославском уездах. Основная масса грамот закрепляла для Троицкого монастыря право на беспрепятственный проезд его торговых экспедиций за рыбой и солью по **Волжскому торговому пути** через Ярославль, Кострому, Плесо, Кинешму, Юрьевец, Нижний Новгород.

Чебоксары, Свияжск, Казань, Самару до Астрахани 54. В Астрахани с 1560-х гг. у Сергиева монастыря формируется новый - солеваренный и рыболовный промысел, имевший в XVII в. большое значение для общего экономического развития корпорации. Функционирование Астраханской экспедиции обеспечивалось хлебом (для потребления ее участниками, а также, возможно, и для продажи по ходу следования), производимым в подмосковной волости Вохне, вытянутой вдоль р.Клязьмы со множеством троицких мельниц (гл.3-4). Из Клязьмы монастырские суда попадали в Оку, а затем в Волгу, по которой плыли до самых ее низовьев. Так подмосковная волость и отдаленный Астраханский край оказывались воедино связанными в рамках вотчинной торгово-экономической специализации. Наиболее важная -жалованная грамота царя Федора Ивановича 15 марта 1588 г. о беспрепятственном проезде двух троицких судов до Астрахани за рыбой и солью и купле-продаже по пути следования других товаров — была подписана одновременно с выдачей новой общей жалованной грамоты царем Михаилом Федоровичем 11 апреля 1625 г. (дьяк С.Бредихин).

В конце XVI - XVII в. по-прежнему получал Сергиев монастырь иммунитетные грамоты и на более старинный маршрут своих торговых экспиедиций - по Сухоно-Двинскому пути. Одновременно с "астраханской" таможенно-проезжей грамотой царь Федор Иванович 15 марта 1588 г. выдал троицким властям и "двинскую", подтверждавшую право торговли и провоза хлеба, рыбы, меда, хмеля и других товаров и запасов на 4 насадах "с подвоски" и на 100 возах из Вологды на Двину, Холмогоры, Каргополь, Устюг, Тотьму в монастырь и в Москву. Эта грамота была подтверждена в сентябре 1598 г. Б.Ф.Годуновым, а в апреле 1615 г. М.Ф.Романовым, который, кроме подписи, еще в 1613 г. выдал и отдельные грамоты на право беспошлинных проездов и покупок на Двину и несудимость участвующих в этих мероприятий людей Троицкого монастыря от местных властей.

О том, что на Сухоно-Двинском пути привилегии Сергиева монастыря соблюдались, свидетельствуют таможенные книги Тотьмы и Вологды 1634-1635 гг. В них говорится, что троицкий купчина Иван Чудинов не платил за провозимые монастырские запасы (рыбу, сельди, изюм в бочках, перец, ладан, косячки бархатные, камку, серу, масло древяное) "по государевой грамоте за приписью дьяка Патрикея Насонова". Действительно, такая грамота *о* беспошлинном провозе троицких товаров известна и выдал ее дьяк приказа Большого Дворца П.Насонов в августе 1618 г.[55a] Попутно заметим, что постоянное функционирование Сухоно-

Двинской торговой экспедиции монастыря в середине XVI-XVII в., в свою очередь, обусловило и более интенсивное развитие его дворо- и землевладения, сети сельских поселений в этом обширном регионе. Это были и городские дворы в самой Вологде и Великом Устюге, и Пьянкова Слободка на полпути между Вологдой и Тотьмой, на дикой стороне р.Сухоны, и, наконец, вновь приобретенные приписные обители - Троице-Авнежская на Сухонском правобережье, и Николо-Чухченемская в конечном пункте маршрута. Одним словом, обеспечение этого направления монастырской торговли было многогранным и надежным, закрепленным, к тому же, иммунитетными правами.

Менее надежно оказалось обеспеченным царскими грамотами еще одно **- южное направление** торговли Сергиева монастыря. В декабре 1584 г. царь Федор Иванович направил указные грамоты в Северские города (Путивль, Новгород Северский, Почап, Рыльск, Брянск) о праве Сергиева монастыря на беспошлиную покупку меда. Грамоты были вызваны жалобой монастырских властей на путивльских казаков и "севрюков", пытавшихся разграбить монастырскую казну 56. Нам неизвестно о возобновлении этих прав в дальнейшем, после смутного времени.

В ходе унификации монастырских жалованных грамот в 1620-е гг. во многие из них были включены таможенно-иммунитетные разделы, в том числе и Троицкому монастырю в грамоты 1624 и 1625 гг. Речь шла о том, чтобы с приобретаемых *монастырский обиход* товаров не взимались такие таможенные пошлины, как осмничее, костки, мостовщина, мыт, тамга, весчее, померное, пятно, "ни целовальников к тамге ни к мыту, ни к збору и перевозу не емлют". Особенно подробно в этих грамотах описывались условия функционирования монастырских торговых экспедиций в сторону главного - Астраханского насадного промысла, четко регламентировались объемы провозимой рыбы и икры, обстоятельства вынужденных зимовок, перетранспортировок товаров с судов на телеги и подводы, несудимость участников экспедиции местными властями (те "ищут на них на Москве, как служба монастырская минется") и т.д. В 1628/29 г. среди наказов астраханским воеводам Ф.Куракину и И.Коробьину был послан и такой, согласно которому за лишнюю кладь с троицкого судна брались не таможенные пошлины, а фиксированный оброк в Приказ Казанского Дворца. Воеводам.всех городов предписывалось то судно не останавливать, "а пропущать везде не задерживая" (в Казани, Нижнем Новгороде, и других городах). При этом добавлялось, что такой порядок установлен "для милости Пресвятые Живоначальные Троицы и Чудотворца Сергия, а иным монастырям и торговым всяким людям того в образец ставить не велели". "Лишняя кладь", облегченно облагаемая, может рассматриваться как завуалированное расширение таможенного иммунитета монастыря, перенос "тархана" с *потребительской* части провозимых товаров (на обиход) на *купеческую* часть *(для продажи)*. Е.Д.Сташевскому принадлежит интересное наблюдение о том, что в 1580-1590-е гг. таможенный иммунитет Троицы более строго соблюдался, сводим был только к обиходной части товаров. При М.Ф.Романове он стал распространяться и на продажную их часть [57]. Думаем, что на практике вообще трудно было разграничить потребительскую и купеческую части провозимых монастырем по льготным условиям товаров и по Волжскому, и по Сухоно-Двинскому торговому пути. С конца 1620-х гг. ни Астраханская, ни Двинская торговые экспедиции монастыря не обеспечивались больше специальных таможенно-проезжими грамотами. Дело ограничивалось разовыми подтверждениями 1657 и 1680 гг. прежде выданных актов.

Во второй половине XVII в. государство старается ограничить таможенный иммунитет монастырей. Наиболее выразительными были известные в литературе указы 1672 и 1677 гг. об отмене таможенных тарханов монастырей (в первую очередь Троице-Сергиева, принципиально упомянутого в них) на **"низовые** (то есть Астраханские. - М.Ч.) **насадные** промыслы... и впредь никому в тех местех тарханом не быть" 58. Правда, немедленного

эффекта эти запреты не дали, и беспошлинный провоз товаров на монастырский обиход из Астрахани продолжался. В 1670-е гг. известен троицкий старец Астраханского насадного промысла Филофей Ефремов 59. В самом конце изучаемого периода, 1700 г., корпорация в результате правительственной приписки обрела еще один приписной филиал - Троице-Астраханский монастырь, что вряд ли было бы возможно при ослаблении ее позиций в низовьях Волги. Об использовании астраханского промысла не только с потребительскими, но и продажными целями, говорится в приходо-расходной книге 1703 г. В ней записан доход "за продажную соль и за рыбу и за икру" 837 руб.27 алт.[60]

Не было единообразия в таможенном статусе крупнейших монастырских сел. В угличском с.Прилуки на Волге писцовая книга 1593/94 г. отметила сбор пошлин доводчиком. В дозорной книге 1616 г. сообщается, что тамгу в селе собирают на государя угличские посадские верные таможенные целовальники. В писцовой книге 1628/29 г. упоминается о сборе тамги и пошлин вновь на монастырь по вторникам с лошадей "и животины". В ярославском с.Коприне в 1623 г., как пишется в вытной книге, пошлины с приезжих торговых людей брали целовальники из местных крестьян, отдававшие затем их дворцовым старцам. А в бежецком с. Молокове тамга с хлебной торговли собиралась, судя по писцовой и дозорной книгам 1594 и 1616 гг., городецкими таможенными целовальниками.

К таможенному иммунитету Сергиева монастыря может быть отнесено его исключительное право на сбор конской пошлины ("пятна") в Москве, Свияжске и Казани ("с лошади по осми денег"). Корни такого права в Москве, по существовавшей в середине-второй половине XVI в. монастырской традиции, восходили едва ли не ко временам Дмитрия Донского, первым осуществившим столь щедрое пожалование троицкому игумену Сергию Радонежскому. С.М.Каштанов считает, что известие об этом в Никоновской летописи нуждается в особой проверке. На основании опубликованной им выписи из писцовых книг дьяка Т.Колзакова 1534 г. С.М.Каштанов относит появление права Троицкого монастыря на ногайское пятно в Москве ко времени конюшества В.Б.Тучко - первой половине 80-х гг. ХУ в. В конце XVI в. троицкие служки собирали в год на Конской площадке в Москве 91 руб. в год. В феврале 1599 г. царь Б.Годунов отменил право для троицких слуг собирать конскую пошлину и записывать ее в таможенной избе Конской площадке на Москве. Взамен корпорации разрешалось получать ежегодно на "Евдокеин день 1 марта" 100 руб. из откупных денег Конюшенного приказа. Отмена столь выгодного для монастыря порядка оказалась кратковременной. Уже в августе 1613 г. царь М.Ф.Романов возобновил это право для него - троицкие слуги могли брать с продажных лошадей "с шерсти по 2 деньги", записывать пошлины в специальные книги, которые следовало приносить "за продавцовыми руками" на Троицкое подворье по-прежнему". В январе 1614 г. последовала "жалованная память" из приказа Большого Дворца за подписью дворцового дьяка И.Болотникова аналогичного содержания. Подтверждена она была 16 марта 1686 г. Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей, причем при подписании память 1614 г. была любопытно названа "жалованным указом". В 1703-1704 гг., как сообщает приходо-расходная книга, корпорация передавала на откуп это свое право московским купцам, за что получила в 1703 г. 130 руб. дохода 63.

По образцу Конской площадки в Москве Троицкий монастырь получил от Ивана IV право на сбор пятна в Казани (в 1553 г. - "по осми денег с лошади") и Свияжске (видимо, в 1575 г.). Царь Федор Иванович в июне 1588 г. выдал свою жалованную грамоту Сергиеву монастырю на право его слуг пятнить лошадей троицким пятном и собирать за это пошлины - с русских лошадей с купца по 2 деньги (как и в Москве), а с ногайских - с купца по 8 денег. Грамота эта дважды подтверждалась: Б.Годуновым в марте 1603 г. и М.Ф. Романовым в ноябре 1613 г. В августе 1608 г. царь В.И.Шуйский, не подписывая Годуновской грамоты, издал собственную жалованную грамоту архимандриту Иоасафу и келарю А.Палицыну на

право Сергиева монастыря собирать в Казани пошлину с русских и ногайских лошадей “по тому ж, как ту пошлину на Москве берут”. Этот документ был подтвержден царем Михаилом Федоровичем дважды - в сентябре 1613 и мае 1617 г., а также царем Федором Алексеевичем в марте 1680 г. Несомненно, и в Москве, и в Свияжске, и в Казани отмеченное право-привилегия Троицкого монастыря приносило ему на протяжении XVII в. немалый доход, хотя до нас и не дошла конкретная документация за это столетие, связанная со взиманием конской пошлины. В Описи 1641 г. среди документов Троице-Казанского монастыря упоминается запись на трех конских барышников и их детей “в откупном оброке конские площадки”. Следовательно, сбор конской пошлины корпорация отдавала на откуп кому-то из жителей г.Казани[64].

В ХУ-XVI вв. непременным объектом иммунитетных пожалований выступали многочисленные монастырские промыслы, прежде всего соляные варницы. В начале XVII в. практически прекращается выдача Троицкому монастырю жалованных грамот на них. Исключение составляют лишь три (“с четвертью”) варницы в Соли Галицкой, где по царским грамотам 1604, 1606 и 1614 гг. не должны были взиматься никакие таможенные пошлины с соли, добываемой “на монастырский обиход”. Жалованная грамота царя М.Ф.Романова 21 марта 1614 г. на 4 варницы (с учетом восстановленных 3/4 варницы после 1606 г.) оставалась действующим документом на протяжении всего XVII в., поскольку была подписана в 1657 и 1680 гг. [65]. Единственная грамота известна о беспошлинном провозе монастырской соли из Балахны, а издана она была в сентябре 1606 г. царем В.И.Шуйским[66]. Других специально адресованных на балахнинские и остальные соляные промыслы Троицы в XVII в. неизвестны. Считалось, что все основное сказано в соответствующих разделах общих жалованных грамот с их подтверждениями. Попытка Сергиева монастыря развернуть свое солеварение у Соли Камской в 1620-1640-е гг. последовательной поддержки правительства не получила, а в конце 1640-х гг. Троицкий монастырь из Приуралья откровенно начал вытесняться при правительственном участии, о чем убедительные факты привел Н.В.Устюгов (см. прим. 239 в 3 гл.).

С конца XVI в. у крестьян в ряде костромских сел Луговой половины уезда стал успешно развиваться железоделательный промысел. Не остался безучастным и сам монастырь к открывшемуся таким образом новому источнику доходов. В 1592 г. правительство пыталось узнать через городового приказчика в Костроме Г.Головцына, производится ли это железо на монастырский обиход или на продажу и въезжают ли в троицкие села таможенные целовальники [67]. Из позднейших документов нам ничего неизвестно ни о государственных пожалованиях Троицкому монастырю на железоделательные промыслы, ни об их казенном обложении. О том, как за счет вотчинного обложения крестьянских промыслов обогащался здесь сам монастырь, говорилось в гл.6 о феодальной ренте.

Одним из проявлений таможенного статуса Троицкого монастыря в конце XVI - XVII в. стало получение им от правительства жалованных уставных таможенных грамот на устройство торжков в некоторых наиболее крупных и развитых в торгово-экономическом отношении селах. В 1594-1595 гг. подобное мероприятие коснулось подмонастырного села Клементьева. В декабре 1594 г. царь Федор Иванович, откликаясь на монастырскую челобитную, произвел своеобразный обмен с корпорацией. У нее по просьбе самих властей было отобрано отдаленное новосильское село Настасовская поляна, а взамен переведен торг из Радонежа в село Клементьево. В нем было разрешено собирать различные таможенные пошлины на монастырь. Более подробно условия торговли, виды и размеры пошлин (тамги, мыта, порядного, пятна, померного и др.) были регламентированы в уставной таможенной грамоте на с.Клементьево 18 мая 1595 г., впоследствии подписанной в 1599, 1606, 1613 и 1680 гг. Этим документом администрации Троице-Сергиева монастыря предоставлялось

исключительное право на сбор таможенных пошлин не только в с.Клементьеве, но и в городке Радонеже и радонежских селах (дворцовых, княжеских, боярских). В конце XVI в. торгово-экономическое значение Радонежа как более древнего (по сравнению с Троицей) центра данной местности еще не было окончательно утрачено. Это произойдет позднее, в результате разорения смуты. О каких-то прежних таможенных правах Сергиева монастыря на радонежские торжки указывает упоминание в уставной грамоте 1595 г. о **порядной пошлине,** которую следовало собирать "по старине". В грамоте говорилось о приезде в с. Клементьево не только местных торговых людей, но и иногородних и даже "чужеземцев не Московского государства". В ассортименте продаваемых и покупаемых товаров особенно важными считаем хлеб, древесные материалы, **троицкие сукна** (старческие и мирские), лошадей и другую "животину". В 1640-е гг. присланными из монастыря старцами и местными выборными "ларешными целовальниками" велись не дошедшие до нас таможенные книги Клементьевского торга (Приложение 1. № 323).

В 1601-1613 гг. правительство издавало жалованные таможенные грамоты и отдельным троицким крестьянам на откуп таможенных пошлин в своих селах. Учет этих сел важен для понимания непашенного, торгово-ремесленного развития части монастырского крестьянства - с. Борисоглебское Тверского у. (О.Овдокимов), с.Молоково Бежецкого Верха, с.Дубровы Муромского у., с.Олексино Суздальского у. (имена крестьян не указаны), подмосковная волость Вохна (И.Юрьев и В.Страхов) 69.

В середине- второй половине XVII в. уставные таможенные грамоты были выданы и на другие троицкие села - в Костромском (с.Буяково, с.Костомы) и Ярославского (с.Коприно) уездов. Получение права на откуп таможенных пошлин в костромских селах в 1673 г. мотивировалось как возмещение Сергиеву монастырю за отмену его тарханов на низовые насадные промыслы в 1672 г. Право на откуп таможенных пошлин в ближайших от себя селах имел и приписной Киржачский Благовещенский монастырь в 1660-1670-е гг. В костромских селах до 1673 г. функционировал другой способ таможенной организации, когда тамгу на откуп брали наиболее экономически сильные крестьяне, вносившие откупные деньги непосредственно в Костромскую Четь. В 1673 г. корпорация вытесняет своих крестьян из сферы прямых откупных отношений с государством. "Застолбив" за собой право на сбор тамги в крупных селах, монастырь создает в них собственную откупную систему, извлекая от этого немалую выгоду. По приходо-расходной книге 1703 г. можно подсчитать, что в угличском с. Прилуки 43 % дохода корпорация получила за счет таможенного обложения - "за верные доходы и откупных с Торжка" (в абс.109 руб.). В бежецких селах 21 % (в абс.237 руб.) в доходе корпорации составило обложение крестьянской торговли. Особенно велик был сбор таможенных пошлин в подмонастырном с.Клементьеве - 858 руб. + доимка за 1702 г. 68 руб. Таким образом, известный указ Петра 1 1700 г., запретивший монастырскую тамгу в этом селе и передавший ее в Московскую Ратушу, на практике, по крайней мере в первые годы после его выхода, не выполнялся. А уж в своих остальных своих крупных селах, ставших местными торжками, корпорация и тем более свободно обогащалась.

7.2. Публично-правовые прерогативы вотчины-сеньории и сеньориально-крестьянские отношения

Глава об иммунитете строится нами по принципу зеркального отражения: тем сторонам государственного статуса монастыря, которые были показаны выше (административно-судебному, финансовому и таможенному) находятся соответствующие проявления во внутривотчинной организации. Исследуется она нами не сама по себе, а во взаимодействии с крестьянско-общинными институтами (в лице сотских, старост, десятских, пятидесятских, целовальников, отрубщиков, польников), о которых сведений в документах

Троицкого архива сохранилось очень немного. Поземельно-хозяйственные, распорядительные функции отрубщиков и польников упоминались в главе о землеустройстве вотчины. Остальные же полномочия выборных лиц общины (в основном социально-политического характера) рассматриваются нами в данном параграфе в рамках сеньориально-крестьянских отношений. Для выделения вопроса о крестьянской общине в вотчине Троице-Сергиева монастыря в ХУ-XVII вв. в самостоятельный параграф материала оказалось недостаточно. Кроме того, сильная слитность, переплетенность вотчинно-общинных институтов в их практическом функционировании и взаимодействии такое выделение крайне затрудняет, заставляя рассматривать эти сюжеты вместе.

Итак, каким же было. внутреннее устройство огромного социального организма вотчины-сеньории? Начнем с административно-судебного устройства и с нижних этажей изучаемой структуры. Для целей подобного исследования необходимы извлеченные из источников сведения троякого рода: 1) перечень должностных лиц, министериалов, агентов вотчинного управления; 2) перечень отправляемых ими функций; 3) перечень собираемых ими пошлин и поборов во исполнение таковых. А.Д.Горский в свое время отмечал, что в нашей литературе еще недостаточно изучена система господства и подчинения, практика “внеэкономического принуждения”, так сказать, собственно “вотчинный режим”[71].

О том, что на местах крестьяне были подведомственны монастырским **приказчикам** (более ранний термин - “приказники”, “заказники”), посельским старцам, ключникам-мирянам, доводчикам, слугам и пр., становится известно уже из актов ХУ в. Но лишь с конца 50-х- в 60-е гг. XVI в. в наиболее ранних уставных записях находим сведения о собираемых ими административно-судебных пошлинах в селах Московского, Дмитровского, Переславского, Бежецкого, Верейского, Малоярославецкого, Костромского уездов. Приказчики и доводчики собирали в селах **судебные** пошлины (езд, хоженое, суд, довод, ставленое, железное, поворотное, полевые, мировые), **свадебные** (выводная куница и новоженный алтын) и **таможенные** (пятно, порядное, стожарное, угловые, хоромные, роговые деньги и др.). Окладной единицей некоторых административно-судебных взиманий (прежде всего праздничных) уже в 1550-1560-е гг. служила выть, в связи с чем она впервые, собственно, и появляется на страницах вотчинных по происхождению источников. Меньше прописаны в этих ранних уставных документах непосредственные функции министериалов, но судя по характеру пошлин, полномочия эти отличались синкретичностью, слабой расчлененностью хозяйственно-распорядительных и административно-судебных прерогатив. Первые в большей степени были закреплены, вероятно, за приказчиками, вторые - за доводчиками, но абсолютно четкого разделения их функций, равно как и полагающихся за это пошлин, источники провести не позволяют. В ряде крупных сел Дмитровского, Угличского, Ярославского, Костромского уездов писцовые, дозорные и вытные книги 1590-1620-х гг. указывают на два монастырских двора - в одном сидел приказчик, во втором - доводчик, а то и два. К концу XVII в. институт доводчиков, по всей видимости, перестает существовать. Теперь переписные книги (1678 г) нередко упоминают в крупных селах пару дворов - в одном сидел слуга или приказчик (но он мог и наездами бывать в селе, приезжая из соседнего более крупного вотчинного центра, на местные церковные праздники), в другом - дворник от крестьян (“избираючись погодно”)[71б].

Ранние сведения о праздничные взиманиях (середины XVI в.) относятся к подмонастырным селам. В с.Клементьеве (до 1426 г. было княжеским) посельские брали с выти по 2 ден. на 3 праздника, в с. Муромцеве (до середины ХУ в. - боярское) - по 3 ден. на 4 праздника. В с.Корзеневе (до 1521 г. - центр черной волости) - по 9 ден. на 4 праздника [72].

Более высокое обложение с.Корзенева объясняется, возможно, тем, что в недавнее время это была черная волость, платившая “волостелин корм”. На основе “Книги Ключей” Иосифо-Волоколамского монастыря Е.И.Колычева пишет о генетической связи денежной

ренты с кормовыми поборами, если брать наиболее употребительную для первой половины XVI в. ее ставку - 24 ден, слагаемую из трехразовых взносов в год - по 8 ден. на 3 праздника [73].

В писцовых книгах 1593/94 г. по Московскому, Коломенскому, Угличскому уездам сообщается о праздничных, свадебных и судебных пошлинах доводчиков и приказчиков по более широкому кругу сел, чем в ранних уставных записях середины XVI в.. **Праздничные** взимались обычно в размере 9 ден. с выти на 3 праздника. **Свадебные** пошлин составляли: *выводная куница* гривну (20 ден.) и *повоженный алтын* (6 ден.). По коломенскому с.Дубешне фигурирует взнос "приказчику от дел *судный алтын"*. В угличском с.Прилуки в начале XVI в. существовало одновременно два доводчика, а в конце XVI в. доводчик собирал судебные пошлины "хоженое", "езд" и "правду" еще и с соседнего кашинского с.Михайло-Архангельское. Примечательно, что в этом административно-судебном округе на Кашинско-Угличском рубеже суммарная повытная ставка судебных, таможенных и иных административных взиманий была значительно выше (1,5 руб. 9 ден.), чем поземельный оброк (52 ден.). Объяснить это можно, вероятно, тем, что и Прилуки, и соседнее с ним кашинское село имели преимущественно барщинный профиль, обеспечение которого и требовало повышенной роли монастырского агента, осуществлявшего усиленный административно-судебный нажим на крестьян. Расположенная на правобережной стороне Красносельская половина Угличской вотчины монастыря имела в конце XVI в. денежно-оброчный профиль. Здесь не существовало столь сильного давления на зависимое население, не было таких по размеру административно-судебных поборов[74]. О заметном скоплении хозяйственных и административно-судебных агентов монастырского управления именно в барщинных селах свидетельствует разнообразие терминов - посельские старцы и старцы-замолотчики (вариант - замолоточники), слуги у монастырской пашни, конюхи, закосчики, наконец, доводчики. С размещением господского хозяйства в таких селах было связано и функционирование должностных лиц от общины - польников, замолотных старост, житничных целовальников и сторожей. В.А.Александров подчеркивает, что наиболее распространенным вариантом вотчинно-крестьянских отношений было Управление собственно барским и крестьянскими хозяйствами на основе сочетания вотчинных и мирских органов [74a].

О денежном жалованье монастырских министериалов, в частности доводчиков, до конца XVI в. известно немного. По московском селу Черкизову (на р.Клязьме) и коломенскому С.Сабурову (на р.Москве) писцовые книги 1593/94 г. сообщают, что доводчики получали на жалованье деньги за перевоз - в первом селе 5 руб., во втором - 2 руб.

По ряду монастырей в XVII в. сохранились вотчинные наказы властей своим приказчикам и доводчикам. По содержанию их можно считать предшественниками широко известных в XVIII-XIX вв. помещичьих инструкций. Для Троицкого архива такого рода документы - крайняя редкость. Среди россыпи хозяйственной документации XVII в. попался один недатированный фрагмент уставной грамоты доводчику, некоему Ермолаю. Согласно отрывку, судебные прерогативы доводчика распространялись на исковые дела крестьян, не превышающие 10 руб. В случае большей суммы иска при решении дел доводчик обязан был сноситься с высшим монастырским руководством[75]. В найденном фрагменте особую ценность представляет упоминание об участии **целовальника от крестьян** в суде монастырского доводчика. О присутствии выборных от земского общества в суде наместника (старост, сотских и лучших людей) говорится практически во всех основных законодательных памятниках Руси ХУ-XVI вв. - Белозерской уставной грамоте и других уставных наместничьих грамотах, Судебниках 1497, 1550 и 1589 гг. Еще в одном отрывке, имеющем дату - 1678 г. - и относящемся в подмосковной волости Вохне, фигурируют получаемые доводчиком пошлины - "годовщина" и "с подъему мертвого тела"[75].

Подведомственность подобных дел о “душегубстве не хитростью” (“возом сотрет, на мельнице колесом сотрет, водою наплывет, кусом подавится, от своих рук утеряется” и пр.) монастырским властям предусматривалась во многих жалованных грамотах XVI-XVII вв.

Помимо доводчиков, судебный аппарат сеньории на местах представляли **недельщики** как его низшее звено. Недельщики фигурируют в наиболее ранних уставных документах, 50-60-х гг. XVI в. Их функции заключались в доставке виноватого или подозреваемого крестьянина с места его проживания в монастырь на суд келаря и старцев. Недельщикам полагались определенные пошлины - *“ставленое”* (1 ден. с виноватого), *“мировые”* (по 10 ден. с обеих сторон), *“полевые”* (гривна с виноватого), *“пожелезное”* (размер не определен).

Подобно приказчикам и доводчикам, недельщики могут рассматриваться как разновидность монастырских слуг. В подмонастырном с.Клементьеве писцовая книга 1594 г. называет недельщика, слугу Власко Михайлова, двор которого был описан в ряду с другими непашенными дворами. Возможно, что кто-то из недельщиков происходил из непашенных крестьян.

Имевший в селе судебные прерогативы приказчик был обязан докладывать результаты своего судопроизводства в монастыре перед архимандритом, келарем и соборными старцами. При докладе судного списка ему причиталась гривна с рубля (уставная грамота на троицкое село Соболеве в Юрьевецком у. Повольского 1580 г.). Для сравнения сошлемся на уставную грамоту патриарха Иова Новинскому монастырю 1590 г., согласно которой, приказчик получал “хоженого и правды списка 1 ден., а езду с докладного списка 10 ден.” О функционирвании вотчинной юстиции и в начале ХУШ в. свидетельствует приходо-расходная книга 1703 г., упоминающая среди неокладных статей “с судных дел пошлинные деньги”. Правда, размер их был невелик - 2 руб. 12 алт. 2 ден. [76]

Интересна норма одной монастырской уставной грамоты 1590 г., запрещающая приказчикам облагать пошлинами семейные праздники или другие памятные мероприятия (“родины или по родителем поминок”) отдельно у крестьян, на которые во дворах случалось *“пивцо особное”*. Такой запрет, вероятно, указывает на то, что приказчики не могли присутствовать на семейных памятных событиях (рождение ребенка или похороны родственника), не вмешивались в повседневную жизнь крестьянской семьи. В уставной грамоте на дворцовое с.Андреевское Звенигородского уезда 1544 г. (с 1549 г. оно поступит в Троицу) также читаем о неявке доводчика, будучи незванным, в отдельный крестьянский двор на семейный праздник. Отношения агентов вотчинной администрации (и дворцовой, и монастырской) строились с общиной в целом, пиры и братчины которой пошлинами в пользу приказчиков обычно облагались. В Чухломском Авраамьеве монастыре, согласно жалованной с элементами уставной грамоте царя Федора Ивановича 1584 г., подробно изученной и опубликованной В.Д.Назаровым, приказчик с сельской братчины брал по 10 хлебов, меху овса, носатке пива и 100 яиц. В троицкой уставной грамоте на владимирское с.Харитоново 1590 г. указано денежное взимание приказчика с сельской братчины - по 2 ден. с выти [77].

В масштабе всей огромной вотчины-сеньории судебно-политическая власть персонифицировалась в трех лицах - архимандрите, келаре (его фигура особенно значима) и казначее. Среди строений монастыря Опись 1641 г. отмечает “палаты соборные, а в них сидят архимандрит Андреян, да келарь Аврамей (Подлесов. - М.Ч.), да казначей старец Симон (Азарьин. - М.Ч.) для росправы всяких монастырских дел”. Ведущее положение келаря в системе должностной иерархии Троицкого монастыря доказывается данными сфрагистики, о чем уже говорилось во 2 главе. Местом нахождения келарской печати, как и самого пребывания келаря, мог быть не только Сергиев монастырь, но и его Богоявленское подворье в Московском Кремле. Уникальный случай упоминается Е.Д.Сташевским: в 1619 г. келарь

Авраамий Палицын вместо дворцового дьяка сам подписал жалованную грамоту Сергиеву монастырю на спорные воды с Троицким Даниловым монастырем в Переславском уезде [79].

Публично-правовой характер монастырского властвования над крестьянами находил выражение в выдаче им со стороны троицких властей **жалованных уставных** грамот. Информация о крестьянских повинностях, способах хозяйствования, нормативах собираемых оброков не исчерпывает их содержания. В них много интересных сведений находим о различиях административно-судебного и рентного статуса отдельных вотчинных комплексов, что свидетельствует о большом разнообразии крестьянской жизни и внутривотчинных отношений сеньории. В наиболее ранних уставных и "приговорных" грамотах 1550-1560-х гг. монастырские власти обращаются непосредственно к **крестьянским сотским и старостам** отдельных вотчин-волостей - села Присеки Бежецкого Верха (Олеше Мокееву и Тонкому Юрьеву) и села Федоровского Костромского уезда (Ондрюхе Онтипину да Истомке Патрикееву) - Приложение 1. № 173. В губных грамотах 1541 г. и "приговорной" грамоте крестьянам Присецкой волости 1555 г. четко обозначено представительство выборных общинных институтов: их низшее звено воплощалось **в десятских** (от 10 дворов), затем шли **пятидесятские** (от 50 дворов) и, наконец, **сотские** (от 100 дворов). Названные лица вместе со старостами, целовальниками, монастырскими приказчиками и дворскими проводили расследование о ворах, разбойниках и других "ведомых лихих людях" и присуждали их к смертной казни без царской санкции.

В 1589/90 г., находясь на Богоявленском подворье в Московском Кремле, архимандрит Киприан, келарь Евстафий Головкин, казначей Игнатий Лодыгин и "великий соборный старец" Варсонофий Якимов *"пожаловали есмя* троецких волосных Логиновских крестьян Переславского уезду". Жалованной уставной грамотой на переславское с.Логиново Пожарское 1589/90 г. устанавливался своего рода его внутривотчинный иммунитет в рамках троицкой вотчины-сеньории. Принадлежавшее до 1585 г. кн.И.М.Глинскому (см. гл. 3), село это в конце 1580-х гг. специализировалось на одной только барщине. Монастырский собор освободил его от въезда представителей вотчинной администрации -дворцовых старцев, слуг, "всяких **заезщиков".** Вводился довольно высокий штраф для названных агентов за невыполнение предписаний грамоты Логиновским крестьянам: "А хто чем их жаловалную грамоту учнет рудити наших старцов и слуг, ино на нем взяти пени 50 рублев" (Приложение 1. № 175). Во всех случаях нарушения грамоты Логиновские крестьяне могли апеллировать келарю как высшей вотчинной инстанции: "А хто чем вас изобидит, и вы собе приходите к келарю в монастырь". Ему же они могли докладывать и результаты полевой барщины и своей хозяйственной деятельности: "А что хлеба упашете, и вы сказывайте все келарю". По тексту Логиновской уставной грамоты можно заметить явное влияние формуляра государственных иммунитетных актов: дворцовые старцы и слуги к крестьянам ночевать не ездят, корму своего и конского и проводников не емлют, крестьяне подвод, проводников и кормов не дают, к ближайшему городу Переславлю и Ярославлю не тянут ничем, дров, сена и рыбы не возят и т.д.

В Логиновской вотчине-волости находился и монастырский приказчик, пошлины которого определялись "по нашей жаловалной грамоте". Вероятно, параллельно с документом, обращенным к Логиновским крестьянам, был оформлен и другой, адресованный непосредственно вотчинному функционеру. Правом внутривотчинной заповедности пользовались в 1590 г. и коломенские села Остафево, Кишкино, Екиматово, выполнявшие очень высокий норматив полевой барщины (5 дес. на выть) + городовое дело. Коломенские крестьяне освобождались от въезда дворцовых старцев, Уплате им подымного, масляного, овчин, холстов, от возки камня и извести на монастырь, предоставления подвод приказчикам для их поездок в город (Коломну или Москву ? - М.Ч.) по крестьянским делам.

Не только барщинные, но и оброчные вотчины-волости могли получать от монастырских властей жалованные уставные грамоты. Особый статус был введен в 1590 г. для подмосковной волости Вохны, делившейся на 5 погостов (гл.4). Монастырские **закосчики** не могли въезжать на ее территорию, а старцы и слуги - брать с крестьян подводы. Право сбора феодальной ренты и ее доставки в монастырь было передано первому старосте волости Ивану Оксенову (наряду с ним, в обширной волости Вохне, насчитывавшей более 500 дворов, в 1590-е гг. известны старосты Федор Гришин и Неустрой Иванов). И.Оксенов должен был доставлять оброк в монастырь ежегодно на Крещение Господне. Заготовка дров также возлагалась на И.Оксенова - ему приходилось наряжать крестьян на работу **"десятскими** и всею волостью". Мы видим, что рентная сторона выделяется уставной грамотой 1590 г. как ведущий компонент в вотчинно-крестьянских отношениях. Вертикаль вотчинного управления опирается на выборные общинные институты (старост и десятских) как на свое основание. Общинные же институты оказываются интегрированными в систему вотчинного управления как ее низшее звено. Судя по ведущемуся старостой И.Оксеновым на собственные средства церковному строительству, это был наиболее состоятельный житель волости. В переписной книге 1678 г., фиксирующей упрощение внутренней структуры Вохны, упоминаются два старосты волости Вохны - Григорий Родионов и Андрей Иванов (гл.4 и Приложение 1. № 179).

В оброчной волости Вохне в конце XVI в., как и в коломенской группе барщинных сел, присутствовал и монастырский приказчик, но его прерогативы здесь были довольно ограниченными. В частности, он не имел права взимать с крестьян "праздничное" и "осеннее". С учетом обилия церквей в 5 погостах волости, освобождение от праздничных взиманий и тем более от традиционных осенних приношений (обычно на Покров) не покажется несущественным. Приказчик должен был довольствоваться фиксированным урочным жалованьем, денежный компонент которого составлял 10 руб. (+ рожь, овес, хмель, куры, бараны со всей волости). Поскольку в монастырь с волости Вохны в конце XVI в. сходило 80 руб. универсального оброка ("за волостелин доход и за пудово мед и за дьячий доход и за рыбную ловлю") то соотношение дохода приказчика и монастыря выглядит как 1: 8[80].

По аналогии с государевыми указными и жалованными грамотами монастырские уставные также могли быть "с *прочетом".* Адресованные всей крестьянской общине, они должны были оставаться у нее "впредь для наших приказчиков". Значит, при всяком новом приезде приказчика на Управление селом ему для прочтения, ознакомления в объеме своих полномочий предъявлялась со стороны общины монастырская жалованная уставная грамота. По прочтении ее он принимал к сведению прописанные там указания, а саму грамоту возвращал крестьянам. Письменный документ и авторитет выдавших его монастырских властей должны были играть роль регулятора отношений общины и агента вотчинной администрации.

За весь XVII в. текстуально сохранилась только одна монастырская уставная (оброчная) грамота, адресованная старосте Хотимской пустыни (Суздальский у.) Федке Петрову "с товарищи" (20 чел.) 19 марта 1691 г. Документ этот интересен тем, что в нем упоминается крестьянская челобитная, идя навстречу которой монастырские власти и выдали **уставную оброчную** грамоту. Они удовлетворили просьбу общины об отмене монастырской пашни и многочисленных работ ("за конных и за пеших и за каменных, и за посошных, и за косцов, и за дровяную воску и за прикащиков и за довотчиков доход, опроче государевых всяких денежных и хлебных податей") за 37 руб. универсального оброка (Приложение 1. № 185). О том, что нормативы монастырских уставных оброчных грамот действительно выполнялись, свидетельствует уникальная казначейская отписка о получении с Хотимской вотчины-волости 13 февраля 1701 г. совокупного оброка как раз в размере 37 руб. (+

оброчные платежи за аренду пустошей + 2 руб. 13 алт. “денег за корабельную починку”). Все платежи, владельческие и государственные, были доставлены в монастырь **целовальником** Хотимской пустыни Ивашкой Полуектовым. Полагаем, что в силу оброчного развития Хотимского комплекса и предоставленной его крестьянам определенной свободы экономической деятельности агента вотчинной администрации здесь вообще могло не быть.

По мере сосредоточения судебно-политической власти в самом монастыре становится более понятной заметная во второй половине XVI в. тенденция к разделению сеньориальных поборов в рамках всей латифундии на *вотчинно-корпоративные* (усвояемые обширному административно-хозяйственному аппарату приказчиков, доводчиков, слуг и пр.) и *вотчинно-централизованные*. Последние были адресованы монастырю как собственнику земли. В уставных записях 1550-1560-х гг. посельские (являлись обычно монахами) брали себе деньги с 2 праздников, а с 3-го отдавали в корпорацию. Ключники (были обычно мирянами) брали себе деньги только с одного праздника, а с двух остальных - монастырь. В некоторых писцовых книгах и фрагментах внутривотчинных описаний 1590-х гг. фигурируют такие сеньориальные взносы, как **дымное, въезжее** (вариант: “проезжое”, проезжая рожь), **писчее, праздничное** на 2 основных монастырских праздника, отмечаемых также и как общерусские - Троицу и Память Сергия Радонежского. Их номенклатура и повытные ставки сохраняются прежними в оброчной и вытной книгах 1617 и 1623 г. (по 1-2 ден. с “дыма” для дымного и писчего и по 3 ден. с выти праздничного с выти). Добавляются коммутированные взимания “за приказчиков и доводчиков доход и дьячии”. В оброчных книгах Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей 1696 г. видим еще и “стряпческие” деньги, генетически близкие к дьяческим. Те и другие шли на содержание растущего канцелярского аппарата, обрабатывающего и создающего большие массивы разнообразной крепостной документации в XVII в., занятого в сфере монастырского делопроизводства, хлопочущего (стряпчие) об интересах корпорации в центральных и местных учреждениях. Во второй половине XVII в. не менее 150 подьячих и стряпчих имел Сергиев монастырь, а статья о возмещении троицким стряпчим за бесчестье (15 руб.), как уже упоминалось в настоящей главе, была включена в Соборное Уложение.

Финансовые основы вотчины-сеньории создавались и приумножались феодальной рентой, рассмотренной нами в гл.6. Здесь же важно остановиться на той ее части, в которой наиболее зримо выражался публично-правовой характер монастырского властвования, а именно на всей совокупности сеньориальных (судебно-политических, а не сугубо поземельных) поборов и пошлин. На наш взгляд, ими раскрываются публично-правовые аспекты феодальной ренты вообще.

Прямым подворным налогом вотчины-сеньории можно считать старинное “дымное”. Оно устойчиво фигурирует во всех внутривотчинных описаниях конца XVI - XVII в., в некоторых уставных грамотах и писцовых книгах 1593/94 г. В своем единообразно-денежном выражении оно традиционно составляло 1 ден. с дома-дыма. Впервые взимание подымного в троицких писцовых книгах Костромского уезда 1593/94 г. заметили Н.Д.Чечулин и И.Н.Миклашевский. Чечулин обратил внимание на то, что в ряде костромских сел сумма подымного превышает число дворов (в с.Костомы дымов 45, а дворов 38, в с.Горки соответственно 68 и 52, в с. Головинское - 35 и 33 и т.д.). Ученый решил, что облагаться мог не обязательно двор, а, скажем, печь. Можно допустить и то, что размер подымного зависел от количества изб-домов со своими печами, и от характера печи - была ли она черной, беструбной, с “дымником” - специальным примитивным приспособлением для отвода дыма или же имела настоящую трубу. Характер печи выясняется в исследованиях по этнографии русского средневекового жилища. В целом же понятия двор и дым совпадали: “ двор Юдин и дым Юдин же”, “...и всего дворов семь, а дымов семь же” и т.д. Дымное известно и как общемонастырский вотчинно-централизованный сбор, и как многосоставный побор,

взимаемый приказчиком с данной вотчины-волости либо с конкретной выти. Дымные доходы сельского звена управленческого аппарата вотчины включали, наряду с денежными, и натурально-продуктовые компоненты, и наиболее обстоятельно описаны в позднейших источниках - офицерских описях троицких вотчин начала 1760-х гг. Получателями подымных взносов в это время выступает штат вотчинных контор в крупных селах - управитель, конюх, трудник, 3 писца. Всем вместе им полагалось 25 коп. с крестьянского двора + курица (или 3 коп. за нее), 10 волокон льна (или 3 коп. за них), печеный хлеб (или 3 коп. за него). В указании на печеный хлеб (возможно, что и цыпленок был тоже жареным) угадывается старинная связь данного побора с очагом, печью [85]. Н.П.Павлов-Сильванский увидел параллель русскому “подымному” как взносу в сеньориях в аналогичных вотчинных взносах в Германии “ focagium", "heldphenig" -поочажное или поочажный пфеннинг или Франции - “fumagium". В состав их также входили курица или петух, иногда печеный хлеб. В сфере государственного обложения подымное также известно и на Руси, и в Литве, и на Украине, Молдавии ("фумэрит") других странах в состав сеньориальных взиманий и на *вотчинно-централизованном,* и вотчинно-- *корпоративном* уровне входило **"въезжее".** Как пошлина на въезд кормле нщика в волость "въезжее" хорошо известно по уставным наместничьим грамотам ХУ-XVI вв. Генетически "въезжее", по нашему мнению, восходит ко временам Русской Правды. В Поконе вирном (ст.42 Краткой и ст.9-10 Пространной редакции) среди отчислений вирнику упоминается пошлина: " 10 кун перекладная" (ст.9), "а переде гривна" (ст. 10) ; " а переди съсадная гривна" (ст.42). Перекладное, ссадное, подъездное - это были пошлины вирников и отроков при их въезде в общину, при сходе с коня, при перекладывании собранного с одной подводы на другую. упоминание "въезжего", а также "проезжего", "проезжей ржи" в монастырских уставных грамотах 1590-х гг.и внутривотчинных описаниях 1590-1620-х гг. есть основание связать с разъездами-проездами высоких должностных лиц Сергиева монастыря, называемых в это время *"дворцовысм старцами".* Некоторые из них известны по именам - " Онофрей Брюхатый, Иона Скобельцын, Васьян Александров, Левкея Смагин, Тихон Казанец. В сложившемся виде дворцовая система управления огромной вотчиной включала в себя несколько административно-территориальных единиц - *"дворцов"* (Подмонастырный, Илеменский к юго-западу от обители, Замосковный к северо-востоку от нее, Присецкий - к северу, Галицкий, Копринский в верхнем Поволжье, Нижегородский. Они назывались или по расположению применительно к самому монастырю, или по наиболее крупным вотчинным селам-волостям (Илемна, Присеки, Коприно), или по городам - уездным центрам. Именно в дворцовых старцах было персонифицировано монастырское господство над крестьянскими мирами на местах. Старцы эти во время своих разъездов (обычно зимой, срок определился еще во времена древнерусского полюдья) выполняли многообразные функции: сбор монастырских оброков и государственных налогов, арендных платежей за оброчную землю и промысловые угодья, поряды новых жильцов во крестьяне и перевод обедневших крестьян на льготу или в бобыли.

"Въезжее" как пошлина приказчикам и доводчикам известна по уставным грамотам Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого монастырей в 1560-1590-х гг. в размере 1-2 деньги в дыма (у Кириллова - с выти). В отличие от них, "въезжее" в троицкой внутривотчинной документации 1590-1620-х гг., собираемое дворцовыми старцами, представляло собой не монастырско-корпоративный, а монастырско-централизованный побор сеньориального толка.

Если "въезжее" исчислялось в денежном выражении и фигурировало в нерасчлененном виде в общей совокупности коммутированной ренты ("за лен, за скань, за масло коровье и за московские дрова и въезжего” - столько-то), то **"проезжая рожь"** взималась непосредственно в натуральной форме. В Ярославской писцовой книге 1593/94 г. в с.Коприне со всех 40 вытей указано 40 четвертей собранной "проезжей ржи", то есть по

четверти с выти. Аналогичные взносы - по 1 четв. ржи с выти, но без самого наименования ее "проезжей" видим по Ростовскому и Костромскому уездам в 1594 г. Именно такой ее норматив (и как раз по названным выше уездам) известен по оброчной и вытной книгам 1617-1623 гг.[89] В костромском с.Федоровском проезжая рожь фигурирует даже в офицерских описях 1760-х гг. Во всех же остальных уездах накануне секуляризации называется только "въезжее", причем со множеством модификаций. Это и поздравление управителя с приездом на управительство тем или иным вотчинным селом-волостью, и оплата деньгами и хлебом его приездов в деревни данной волости "для осмотру по новости своей", и возвращение из вояжей его штата и даже родни в ближайший уездный город, в Лавру, в Москву по своим делам и т.д. "Въезжее" преподносили и представителям высшей Лаврской юстиции - соборным монахам и казначеям при появлении их персон на территории вотчины-волости.

В офицерских описях 1760-х гг. отчетливо выражен личный оттенок и старинных праздничных взносов крестьян приказчикам. По некоторым селам в них фигурируют приношения *"на поклоны* управителю в праздничные дни" *(Поклон* вирный...) и на "поздравления управителя в дни его именин". Любопытно, что специальная пошлина за действие, сопровождающееся поклоном,[1] предусматривалась даже при приемке в монастыре привезенного хлебного оброка и других взиманий, чтобы хлеб этот был взвешен без задержки, а привезшие его крестьяне получили от монастырского приемщика платежную отписку. Так в документах Троицкого архива XVI-ХУШ вв. просматриваются начала и концы русского феодализма, они отражают общерусские и близкородственные явления, существовавшие в широком диапазоне от XI до ХУШ в., отличавшиеся, полагаем, не сутью, а лишь своим размахом и масштабом. В упомянутых документах можно видеть своеобразное преломление процесса развития от корпоративных форм собственности и эксплуатации к централизованным. Но даже и на позднем этапе, в канун секуляризации в рамках монастырской вотчины весьма сильны были проявления *лично-сеньориального* начала, носителями которого для крестьянских общин были агенты вотчинного управления.

Собираемые дворцовыми старцами в вотчине Сергиева монастыря оброки и сеньориальные поборы именовались "дворцовыми доходами" и записывались в "книги приходные дворцовые" (см. приложение 1. № 319-320). Со ставшей регулярной в 1590-1620-е гг. практикой внутривотчинных козяйственных описаний и письменной фиксацией собираемой ренты, государственных налогов, арендных платежей можно связать и возникший тогда внутривотчинный побор **"писчее"** (в размере 1 -2 деньги с выти, а иногда и дыма). Монастырское "писчее" по сути своей близко к "писчему", "писчей белке" как пошлинам писцам великокняжеских иммунитетных грамот ХУ-XVI вв., а все вместе они восходят также ко временам Русской Правды. В ст. 74 Пространной редакции ("А се наклади") речь идет об отчислениях писцам при сборе вир вирниками и отроками и при сборе продаж емцами, метельниками и отроками: "Писцу 10 кун, перекладного 5 кун, да за мех 2 ногате" [91]. упоминания о мехе можно трактовать как указание на кожаный мешок, в котором писец возил свои документы либо как на саму кожу (или оплату ее населением), на которой производилась запись.

Применительно к Троицкому монастырю появление пошлины "писчее" следует связывать со ставшими систематическими с 1590-х гг. внутривотчинными описаниями, а также с составляемой, как выше говорилось, дворцовыми старцами документацией (дворцовых приходных книг) в процессе своих разъездов по территоории подведомственных им дворцов монастырской вотчины. Не случайны и упоминания в оброчной и вытной книгах 1617-1623 гг. различных грамот и записей (порядных, льготных, оброчных, данных и др.), выданных дворцовыми старцами по поводу снятия тягла с части вытного оклада или получения в аренду какого-то участка и т.д. Есть даже одно свидетельство о том, что выдаваемые дворцовыми старцами грамоты скреплялись в 1620-е гг. их печатями (

Приложение 1. № 197). О наличии своих печатей у посельских уже в ХУ в. также имеются сведения.

Мы посчитали, сколь велики были сеньориальные платежи в совокупной феодальной ренте монастырских крестьян в 1620-е и 1690-е гг. по вытной книге 1623 и оброчным книгам 1696 гг. остальные источники таких вычислений сделать не позволяют' Оказалось, что, во-первых, доля сеньориальных взносов в общей сумме монастырских взиманий к концу XVII в. возрастает, а, во-вторых, доля эта выше была в барщинных комплексах и ниже - в оброчных. Напомним, что единственное наблюдение по Угличской писцовой книге 1594 г. показало нам ту же закономерность. По вытной книге 1623 г. в барщинном комплексе Присеки Бежецкого Верха сеньориальные взносы в рамках вытного обложения составляли ок.З % феодальной ренты, а в оброчных комплексах Баскаки, Молоково и Ахматово - менее 1 %, в пошехонских и ярославских прселках - ок.2 %. В конце XVII в. в барщинных селах Алатырского и Свияжского уездов сеньориальные платежи “за приказчиков и доводчиков доход и стряпческих” составили 12-18 % феодальной ренты, а в оброчных селах - 5-6 %. Таким образом, и в конце XVI, и в конце XVII в. более сильное проявление вотчинного нажима на монастырских крестьян мы видим в барщинных имениях, что практически выражалось в более высоком обложении их сеньориальными поборами. Весьма показательны в этом плане и предисловия оброчных книг 1696 г., обращенные прежде всего к крестьянам тех сел Алатырского и Свияжского монастырей, в которых сохранялась, пускай и в потребительских масштабах, полевая барщина на зависимые филиалы. Предисловия эти полны интонаций, напоминающих послушные грамоты: “...и той вотчины крестьяном и бобылем приказали с подтверждением, чтоб они в тот монастырь пашню пахали и сена косили и всякое монастырское изделье делали и мелкие всякие поборы по монастырскому обыкновению непрекословно давали и во всем того монастыря строителю были послушны”.

Рассмотрение проблемы иммунитете Троице-Сергиева монастыря показало, что унификация иммунитетных норм, затронувшая все духовные корпорации России, продолжалась и в конце XVI - XVII в. В русле отмеченной унификации находился в целом и иммунитет крупнейшего монастыря, хотя ряд исключительно привилегированных признаков и в XVII в. выделяли его на фоне других церковно-монастырских организаций России.

При исследовании иммунитета феномен крупной феодальной вотчины” заключается в установлении того, что она представляла собой гигантскую “должностную сеньорию”, огромный “рентный фьеф”, если использовать терминологический ряд современных исследователей (Ю.А.Бессмертного, В.Д.Назарова - гл.1). Реализация публичноправовых прерогатив в рамках корпоративной собственности в занимавшей обширную территорию вотчине-сеньории осуществлялась в сочленении корпоративных и сеньориальных элементов. Носителями властных функций были и высшие лица монастырского собора (настоятель, келарь, казначей, дворцовые и соборные старцы), и многочисленный штат агентов-министериалов на местах. Именно в посельских, ключниках, доводчиках, приказчиках (поселковое звено) и приезжавши в села зимой дворцовых старцах (общемонастырский уровень) олицетворялось для троицких крестьян феодальное властвование. И если на второй стадии развитого феодализма в Троицкой вотчине-сеньории (по источникам в 1590-1630-е гг.) в реализации публично-правовых полномочий преобладало корпоративное начало (поборы и пошлины на сельский управленческий штат), то в дальнейшем, в рамках уже позднефеодального периода возрастают монастырско-централизованные сборы (“за прикащиков и доводчиков доход и стряпческие и дьячии и подьячий деньги” - в источниках 1690-х гг.). В этом смысле крупная Троицкая вотчина-сеньория служит своего рода миниатюрой с общерусского процесса развития системы кормлений ХП-ХУ вв., типологически как государственно-корпоративная форма собственности, восходящей еще к

генезису феодализма и раннефеодальному государству, а по ряду признаков соотносимой с явлениями развитого феодального общества (см. в гл.1 прим.27).

В данной главе были проанализированы существенные черты, необходимые для выведения типологии Троицкой вотчины-сеньории. Помимо преобладания сеньориальной ренты над государственной (вывод о котором был обоснован в 6 главе), это еще и заметный к концу XVII в. удельный вес административно-судебных отчислений в общей массе феодальной ренты. Если в 1620-е гг. сеньориальные поборы и пошлины в вотчине (ее как бы "прямые государственные налоги") составляли не более 3 % в общем доходе, то в конце XVII в. они доходили до 12-18 %. В барщинных комплексах они были выше (12-18 %), чем в чисто оброчных (5-6 %). Следовательно, различие рентного статуса разных вотчин-волостей, о котором шла речь в предшествующей главе, находило выражение и в различии их социально-политического, публично-правового статуса в пределах огромной латифундии. Роль крестьянско-общинных институтов более ощутимой была там, где прерогативы монастырских функционеров являлись более ограниченными, что закреплялось в уставных грамотах самих властей. Отмеченные порядки имели место прежде всего в универсально-оброчных комплексах (см. выше пример по вол.Вохне в конце XVI в. и Хотимской пустыни в конце XVII в.). В целом же можно согласиться с мыслью М.А.Барга о том, что "важным фактором в укреплении обычно-правовой стороны крестьянско-сеньориальных отношений являлась сельская община"[93]

Полагаем, что усиление вотчинно-централизованного начала и сеньориальных платежей в конце XVII в. стало реакцией корпоративного собственника на общее сокращение домениальной пашни и отмену полевой барщины, то есть на объективное ослабление надзора над монастырскими крестьянами. Усиление нажима на них в сфере сеньориального денежного обложения означало сохранение крепостнических основ вотчинного режима в условиях возобладавшей денежно-оброчной формы эксплуатации и ведущей роли крестьянского хозяйства в экономике вотчины (см. выводы из гл.6).

QQQ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами были изучены основные проблемы аграрной эволюции второй по величине (после царского домена) феодальной вотчины России - Троицкой духовной корпорации в эпоху ее наивысшего расцвета, был дан ее системный "портрет". В заключение подведем основные итоги исследования. Научно-познавательное его значение состоит в получении большой совокупности новых конкретно-исторических фактов, ряда источниковедческих, методических, сравнительно-исторических и теоретических выводов, способствующих более глубокому пониманию аграрно-феодального развития нашего Отечества в XVI-XVII вв.

В результате разработки обширного по видовому и количественному составу документов архива Троице-Сергиева монастыря были показаны развитые формы межфеодальной земельной мобилизации в России конца XVI - XVII в., значительное место, занимаемое в церковной и светской вотчинно-сеньориальной системе страны крупнейшим русским монастырем. Место это определялось не только его количественными показателями (землевладение и население), далеко оставляющими позади любой другой русский монастырь, церковную организацию или светского землевладельца. В вотчине Троице-Сергиева монастыря с особой наглядностью были сконцентрированы и наиболее характерные признаки данного типа собственности вообще, и особые, качественные черты, присущие только ей как феномену русского феодализма.

К “общераспространенным” признакам крупной Троицкой вотчины можно отнести ее широкую территориальную рассредоточенность, придававшую ей **всероссийский масштаб,** активную роль господского сектора экономики в земледельческой, торгово-ремесленной и промысловой сферах, а самого собственника - в организации хозяйства тысяч мелких производителей - крестьян, наличие больших ресурсов трудового населения. разнообразие компонентов сельского и городского расселения (многодворные села, торгово-ремесленные слободки, погосты, городские дворы к селам в уезде и пр.). Эти признаки в совокупности своей обусловили большую устойчивость, жизнеспособность крупной Троицкой вотчины перед лицом суровых испытаний смуты и других кризисов, делали ее более оптимальной, приспособленной организацией к ходу разнообразных социально-экономических процессов общероссийского масштаба - углубления общественного разделения труда, земледельческого освоения внутренних и окраинных уездов, развития товарно-денежных отношений, закрепощения крестьянства.

Особое же **качество** крупной Троицкой вотчины заключалось в том, что землевладение Троицкой духовной корпорации в его конкретном проявлении представляло собой многообразие форм расчлененной собственности, в которой тесно переплетались владельческие права и самой корпорации, и ее приписных филиалов, и многочисленных светских контрагентов - условно-служебных, пожизненных либо срочных держателей монастырской земли, и в то же время весьма ощутимо реализовывалось право верховной государственной собственности (контроль за земельными сделками корпорации, практика испомещений - по государеву указу - служилых людей на троицких землях, совладений монастыря и помещиков отдельными селами, земельные обмены и изъятия у нее, широкомасштабные землеописательные работы). С особой предметностью уясняется сословие-монопольный, сословие-корпоративный, сословно-ассоциированный характер феодальной собственности, ее иерархическая структура в России XVI-XVII вв. Земельный фонд богатейшего монастыря зачастую рассматривался (и правительством, и служилыми людьми, и мизерабельными слоями господствующего класса) как своего рода дополнительный резерв для землеобеспечения определенного числа светских феодалов. Возможно, в этом заключается одна из главных черт “феномена Троицы” в истории русского феодализма. Взращивая и приумножая собственную латифундию в течение длительного времени (конец XIУ - первая половина XVII в.) за счет перераспределения земли внутри вотчинной системы, ***такой монастырь*** никогда не переставал делиться этой землей (под своей эгидой, а нередко и с санкции, и по приказу государства) с широкими слоями землевладельцев в России. Учитывать отмеченное зрелое и полное сочленение, взаимопереплетение, взаимопроникновение вотчинно-сеньориальньми государственно-централизованных форм собственности весьма важно для определения общей типологии российского феодализма в XVI-XVII вв., многомерного анализа временной эволюции феодально-корпоративных и феодально-централизованных форм собственности.

Непременным атрибутом крупной Троицкой вотчины было осуществление широкого объема административно-судебных, налоговых, поземельно-хозяйственных и иных распорядительных прерогатив корпоративного собственника над зависимым населением. Фактически оно означало выполнение монастырем государственных, публично-правовых функций на своей территории, обусловленное самой природой его крупной собственности, органическим **единством власти и собственности** при феодализме. Полагаем, что для выведения типологии Троицкой вотчины-сеньории в рамках церковно-монастырской системы в России значимыми, качественными (помимо отмеченной расчлененной структуры собственности) следует считать два установленных нами признака: 1) соотношение монастырской и государственной ренты, о котором говорилось выше в конкретных главах работы; 2) существенный объем чисто сеньориальных, судебно-политических по

происхождению отчислений в совокупной феодальной ренте Троицкой корпорации. Итогом ограничительной иммунитетной политики в отношении последней как крупнейшего экономического звена русской церкви к концу XVII в. не стало изменение соотношения государственной и сеньориальной части феодальной ренты ни в финансовой, ни в судебно-правовой области. Административно-судебный и финансовый иммунитет Троицкой сеньории был столь глубоко укоренен, что даже в начале ХУШ в., в преддверии своего превращения в абсолютистское, государство в России далеко еще не поднялось над многочисленным населением ***такой вотчины-сеньории*** в области управления и финансов.

Крестьянские общины-миры в рамках огромной сеньории территориально совпадали с вотчинными комплексами и обладали определенной совокупностью поземельно-хозяйственных, тягло-податных, административно-судебных полномочий. Верхушка общины в лице своих выборных старост, сотских, десятских, пятидесятских, различных целовальников, польников, отрубщиков и пр. была интегрирована в вертикаль вотчинного управления таким образом крестьянский мир в составе сеньории входил и в общероссийскую систему социально-политического устройства. Своими крайними социальными гранями вотчина-сеньория располагалась: первые персоны монастырского собора - у самой вершины социальной иерархии страны (по 80-100 руб. штрафа за ***их*** бесчестье), ее основание в лице тысяч крестьян-производителей - среди массы им подобных ***великорусских пахарей*** (1 руб. за ***их*** бесчестье по Соборному Уложению).

В эволюции сеньориально-крестьянских отношений **внутри** Троицкой вотчины важный сдвиг происходит во второй половине - конце XVI в. До этого момента они развивались преимущественно на устной основе обычного вотчинного и общинного права, а в дальнейшем нормы сеньориальных и поземельно-рентных взиманий и отношений общин с агентами сельского управления и высшими монастырскими властями начинают регулироваться с помощью **письменных документов** (уставных записей и грамот). Этот же принципиальный сдвиг (содержательно и хронологически) может быть отмечен и по большинству других крупнейших монастырей России (Иосифо-Волоколамскому, Кирилло-Белозерскому, Соловецкому), уставные доументы которых в сравнительном плане были проанализированы в последней главе работы. С конца XVI и в первой четверти XVII в. систематическим становятся и собственные внутривотчинные описания Сергиева монастыря, **независимо** от государственных и **полнее** их фиксирующие состав крестьянского и бобыльского населения вотчины в деревне и городе и нормативы собираемой с него феодальной ренты и государственных платежей. Отмеченными мероприятиями и соответствующей документацией был ознаменован существенный этап во внутренний эволюции крупной вотчины-сеньории, связанный с письменной фиксацией поземельного прикрепления крестьян в рамках ее обширной территории (“крестьянская старина” в деревне и “дворническая старина” в городе) что отнюдь не исключало ни внутрисословной социальной мобильности монастырского крестьянства, ни его широких миграционных потоков, ни значительного объема имущественных прав и размаха торгово-промысловой деятельности у отдельных ее обитателей в деревне и городе. Положение крестьянских общин на огромной территории такой вотчины было весьма различным, находясь в зависимости от издавна сложившихся местных традиций (вотчинного и общинного обычного права), одним из существенных компонентов которого являлся претерпевавший ту или иную эволюцию рентный профиль данного комплекса. Положение это изменялось во времени: полагаем, что до конца XVI 6., в период широко распространенной в Троицкой вотчине барщины статус крестьянских миров был подавленным угнетенным вотчинным режимом. Набирающая силу в дальнейшем денежно-оброчная эволюция значительной части вотчинных комплексов Троицкой латифундии обусловила приобретение крестьянскими общинами сравнительно благоприятного для их жизнедеятельности оброчного правового статуса в рамках огромной

латифундии. Но в целом на фоне меркнущих к концу XVII -началу ХУШ в., слабеющих черт собственно вотчинной экономики, свойств и проявлений Троицкого монастыря как ХОЗЯИНА его качества как ГОСУДАРЯ над всем многочисленным и разнородным населением слабее не становились.

Не раз упомянутая по ходу данной работы феноменальная документированность межфеодальных отношений по Троицкому архиву должна быть отмечена и как фактор формирования **обычно-крепостнических норм,** аккумулируемых в этой сфере, а по времени **опережающих и предшествовавших** общегосударственному их оформлению в Соборном Уложении 1649 г. Можно говорить, полагаем, не о решающем государственном влиянии на процесс закрепощения крестьянства у ***такого*** корпоративного собственника (не игнорируя при этом значения ни землеописательных работ, фиксирующих массу крестьян-дворохозяев, ни правительственного законодательства о сыске беглых троицких крестьян в 1614-1615 гг.), а, скорее, о том, как положение дел у него в вотчине и его собственный статус, возможности в решении крестьянского вопроса повлияли (в том числе и ***психологически)*** на массу служилых людей, в интересах которых и осуществлялся общерусский закрепостительный курс в XVII в. Интонации дворянских челобитных по поводу удлинения и отмены “урочных лет”, содержавшие ссылки на установленные правительством нормативы сыска беглых крестьян для Троицкого монастыря упомянутый психологический настрой отражают вполне отчетливо. На такую полноту прав, как у Троицы, была несомненная ориентация у массы служилых людей, в ней виделся им желаемый вектор развития отношений с собственными крестьянами, а эти массовые настроения, наряду с рядом социально-экономических факторов, не могли не влиять на правительственную политику.

Среди социально-экономических предпосылок нарастания крепостнических норм в России конца XVI - XVII в. барщина на землях Троицкого монастыря не может быть признана ведущим фактором, поскольку в течение XVII в. происходило ее территориальное и количественное, сокращение (прежде всего в центральных уездах, что не исключало заведения ее в ряде новых для монастыря регионов), а к концу XVII в. отчетливо определилась по преимуществу денежно-оброчная (или ***сеньориально-оброчная,*** как точно предложил ее называть Ю.А.Тихонов) эволюция аграрного строя крупной Троицкой вотчины, фиксируемое прежде всего в сфере владельческой эксплуатации. Заметный рост чисто административно-судебных платежей в конце XVII - начале ХУШ в., усиленное обложение корпоративным собственником крестьянских промыслов, торговли - все это и было попыткой удержать крепостнический по природе своей “правовой режим сеньории” (выражение Л.В.Черепнина) в условиях резкого сокращения домениального хозяйства и возросшей экономической деятельности монастырских крестьян.

В полученный “системный портрет” вотчины-сеньории считаем нужным добавить следующие черты, заимствованные из арсенала психологии. С учетом размаха и разнообразия экономической деятельности (и самого Троицкого монастыря, и его многочисленных крестьян и бобылей) эту вотчину в целом можно было бы назвать ***экстравертной,*** распахнутой вовне, открытой (в том числе и для желающих поселиться на территории сеньории новых жильцов). В отношении же основной массы своих ***((старинных крестьян, крестьянских детей, уроженцев Троецкие вотчины”*** (выражение переписных книг 1640-1670-х гг.) эта система ***издавна*** была ***интровертной,*** обращенной вовнутрь к потребностям своего собственного социального устроения, понятого нами, по П.И.Беляеву, **как *прикрепление земледельцев к составу населения сеньории – обширной территориальной единицы, государем в которой был корпоративный собственник.***

Источниковедческие результаты проведенного исследования заключаются в комплексной разработке актовой и хозяйственной, делопроизводственной частей Троицкого архива, в представленных в Приложении 1 Материалах для научно реконструкции

утраченного состава этого архива, в опыте количественного (корреляционного) анализа троицких писцовых и хозяйственных книг. В ходе изучения конкретных вопросов была установлена большая достоверность и полнота информации внутривотчинных описаний по сравнению с официальными писцовыми (первой четверти XVII в. Была также выяснена большая полнота непосредственных переписных книг 1677-1678 гг. по сравнению в итоговыми, сводными ведомостями конца XVII - начала ХУШ в. Сравнительно-историческое изучение разных по происхождению источников, таким образом, становится необходимым для более полного исследования важнейших показателей аграрного и демографического развития России в XVII в.

Типологические и стадиальные наблюдения работы сводятся к тому, что изучаемое время, действительно, было временем полного расцвета вотчинно-сеньориальных форм собственности в России. Сама же эволюция монастырской собственности показывает нам повторение на более позднем витке истории феодальной России эволюции государственно-корпоративной собственности (в нашем случае - монастырско- или **вотчинно-корпоративной)** в сторону наибольшего развития государственно-централизованных ее форм (в нашем случае - монастырско- или **вотчинно-централизованных).** Но если в масштабе страны эта эволюция означала усиление феодально-государственной эксплуатации, преобладание государственной ренты над сеньориальной, то особенность Троицкой вотчины-сеньории, еще раз подчеркивая вывод 6-й главы, сказалась в резком перевесе на протяжении всего изученного периода владельческой ренты над государственной (и на уровне практикуемой окладной единицы - выти, и на уровне отдельного крестьянского двора). Государственная эксплуатация **не сыграла** в аграрной эволюции Троицкой вотчины-сеньории той сдерживающей по отношению к владельческому гнету роли, какая отмечается в научной литературе по отношению к другим русским монастырям и светским феодалам XVII - начала ХУШ в. В результате проведенного исследования у нас возник некий перевернутый, преломленный, отраженный образ ***государственного феодализма*** - его как бы ***сеньориальная модель,*** в которой прикрепление основного производителя было осуществлено по времени ранее, чем в масштабе всей остальной страны, а административно-судебные и финансовые прерогативы земельного собственника столь всеобъемлющи, что по сути своей не оставляли места государственному вмешательству, заменив его собой. Громадная по размаху земельная собственность, до предела обремененная публично-правовыми функциями - таков феномен Троице-Сергиева монастыря в России кануна петровских реформ, сложившийся в итоге длительного собственного развития и эволюции церковно-государственных отношений в ХУ-XVII вв.

Сравнительно-исторические выводы работы заключаются в установлении близкой сопоставимости в ходе эволюции крупной вотчины-сеньории в России и западноевропейских странах в эпоху феодализма. Наблюдаемые нами по источникам их Троицкого архива процессы перестройки вотчинной структуры, особенно в конце XVII в., очень напоминают то, что происходило в Западной Европе и на втором этапе развитого феодализма (Х1У-ХУ вв.) и в раннее новое время (XVI-ХУШ вв.), отождествляемое также с позднефеодальным периодом. Там тоже под воздействием растущих товарно-денежных отношений сокращался домен, развивались разные формы земельной аренды, возрастали оброчные платежи, сеньоры старались усиленно облагать крестьянские непашенные занятия (промыслы, торговлю), с выгодой для себя используя баналитетные права (на мельницы, хлебные печи, виноградные давильни и пр.). Существенное же отличие отмеченной эволюции в странах Западой Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной Европы, с другой, заключалось в том, что в первых она сопровождалась почти полным личным освобождением крестьянства, а во вторых победа крепостнических тенденций ознаменовала завершение зрелого феодализма и переход к познефеодальному периоду.

QQQ

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.46.Ч.1.С.473. Новейшее системное исследование роли природно-климатического фактора в русской истории см.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.,1998.

2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995.

3. Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII-XX вв. Сб. ст., выстVIIл. и воспом.М., 1984. С.311.

ГЛАВА 1.

1. Муравьев В.А. Когда был поставлен вопрос о “русском феодализме” ? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.С.313-321; Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли. И.Н.Болтин. М., 1983.С. 104-108; Котляров А.Н. Историография дворянства и ее место в развитии исторической науки в России в ХУШ в. Томск, 1990.С.71-72,119-120; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. 2 изд.М.,1993.С.248-250, 267-268.

2. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.,1988; Шапиро А.Л. Русская историография. С.625-628. См.также рец.А.Л.Шапиро на издание книг Н.П.Павлова Сильванского: ИСССР.1989. № 2.С.171-174; Черепнин Л.В. К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского средневековья в отечественной историографии // СВ.Вып.32.М.,1969.С.262-270; Лаптин П.Ф. Община в русской историографии последней трети XIX - начала XX в. Киев, 1971.

3. Греков Б.Д. Новгородский дом св.Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины.СПб.,1914; его же.

Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии. Вып.33-34. Л.,1926-1927; (переизд.: Греков Б.Д. Избранные труды. М.,1959 - 1960.Т.1У); Греков Б.Д. Монастырское хозяйство XVI-XVII вв.Л.,1924; его же. Хозяйство крупной русской вотчины XVI-XVII вв. // Изв. РАН. 6-я серия. Т.19.Л..1925.С.247-254.

4. Пресняков А..Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость //ЛЗАК за 1926 г. Вып.1 (34).Л,1927.С.174-192.

5. Греков Б.Д. Очерки по истории феодальной Руси. Система господства и подчинения в феодальной деревне //Изв.ГАИМК.Вып.72.М., 1934; его же. Феодальные отношения в Киевском государстве.М.-Л., 1935 (2-е изд. -1936); его же. Киевская Русь. М.,1949.

6. Юшков С.В. Феодальные отношения в Киевской Руси. Саратов, 1925; его же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.М.,1939; Рубинштейн Н.Л. Нарис Історіі Київськоі Русі. Харьків-Одеса. 1930. Подробнее см.: Данилова Л.В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // ИЗ.Т.76.М.,1965.С.62-119.

7. Черепнин Л.В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV-XVI вв. // ИЗ.Т.9.М.,1940.С.31-80; его же. К вопросу о сравнительно -историческом методе. С.269-270. См.также: Пашуто В.Т., Назаров В.Д. Памяти старшего друга //ИСССР. 1978. № 1. С. 147; Лев Владимирович Черепнин (1905-1977) // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия истории.Вып.14 / ВстVIIит ст.В.Д.Назарова.М.,1983.С.13.

8. Смирнов И.И.О генезисе феодализма // Проблемы истории материальной культуры. 193 3.№ 3-4.С.38-45; его же. С позиций буржуазной историографии (рец. на монографию С.Б.Веселовского “Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси.Т.1.М,1947) // ВИ. 1948. № 10. С.113-124; его же.Заметки о феодальной Руси //ИСССР.1962. № 2.С.138-161; № 3.С.137-162; его же. Очерки социально-экономических отношений Руси ХП-ХШ вв.М.-Л.,1963.

9. Алексеев Ю.Г.Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси ХУ-XVI вв. Переяславский уезд. М.-Л.,1966; его же. Черная волость Костромского уезда ХУ в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России.Сб.ст. памяти И.И.Смирнова.Л, 1967.С.72-84 ; его же. Крестьянская волость в центре феодальной Руси ХУ в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период.Л..1972.С.71-103.

10. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.16.С.310-311; Маркс К. и Ф.Энгельс. Соч. Т.25.С.353-354. Л.В.Данилова считает, что Л.В.Черепнин применил подход, распространенный в 20-50-е гг. в советском источниковедении, когда наличие государственной собственности усматривается в государственных налогах и повинностях (Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси.М., 1994.С.176).

11. Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной земельной собственности на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1953. № 4.С.38-63 (переизд: Академик Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования.Теоретические проблемы феодализма.М.,1981.С. 111-127).

12. Черепнин Л.В.Из истории формирования класса феодальнозависимого крестьянства на Руси //ИЗ.Т.56.М..1956.С.235-264.

13. Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси Х1У-ХУ вв. //ИСССР. 1962. №2-3; Советская историография Киевской Руси.Л., 1978.С. 108- 109; Кочин Г.Е. Сельское хозяйство Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец ХШ - начало XVI в. М.-Л.,1966; Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю //ВИ.1969. № 12.С.57-72; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; его же. Киевская Русь Очерки социально-политической истоии.Л.,1980; Свердлов М.Б.Генезис феодальной собственности в Древней Руси //ВИ. 1978. № 8. С.40-56; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в.Л.,1978; его же.

Крестьяне Русского Севера в XVII в.Л., 1984.Подробный анализ историографии проблемы генезиса феодализма на Руси дан в новейшей книге Л.В.Даниловой о сельской общине (гл.2).

14. Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в 1Х-ХУ вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М..1972. С. 126-251.

15. См. рец. на “Пути развития феодализма” В.М.Бейлиса, В.В.Мавродина, И.Я.Фроянова, И.П.Шаскольского//ИСССР.1974.№ 1.С.194-200.

16. Материалы к биобиблиографии ученых.Вып. 14.С.21; Данилова Л.В. Сельская община.С.188,193.

17. Черепнин Л.В. Вотчинное право на Руси Х1У-ХУ вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб.ст. к 85-летию со дня рожд. акад.Н.М.Дружинина.М.,1971.С.13-25.

18. Покровский Н.Н. К истории крупного светского землевладения в Двинской земле ХУ-XVI вв. // Вестник МГУ, серия история.1956. № 2.С.125-140; его же. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV - начале XVI в. Новосибирск. 1973.С.227- 228.

18а. АИСЗР.1.С.65-71,74-76 (автор текста А.Л.Шапиро); Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М.,1981.

19. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М..1982. с.60-99; Алаев Л.Б. К типологии феодализма на Востоке // Народы Азии и Африки. 1977. № 4.С.67-79.

20. Гуревич А.Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы //ВИ.1968. № 4. С.88-105 (более традиционный взгляд на природу крестьянского аллода см.: Мильская Л.Т. Аллод в системе феодального землевладения // СВ. Вып.50.М., 1987.С. 173-184) ; Барг М.А.О природе феодальной собственности // ВИ.1978. № 7.С.84-104; его же. Категории и методы исторической науки.М,1984.С.238-264

21. Гутнова Е.В.,Удальцова З.В. К вопросу о типологии развитого феодализма Западной Европе // Проблемы социально- экономических формаций. Историке-типологические исследования.М.,1975.С.1П; Барг М.А. Категории и методы исторической науки.С.274-284.

22. Удальцова З.В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций.С. 124-153.

23. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. С.281; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М.,1986. Т.П.С.493-521.

24. Советов П.В.Общее и особенное в развитии феодализма в Молдавии в сравнении с Россией и другими странами Европы и Азии (проблема “государственного феодализма”,

государственной собственности и эксплуатации // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой фодализм). Чтения, посвящ. памяти акад. Л.В. Черепнина. Тезисы докл. и сообщ.ВыпЛ.М., 1988. С. 76-91; Назаров В. Д.,Советов П.В. Государственная феодальная собственность в России и Молдавии в советской послевоенной историографии и труды Л.В.Черепнина // Феодализм в России. Сб. ст. и воспом., посвящ. памяти акад.л.В.Черепнина. М., 1987.С.102-119; Советов П.В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Очерки по истории ренты в XVI - начале ХУШ в. Кишинев, 1980.С.8-11.

25. Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии симп. по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д, 1980. С.21-37.

26. Черепнин Л.В., Назаров В.Д.Крестьянство на Руси в середине ХП - конце ХУ в.; Назаров В.Д. Крестьянство России в XVI - середине XVII в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т.П. С.260-271,273-283,426- 437,440-452 и др.; Назаров В.Д. Государственная феодальная собственность и эксплуатация в средневековой Руси. Проблемы и перспективы (Заметки на полях историографической ситуации) // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Вып. 1.С.68-76 ; его же. Об особенностях феодально-государственной земельной собственности в Новгородской республике // Аграрный рынок в историческом развитии. Тез. докл. и сообщ. ХХШ сессии Всесоюзн. аграрного симп. Вып.2.М., 1991.С.230-231.

27. Назаров В.Д. Государственная феодальная собственность и эксплуатация. С.72-73.

28. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. M.J997.C.146-158.

29. Швейковская Е.Н. Социальные представления черносошных крестьян XVII в.: Земля и власть // Система государственного феодализма в России. Сб.ст.Вып.1. М..1993.С.145-164.

30. Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России.Сб.ст. Вып. 1.М., 1993. С.42,59-61; ее же. Сельская община. С.90,94,173, 175-176.193.

31. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.С.435-437, 465-466.482; “Круглый стол” по обсуждению книги Л.В.Милова // Вестник МГУ, серия история, 1999. № 4.С.99-119 ; его же. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса //ВИ. 1992. № 4-5. С.52; его же. Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) // ИСССР.1989. № 2.С.53.

32.Милютин В.А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862; Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св.Синода (988-1738 гг.).Спб.,1871.

33. Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Соч. в 9 тт. Т.8.Статьи. М., 1990.С.5-30.

34. Доброклонский А.П.Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне. Исторический очерк монастырского хозяйства, суда и управления в связи с положением монастырских слуг и крестьян в XVII в.// ЧОИДР. 1888.Кн. I.С.I-130; Сторожев В.И. К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей. Командировка стольника Н.М.Олфимова // ЧОИДР. 1894.Кн. 1.С. 1-54; Арсеньев Ю. Ближний боярин кн.Никита Иванович Одоевской и его переписка с галицкою вотчиной (1650-1684) //ЧОИДР.1903.Кн.2.С.1-129.

35. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра.М.,1892 (2-е изд. - в 1909); Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века.Т. 1.Вып. 1.СП6,1897 (Вып.2 выйдет в 1910 г.). См. также: Дмитриева З.В.,Крушельницкая Е.В. Академик Н.К.Никольский и его вклад в изучение истории Кирилло-Белозерского монастыря // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып.З. Вологда, 1998.С. 141-150.

36. Воронцова Л.Д. Несколько данных о быте монастырей XVII-ХУШ вв. // Древности. Труды Археографической комиссии имп.Археологического общества.Т.2.Вып. 1.М., 1900.Стб. 15-28.

37.Дьяконов М.А. Отзыв о сочинении Ю.В.Готье “Замосковный край в XVII в.” // Отчет о 49-м присуждении наград гр.Уварова.СПб.,1909.С.б6.

38. Вестник Европы. 1871.Т.1.С.5-49; Т.2.С.465-514; Рубинштейн Н.Л. Иван Егорович Забелин. Исторические воззрения и научная деятельность // ИСССР. 1965.№1.С.54-74.

39. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси.2 изд.СПб,1908.С.2Ю.

40. Беляев П.И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение// ЖМЮ.1916. № 8.С.139-179; №9.С.129-166.У Ключевского, кажется, первого находим определения - “ обычное крепостное право, то есть крепостной факт”, “крепостные обычаи, вкравшиеся в законное крепостное право” (Ключевский В.О. Право и факт в истории крестьянского вопроса //Соч. в 9 тт.Т.8.М.,1990.С.54).

41.Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М.,1926.С.З.

42. ЛЗАК за 1926 г. Вып.1(34).Л,1927.С.180.

43. Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России (1) //
История и историки. Историография истории СССР. Сб.ст.М.,1965. С.270-312; его же. К историографии крепостного права в России (П)//История и историки.Историографический ежегодник. 1972.М.,1973.С. 126-141; его же. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России// История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М.^ 1976. С.I 48-188.

44.Савин А.Н. История одного восточного манора // Сб. в честьр/1.К.Любавского.Пг.,1917.С.249-279; Косминский Е.А. и В.М.Лавровский.История манора Брамптона в Х1-ХУШ вв. //СВ Вып.2.М., 1946.С. 190-221; Ульянов Ю.Р. Оксфордширский манор Уотлингтон в 1086-1300 гг. (К вопросу об эволюции структуры и хозяйственной организации крупной светской вотчины в средневековой Англии) // СВ.Вып.29.М.,1966.С.28-69. См.также: Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики (1917-1966).Л.,1968.С.ЮЗ - прим.25; Барг М.А. Эволюция феодального землевладения в Англии в XI-ХШ вв. // ВИ.1953. № 11.С.97-105; его же. Х1У век в истории Ислип (Оксфордшир). Эволюция поземельных и • рентных отношений с 1379 по 1391 гг. // СВ.Вып.40.М,1976.С.88-110.

45. Беляев И.Д. О поземельном владении в Московском государстве// Временник МОИДР. Т.Xl.М.,1851. С.15-17,57.

46. Ивина Л.И.КрVIIная монастырская вотчина Северо-Восточной Руси конца Х1У - первой половины XVI в. в трудах дореволюционных и советских историков // История и историки. Историографический ежегодник. 1972.М., 1973.С. 146.

47. Рождественский С.В. К истории княжеского землевладения в Северо-Восточной Руси в XVI в. //Записки имп. Русского Археологического общества. Т.УШ.Вып. 1-2.Новая серия. Труды Отделения русской и славянской археологии. Кн.1.1895.СПб,1896.С.1-18; его же. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. // Записки историко-филологического ф-та Санкт-Петербургского университета Ч.43.СП6..1897.С.87.112-113.116-117.119-120.

48. Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М.,1899; его же. Город и деревня в русской истории. 2-е изд.Пг.,1919; его же. Русская история в сравнительно-историческом изучении (Основы социальной динамики). Т. 1У.Ч.1.Пг,1922.С.53.229.

49. Лаппо-Данилевский А.С. Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI-XVII вв. // Историческое обозрение.Т.Ш.СПб., 1891.С.109-133.

50. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М.,1906 (2-е изд. - в 1937 г.).С.341-350; его же. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.С.86-89.

51. Готье Ю.В. Замосковный край. - 1 изд. - С.353,374-375.

52. Сташевский Е.Д, Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Вып.1. Московский уезд.Киев,1907.С.84-86.

53. Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т.1.Киев.1913.С.34,167, 216, 377.

54.Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси.Т. 1.М.. 1947; Смирнов И.И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории.1948. № 10.С.121.

55. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (ХУ-XVI вв.).М.,1985.С.9-11; Кобрин В.Б., В.Б.,Аверьянов К.А. С.Б.Веселовский.

Жизнь.Деятельность.Личность.М.,1989.С.28. См. также : Назаров В. Д.Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.Б.Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978.С.212-230.

56. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение.С. 103-104; его же. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. //ИЗ.Т.Ю.М.,1941. С. 110-114; его же. Из истории древнерусского землевладения // ИЗ.Т.18.М..1947.С.74; его же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 183.

57. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-ХУ вв. М.,1960.С.184, 185,188-189,190,192,208 и мн.др.; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XI У-XVI вв. М.,1966; Бурейченко И. И. Монастырское землевладение и хозяйство во второй половине XI У в. Канд.дисс.М.,1966.

58. Савич А.А. Соловецкая вотчина в ХУ-XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на русском Севере в Древней Руси).Пермь. 1927; его же. Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера в XIУ-XVII вв. // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете.Вып.3. Пермь, 1929.С.47-117; Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII вв. Петрозаводск. 1966.

59. Копанев А.И. История землевладения Белозерского края в ХУ-XVI вв.М.-Л..1951; Горфункель А.Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII в . // ИЗ.Т.73.М..1963.С.219-258; Дмитриева 3.В.Организация обложения в крупной вотчине в XVI-XVII вв. Автореф. канд.дисс.Л.,1986.

60.Тихомиров М.Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Тихомиров М.П.Российское государство в ХУ-XVII вв.М., 1973.С. 120-154; Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // ИЗ. Т. 18.М..1946.С.92-147; Зимин А.А. КрVIIная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец ХУ -XVI в.).М,1977.

61. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси.Т.I.Часть 2; Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII в. (По материалам патриаршего хозяйства).М.,1966; Соловьева Т.Б. Отношения церкви и государства по вопросам землевладения в XVII в. Канд. дисс.М.,1979.

62. Иванов Ю.Н. Феодальное землевладение в Казанской епархии второй половине XVI - XVII в. Автореф. канд. дисс.Казань, 1982. В начале XX в. была издана работа: Покровский И.И.Казанский архиерейский дом. Его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань. 1904.

63. Бочкарев В.Н. Из истории крупной сеньории Верхне-Волжского края (Ярославский Спасский монастырь: его возникновение, расцвет и VIIразднение) //Ярославский край.Вып. 1.Ярославль. 1929.С.37-43 ; его же. Население одной из Верхне-Волжских монастырщин в исходе XVII в. //Ярославский край.Вып.2.Ярославль. 1930.С.113-133. См. также : Черкасова М.С. Землевладение Спасо-Ярославского монастыря в X1У-XVI в. // Ярославская старина. Вып.3.Ярославль, 1996. С.23-32.

64. Захаров А.Н. Землевладение Костромского Троице-Ипатьева монастыря в ХУ-XVI вв. // Проблемы истории СССР.Вып.Х1.М..1981.С.22-29.

65. Пономарева И.Г. КрVIIная вотчина Тверского края в ХУ - начале в. (По материалам Троицкого Макарьева Калязина монастыря).Автореф. канд. дисс. М.,1987.

66. Коркина О.Ю. Ранние страницы истории Краснохолмского Николаевского монастыря // Бежецкий край. Материалы 1-ой научно-практич. конф.Бежецк. 1994.С.1-8.

67. Бакланова Н.А. Формы эксплуатации в хозяйстве Воскресенского монастыря во второй половине XVII в. // Аграрный строй феодальной России в ХУ - начале ХУШ в. Сб.ст.М.,1986.С.132-152; Тимошенкова З.А.Из истории крестьянского хозяйства Иверского монастыря вовторой половины XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России.Сб.науч.тр.Калининград, 1984.С.8-13.

68. Ивина Л.И. КрVIIная вотчина Северо-Восточной Руси конца Х1У -первой половины XVI в. Л.,1979.

69. Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР ГБЛ. Вып.25.М,1962.С.289-322.

70 Чекунова А.Е.Вотчинное хозяйство и монастырские крестьяне в конце XVII - первой четверти ХУШ в. Канд.дисс.М.,1979.

71. Дементьев Е.И. Савво-Сторожевский монастырь и его крестьяне во второй половине XVII в. Автореф. канд. дисс. М.,1984.

72. Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство в XVII в. (По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря).М.-Л.,1959; Лохтева Г.Н. Монастырское хозяйство в XVII в. По материалам Троицко-Гледенского монастыря. Автореф.канд.дисс.М., 1964.

73. Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в Х1У-ХУ вв.М., 195 5; Назаров В. Д. Из истории землевладения и хозяйства монастырей Новгорода в ХУ в. (К особенностям новгородской социальной структуры) // Аграрный строй феодальной России.Сб.ст.М., 1986.С.26-54; Васильев Ю.С. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле в ХУ-XVII вв. Автореф. канд. дисс.Л.,1971; Иванов В.И. Монастырские крестьяне Поморья в XVII в. Автореф. докт. дисс.М.,1993 ; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М.,1976; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений.М.,1977; Соколова Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство Нижегородского края в XVII - первой половине ХУШ в. Автореф. канд. дисс. М.,1990; Дубман Э.Л.Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне Сибири в XVII-ХУШ вв. Красноярск, 1983; Покровский Н.Н. Начало вотчин Тобольского Софийского дома//ВИД.Вып.26.СПб.,1998.С.173-184.

74.Горфункель А.Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря.С.246-246; его же. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. Канд.дисс.Л.,1956; АИСЗР - 1 У.С, 110-112 (текст З.В.Дмитриевой). См. также Заключение к тому А.Л.Шапиро (С.115).

75. Колесников П.А. Северная деревня в ХУ - первой половине XIX в. (К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве).Вологда. 1976.С.42.

76. Преображенский А.А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII - начале XIX в // ВИ. 1977. № 5. С.45-62; его же. Структура земельной собственности в России XVII-ХУШ вв.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. Таллин, 1971. С. 124-130; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России.М.,1980.С. 108-109,167-171, 316-прим.35 (со ссылками на исследования Е.И.Индовой, Я.Е.Водарского, А.А.Новосельского); Соловьева Т.Б. Указ.дисс.С.188-190-табл.5.

77. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII - первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 198 8. С. 2 36.

77а. Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII - начале ХУШ в. // Историческая география России. ХП - начало XX в. Сб. ст. к 75-летию Л.Г.Бескровного.М.,1975.С.71-96; его же. аселение России в конце XVII - начале ХУШ в. (Численность, сословно- классовый состав, размещение).М., 1977; его же.Землевладение русской церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI - начало XX в.) // Русское православие: Вехи истории. М., 1989.С.539-540.

78. Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от “смутного времени” до кануна Петровских реформ. Л.,1986 (рец. О.А.Шватченко в ж. ИСССР.1990. № 1. С.207-211); АИСЗР.1У.С.67-69.

79. АИСЗР. 1У. С.94-95,107-109.

80. Милов Л.В.,Булгаков М.Б.,Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в. Историография, компьютер и методы исследования. М.,1986.С.278,285,287.

81. Шватченко О.А. Размещение и структура вотчинного землевладения в первой трети XVII в. // ИЗ.Т.115.М..1987.С.286-307; его же.Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в.М., 1990; его же. Образование единого Российского государства и изменения в статусе вотчины в XVI-XVII вв. // Система государственного феодализма.Сб.ст.Вып.1.М.,1993.С.I 15-144.

82. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. (Историко-географический очерк).М., 1996.С.213-214.

83. Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.-Л., 1929; Заозерский А. И. Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича.М.,1937; Заозерская Е.И. Из истории феодальной вотчины и положения

крестьян в первой половине XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. С6.1У.М..1960.С.29-66.

84. Прокофьева Л.С. “Хлебный бюджет” крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России.Сб.ст.Л,1967.С.98-114.

85. Колычева Е.И. Аграрный строй России в XVI в.М., 1987.

86. Дмитриева З.В. Организация обложения в крупной вотчине XVI-XVII вв.; ее же. Земельные переделы XVI в. (По материалам вотчин Кирилло-Белозерского монастыря) // Russia Mediaevalis. T. VII. Munchen, 1992. S.I 12-120; Шапиро А.Л., Дмитриева З.В. Выть - единица обложения в Русском государстве ХУ-XVII вв. // Средневековая Русь.Сб.ст. к 65-летию проф.Р.Г.Скрынникова.СПб,1995.С. 94-135 ; Дмитриева З.В. Вытная книга 1665 г. келаря Кирилло-Белозерского монастыря старца Матфея Никифорова // Русь и южные славяне.Сб.ст. к 100-летию со дня рождения В.А.Мошина.СПб.,1998.С.371-378.

87. Шапиро А.Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960 г. Киев, 1962.С.207-217.

88. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России. С.340-341.

89.Тамже.С.343.

90. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII - начало ХУШ в.М., 1976.С.9,197-21 ; ее же. Государство и крестьяне России.С.155-175.

91. Тимошенкова З.А. Из истории крестьянского хозяйства Старорусской вотчины Иверского монастыря во второй половине XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1984.С.8-13; ее же. Арендные отношения в Старорусском уезде в 50-80-е гг. XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России в XVII -XIX вв. Л.,1983.С.28-37; АИСЗР.Т.П.С. 132-135 (автор текста об аренде крестьян Старорусского и Новгородского уездов в XVI в. З.А.Тимошенкова).

92. Шабанова А.М. Землепользование крестьян Присвирья в XVII в. // Там же.С.38-42.

93. Иванов В.И. Монастырские крестьяне Поморья. Автореф. докт.дисс.С.52.

94. Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине ХУШ - первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых).Л.,1981 ; Александров В.А. Сельская община в России XVII - начала XIX в. М.,1984; Вдовина Л.Н. Крестьянская община и вотчина в Центральной России в первой половине ХУШ в.М., 1987; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М.,1994; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне в России.

95. Бессмертный Ю.Л. Северофранцузский серваж (К изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян) // СВ.Вып.33.М., 1971.С.91; Хвостова

К.В.Количественный подход в средневековой социально-экономической истории.М., 1980.С.39-40.

96. Горская Н.А., Маньков А.Г.,Панеях В.М.,Свердлов М.Б., Юргинис Ю.М. Советская литература 1970-1975 гг. по истории сельского хозяйства и крестьянства 1Х-XVII вв. // И СССР.1977. № 3.С.89; Горская Н.А.,Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-запада России // ИСССР.1982. № 2.С.78.

97. Тихонов Ю.А. Феодальная рента в Центральной России (конец XVI - первая половина XVII в.) //ВИ.1972. № 10.С.41-57; его же. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII - начале ХУШ в.М.,1974. С.35-37.

98.Тамже.С.21,31-32.

99. Эволюция феодализма в России.С. 178.

100. Горская Н.А.Монастырские крестьяне С. 342-343; Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне. С.304-305; Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти ХУШ в. М., 1979.С. 158-159,259.

101. Назаров В.Д.,Тихонов Ю.А.Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. // ИСССР.1977. № 4,С.157.

102. Андреев И.Л, Развитие крепостного права в России в 20-40-е гг. XVII в.Канд.дисс.М.,1982.С.173.

103.Иванов В.И.Монастырские крестьяне. С.47-48.

104. Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII в. С.40,52,57,65 и гл.4; его же Эволюция категорий крестьянства в XVII в. (Теоретико-историографический очерк) // ВИ. 1965. № 9.С.57.

105. Тихонов Ю.А.Помещичьи крестьяне. С, 300-3 01 ; Эволюция феодализма в России.С. 227, 251,258 (автор текста - А.А.Преображенский).

106. Эволюция феодализма в России.С.47 (автор текста - Ю.А.Тихонов).

107. Носов Н.Е.Русский город и русское купечество в XVI в. (К постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России. Сб. ст. памяти Б.А.Романова.Л.,1971.С.152-177 ; его же. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси (К постановке вопроса) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. С.44-71 ; Назаров В.Д. О некоторых вопросах ленинской теории классовой борьбы русского крестьянства в эпоху позднего феодализма //Актуальные вопросы истории России эпохи феодализма.Сб.ст.М.,1970.С.350; Курмачева М.Д., Назаров В.Д.Советская литература 1971-1972 гг. по истории России до XIX в. // ИСССР. 1974. № 1.С.186.

108. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. - 1 изд.М.,1946.

109. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVII в.М., 1970.

110. Данилова Л.В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М.,1970.

111.Абрамович Г.В. Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины в поместном хозяйстве XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига, 1977.С. 14-30.

112. Курмачева М.Д., Назаров В.Д. Указ статья.С.187; Назаров В.Д., Пашуто В.Т.,Черепнин Л.В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии // ВИ. 1976. № 4.С.36.

113. Эволюция феодализма в России.С.51-52 (автор текста - Ю.А.Тихонов).

114. Шапиро А.Л. О причинах закрепощения в России XVI в. //Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972.С. 130-135; его же. Русское крестьянство перед закрепощением (ХУ-XVI вв.).Л.,1987.С.223-233 ; АИСЗР.Т.Ш.С.180-199.

115.АИСЗР. 1У.С.183-184.

116. Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма.С.40-41.

116а. Каштанов С.М.Финансы средневековой Руси.М., 1988.С.242.

117. Петров В. Соборное Уложение 1584 г. об отмене тарханов // Сб. ст. по русской истории, посвящ. С.Ф.Платонову. Пб., 1922. С. 193-194,200.

118. Флоря Б.Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений.Сб.ст.М.. 1973.С. 176-204; Колычева Е.И. Аграрный строй.С.С.121-168; Тебекин Д.П. Перечень иммунитетных грамот 1584-1610 гг.Ч.1 //АЕ за 1978 г.М.,1979.С.192; Павлов А.П.К вопросу об отмене тарханов в 1584 г. // Россия Х-ХУШ вв. Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. пам. А.А.Зимина. М.,1995.С.408-411.

119. Назаров В.Д. Из истории внутренней политики России в начале XVII в. //ИСССР. 1967. № 4. С. 95, 103 - прим.84.

120. Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в Сыскных приказах в 1620-1630 гг.М.,1907.

121. Незабитовский В.А. О податной системе в Московском государстве со времени установления единодержавия до введения подушного оклада Петром Великим. Киев, 1884.С.6.

122. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т.1.С.418-419; его же. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.С.68,127.

122а. Соловьева Т.Б. О взаимоотношениях царской власти и патриаршества по земельному и финансовому вопросам во второй половине XVII в. в России // Вестник МГУ, серия история. 1978. № 5. С. 60-72.

123. Булыгин И.А. Борьба государства с феодальным иммунитетом // Общество и государство феодальной России. Сб.ст., посвящ.70- летию акад.Л.В.Черепнина.М.,1975.С.327-333; Седов П.В. Борьба крупных монастырей против отмены тарханов в 1670-е гг. // Историческое, культурное и духовное наследие Кирилло-Белозерского монастыря. К 600-летию основания.СПб., 1998.С.34-49; См. также: Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в.СПб,1999.С.119- 121.

124. Шаховская Н.Д. В монастырской вотчине XI У-XVII вв. (Св. Сергий и его хозяйство).М.,1915. Подробнее об историографии Троицкого монастыря см.: Черкасова М.С. Землевладение ТСМ.С.13-22.

125. Собр.МДА. Карт.323.7.

126. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера “Of the Russe Common Wealth" как исторический источник.СПб.,1891.С.29-30 - прим.2; 193-194, 197-198.

127. Черкасова М.С. Землевладение ТСМ.С.171-174.

128. Каптерев П. Из истории Троицкой Лавры // Троице-Сергиева Лавра.Комиссия по охране памятников искусства и старины. Б.м.,1919.С.41.

129. Смирнов М.И. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде в ХУ-ХУШ вв. // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Вып. 6-7. Прошлое переславль-залесской деревни. Переславль-Залесский. С.4-165; его же. Феодальные владения переславских и иногородних монастырей в Переславль- Залеском уезде Х1У-XVII столетий // Там же. Вып.12.Переславль-Залесский. 1929. Написание города и уезда должно быть именно ПЕРЕСЛАВЛЬ, а не Переяславль. Так город и музей называются и сейчас. Такая форма избрана во всех работах С.М.Каштанова. Ее и мы придерживаемся на всем протяжении данной работы.

130. ГАЯО. Р-913 -рукопись в 624 лл.

131. Черепнин Л.В. Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в. // Уч. зап. Института истории РАНИОН.Т.VII.М,1928.С.100- 116.

132. Маньков А.Г. Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. // Уч. зап. ЛГУ. № 80, серия историч.наук.Вып 10.Л., 1941.С.45-74.

132а. Новосельский А.А. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды МГИАИ.Т.2.М, 1946.С. 127-152.

133. Андреев И.Л. Указ.соч.С.44,53-54,123,138,144,197 - прим.27 и 29; Каштанов С.М. Отдаточная книга Троице-Сергиева монастыря 1649-1650 гг. // Историч. архив.Т.УШ.М., 1953.С. 198-220 (подл.: АТСЛ.Кн.574).

134. Кириченко Л.А. Актовый материал 1584-1641 гг. о расширении землевладения Троице-Сергиева монастыря в Московском, Дмитровском, Переяславском уездах // Исторической источник: Человек и Пространство. Тезисы докл. и сообщ.науч.конф.М.,1997.С.167- 169; ее же. Промысловые владения в вотчине Троице-Сергиева монастыря по актовому материалу 15 84-1641гг. // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1998.С.20-34.

135. Николаева С.В. Состав монашеской братии Троице-Сергиева монастыря в XVII в. // Там же.С.34-55; 127 ; ее же. Вклады и вкладчики в Троице-Сергиевом монастыре XVI-XVII вв. (по вкладным книгам XVII в.) // Церковь в истории России.Сб.2.М., 1998.С.81-107.

136. Соловьева Т.Б. Пути роста городских владений церкви в России в первой половине XVII в. // Русский город. Вып.9.М.,1990.С.228-246.

137. Державина О.А. "Сказание" Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М-Л., 1955; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.3 (XVII в.).Ч.1.А-З.С.36- 44,274-276; Клитина Е.Н. Симон Азарьин (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ.Т.34.Л..1979.С.298-312; Тюменцев И.О. истории создания "Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря"Авраамия Палицына // Средневековая Русь. Сб.науч.ст.СПБ.,1995.С.42-51; его же. Социально-политическая борьба в России и оборона Троице- Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. Автореф. канд.дисс.Л.,1989; Клосс Б.М. Заметки по истории Троице-Сергивой Лавры ХУ-XVII вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1998.С.4-11; Клосс Б.М. Избранные труды. Т.I. Житие Сергия Радонежского.М., 1998.

138.Большакова Н.В. Вотчины Троице-Сергиева монастыря по реке Клязьме на юге Покровского уезда Владимирской губернии с конца XVI до 1764г. М.,1999.

139. Gonneau Pierre. La maison de la Sainte Trinite- un grand-monastere russe du moyen age tardif (1345-1533). Paris, 1993.

140. R.E.F.Smith. The enserfment of the Russian Peasantry. Cambrige,1968. N14,17,19,22-24; R.E.F. Smith. The Origines of Farming in Russia. Paris, 1959;Mavor J. An economic history of Russia. New York,1965/Vol.l; Miller D.Motivs for Donations to the Trinity-Sergius Monastere 1392-1605. Jender Mattrers // Essays in Mediaeval Stadies, 14 (1998).P.91-106; Steindorf L.Memoria in Altrussland. Unrersuchungen su den Formen christlicher Totensorge Stuttgart, 1994; Штайндорф Л. Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей в Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиевой Лавры и из Иосифо-Волоколамского монастыря) // Междун. конф. “Троице-Сергиева Лавры в истории, культуре и духовной жизни России”. Сергиев Посад, 1998.С.27-29.

QQQ

ГЛАВА II.

1. Каштанов С.М. Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981г.М.,1982.С.26-51.

2. Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления в Х1У-ХУ вв.СПб.,1998.С.275-276.

3.Успенский Н.П. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря // ЧОИДР.1897. Кн. 1.Отд. 1У.С. 1-58; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С.Н.Богатырева.М.,1996.С.13-14;Греков Б.Д. Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря //ЛЗАК за 1923- 1925 гг.Вып.ЗЗ.Л.,1926.С.82-85.

4.Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891.С.64; Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 2-е изд.М.,1909.С.268; Голубцов И.А. Археографическое введение // АСЭИ.Т.1.С.23; Веселовский С.Б Крепостной архив Троице-Сергиевой Лавры // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1979.С. 150-156.

5. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.2.М.-Л.,1951; Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики.М.,1970; Амосов А.А. Архивы двинских монастырей. Автореф. канд. дисс. М..1975; Тутова Т.А. Из истории архива Соловецкого монастыря // АЕ за 1983 г.М., 1985.С.58-67.

6.Веселовский С.Б. Крепостной архив. С. 153.

7. Зимин А.А. КрVIIная феодальная вотчина.С.21.32.

8. Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. С. 276; АСЭИ.Т.1. № 37,53,61,65,66,70,80,86,88,89,178

9. Алексеев Ю.Г. Указ. соч.С.274; АСЭИ. Т.I. №233,255,256,269,272,290,306,343,344,370,375,371,372,438,447,490.

10. Там же. № 306, 375, 407,410, 437, 450,509.

11. Там же. № 559,597,623; ААЭ.Т.1. № 244. В Кирилло-Белозерском монастыре в ХУ в. печати келарей и игуменов отличались конкретным, именным характером (АСЭИ.Т.П. № 54,148,208,268).

12. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч.2.Гл.1 ; его же. У истоков архивоведения и актового источниковедения (“практической дипломатики”) в России (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в ХУ -начале XVI в. // Вопросы архивоведения. 1963. № 1.С.53; Каштанов С.М.Русская дипломатика. М..1988.С.29, 32 - прим.З; Описание документов XIV- XVII вв., содержащихся в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря. СПБ,1994.С.З-7.

13. Каштанов С.М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // ЗОР ГБЛ.Вып.18.М..1956.С.22-24. Н.Там же.С.24-25,46.

15. Ивина Л.И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI-XVIIв в. // ЗОР ГБЛ. Вып.27.М., 1965.С.158.

16. Каштанов С.М. Копийные книги. С.34-3 8.

17.Тамже.С.46-47.

18. Ивина Л.И.Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. // ГБЛ. Вып.24.М, 1961. С. 20-21.

19.Тамже.С.25.

20. АТСЛ.Кн.528.Л.4-4об.; Ивина Л.И. Копийные книги. С.7 - прим.8.
Арсений, иером. Две жалованные грамоты имп. Елисаветы Петровны Троице-Сергиевой Лавре на все монастырские владения //ЧОИДР.1865. Кн. 1 У.С.I 21-122.

21. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг.,1920.С.114; Ивина Л.И. Копийные книги. С.26.44.

23. Веселовский С.Б Крепостной архив.С. 154.

24. АТСЛ.КН.656.Л.1.

25. Медведев И.П. Византийские и поствизантийские копийные книги // ВИД.Т.VI.Л.,1974.С.309-310; Каштанов С.М. Русская дипломатика. С. 31.

26. Веселовский С.Б. Крепостной архив.С. 154.

27. АТСЛ.Кн.660.Л.6,9,29об.,48,53об.

28. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы.Ч.2.С.39 - прим.2: Ивина Л.И.Троицкий сборник материалов. С. 153.

29. АТСЛ. Кн.637.Л.227; Ивина Л.И. Копийные книги. С.8 - прим.16.С.15 - прим.41.

30. Кн.637.Л. 232-233об.; подл. выпись - АТСЛ. № 438.

31. Кн.637.Л.242об.-243.

32. **См.,** например: кн.637.Л.235 и кн.658.Л.ЗО - № 84; Кн.637.Л.240 и кн.658.Л.90-№32.

33. Кп.659.Л.15об,139об,189.

34. Тамже.Л.80,107-109.

35. Кн.658.Л.23; Кн.659.Л.54об,138об.

36. Тамже.Л.219об.

37. Законодательные акты Русского государства. Тексты. № 117; Комментарии. С. 14 5 (автор - А.И.Копанев).

38. АТСЛ.Кн.658.Л.118об.,161,241 об. (десть - формат бумаги, равный полулисту).

39. Кн.659.Л.послел.144.151.159,169об.

40. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.,1987. Предисловие. С.5; Клитина Е.Н. Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. //ТОДРЛ.Т.26.Л.. 1971.С.287-289.

41. Архив РАН. Ф.620 (С.Б.Веселовский). Он. 1.Кн.339 (ученый копировал кн.658 в 1926-1927 гг., составив также именной и географический указатель к ней).

42. Каштанов С.М. Русская дипломатика. С. 30.

43. Шумаков С. Тверские акты. Вып.2.Тверь. 1896.С.77-80; Сборник ГКЭ.Т.П.Л,1929.№74.

44. Веселовский С.Б. Крепостной архив.С. 154; Черепнин Л.В. Русские феодальные архиы.Ч.2.С.29-53; Ивина Л.И. Троицкий сборник материалов. С. 159.

45. АТСЛ.Кн.664.Л.18,34,180об.

46. Арсений, иером. Доклады, грамоты и другие акты о служках Троицкого Сергиева монастыря. М., 1868.С.64.

47. Каштанов С.М. Копийные книги. С.31-32; Ивина Л.И. Копийные книги.С.23; ее же. Троицкий сборник материалов. С. 160.

48. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие ХУ-XVII вв.М.,1975.С.119.540; АТСЛ.Кн.637.Л.214; Кн.536.Л.483,509об.; Ивина Л.И. Копийные книги.С.26-27.

49. АТСЛ. Кн.637. Л.210об., 216; Арсений. Доклады.С.64.

50. АТСЛ. Кн.536.Л.483.

51. Описание документов... Кирилло-Белозерского монастыря. СПб.,1994 (170 номеров из 1847).

52. Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина. С.29.

53. РГАДА. Ф.ГКЭ по Старице кн.11645. по Холмогорам кн.14385; АТСЛ.Кн.615.

54. Иванов П. Описание Государственного архива Старых дел. М.,1850.С.208-212,229-242,248-257; Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах ХУ в. СПб.,1909; Сборник ГКЭ.Т.I. № 334 ; ГВНП. № 239.

55. РГАДА. Ф.248 (Сенат). Кн.248,763; Ф.1204 (Троице-Сергиева Лавра). Оп.1. Ч.ХУ.Кн. 23981-23983, 25468, 25482 (см.: Каштанов С.М. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) // ЗОР ГБЛ.Вып.43.М.,1982.С.8 - прим.23; С. 15 - прим.36); РГАДА.Ф.ГКЭ по Бежецку кн. 1444-

1445; по Дмитрову кн.3875; по Казани кн.6682; по Соликамску кн.11261; по Свияжску кн.11466 ; по Твери кн.12556 ; Ф.1209 (Поместный приказ). Кн.703.Л.Ю68-1160.

56. Греков Б.Д. Описание актовых книг, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии //ЛЗАК за 1915 г. Вып.28. Пг., 1916. С.81 - № 42.

57. ГКЭ по Ростову кн.10768.10769.

58. ГАТО. Ф.103 - Колл. Тверской ученой губ. архивной комиссии. Кн.1884а.Т.П.Л.108-214; Кн.1936.

59. Рубцов В.М. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в ХУ-XVI вв. (Документы на земельные владения Троице-Сергиевой Лавры в пределах Тверского края). Вып.2. Старица. 1905; Журнал 103-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 23 июня 1907. Тверь, 1907.

60. См.: Черкасова М.С. Акты Троице-Сергиева монастыря Х1У-XVI вв. как источник по истории его землевладения // Вестник МГУ, серия “история” 1981.№4.С.71-82.

61. Веселовский С.Б. Крепостной архив. С. 152.

62. См., например: АТСЛ. № 990.

63. АЕ за 1957 г.М,1958.С.302-376. № 1-595; АЕ за 1960 г. М.,1962. С.129-200. № 596-1139; АЕ за 1966 г.М,1968.С.197-253. № 1-519; АЕ за 1978 г.М.,1979. № 1-325; АЕ за 1979.М..1981.С.210-255. № 326-714.

64. Тебекин 1. № 45,90,98,100,101,114,120,122,126,137,139-141,1ё43-145,165,178,190,200,212,216,228,229,241,244,249,264,266,274,299,304,3 09,31 9,321,322; Тебекин П. № 327,349,367,373,385,391,397,406,414,428,429,432,435,444,452,453,458,472,48 6,544,546,547,55,553,586,600,617,637,645,665,690-692.

65. Тебекин П. № 321,553.

66. Там же. №137,140.

67. Каштанов С.М. Финансы средневековоо Руси. М..1988.С.242-243.

68. Черкасова М.С. К изучению финансового статуса русских монастырей в XVI-ХУ вв. (по актовому материалу) // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998.С.83-84 - табл.2

69. Веселовский С.Б. Крепостной архив. С. 152 ; АСЭИ. Т.I. № 532; ХП.П. № 1135; ГКЭ по Владимиру № 1854,1859 (ХП.П. № 1134 - с указанием только на список - АТСЛ.Кн.527.Л.336-336об.).ГКЭ по Галичу № 3420 ; ОР РГБ. Ф.57 (Волынские). Карт.11. № 10.

70. АТСЛ.Кн.519.Л.127-131 (ХП.П. № 1045).

71. СПФИРИ РАН. Колл.115.Кн.5.Л.245об.; ГКЭ по Твери № 12566,12567.

72. Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России // Соч. в 9 тт.Т.8.М.,1990.СМ.167-168; Беляев П.И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение //ЖМЮ.1916. № 9.С. 143,145

73. ГКЭ по Костроме №5174 (1621 г.); по Коломне кн.6367.Л.85об.

74. ГКЭ по Переславлю № 9154; кн.9370.Л.554-556; АТСЛ. Кн.536.Л.169-172.

75. РГАДА. Ф.248 (Сенат). Кн.809.Л.186-187.

76. ГКЭ по Галичу № 3492; по Переславлю № 9054,9060; по Костроме № 5197; по Ниж.Новгороду № 8043; по Вологде № 2737; Ф.248. Кн.809.Л..260-261об.;232-232об. ; АТСЛ.Кн.553.Л.93-об.

77. Кн.809.Л.370об.-371об.

77а. См.: Злотников М.Ф.Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московско Руси // Историческое обозрение.Т.XX1.Сб.ст.,посвящ.А.С.Лаппо-Данилевскому.Пг.,1916.С.85-86; Введенский А. Трудовая деятельность стряпчих в севернорусских монастырях.Вологда,1923.

78. Каштанов С.М. Копийные книги.С.36-37; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера. Л., 1978.С. 199; Черкасова М.С. Землевладение ТСМ. С. 154; Кириченко Л.А. Промысловые владения. С.28-29.

79. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России в X1У - начале XVI в. Новосибирск, 1973.С.47-48.

80. Сборник ГКЭ.Т.1. № 301-307.

81. Копанев А.И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Т. VI.Л.,1974.С.158 и прим.31.

82. ГКЭ по Коломне кн.6367.Л.91об. (30 сентября 1649 г.).

83. Веселовский С.Б. Крепостной архив.С. 152.

84. ГКЭ по Мурому кн.7878.Л.131об.-133; по Переславлю кн.9370.Л.549.

85. ГКЭ по Дмитрову № 3914; по Переславлю № 9079,9165, 9187; АТСЛ.Кн.545 (Суздаль).Л.180-181.

86. Сборник ГКЭ.Т.1. № 581; АТСЛ.Кн.536.Л.169-172; ГКЭ по Нижнему Новгороду № 8014.

87. Дьяконов М.А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения Московского государства XVI-XVII вв. Вып.П. Юрьев. 1895. № 42,44.45,47- 50,56,65,71.

88. ГКЭ по Ниж. Новгороду № 8776 (на об. пометка о явке этой поступной записи 19 сентября 1700 г. в приказе Большого Дворца Т.Н.Стрешневу).

89. Каштанов С.М. Русская дипломатика. С.26-27; его же. Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. М., 1982.С.41.

90. АТСЛ. Кн.639.Л.39-об.

91. ГКЭ по Старице № Ц675; Юрьеву № 14563; АТСЛ. № 283,304,334; Кн.530.Л.47об.

92. ГКЭ по Переславлю № 8986.

93. Вклад.кн.Л.635об.

94. Сазонов С.В. К проблеме восприятия смерти в средневековой Руси // Русская история: проблемы менталитета. Тез. докл. науч.конф. М., 1994.С.47-52; Алексеев А.И. Иосифлянство и нестяжательство в свете поминальной практики ХУ в. // Первые Дмитриевские Чтения. Материалы науч. конф.СПб.,1996.С.78-91; Черкасова М.С. Феодальная вотчина ХУ- XVII вв.: духовные факторы эволюции // ИКРЗ.1995. Ростов, 1996.С.24-34.

95. АТСЛ. Кн.604.Л.141 (печать дворцового старца Ионы Голицына).

96. ОР РГБ. Ф.67 (Я.П.Гарелин). Карт.10. № 30,32,33; Карт.27. № 12-15,27- 29,31-35;41,61; Ф.204 (ОИДР). Карт.42. № 43; Карт.22. № 2; Борисов В. Старинные акты к описанию г.Шуи.М.,1853. № 27,171; Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1903.Вып.3.С.65; Вып.6. С.32; Сборник актов Северного края XVII-ХУШ вв. / Сост. И.Суворов. Вологда, 1926. № 5,7,10.

97. Крестьянские челобитные XVII в. Из собрания Государственного Исторического музея. /Отв. ред. Е.И.Индова.М.,1994.

98. Раскин Д.И. Мирские челобитные монастырских крестьян первой половины ХУШв.//ВИД.Т.VI.Л.,1974.С.175-185.

99. Черкасова М.С. Денежные и хлебные долги крестьян Троице-Сергиева монастыря во второй четверти XVII в. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тез. докл. и сообщ. ХХШ Всесоюзн. Аграрного симп.М.,1991. Вып.2.С.249-253.

100.Иванов В.И. Монастырские крестьяне. С.9.

101.Дмитриева З.В. Житничные целовальники в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз.сб.науч.тр. Калининград, 1984.С. 104-108; ее же. Крестьянская община в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. // Александр Ильич Копанев. Сб. ст. и воспом.

СПб.,1992.Сэ.174-185; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М.,1976.

102. ПСЭИ. С.263-267,290-292; Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М.,1906.С.39-42,213-215,222,231,250-251; Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М.,1912.С.15-16; Веселовский С.Б. Сошное письмо. М..1915.Т.1.С.218; Смирнов М.И. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде.С.6-7; Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.С,100-прим. 101.

103.ПСЭИ.С.263-267; ГКЭ по Костроме кн.5162 ; по Юрьеву кн. 14600 - подл. с подписями писцов Ю. Редрикова, В. Архипова и скрепой дьяка Сыдавнего Васильева).

104.РГАДА. Ф.1209, Кн.258.Л.130 - “Книги Замосковные 5 городов”, л. 18 7г - “Троецкая”.;АТСЛ.Кн.532.Л.1259об.

105.ГКЭ по Бежецку кн. 1445 (скрепа секретаря Вотчинной коллегии А. Дедерева и справа канцеляриста А.Охлебинина) ; Ф.1204. Оп.1.Ч.ХУ.Кн.23983 (подпись архивариуса Дм. Тележникова) ; АТСЛ.Кн.532.Л.1359.

106.ПСЭИ.С.280-286 (опубл. по кн.575.Л.43-48,248об.-257об.); ГКЭ по Бежецку кн.1445.Л.180-180об.

107.ПСРЛ.Т.Х1У. 1-я половина.СПб.,1910. С.137-138; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.Д990.С.154-157; РИБ. Т.35.Архив П.М.Строева. Т.2.Пг.,1917.Стб. 422,428,432 ; Борисов В. Акт об опустошении Шуйского уезда поляками и русскими в 7124 г. // ЧОИДР.1847.Т.Ш.С.88; Черкасова М.С. “Война А.Лисовского” и дозоры Троицких вотчин в 1616-1617 гг. // Рефераты докл. и сообщ.У-го Всеросс. научно-практич. совещания по вопросам издания и изучения писцовых книг и др. историко-географических источников. СПб.,1993.С. 16-20.

108.РГАДА.Ф.1209. Кн.498; АТСЛ.Кн.532.Л.1359об.; Кн.637.Л.71,118-125об.,140-145.

109.Черкасова М.С. Опыт ретроспективного изучения писцовой книги Троице-Сергиева монастыря по Бежецкому Верху 1593/94 г. // Тезисы докл. и сообщ. Ш-го Всеросс. научно-практич. совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и др. историко-географич. источников. Вологда, 1992.С. 12.

110.АТСЛ.Кн.631.Л.1-14.

111.Там же. Кн.633.Л.354об.

112.ГКЭ по Бежецку № 1352 (узкий столбец с печатью кн. И.С.Путятина и подписью подьячего Ф.Тихомирова) ; АТСЛ. Кн.532, по Дмитрову № 201; Кн.6690.Л.20; Архив РАН. Ф.620.Кн.146. № 139; Веселовский С.Б. Сошное письмо.Т.П.М.,1916.С.576,642; его же. Дьяки и подьячие.С.516-517.

113. Черкасова М.С. Проблемы изучения Троицких писцовых книг 1620-1640-х гг. // Сборник статей в честь профессора Петра Андреевича Колесникова.Вологда,2000 (в печати).

114.АТСЛ. Кн.637.Л.254,274об.-275; Кн.658.Л.16об,18.

115.Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в. Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М., 1991. С. 72. Пб.Сборник ГКЭ.Т.П. № 9. Стб.23 ; ВЕВ. 1869.С.399-400. 116а. АТСЛ.Кн.629.Л.91; Кн.б3б.Л.86, 389, 396,469 и др.

117.Киселев Е.А. Проблема достоверности писцовых книг в дореволюционной и советской литературе // Проблемы истории СССР. Вып.УШ.М.,1977.С.40-58.

118.Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII в. Тексты. Л..1986. С.154-155. № 197.

119.Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России в первой половине XVII в.: Историография. Компьютер. Методы исследования. М.,1986.

120.Шапиро А.Л.Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства в России (О сопоставимости описей XVII,ХУШ и XIX вв.) // Исследования по отечественному источниковедению.Сб.ст., посвящ.75-летию проф.С.Н.Валка.М.-Л.,1964.С.23 ; его же. Живущая четь и живущая выть//ВИД. Вып.Х1Х.Л,1987.С.П6.

121. Шапиро А.Л. Живущая четь. С.97-98, 101,103,111-112 и табл.2, составленная З.В.Дмитриевой.

122.АИСЗР.1У.С.180.

123.Дмитриева З.В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в. (К проблеме достоверности данных писцовых книг) // ВИД. Вып.ХХП.Л.,1991.С.236.

124.Там же. С.239; Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб.,1999.С.73-74 (автор текста - З.В.Дмитриева).

125.Абрамович Г.В. К вопросу о степени достоверности писцовых книг и методах ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. Вильнюс, 1974.С.31-42.

126. Масленникова Н.Н. Изучение писцовых книг 20-х гг. XVII в. в их соотношении с другими документами писцового дела // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978.С.243-249.

127.Васильев Ю.С. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI-XVII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. проф. П.А.Колесникову. Вологда, 1992.С.28,31-32; Иванов В.И. Внутривотчинные описания Соловецкого монастыря XVI-XVII вв. // Рефераты докл.и сообщ. VI Всросс. научно-практич. совещания по изучению и изданию писцовых книг и др. историко-географич. источников. СПб., 1993.С.52-54;

Шабанова А.М. Отдельные, отписные и обыскные книги как источник по социально-экономической истории Северо-Западной Руси второй половины XVI в.// ВИД.Вып.ХУ. Л.,1983.С.103-111; Тимошенкова З.А. О сравнительном изучении государственных и вотчинных описаний XVII в. //Тезисы докл. и сообщ. Ш-го Всеросс. научно-практич. совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и др. историко-географич.источников.Вологда, 1990.С. 16-18; Швейковская Е.Н. Писцовые книги ихозяйственная документация // Там же.С.51-55.

128.ШапироА.Л. Живущая четь. С.109-110.

129.Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII - первой половине XIX в. (размеры и размещение).М., 1988.С.22-26.

130. РГАДА. Ф.1204. Оп.1.Ч.ХУ.Кн.25474; ГКЭ по Нижнему Новгороду кн.8116 ; АТСЛ.Кн.584,636.

131.ГКЭ по Новому Торжку кн.8378,8379, по Новгороду кн.8458.

131а. Водарский Я.Е.К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в. // История СССР. 1969. № 2.С.140.

132.Черкасова М.С. Вытные и оброчные книги Троице-Сергиева монастыря конца XVI - XVII в. // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории. Межвуз.сб.науч. ст.Вологда, 1999.С. 17-44; ее же. О разновидностях монастырской учетной документации XVI-XVII вв. // Тезисы докладов XI Всеросс. конф. “Писцовые книги и другие историко-географич. источники XVI-XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры”. Посвящается памяти Я.И.Бередникова. Тихвин. 1999.С.67-69; ее же.Государственные и вотчинные описания Троице-Сергиева монастыря в ХУ-XVII вв.: ход, масштабы, характер // Там же.С.69-72.

133.Греков Б.Д. Вотчинные писцовые книги // Сб.ст. по русской истории, посвящ. С. Ф.Платонову.Пг., 1922. С. 181-191; его же. Помещичье хозяйство в XVI-XVII вв. // Уч. зап. Института истории РАНИОН.Т.6.М..1928.С.86.

134.ВХК. ИВМ. 1978.1.Предисловие.С.VI.

135. Архив РАН. Ф.620 (С.Б.Веселовский). Оп.1.Кн.338.Л.141. № 656 ; Каштанов С.М. Копийные книги. С.20.

136.АТСЛ.Кн.637.Л.299-308об,126-129об,170-175об,352-353об,184-89об, 330- 351. Такая нумерация листов связана с особенностями формирования сб. 637, выясненными Л.И.Ивиной (Троицкий сборник материалов. С. 149-162).

137.ВХК.ИВМ.1978. 1. Предисловие А.Г.Манькова.СЛУ; Хозяйственные книги Чудова монастыря.Предисловие С.Н.Богатырева.С.24. 138.ПСЭИ.С.260,273,283,289,292.

139.Васильев Ю.С. Некоторые источниковедческие проблемы. С.28.
140.АТСЛ. КН.530.Л.974-977об.; Архив РАН. Ф.620 (С.Б.Веселовский).
Кн.13.Л.110-114.

141.Дмитриева З.В. Вытная книга 1665 г. келаря Кирилло-Белозерского монастыря Матфея Никифорова // Русь и южные славяне. Сб. к 100-летию со дня рождения В.А.Мошина.СПб., 1998.С.371-372.

142.АТСЛ. Кн.637.Л.310-325.

143.ВХК-ИВМ. 1978. П.С.115,164,179,188.

144.АТСЛ.№ 1033; Кн.637.Л.511-511об.

145. Там же.Кн.604.Л.81; сами книги-кн.571.Л.317-320.

146.Там же. Кн.577,578, 617. Сведения о хлебных ценах в Свияжском у. в конце XVII в. брал из кн.577 В.О.Ключевский (Русский рубль XVI-ХУШ вв. в его отношении к нынешнему//Соч. в 9 тт.Т.8.М.,1990.С.110,425 -прим.58).

147.АТСЛ. Кн.627.Л.364-381 на Л.363 пометка иером. Арсения: “Любопытны, но не полны”.

148.Вклад.кн.Л.111.

149.АТСЛ. Кн.658.Л.80об.,292об. Арсений датирует казначейство Павла лишь 1521-1524 гг., но, как видим, оно могло начаться и раньше. Казначейство Симона Шубина Арсением датировано 1534-1541 гг. (Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкие Сергиевы Лавры. СПб.,1868.С.33)

150. Вклад.кн.Л. 349-349об., 531, 839,897об. Хозяйственные книги Чудова монастыря. С. 14-15; Колычева Е.И. Денежный бюджет монастырей по приходо-расходным книгам XVI в. //Материалы ХУ сессии симп. по проблемам аграрной истории СССР.Вып. 1.Вологда, 1976. С.45-61.

151.РГАДА. Ф.237. Оп. 1.4.2.Кн.911; Булыгин И.А. Бюджет Троице-Сергиева монастыря в начале ХУШ в. // Тезисы докл и сообщ. ХП-й сессии Межреспубл. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970.С. 134-136; его же. Монастырские крестьяне России в первой четверти ХУШ в.М.,1977.С.ЗО,33,98,121 и др.

152.Черкасова М.С. Приходо-расходные книги Троице-Сергиева монастыря XVI-начала ХУШ в. // Массовые источники отечественной истории. Материалы Х Всеросс. конф. “Писцовые книги и другие массовые источники XVI-XX вв. Проблемы изучения и издания”. Архангельск, 1999.С. 274-282.

153.АТСЛ.№863.

154.Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII в. /Сост. С.Н.Кистерев и Л.А.Тимошина.М.,1994; Отписная книга Троицкого Усть-Шехонского монастыря 1660 г. (публикация Ю.С.Васильева) // Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вып1.Вологда, 1994.С.261-287; Отписная книга Введенского Корнильева Комельского монастыря 1657 г. (публикация Ю.С.Васильева) // Городок на Московской дороге.

Историко-краеведч.сборник.Вологда,1994.С.130-169; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. Коммент. изд. / Сост.З.В.Дмитриева и М.Н.Шаромазов.СПб,1998; Опись строений и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 г. (публикация Т.В.Сазоновой) // Белозерье.Краеведч.альманах.Вып.2.Вологда, 1998. С. 130-165.

155.Гордиенко Э.А. К вопросу о публикации и изучению храмовых описей //
Тезисы докл и сообщ. У-го Всеросс. научно-практич. совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и др. историко-географ. источников.Новгород. 1992.С.80-82; Дмитриева З.В. Предисловие // Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.С.7.

155а.ВХК-КБМ. Вып.1-Ш.М.-Л,1983.

156.Клитина Е.Н. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Древнерусское и народное искусство. Сообщения Загорского музея-заповедника.М.,1990.С.7- 16. Нам оказалась достVIIной лишь копия Ю.А.Олсуфьева, сделанная с целью издания Описи в 1919-1922 г. (Собр.МДА.Кн.225).

157. Клосс Б.М. Избранные труды. Т.I. Житие Сергия Радонежского. М.1998.С.498-499.

158.РГАДА. Ф.237 (Монастырский приказ). Оп.1. Кн.27,40.

159.Булыгин И.А. Монастырские крестьяне в России. С.34.

160. Успенский Н.П. О больших строителях.С.54-57.

161.Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в ХУ-XVI вв. М.,1996.

QQQ

ГЛАВА Ш.

1. Вклад кн. Л. 152; АТСЛ.Кн.527.Л.411-412.

2. Кн.600.Л.88-89об. (живущим в начале 1620-х гг. оставалось только с.Жегалово с 14-ю крестьянскими и бобыльскими дворами и 50 четв пашни).

3. Кн.520. Л.193-195об. Ф.29. № 1811. Во Вклад, кн. Л.255 ошибочно “Васильеве”, а не Власьево. Вклад сельца в 1578 г. был сделан еще при жизни Меньшого Румянцева.

4. ПКМГ.1.С.65.216..

5. АТСЛ. № 954; Кн.536. Л.473-475об.,ПКМГ.1.С.287 О прежней истории дер.Климковой известно, что в опричнину она была отобрана Иваном 1У у мужа Ульяны, Б.Н.Беклемишева, а затем, вероятно, перешла к ней.

6. Подробнее см.: Черкасова М.С. Землевладение. С.245-247 - табл.9.

7. АТСЛ. Кн.536,Л.164об.-166; Вклад кн. Л.423-об; Кн.658.32об.Дозор 1614 г. отметил в дер.Похрино лишь 130 четв. перелога и поросшей лесом пашни (Кн.258.Л.223об.).

8. АТСЛ. Кн.536. Л.118-об, Вклад кн. Л.459; Кн.658.Л.164 Ф.1209. Кн.258.Л.222об.

9. Кн.536.Л.166об.-1674;Вклад. Кн. Л.508, Кн.658.Л.31об. Во Вкладной - “Дмитрия страстотерптца”. Вместе с вкладной грамотой И.В.Щелкалов передавал в монастырь и жалованную царя Федора Иановича братьям -дьякам А.Я. и В.Я Щелкаловым на с. Переделец (Кн.536.Л.168-об.). В Перечне Д.А.Тебекина такой грамоты найти не удалось. Улучшение хозяйственного положения в с.Переделец показывает сравнение описаний 1614 и 1628 гг. (Кн.258.Л.223об.-224; Кн.8646.Л.61-65об.). Одновременно с описанием в 1628 г. было проведено полюбовное размежевание села при участии старосты Фатейки и крестьян с землей соседнего поместья М.М.Бутурлина, деревни Зимниц (Кн.536.Л.356об.-357об.).

10.Кн.536.Л.413; Вклад.кн.Л.488об.-489: Кн.600.Л.187об.-188. О заселении сельца Зубцова крестьянами бежецкого с.Присеки говорится в сыскной кн.658.Л. 14. Другие же части этого вотчинного комплекса - дер.Медведева и пуст.Ратова Гора - были отданы корпорацией на оброк своему слуге П.Тененеву (Там же).

11. Ф.248.Кн.763.Л.448-450.

12. АТСЛ. № 845 - подлинник на пергамене. Опубл.: Ткаченко В.А. Жалованная данная грамота царя Михаила Федоровича “в дом пресв.Живоначальной Троицы и преп. чудотворцу Сергию” на Городок Радонеж от 5 ноября 1616 *т.II* Сообщения Сергиево-Посадского музея-заповедника.М.,1995.С.41.

13.Кн.528.Л.808-809.

14. АТСЛ.Кн.571.Л.ЗО 1-307. Опубл: Черкасова М.С. Вытные и оброчные книги Троице-Сергиева монастыря конца XVI- XVII в. // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории. Межвуз. сб. науч. ст.Вологда,1999.С.38-41.

15. АТСЛ.Кн.600.Л.122-124об.

16. Вклад. Кн. Л.394об; Кн.536. Л.169-172.

17. АТСЛ.Кн.536.№.Л.151-153об. Духовная оформлялась непосредственно в присутствии архимандрита Дионисия и келаря Александра Булатникова.

18. Кн.536.Л.357об.-360. KVIIчую 1631 г. подписал поместный дьяк В.Махов (Веселовский С.Б Дьяки и подьячие. С. 326).

19.РГАДА. Ф.248 (Сенат). Кн.763.Л.451-453об. Подпись царя.Федора Алексеевича 19 марта 1680 г.

20.АТСЛ.Кн.536.Л.105об.-107,121об.-123.

21. ГКЭ по Переславлю № 9266, Кн.9370Л.623обю-633; АТСЛ.Кн.591.Л.26-27.

22. АТСЛ. Кн.639.Л.105-106.

23.С6.ГКЭ.П. № 135.Стб.431; РГАДА. Ф.280.0п.3.Кн.622.Ч.1.Л.730; ЧОИДР.1865.Ч.1У.С.126.

24. ГКЭ по Дмитрову кн.3904.Л.95; АТСЛ. Кн.658.Л.130об. Более ранний вклад на дер.Пушкину известен от Ф.Ф.Бобахина в 1575/76 г., но тогда он. Вероятно, не был утвержден за монастырем.

25.ПКМГ.1. С.741; ГКЭ по Дмитрову кн.3883.Л.22об.; Кн.3904.Л.91; Вклад. Кн.Л.572-об. (здесь сц.Сохино фигурирует в качестве вклада К.Я.Татьянина 1559 г). Впервые грамота на это сельцо была оформлена В.Ф.Башениной в 1559 г. (ГКЭ по Дмитрову № 3803).

26. ГКЭ по Дмитрову № 3878.

27. ГКЭ по Дмитрову № 3882. Опубл: Шумаков.Сотницы.1.С.226-227; АТСЛ № ЮОбг. Обе вкладных были написаны одним писцом, Миткою Старым. упом.: РГАДА. Ф.1209.Кн.258.Л.225); Вклад. кн.Л.720.

28. ДАЙ.Т.I. № 157. Царь В.И.Шуйский не только решил дело в пользу Авраамия, но даже освободил его от Уплаты “непосильной” для троицкого **келаря** судебной пошлины в 2 руб. См. анализ этого дела: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1У// Сочинения.Т.7-8.М., 1989.С.495. Наиболее обстоятельную биографию А.Палицына см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.3 (XVII в.).4.1.СПб.,1992.С.36-44 (автор статьи - Я.Г.Солодкин). Автор считает, что Аверкий постригся в Соловках не ранее 1596 г. (Солодкин Я.Г. Авраамий Палицын на Русском Севере // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию г.Кирова).Киров,1999.С.210-214).

29. ГКЭ по Дмитрову № 3839, 3865.; АТСЛ. Кн. 532.Л.506об; 658.Л.132-133.

30.АСЭИ.1. № 543 ; ГКЭ по Дмитрову № 3857, 3866, 3869., 3888; по Переславлю № 9037; по Бежецку кн.1445.Л.179об.; АТСЛ.Кн.532.Л.589об.-590. Во Вклад.кн.Л.530 земельных вкладов Назарьевых нет. Есть только один денежный в 10 руб. в 1616 г.

31. ГКЭ по Дмитрову № 3883; Кн.3993.Л.234-236об.; АТСЛ. Кн.637.Л.242об.

32. Кн.658.Л.242об.; Вклад.кн.Л.258об.; Кн.527.Л.210-211об., ХП.1. № 318.

33. АТСЛ.Кн.658. Л.124; Вклад.кн.Л.574.

34. ГКЭ по Дмитрову № 3847; Кн.658.Л.124об.; Вклад.кн.Л.140.

35. ГКЭ, по Дмитрову № 3884; Вклад.кн.Л.574.

36. Кн.521.Л. 31-32об.; Кн.569. Л.92. Кн.637.Л.77об. В связь с этой передачей можно поставить составление недатированной переписной монастырской книги на сц.Будимер, в

котором были отмечены сады, яблоневый и вишневый, яблони лесные и хмельники (Кн.575.Л.243-245).

37. ГКЭ по Дмитрову кн.3993.Л.238-об., Вклад. Кн.1061об.-1062 (ок. 1660 г., судя по Вкладной, слуга К.Дорогинин умер).

38. ГКЭ по Дмитрову № 3910, кн.3993.Л.244-об.

39. Кн.3993.Л.245-247; кн.3904.Л.101-об.

40. ГКЭ по Дмитрову № 3890; Кн.3904.Л.97об-98; Вклад.кн.Л.1064об.

41. ГКЭ по Дмитрову кн.3993. Л.241-242. Данную писал брат вкладчика, К.А.Редриков

42. Там же кн.3904.Л.232об.

43.Тамже.Л.129об.-130; ГКЭ № 390

44. Там же. Кн.3904.Л.212-213; АФЗХ.П.№ 22,8,248 (в середине XVI в. с.Вогнениково принадлежало И.Д. и И.И.Курчевым).

45. АТСЛ. № 409; Кн.521.Л.75.-77об.; Тебекин.Перечень.1. № 321; Вклад.кн.Л.420.

46. Там же.Л. 336 об.

47. ГКЭ по Дмитрову кн.3904.Л.149об.; по Переславлю кн.9086,Л.100об.,103об. Сельцо Попелково было дано вкладом в 1560-1570-е гг. Д.В.Губастым (АТСЛ.Кн.521.Л.108об.-109).

48. ГКЭ по Коломне № 634; кн.6367.Л.87об.-92. Дмитровское село Тимоново, запустевшее к началу 1630-х гг., было дано Е.И.Жуковым в 1576/77 г. (Журнал 103-го заседания Тверской губ.уч.архивной комиссии.Тверь, 1907. № 25).

49. ГКЭ по Дмитрову № 4053; Ф.237. Оп.1.Кн.40.Л.347-400об.; Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне.С.82. № 134.

50. ГКЭ по Переславлю № 9009; АТСЛ.Кн.523.Л.46-48об.; Вклад.кн.Л.152,912об.

51. АТСЛ.Кн.637.Л.478об.-479.

52. Там же № 9636. Эта духовная была опубликована дважды Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках.Вып.1.СПб.,1895. С.63-

67; Сборник документов по истории СССР. Для семинарских и практических занятий.Вып.3.XVI в.М.,1972.С.76-79.Анализ духовной кн.И.В.Глинского и состава его вотчин см.: Мордовина С.П.Служилые князья в конце XVI в. // Труды МГИАИ.Т.28.М., 1970.С.330-331. По масштабу своему вклады Глинского в Троицу автор сравнивает с вкладами Годуновых в Ипатьевский монастырь.

53. АТСЛ.Кн.527.Л.411-412. Подлинник Годуновской грамоты был подписан поместным дьяком Е.Д.Вылузгиным; Кн.658.Л.95; Вклад.кн.Л.152,831, 1139/2.

54.ГКЭ по Переславлю № 8867,8868,8984;кн.9086.Л.142об.-146об.; Вклад.кн.Л.926,1058об.-1059.

55. ГКЭ по Бежецку кн.1445.Л.179об.; АТСЛ.Кн.658,Л.81; Вклад.кн.Л.506.

56. ГКЭ по Дмитрову № 3826,3828; Кн.659.Л.47; Вклад.кн.Л.249 (деревни Киселеве и Лызлово-Хламово).

57. ГКЭ по Переславлю № 9484; Кн.9086.Л.157-161,163-164; Вклад.кн.Л.254об.-255; Кн.573.Л.16-19; Кн.575.Л.43об.-48; Кн.658.Л.114об № ПСЭИ.С.280-286.;ГКЭпоБежецкукн.1445.Л.180-180об.

58. ПСЭИ.С.280-286; АТСЛ. Кн.573.Л.16-19; ГКЭ по Переславлю Кн.9086.Л.157-161,163-164; ГКЭ по Бежецку кн.1445.Л.180-180об Вклад.кн.Л.254об.-255.

59. Шумаков С.А.ОГКЭ по Переславлю № 9053; Вклад.кн.Л. 827об.,1061об. (со ссылкой на “вотчинную книгу новых крепостей по Переславлю”)

60. ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.381-382об.; № 9059.

61. Там же. Кн.9086.Л.20.

62. Там же. № 9070. Данную писал еще один представитель семьи, К.А.Редриков, уже упоминавшийся нами как писец данной грамоты Ю.Редрикова на дмитровскую дер.Будцеву в апреле 1622 г (см. прим.41).

63. ГКЭ по Переславлю № 9074; Вклад.кн.л.302об.

64. ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.515об.-518 ; № 9187; Вклад.кн.Л.304.

65. ГКЭ по Переславлю №9175; Кн.9370.Л.552-553.

66. Кн.9370.Л.97.

67.Кн.9086.Л.183.

68. Там же.Л.183,184об.; Кн.9370.Л.495об.-496.; Вклад.кн.Л.230.

69. ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.532-532об.; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII в.Тексты.Л.,1986. № 86,122; Комментарии. С. 133-134.

70. ГКЭ по Переславлю № 9154; Кн.9370.Л.522-524об.

71. Там же. Кн.9370.Л.399-400; ПСЭИ.С.260; Вклад.кн.Л.430

72. Кн.9086.Л.177об. См. также: Черкасова М.С. Переславские вотчины Троице-Сергиева монастыря по писцовому описанию 1620-1640-х гг. // ИКРЗ. 1997.Ростов, 1998.С.60,64 и прим. 11.

73. Ф.248. (Сенат).Кн.763.Л.365-372об.; ГКЭ по Переславлю № 9099 (с подтверждением в 1680 г.) ;№ 8989; АТСЛ. Кн.530.Л.601-602. На обороте подлинника и в списке 1641 г. читается запись: “А как по той крепости челобитье было на Овдокима Баскакова, и тое крепости у дела клали. И на той крепости помечено: ответчик лживил. А как по делу и по сыску та

крепость в монастырь отдана, и та крепость от дел отдана”; Сташевский Е.Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в.М.,1911.С.25, 44; ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.100-об.,380-382об.

74.ГКЭ по Переславлю № 9087,9163; Кн.9370.Л.521-522об; кн.9086.Л.377об.-378. Повторная грамота на пуст.Щеголеново была дана царем в 1632 г (АТСЛ.Кн.528.Л.1019об.-1021; упом.: Ткаченко В.А. Указ. статья. С. 4 9 -прим. 37).

75.Кн.9086.Л.103об-108об.; Кн.9370.Л.558об-568об.; ГКЭ по Переславлю № 9190; Вклад. Кн.Л.683. Тони и кулиги Махрищского монастыря до 1637 г. находились в пожизненном владении за кн. И. И. Шуйским.

76. ГКЭ по Переславлю кн.9086.л.360-372; Кн.9370.Л.576об.-583; Вклад.кн.Л.631об. Об истории с.Елизарова см.: Веселовский С.Б. Феодальное землевладение.С.27-28; Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам ХУ-XVI в.) // История и генеалогия. С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогический исследований.М., 1977.С. 113. О великолепной каменной Никитской церкви села Елизарова, прототипе Московского храма Покрова на рву (собор Василия Блаженного) см.: Ильин М.А. Путь на Ростов Великий.М., 1975.С.650. Оба брата Сулешова и их жены были похоронены в Симонове монастыре (Мятлев Н. К родословию князей Мстиславских // Сборник статей, посвящ.Л.М.Савелову. М.,1915.С.309).

77.Ф.248. Кн.763.Л.438-441; Кн.809.Л.273;ГКЭ по Переславлю № 9216;
Кн.9370.Л.583-586об.

78. ГКЭ по Переславлю № 9242; Кн.9370.Л.595-об. ; Вклад. кн.Л.384об.; ГКЭ № 9273: Кн.9370.Л.641об. О селе Мамонове см.:: История сел и деревень Подмосковья Х1У-XVII вв.Вып.1.М.,1992.С.Ю9 (авторы заметки К.А.Аверьянов и А.А.Пузатиков).

79. АТСЛ.Кн.582.Л.440-447; ГКЭ по Переславлю кн.9370. Л.646об.-652. № 9323..Кн.9086.Л.383-396.410об.

80. Кн.9086.Л.383-396,410

81. Кн.9370.Л.610-614.621-623; АТСЛ.Кн.590.Л.16об,27.

82. ГКЭ по Бежецку № 1338; АТСЛ.Кн.523.Л.186об.-189 (список с грамоты Кс.Яковлевой в копийной книге № 523 свидетельствует о том., что официально с.Горы

Морткины за монастырем было признано в 1586/87 г.) ; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове 1584-1605 гг.СПб,1992.С.28-29).

83. АТСЛ.Кн.637.Л.261об.-262; Кн.658.Л.197об.

84. АТСЛ.Кн.бОб.Л.265-272.

85. ГКЭ по Бежецку № 1339; АТСЛ.Кн.533.Л.177об.-179. С.Б.Веселовский определял местоположение с.Бушарова в 40 верстах на юг от Весьегонска Тверской губ., в бассейне р.Лойки (Ф.29. № 1842).

86. ГКЭ по Бежецку кн.1444.Л.108об.; Кн.1445.Л.110; ф.1209.Кн.22.Л.126-127.

87. ГКЭ по Бежецку № 1346. Духовным отцом А.Клевусовой был троицкий старец Антоний Корсаков.

88. ГКЭ по Бежецку № 1348. На обороте данной за вкладчика расписался Ф.В.Маслов: по-видимому, сам А.Клевусов “грамоте не умел”.

89. АТСЛ.Кн.556.Л.294-295; РГАДА. Ф.1209.Кн.22.Л.137-140; Кн.24.Л.919-923; Вклад.кн.Л.513.

90.АТСЛ.Кн.541.Л.295-297; Кн.575.Л.320-325; Кн.604.Л.151.

91.Вклад.кн.Л.136-об.;

92. АТСЛ.Кн.575.Л.305 (переписная книга троицкого старца Н.Симоновского на с.Богородицкое); л.318-325 (переписная книга троицкого старца И.Пестрикова на с.Павловское). На с.Доратиково и с.Городище переписные книги монастырскизх агентов нам неизвестны.

93. РГАДА. ГКЭ по Бежецку № 1282.1363 (данная была написана одним из вкладчиков, Сем.Скобеевым собственноручно); Ф.1209.Кн.24.Л.939об.; АТСЛ.Кн.524.Л.122об.-123об.

94. ГКЭ по Бежецку кн.1444.Л.1444.Л.ЮЗ (в 1593/94 г. полпустоши, что было село Микулинское, показаны за Аристом Чемодановым, но в составе троицких владений); № 1305; АИ.Т.1. № 57 (дьяк Иван Грамотин).

95. АТСЛ. Кн.бОб.Л.349; Вклад.кн.Л.224.694об.

96. См.: Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в ХУ-XVI вв.М,1996.С.186-187 и прим.102-107.

97. РГАДА. ГКЭ по Бежецку кн.1350. Л.318об; ф.1209.Кн.24.Л.938об.-940об.

98. ГКЭ по Бежецку № 1315. 1363.1406.; ф.1209.Кн.24.Л.924об.-927.

99. ГКЭ по Твери № 12555; Шумаков С.А.Тверские акты.Вып.1.Тверь,1895.С.111-113.

100. Павлов А.П. Государев двор. С.40,65,197; Вклад.кн.Л.452об.

101. АТСЛ.Кн.658.Л.154об.

102. ГКЭ по Твери №12561,12563; АТСЛ.Кн.532.Л.334-337.

103. РГАДА. Ф.1209.Кн.875.Л.154-157об.; АТСЛ.Кн.628.Л.42об.-45об.

104. ГКЭ по Твери № 12569; АТСЛ.Кн.532.Л.341-342.

105. ГКЭ по Твери № 12567. 12568; АТСЛ.Кн.532.Л.339-341.

106. ГКЭ по Твери № 12570; АТСЛ. Кн.532.Л.275-об.,343-344; АТСЛ.Кн.659.Л.72об.

107. Шумаков С.А.Тверские акты..Вып.1. № 127; ГКЭ по Твери № 12629.

108. ГКЭ по Твери кн.12626.Л.43; АТСЛ.Кн.532.Л.272-об.; ПКМГ.П.С.214 (в 1540-е гг. с.Сушковым владели братья Васюк и Угрим Нелюбовы); Вклад.кн.Л.295.

109. ГКЭ по Твери кн.12626.Л.121-126об.; АТСЛ.Кн.270об.-271об.; Вклад.кн.Л. 295об., 306 (душеприказчиком кн.Ф.А.Телятевского был кн.И.А.Голицын); ПКМГ.П.С. 181,357,358. Вместе с С.Никольским в монастырь передавались относящиеся к нему 12 дворов в г.Микулине на посаде.

110. ГКЭ по Старице № 11739; Кн.11645.Л.25-27,55об.-56об. В 1673-1675 гг., вымененные у Огарева пустоши ранее находились в поместьях за В.Кловцовым и кн.А.М.Мологинским.

111. ГКЭ по Клину № 5664; Кн.5639.Л.22об.-25; АТСЛ.Кн.530.Л.503-505; Вклад.кн.Л. 1066

112. ГКЭ по Клину № 5665; Кн.5639.Л.25-26об.; Вклад.кн.609 (со ссылкой на “вотчинную книгу новых дач, главу по Клину”). Прежними владельцами с.Маслова названы О.Ивашева. Г.Д. Башмаков, кн.П.Г.Вяземский и Ю.В.Бестужев.

113.АЮ. № 199 (подл. - ГКЭ по Клину № 5667); Вклад.кн.л.358-об; Смирнов А. О землях кн.Пожарского в Клинском у. // Действия Нижегородской губ. уч. архивной комиссии. Т.3.Нижний Новгород. 1898.С.55-57; Эскин Ю.М. завещание князя Пожарского // ОИ.2000. № I.С.I 43-157.

114. АТСЛ.Кн.582.Л.535об.-537.

115. ГКЭ по Зубцову № 4839,4846; Кн.4857.Л.9-12. Сельцо Быхово давалось по душе сестры Агафьи, Марии Ивановны Шереметевой, бывшей замужем за кн.В.А.Тюменским (из

служилых татар) и умершей в ноябре 1591 г. (Вклад.кн.Л.507); Мордовина С.П. Служилые князья в конце XVII в.С.336.

116. АТСЛ. Кн.582.Л.534-535.

117. АТСЛ. Кн.629.Л.209; Кн.658.Л.206; ГКЭ по Дмитрову кн.3875.Л.125 (в межевой части писцового описания по Кашинскому у. 1592/93 г. дер.Ендоурова числилась как вотчина В.П.Морозова) ; по Кашину № 6801. Дер. Ендоурова поступила в троицкую вотчину в составе вклада А.С.Воронцова на село Фроловское в 1559/60 г. (ГКЭ по Кашину № 6759).

118. АТСЛ.Кн.532.Л.630-631.653-654; Кн.658.Л.209; Вклад.кн.Л.591-об. Сельца Юрьевское и Кринково были даны монастырю еще в 1572-1579 гг. братьями П.Н. и С.Н.Рожновыми с правом пожизненного ими владения).

119. АСТЛ.Кн.658.Л.207; кн.583.Л.280.Сельцо Рожново и дер. Починок были даны в 1575/76 г. П.М.Кломсиным.

120. ГКЭ по Кашину кн.6879.Л.61-64об.; Вклад.кн.Л.338-об.

121. Рубцов М.В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края.Вып.2.Старица. 1905.с.70-72;Вклад.кн.Л.235-об.; АТСЛ.Кн.658.Л.179.

122. ГКЭ по Новому Торжку № 8378, 8379.

123. ПСЭИ.С.286-288; Вклад.кн.Л.136; АТСЛ.Кн.541.Л.295-297; Кн.658.Л.222; Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в.Л,1985.С.59.

124. АТСЛ, Кн.658.Л 215об.-216; Вклад.кн.Л.551об.(запись о получении с.Зеленцова в 1612/13 г от Ф.Г.Желябовского); Ивина Л.И. Внутреннее освоение земельС.108 и прим.234 (автор определяет положение сц.Зеленцова в 45 верстах к юго-западу от Мышкина).

125. АТСЛ.Кн.532.Л.680-об.; Кн.658.Л.215; Вклад.кн.Л.592об.

126. АТСЛ. Кн.633.Л.177об.-178 ;ЧОИДР. 1865. КнЛУ.С.148; Ф.280. Кн.622. Ч.У.Л.190.

127. АТСЛ.Кн.583.Л.269об. (поч.Чубаров); Кн.658.Л.213об.

128. Там же. Кн.583. Л.227об.; Кн.658. Л.213об.; Кн.633. Л.114об.

130. Липинский М.А. Углицкие писцовые книги. Ярославль, 1886-1888.С.332; Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель.С.83-84.

131. Вклад.кн.Л.312об. (название передано, как “Басино”); АТСЛ.Кн.658.Л.233об. Село Босино было пожаловано В.И.Волынскому царем В.И.Шуйским в 1609/10 г. и эта грамота вместе с духовной на нее самого В.И.Волынского также передавались в Троицкий монастырь.

132. АТСЛ.Кн.658.Л.244-об.; Вклад.кн. Л.423об.

133. Кн.658.Л.229.

134. АТСЛ. Кн.530.Л.512; Кн.536.Л.222об.-223; Кн.бЗб.Л.209-219; Рузский уезд по писцовой книге 1567-1569 гг.М.,1997.С.61-62.149-150; пкмг.1.С.658.

135. АТСЛ. Кн.582. Л.478-481.

136. ГКЭ по Коломне кн.6367.Л.87об.-92.Время и способы получения коломенского С.Лаптева нам неизвестны.

137. ГКЭ по Москве № 7627 (подпись дьяка приказа Большого Дворца М.Чирикова); АТСЛ. Кн.536.Л.50-51об.; Кн.658.Л.69об.

138. ГКЭ по Боровску № 609; Кн.638.Л.20-21; АТСЛ.Кн.530.Л.ЗЗЗоб.-334. В переписных книгах 1678 г. село Булатникове обнаружить не удалось).

139.ГКЭ по Боровску № 616; АТСЛ. Кн.530.Л.334об.-336; Кн.659.Л.15об. (запись К.И.Михалкова была отдана в троицкую казну крепостному старцу М.Куровскому).

140. АТСЛ.Кн.бЗб.Л.596-598; Вклад.кн.Л.213об. Село Байдеево и в конце XVI -начале XVII в. всегда отдавалось старцами в различные держания на сторону - И.С.Александрову, дьяку С.Сумарокову др. (Кн.520.Л.205об.-207; Шумаков С.А.Сотницы.1.С.155; Кн.569.Л.78об.).

141. Боровский уезд в начале XVII в. (Материалы дозора 1613 г.).М,1992.С.110; АТСЛ.Кн.580.Л.236; Кн.636.Л.593об.-595об. О С.Романове см.: АРГ. № 81,82. В 1597 г. оно находилось в держании у дьяка С.Сумарокова (Кн.569.Л.78об.).

142. ГКЭ по Боровску кн.638.Л.21-22.

143. Шумаков.Сотницы. 1..С.С.162; Ф.1209. Кн.258.Л.138.

144. РГАДА. Ф.248. Кн.763. Л.442-444об.; Вклад.кн.Л.190об. (кн.Д.М.Кашин-Оболенский умер ок.1633 г. и был погребен в Троице).

145. РГАДА. Ф.1209. Кн.258.Л.221об.-222; АТСЛ. Кн.580.Л.234-235об.; Кн.658.Л.63об; Кн.622.Л.77-78об.

146. Шеламанова Н.В. К истории западной границы России в первой половин XVII в. (Серпейский участок по Поляновскому миру 1634 г.) //Историческая география России.сб.ст.М., 1975.С.63-69; ГКЭ по Серпейску № 11107.Стб.11.

147. ГКЭ по Серпейску № 11103.

148. ГКЭ по Серпейску № 11107.Стб.7; Вклад.кн. Л .624об.

149. ИА.Ш. № 48; Шумаков.Сотницы. I.е. 179; АТСЛ.Кн.63б.Л.491-496.; Ф.1209.Кн.258.Л.186-188.См. также: Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 165 - прим. 21.

150. АТСЛ. Кн.591.Л.250-253об.; Сб.ГКЭ.П.№ 124; ЧОИДР. 1865. Ч.IV.С.145.

151. ГКЭ по Коломне № 6322; АТСЛ. Кн.521. Л.167об.-168.

152. ГКЭ по Коломне кн.6367.Л.48об.-50; Вклад. кн.Л.507; ГКЭ по Зубцову кн.4857.Л.9-12.

153. АТСЛ. Кн.636. Л.87об.; ГКЭ по Коломне кн.6367.Л.83-85об.; Вклад, кн. Л.879об. (местом пострижения А.Ананьиной назван девичий монастырь Покрова на Хотькове).

154. АТСЛ. Кн.658.Л.253; ГКЭ по Костроме № 5038, 5056. О самом обмене с царем в 1597 г. подробнее см.: Черкасова М.С.Землевладение ТСМ.С.186- 187.

154а. Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в. М.,1911.С.26.198.

155.ГКЭ по Костроме № 5174; АТСЛ. Кн.556.Л.169-171,189об.-190; Вклад.кн.Л. 1073об.

156. ГКЭ по Костроме № 5183; АТСЛ.Кн.556.Л.171-172; Вклад.кн.Л.595об.-596;ПКМГ.1.С.899.

157.АТСЛ.Кн.556.Л.186-187.

158.ГКЭ по Костроме № 5097 (на обороте данной 1573 г. - автограф пана Рафаила по-польски); АТСЛ.Кн.556.Л.188-189об.; Вклад.кн.Л.553. Костромская волость Емстна стала местом интенсивных поместных раздач в 1583-1602 гг. В сыскной книге 1623 г. названы помещики А.О.CVIIонев, Я.Н.Полозов, “чарочник” Аф.Родионов (Кн.658.Л.251 об.).

159. АТСЛ.Кн.556.Л.190об.-191об.; ПКМГ.1.С.901. См. также: Черкасова М.С.Землевладение ТСМ.С. 152 и прим.285-286.

160. Кн.556.Л.162-162об.; Кн.658.Л.260об.; Вклад.кн.л.1060.

161.Кириченко Л.А. Промысловые владения в вотчине Троице-Сергиева монастыря по актовому материалу 1584-1641 гг. // Труды по истории Троице- Сергиевой Лавры. М..1998.С.20-34.

162.ГКЭ по Галичу № 3374; АТСЛ. Кн.658.Л.271; Вклад.кн.Л.993-об.; Ивина Л.И. Внутреннее освоение.С.140-141.

163. ГКЭ по Галичу № 3393,3397; по Юрьеву кн.14553.Л.14-17; Гневушев А.М. Акты времени правления Василия Шуйского. М.,1914. № 12;Юдин Г.В. Материалы для истории г.Чухломы и рода костромских Июдиных. Красноярск, 1902.С.123-124; Архив СПФ ИРИ РАН. Колл.238 (Н.П.Лихачева). Кн.334.Л.119-121,150-151;АТСЛ.Кн.571.Л.125-142об.

164. АРГ. № 115 и коммент на с. 315; Колл. Лихачева.Кн.334.Л.192-193; Вклад. кн.Л.1069.

165. Колл. Лихачева. Кнг.334.Л.82об-83; Вклад.кн.Л.756об.-757. Той землей прежде совместно пользовались священник церкви и община (названы крестьяне Тарас Лукьянов с товарищи).

166.Колл.Лихачева. Кн.334.Л.200.

167.Корецкий В.И. Правая грамота. С. 188-197. Переславско-Владимирский рубеж проходил по р.Клязьме - правый ее берег относился в Переславскому, левый - к Владимирскому у.

168.ГКЭ по Владимиру № 1898 - подлинник с красной государственной печатью; АТСЛ.Кн.бЗО.Л.боб. Конфликты Аргуновских крестьян с Троицким монастырем на земельной и финансовой почве происходили еще в ХУ - начале XVI в. (Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история. С.192-193; Корецкий В.И. Правая грамота.С.196-198; ПКМГ.1.С.789-790).

169.ГКЭ по Владимиру № 1841; АТСЛ.Кн.бЗО.Л.56.

170.ГКЭ по Владимиру № 1939; Ф.248.Кн.763.Л.427-428; АТСЛ.Кнг.658.Л.285об.

171.Кн.658.Л.108-114об.

172.06 обмене 1597 г. см.: Черкасова М.С. Землевладение ТСМ. С. 119 -прим. 85; С. 148-прим. 227; табл. на с. 188.

173.Вклад.кн.Л.508об.

174.Подробнее см.: Черкасова М.С. Землевладение ТСМ. С. 13 7-142; Юрганов А.Л. О дате написания завещания Ивана Грозного //ОИ. 1993. № 6.С. 125-141.

175. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. ХУ - начало XVII в. / Отв. ред. В.Д.Назаров. М.,1998. № 82; Вклад.кн.Л.267-об.

176.АТСЛ. Кн.545.Л.192об.-200; ГКЭ по Суздалю № 11925.

177.Кн.545.Л.200об.-209,222-225; Кн.627.Л.378-409.

178.АТСЛ.Кн.658.Л.285; Кн.659.Л.188об.; Вклад.кн.Л.233об.; ГКЭ по Юрьеву кн. 14553.Л.61-62.

179.ГКЭ по Юрьеву № 14599; Кн.14553.Л.50об.-51об.; АТСЛ.Кн.637.Л.75 (монастырская запись об этом вкладе более деловита и коротка, всякое выражение религиозно-родственных чувств в ней опущено); № 980 (подлинник духовной М.М.Пушкина имеет подпись патриарха Иова от 21 марта 1600 г.); Вклад.кн.Л.383об.

180.АТСЛ.Кн.631.Л.133.259об.;Кн.582.Л.172-186.

181.ГКЭ по Юрьеву № 14574, 14575; Дьяконов М.А. АТН. Вып.2. № 53.

182.АТСЛ.Кн.631.Л.256-259об.; Кн.582.Л.171.

183. Ссылаемся на новейшее научное издание сочинения С.Азарьина: Клосс Б.М. Избр. труды. Т.I.Житие Сергия Радонежского.М., 1998.с.489-490.

184.Там же. С.491; ГКЭ по Юрьеву № 11634; Вклад. кн.Л.236об.Здесь же перечислены денежные вклады по Нагих - всего 600 руб.

185. ГКЭ по Юрьеву № 14635.14636,14643; АТСЛ.Кн.535.Л.35-37.

186.АТСЛ.Кн.630.Л.322об.; Кн.659.Л.174; Вклад.кн.259.

187.АТСЛ.Кн.658.Л.298,300.

188. Тамже.Л.291об.

189. Там же.Л.299,302.

190. ГКЭ по Мурому кн.7878.Л.124-127; Вклад.кн. Л.549об.; АТСЛ.Кн.590.Л.191-192.

191. ГКЭ по Мурому кн.7878.Л.131об.-134.

192. ГКЭ по Мурому кн.7878.Л.143-151; Вклад.кн.Л.238-242 (известны очень богатые вклад В.Ф.Янова в Троицу в середине XVII в. На его средства даже велось каменное строительство в приписном Хотьковском монастыре).

193.ГКЭ по Мурому № 7873; Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край.М.. 1984. №14

194. См.: Черкасова М.С. Землевладение ТСМ.С.87-88,123 (наиболее раннее проникновение Сергиева монастыря на нижегородские земли происходит, вероятно, еще в период феодальной войны ХУ в.); Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев в XVII-ХУШ вв. Горький, 1978.С.42.

195. ГКЭ по Нижнему Новгороду № 8021; Кн.8182Л.45об.-46.

196. Кн.8182JI.49о6.-50.

197. ГКЭ по Нижнему Новгороду № 8093 ; по Переславлю № 9246.9349; Кн.9370.Л.598об.-600об;АТСЛ.Кн.591.Л.154об.Ф.248.Кн.763.Л.432-434; Вклад.кн.Л.690

198. ГКЭ по Арзамасу № 249,263,264,265,270,272,275,279,280,281.

199. АТСЛ.Кн.658.Л.241; Вклад.кн.Л.423об.

200. Вклад.кн.Л.896.

201. ГКЭ по Арзамасу № 282 (приводятся “знамяна” мордвы); АТСЛ.Кн.563.Л.88-93об.; Кн.б3б.Л.451-457; Козлова К.И. О мордовской крестьянской общине XVII в. // Вестник МГУ, серия история, 1978. № 3. С.64.

202.АТСЛ.Кн.536.Л.476-479об.; Кн.582.Л.343; Вклад.кн.Л.267.

203. ГКЭ по Арзамасу № 286; АТСЛ.Кн.563.Л.94-101об.(на подлиннике меновной видим подписи трех братьев Морозовых - Бориса и Глеба Ивановичей и Ивана Васильевича); в 1640-е гг. в Филисовой Слободке у Морозова было 90 дворов и 255 чел., а земли в 1660-е гг. ок.750 четв.Очень высок и норматив денежной ренты - 20 руб. с выти (Акты боярина Морозова. Т. 1.С.24; Петрикеев Д.И. КрVIIное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И.Морозова.Л.,1967.С. 21; С. 192 -табл.2; С. 195 -табл.3; Тихонов Ю.А.Помещичьи крестьяне.С. 179,195).

204. АТСЛ.Кн.563.Л. 103-107. Рузская дер.Высокая была дана Троице в середине XVI в.М.А.Лыковым и в 1629-1638 гг. находилась в держании “из строения” за его сыном Т.М.Лыковым (Рузский уезд по писцовой книге 1569-1569 гг.М., 1997.С.20-21,161 -162; Вклад.кн.Л.562об.); Шумаков С.А.материалы для истории Нижегородского края. Нижний Новгород, 1898.Вып. 1.С.8; Лялина Г.С. К характеристике феодального землевладения во второй половине XVI1 в. // Труды МГИАИ.Т. 16.М, 1961 .С.402.

205. См.: Черкасова М.С. Вотчина Троице-Сергиева монастыря в Новгородской земле в конце XVI - XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России.Межвуз.тематич .сб.науч. тр. Калининград. 1990.С. 85-90.

206. ГКЭ по Великому Новгороду № 8468; АТСЛ.Кн.532.Л.367об.-368; Вклад.кн.Л.423об.207. АЮ. № 254; РИБ.Т.35.Архив П.М.Строева.Т.1. № 366. Подл.: ГКЭ по Великому Новгороду № 8474; АТСЛ.Кн.532.Л.22об.-23об.

207. ГКЭ по Кашину № 6813; по Новому Торжку № 8978,8979; АИ.Т.1У. № 200. См. также: Соловьева Т.Б. Земельная политика патриарха Никона // Русское средневековье: Общество и церковь.Сб.ст.М., 1997.С.51-66.

208. АСЭИ.Т.Ш. № 6.

209. АСЭИ.Т.Ш. № 128.

210. Там же. №95.

211.ГВНП.№316.

212. Павлов-Сильванский Н.П.Феодализм в России. М.,1988.С.470-471.

213. Клосс Б.М. Указ.соч.с.54-65,396-397.

213а. Флоря Б.Н.Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (Эпоха средневековья).М.,1992.С.125,154-155; его же. Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России. ХУ -середина XIX в. Межд.конф. “Чтения памяти акад.Л.В.Черепнина”.4.2.М., 1994.С. 106-112; Назаров В.Д. Государство, сословия и реформы в России середины XVI в. // Там же.С. 1-8.

214. АСЭИ.Т.1. № 1; Беляев Л.А.Древние монастыри Москвы по данным археологии.М.,1994.С.86.

215. АИ.Т.1. № 229. ; Тебекин Д.А.П. № 220; Клосс Б.М. Указ.соч.С.59-60.

216. ГКЭ по Гороховцу кн.3б3б.Л.376-384; по Мурому № 7791,7792; по Нижнему Новгороду № 7982, 7984-7986.7989; АТСЛ. № 834-838; Гневушев А.М.Акты времени царствования Василия Шуйского № 16; Тебекин .П. № 190,212. Конкретное перечисление пожалованных земель см.: Черкасова М.С. Землевладение ТСМ. С.243-244 - табл.8.

217. ГКЭ по Мурому кн.7823.Л.31об.-32об.; ДАЙ. Т. IX. № 48.

218. ГКЭ по Гороховцу кн.3б3б.Л.5; Соколова Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVII - первой половине ХУШ вАвтореф.канд.дисс.М.,1990.

219. ГКЭ по Нижнему Новгороду № 7985; АТСЛ.Кн.582.Л.537; Водарский Я.Е.Церковные организации и их крепостные крестьяне. С.82 - № 121.

220. АТСЛ. № 423 (подробно описано господское хозяйство в с.Кузьминском);Кн.527.Л.404-405;Кн.628.Л.1-4.

221. ПСРЛ. Т.34.М.1978. С.191; Сборник Муханова.СПб.1866. № 133 (подтверждения в 1606 и 1613 гг.).

222. Подробнее см.: Черкасова М.С.Землевладение ТСМ.С.184.

223. ГКЭ по Белозерску кн.1039.Л.14-23об.; АТСЛ. Кн.527.Л.499-505, 559-563.

224. См.: Мелетий, иером. Исторические сведения об упраздненном Авнежском Троицком монастыре Вологодской епархии // ВЕВ. 1869.С.351-359; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии.Вологда,1880.С.86-103.

225. ВЕВ. 1869. С.399-400; 442-444.

226. Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне. С.81 - № 83.

227.ВЕВ. 1869.С.442-444; ГКЭ по Вологде № 2655,2658; АТСЛ. Кн.560.Л. 42-43об.,55об.-56.

228. ГКЭ по Вологде № 2652.2653; АТСЛ. Кн.560.Л.39об.-40; Кн.583.Л.200-201.; Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище.Вып.2.Вологда, 1900. № 326; Суворов И Сборник статей о Вологде.Б.м., б.г.С.423-424.

229. АСЭИ. Т.I. № 220,468; Сборник ГКЭ. Т.I. № 143.

230. Сборник ГКЭ.Т.1.№ 471, 472,482,503; Т.П. № 9.; ГКЭ по Холмогорам кн.14383.Л.166об.-167.

231. Ф.280.Кн.622.Ч.1.Л.735об. См. также: Черкасова М.С. Монастырская деревня в Подвинье в XVII-ХУШ вв. (по документации Николо-Чухченемского монастыря) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию г.Кирова) Киров, 1999.С.I 66-172.

232. ГВНП. № 152,153,155,158,167,169,170-176.224-227,239; Сборник ГКЭ.Т.1.№ 49,55,70,86.115,118,228,229; Приложение № Юа. В цитируемом издании всюду списки в копийной кн. 14385 отнесены к XIX в. (на самом деле это копийной кн. 532 - к 1680-м гг. (на самом деле это 1641 г.). Ранние чухченемские акты ХУ в. все были писаны на пергамене и имели вислые свинцовые печати. См.: Богословский М.М. Земское самоУправление на Русском Севере в XVII в.Т. 1.М., 1909.С. 82; Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах Х1У-ХУ вв. 4.1- 2.СП6.1903. С.I 1-15,40.

233. ПСЭИ.С.298-300; Кн.14385.Л.252-257об..262об.-265.; Водарский Я.Е.Церковные организации.С.82 - № 128.

234. Островская М.Земельный быт населения русского Севера в XVI-XVII вв.СПб.,1913.С. 166- прим.З; Покровский Н.Н.Актовые источники по истории черносошного землевладения. С. 190-191; Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVI в.С.37 - прим.43.

235. Сборник ГКЭ.Т.1. № 462,466.467, 507,581; Т.П. № 9.Стб.23-26 (в Двинской писцовой книге 1622/24 г. видим тщательное перечисление данных, меновных, закладных и прочих грамот на земли и угодья).

236. Камкин А.В. Севернорусские волости в конце ХУШ в.: Пространственное размещение, размеры, людность // Сельское расселение на Европейском Севере. Межвуз.сб.науч.ст.Вологда. 1993. С.67 - табл.4.

237. ААЭ.Т.Ш. № 202; АИ.Т.1. № 207; АИ.Т.Ш. № 162; АТСЛ.Кн.528.Л.1111об.-1113. упом.: Ткаченко ВА.Указ.статья.С.48 -прим.6.; Верюжский И. Указ. соч. С. 345.

238. ГКЭ по Соликамскукн.11261.Л.1-3, 7об.-910; Ф.1204.0п.1. № 23904д.

239. Смирнов П.П.Посадские люди и их классовая борьба в России. Т. 1.С.217; Т.2.С.509-510; Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.М.,1957.С.64-67.; Ф.248.Кн.809.Л.319-320,363-364.

240. Колесников П.А. Северная Русь (архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства в XVII в.).Вологда, 1971.С. 198,205; Собр.МДА.Кн.225.Л.268-268об. См.

также: Черкасова М.С.Троице-Сергиев монастырь и Вятско-Камский край в XVI-XVII вв.// Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Материалы межд. науч. конф.Т.I.Киров,! 996.С.221-227.

241. АТСЛ. Кн.526.Л.3об.-12об.; Кн.519.Л.97об.; ГКЭ по Москве № 7168 (ХП.П.№ 974); по Свияжску кн.11466.Л.15об-27; Каштанов С.М. К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-е годы XVI в. // Уч.зап.КГПИ.вып. 184.Историография и источниковедение: вопросы методики исследования.Казань,1978.С.132-143; его же. Экономическая политика Русского правительства в Казанском-крае в начале 60-х гг. XVI в./УСообщения Ростовского музея.Вып.1 Х.Ростов, 1998. С.51.

242. Черкасова М.С. Землевладение ТСМ.С.132-134.

243. Ф.29. № 1862; АТСЛ.Кн.527.Л.493.

244. ГКЭ по Казани № 6437; Кн.527.Л.401об.-402; Тебекин.1. № 304. Казанская слободка, как будто, была возвращена в феврале 1597 г.

245. Покровский И.М. Казанский архиерейский дом.Казань, 1904; Иванов Ю.Н. Феодальное землевладение в Казанской епархии во второй половине XVI-XVII в. Автореф канд. дисс. Казань. 1982; Тебекин . 1.№ 350, П. № 645 ; ГКЭ по Алатырю № 6 (на подлиннике “знамяна” Досая); кн.104.Л.38-39.

246. СПФ ИРИ РАН. Ф.29. № 1874; Каштанов С.М. О внутренней политике Ивана Грозного в период “великого княжения” Симеона Бекбулатовича // МГИАИ.Т.16.М,1961.С.457.

247. ГКЭ по Казани кн.6529.Л.13об.-14об.; Тебекин. № 145;,691; Кн.527.Л.380об.-382об.

248. Водарский Я.Е. Церковные организации. С.83 -№ 149.; РГАДА.Ф.237. Кн.40.Л.125-127об.

249. ГКЭ по Алатырю № 5; АТСЛ.Кн.571.Л.191-195об.,286-296.

250. Ошанина Е.Н. К истории заселения Нижнего Поволжья в XVII в. //Русское государство в XVII в.Сб.ст.М., 1961.С.50-74.

251. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI -первой половины XVII в.Тексты. № 92,124.

252.Самоквасо Д.Я. Архивный материал.Т.П.С. 136-137; Собр.МДА.Кн.225.Л.309

253. АТСЛ.Кн.637.Л.266-об.

254. АТСЛ.Кн.558.Л.10-12 (с подтверждениями 1601, 1613, 1680 гг.).; АГР.Т.1.№ 102; АТСЛ.Кн.631.Л.316-395об.

255. АТСЛ. Кн.631.Л.208-219об.; ГКЭ по Юрьеву № 14606,14610 ; Вклад.кн.Л.829; .М, 1997.С6.1 .С.70-81.

256. Собр.МДА.Кн.225.Л.279об.-280об.; АТСЛ. Кн.582.Л.201об.-202об Приводимая Я.Е.Водарским цифра - 4 двора - на 1678 г. для богоявленской пустыни Юрьевецкого уезда (если иметь в виду именно Пелегову) выглядит слишком заниженной (Водарский Я.Е.Церковные организации. С.96); ЧОИДР.1865. КнЛУ.С.142.

257. О некоторых связях этой пустыни с ТСМ в более раннее время свидетельствует вклад ее игумена Андроника в 1581 г. 10 руб. (Вклад.кн.Л.754об.).

258. ГКЭ по Нижнему Новгороду кн.8116.Л.188об.-190об.,221; АТСЛ.Кн.582.Л.163-167.

259. ЧОИДР. 1865. Кн.1У. С. 136; Водарский Я.Е.Промышленные селения Центральной России в период генезиса и развития капитализма-М., 1972.С. 191-192.

260. ГКЭ по Бежецку. № 1182,1194,1259.261.

261. Там же. № 1377. См. также ; Черкасова М.С.Бежецкая вотчина Троице-Сергиева монастыря в Х1У-XVI вв. // Проблемы истории СССР. Вып.ХП.М.,1982.С.З-15; ее же. Черты “новгородской старины” на пограничных землях Троице-Сергиева монастыря в Бежецком Верхе // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тез. докл. и сообщ. науч. конф.Новгород,1995.С.39-44.

262. АТСЛ.Кн.604.Л.1-об.,6об.; ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.610-614.

263.ПКМГ.П.С.257; Рубцов М.В. К материалам для церковной и бытовой истории.С.32-33; ПСЭИ.С.361; АТСЛ.Кн.658.Л.158об.ГКЭ по Твери кн.12626.Л.105об.

264. ГКЭ по Твери № 12612; Кн.532.Л.347об.-348об.

265.Собр.МДА.Кн.225.Л.289; АТСЛ.Кн.582.Л.507об.; ЧОИДР. 1865.1У. С. 146.

266. ГКЭ по Старице № 11722; Кн.11645.Л.41об.-43 (с подтверждением в 1680 г. царем Федором Алексеевичем); кн. 11683.Л. 12.

267. Ф.237. Кн.911.Л.183; Водарский Я.Е. Церковные организации. С.92 - № 501.

268. АТСЛ. № 961 (в виде узкого столбца на 9 склейках); Кн.627.Л.1-20об. (с подписью в 1680 г.); ПСЗ. !Т.П. № 807.; Водарский Я.Е. Церковные организации. С.79 (№ 5). 80 (№ 48), 81 (№ 73).

269. ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.571об.-572.

270. АСЭИ.Т.1. № 110,112,340,402; АТСЛ. Кн.571.Л.201-208% ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.754-758. Некоторые источники по Махрищскому монастырю были изданы

архим.Леонидом (Леонид, архим. Махрищской монастырь. Синодик и Вкладная книга //ЧОИДР. 1878. Кн.П.С.16-20).

271. АТСЛ.Кн.627.Л. 132-220; ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.95-103об.133об.-142,378об.-380об.

272. АФЗХ. 4.1. № 142; ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.127-130; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси Х1У-XVI вв. Т.1.М.- Л,1947.С.364-365.

273. Водарский Я.Е. Церковные организации. С. 89 - № 387.

274. ГКЭ по Москве № 7241, 724; ГКЭ по Переславлю кн.9370.Л.785об.-789

275. АТСЛ. Кн.627.Л.221-222.332-356об.,367-381 (отписные книги 1646 г.сытника И.Грекова на Симеоновский монастырь); ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.792об.-796; Водарский Я.Е. Церковные организации. С. 90.

276. Клосс Б.М. Указ соч. С. 306-308 ; Спирина Л.М.Хотьково // История сел и деревень Подмосковья Х1У -ХХ вв.Вып.1.М.,1998.С.150-15; Чернов С.3.Сельские монастыри Х1У-ХУ вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // Монастыри в жизни России. Материалы науч. конф.Калуга-Боровск, 1997.С.22-25; АСЭИ. Т.1.№ 410 (среди послухов купчей названы также троицкие монахи); АРГ. № 15 .

277. АТСЛ.Кн.520.Л.15-17; ХП.1. № 474; Чернов С.З.Сельские монастыри. С.23- 24 ; АТСЛ. № 892; Горский А.В. Историческое описание. Ч.П.Приложения архим.Леонида. С. 181.

278. РГАДА. Ф.1204.Кн.25481.Л.178-179 (духовная старца В.Якимова 1595 г.); ГКЭ по Старице № 11675. А.П.Павлов датирует духовную П.Житовой 1594-1605 гг. со ссылкой на кн.532.Л.1702об (Павлов А.П.Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере Старицкого уезда 1624-1626 гг. // ВИД.Вып.XVII.Л,1985.С.115).См.также: Маясова Н.А.Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // ТОДРЛ.Т.ХХП.Л.,1966.С.294-310.

279.ПКМГ.1.С.285; Ф.1209.Кн.685.Л.925об.; Собр.МДА.Кн.225.Л.239об.; АТСЛ.Кн.591.Л.53об. Ю.В.Готье считал, что Хотьков монастырь полностью запустел в смуту, однако это не так (Готье Ю.В.Замосковный край в XVII в.М,1906.С.211).

280.АТСЛ. Кн.528.Л.807-808об.; № 847 (подл. На пергамене. упом.: Ткаченко В.А. Указ.статья.С.48 -прим.19, с.47,49 - прим.38); Кн.536.Л.440об.-441об.; Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича-М.,1915.Приложения. № 131.С.71: АССЕМ. № 168.

281. РГАДА.Ф.248. Кн.809.Л.23об.

282. АСЭИ.Т.1. № 75,173,174,463,464.

283. Зверинский В.В. Материалы. № 1212.С.348 (считал годом приписки Стромынского монастыря 1617 Г.); . Видов К.А.Стромынь //История сел и деревнь

Подмосковья Х1У-ХХ вв.Вып.1.М.,1992.С.147-149; Черкасова М.С.Землевладение ТСМ.С.86 - прим.138; Клосс Б.М.Указ.соч.С.403-405; АТСЛ.Кн.600.Л.224; Кн.517.Л.248-285 (переписная книга Стромынского Успенского монастыря троицкого соборного старца Боголепа Редрикова 1616г.).

284. Собр.МДА.Кн.225.Л.249об.-252об.; АТСЛ.Кн.600.Л.224-234об.; ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.127; кн.9370.Л. 124-127.353-354об.

285.АТСЛ.Кн.556.Л.243-244;Кн.557.Л.125об.-126об.

QQQ

ГЛАВА IV.

1. АТСЛ.Кн. 63 6.Л. 169,175; Кн. 591.Л.47об.-48 (собственной деревенской округи с.Деулино не имело); Ф.1204.Ч.ХУ.Кн.25466.Л.259 (церковь “монастырского поставления”); Ф.280.Кн.622.4.1.Л. 121. О сильнейшем разорении Звенигорода в смуту см.: Шватченко О.А.,Аверьянов К.А. Звенигород в XVII в. //История сел и деревень Подмосковья Х1У-ХХ вв. Вып.З.М.,1993.С.46.

2. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале ХУШ в. (численность, сословие-классовый состав, размещение).М.,1977.С.46.

3. Чечулин Н.Д. Писцовые книги, издаваемые Русским Географическим обществом. Указатель. СПб.,1895.С.41; Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением. С.92.

4. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в.М., 1906.С.210; Черкасова М.С. Аграрные технологии в вотчине Троице-Сергиева монастыря в первой половине XVII в.: Земля и люди // Аграрные технологии в России 1Х-ХХ вв. Материалы ХХУ сессии Всеросс. симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы. Арзамас,1999.С.90-91.

5.Черкасова М.С. Население Троицких вотчин в Ростовском и Ярославском уезда в первой трети XVII в. / ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С.68 - табл.1; ее же. Переславские вотчины Троицкого монастыря по писцовому описанию 1620-1640-х гг. // ИКРЗ. 1997. Ростов, 1998.С.83 - табл.3; ее же. Монастырские крестьяне и феодальная рента в Угличском уезде в XVI - начале ХУШ в. // Документальные собрания Углича (статьи, публикации). Углич, 199 8. С. 74.

6. АТСЛ.Кн.Кн.582.Л.119,153об.,252; Кн.583.Л.194; Кн.591.Л.98-об. (29 деревень в подмосковной волости Вохне вымерли полностью);Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владениях высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. //ИА.Т.1У.М.-Л..1949.С.93-94;

7.Водарский Я.Е.Церковные организации и их крепостные крестьяне. С. 8 5 - № 230; его же. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность // Русское православие : Вехи истории. М.1989.С.539-540.

8. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти ХУШ в. М.1977.С.43-табл.1; С.53.

9. Водарский Я.Е. Церковные организации. Приложение П. С.83 - № 149 и с.91 - № 482. С.95 - прим.З;АТСЛ. Кн.582.Л.163-166.507об.-513; Кн.583.Л.209-213. По ряду уездов троицкие переписные книги 1678 г.в извлечениях были опубликованы Е.Е.Замысловским (Извлечения из переписных книг //ЛЗАК за 1878-1881 гг.Вып.8.СПб,1888.С.81-85,103-107,121-1ё27,168-197 (Бежецкий, Боровский, Балахнинский, Двинской уезды).

10. Водарский Я.Е. Количество и размещение дворов крепостных крестьян духовенства по уездам Европейской России к 1700 г. // Историческая география России. Ч.П.Источники и их характеристика. М.,1981.С.3-22; Водарский Я.Е. Население России. С.39-40.

11. РГАДА. Ф.237. Оп.З. Кн.911.

12. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне.С. 5 5-56,82.

13. Водарский Я.Е. Население России. С.49.

13 а. Шепукова Н.М. К вопросу об итогах подворной переписи 1678-1679 гг. // ИСССР.1960. № З.С.145-147.

14. Н.Чернов С. 3. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика //Памятники культуры. Новые открытия. 1988.М.,1989.С.413- 438; Барсегян Т.В.Монастырские поселения России //Сельские поселения России. Исторический и социокультурный очерк.Сб.ст.М.,1995.С.42-65; Соловьев Н.,Филимонов К. Сергиев Посад. Страницы истории Х1У - начала ХХв.М.,1997.

15. Черкасова М.С. К изучению монашеской антропонимики русского средневековья (По материалам Троице-Сергиева монастыря Х1У-XVII вв.// Проблемы истории культуры. Сб.науч.ст.Нижневартовск,1997.С.70-81.

16.Подъяпольский С.С. Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря в его отношении к строительству Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники Севера.Л.,1989.С.ЗЮ и др.

17.Арсений, иером. Село Клементьево, ныне часть Сергиева Посада //ЧОИДР. 1887.Кн.П.С. 1-61; ; Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси.С.99; АСЭИ.Т.1. № 649; Собр.МДА.Кн.225.Л.231-236; АТСЛ.Кн.600.Л. 143-145. НиколаеваТ.В Ремесленные слободы Троице-Сергиева монастыря. Рукопись в Сергиево-Посадском музее-заповеднике.

18. ДАИ.Т.Ш. № 119.С.519,517 (московские монастыри за время эпидемии потеряли: Чудов - 182 чел, Вознесенский - 90 стариц, Ивановский - 100 стариц, Алексеевский - 82 стариц).

19.Кн.25466.Л.6об.143.

20. Арсений, иером. Христорождественская церковь в Сергиевом Посаде Московской губ. //ЧОИДР. 1891. Кн.З.С.1-33.

21.АСЭИ. Т.I. №623,649.

22. ГКЭ по Переславлю № 1827,1828.

23. АРГ. № 18; ПКМГ.1.С.845; Веселовский С.Б. Село и деревня. С.100.

24. ПКМГ.1.С.866,869,870; АТСЛ.Кн.608.Л.107об.-152.

25. АРГ. № 21; Каштанов С.М. По следам троицких копийных книг XVIв.Ч.2 //ЗОР ГБЛ Вып. 40.М.,1979.С.43-47; его же. Историко- географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536-1537 гг.//Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР :Северный археографический сборник.Вып.VI.Вологда,1978.С.24-27;Веселовский С.Б.Село и деревня.С.85.См.также: Пономарева И.Г.Крупная вотчина Тверского края в ХУ - начале XVII в. (По материалам Троице-Калязина монастыря). Автореф.канд.дисс.М.,1987.

26. ГКЭ по Ростову кн.10573.Л.39-39об.; АТСЛ.Кн.583.Л.366об.- 382; Веселовский С.Б.Село и деревня.С.127-129.

27.См.: Черкасова М.С. Ярославское село Коприно - княжеская и монастырская вотчина в XVI-ХУШ вв . // ИКРЗ.1994.Ростов,1995.С.73-79.

28. Кн.518.Л.311-318; ГКЭ по Костроме №5028,5030,5096; Шумаков.Сотницы.П.С.22-24; Веселовский С.Б.Село и деревня.С. 122-123.

29. АРГ. № 196,198 ; ГКЭ по Ростову № 10565 ; Ф.1209,Кн. 10750; ПКМГ.П.С.11; АТСЛ,Кн.583.Л.63об-70 ; Каштанов С.М. Формирование Ростовского уезда в ХУ-XVI вв. Ч.2//ИКРЗ.1996.Ростов,1997.С.З-14.

29а. АИСЗР.П.С.284-285.

30. Шумаков С.А.Сотницы.1.С.173-179; Веселовский С.Б.Село и деревня.С.82-83; АТСЛ.Кн.636.Л.282-286;Кн.580.Л.227-232.

31. Шумаков. 1 .С. 162-170; ГКЭ по Малому Ярославцу № 7705.

32. Веселовский С.Б. Село и деревня.С. 141-143; ГКЭ по Серпейску № 11107; Собр.МДА.Кн.225.Л.167-168об.;Шумаков.Сотницы.1.С.170- 173.

33. ИА.Т.Ш. № 48.С.252-253; Шумаков. Сотницы. I.С.I 79-181; АТСЛ.Кн.636.Л.491об.-495об. ; Кн.591.Л.250-253об.

34.АТСЛ.Кн.635. Л.110об.,347об..374об.-376об.; Кн. 571.Л.232об.-241.; Кн.582.Л.272-340об.

35. АТСЛ. Кн. 577, 578 ; ГКЭ по Алатырю 108.

36. Никонов В.А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии. Сб. 50. Историческая география. М.1960.С.176.

37. АИСЗР. П.С.76 (в начале XVI в. деревские волостки принадлежали помещикам Ф.Салареву и Ф.Тараканову); 1У.Заключение.Л., 1989.С.I 19.

38. Черкасова М.С. Население Троицкой вотчины в Деревской пятине в конце XVI - первой половине XVII в. //Северо-Запад в аграрной истории России.Межвуз. сб.науч.тр. Калининград. 1993.С.59-64.

39. АТСЛ. Кн.604.

40. Подробнее см.: Черкасова М.С.Из истории монастырских сел Белозерья //Белозерье. Краеведческий альманах.вып.2.Вологда, 1998.С. 128-138.

41. ВЕВ.1869.С.440-442; АТСЛ.Кн.580.Л.202-206.; РГАДА. Ф.280.0п.З.Кн.622.Ч.1.Л.803-808об. (деревни и починки Авнежского монастыря в офицерских описях 1760-х гг. показаны как очень близко друг к другу расположенные - в 0,5-1,0 версте).

42.Романов Б.А.Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Из истории внутренней политики и классовых отношений в Русском государстве ХП-XVII вв.М.-Л.,1960.С.458

43.АРГ. № 184; ААЭ.Т.1. № 255.1; ПКМГ.1.С.74

44. Корм.кн.С.57; АТСЛ.Кн.520.Л.28-31; Материалы по истории крестьянства России X1-XVII вв.М.,1958.С.69-70; Н.П.Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М., 1988.С. 172 (определял площадь ; волости в 200 кв.верст); Зайцев А.К.О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети ХШ в. (Голубино, Волочок, Уполозы) //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987.М.,1989.С.68.

45. АТСЛ.Кн.599.Л.230-257об (опубл. с купюрами в ПКМГ.1.С.86-93); Кн. 600.Л.236-282; Кн.591.Л.70-98об.; ЧОИДР.1865. КнЛУ.С.127.

46. АТСЛ.Кн.527.Л.642-643; Кн.бОО.Л.245-246; Кн.618.Л.44,185об.; Черкасова М..С.ТоргоВО-ремесленные крестьяне Троице-Сергиева монастыря в XVI - первой половине XVII в./УАграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 32; Водарский Я.Е. Промышленные селения Центральной России.М.,1972.С.190-191.

47. ГКЭ по Бежецку № 1280; Кн.1444.Л.55об.; ААЭ.Т.1. № 296

48. ГКЭ по Ростову № 10557

49. АТСЛ.Кн.521.Л.241-243об.

50. АРГ. № 21; МК-20.Л.210об.-211; ПКМГ.П.С.24-25; ГКЭ по Угличу кн.13216.Л.46об.-48; АТСЛ.Кн.558.Л. 10-12; Кн.б33.Л.109.

51.ПКМГ.П.С.36; Ф.1209.Кн.498.Л.98; АТСЛ.Кн.583.Л.382; Кн.604.Л.221-222,230; Кн.633.Л.356-366об.

52.ПКМГ.1.С.790-791; АТСЛ.Кн.595.Л.2-3об.; Ф.1209.Кн.608.Л.711об.; ГКЭ по Владимиру № 1828.

53. ПКМГ.1.С.803-804; ГКЭ по Мурому № 7788.; АТСЛ.Кн.582.Л.91; Ф.1209.Кн.608.Л.731-731об.; ГКЭ по Переславлю № 8977

54. АСЭИ.Т.1. № 102,103,209;

55. Назаров В. Д. О проездном суде наместников в средневековой Руси // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.1987.М,1989.С.88.; АСЭИ.Т.1.№165,170,171,179.

56. АСЭИ.Т.1. № 112,133,354 357,399 ; АРГ. № 279; ААЭ.Т.1. № 279.

57. ГКЭ по Ростову № Ю560 (ХП. № 610);

58. Ф.1209. Кн.24.Л.936об.; Кн.10750.Л.838- 839об .; АТСЛ.Кн.573.Л.72; АТСЛ.Кн.583.Л.ЗЗЗ;ЧОИДР.1865.Ч.1У.С.147; ГКЭ по Бежецку № 1370, 1377;ПСЗ.Т.1.№35.

59. Колесников П.А. Северная Русь. Архивные источники по истории сельского хозяйства и крестьянства XVII в. Вологда, 1971.С.25. А.В.Камкин отмечает, что по Толшме проходили старинные торговые и волоковые пути из ярославско-костромских земель к Сухоне и далее вниз по ней к Тотьме (Камкин А.В. Севернорусские волости в конце ХУШ в. С.58).

60. АТСЛ.Кн.630.Л.196об.; Кн.634.Л.15-об.

61. АТСЛ.Кн.635.Л.375-376; ЧОИДР.1865. Ч.1У.С.140.

62. Собр.МДА.Кн.225.л.302об.

63. АРГ. № 46,83,230,233; АТСЛ.Кн.632.Л.66-68.

64. ГКЭ по Кашину кн.6813; Веселовский С.Б. Село и деревня.С.25.93; Кочин Г.Е.Сельское хозяйство.с. 169-170.

65. ГКЭ по Бежецку № 1389 ; по Кашину кн.6813.Л.13; АТСЛ.Кн.582. Л.507; ЧОИДР.1865.Ч.1У.С.137.

66. Чернов С.3.Сельские монастыри на северо-востоке Московского княжества по археологическим 27.

67. АСЭИданным.С.25-.Т.1. № 134,142.153.300,396,401,416,649

68. Каштанов С.М.Очерки русской дипломатики. У. № 45;АФЗХ.Ч.1№ № 71; АСЭИ.Т.1. № 649; ПКМГ.1.С.71-72; АТСЛ.Кн.бОО.Л.189;

69.АТСЛ.Кн.520.Л.144об.-147об; Кн.569.Л.20об.; Кн.599.Л.24-об.; Веселовский С.Б.Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси. С. 193-195; Токмаков И.Ф.Село Спас-Тушино Московской губернии и уезда. Краткий историко-статистический и археологический очерк. М., 1905.С. 1-7.Смирнов С.К.Церковно- исторический месяцослов Свято-Троицкие Сергиевы Лавры.М.,1854. С. 115.

70. АТСЛ. КН.591.Л.25; ЧОИДР. 1865.4. 1У.С.126.

71. АСЭИ.Т.1 № 332; ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.130;АТСЛ.Кн.582. Л.439; ЧОИДР.1865. Ч.1У.С.128 72.0РД. № 15,30; АСЭИ.Т.1. № 172,250; АТСЛ.Кн.527.Л.205об.-206 (ХП.1 № 333); Воронин Н.Н.К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, свобода, село. деревня) //Известия ГАИМК. Вып. 138 .М.- Л.,1935.С.29-30.

73. Колычева Е.И.К вопросу о малых монастырях в России XVI в // Церковь в истории России. М..1997.С6.1.С.78-79.

74. АСЭИ.Т.1. №39,155,215

75. Ивина Л.И. Внутреннее освоение.С.48-49; Верюжский И.Исторические сказания. С.234-235; АСЭИ.Т.1. № 115,189,215,254; ОРД. № 37; ГКЭ по Угличу кн.13126.Л.32,63;АТСЛ.Кн.633.л.Ю6; Кн. 658.Л.220 об

76. АРГ. № 190; АТСЛ. № 892; Кн.658.Л.184об,187; ГКЭ по Бежецку . Кн.1445.Л.9об..

77. ГКЭ по Дмитрову № 3775; Кн.3904.Л.184об.; ПКМГ.1.С.754.756;

78. АСЭИ. Т.I. № 354,396,470,578,582; АРГ. № 12; ПКМГ.1.С. 285,811;

79. Ф.1209.Кн.703.л.107об; ГКЭ по Юрьеву кн.14600.Л.Л.П9; по Мурому № 7787; Кн.7823.Л.6-об. ; АТСЛ.Кн.637.Л.178-об.;Кн.630.Л.171об.-172.

80. Камкин А. В. Православная Церковь на Севере России. Вологда, 1992. С.63-64.

81. Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России в ХУ-XVII вв.СПб,1913.С.Ю2; Камкин А.В.Указ.соч.С.64.

82. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI -первой половины XVII в. Тексты. № 40.С.58; № 43.С.63.

83. Там же. №144.205,231.

84. Корм.кн.С.45-46; ГКЭ по Бежецку кн.1444.Л.38об.ВЕВ.С.1869.С.438; АТСЛ.Кн.571 .Л.269об.; ПСЭИ.С.270; АТСЛ.Кн.583 .Л. 179,190об. (села Новое и Буяково

QQQ

ГЛАВА V.

1.Рожков Н.А.Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.С.402,408; Готье Ю.В.Замосковный край в XVII в.С.85; Колычева Е.И.Аграрный строй России в XVI в.С.73.

2. Колычева Е.И. Указ.соч.С. 196-197-табл.20.

3. Черкасова М.С. Землевладение ТСМ.С.265,272-274,279 и др. -табл.10.

5. Ф.1204. Оп.1.Ч.ХУ.Кн.25166.

6. АТСЛ.Кн.636.Л.491об.-493об.

6а.АИСЗР.П.С.167-168.

7.ВЕВ. 1869.С.400-403.

8. Черкасова М.С. Из истории монастырских сел Белозерья.С.132 - табл.1; Сборник ГКЭ.Т.П. № 9.Стб.17.

9. АТСЛ.Кн.658.Л.213-213об8, 255. Ю.Бакланова Е.Н.Крестьянский двор и община на Русском Севере.М.,1976.С.133.

11.Черкасова М.С. Крестьянское хозяйство на монастырских землях Ростовского и Ярославского уездов первой половине ХУ! в.// ИКРЗ. 1995.Ростов, 1996.С. 17-18, табл. 1.

11. Черкасова М.С. Крестьянское хозяйство на монастырских землях. С. 17-18 -табл.1; АТСЛ.Кн.518.Л.438-440.

12. Шапиро А.Л.Русское крестьянство перед закрепощением. С. 5 3.62 и табл.5. Некоторые соображения о методике подсчетов см.: Черкасова М.С. К изучению землеустройства Троице-Сергиева монастыря в XVI - начале XVII в. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXI У сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.М,1995.С.38-39.

13. АТСЛ.Кн.530.Л.119-120об.

14.АТСЛ.Кн.533.Л.1081.

15. Колычева Е.И. Аграрный строй России.С.89-95.

16. ГКЭ по Твери кн. 12556; Ф.1209.Кн.125 ; Рубцов М.В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края.Вып.2.Старица,1905.С.60.

17. АТСЛ.Кн.637.Л. 83, 97 и др.

18. АТСЛ.Кн.573.Л.153об.,154.

19. ПСЭИ.С.318-319,323-325, 354-359 и др. ; Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней Руси.М., 1937.С. 148; Срезневский И.И.Материалы для словаря древнерусского языка.Т. 1.М.,1958.Стб. 1259.

20. Бакланова Е.Н.Крестьянский двор и община. С. 137-138.

21. Дмитриева З.В. Вытная книга ключа Старого Волока Славинского Кирилло-Белозерского монастыря 1655 г. // Проблемы истории культуры. Сб.ст. к 175- летаю Ф.И.Буслаева.Ростов, 1993.С.44-45.

22. АТСЛ. Кн.604.

23. Шапиро А.Л., Дмитриева З.В. Выть - единица обложения в Русском государстве ХУ-XVII вв. Средневековая Русь. Сб. ст. к 65-летию проф.Р.Г.Скрынникова.СПб,1995.С.106-107,113.

24. АТСЛ.Кн.578,617.

25. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.М.,1977. С. 26-28 - табл.5; С.191-192 - табл.38; Шапиро А.Л.,Дмитриева З.В. Выть - единица обложения. С. 110-111 -табл.3; С. 124-125 -табл.14.

26. Вычисления проводились в Вологодском экономико-математическом Центре РАН А.Прокофьевым и на кафедре информатики физмата ВГПУ М.Рысиным, которым автор выражает свою благодарность. Формула коэффициента корреляции приведена в работах Н.А.Горской (Указ.соч.С.26 - прим. 15 и З.В.Дмитриевой (Шапиро А.Л.,Дмитриева З.В.Указ.статья.С. 134 - прим.53).

27. АТСЛ.Кн.530.Л.874-878. В научной литературе эта отказная книга была известна, если не ошибаемся, только М.А.Дьяконову, который впервые на нее сослался (Дьяконов М.А.Отзыв о сочинении Ю.В.Готье “Замосковный край в XVII в.” // Отчет о 49-м присуждении наград гр. А.С.Уварова. СПб,1909.С.71).

28. Горская Н.А. Указ.соч.С.26.

29. Назаров В.Д.,Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов в первой половине XVII в.// ИСССР. 1977. № 4.С.157-158 и табл.6 на с.162.

30. АТСЛ.Кн.637.Л.511-511об.

31. Шапиро А.Л.,Дмитриева З.В. Указ.статья. С.125-126-табл.14.

32. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России.С.26-29.

33. Шапиро А.Л., Дмитриева З .В. Указ.статья.С. 103, 126-127.

34. Александров В.А. Сельская община и вотчина в России (XVII - начало XIX в.) // ИЗ. Т.89.М..1972.С.231-291; его же.Сельская община в России (XVII -начало XIX в.).

М.,1976.С.182.С.182; его же. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII - начало XIX) // Проблемы типологии в этнографии.М.,1979.С.92-104; Горская Н.А. Монастырские крестьяне.С.231-232 ; ее же. Общинный собственник в русской деревне XVI-XVII вв. // Представления о собственности в российском обществе ХУ-ХУШ вв. М.,1998.С.44-45; Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма.С.48-49,64-65 и прим.64.

35.Дмитриева З.В. Земельные переделы XVI в. (По материалам вотчин Кирилло-Белозерского монастыря) // Russia Mediaevalis. Munchen. 1992.Т.VII. S.I 12-120; Колычева Е.И. Аграрный строй России. С.98-99. Обзор мнений о происхождении земельных переделов в общине см.: Прокофьева Л.С Крестьянская община в России во второй половине ХУШ - первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых).Л., 1981.С.54-56; Вдовина Л. Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине ХУШ в.М.,1988.С.64-б6.

36. Корм.кн.С.56 ; Добронравов В.Г.Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир. 1895.Вып.2.С.142-143; Смирнов М..И. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде ХУ-ХУШ вв. // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переславль-Залесский, 1928. Вып.6-7.С.50-51.

37. АТСЛ.Кн.637.Л.82; Милов Л.В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины ХУШ в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963.С.279-288; Горская НА., Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России //ИСССР.1982.№2.С.76.

38. АТСЛ. Кн.637.Л.90.97.

39. Дмитриева З.В. Организация обложения в крупной монастырской вотчине в XVI-XVII вв.Автореф.канд.дисс.Л.,1986.С.Ю.

40. АТСЛ.Кн.637.Л.97об.; ГКЭ по Переславлю кн.9086.Л.149-152об.

41. ПСЭИ.С.346; История крестьянства СССР.Т.2.С.279 (текст В.Д.Назарова).

42. Документы и материалы по истории Мордовской АССР.Т. 1 .Ч.2.Саранск. 1950.С.542-543.

43. Горская Н.А. Общинный собственник в русской деревне.С.44.

44. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община.С.154; Горская Н.А. Общинный собственник в русской деревне.С.45; Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России.С.56-71.

45. Черкасова М.С. Вытные и оброчные книги. Приложение 2. С.42-44.

46. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России.Гл.2.

47. АСЭИ. Т.I. № 563,564,571,607,607а,628.

47а. Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI В.М..1997.С.8-

48. ААЭ. Т.I. № 255.П, 307; Яковлев А.И.Наместничьи губные и земские уставные грамоты Московского государства.М., 1909.С.78-87; Кочин Г.Е.Материалы для терминологического словаря древней России.М.-Л., 1937.С.249.

49. Черкасова М.С. Формы землепользования в вотчине Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - первой четверти XVII в. //Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. Тез. докл. и сообщ. XXI У сессии симп. по аграрной истории Восточной Европы.М.,1994,с.22 -табл.22

50. АТСЛ.Кн.573.Л.96,102 (Ростовский у.).

51. Дмитриева З.В. Житничные целовальники в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз. сб. науч.тр.Калининград. 1984.С. 104-108; ее же. Крестьянская община в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. //Александр Ильич Копанев. Сб.ст. и воспоминаний. СПб, 1992. С.I 74-185.

52. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община.С.159.

52а. РГАДА. Ф.237. Оп.1.Ч.2.Кн.911.Л.136-139,146об,148об.,189-об.; Черкасова М.С. О тенденциях развития феодальной ренты в России в XVII - начале ХУШ в. (по документации Троице-Сергиева монастыря) // Европейский Север в культурно-историческом процессе. К 625-летию г.Кирова. Материалы междун. науч.конф. Киров, 1999.С.163 -табл.1.

53. Черкасова М.С. Формы землепользования в вотчине Троице-Сергиева монастыря. С. 21 - табл. 1.

54. Колычева Е.И. Аграрный строй России.С.98.

55. По изученным З.В.Дмитриевой вытным книгам Рукиной Слободки 1620-1630-х гг. пирог - это 1/32 выти (Дмитриева З.В.Вытные книги Рукиной Слободки с деревнями 1620-1630-х гг. // Кириллов. Краеведческий альманах.Вып.2.Вологда, 1998.С.228.

55а. Горская Н.А. Земледельческое хозяйство монастырского крестьянина центра Русского государства в XVII в. //ИЗ.Т. 104.М., 1979.С.221.

56. АСЭИ.Т. 1. № 420,649; Шумаков П.С. 173.

57. История крестьянства СССР.Т.П.С.326 - прим.84; АСЭИ.Т.1.С.753.

58.ААЭ.Т.1.№258.

QQQ

ГЛАВА VI.

1. Черкасова М.С. К вопросу о финансовом статусе русских монастырей в XVI-XVII вв. (По актовому материалу) // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып.З.Вологда, 1998.С.67-68; ее же. Вытные и оброчные книги Троице- Сергиева монастыря конца XVI - XVII вв. // Актуальные проблемы археографии и источниковедения отечественной истории Межвуз. сб .науч . ст.Вологда, 1999.С. 17-44.

2. Тихонов Ю.А. Феодальная рента Центральной России (конец XVI - первая половина XVII в.) // Вопросы истории. 1972. № 10.С.45-49; его же. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII - начале ХУШ в.М.,1974.С.158-162 ; Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987.С.89-94.

3. ПКМГ.1.С.610; АТСЛ.Кн.637.Л.331об-ЗЗЗоб.

4. ГКЭ по Казани кн.6431; по Свияжску кн. 11466; Шумаков.Сотницы.У!.С.23-27.

4а. АИСЗР.П.С.76.

5. АТСЛ.Кн.637.Л.170-170об,175.

6. Черкасова М.С. О формах землепользования в вотчине Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - первой четверти XVII в. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. ХХ1У сессия симп. по аграрной истории Восточной Европы.М.,1994.С.20.

7. Черкасова М.С. Монастырские крестьяне и феодальная рента в Угличском уезде в XVI - начале ХУШ в. // Документальные собрания Углича. Статьи, публикации (Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Вып.5). Углич, 1998.С.75 и табл.3.

8.ПКМГ.Отд.1.С.903,906;АТСЛ.Кн.639.Л.38-39об.;Тихонов Ю.А. Указ. статья. С. 4 7.

9.ГКЭ по Костроме кн.5201.

10. ГКЭ по Костроме кн.5385; АТСЛ.Кн.634.Л.13-129.

11. Черкасова М.С. Феодальная рента в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в Ростовском и Ярославском уездах в конце XVI - начале ХУШ В.//ИКРЗ.1998. Ростов. 1999.С.59-табл.2.

12.АТСЛ.Кн.604.Л.113об.; ГКЭ по Бежецку кн.1350.Л.306об.; Черкасова М.С. Феодальная эксплуатация в монастырской вотчине в XVII-ХУШ вв. (по материалам Деревской пятины и Бежецкого Верха) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф.Новгород. 1998.с.113.

13. Черкасова м.С. Монастырские крестьяне и феодальная рента в Угличском уезде. С.76 - табл.2.

14. РГАДА. Ф.1209. Кн.541.Л.185-190. В публикации Н.В.Калачова сведения о населении опущены.

15. АТСЛ.Кн.604.Л.2об.; Вклад.кн.Л.1140.

16. Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России в XVI - первой половине XIX в.Л.,1978.С.77.См. также: Черкасова М.С. Торгово-ремесленные крестьяне Троице-Сергиева монастыря в XVI - первой половине XVII в. // Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996.С.32-33.

17. АТСЛ. № 1033 (папка россыпи хозяйственной документации). Л.Поб.; № Ю48.Л.5об.

18. РГАДА.Ф.237. Оп.З. 4.1. Кн.911.Л.131.

19.

18а. Милов Л.В. К вопросу об эволюции барщинных отношений в монастырскомхозяйстве в середине ХУШ в. // Проблемы генезиса капитализма.М.,1970.С.291-300; его же. О производительности труда в земледелии России в середине ХУШ в. (По материалам монастырской барщины) // Историч.зап.Т.85.М.,1970.С.207-267; Комиссаренко А.И.Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная рформа в России (20-60-е гг. ХУШ в.) . Докт.дисс.М.,1984.Т.П.С.102-104-табл.52; Черкасова М.С. Феодальная эксплуатация в монастырской вотчине XVII-ХУШ вв.С.I 12-116; ее же. О тенденциях развития феодальной ренты в России в XVII - начале ХУШ в. // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999.С.160-166.

19. Сказкин С.Д. Избранные труды по истории (Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века).М., 1973.С.93. 19а. АФЗХ. 4.2. № 178; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.Ч.2. М.-Л..1936.С.126-127.

20. ПКМГ.1.С.68-69.

21. Акты писцового дела.Т.П.Вып-l.М., 1917. № 85,91.

22. Горская Н.А. Монастырские крестьяне.С.328-329; Соловьева Т.Б. О взаимоотношениях царской власти и патриаршества по земельному и финансовому вопросам во второй половине XVII в. // Вестник МГУ, серия история, 1978.№5.С.62.

23. Собр.МДА.Кн.225 .Л. 169об., 174,180.

24. Румянц.собр.Кн.52.Л. 152; АТСЛ. № 842.

25. АИ.Т.Ш.№132.

26. АТСЛ.Кн.637.JL257о6.-258; Самоквасов Д.Я.Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства.М.,1909.С. 136-137.

27. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси.М., 1988.С. 120-121.

28. Собр.МДА.Кн.225.Л.167.

29. Горская Н.А.Монастырские крестьяне. С. 332.

30. Сказание Авраамия Палицына / Подг.текста и комм.О.А.Державиной и Е.В.Колосовой.М.-Л.,1955.С.202-203 ; Соловьева Т.Б. О взаимоотношениях царской власти и патриаршества. С. 64.

31. Сказкин С.Д. Указ.соч. С.135-136.

QQQ

ГЛАВА VII.

1.РГАДА.Ф.ГКЭ по Балахне кн.409.Л.38об.-47; Сборник ГКЭ.Т.1. № 220а; ХП.П.№1039.

2. Кн.409.Л.45об.; Арсений, иером. Христорождественская церковьв Сергиевом посаде//ЧОИДР. 1891. Кн.3.Л.61.

3. ПСЭИ.С.298.

4. АТСЛ.Кн.527.Л.279об.; Кн.637.Л.408. См.: Каштанов С.М. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550,1577 и 1578 гг. на все вотчины (Соотношение текстов) // ЗОР ГБЛ.Вып.28.М.,1966.С.139; ОРД.С.203-прим.80.

5. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII в. Тексты. № 282; Комментарии. С. 199.

6. Сташевский Е.Д. Очерки истории царствования Михаила Федоровича.Ч.1.Киев.1913.С.171-172 и прим.3.

7. Сборник ГКЭ.Т.1.Приложение. № 529а,530 Грамоты 1624 г. нет в копийной книге 527. Грамота 1625 г. в ней есть: Кн.527.Л.559-563об.; АИ.Т.Ш. № 69.

8. Законодательные акты. № 237, 287.

9.РГАДА. Ф.1204. Оп.1.№ 239046.

9а. Сборник ГКЭ.Т.П. № 80; АГР..Т.П. № 148; ГКЭ, по Боровску № 640; по Бежецку № 1411; по Вере № 2368; по Костроме № 5380,5399; по Коломне № 6365; по Кашину № 6876; по Новосилю № 7932; по Пошехонью № 9773; по Переславлю № 9377; по Ростову № 10717; по Серпейску № 11121; по Угличу № 13017; по Ярославлю № 14890; ОР РГБ. Ф.67. Карт.27. № 36.

10. ААЭ.Т.Т.Ш. № 1; Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича.М.,1915. С.87. № 198.

11. Носов Н.Е.Губные наказы селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549-1550 гг. / / Соборное Уложение 1649 г.Л.,1949.С.97-98 и комм. А.Г.Манькова на с.291. на обороте

свитка Уложения одним из первых монастырских настоятелей подписался троицкий архимандрит Андреян.

12. ПСЗ.Т.1. № 507: Т.2. № 699; Т.3. № 1711.

13. ААЭ.Т.1-. № 1941-П; 244.

14. Исследования по отечественному источниковедению .Сб.ст,, посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. М.-Л.,1964.С.397-407; его же. Очерки по истории местного управления в Русском государстве в первой половине XVI в.М.-Л..1957.С.275-278.

15.Яковлев А. И. Наместничьи, губные и земские уставные земские грамоты Московского государства.М., 1909.С.78-87.

16. ГКЭ по Юрьеву № 14596; Тебекин.П. № 435.

17. Тебекин. №№ 327,428,429,435; ААЭ.Т.П. № 19.

18. Законодательные акты. Тексты. № 246; Комментарии. С. 190.

19. ГКЭ по Бежецку № 1388, по Белозерску кн.1039.Л.7об.-9; по Дмитрову № 4044 (1695 г.); по Костроме № 5347; по Клину 25; по Коломне № 6357; по Можайску № 7642; по Малому Ярославцу № 7704, 7719 (1694 г.); по Нижнему Новгороду № 8150, 8416 (691 г.); по Новому Торжку № 8381; по Переславлю № 9293; по Ростову № 10560; по Серпейску № 11114; по Старице № 11737; по Суздалю № 11956; по Твери № 12702; 12745, по Угличу № 12959; по Юрьеву № 14667,14668; по Ярославлю № 14846.

20. ГКЭ по Бежецку № 1276,1277,1299; Кн.1350.Л.315об.-318; Кн.1444.Л.95об.

21. Вклад.кн.Л.1203.

22. Собр.МДА.Кн.225.Л.238об.; Арсений, пером. Село Клементьево.С.12.; АТСЛ.Кн.556.Л.101-102об.

22. ОР РГБ. Ф.204 (ОИДР). Карт.22. № 2.

23. 24 .ГКЭ, по Вел.Новгороду № 8475; Собр.МДА.Кн.225.Л.180; Румянц.собр.Кн.52.Л. 166-167об.

25. ОР РГБ. Ф.67 (Я.П.Гарелин).Карт.27.№ 36.

26. ГКЭ по Можайску № 7667; Сборник ГКЭ.Т.П. № 80

27. АТСЛ. № 892; ААЭ.Т.П. № 7.С.41; Соборное Уложение 1649 г.С.34.

28. Преображенский А.А. Сословия и собственность (по материалам Соборного Уложения 1549 г.) //Представления о собственности в российском обществе ХУ-ХУШ вв.М., 1998.С.91.

29. Каштанов С.М. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 155 0.15 77 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) //ЗОРГБЛ.Вып.28,м.,1966.С.96-142.

30. Каштанов С.М.Очерки русской дипломатики.М.,1970.С.197-198.

31. ААЭ.Т. 1 .№ 273 (подл. - ГКЭ по Переславлю № 8951; ХП.П. № 887).

32. Каштанов С.М.ОРД.С.198-199.

33. ИА.Т.Ш. № 52 (ХП.П. № 946), 59 (ХП.П. № 948); Сборник князя Хилкова.М.,1879.№59 (ХП.П. № 942). См.также: Каштанов С.М.ОРД.С.174-201.

34. АТСЛ.Кн.519.Л.240-255,308; 256-273,324-325; Каштанов С.М.Копийные книги Троице -Сергиева монастыря XVI в. //ЗОР ГБЛ.Вып.18.М,1956.С.40.

35. АТСЛ.Кн.527.Л. 416об.-422.437об.-438об.; Тебекин. П. № 544.665.

36. ДАИ.Т.2.№ 49.

37. Акты писцового дела. Т.I.М.,1913. № 103.

38. Корецкий В.И. Правая грамота. С. 173 ;

39. Законодательные акты Русского государства.Тексты. № 126 ; Комментарии.С. 148 (автор А.И.Копанев).

40. АТСЛ.Кн.519.Л.94-94об.; ХП.П. № 949,974; Каштанов С.М. ОРД.С. 182.Черкасова М.С. К вопросу о финансовом статусе русских монастырей XVI-XVII вв. (по актовому материалу) //Кириллов. Краеведческий альманах.Вып.3.Вологда. 1998.С.78-82 - табл.1.

41. АЮ. № 209.У; 211.1-П; 212;213.1;214.Ш-VI; 216.1-П; 217.1; СборникГКЭ.Т.1.№311.

42. АТСЛ.Кн.573.Л.376об.

42а. АТН.Вып.2. № 58.

43. АТСЛ.Кн.527.Л.50-об,728об.-729; Колл.115.Кн.5.Л.303-307об.

44.Шумаков С.А.Сотницы. I.С.I 81-182.: Черкасова М.С. Землевладение ТСМ.С.189-191.

45. АТСЛ.Кн.5698,570.

45а.АИСЗР.П.С.283.

46. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в.М.. 1987.С. 166-167.

49. Веселовский С.Б.Сошное письмо.Т.П.М.,1915.С.419.

50.АТСЛ. Кн.631.Л.5об.-8, 45об.-109.

51. ГКЭ по Белозерску № 907 (подлинная выпись со скрепой А.Корнаухова); по Бежецку № 1352; АТСЛ.Кн.633.Л.354-об.; Кн.636.Л.50-54об.; Кн.533 по Дмитрову № 207.

52. АТСЛ.Кн.635.Л.383об.

53.Ф. 1209. Кн.9806 (общеуездное описание); АТСЛ..Кн.600 (выпись для монастыря).

54.ААЭ.Т.1.№339 ;Тебекин.1.№ 141144,145,165.229,231,266,268 ; ГКЭ, по Астрахани №219.220; по Балахне№ 276, по Костроме № 5132, по Казани кн.6529.Л.45-45об.; по Юрьевцу № 14592, 14598 и мн.др.

55. СборникГКЭ.Т.1. № 316;, 440; Тебекин. 1. № 140; ГКЭ по Холмогорам кн.14385.Л.151об.-153об. 9подтверждение царя Алексея Михайловича 20 мая 1657г.).

55а. Сборник ГКЭ.Т.I. № 491; Таможенные книги Московского государства XVII в.М.-Л.,1950.С.517,540,842; Таможенная книга г.Вологды 1634-1635 гг.М.,1983.С.79,119,449.

56. АТСЛ.Кн.519.Л.204об.-205 (в Перечне Тебекина нет).

57. АИ.Т.Ш.№154.

57а. Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича.С.311-312.

58.ПСЗ.Т.1. № 507; Т.П. № 699. См. также: Булыгин И.А.Борьба государства с феодальным иммунитетом //Общество и государство феодальной России. М., 1975.С.327-333; Захаров В.Н. Таможенное Управление в России в XVII в. //Государственные учреждения России XVI-ХУШ вв.М.,1991.С.57; Седов П.В.Борьба крупных монастырей против отмены тарханов в 1670-е гг. //Историческое, культурное и духовное наследие Кирилло-Белозерского монастыря. К 600-летиюоснования.СПб.,1998.С.34-49.

59. Акты Нижегородского Печерского монастыря. М., 1898.С.325-326

60. Ф.237.Кн.911.л.192об.

61. ПКМГ.Отд.П.С.35; Ф.1209.Кн. 22.Л.106об-107; Кн.498.Л.З; ГКЭ по Бежецку кн.1444.Л.90об; АТСЛ.Кн.604.Л.166об.-167об;633.Л.109об.

62. Каштанов С.М.ОРД.С.437-438 ; ААЭ.Т.П. № 12; Тебекин. П. № 373; Флоря Б.Н.Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец ХУ - начало XVII в.) // ИЗ. Т.I 18.М.,Й90.С.ЗЗО-350.

63. ААЭ.Т.Ш № 11; АТСЛ. № 842 (с дворцовой печатью); Ф.237. Кн.9П.Л.40, 195.

64. АТСЛ.Кн.527.Л.453об.-454; Тебекин 1. № 143 (подписывали, по- видимому, дьяки приказа Казанского Дворца - Д.Петелин и А.Шапилов); Собр.МДА.Кн.225.Л.274об.

65. ГКЭ, по Галичу № 3404, 3420; Ф.248.Кн.809.Л.312-313; Тебекин.П. № 458,547; Ф.57 (Волынские). Карт. 11. № 10 (список с келарской печатью).

66. ГКЭ по Владимиру № 1891 (в Перечне Тебекина нет).

67. ГКЭ по Костроме № 5129; Тебекин.1. № 216.

68. АТСЛ. Кн.527.Л.388-389; Тебекн.1.№ 249; Опубл.: Арсений, иером. Село Клементьево//ЧОИДР, 1887. Кн.2.С.52-53

69. Арсений. Указ. статья.С.53-58; ААЭ.Т.1. № 363 (в Перечне Тебекина нет).

70. ААЭ.Т.П. № 15; АТСЛ.Кн.527.Л.442-443, 642-643; Кн.536.Л.462-463; Тебекин.П. № 692; ГКЭ по Костроме № 5267; по Переславлю № 9289; Ярославлю № 14916; АТСЛ.Кн.556.Л.234-235об.; ПСЗ. Т.I. № 507; Черкасова М.С. Финансовый статус русских монастырей.С. 77; ее же. Феодальная эксплуатация в монастырской вотчине.С. 114; ее же. Монастырские крестьяне и феодальная рента в Угличском уезде.С.76 и табл.3;71 РГАДА .Ф.237.Оп.З.Кн.911.Л.19,143,152,193,194об. 195 и др.

71. Горский А. Д. О вотчинном суде на Руси в Х1У-ХУ вв. // Россия на централизации.Сб.ст.М.,1982.С.25 ; Каштанов С.М. К проблеме происхождения феодального иммунитете // Научные доклады высшей школы Историч. науки. 1959 № 4.С.106-121 .

72. ПКМГ.П.С.24; АГР. Т.I. № 70 ; ОРД. № 40; ПСЭИ.С.292; АТСЛ.Кн.604.Л.166; Кн.609.Л.44об,85об.; ААЭ.Т.1. № 255.1-П.

73.Колычева Е.И. Аграрный строй России в XVI в. С.I 14-115.

74. ОРД. № 40; Черкасова М.С. Монастырские крестьяне и феодальная рента в Угличском уезде в XVI - начале ХУШ в. //Документальные собрания Углича. Углич. 1998.С.75 - табл.2; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С.321.

74а. АТСЛ.Кн. 582.Л.207.217; Кн.591.Л.56об.; Кн.бОЗ.Л.83; Кн.609.Л.16; ГКЭ по Бежецку кн.1444.Л.59об.; кн.1445.Л.1;по Дмитрову кн.3885.Л.29об.; Ф.1209.Кн.258.Л.61об.;Кн.498.Л.311-об.; Ф.237. Оп.1.4.1. Кн.40.Л.396об.,397,398об.,400 (сведения из переписной кн.40 относятся к Николо-Песношскому монастырю); Александров В. А. Сельская община и вотчина в России (XVII - начало XIX в.) // Историч.зап.Т.89.М.,1972.С.264.

75 ААЭ.Т.1. № 201, 258; АТСЛ. Папка 103. № 4.Л. 46,654 ; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси.М., 1994.С.251-253.

75а. Петрикеев Д.И. КрVIIное крепостное хозяйство XVII в. Л.,1967.С.77-81.

76.ААЭ. Т.I. № 307; АФЗХ. Ш. № 23; АТСЛ. Кн.599.Л.200; РГАДА. Ф.237.0п.1.Ч.2.Кн.911.Л.194об.

77.ААЭ.Т.1. № 201; № 348.1,П; № 357; Сборник документов по истории СССР.Вып.З.ХУ! в. М.,1972. С.74-75 (публикация В.Д.Назарова).

78. Собр.МДА.Кн.225.Л.198об..

79. Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования. Ч. I.С.I 73.

80. ПКМГ. Отд.1. С.95; Материалы по истории крестьянства в России XI-XVII вв.М.,1958.С.69-70.

81. ОР РГБ. Ф.67 (Я.П.Гарелин).Карт.27. № 17 (подлинник с сохранившейся наполовину казенной печатью).; РГАДА. Ф.237.0п.L4.2.Кн.911.Л.102об.-103.

82.АТСЛ.Кн.637.Л.301об.,304об,308об.; ПСЭИ.С.354-359 (дымная книга пос.Татарову Суздальского у.).

83. Чечулин Н.Д. Писцовые книги Московского государства. Издаваемые Русским Географическим обществом. Указатель.СПб.,1895.С.21-22; Миклашевский И.Н. Древнерусские поземельные кадастры. СПб., 1903. С. 8-9.

84. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города.М,1988.С.35,63,75

85. Ф.280. Оп.3. Кн.622.Ч.1.Л.274,281об. (речь идет о Присецкой вотчинной конторе).

86. Павлов-Сильванский Н.П.Феодализм в России. М., 1988.С.316; Советов П.В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии.Кишинев, 1980.С.200 -табл.2; Яковенко Н.Н. Состав шляхты-землевладельцев Киевского воеводства накануне освободительной войны 1648-1654 гг. // Феодализм на Украине.Сб.науч.тр.Киев,1990.С.80,84.

87.Правда Русская. Т.П. Комментарии / Под ред. акад.Б.Д.Грекова.М.,1947.С.223,299-306

88. АФЗХ.Ч.П. № 391; Книга Ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. М.-Л.. 1948.С. 161-162; Сборник документов по истории СССР. Вып.3.ХУ! В.М..1972.С.104; Материалы по историйкрестьянства .С. 7'0-73.

89. С.903; Отд.П.С.6,14.16; АТСЛ. Кн.573,604.

90. Ф.280.0п.З.Кн.622.Ч.2.Л.87,88,90об.; Черкасова М.С. Сеньориальные пошлины Троице-Сергиева монастыря ХУ-ХУШ вв. (К вопросу обадминистративно-политических функциях вотчины-сеньории) //Сословия и государственная власть в России. ХУ - середина XIX в. Межд. конф. Чтения памяти акад.Л.В.Черенина.Ч.2.М.,1994.С.174-184.

91. Правда Русская. Т.П.С.561-564.

92. АТСЛ,Кн.577.Л. 1 (такое же в точности предисловие и в кн.578).

93 Барг М.А. Категории и методы исторической науки.М.,1984.С.254.

QQQ

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИВА И КАНЦЕЛЯРИИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ XVI - НАЧАЛА XVIII вв.

РАЗДЕЛ I. Документы, поступившие в монастырскую казну, но не сохранившиеся-Акты

1. 1566 г, июня 22. - Выпись из крепостных книг Поместного приказа, содержащая тексты двух данных грамот А. С. Воронцова на с. Фроловское Кашинского у., передаваемое в Троице-Сергиев монастырь (имела подпись А.С.Воронцова).

упом.: ГКЭ, по Кашину № 6760, стб. 2 (была предъявлена троицким старцем И. Белкиным "в келарево в Дорофеево и во всей братьи место" поместным дьякам П. Михайлову и В. Степанову, сличившим подпись А. С. Воронцова на выписи и на грамотах).

2. До 1580 г. - Данная Н. Фуникова Киржачскому монастырю на дворовое место во Владимире ("згорела в Троецком Киржацком монастыре с ыными вотчинными крепостьми").

упом.: Акты писцового дела. Т. 1. № 195 (в указной грамоте из Владимирской Чети во Владимир о сыске монастырского дворового места от 20 августа 1625 г.).

3. 1574/75 г. - Грамота (данная?) кн. Д. Друцкого и дьяка К. Горина Троице-Сергиеву м-рю на 4 пустоши в Юрьевском уезде.

упом.: Кн. 631. Л. 13 об. (была представлена дозорщикам в 1619—1621 г.).

4. 1574/75 г. - Тарханная грамота ("по слову Ивана IV") за приписью дьяка К. Горина Троице-Сергиеву м-рю на с. Давыдовское Переславского у.

упом.: Кн. 9086. Л. 152 об. (список с нее был представлен писцам в 1629—1631 гг.) Другие грамоты ТСМ, подписанные дьяком К. Гориным, см.: XII. II. № 949, 981.

5. 1584—1598 гг. - Жалованная данная грамота царя Федора Ивановича Троице-Сергиеву м-рю на дворцовое с. Пирово Городище в вол. Ярополче Владимирского у.

упом.: ПКМГ. I. С. 806. Кн. 659. Л. 161 об. ("даные крепости не объявилось").

6. Ок. 1587/88 г. (?) - "Государева жаловалная грамота", Киржачскому м-рю на с. Черное в вол. Стрелице Нижегородского у.

* Не сохранившиеся грамоты-упоминания, уже отмеченные нами (Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. .М., 1996.С.221-226.Табл.2-3), здесь не повторяются *(22 номера)*

упом.: Кн. 2048. Л. 284 об., Тебекин П. № 645, Гневушев. Акты. № 16.

7. Ок. 1587/88 г. - "Государева жаловалная грамота" Киржачскому м-рю на оброчное держание дер. Игумновой с дерр. и пустт. в Закудемском стане Нижегородского у.

упом.: Гневушев. Акты. № 16 (сгорела на Богоявленском подворье в Московском Кремле 18 августа 1606 г.).

8. Ок. 1587/88 г. - Указная грамота царя Федора Ивановича И. Шераповву об отказе Троице-Сергиеву м-рю дер. Игумновой с дерр. и пустт. в Нижегородском у.

упом.: Гневушев. Акты № 16 (сгорела на Богоявленском подворье в Московском Кремле 18 августа 1606 г.).

9. 1595 г., октября 1. - Жалованная послушная грамота царя Федора Ивановича крестьянам дер Овсяникова в Радонеже Московскго у., переданной после помещика кн. 3. Сугор-ского в Троице-Сергиев м-рь.

упом.: кн. 25 466. Л. 249—250 об., 389 ("за дьячею приписью, а которого дьяка, не подписано". Была предъявлена московскому писцу, стольнику Н. Вердеревскому в 1684/85 г.).

10. 1597/98 г. - Отводная грамота переславских губных старост М. Л. Болшева и Ю. А. Шилова Троице-Сергиеву м-рю на дер. Михалеву дачи И. В. Мякишева 7078 году. упом.: Кн. 659. Л. 36 об—37.

11. 1598 г., января. - 1602 г., июня. - Указная грамота царя Б. Ф. Годунова в Юрьев-Польский губным старостам Д. Шевыреву и М. Курову об освобождении троицких крестьян от губной повинности ("прежний наказ, каков дан о татинных и разбойных делех из Разбойного приказу").

упом.: ГКЭ, по Юрьеву № 14596; Тебекин. I. № 435.

12. 1604/05 г., - Жалованная грамота (общая?) патриарха Иова Троице-Сергиеву м-рю на освобождение причтов церквей в троицких селах от владычных пошлин и о невъезде в них патриарших наместников и десятинников.

упом.: Арсений. Христорождественская церковь. С. 61—62 (со ссылкой на опись крепостной казны: кн. 661. Л. 558 об.).

13. После 1605 г. июня - до 1606 г., мая 15. - Жалованная грамота "Гришки Розстриги" со старой жалованной грамоты Ивана IV Троице-Сергиеву м-рю за подписью дьяка Б. Сутупова на беспошлинную рыбную ловлю в Переславском и Сомине озерах Переславского у.

упом.: Кн. 527. Л. 422—443 об., Тебекин. I. № 545. Ср.: XII. I. № 383 - дьяк при выдаче не назван; при подтверждении дьяк другой, не Б. СутVIIов.

14. Не позднее 1610 г., января 6. - Жалованная уставная таможенная грамота царя В. И. Шуйскотого крестьянину Троице-Сергиева м-ря Я. Лентьеву на откуп таможенных пошлин в погостах вол. Вохны Московского у. упом.: кн. 527. Л. 642.

15. 1611/12 г. - Жалованная уставная таможенная грамот "от бояр наших" крестьянам вол. Вохны Московского у.

упом.: Кн. 527. Л. 642.

16. 1613/14 г. - Жалованная грамота царя Михаила Федорович Троице-Сергиеву (и Кирилло-Белозерскому ?) м-рям на двор с огородом в Ярославле: "стоялщиком ставитися и

дворником с тех дворов с посадскими людми тягла и никаких податей не ведено платить". упом.: Кн. 658. Л. 233.

17. 1614/15 г. - Жалованная данная грамота царя Михаила Федоровича Троице-Сергиеву м-рю на дворовое место в Муроме у церкви Николы Набережного ("утерялась в приход пана Лисовского", согласно сказке старца Михея ЖVIIанского и слуги Ивана Амосова).

упом.: ГКЭ, по Мурому № 7811 (в выписи на троицкие дворы от 30 апреля 1624 г.).

18. До 1615 г. - "Государева жаловалная грамота Николаевскому Чухченемскому м-рю, что десятилникам в монастырь не въезжати".

упом.: Сборник ГКЭ. I. № 448. Стб. 496 (переписная книга 1615 г.), ПСЭИ. С. 298 (переписная книга 1616 г.).

19. 1622/23 г. - "Государева грамота за приписью дьяка Савы Романчукова" на оброчную пожню Малую Сийцу Двинского у.

упом.: Сборник ГКЭ. П. № 9. Стб. 23 (была прислана из Москвы и представлена двинским писцам по челобитью троицких властей в 1623/24 г., "а прежние крепости на пожню поймали литовские люди в 122 г.").

20. 1623 г., ноября 21. - "Государева жаловалная грамота о стрелецких кормех и под нею роспись, сколько в котором селе четвертные пашни".

упом.: Кн. 660. Л. 44 (была прислана в казну келарем А. Булатниковым), Арсений. Казанская и Ильинская церкви. С. 6. - прим. 6.

21. Ок. 1625/26 гг. - Указная грамота патриарха Филарета в Коломну стольнику и воеводе П. А. Загряжскому о судебно-податных привилегиях для "нововкладной вотчины" Троице-Сергиева м-ря - полусельца Граворон и дер. Подберезники в Коломенском у., данных кнг. Евф. Черкасской.

упом.: Ф. 1204. Оп. 1. № 23904 б (в связи с нарушение воеводой этих привилегий).

22. До 1626/27 г. - Правая грамота с суда патриарха Филарета по делу о спорных сенных покосах Троице-Сергиева м-ря и вотчинника К. М. Кровкова в размере на 1000 копен и грабеже на сумму в 175,5 руб. в районе троицкого с. Дубровы Муромского у. упом.: ГКЭ, по Мурому № 7815; Кн. 7878. Л. 127—130.

23. Ок. 1627/28 г. - Правая грамота патриарха Филарета за приписью дьяков Ф. Рагозина и Г. Леонтьева на озеро Ижву в Ижевском стане Дмитровского у. упом.: ГКЭ, по Дмитрову кн. 3904. Л. 220.

24. 1627/28 г. - Указная грамота патриарха Филарета о ведении Покровской Антоньевой пустыни в Переславском у. властями Троице-Сергиева м-ря. упом.: Кн. 9086. Л. 130.

25. 1627/28 г. - Указная грамота патриарха Филарета за приписью дьяка Ф. Рагозина о возврате Троице-Сергиеву м-рю пустоши, что была дер. Конопляное во Владимирском у., данной еще в 1585/86 г. Б. П. Сущовым, а потом бывшее за помещиком В. Вяткиным. упом.: Кн. 630. Л. 56.

26. 1627/28 г. - Указная грамота (или серия грамот) патриарха Филарета за приписью дьяка Г. Леонтьева Троице-Сергиеву м-рю на ряд пустошей в Городецком стане Бежецкого Верха: пуст. Олексейцеву ("по даной вдовы С. Григорьевой 89 году, что владел в поместье Е. Скобеев"), пуст. Струкову с 2 пустт. ("по даной П. Ширятской 65 году, что владел в поместье И. Гребенкин с сестрою"), пуст. Горку и Боротову ("по даной А. Кошкодамова 78 году, что владел в поместье С. Заборовской"), пуст. Шелепулеву с 3 пустт. ("что владели игумен Антоньева Краснохолмского монастыря Варсонофей по даной старицы Д. С. Карауловой" 1617/18 г.).

упом.: Кн. 24. Л. 938 об. - 940 об, Кн. 1350. Л. 318 об.

27. 1628 г., июнь. - Жалованная (?) данная грамота царя Михаила Федоровича Троице-Сергиеву м-рю на пуст. Шаблыкину в Переславском у. упом.: Кн. 637. Л. 272 об.

28. 1628 г., февраля. - "Отказная государева святительская грамота" патриарха Филарета Городецкому губному старосте Вл. Орлову о пожаловании Троице-Сергиева м-ря сельцом Васильевым в Бежецком Верхе.

упом.: Кн.637.Л.272 (“список с тое грамоты отдан в крепосную казну”).

29. 1629/30 г. - Память из Поместного приказа за приписью дьяка В. Махова о даче на выкуп из Троице-Сергиева м-ря кн. А. В. Сицкому половины села Рождественского в Кацком стане Угличского у. по государеву указу.

упом.: Липинский М. А. Углицкие писцовые книги. Кн. 41. С. 332.

30. 1629/30 г. - Указная грамота по суду патр. Филарета из патриаршего Розряда за приписью дьяка Гавр. Леонтьева по спорному делу Троице-Сергиева м-ря с П. В. Жеребячничевым о сц. Краснове Юрьевского у. упом.: Кн. 631. Л. 256.

31. 1630/31 г. - Память по слову патриарха Филарета за приписью дьяка Ф. Рагозина о передаче в Троице-Сергиев м-рь пуст. Ендоуровой в Кашинском у., бывшей в споре у м-ря с боярином В. П. Морозовым.

упом.: Кн. 629. Л. 96.

32. 1630/31 г. - Грамота патриарха Филарета за приписью дьяка Фед. Рагозина на двор троицкого крестьянина Е. Д. Краснова в Муроме (бывшего пушкаря). упом.: ВГВ. 1853. С. 273 (в выписи 1637 г.).

33. До 1633 г., марта 19. - Правая грамота боярина и дворецкого кн. А. М. Львова и дьяков И. Федорова и М. Чиркова по спорному делу между троицким стряпчим Ф. Оничковым и кн. Н. Г. Ромодановским о земле села Байкова и дер. Резоватой Арзамасского у. упом.: Кн. 563. Л. 103—104.

34. Не позднее 1651 г., февраля 20. - Жалованная послушная грамота царя Алексея Михайловича крестьянам села Степкова Переславского уезда, данного Троице-Сергиеву м-рю вдовой оружничего Г. Г. Пушкина Ульяной.

упом.: ГКЭ, по Переславлю № 9273; Кн. 9370. Л. 647 об. (была похищена разбойниками у троицкого конюха М. Бокова на Московской большой дороге за Братошиным 20 февраля 1651 г.).

<u>Писцовая, переписная и платежная документация XVI—XVII вв.</u>

35. 1516/17 г. - Книги письма К. Львова на троицкие села Передел и Почап Малоярославецкого у., по которым ямские деньги выплачивались крестьянами, а городовое дело и посошная служба исполнялись в Боровске.

упом.: ГКЭ, Мал. Ярославец, № 7697; опубл.: АТН. П. № Ю; XII. № 358.

36. 1542/43 г. - Писцовые книги кн. Р. Дашкова, Ф. Адашева и дворцового дьяка Т. Дубровина на троицкие вотчины в московском, Дмитровском, Переславском уездах.

упом.: Кн. 530. Л. 210—227; Кн. 536. Л. 484—509 об. (межевые части этого описания).

37. 1542/43 г. - Сотная с книг кн. Р. Дашкова с тов. на троицкие села Иевлево, Богородицкое. Петровское в вол. Воре Московского у. упом.: Кн. 658. Л. 7 об.

38. 1552 г. - Кииги кн. Р. Вяземского и В. Козина на троицкие земли в Свияжском у. упом.: ГКЭ, по Казани, кн. 6431. Л. 16.

39. 1552 г. - Книги кн. П. Пожарского и И. Морева на троицкие земли в Свияжском у. упом.: ГКЭ, по Казани кн. 6431. Л. 15 об., 30, 31.

40. Ранее 1557/8 г. - Книги В. Гиреева и А. Облязова на троицкие вотчины в Ростовском У.

упом.:МК-254.Л.69об.

41. 1559—60 г. - Книги письма кн. А. Дашкова на троицкие вотчины в Костромском у. упом.: ПКМГ. I. С. 902, 904.

42. 1560/61 г. - Книги письма и меры П. Колединского на троицкие вотчины в Ростовском у.

упом.: Кн. 659. Л. 6.

43. Ранее 1561 г. - Книги письма Г. Яхонтова и В. Карачарова на троицкие вотчины в Муромском у.

упом.: ГКЭ, по Мурому № 7745.

44. 1565/66 г. - Книги Н. Борисова на троицкие вотчины в Казанском у. упом.: Кн. 519. Л. 106—107.

45. 1566/67 г. - Сотная с книг письма Д. Кикина с тов. на вотчину Троице-Свияжского м-ря.

упом.: Кн. 519. Л. 94 об. (упоминаются как представленные архим. Феодосием Ивану IV для выдачи новой жалованной тараханно-несудимой грамоты взамен сгоревшей); XII. П. № 949.

46. До 1571 г. - "Отписи в государевых податех" с села Дубешни Коломенского у.

упом.: ПКМГ. I. С. 611 ("сгорели в татарщину, а платили ежлет з жи-

* вущего с полчети сохи по сошному розводу сполна, на которой год по чему собрано по государеву указу").

47. 1578—1594 гг. - Платежные книги Большого прихода на троицкое с. Танищи Белозерского у.

упом.: ПКМГ. I. С. 420.

48. 1571/72 - 1573/74 г. - "Старые книги" и "прежние дозорные книги" на троицкие вотчины в Муромском у.
упом.: ПКМГ. I. С. 876, 879, 892.

49. 1572/73 г. - "Прежние переславские платежные книги письма Н. оксентьева на вотчину Троице-Махрищского м-ря.
упом.: Кн 571. Л. 204.

50. 1572/73 г. - "Платежные отписи", "бежецкая платежница" на троицкие вотчины в Бежецком Верхе (с вышеназванных книг?).
упом.: Кн. 1444. Л. 51, 79, 87 об., 114 об., 149 об.

51. 1573/74 г. - Книги письма и дозору М. Могутова и 3. Федцова на троицкие вотчины в Бежецком Верхе.
упом.: Кн. 1444. Л. 51, 79, 87 об., 114 об., 149 об.

52. 1573/74 г. - Книги письма и дозору И. Коробова и Б. Симонова с тов. на вол. Вохну Московского у.
упом.: Кн. 639. Л. 351 об.

53. 1573/74 г. - Книги письма и дозору И. Коробова на троицкие вотчины в Пошехонском у.
упом.: ПКМГ. II. С. 39.

54. 1573/74—1578/79 г. - "Старые книги" и "прежние дозорные книги" на троицкие земли в6 Владимирском у.
упом.: ПКМГ. I. С. 796, 801.

56. 1574/75—1577/78 г. - "Прежние дозорные, старые и записные книги на троицкие вотчины в Стародубе Ряполовском Суздальского у.
упом.: ПКМГ. П. С. 878, 865, 872.

57. 1574/75 гг. - Выпись с отдельных книг Р. Мелентьева за дьячею приписью на вотчины Троице-Свияжского и Троице-Казанского м-рей. упом.: Кн. 11466. Л. 1—2 об., 30.

58. 1578/79 г. - "Старые книги" на троицкие вотчины в Юрьевском у. упом.: ПКМГ. I.С. 859.

59. 1580/81 г. - Приправочные книги подъячего С. Кузьмина на троицкие вотчины в Кашинском у.
упом.: Кн. 3875. Л. 110; Кн. 632. Л. 66.

60. 1581/82 г. - Платежные книги дмитровских губных старост И. В. Чаплина и Н. М. Матюшкина на троицкие вотчины - половину с. Лазарева и сц. Ильинское. упом.: Кн. 258. Л. 225, 226 об.

61. 1581/82 г. - Приправочные книги Поместного приказа на троицкие вотчины в Переславском у.
упом.: ПКМГ. I. С. 850; Кн. 9370. Л. 389—394.

62. 1584—85 г. - Память дьяка С. Емельянова о количестве пашни в бывшем дворцовом с. Кляпове Звенигородского у., пожалованном царем Федором Ивановичем Троице-Сергиеву м-рю по душе Ивана IV.
упом.: ГКЭ, по Можайску № 7619.

63. 1585/86 г. - "Старое письмо" Е. Сабурова с тов. на троицкие вотчины в Московском У.
упом.: ПКМГ. I.С. 282, 283.

64. 1586/87 г. - Книги кн. В. Тюфякина и С. Сумарокова на троицкие вотчины в Тверском у.
упом.: Кн. 12556. Л. 5, 15 об, 22, 30, 41, 48.

65. 1586/87 г. - Писцовые книги Е. Старого и С. Васильева на троицкие вотчины в Старицком у.
упом.: ПКМГ. П. С. 405, 407, 408.

66. 1586/87 г. - Писцовые книги А. Клобукова, А. Григорьева, кн. М. Щербатого на троицкие вотчины в Тверском у. и на Новото[жско-Тверском рубеже. упом.: Кн. 12556. Л. 56; Кн. 527. Л. 404—405.

67. 1587/88 г. - Сотная с книг письма и дозору В. Ф. Борисова и Т. Аврамова на тоицкое с. Копосово с пустт. в Нижегородском у.
упом.: Кн. 658. Л. 249 ("не сыскали"); Кн. 659. Л. 185 об. ("не сыскали"); Кн 527. № 374; ГКЭ, по Ниж. Новгороду № 7984, 7986.

68. 1587/88 г. - Сотная с тех же книг на вотчину Киржачского м-ря село Черное Нижегородского у.
упом.: Кн. 659. Л. 189 об—190.

69. 1589—1593 гг. - Оброчные отписи балахнинских посадских целовальников на троицкие дворы и варницы.
упом.: Кн. 2048. Л. 306.

70. 1589—1593 гг. - Оброчные отписи дьяков Д. Алябьева и С. Сумарокова на троицкие земли в Нижегородском у.
упом.: Кн. 2048. Л. 288 об.

71. 1590/91 г. - "Платежница 99 году" на троицкие вотчины в Кашинском у. упом.: Кн. 3875. Л. 122.

73. 1592/93 г. - "Земленые и столповые книги" на троицкие вотчины в Переславском у. упом.: Кн. 9370. Л. 410.

74. 1592/93 г. Дозорные книги на отдельные троицкие вотчины в Костромском у. упом.: Кн. 647. Л. 171, 172 об, 173 об.

75. До 1593/94 г. - "Старое письмо" на троицкие вотчины в Коломенском у. (имеется в виду описание 1577/78 г.?).
упом.: ПКМГ. I. С. 438—439.

76. До 1593/94 г. - "Старые книги и старое письмо" на троицкие вотчины в Новосильском у.
упом.: Шумаков. I. С. 181.

77. До 1593/94 г. - "Старые книги" на троицкие вотчины в Серпейском у. упом.: Шумаков. I. С. 173.

78. До 1593/94 г. - "Приправочные книги и старые книги" на троицкие земли Малоярославецкого у.
упом.: Шумаков. I. С. 168, 170.

79. До 1593/94 г. - "Выпись межем и гранем" с прежних писцовых книг за приписью дьяка Л. Резанцова на троицкие земли в Свияжском у. упом.: Кн. 6431. Л. 30 об.

80. До 1593/94 г. - Приправочные книги на троицкие вотчины в Оболенском у. упом.: Шумков. I. С. 162.

81. До 1593/94 г. - "Старые книги" на троицкие вотчины в воровском у. упом.: Шумаков. I. С. 153, 155.

82. До 1596/97 г. - Приправочные книги письма и меры В. Вельяминова да Н. Усова на троицкие дворы и варницы в Малой Соли Костромского у. упом.: Кн. 5201. Л. 70—71.

83. 1611/12 г. - Дозорные книги К. Малышева и И. Антонова на троицкие вотчины Луговой стороны Костромского у. ("Судиславская припись Андомского стана"). упом.: Кн. 498. Л. 200.

84. 1611/12 г. - Приправочная роспись и книги Д. Наумова и В. Козодавлева на троицкие вотчины в Суздальском у.
упом.: Кн. 498. Л. 260, 281 об.—282; Кн. 532. Л. 1359 об.

85. 1611/12 г. - Дозорные книги Ю. А. Редрикова и подьячего В. Архипова на троицкие вотчины в Юрьевском у.
упом.: Кн. 631. Л. 13.

86. 1613—1616 гг. - Росписи с дозорных книг всей троицкой вотчины, положенное в сошное письмо за приписью дьяка П. Насонова 121—124 годов. упом.: Кн.660.Л.9об.

87. 1613/14 г. - Оброчные книги О. Коковинского на бобыльские дворы Троице-Сергиева м-ря в Муроме у ц. Николы Набережного.
упом.: ГКЭ, по Мурому № 8711; Кн. 7878. Л. 7 об.—9.

88. 1614/15 г. - Отписные книги кн. П. Пронского и дьяка В. Ларионова на Николо-Чухченемский м-рь в Двинском у.
упом.: Сборник ГКЭ. I. № 9. Стб. 23.

89. 1615 г. - Платежные отписи по Уплате крестьянами Киржачского м-ря с. Черного в Нижегородском у. оброчного меда и пошлин. упом.: Кн. 498. Л. 95.

90. До 1616 г. - Дозорная книга ярославских губных старост Б. Побединского и П. Колягина на троицкие вотчины.
упом.: Кн. 498. Л. 95.

91. До 1616 г. - Дозорная книга ростовского губного старосты И. Зайцева на троицкие вотчины.
упом.: Кн. 498. Л. 79.

92. До 1617 г. - "Прежние отписные книги" алатырского губного старосты Ф. Куроедова на вотчину Троице-Алатырского м-ря.
упом.: Кн. 571. Л. 191, 193 об.; Кн. 575. Л. 289—290 (выписи из этих книг имелись в казне Троице-Алатырского м-ря).

93. До 1617 г. - Выписи из книг Г. Бобрищева-Пушкина на вотчину Троице-Алатырского м-ря.
упом.: Кн. 571. Л. 192, 193 об., 195 об.

94. 1619/20 г. - Дозорные книги и выпись кн. И. Путятина и подьячего Ф. Тихомирова на Макарьеву пустынь под Городецком (Бежецком).
упом.: ГКЭ, по Бежецку № 1352 (платежная выпись из этих книг) ;
Колл. 115. Кн. 5. Л. 279 об.

95. 1619/20 г. - Дозорные книги кн. Н. Л. Шаховского и "роспись четвертной пашни за ево печатью 128 году" на троицкие вотчины в Дмитровском у.
упом.: Архив РАН. Кн. 146. № 139; Кн. 533, по Дмитрову № 201; Кн. 660. Л. 20 ("положена в дмитровский ящик").

96. 1620/21 г. - Дозорные книги И. Чемесова и подьячего В. Прокофьева на троицкие дворы в Боровске на Бордаковской земле.
упом.: Акты писцового дела. Т. I. № 178.

97. 1620/21 г. - Выпись из приходной книги Новгородской Чети об Уплате оброка и пошлин с пожни Малые Сийцы Вайгачевские Лудского усолья в Двинском у. упом.: Сборник ГКЭ. П. № 9. Стб. 24.

98. 1624/25 г. - "Посадские писцовые книги по Городецку" К. Кутузова 133 году", включающие и описание троицких дворов.
упом.: Колл. 115. Кн. 5. Л. 276 об.

99. 1633/34 г. - Отказные книги владимирского городового приказчика Н. Володимеро-ва Троице-Сергиеву м-рю на треть пуст. Юрьевца в Опольском стане, бывшую в споре с Владимирским Рождественским монастырем.

упом.: ГКЭ, по Владимиру № 1939; Кн. 763. Л. 427—428.

100. 1639/40 г. - Отказные книги подьячего Т. Афанасьева на село Клобуково в Юрьевском у., переданное в монастырь по царскому указу и по духовной грамоте В. И. Нагого.

упом.: ГКЭ по Юрьеву № 14634; Кн.763.Л.436-437об.

ЮГ. До 1674 г. - Писцовые книги на 3. Быкова на соляные варницы Троице-Сергиева м-ря в Балахне.

упом.: Действия Нижегород. губ. уч. арх. ком. Сб. XV. Вып. 1. С. 134— 145 (в писцовой книге 1674/76 г.).

102. 1683/84 г. - Перечневая выпись из документации Поместного приказа на все троицкие вотчины (для валовых писцов 1684-1685 гг.).

упом.: ЧОИДР. 1865. IV. С. 124—150 (общая жалованная грамота имп. Елисаветы Петровны 1752 г.).

103. 1699—1700 гг. - Платежные отписи из Свияжской приказной избы об Уплате с I. вотчин Троице-Свияжского м-ря "лесовых денег" и 4 отписи об Уплате оброчных денег с амбара в Свияжске (все - за подписью дьяков Г. Молчанова и В. Тиманова). упом.: Кн. 40. Л. 185.

РАЗДЕЛ II. Документы, созданные в крепостной казне Троицкого монастыря Акты крепостной казны

104. До 1580-х гг. - Вкладная грамота троицких властей старице Пелагее Житовой о погребении ее в монастыре за вклад половины села Михайловского в Старицком у. упом.: ГКЭ, по Старице № 11675.

105. 1585/86 г. - Вкладная отпись, составленная троицким подьячим К. Матрениным и скрепленная келарской печатью С. Ильину на сц. Власьево а Манатьине стане Московского у., купленное им у м-ря за 90 руб.

упом.: ПКМГ. I. С. 65 (была представлена московским писцам в 1593/94 г. старцем Феодоритом Румянцевым).

106. 1592/93 г. - Вкладная отпись троицких властей Г. А. Алябьеву в получении от него 50 руб. на поминовение.

упом.: Кн. 531, по Переславлю № 80; Ф. 29. № 1878.

107. 1612/13 г. - Оброчная грамота троицких властей за келарской печатью вдове Н. А. Клапшовой (урожд. Дьяковой) на дерр. Батину и Матюкову Тверского у. с обязанностью для держательницы платить с них полтину в год.

упом.: Кн. 5. Л. 308 об. (монастырский противень).

108. 1612/13 г. - Оброчная грамота троицких властей за келарской печатью вдове Н. А. Клапшовой (урожд. Дьяковой) на дерр. Батину и Матюкову Тверского у. с обязанностью для держательницы платить с них полтину в год.

упом.: Кн. 532. Л. 345 об. - 346 (светский противень).

109. 1616 г., августа 29. - Вкладная отпись троицких властей посадскому человеку П. Т. Касаткину в принятии от него вкладу в 50 руб. за проданные монастырю промыслы стоимостью в 190 руб. за 140 руб., "и за тот вклад буде похочет, и его постричь". упом.: Вклад, кн. Л. 994.

110. Ок. 1616/17 г. - "Властина грамота" Е. Лихоревой с сыновьями и пасынком на пожизненное владение в их костромском с. Новом 10-ю крестьянами. упом.: Кн. 573. Л. 291.

111. Не ранее 1617 г., января 23. - Вкладная отпись троицких властей за келарской печатью старцу Спасо-Пертоминского м-ря Иякову (в миру - попу И. Верещагину) на его вклад тони "на Терской стороне". упом.: Сборник ГКЭ. Т. П. № 144.

112. До 1612 г. - Данная троицких властей И. Чемоданову на монастырское сц. Орлово Московского у.

упом.: Кн. 637. Л. 236 ("не сыскали").

113. До 1621 г. - Два списка за келарской печатью с данной и духовной грамоты Н. Новосильцовой (старицы Пелагеи) на село Будимер Дмитровского у., проданное 27 июля 1612 г. в пожизненное держание дьяку И. Болотникову.

упом.: Кн. 637. Л. 77 об., 242 об. - 243; Вклад, кн. Л. 198 об.; Веселовский. Дьяки и подьячие. С. 61—62.

114. 1622/23 г. - Данная троицких властей ("за архимандритовою и за келарскою и за казначеевою руками") В. Шестакову на дер. Будцеву Дмитровоского у. в пожизненное держание ему, жене и детям "со всем строением и со крестьяны". упом.:Кн.3904.Л.232об.

115. До 1623 г. - "Властелинская жалованная оброчная грамота" троицким стрельцам на дер. Вантееву с 4 пустт. в Московском у.

упом.: Кн. 658. Л. 38.

116. До 1623 г. - "Властелинская указная подписная челобитная" П. Г. Синего на пожизненное владение третью сельца Сущева в Муромском у. упом.: Кн. 658. Л. 291 об.

117. До 1623 г. - "Властелинская подписная челобитная" П. Г. Синего на пожизненное владение дворовым местом во Владимире на посаде "в прогоне у р. Лыбеди". упом.: Кн. 658. Л. 288.

118. 1624 г., апреля 7. - Данная грамота троицких властей А. В. Родионову на пожизненное владение третью сц. Кулиг в Костромском у.

упом.: ГКЭ, по Костроме № 5158; Кн. 556. Л. 174 об. - 176 (светский противень).

119. 1629 г., марта. - Оброчная грамота троицких властей за келарской печатью Б. Д. Добровскому на владение пуст. Серковым с 2 пустт. в течение 10 лет с Уплатой ежегодно в казну монастыря 10 алтын (уезд неизвестен). упом.: Кн. 637. Л. 273.

120. 1629 г., июля. - "Данная грамота за келарской печатью и властелинскими руками" А. В. Родионову на три жеребья третьего поля сц. Кулиг и три жеребья пуст. Копани в Костромском у. (повторная сделка? См. № 118).

упом.: Кн. 637. Л. 282 об.

121. 1629/30 г. - Светский противень записи боярыни И. П. Головиной (урожд. Желябовской) на пожизненное владение сц. Драчевым и дер. Протасовой в Московском у.

упом.: Кн. 637. Л. 259 (противень был отдан в крепостную казну старцу И. Айгустову). Список же с подлинника монастырского противня этой записи, имевшего "келареву печать и властелинские руки" см.: кн 637. Л. 252—258 об.

122. 1630 г., июля 7. - Вкладная отпись троицких властей дьячку церкви Благовещения и Николая Чудотворца в с.Бабушкине Юрьевецкого у. Ф. Федотову в получении от него в 16-й выти в с.Бабушкине Юрьевецкого у. в трубе каменке "50 бадей россолу". упом.: Вклад, кн. Л. 228.

123. 1631/32 г. - KVIчая Троице-Сергиева м-ря у посадского человека И. Г. Протопопова на 100 бадей рассола на Балахне.

упом.: Действия Нижегор. уч. арх. ком. Т. XV. Вып. 1. С. 144 (в писцовой книге 1674/76 г.).

124. 1632 г., мая. - Вкладная отпись монастырских властей "москвитину торговому человеку устюжанину веденцу" А. А. Босову в получении от него 10 аршин алтабаса за 33 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 966.

125. 1632 г., мая. - Вкладная отпись троицких властей "москвитину торговому человеку" В. С. Босову в получении от него 20 аршин алтабаса (вид парчи. - М. Ч.) за 66 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 966.

126. 1632 г., июля 13. - Вкладная отпись троицких властей "москвитину государеву лужнику" А. Д. Никитину в получении от него 10 руб., "и будет похочет постричись, и его постричь, а вкладу ему прибавить".

упом.: Вклад, кн. Л. 966.

127. 1633 г., января. 14. - КVIIчая грамота троицких властей С. В. Чаплину на пуст. Соколову Дмитровском у. за 20 руб.

упом.: Вклад, кн. Л. 336 об.

128. До 1633 г., января 15. - Закладная М. Максимова троицким властям на свою вотчинную дер. Телешове Верхнее в Арзамасском у. за 250 руб. упом.: Кн. 636. Л. 456.

129. 1633 г., июня 30. - Вкладная троицких властей посадскому человеку М. Ондрееву в получении Юрьевца Повольского т него 5 руб. и записи его имени в синодик. упом.: Вклад, кн. Л. 984 (вкладную взял Вас. Бесперстой).

130. 1633 г., июля 8. - Вкладная отпись троицких властей арзамасцу посадскому человеку А. И. Облезову в получении от него 10 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 1004/2.

131. 1633 г., февраля 19. - Вкладная отпись троицких властей кн. И. А. Хилкову в получении от него 101 руб. за вотчину его тещи, старицы московского Вознесенского м-ря М. Волынской села Токарева в Рязанском у. (фактически выкуп села). упом.: Вклад, кн. Л. 312 об. - 313.

132. 1634 г., ноября 21. - Вкладная отпись троицких властей старцу Пимену (постриженнику Шартомского м-ря) в получении от него 10 руб. за принятие в Троицу. упом.: Вклад, кн. Л. 828 об.

133. 1635 г., апреля 15. - Вкладная отпись троицких властей черному священнику Тихону и крестьянам дер. Толковой на Всполье в Галиче в получении от них закладной кабалы, приравненной к 20 руб. "вкладу".

упом.: Вклад, кн. Л. 756 об.

134. 1635 г., января 2. - Вкладная отпись троицких властей В. Г. и Н. В. Коробьиным в получении от них 50 руб. на погребение их жены и матери. упом.: Вклад, кн. Л. 520 об.

135. 1635 г., января 2. - Вкладная отпись троицких властей С. С. Коробину в получении от нег 50 руб. за погребение отца, записи отцовского имени "в вечные сенадики и сельники и кормовые книги".

упом.: Вклад, кн. Л. 530 об.

136. 1635 г., марта 1. - Вкладная отпись троицких властей "бобыльку" дворцового с. Воздвиженского Московского у. Т. Андрееву в получении от него 10 руб., "и за тот вклад его постричь".

упом.: Вклад, кн. Л. 1029 об.

137. 1635 г., марта 8. - Вкладная отпись троицких властей георгиевскому попу Усольской осады Галицкого у. П. Лукьянову в получении от него 30 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 897.

138. 1635 г., декабря 23. - Вкладная отпись троицких властей крестьянину дворцовой Коряковской вол. Юрьевецкого у. Р. Ф. Красильнику в получении него двора в Пречистенском погосте в Пелегову пустынь ценой в 12 руб. за право быть постриженным и погребенным в ней.

упом.: Вклад, кн. Л. 984.

139. 1636 г., июня 25. - Вкладная отпись троицких властей кнг. А. В. Трубецкой в получении от нее 50 руб. вклада по ее дочери, княжне-иноке Федосье. упом.: Вклад, кн. Л. 268.

140. 1637 г., февраля 17. - Вкладная отпись троицких властей вдове торгового человека Жемчужного ряда Авдотье (фамилия не указана) в получении от нее 4 образов, записи имени в 2 синодика и погребении в "большом монастыре". упом.: Вклад, кн. Л. 967.

141. 1637 г., января 3. - Вкладная отпись троицких властей игумени Спасской Александровой пустыни Усольской осады Галицкого у. Иосифу с братией в получении от них пуст. Алексеевой с лесами и сенными покосами.

упом.: Вклад, кн. Л. 757.

142. 1637 г., января 20. - Вкладная отпись Троцких властей сестре монастырского слуги И. Рагозина Феодоре в получении от ее брата 5 руб. за ее пострижение в женском м-ре Покрова в Хотькове, а после смерти - погребении в "большом монастыре" и записи ее имени "сенадики по чину".

упом.: Вклад, кн. Л. 1074 об.

143.1638 г., февраля. - Вкладная отпись Троцких властей государственным крестьянам дер. Макарова Совьинской вол. Галицкого у. ("что живут блиско Галицкие Соли") в получении от них 2 руб., "и за тот вклад старцам Соли Галицкой их от сторон оберегати". упом.: Вклад, кн. Л. 994 об. - 995.

144. 1640 г., мая 25. - Вкладная отпись Троцких властей охотнику Ловчего пути И. И. Архарову в получении от него 50 руб. за устVIIку им трех своих крестьян с оформлением на них отписи в пользу корпорации.

упом.: Вклад, кн. Л. 631 (была дана в Москве при келаре Александре Булатникове), Арсений. Летопись. С. 24.

145. До 1641 г. - "Грамотка" келаря А. Булатникова окольничему В. И. Стрешневу в получении от него 100 руб.

упом.: Кн. 225. Л. 173.

146. До 1641 г. - "Келарская грамота" А. Булатникова о выдаче алатырцу И. А. Борисову 10 руб.

упом.: Кн. 225. Л. 165 об.

147. 1642 г., июля 5. - - Вкладная отпись Троцких властей думному дворянину М. Д. Фефилатьеву в получении от него вкладной драгоценной утварью. упом.: Вклад, кн. Л. 699.

148. 1643 г., ноября 22. - Вкладная отпись троицких властей А. И. Борецкому в получении от него 70 руб. на поминовение.

упом.: Вклад, кн. Л. 327.

149. 1644 г., октября 12. - Вкладная отпись Троцких властей И. Г. Квашнину в получени йот М. И. Писемской различных вкладов (деньгами, лошадьми, утварью) и записи в синодики имени ее мужа, Я. Г. Писемского.

упом.: Вклад, кн. Л. 327.

150. 1645 г., ноября 19. - Вкладная отпись Троцких властей М. И. Наумовой в получении от нее 40 руб. и коня и обязательством записать имя ее мужа "во все сенадики и сельни-ки и кормовые книги".

упом. Вклад, кн. Л. 328 об.

151. КVIIчая Троице-Сергиева м-ря у Б. Еремеева на 6 бадей рассола на Балахне. упом.: Действия Нижегор. уч. арх. ком. Т. XV. Вып. 1. С. 145.

152. 1648/49 г. - Вкладная отпись троицких властей С. Бердяеву в получении от нег 50 руб. в виде компенсации за убийство троицкими крестьянами ярославского с. Коприна крестьянки, принадлежащей С. Бердяеву. Эти 50 руб. были взысканы в качестве судебного

штрафа по соборному приговору с виновных крестьян Копринского села. упом.: Вклад, кн. Л. 636.

153. 1648 г., апреля 30. - Вкладная отпись троицких властей крестьянину дворцового с. Здвиженского И. В. Мошне в получении от него 7 руб. и двух стогов за 3 руб, "и за тот вклад по времени его постричь".

упом.: Вклад, кн. Л. 1030 об.

154. 1649 г., июня 25. - Вкладная грамота троицких властей своему же старцу И. Беклемишеву в получении от него ценной утвари на сумму 165 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 624 об.

155. 1649 г., июня 25. - Вкладная отпись троицких властей "служню сыну" И. Рукину в получении от него 10 руб. "за его кобылу ногайскую". упом.: Вклад, кн. Л. 1084 об.

156. 1650 г., февраля. - "Черная вкладная в столпу" Ф. С. Полозову в получении от нег 20 руб. за устVIIку им своего беглого крестьянина, осевшего в троицком с. Деулине и женившегося на монастырской крестьянке.

упом.: Вклад, кн. Л. 635 об. ("белая вкладная" была выдана Ф. С. Полозову).

157. 1650 г., марта 13. - Вкладная отпись троицких властей, выданная из ризной казны митрополиту Сарскому и Подонскому Серапиону в получении от него вкладов драгоценной утварью

упом.: Вклад, кн. Л. 90.

158. 1650 г., июля 8. - Вкладная отпись троицких властей их же старцу Г. Силину в получении от него вклада драгоценной утварью на сумму 73 руб. 30 алт. упом.: Вклад, кн. Л. 842.

159. 1650 г., октября 13. - Вкладная отпись троицких властей оружничему Г. Г. Пушкину в получении от него 100 золотых.

упом.: Вклад, кн. Л. 384 об.

160. 1651 г., января. - Вкладная отпись троицких властей кн. В. А. Оболенскому в получении от него 60 руб. (из общей суммы 290 руб., за сколько тот продал корпорации свой двор в Москве на Неглинной).

упом.: Вклад, кн. Л. 187 об.; Кн. 681. Л. 3.

161. 1651 г., февраля 17. - Вкладная отпись троицких властей их старцу В. Молоковскому в получении от него 5 руб., за которые его "посестрия" была пострижена в женском м-ре Покрова в Хотькове.

упом.: Вклад, кн. Л. 840.

162. 1651 г., апреля 9. - Вкладная отпись троицких властей братья А. П. и И. П. Акинфовым в получении от них 50 руб. на поминовение их матери. упом.: Вклад, кн. Л. 350 об.

163. 1652 г., марта 9. - Вкладная отпись троицких властей Д. И. Лешутину (слуге боярина Н. И. Романова) в получении от него вклада рыбой на сумму 90 руб. и за это пострижение его самого в "большом" м-ре, а его матери - в м-ре Покрова в Хотькове. упом.: Вклад, кн. Л. 950.

164. 1652 г., марта 23. - Вкладная отпись троицких властей кн. Ф. Р. Шаховскому в получений от него вклада лошадьми на сумму 45 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 540 об.

165. 1653 г., июля 20ю - Вкладная отпись троицких властей москвитину торговому человеку И. Моисееву с сыном Дементием в получении от них жеребца по цене 25 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 968 об.

166. 1654 г., апреля 20. - Вкладная отпись троицких властей старцу Г. Чеснову (бывшему архимандриту Костромского Ипатьевского м-ря) в получении от него 20 руб. за принятие его в состав троицкой братии, "и покоити ево братцкою пищею против соборных старцов". упом.: Вклад, кн. Л. 747.

167. 1654 г., сентября 12. - Вкладная отпись троицких властей крестьянину дворцововго с. Покровского (уезд не указан) М. И. Вылузгину в получении от него вклада конем ценой 10 руб.

упом.: Вклад, кн. Л. 1047.

168. 1655 г., сентября 25. - Вкладная отпись троицких властей вдове П. С. Афанасьевой (из Кадашевской слободы в Москве) в получении от нее вклада конем ценой 10 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 969.

169. 1661 г., января 12. - Вкладная отпись троицких властей думному дьяку С. И. Заборовскому в получении от него вкладом двух лошадей ценой 60 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 575.

170. 1669 г., июля 16. - Вкладная отпись троицких властей М. И. Хомякову-Языкову

упом.: Вклад, кн. Л. 472.

171. 1657 г., июля. - Вкладная отпись троицких властей стольнику И. Языкову в получении от него 100 четв. ржи и лошадей по душе его отца, схимника Макария Языкова. упом.: Вклад, кн. Л. 471 об.

172. 1672 г., октября 4. - Вкладная отпись троицких властей стольнику В. Ф. Мякинину в получении от него 215 руб. ("вытные деньги, доправленные по указу великого государя на троицких крестьянах нижегородского с. Черного за разбойников и ложное их челобитье и за скаски").

упом.: Вклад, кн. Л. 332.

Внутривотчинные акты, регулирующие сеньориально-крестьянские отношения Уставные грамоты-

173*. Конец 50-х - 60-е гг. XVI в. - фрагменты ранних уставных записей Троице-Сергиева м-ря и нормативы административно-судебных пошлин в селах Московского, Костромского, Бежецкого, Дмитровского, Переславского, Верейского, Малоярославецкого уездов.

Опубл.: ААЭ. Т. 1. № 255. 1-П (по подлиннику - "ветх и без начала"). Сп.: Погод. 1564.Л.36-40об.

174*. Ок. 1580 г. - Уставная оброчная грамота соборного старца Варсонофия Якимова, по приказу келаря Евстафия Головкина, крестьянам села Соболева Юрьевецкого у.

Ввиду исключительной ценности уставных грамот и малого их количества по Троицкому монастырю, в данном разделе перечня приводятся, наряду с упоминаниями, и остальные, текстуально известные уставные грамоты XVI—XVII вв., списки большинства из которых обнаружены нами в составе Погод. 1564. Сказанное относится также и к некоторым льготным, подрядным, поручным, хозяйственным записям. Все такого рода источники отмечены у номеров звездочками.

Опубл.: ААЭ. Т. I. № 307 (по подлиннику). Оригинал не разыскан. Сп. 1684 г.: Кн. 557 (Юрьев- Польский). № 5.

Другие публикации: Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. / Под ред. А. Э. Вормса. М., 1910. № 26; Сборник документов по истории СССР. Вып. III. XVI в. М., 1972. Разд. I. №41.

175*. 1589/90 г. - Уставная, с элементами жалованной, грамота властей Троице-Сергиева м-ря крестьянам с. Логинова-Пожарского Переславского у.

Сп. XVII в.: Кн. 637. Л. 478 об. - 479 (оригинал не разыскан); копия в архиве С. Б. Веселовского - Ф. 29. № 1851; упом: Ивина Л. И. Троицкий сборник материалов. С. 162.

176*. Ок. 1590 г. - Уставная грамота властей Троице-Сергиева м-ря крестьянам с. Введенского Олексина Кашинского у.

Сп.: Погод. 1564.Л.43-44об. ; упом.: ААЭ. Т. I. № 348.1.

177*. Ок. 1590 г. - Уставная грамота властей Троице-Сергиева м-ря крестьянам коломенских сел Екиматова и Осташкова (Остафьева).

Сп.: Погод. 1564.Л.45-45об. ; упом.: ААЭ. Т. I. № 348. II.

178*. 1590 г., апреля 29. - Уставная грамота властей Троице-Сергиева м-ря крестьянам с. Харитонова Владимирского у.

Сп.: Погод. 1564.Л.47-48об ; опубл.: ААЭ. Т. I. № 348. I; Памятники истории крестьян № 29 .Копия в архиве С. Б. Веселовского - СПб ФИРИ РАН. Ф. 29. № 1848 . 179*. 1590 г., мая 2. - Уставная оброчная грамота властей Троице-Сергиева м-ря крестьянам вол. Вохны Московского у.

Сп.: Погод. 1564.Л.49-50 ; опубл.: ААЭ. Т. I. № 348. Ш; Памятники истории крестьян. № 29; Копия в архиве С. Б. Веселовского - СП6 ФИРИ. Ф. 29 № 1850 . 180*. Ок. 1590 г. - Уставная грамота властей Троице-Сергиева м-ря крестьянам с. Кишкина Коломенского у.

Сп.: Погод. 1564.Л.46-об ; публ.: ААЭ. Т. I. № 348. П; Памятники истории крестьян. № 29; Феодальная деревня Московского гос-ва XIV—XVI вв. / Подг. Б. Д. Грекова. № 52.Копия в архиве С. Б. Веселовского - ф. 29. № 1849 . 181. "Келаревы грамоты" второй половины XVI в.

упом.: АСЭИ. III. Т. I. № 221 (подклейка втор. пол. XVI в. к акту XV в.).

182. 1594—1641 гг. - Общая уставная монастырская грамота о нормативах пашни на приказчиков и доводчиков - по 1 дес. ярового хлеба.

упом.: АТСЛ. № 849; Арсений. Доклады. С. 29, 55-56, 61-63 (грамота "учинена на соборе при прежних властех за руками").

183. 1612—1641 гг. - "Властелинская уставная грамота" Троице-Авнежскому м-рю в Вологодском у.

упом.: ВЕВ. С. 437 (фрагмент Описи 1641 г.).

184. 1616/17—1622/23 гг. - Уставная грамота властей Троице-Сергиева м-ря Макарьевой слободке под Городецком (Бежецком) и трем оброчным деревням, определяющая размеры "государевых податей и приказчиковых и доводчиковых и дьячих доходов". упом.: Кн. 604. Л. 6 об.

185*. 1691 г., марта 16. - Уставная оброчная грамота троицких властей крестьянам Хотимльской пустыни в Суздальском у.

Подл.: Ф. 67 (Я. П. Гарелин). Карт. 27. № 10 (оригинал с казенной домовой печатью Троице-Сергиева м-ря).

Опубл.: ВГВ. 1853. С. 305—307.

186. До 1677 г. - Устав, учиненный в Троице-Сергиевом м-ре келарской и казначейской службам.

упом.: Описи Саввина Сторожеского м-ря. М., 1994. С. 152 (по типу троицких предписывалось и в Саввине м-ре ввести такие уставы).

Другие "властины" грамоты крестьянам
(порядные, льготные, данные, вкладные, оброчные, жалованные)

187*. 1499 г., июня 2. Льготная грамота троицкого келаря Васьяна крестьянину С. Лукину с сыновьями на поселение на монастырской земле на р. Воре в Московском у.

Опубл.: АСЭИ. Т. I. № 623 (по кн. 518. Л. 505 об. - список 1534 г.).

188*. 1617 г., марта—апреля - 1618 г., марта. - 14 порядных записей крестьянам на поселение в селе Городок Радонеж при келаре А. Палицыне.

Опубл.: Черкасова М. С. Вытные и оброчные книги Троице-Сергиева монастыря кон XVI—XVII в. // Проблемы археографии и источниковедения. Вологда, 1999. С. 38-41 (по кн. 571. Л. 301-307).

189*. Ок. 1622/23 г. - Крестьянские порядные записи по Бежецкому, Пошехонскому и Ярославскому уездам, оформленные дворцовым старцем Л. Смагиным.

упом-ся и воспроизводятся (?): Кн. 604. Л. 85 об.—8.6, 154 об., 203 об., 209—210 об.

190. До 1641 г. - 20 "рядных записей" на крестьянах Двинского у., "что им жити за Николо-Чухченемским монастырем".

упом.:Кн.225.Л.283об.

191. Ранее 1616 г., апреля 1. - Льготная память троицких властей крестьянину М. Исаеву на освобождение его оклада 1/16 выти в с. Дуброве Муромского у. от государевых, монастырских, волостных и всяких податей "по кое число ему паметь дана". упом.: ПСЭИ. С. 305.

192. Ранее 1616 г., апреля 1. - Льготная память троицких властей крестьянину села Дубровы Муромского у. Ф. Помелову об освобождении от государевых и монастырских и волостных податей и изделья по Петров день 124 году". упом.: ПСЭИ. С. 305.

193. До 1616 г., апреля 17. - "Властина жаловалная грамота и подписная челобитная" крестьянам с. Рахманова Московского у., разрешающая разверстать поровну их тяглые доли земли на четырех пустошах - Репниковой, Мешетиной, Неверовой, Высокой, размеры которых определялись по писцовым книгам 1593/94 г. упом.: ПСЭИ. С. 324—325.

194. До 1616 г., апреля 1. — Льготная память троицких властей крестьянину дер. Рожновой Муромского у. П. Фомину на освобождение от монастырского оброка и доходов до 126 года.

упом.: ПСЭИ. С. 309.

195. 1617г., января 28. - Льготная грамота за келарской печатью А. Палицына крестьянам дерр. Воронцовой и Комякиной Московской у С. Яковлеву и Н. Носкову, порядившимся каждый со льготой на 10 лет до 1 марта 1627 г.

упом.: Кн. 571. Л. 301 об.; Черкасова М. С. Указ. статья. Приложение I. С. 38.

196. Ок. 1621 г. - Данная память троицких властей крестьянину Д. Яковлеву на право распашки пуст. Гомулихи Новинки тож в Бежецком Верхе на 3 года. упом.: Кн. 604. Л. 124.

197. Ок. 1621 г. - Данная память дворцового старца Ионы Голицына с его печатью крестьянину помещика Г. Рыкачева И. Завьялову на право распашки пуст. Дуловой в Бежецком Верхе на 3 года.

упом.: Кн. 604. Л. 141 (память была предъявлена И. Завьяловым дворцовому

старцу Л. Смагину); Вклад, кн. Л. 823/2 (старец И. Голицын умер в 1630 г.).

198. 1623/23 г. - Общие упоминания "властелинских жалованных оброчных грамот", на основании которых троицкие крестьяне, стрельцы и другие лица могли брать монастырские земли на оброк.

упом.: Кн. 604. Л. 38, 42 об.

199. 1622/23 г. - "Властина оброчная грамота" черному попу храма Рождества Пречистые Леониду в Макарьевой пустыни под Городецком на ежегодное получение из села Присек по чети ржи и овса (хлебной руги? - М. Ч.). упом.:Кн.604.Л.1об.

200. 1622/23 г. - Оброчная запись троицких властей крестьянину С. Самойлову на владение пустошами Дещаново и Серегино в Бежецком Верхе с изложением условий владения ("бес перекупки" и т. д.).

упом.: Кн. 604. Л. 116—117 (текст воспроизводится?).

201. 1622/23 г. - Данная дворцового старца Иннокентия Корсакова бобылю Макарьевой пустыни Д. Горбунову на оброчное владение 1/16 долей десятины за 1 руб. в год. упом.:Кн.637.Л.3об.

202. До 1623 г., июля 21. - Оброчная запись троицких властей крестьянам С. Селиванову, Л. Моисееву, В. Елизарову на владение ярославской пуст. Делки в течение 5 лет, до 21 июля 1628 г.

упом. и воспроиз.: Кн. 604. Л. 127 об.—128 об.

203. 1623 г. - "Властелинская жалованная грамота" крестьянам села Жегалова на владение пуст. Сускановой с 4 пустт. в Бохове ст. Московского у. упом.: Кн 658. Л. 42 об.

204. 1634 г., марта 1. - Вкладная троицких властей крестьянам П. К. и И. К. Мылниковым в получении от них 21 руб. 16 алт. 4 ден. и шелковой ткани для поминовения их родителей.

упом.: Вклад, кн. Л. 1201 об.

205. 1636/37 г. - Оброчная запись троицких властей крестьянам Троице-Свияжского м-ря на аренду мельницы.

упом.: Кн 225. Л. 295.

Подписные челобитные

206. Ок. 1595/96 г. - Подписная челобитная погорелых крестьян (имена и фамилии их не названы) села Илемны Верейского у. о снятии с них оброка "для пожару". упом.: Кн. 637. Л. 170 об.—171.

207. Ок. 1595/96 г. - Подписная челобитная крестьян дер. Павлищевой Бежецкого Верха Софонки и Федки (фамилии не указаны) о переводе на льготу 1/4 их выти от монастырских оброков.

упом.: Кн. 637. Л. 171 об.

208. Ок. 1595/96 г. - Подписная челобитная по келареву наказу крестьянам села Драчева Московского у. Микитке и Иову с тов. об освобождении их от платежа "московские дрова". упом.: Кн. 637. Л. 352 (подписку совершил троицкий дьяк Ф. Чуранов).

209. Ок. 1595/96 г. - Подписная челобитная крестьянина с. Осташкова (Остафьева) Коломенского у. Ланки (фамилия не указана) о снятии с него осьмака тягла. упом.: Кн. 637. Л. 332.

210. 1613/14 г. - Челобитная трех крестьянских семей, вышедших в Нижегородский у., о записи их "за Троицею в вывозные книги за Кудмою". упом.: ПСЭИ. С. 235.

211. Ок. 1616/17 г. - Подписная челобитная (по содержанию - оброчная запись) троицкого слуги П. Семенова на льготное владение пуст. Князевой Ростовского у. в течение 3 лет. упом. и воспроиз.: Кн. 573. Л. 101 об.—102.

212. До 1616 г., апреля 17. - “Властино жалованье” и подписная челобитная старосты с. Рахманова Московского у. И. Степанова с тов. на пуст. Гнусиху. упом.: ПСЭИ. С. 235.

213. Ок. 1616/17 г. — Подписная челобитная крестьян сел Берлюкова и Ивашкова Ростовского у. об освобождении их от сенокошения на монастырь и замене этой повинности 5 руб. оброка в казну.

упом.: Кн. 573. Л. 100.

214. 1619/20 г. — "Властинская подписная челобитная" крестьянину села Марьинского Костромского у. О. Рогачеву с тов. на оброчное владение мельницей и пашенными лугами на 25 саженей.

упом.: Кн. 658. Л. 252 ("А оброку не плачивал").

215. Ок. 1622/23 г. — Подписная челобитная "по властину указу" крестьянам с. Коприна Ярославского у. а оброчное владение лугами и островами на р. Волге. упом.: Кн. 604. Л. 213.

216. До 1622/23 г. — Подписная челобитная всех крестьян дер. Павловского и Порожку в Бежецком Верхе на оброчное владение пуст. Павлищовой. упом.: Кн.: 604. Л. 120 об. — 121.

217. 1638/39 г. — Подписная челобитная крестьян дер. KVIприянихи в Бежецком Верхе к. Овдокимова и д. Сидорова об Уплате им 2 руб. оброка в год. упом.: Кн. 637. Л. 150.

218. Ок. 1641 г. — Подписная челобитная властей Троице-Свияжского м-ря о крестьянине, портном мастере Савке.

упом.: Кн.225.Л.295.

Поручные записи и грамоты

219. 1852 г. (?). — Поручная запись, взятая в Москве в Большом Приходе с троицких крестьян Ф. Гришкина и И. Оксенова об Уплате ими оброчных денег с двух пустошей в вол. Сенге Владимирского у. по 20 алт. "ежегодно бесперeводно". упом.: ГКЭ, по Владимиру № 1854.

220. 1614 г., июля 11. — Поручная запись на крестьянине А. Федорове с 3 сыновьями о том, что он сам выведется на свой старый жеребий в с. Чаадаеве Муромского у. на Юрьев день "нынешнего 123 году".

упом.: ПСЭИ. С. 245—246.

221. 1614 г., февраля 28. — Поручные записи на возвращенных из бегов крестьянах Троице-Сергиева м-ря (вклеивались в столп и свозились в монастырь).

упом.: ПСЭИ. С. 249.

223. До 1632/33 г. — Две поручные записи — жилая и дворовая, взятые троицким старостой (имя не названо) на банщике Власке Кириллове, вышедшим из Сретенской сотни в Москве в троицкие закладчики.

упом.: История форм труда. I. С. 44.

224. 1698/99 г. — Поручная запись на крестьянине Тутолминой Слободки Киржачского м-ря Г. Тимофееве о получении в аренду мельницы под дер. Старковым в Переславском у. упом.: Кн. 40. Л. 40 об.

225. До 1701 г. — Поручные записи на крестьянах Троице-Авнежского м-ря Е. Тимофееве и Г. Савельеве с тов. "в рыбных ловлях в Марш-озере Вологодского у.". упом.: Кн. 40. Л. 212.

Жилые записи.

226. Ок. 1641 г. — Две жилые записи на горных мастеров Троице-Свияжского м-ря И. Воробьеве и Я. Терентьеве.

упом.:Кн.225.Л.295.

227. Девять жилых записей на крестьянах с. Петрецы Троице-Казанского м-ря.

упом.: Кн. 225. Л.293 (были даны новому строителю старцу И. Дружкову).

228. Ок. 1609/10 г. — Служилая (жилая?) запись на казенного мастера Ивашку Сусальника с условием получения от монастыря 5 руб. годового жалованья.

упом.: Смирнов П. П. Посадские люди. Т. I. С. 282—284 (со ссылкой на Столбцы Оружейной палаты).

Раздел III. Долговая и ссудно-кредитная документация Троице-Сергиева монастыря XVII в.

Денежные и хлебные кабалы троицких старцев, слуг, строителей приписных монастырей.

229. 1607/08, 1614/15, 1622/23, 1626/27, 1631/32 г. — "Старые кабалы" (содержание не раскрывается).

упом.:Кн.225.Л. 181.

230. Ок. 1612 г. — Денежные и хлебные ссудные записи на крестьянах с. Дубровы Муромского у. ("а ссуды за ними монастырские денежные и хлебные было много"). упом.: ПСЭИ.С.245.

231. 1613/14—1639 гг. — 65 вкладных кабал Николо-Чухченемского м-ря, по которым деньги должны быть взяты в троицкую казну. упом.:Кн.225.Л. 184.

232. 1628/29 г. — Хлебные кабалы и памяти на крестьянах Троице-Свияжского м-ря на 94,5 четверти.

упом.: Кн.225.Л. 295.

233. 1628/29—1640/41 г. — Росписи хлебных кабал житничного старца В. Ипатского "за его рукою".

упом.:Кн.225.Л. 194.

234. 1636/37 г. — Заемные хлебные памяти (по приказу келаря А. Булатникова) на дьяке М. Бухарове, И. М. и И. В. Аничковых, И. С. Боркове, В. Ельчанинове, кн. Ч. Великом-Гагине, кн. Ю. А. Сицком, кн. М. Извольском, Л. Баскакове. упом.: Кн.225.Л. 190 об., 194.

235. 1639/40 г. — "Келарская грамотка А. Булатникова с Москвы" о взятии на Ф. Е. Баскакове памяти в заемном хлебе.

упом.:Кн.225.Л 194.

236. 1640 г. — Книги соборного старца Н. Соловецкого по представлению крестьянам денег в долг за "Тулских даточных людей". упом.:Кн.225.Л 180.

237. 1636/37 г. — Книги заемному хлебу с росписями берущих его лиц.

упом.: Кн. 225. Л 194 ("хлебный долг на соборном старце Моисее Максимове имал человек его Нестерко Анисимов и в книгах вместо старца Моисея руку приложил человек его Ерошка Порьев").

238. До 1634 г. — Вкладные и "выморлые" кабалы дачи прежних казначеев (до С. Азарьина).

упом.: Кн.225.Л. 180.

239. 1636 г. — Кабалы старца Серапиона на крестьянине Троицкой Полянской слободки в Костроме Д. Васильеве в 4 руб.

упом.: Кн.225.Л 165.

240. До 1641 г. — Вкладные кабалы слуги Ф. Новоисльцева на монастырских крестьянах Галицкого у.

упом.: Кн.225.Л 171.

241. До 1641 г. — Вкладные кабалы слуги С. Ломанова на монастырских крестьянах на сумму 5 руб.

упом.: Кн.225.Л. 171.

242. До 1641 г. — Вкладные кабалы слуги И. Кушникова на подмонастырских крестьян с. Клементьева на сумму 32 руб.

упом.:Кн.225.Л. 172 об.

243. До 1641 г. — Вкладные кабалы троицкого слуги И. Головкина на кн. И. Н. Хованском в 20 руб. и на кн. В. Львове в 10 руб. упом.:Кн.225.Л. 175.

244. До 1641 г. — Вкладные кабалы слуги П. Савлукова на ростовце Б. Г. Татарове в 8 руб. и на крестьянах 20 сел и деревень Суздальского у. упом.:Кн.225.Л. 173, 175.

245. До 1641 г. — "Выморлые кабалы" старца П. Новикова на троицких слугах и служках на 8,5 руб.

упом.:Кн.225.Л. 172.

246. Ок. 1641 г. — "Выморлые кабалы" конюха С. Артамонова на крестьянах и служебниках с. Давыдовского Переславского у. упом.:Кн.225.Л. 172 об.

247. До 1641 г. — 14 кабал Троице Алатырского м-ря, привезенные из него в "большой" монастырь слугой Н. Палицыным.

упом.: Кн. 225. Л. 307 об. (слуга И. Измирин после освидетельствования этих кабал должен был вновь отвезти их в Алатырь).

248. До 1641 г. — Кабалы соборного старца Т. Казанца на крестьянах 13 сел Троице-Сергиева и Троице-Алатырского монастырей за хлебные запасы, "что указано было взять под Смоленск".

упом.: Кн. 225. Л. 172 (если имеется в виду Смоленская война, то датируется 1632—1634гг.).

249. До 1641 г. — Кабалы старца астраханского промыслу Е. Костромина, оформленные при казначее С. Азарьине (1634—1641 гг.?). упом.: Кн. 225. Л. 175.

250. До 1641 г. — Хлебные кабалы и памяти в хлебных долгах на крестьянах Хотимской пустыни Суздальского у.

упом.: Кн. 225. Л. 267 об.

251. До 1641 г. — Две кабалы старца А. Стромынца на троицких крестьянах на сумму 7руб.

упом.: Кн. 225. Л. 172.

252. До 1641 г. — Кабалы слуги Н. Шелепина на монастырских крестьянах Костромского у., посадских людях Костромы и Любима. упом.: Кн. 225. Л. 174 об.

253. До 1641 г. — Кабалы раздачи слуги Ф. Мисюрева посадским людям г. Юрьевца Повольского, стряпчим, служебникам и строителю Троице-Свияжского м-ря.

упом.: Кн. 225. Л. 170 об. (долги по этим кабалам должен был собрать и доставить в казну старец Б. Новгородец).

254. До 1641 г. — 47 кабал и памятей строителей Троице-Алатырского м-ря Т. Казанца, А. Федотова и М. Новосильцева на монастырских крестьянах на сумму 75 руб. упом.: Кн. 225. Л. 295, 308.

255. До 1641 г. — Кабалы строителя Троице-Казанского м-ря старца Маркела на крестьянах на сумму 84 руб.

упом.: Кн. 225. Л. 275.

256. До 1641 г. — Роспись слуги И. Шешкова долгов на крестьянах дер. Толстенковой Новосильского у.

упом.: Кн. 225. Л. 173 об.

257. До 1641 г. Книги заемному хлебу дачи строителя Успенского Стромынского м-ря Т. Пестрикова монастырским крестьянам. упом.: Кн. 225. Л. 250

258. 1696/97 г. — 110 заемных хлебных кабал дачи прежнего строителя Троице-Свияжского м-ря И. Суздальца на монастырских крестьянах. упом.: Кн. 40. Л. 190—191.

259. Ок. 1700 г. — Заемная память строителя Троице-Махрищского м-ря И. Закудемца на крестьянах в 3 четв. овса.

упом.:Кн.40.Л.40об.

260. 1701 г. — Книги долгового монастырского хлеба дачи строителя Киржачского м-ря В. Лихорева на крестьянах с. Селивановой Горы Переславского у. упом.:Кн.40.Л.47об.

261. Ок. 1701 г. — Заемная память старца Троице-Стромынского м-ря М. Теряева в заемном хлебе монастырском хлебе в 50 четв. овса. упом.:Кн.40.Л.40об.

262. До 1703 г. — Заемная кабала Троицких властей на бобыльском старосте подмонастырского села Клементьева Д. Аверкиеве в 22 р. 16 а. 4 дн.

упом.:Кн.911.Л. 15.

Заемные кабалы частных лиц, данные ими в Троицу в качестве денежных вкладов.

263. 1610 г., сентября 22. — Вкладные кабалы старца Г. Заклеина по своей душе на сумму 128 руб.

упом.: Вклад, кн. Л. 1053.

264. 1614/15 г. — Заемная кабала кн. П. И. Пронского на троицких слугах Н. Шелепине и А. Филиппове в 50 руб., полученных ими для Варзужского рыбного промысла.

упом.: Вклад, кн. Л. 133 об. (была дана в качестве вклада кн. М. Н. Пронским в 1631 г.).

265. 1629 г., марта 4. — Кабала А. И. Голубовского на А. Порывкине в 140 руб. упом.: Вклад, кн. Л. 553.

266. 1625 г., июля 4. — Отпись чернеца Иоасафа в получении закладной кабалы Б. Г. Дегтярева на передачу мельницы в Твери на Волынской стороне. упом.:Кн.532.Л.347об.

267. Ранее 1632 г., апреля 17. — Заемная кабала троицким властям на кн. М. М. Шаховском с сыном (старцем Мисаилом) в 100 руб. упом.: АТСЛ.№ 460.

268. До 1641 г. — "Памятные книги" записи кабал, даваемых в Троице-Сергиев м-рь в качестве денежных вкладов (после росписи дарителей кабал в монастырских "памятных книгах" подлинники кабал им возвращались).

упом.: Вклад, кн. С. 286. Л. 228 (II том списка 1639 г.).

269. До 1641 г. — Вкладная кабала костромского протопопа Федота на И. А. Акинфове в 10 руб.

упом.:Кн.225.Л. 181 об.

270. До 1641 г. — Вкладная кабала тяглеца Казенной слободки в Москве на К. В. Воеводина на торговом человеке Скорняжного ряда И. Васильеве в 23 руб. упом.:Кн.225.Л. 181.

271. До 1641 г. — Вкладная кабала Ш. В. Головкина на кн. В. Львове в 10 руб. упом.:Кн.225.Л. 181 об

272. До 1641 г. — Вкладная кабала вдовы А. Редриковой на Ваське серебрянике в 10 руб.

упом.: Кн.225.Л. 181.

273. До 1641 г. — Вкладные кабалы жены Г. Попова (имя не названо) из Юрьева-Повольского на разных лицах в 10 руб. упом.:Кн.225.Л. 172.

274. До 1641 г. — Вкладные кабалы дьяка Н. Шипулина на кн. Шаховском в 100 руб. и на госте Н. Светешникове в 200 руб.

упом.: Вклад, кн. Л. 691 об., 698 об.

275. 1647 г., 23 июня. — Заемная память слуги С. Дементьева на боярине В. П. Шереметеве в 100 руб.

упом.: Вклад. кн. Л. 1083 (кабала была дана женой слуги, Евдокией Дементьевой с сыном).

Раздел IV. Внутривотчинная учетная переписная и хозяйственная документация

276. 1534 г. — Грамоты, составляемые троицкими игуменами или келарями и содержащие поименный перечень людей в монастырских торговых лодках, направляющихся из Дмитрова на Шексну. Грамоты предназначались для местных мытчиков упом.: ГКЭ, по Дмитрову № 3763; ХП. I. № 322.

277. 1539/40 г. — Отписные ризные книги.

упом.: Вкл. кн. Л. 768 (записывались вклады гостей).

278. 1541/48 г. — Отписные ризные книги.

упом.: Вкл. кн. Л. 768 (записывались вклады гостей).

279. 1541 г. — Записные книги десятских, 50-десятских и сотских, в которые заносились торговые люди, приезжающие в мон-ские села Тверского, Новоторжского, Старицкого уу. "какие люди в котором дворе ставятся". упом.: ААЭ.Т.1.№ 194.1.

280. 1542 г. — Записные книги пятенной пошлины, ведущиеся приказчиками в монастырских селах.

упом.: Кн. 528. Л. 400 об.—401 об.; ХП. I. № 443.

281. 1552 г., марта 1. — Платяныеные книги.

упом.: Вкл. кн. Л. 364 об. (записан был земельный вклад).

282. 1559/60 г. — Отписные ризные книги.

упом.: Вкл. кн. Л. 768 (записывались вклады гостей).

283. 1574/75 г. — Отписные ризные книги ризничего старца Маркела. упом.: Вклад, кн. Л. 47, 47 об., 48 об., 51 об., 69 об., 81, 81 об., 86 об., 114, 124, 125,

126 об., 135 об., 140, 141 об., 155 об., 157 об., 165, 165 об., 186 об., 208, 208 об., 214 об., 224 и мн. др.

284. 1580/81 г. — Отписные ризные книги. упом.: Вклад. кн. Л. 307 об., 744.

285. 1582 г. (?) — Отписи на купленные монастырскими старцами, слугами, купчинами товары (прежде всего железо) в Устюжне Железопольской "на монастырский обиход". Представлялись земскими судьями во избежание излишнего таможенного обложения.

упом.: ААЭ. Т. 2. № 320; ХП. II. № 1131.

286. Вторая половина XVI в. — Фрагмент росписей монастырских оброков (в виде подклейки к акту № 221 из 1-го тома АСЭИ).

287. 1609/10 г.—1615 г. — "Прежние дворцовые книги" дворцового старца И. Скобельцина в Бежецком, Ярославском, Пошехонском уездах.

упом.: Кн. 604. Л. 8 об., 13 об., 14 об., 16, 21 об., 60 об., 112 об., 194 об. и др.

288. До 1616 г., июня 20. — Роспись пусторному хлебу, высеваемому крестьянами на "пусторных жеребьях" в жилых и пустых деревнях. В конце расписывались выборные целовальники, " которым тот хлеб приказан".

упом.: ПСЭИ. С. 337 (с. Баскаки Бежецкого Верха).

289. До 1617 г. — "Прежние оброчные книги" с. Расловского Переславского у., составленные по "келареву окладу". упом.: Кн. 573. Л. 4.

290. Ок. 1622/23 г. — "Пусторные книги посельских" отдачи в наем крестьянам пустующей пашни в жилых селениях.

упом.: Кн. 604. Л. 8 об. (Бежецкий Верх).

291. До 1623/24 г. — Книги записи денежного оброка с отдаваемых в "наем" пустошей в Московском у.

упом.: Арсений. Казанская и Ильинская церкви. С. 14 (по писцовой книге Московского у. 1622/23 г.).

292. До 1623 г., января. — Дворцовые книги вытных окладов крестьянской тяглой и "лишней за тяглом" земли в Бежецком, Ярославском, Пошехонском уу. Старца Т. Казанца. упом.: Кн. 604. Л. 4 об., 5 об., 8, 12, 26 об. и мн. Др.

293. 1624/25 г. — Отписные книги патриаршего дьяка Федора Рагозина денежной казны Троице-Сергиева м-ря.

упом.: Кн. 225. Л. 144 об.

294. До 1627—1629 гг. — Монастырская роспись пустошей с. Татарова Стародуба Ряполовского в Суздальском у.

упом.: Кн. 632. Л. 362 об.—365.

295. До 1627—1629 гг. — Монастырская роспись слуги П. Васильева на пустое сц. Булатников (Булатово) с пуст. в Боровском у. упом.: Кн. 636. Л. 593.

296. Ок. 1633/34 г. — Отписные книги денежной казны Троице-Сергиева м-ря архимандрита Нектария, келаря А. Булатникова и соборных старцев казначею С. Азарьину. упом.: Кн. 225. Л. 225. Л. 144 об.; Арсений. Летопись. С. 38.

297. До 1638/39 г. — "Прежние дворцовые книги" села Костомы Костромского у. упом.: Кн. 637. Л. 169.

298. До 1638/39 г. — "Дворцовые вытные книги прежних сбавок" старца П. Нащокина, С. Фомина и Н. Яганова в Солимировской сохе Бежецкого Верха. упом.: Кн. 637. Л. 151 об.

299. Ок. 1639/40 г. — "Дозорные вытные книги дворцового старца Т. Казанца". упом.: Кн. 637. Л. 511—511 об.

300. До 1641 г. — Отписные книги Пятницкого Подольного монастырька ("за руками троицких властей").

упом.: Кн. 225. Л. 228.

301. До 1641 г. — Роспись монастырских соляных и рыбных промыслов в Ржевском у., Соли Галицкой, на Балахне, на Луде, Варзуге, Тетюшах и Астрахани ("за руками архим. Андреяна, казначея С. Азарьина и соборных старцев").

упом.: Кн. 225. Л. 227.

302. До 1641 г. — "У житный список большого посельского старца М. XVIIанского, в котором были учтены запасы господского хлеба на монастырских полях, в гумнах и в скирдах.

упом.:Кн.225.Л.212об.

303. До 1641 г. — Роспись посельского с. Дубров Муромского у. У. Ярославца монастырской скотине на конюшенном дворе. упом.: Кн.225.Л.226.

304. До 1641 г. — Росписи житничного старца В. Ипатского запасам монастырского хлеба.

упом.: Кн.225.Л. 192.

305. До 1641 г. — Отписные книги Стромынского Успенского м-ря строителя Т. Пестрикова.

упом.: Кн.225.Л. 294.

306. До 1641 г. — "Прежние отписные книги" Троице-Свияжского м-ря строителя М. Новосильцева.

упом.: Кн.225.Л. 294.

307. До 1641 г. — Окладные книги вотчин Успенского Стромынского м-ря, "хто на какове доле живет и с чево хто государевы подати и монастырские оброки платит".

упом.: Кн. 225. Л. 252 об. (находились в казне "в дому Живоначальной Троицы в большом монастыре").

308. 1679/80 г. — Фрагмент записи монастырских оброков и государевых платежей, взятых с крестьян с. Фроловского Кашинского у. и с с. Олферьевского Серпейского у. упом.:АТСЛ.№ 1028.

309. До 1695/96 г. — Переписные книги Троице-Свияжского м-ря строителя И. Суздальца (описание монастырской пашни, сенокосных и рыбных угодий). упом.: Кн. 577. Л. 1.

310. До 1695796 г. — Росписные книги монастырских строений в алтырских селах Мишуково и Тургаково слуги К. Желтухина. упом.: Кн. 578. Л. 32, 46.

311. 1695/96 г. — Росписные книги монастырскому хлебу в алатырском с. Четвертаково.

упом.: Кн. 578. Л. 4.

312. До 1696 г. — Память прежнего строителя Троице-Алатырского м-ря на 100 четв. монастырского хлеба, отправленных из с. Мишукова в Алатырь. упом.: Кн. 40. Л. 147 об.

Приходно-расходная документация

313. 1515 г., июня 30. — Книги казначея Павла (записывались денежные суммы за продажу вкладных вотчин).

упом.:Кн.658.Л.292об.

314. 1534 г., июня 15. — Книги казначея Симона Шубина (записывались денежные суммы за продажу вкладных вотчин). упом.: Кн. 658. Л. 80 об.

315. 1568 г., июня 30. — Приходные книги записи денег на поминальные кормы, поступающие с монастырских сел. упом.: Корм. кн. С. 46.

316. Не позднее 1602 г. — Записные книги венечных пошлин, ведущиеся приказчиками монастырских сел (сначала присылались в монастырь, откуда отвозились в Москву и сдавались в патриаршую казну).

упом.: АТСЛ.№ 990.

317. 1614 г., июля 3. — Казенные книги записи денежных вкладов (служили доказательством факта денежного вклада для контрагента в случае потери им вкладной отписи из троицкой казны).

упом.: АТСЛ. Кн. 541. Л. 288 об. —290 об.

318. До 1618г., марта 18. — Приходные и расходные книги Троице-Алатырского м-ря старца Никона.

упом.: Кн. 571. Л. 289—290, 294 об.

319. Ок. 1623 г. — Дворцовые приходные книги записи оброков со дворов в Малой Соли Костромского у.

упом.: Кн. 658. Л. 213, 217 об., 247.

320. 1622/23 г. — Приходные дворцовые книги старца Т. Казанца записи денег за оброчные наемные пустоши и за перевоз в Бежецком Верхе. упом.: Кн. 604. Л. 164.

321. 1630—1640-е гг. — Приходные книги записи денег за выкупаемые у Троице-Сергиева м-ря вотчины.

упом.: Вклад, кн. Л. 230 об., 1079 об.

322. 1637 г. — Расходные книги деньгам, данным казначеем С. Азарьиным на монастырские промыслы и покупки. упом.: Кн. 225. Л. 170.

323. Ок. 1641 г. — "Казенные приходные книги" записи "всяких промыслов и доходов" (лавок, шалашей, амбаров, скамей, кузниц, бань, харчевен, "подходячего торга, яичной краски и мыльной продажи" и пр.) в подмонастырском с. Клементьеве, "за кем именем те всякие промыслы в откупу".

упом.: Кн.225.Л.238.

324. Ок. 1641 г. — Расходная книга строителя Богоявленского подворья в Московском Кремле старца Л. Алатырца по представлению денег в долг крестьянам. упом.: Кн.225.Л.45об.

325. Ок. 1641 г. — Расходные книги раздачи денег в долг троицким старцам слугам казначея С. Азарьина.

упом.: Кн.225.Л. 165, 188.

326. Ок. 1641 г. — "Казенная расходная книга денег и кормов, идущих на поминовение вкладчиков.

упом.: Вклад, кн. Л. 837 (делилась на "главы").

327. 1684—1698 гг. — “Ризничьи переписные книги” иером. Иоасафа Константиновского.

упом.: Вклад, кн. (сп. 1639 г.). Л. 224 об., 448, 451 об., 469 об.. и мн. др.; Кн. 27. Л. 403.

328. 1689/90 г. — Фрагменты приходных книг записи наемных денег за оброчные угодья в Дмитровском у.

упом.:АТСЛ.№ 1032.

329. 1694/95 г. — Приходные книги мельничных денег старца Ф. Рагозина в Алатырском у. (на р. Суре).

упом.: Кн. 578. Л. 3.

330. Ок. 1701 г. — Приходные книги "всякому хлебу в большом Троицком монастыре".

упом.: Кн. 27. Л. 407 об.

331. 1736 г. — Книги ризной казны.

упом.: Вклад, кн. Л. 77 об., 79, 197, 272, 329 об., 356 об., 385, 401 об., 412 об и мн. др.

Раздел V. Дело- и судопроизводственная документация

332. 1613/14 г. — Монастырские "вывозные книги", регистрирующие внутривотчинные миграции крестьян.

упом.: ПСЭИ. С. 235 (Закудемский стан Нижегородского у.)

333. 1614г. — "Столпы" на вывозимых в троицкие вотчины беглых крестьян.

упом.: ПСЭИ. С. 186, 191, 199, 246, 249, 250-252, 254.

334. 1614 г., февраля 28—мая 1. — "Имянная роспись за келарскою печатью" на старинных крестьян, вышедших из монастырских вотчин с 1604/05 г. в Суздальском, Муромском, Гороховецком, Нижегородском, Юрьевецком, Балахнинском уу.

упом.: ПСЭИ. С. 185; Черепнин Л. В. Из истории борьбы ха крестьян. С. 101; Маньков А. Г. Побеги крестьян. С. 47; Греков В. Д. Крестьяне на Руси. С. 920.

335. 1614 г., мая 1. — "Ослушная тетрадь" записей спорных крестьян между Троице-Сергиевым м-рем и вотчинником С. Я. Милюковым в Юрьевском у. упом.: ПСЭИ. С. 227, 228; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 101.

336. 1636 г., декабря 12. — Дело по выкупу из Троицкого м-ря 1,5 жеребья вотчины С. А. Айгустова в с. Голоперове Переславского у. "со крестьяны"

упом.: Вклад, кн. Л. 230 об. (даны на выкуп по родству кн. И. А. Шеховскому за 100 руб.).

337. 1645 г., декабря. — "Столп 154 году" в Околомонастырском дворце по поводу вкладных лошадей кн. Д. М. Пожарского. упом.: Вклад, кн. Л. 359.

338. 1648 г., декабря 14. — "Столп московских дел" по поводу пострижения дворового человека кнг. А. В. Трубецкой Г. Кайдашева. упом.: Вклад, кн. Л. 949.

339. 1649/50 г. — Тетрадь указов судебного характера о приводных крестьянах. упом.: Ф. 178 (Музей, собр.). Карт. 10973. Д. 54.

340. 1652 г., мая. — "Дело в Галицком столе" у слуги И. Шешкова по иску жильца П. Б. Симонова о луге к дер. Юриной приселка Поемечья Костромского у. на сумму 30 руб. (состав "дела": челобитная П. Симонова, договорная запись с ним старца Д. Белого, вкладная ему отпись "безденежно из троицкой казны").

упом.: Вклад, кн. Л. 636.

341. 1652 г., августа 8. — "Столп нынешнего 160 году" по поводу уступки Троицкому м-рю беглой крестьянской семьи боярином Л. Д. Салтыковым. Уступка была приравнена к вкладу в 50 руб. (состав "дела": черная вкладная, выписка из соборной кельи в Галицкий стол).

упом.: Вклад, кн. Л. 196 об.

342. 1665 г., сентября 11. — Дело Троицкого приказного стола об устVIIке М. Н. Чемодановым крестьян Сергиеву м-рю и передаче поступной памяти на них. упом.: Вклад, кн. Л. 476 об.

343. 1666 г., апреля. — Дело Троицкого приказного стола по иску И. П. Внукова о "земляном владенье сенных покосов у с. Харитонова Владимирского у. на сумму 200 руб.

упом.: Вклад, кн. Л. 599 (истец "поступился" в монастырь 100 руб., получив на них вкладную отпись с казенной печатью, остальные 100 руб. истцу выплатил троицкий стряпчий Н. Болванов).

344. 1672 г., октября 4. — Дело Троицкого приказного стола о взятии с винных монастырских крестьян с. Черного Нижегородского у. стольником Б. Ф. Мякиным 215 руб. и о вкладе им этой суммы в Троицу.

упом.: Вклад, кн. Л. 332.

345. Ок. 1678 г. — Фрагмент записей об Уплате судебных пошлин монастырскими крестьянами вол. Вохны Московского у. упом.:АТСЛ.№1033.Л.46.

Раздел VI. Крестьянская и общинная документация

346. 1592/93 г. — Запись ("скаска") старосты села Введенского Гриши Савельева с тов. о количестве пашни в пустошах Меньшой Слободке Задубровского стана Кашинского у. (была представлена кашинским писцам М. Г. Волынскому и П. Степанову).

упом.: Кн. 3875. Л. 110—110 об.

347. 1621/22 г. — Купчая троицкого крестьянина О. Терентьева рассыльщику Остафию на лавку в Вологде.

упом.: Источники истории г. Вологды. С. 42 (Сотная 1629 г.).

348. 1621/22 г. — Купчая троицкого крестьянина Е. Тимофеева у рассыльщика А. Н. Реутова на двор в Вологде.

упом.: Источники истории г. Вологды. С. 123. (Сотная 1629 г.).

349. 1622/23 г. — "Мирской выбор за священниковыми руками на целовальников с. Молокова в Бежецком Верхе, участвовавших в дозоре и мере земли дворцовым старцем Л. Смагиным.

упом.: Кн. 604. Л. 149—150.

350. 1622/23 г. — "Мирской выбор за священниковыми руками на целовальников Присецкой вол. В Бежецком Верхе, привлеченных к дозору и мере дворцового старца Л. Смагина.

упом.: Кн. 604. Л. 7 об.

351. 1623/24 г. — Купчая троицкого крестьянина В. Леденцова посадскому человеку П. Лягушкину на пол-лавки в Вологде.

упом.: Источники истории г. Вологды. С. 25 (Сотная 1629 г.).

352. 1626/27 г. — Купчая троицкого крестьянина 3. Федорова у крестьян помещика И. Салтыкова Ж. Е. Третьякова на полторы лавки в Вологде.

упом.: Источники истории г. Вологды. С. 46 (Сотная 1629 г.).

353. 1626/27 г. — Купчая троицкого крестьянина 3. Федорова у рассыльщика И. М. Лоскута на двор в Вологде.

упом.: Источники истории г. Вологды. С. 123 (Сотная 1629 г.).

354. До 1632 г., ноября 27. — Купчие грамоты троицкого крестьянина Б. В. Чиркова Л. М. Маремцову на пашенную землю, сенные покосы и "причести"-со двором на р. Зырянке на погосте в Соликамском у.

упом.: ГКЭ, по Соликамску кн. 11261. Л. 16—17.

355. До 1641 г. — Закладная кабала ярославца троицкого крестьянина К. Захарьева сына тверитина в 80,5 руб. на А. Т. Иванове.

упом.: Кн. 225. Л. 275 (хранилась в казне Троице-Казанского м-ря).

356. До 1641 г. — Духовная грамота крестьянина алатырского с. Тургакова Г. Дмитриева на "алатырскую мордву" того же села в 21 руб. 14 ал. 4 ден.

упом.: Кн. 225. Л. 308 (хранилась в казне Троице-Алатырского м-ря).

357. 1628 г., июня 13. —Духовная троицкого крестьянина с. Переславского у. Я. М. Романцева в 50 руб. на нижегородском дворнике Я. Моисееве. упом.: Вклад, кн. Л. 1172 об.

358. 1692 г., июнь. — "Приговоры выборных крестьян" Шухобаловской вол. Суздальского у. по поводу наделения сенными покосами соседних монастырских же крестьян приселков Богданского и Дергаева в размере 5 десятин без полмалой чети выти.

упом.: Кн. 617. Л. 49.

359. 1696 г., августа. — "Крестьянские заручные скаски" о размерах пашни во всех трех полях и количестве сенокосов (в десятина) в селах Троице-Алатырского-м-ря. упом.: Кн. 578. Л. 30 об., 43, 53 об., 59 об., 67.

360. До 1701 г. — Крестьянские челобитные "и иные мирские дела в трех свясках" в казне Троице-Авнежского м-ря в Вологодском у. упом.: Кн. 40. Л. 212.

361. 1715 г. — Фрагменты приходо-расходных книг мирского старосты Стромынского Успенского м-ря в Московском у. упом.: АТСЛ. № 1028. Л. 3-4 об.

QQQ

КРVIIНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В ЦЕНТРЕ РОССИИ

Рузский уезд	Московский уезд
1.ТАРХОВО	40. ХОТЬКОВО
Московский уезд	41.КОРОСТБКОВО
2. АЛАБЫШЕВО	42. РЯЗАНЦЕВО
3. СХОДНЯ	43. МОРОЗОВО
Дмитровский уезд	44. РАДОНЕЖ
4. ВЕДЕРНИЦЫ	45. РЕПЕХОВО
5. СИНКОВО	46.ПОДОСОСЕНЬЕ
6. КОНЧИНИНО	47. ЗУБЦОВО
7. ТАТИЩЕВО	48. РАХМАНОВО
8. ПЕРЕСВЕТОВО	49. БОРКОВО
9. МАРИНИНО	50.ФЕДОРОВСКОЕ
Ю.ПЕРЕМИЛОВО	51.МИХАЙЛОВСКОЕ
11.ФЕДОРОВСКОЕ	52.АЛЕКСЕЕВО

12.ДЕДЕНЕВО

13. ЖЕСТЫЛЕВО

14. ТИМОНОВО

15-ОЛЬЯВИДОВО

Переславский уезд

16. КОНСТАНТИНОВО

17.БОБОШИНО

18.НИКОЛЬСКОЕ

19.ЯЗВИЦЫ

20. ДЕРЮЗИНО

21.КОЗЛОВО

22. ЖЕРЛОВО

23. ХРЕБТОВО

24. ВОНЯТИНО

25.ДУДЕНЕВО

26. РЕДРИКОВЫ ГОРЫ

27. БУЖАНИНОВО

28. ДУШИЩЕВО

Дмитровский уезд

29. РОГАЧЕВО

Переславский уезд

30.СВАТКОВО

31 .ДУБИНИНСКОЕ

32.СЛАБНЕВО

53.КУРОЕДОВО

Переславский уезд

54. ШАРАПОВО

55. ТУРАКОВО

56. ДЕРЮЗИНО

57. БОБОШИНО

58. ВАСИЛЬЕВО

59. ГИДЕЕВО

60. ПЛОЩЕВО

61.АЛЕКСИНО

62. ПАРЕЕВО

63. ХРЕБТОВО

Московский уезд

64. БОГОРОДСКОЕ

65. СТРОМЫНЬ

66. ЗУБЦОВО

67. ЗАРЕЧЬЕ

68. БОРКОВО

69. ВОХНА

Переславский уезд

70. ВОИНОВО-ГОРА

71.ПОКРОВ

72. ВОИНОВО

73. КИРЖАЧ

Московский уезд

33. БЕРЕЗНЯКИ

34. ФЕДОРОВСКОЕ

Дмитровский уезд

35. БЕБЯКОВО

36.ЛАЗАРЕВО

37. ВОРОХОБИНО

38. ОЗЕРЕЦКОЕ

39. ЖЕЛТИКОВО

74. ПОКРОВ

75. ОБАКУМОВО

76. ГРИБАНОВО

77. КИРЖАЧ

78. ЕФАНОВО

79. ХАЛИНО

80. БЕЛЬЦЫ

81.ЖЕЛДЫБИНО

82. ЕФРЕМОВО

83. КИПРЕЕВО

84. АРЕФИНО

85. ЗЕЛЕНЦЫНО

Владимирский уезд

86. КРУТЕЦ

Переславский уезд

87. СТЕПКОВО

88. МАХРА

89. КЛИМОВО

90. СЕМЕНОВСКОЕ

91.ПЕРЕГУДОВО

92. ДУБРОВКА

93. КУРБАТОВО

94. СКОМОРОХОВО

95. БАКИНО

96. МЯЧКОВО

Бежецкий уезд

127. РАМЕНКИ

128. СКОРЫНОВО

129. ПРИСЕКИ

130.СУКРОМНЫ

131.ЛЮБОТИЦЫ

132.ПИРОЖКОВО

133. ЗОБЫ

134.ЕЛИЗАРОВО

135.РУГОТИНО

136.АХМАТОВО

137.МОЛОКОВО

Старицкий уезд

97. ДАВЫДОВО

98. СУШКОВО

99. МИЛОСЛАВЛЕ

100.РОСТИНОВО

101.АЛЕКСИНО

Юрьевский уезд

102. ЧЕРКАСОВО

103. КУЧКИ

104. КАЛМАНЬ

105. ЛЕДНЕВО

Суздальский уезд

106. БОГДАНСКОЕ

107. ТУМА

108.ШУХОБАЛОВО

109. КАРЕЛЬСКАЯ СЛОБОДА

110. НИКУ ЛЬСКОЕ

111. ТРОИЦКАЯ СЛОБОДА

Переславский уезд

112.XVIIАНБ

113. ХМЕЛЬНИКИ

114.СОМИНО

115.КОПНИНО

116.ЖЕЛТИКОВО

117.МЕРИНОВО

138-ВАСИЛЬЕВСКОЕ

139. СТАНИШИНО

Тверской уезд

140. СТРУЖНЯ

Старицкий уезд

141.ХОЛОХОЛЬНЯ

Тверской уезд

142. ЛУКИНО

143. СЛАВНОЕ

144. ЗАБОРОВЬЕ

145. КОШЕЛЕВО

146. НЕСТЕРОВО

147. ПИРОГОВО

148. МИКУЛИНО(стан)

149. ПОЛУБРАТОВО

150.СЕЛЕХОВО

Звенигородский уезд

151. АНДРЕЕВСКОЕ

152.ВЫСОКОВО

Серпейский уезд

153.ГНЕЗДИЛОВО

Малоярославецкий уезд

154.ПЕРЕДОЛ

155.БРЮХОВО

118. ИЗМАЙЛОВО

119.СВЕЧИНО

120. МИШУТИНО

Кашинский уезд

121. ВВЕДЕНСКОЕ ОЛЕКСИНО

122. ФРОЛОВСКОЕ

Угличский уезд

123. ПРИЛУКИ

124. ВАСИЛЬЕВО

125. КРАСНОЕ

126. ЗДВИЖЕНСКОЕ

Коломенский уезд

166. ДУБЕНИНО

167.КИШКИНО

168. ОСТАФЬЕВО

169. САБУРОВО

170. ВОСКРЕСЕНСКОЕ

171.ШИЛКОВО

Муромский уезд

172.ПРИКЛОН

173. КОЛЫЧЕВО

Верейский уезд

156. ЕГОРЬЕВСКОЕ

157. ТРОИЦКОЕ (ИЛЕМНА)

158.ПАВЛИЩЕВО

159.НЕРОНОВО

Центры уездов

160. ВЕРЕЯ - Верейского

161. БОРОВСК - Боровского

162. МАЛОЯРОСЛАВЕЦ- Малоярославецкого

Тарусский уезд

163.ЖАЛИВКИ

164. САШКИНО

165.АСЕЕВКИ

Костромской уезд

191. МЕДВЕДКОВО

192. МАРЬИНСКОЕ

193. ЕМСТНА (волость)

194.ГИЛЕВО

195.ФЕДОРОВСКОЕ

196.КУВАКИНО

Галицкий уезд

196-а.ОГЛОБЛИНО

197. НОСКОВО

174. ДУБРОВЫ

175. ТАЛЫЗИНО

176. ЧААДАЕВО

Гороховецкий уезд

177. ЛУЖКИ

Владимирский уезд

178. ПЕРОВО

179. ГОРОДИЩИ

180.ЯРЦЕВО

Суздальский уезд

181.ШУСТОВО

182. ТАТАРОВО

183.ПАНТЕЛЕЕВО

184. КЛЯЗЬМИНСКИЙ ГОРОДОК

(СТАРОДУБ РЯПОЛОВСКИЙ)

Суздальский уезд

185. ХОЛУЙ (часть слободки)

186-ХОТИМЛЬ

Юрьевецкий уезд

187.ПЕЛЕГОВО

188.СОБОЛЕВО

189.ВИЛЕШЕМА

190. РОДИНКА

198.ДМИТРИЕВО

Костромской уезд

199. КОСТОМА

200. НОВОЕ

201.БУЯКОВО

202. ГОЛОВИНСКОЕ

203. КИШИНО

204. СУХОРУКОВО

Ярославский уезд

205. КОПРИНО

Ростовский уезд

206. ДЕБАЛЫ

207. ПОНИКАРОВО

208. НОВОЕ

209. БЕРЛЮКОВО

QQQ

Приложение.

БИБЛИОГРАФИЯ

источники

А) Опубликованные

ААЭ.Т.1. № 336.337.Т.П. № 12,15, 19,192.Т.Ш. №1,202. АИ.Т.1. № 229. Т.Ш.1,2,58,66,132,144. Т.1У. № 200. Т. У. № 18. АЗР.Т.1У.№ДХУШ.

Акты Московского государства.Т.П.СПб.,1894.С.434-435. Акты Нижегородского Вознесенского монастыря.М., 1898.С.266-267,313-313,325-326. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России /Собрал и издал А.А.Федотов-Чеховский.Т.2.Киев,1860. №90-92,94-95,97,100,102,105,149,166,184. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред Н.В.Калачова.Т.Ш.СПб,1884. № 274.

Акты Российского государства . Акты из архивов московских монастырей и соборов конца ХУ - начала XVII в./ Под ред.В.Д.Назарова.М.,1998. Акты Русского государства. 1505-1526 гг. / Под ред. А.А.Новосельского и Л.В.Черепнина.М.,1975.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XI У- начала XVI в.Т.1-Ш.М.,1952-1964.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг./ Под ред. С.Н.Кистерева.М.,1998.

Акты феодального землевладения и хозяйства Х1У-XVI вв. / Под ред.Л.В.Черепнина. Ч.1-Ш. М.,1951-1961.

Акты феодального землевладения и хозяйства.ЧЛУ.Акты Московского Симонова монастыря 1506-1613 гг. / Под ред.А.Г.Манькова.Л., 1983. Акты Холмогорской и Устюжской епархий // РИБ.Т.25.Кн.3.Стб.84-85. Акты юридические, или собрание старинных форм делопроизводства.СПб.,183 8.№ 199 (переизд. РИБ. Т.ХХХУ.Т.2.Пг,1917. № 366). Амвросий (Орнатский). История российской иерархии.Ч. 2. М., 181 О.С.I 13-170. Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI в.М.,1977. Арсений, иером. Село Клементьево, ныне часть Сергиевского Посада, составляющая один из его приходов // ЧОИДР. 1897.Кн.2. с.52-58. Борисов В. Старинные акты к описанию г. Шуи. М.,1853. № 27,171. Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 г.). Подг. С.С.Ермолаев.М., 1992. Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Вып.2. № 85,178,195. Вып.2. № 90,91.М.,1917. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Под ред Б.А.Рыбакова.М.,1987. Владения и крепостные крестьяне русской церкви в конце XVII в.М., 1988.

Вологодские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1869.С.397-406.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573-1595 гг./Под ред.А.Г.Манькова. Ч.1-Ш.М.,1978. Востоков А.Х. Описание руских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб.,1842. Вотчинные хозяйственные книги XVI в.Вытные книги. Хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559-1601 гг./ Под ред. А.Г.Манькова.Ч.1-Ш.М.-Л.,1983.

Временник МОИДР. Кн. XI. М.,1851.

Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914 № 7,12,13. Грамоты Великого Новгорода и Пскова /Под ред.С.Н.Валка.М.-Л.,1949. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1.4.2. Саранск, 1950. № 2,228. Документы

троицких осадных сидельцев 1608-1610 гг. (публикация И.О.Тюменцева) // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1991. С.46-93. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XI У-XVI вв. / Под ред Л.В.Черепнина. М.-Л., 1950

Дьяконов М.А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения XVI-XVII вв. Вып.2. Юрьев, 1895. № 29,34,36,42,44.;;-45,47-50,53,56,65,69,71. Журнал 103-го заседания Тверсокой губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1907. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII в. /Под ред. Н.Е.Носова и В.М.Панеяха.Тексты.Л., 1986.Комментарии.Л.,1987. Замысловский Е.Е. Извлечения из переписных книг // Летопись занятий Археографической комиссии за 1878-1881 гг.Вып.8.СПб.,1888.

Иванов П.И. Описание Государственного архива Старых дел.М., 1850.С.229-242,248-257. История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в. Вып. 1-Ш.М., 1988-1989.

Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края из исторических архивов Действия Нижегородской губ. уч. архивной комиссии. Вып.З. 4.1.Нижний Новгород, 1913. № 99.

Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевой Лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М.,1834. Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря /под ред М.Н.Тихомирова и А.А.Зимина. М.-Л.,1948.

Колесников П.А. Северная Русь (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяства XVII в.). Вологда. 1971.

Корецкий В.И. Правая грамота Троице-Сергиеву монастырю от 30 ноября 1618г.// ЗОР ГБЛ. Вып. 21. М.,1959.С.198-217.

Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря //Приложение архим.Леонида к книге

А.В.Горского “Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры” в ЧОИДР. 1879.Кн.2 и отд. изд. 1890 г.

Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний ГИМа.М.,1994.

Лавров В. Бывшие имения Троицкой лавры в Ярославской губ. //Ярославские губ.вед.Часть неоф. 1872. №19-21.

Липинский М.А. Угличские акты XVII в. // Временник Ярославского юридического лицея.

Кн.48, 50. Ярославль, 1889.

Липинский М.А. Углицкие писцовые книги //Временник Демидовского лицея. Ярославль,

1886-1888. Лихачев Н.П.Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах Вып.1-2.СПб,1895.

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1.М., 1992.

Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI-XVII вв Вып.1-4.М.1977.

Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в./Под ред. А.Г.Манькова.Л.,1955.

Монастырское хозяйство XVI-XVII вв./Под ред. проф.Б.Д.Грекова.Л., 1924. Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище.Вып.3,6,11. Вологда, 1900-1910.

Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII в. /Сост. С.Н.Кистерев и Л.А.Тимошина.М., 1994.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г /Сост.З.В.Дмитриева и М.Н.Шаромазов.СПб.,1998.

Павлов-Сильванский В.Б. Новый документ о крупном хозяйстве XVII в. (Владения боярина Г.И.Морозова) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).Сб.ст.М,1997.С.23-31.

Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. М.,1984. № 14,251. Памятники руской письменности ХУ-XVI *вв.* Рязанский край. М.,1978. № 16,17,26,48. Памятники русского права. Вып. IV.М.,1955.

Памятники социально-экономической истории Московского государоства XIУ-XVII вв./ Под ред. А.И.Яковлева и С.Б.Веселовского. М.,1929.

Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858 гг).М.,1972.

Писцовые книги Московского государства XVI в. Отд.1-П. /Под ред Н.В.Калачова.СПб, 1872-1877.

Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI в. /Отв.ред.Н.А.Горская / Сост.Е.И.Колычева и Н.П.Воскобойникова. М.,1997.

Приходо-расходные книги Московских приказов 1619—1621 гг. Сост. акад.С.Б.Веселовский /Подг. к печ. Л.Г.Дубинская и А.Л.Станиславский.М., 1983.

Полное собрание законов Российской империи.Т. 1-Ш.СПб.,1830.

Рубцов М.В. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в ХУ-XVI вв.

(Документы Троице-Сергиевой лавры на земельные владения в пределах Тверского края). Вып. 1-2. Старица, 1905.

Рузский уезд по писцовой книге 1567-1569 годов /Сост.С.Н.Кистерев и Л.А.Тимошина.М., 1997.

Сборник документов по истории СССР. Для семинарских и практических занятий /Под ред.А.М.Сахарова. Вып.З.XVI в.М.,1972. Сборник документов по истории СССР. Для семинарских и практических занятий. Вып.2.

Русская феодальная деревня Х1-XVI вв. / Под ред. А.Д.Горского.М., 1987.

Сенигов И.Г. Памятники земской старины. Изд.2-е.Пг.,1918.

Сказание Авраамия Палицына /Под ред Л.В.Черепнина.М.,1955.

Соборное Уложение 1649 г. /Руков. автор.колл.А.Г.Маньков.Л.,1987.

Сборник грамот Коллегии экономии. Т.I.СПб., 1922; Т.2.Л., 1929.

Садиков П.А.Очерки по истории опричнины.М.-Л., 1951.Приложение. Саввин-Сторожевский монастырь в документах XVI в (из собрания ЦГАДА).М.,1992.

Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т.П. М.,1909.С.115-116,136-138,603-604.

Сборник актов Северного края XVII-ХУШ вв./ Сост.А.А.Колычев. Вологда. 1926.

Смирнов А. О землях кн.Пожарского в Клинском уезде // Действия Нижегородской губ.уч. архивной комиссии.Т.Ш.Нижний Новгород, 1895.С.55-56-прим 1.

Смирнов А.В. Материалы для истории Владимирской губернии. Вып.2,4.Владимир, 1902-1904.

Смирнов М.И. Соль Переславская. Владимир, 1916.С.73-78.

Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

Приложение № VI.

Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича.М.,1915, Приложение № 151,198.

Ткаченко В.А. Жалованная данная грамота царя Михаила Федоровича “в дом пресвятые Живоначальные Троицы и преп. Чудотворцу Сергию” на Городок Радонеж в Московском уезде от 5 ноября 1618 г.// Сообщения Сергиево-Посадского музея-заповедника.М.,1995.С.49.

Шереметев С.Д.,гр. Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080-7111 гг.)//ЧОИДР. 1897.Кн.1.Разд.1.№1.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. /Подг. текста С.Н.Богатырева.М.,1996.

Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Т.I-П. Хозяйство боярина Б.И.Морозова.М.-Л.,1936.

Шумаков С.А. Обзор Грамот Коллегии экономии.Вып. 1.Обзор бежецких (1300-1767 гг.) и алатырских (1607-1761 гг.) актов.М.. 1899. Вып.2.Тексты и обзор белозерских актов (1395-1758 гг.).М.,1899. Вып. Ш-1У.М..1917.

Шумаков С.А. Сотницы (1537-1697 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.).Вып.1.М.,1902. Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи.Вып.З.М., 1909. Шумаков С.А. Сотницы., грамоты и записи. Вы.У 1.М.. 1911 Шумаков С.А. Угличские акты. Б.м., б.г. Шумаков С.А. Тверские акты. Вып. 1-П.Тверь. 1896. Юбилейный сборник Петербургского Археологического института. СПб, 1913. С. 73-80. Юдин Г.В. Материалы для истории г.Чухломы и рода костромских Июдиных. Т.I.XVII в. Красноярск, 1902.С.119-120.

1) АРХИВНЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

РГАДА. Ф.237 (Монастырский приказ). Оп 1. Кн. 27, 40; ***Ч 2. Кн.*** 911

РГАДА. Ф.248 (Сенат). Кн.763,809.

РГАДА. Ф.280 (Коллегия экономии). Ор.З.Кн.622.Ч.1-VII.

РГАДА. Ф.281 (Грамоты коллегии экономии). Копийные книги -

Кн. 108 (Алатырь), кн.308 (Арзамас), кн.409 (Балахна), кн.638 (Боровск), кн. 1039 (Белоозеро), кн.2368 (Верея и Калуга), кн.2241 (Владимир), кн.3993 (Дмитров), кн.4857 (Зубцов), кн.5639 (Клин), кн.6367 (Коломна), кн.6529 (Казань), кн. 6878 (Кашин),кн.7878 (Муром),кн.7918 (Новосиль), кн. 8182 (Ниж.Новгород), кн,8242 (Вел.Новгородски.93 70 (Переславль), кн. 10299,10369 (Руза), кн. 14553,14594 (Юрьев Польский), кн. 11645,11683 (Старица), кн.12556 (Тверь), кн.11261 (Соликамск).

Сборники актово-писцовой документации –

Кн.608 (Боровск), кн.1040 (Белоозеро), кн.1444-1445 (Бежецк), кн.2048 (Владимир), кн.ЗООЗ (Вологда), 3636 (Гороховец), кн.3875,3885 (Дмитров), кн.5709 (Клин), кн.5138,5201,5385,5483,5613 (Кострома), 6368 (Коломна), кн.6431,6529,6682 (Казань), кн.7880 (Муром), кн.7921-7922 (Новосиль), кн.8646 (Оболенск), кн.9086 (Переславль), 10369 (Руза), кн.10573,10618 (Ростов), кн.12626 (Углич), кн.14600,14689 (Юрьев-Польский).

Сборники писцовой документации –

Кн.307 (Арзамас), кн.2097 (Владимир), кн.2368 (Верея), кн.3566 (Галич), кн.4778 (Звенигород). Кн.6368 (Коломна), кн.6879 (Кашин), кн.8394,8397 (Торжок), кн.7714 (Мал.Ярославец), кн. 10365 (Руза), кн.12626 (Тверь), кн. 13126 (Углич).

Акты и выписи -

По Алатырю№3-10. 12-19,22.24.26-28,34-40,42-44,46-48,60-66,68-70,101,104,115,117-124,128-129,131,134-136,138,142-143,146,152,154,157.158.

По Арзамасу № 249,258,262-266,268-270,272-276,278_283,285.287,291-292,304,309,310,315,316.

По Балахне № 375-380,384-386,389-392,394,397_398,402,407-408,414.

По Бежецку № 1338-1341,1346-1347,1353,1354,1363.1377-1381,1389-1390,1395-1397,1401,1404.1406,1407,1410-1412,1419,1427,1436-1437,1442-1445.

По Боровску № 609-612,616,625-626,629,634,640. По Вологде № 2616,2620,2621,2643,2646, 2650-2655,2658,2695,2737/

По Владимиру № 1863,1868-1870,1878,1880,1882,1886-1888,1891,1898,1927,1939,1943,2096-2098,21012107,2109,2150,2156,2157,2169-2171,2180.2181,2183,

По Верее № 2363,2367,2380.

По Галичу № 3379-3381,3386,3387,3391.3393,3394,3396-3398,3401,3402,3404,3408,3416,3418,3420-3423,3427,3429,3430,3436,3437,3443,3448,3454,3468,3479,3484,3487-3489,3492,3493,3497,3500,3502,3504,3505.3509-3514,3521,3524,3426-3528,3558,3559,3566,3570,3590.

По Гороховцу№ 3608, 3615.

По Дмитрову № 3878-3884,3886-3890,3895,3896,3902,3905,3909-3911,3919,3926,3927,3930,3931,3938,3949-3951, 3953,3971,3975,3982,3982,3987,3989,3994,400?,4010,4011,4018-4021,4024,4026,4044,4045,4047,4049,4053.

По Двине № 4232,4237,4240,4249,4254,4255-4258,4260,4293,4310,4330,4343,4351,4352. По Звенигороду № 4763,4778. По Зубцову № 4839, 4840,4844,4846,4858.

По Кашире №5811.

По Клину № 5664,5667,5703,5709,5713,5725

По Калуге № 5746

По Казани № 6430,6437,6442,6448,:449,6453.6457,6481,6541,6545,6550,6552,6581,6593,6585.6596.6597,6628 6682.

По Кашину № 6789,6791,6796,6803,6807, 6813,6815,6825,6826,6856,6857,6861,6864,6865,6876,8942.

По Костроме № 5125,5129,5131,5132,5151,5154,5162,5171,5172,5174,5183,5185,5189,5192,5195,5197,5199,520

9,5211-5213,5225,5228,5242,5250,5251,5254,5256,5267,5272,5274-5276,5295,5309,5347,5374,5376,5380,5399,5426,5427,5429,5538,5548,5553,5554,5563.

По Москве №7179-7187,7190,7193,7241,7242,7277,7278,7380,7381,7509,7340,7382,7624,7627,7642,7667.

По Малому Ярославцу № 7704,7705, 7707, 7708,7714,7768.

По Мурому № 7788-7793,7795,7803,7806,7811,7815-7818,7820,7823.7830,7832,7833.7839,7843,7844,7851,7855,7862,7866,7871,7873,7874,7876,7877,7879,7882,7883,7889,7899.7906.

По Нижнему Новгороду № 7982-7986,7989-7991.7995,8014,8017,8021,8025,8031,8033,8035,8043,8045,8047-8049,8087,8091,8093,8095,8096,8090,8101,8100,8102,8105,8106,8108,8111,8112,8116,8124,8135,8124,8135,8143,8150-8153,8170,8173,8176,8189,8198,8213,8223,8224,8229,8231,8238,8239,8232,8240-8242,8249.

По Новому Торжку № 8340,8341,8345,8371,8372,8378,8379,8381,8416,8428,8430,8432,8435,8436.

По Великому Новгороду № 8462,8463,8468,8474,8475,8481,8482,8485,8487,8489,8491.

ПоПошехонью №9712,9764,9770,9773,9806,9808.

По Свияжску № 11467-11469,11471,11472,11474,11479,11482,11483.

По Оболенску № 8647,8652,8654,8655,8657,8661,8667.

По Переславлю № 9022,9025-9028,90-31,9033,9038,9042,9044,9046,9047.9052-9054,9056,9058-9060,9062,9067,9070,9071,9074,9076,9079-9085,9087,9099,9101,9123,9131,9142,9149-9155,9158,9163,9165,9170,9175,9176,9187,9190- 9192,9199,9214-9216,9237-9239,9241-9243,9245,9246,9249,9253,9254,9257,9259,9266,9268,9271-9273,9275,9282-9284.9289,9290,9293,9298,9312,9313,9323,9326,9327,9342,9377,9412,9414-9416,9419,9422,9435,9440-9442,9445,9446,9456-9458,9460-9462,9468,9471,9475-9479,9485-9487.

По Ростову № 10574.10579,10582,10593,10595,10601,10603,10642,10648,10649,10654,10670,10683,10686,10717,10739,10751,10761.

По Серпухову № 11106-11109, 11111,11112,11114-11117. По Соликамску № 11354,11355.

ПоСуздалю№11872-11874,11878,11879,11886,11887,11899,11900,11902,11903,11905,11910.11915.11921,11925-11929,11939,11940,11943,11945,11946.11948.11956-11960,11966,11967,11972-11974.11977,11983-11085,11990,12007,12008,12011.

По Старице №11683, 11688, 11704,11724,11728.11737,11739,11740,11744,11745,11749.11755.

Ф.303. Копийные книги - кн.518-563 платежные книги — кн.569-570 ; вотчинные хозяйственные книги - кн.571-579,604,637 ; исцовые и дозорные книги - кн.598-603,605-636 описи крепостной казны и записные книги актов - кн.656-672; сводные писцовые сборники - кн.567,568,681,682 ; переписные книги 1646 и 1678 гг. - кн.580-597 ; сборники ХУШ в. писцовой документации 1590-1620-х гг. - кн.640-65 5. Ф.304 . 1 (Рукописное собр. ТСЛ). 1.Синодики-кн.40,41,813-819; П. Описи ризницы и книгохранилища - кн.358-360. Ф.541 (Е.Е.Голубинский). Карт.1. № 4.Карт.5. № 2,6,7.Карт.6. № 17,18,41,42,52. Карт.7. № 24.

Карт. 8. № 12,61,68,69. Карт.14, № 5-22. Карт. 15. № 15.

Ф.658 (Павловы). Карт.З. № 27.

АРХИВ РАН

Ф.620 (С.Б.Веселовский). Оп.1. № 11-13,18,20,93,141-148,153,205-206,208,213-214,220- 226,228-229,325,338,339 (папки копий троицких актов, писцовых книг, черновые материалы для статей, наброски и т.д.)

Ф.620.0п. 2.. № 105 (письма М.И.Смирнова С.Б.Веселовскому в 1910 г.).

ОР РНБ (б.ГПБ)

Ф.351 (Кирилло-Белозерское собр.). № 788/1045. Ф.532 (Основное собрание актов и грамот). Оп.1. № 217,227,239,282,284,300,305; Оп.2. №
1,128,263,282,366,558,1536,2573,4003,4081,4083.

Ф.568 (Собр. грамот П.П.Пекарского). № 68.

Ф.573 (Собр. СПб ДА). А1/16.

Ф.588 (Погодинское собр.). Кн.712, 1564,1569,1846-1848, 1905,1907,1913,1914.

Ф.885 (Эрмитажное собр.). № 370.

РГИА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (б.ЦГИА СССР)

Ф.834 (Рукописи Синода).Оп. 3. Кн.2799-2801 (Описи библиотеки и имущества Троице-Сергиевой Лавры 1859-1861 гг).

Ф.834.Оп.3.1906,1911-1913,1916,1920,1921 (сборники копий ХУШ в. с актов разных монастырей)

Ф.834.Оп. 3. Ведомости Синода об VIIраздненных монастырях разных епархий - кн. 1773,1911,1921,2451,2452,2454,2459,2794.

СПФ ИРИ РАН (б.ЛОИИ)

Ф.29 (С.Б.Веселовский). Д.8, папка У. № 1505-1897 (копии троицких актов до 1595 г.).

Д.2, 9 (указатели и черновые материалы по истории землевладения Троице-Сергиева монастыря в ХУ-XVII вв.).

Колл.107 (М.П.Погодина). № 27,30,30,41 (копии актов 1612-1624 гг.)

Колл.115 (Рукописные книги). Кн.5,45,455,1074 (копийные и вкладные книги разных монастырей, сводные материалы о составе монастырских архивов).

По Твери № 12557, 12558,12560-12563,12565-12570,12572,12575,12579,12580,12610,12612,12620,12625,12671,12679,12686,12688,12689,12698,12700,12702,12704,12705,12716,12717,12735,12743,12745,12746,12761,12762,12770,12771,

По Тарусе № 12871,12880-12882,12884-12886,12898.

По Угличу № 12871,12880-12882,12884-12886,12898,12917,12918.12981,12994,13017-13019,

По Холмогорам № 14393-14397.

По Юрьеву-Польскому и Юрьевцу Повольскому № 14592, 14595, 14597-14599,14603,14604,14606.14608-14617,14621,14624,14626-14628,14631,14632,14634-14637,14641,14643,14645,14659-14661,14664,14665,14667,14668,14672,14674,14678,14679,14682-14685,14689,13694,14698.14700,14704,14705,14682-14689,14694,14698,14700,14704,14705.

По Ярославлю № 14783,14784,14789,14862,14867,14874,14876,14886,14887,14890,14896,14914-14916. РГАДА. Ф.1204 (Троице-Сергиева лавра). ОпЛ.Ч.ХУ. Копийные книги № 23983, 25791.

РГАДА. Ф.1209 (Поместный приказ). Писцовые, дозорные и межевые книги № 20-24.125,254,257-260,303,348,426.497,498,541.608,703,871-875,913,10753.

ОР РГБ (б.ГБЛ им. В.ИЛенина).

ОР РГБ. Ф.57 (Волынские). Карт. 11. № 10-13,62.

Ф.67 (Я.П.Гарелин). Карт.9. № 17-19. Карт.Ю. № 14,29,32-36.41,109.КарТ.15. № 22. Карт.27. № 3,6,8-36. Карт.ЗО. №10.

Ф.78 (А.В.Горский). Карт.Ю. № 1,4,5. Карт.37, папка 1-2. Карт.40. № 3,4,14,16,39,47. Ф.148 (Л.А.Кавелин). Карт.1. № 21,24,25,27,28. Карт.2. 3 1-15. Карт.З. № 6. Карт.12. №2,3.

Ф.166 (Меншиковы). Карт. 15. № 22.

Ф.173 (Доп.собр. МДА). Кн.225 (Копия Ю.А.Олсуфьева Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г.).

Ф.178 (Муз.собр.). Карт.Ю. № 109. Карт. 10973. № 54. Карт. 10974. № 79-84. Ф.204 (ОИДР). Карт.22. № 12,32. Карт.40. № 4. Карт.42. № 43.

Ф.218 (Собр. ОР). Карт.175. № 3,6. Карт.ЗЗО. № 50.КарТ.458. № 55,56. Карт.549. № 17.КарТ.1065. №11.

Ф.256 (Собр.Н.П.Румянцева). Кн.52,53,365.

Ф.303 (Архив Троице-Сергиевой Лавры). Акты и отдельные документы - №№ 315,414,415,423,424,427,438,445,455,459,460,495,506,508,834-838,843,845,849,850,863,890,905,907,954,960,961,9636.980.990,991,Ю06г,Ю16а,Ю281029,ЮЗ3,1034,1036,1037,1038,1039.

Колл.238 (Н.П.Лихачева). Разд.У. Кн.334 . Карт.51. № 8. Карт.63. № 16. Карт.68. № 15.

Колл.249 (Коллекция московских актов). № 108.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ ГАВО

(Государственный архив Вологодской обл.).

Ф.1260 (Коллекция столбцов XVI-ХУ вв.) №№61,81,95.129,331,491,529,818,851,866,1111,1616,2572,2794, 4891, 5901,5094,5480.

ГАТО (Государственный архив Тверской обл.).

Ф.103 (Колл. Тверской губ.уч.архивной комиссии)..Кн.1219,1884а.Т.1-П,1893.1936 (копии ХУШ в с троицких актов и писцовых книг по уездам Тверского края).

ГАЯО (Государственный архив Ярославской обл.).

Р-919 (Личный фонд М.И.Смирнова). № 4,17,23,29 (различные материалы по истории Переславского уезда, личные документы и рукопись книги “Радонежские легенды и были”- 1939 г.).

QQQ

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-западной Руси в XVI - первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № З.С.65-84.

Аграрная история Северо-Запада России.Т. 1-1У. / Руков. автор.колл. А.Л.Шапиро.Л.,1971-1989.

Аграрные технологии в России IX-XX вв. материалы ХХУ сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.Арзамас, 1999.

Аграрный рынок в историческом развитии.Материалы ХХШ сессии Всерос.симп. по изучению проблем аграрной истории. Екатеринбург, 1996.

Аграрный строй в феодальной России. ХУ - начало ХУШ в.Сб.ст.М.,1988.

Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма.Сб.ст.М.,1970.

Актуальные проблемы теории истории. Материалы “круглого стола” 12 января 1994 г. //Вопросы истории. 1994. № 6.

Александр Ильич Копанев. Сб.ст. и воспом.СПб.,1992.

Александров В.И. Сельская община в России в XVII - начале XIX в.М.,1976.

Александров В.А. Обычное право крепостной деревни РоссииХУШ - начала XIX в.М., 1984.

Алексеев Ю.Г Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси ХУ-XVI вв.Переяславский уезд .М.-Л., 1966.

Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управаления Х1У-ХУвв.СПб.,1998.

Арсеньев Ю. Ближний боярин кн. Н.И.Одоевской и его переписка с галицкою вотчиной //ЧОИДР. 1903.Кн.2.

Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл и тез. выступл. на Всесоюз. науч.конф.М.,1995.

Амосов А.А. Архивная опись как источник информации об утраченных актах // Советские архивы. 1975.

Арсений, иером. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателе преп.Сергия.СПб.,1877.

Арсений, иером. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей свято Троицкие Сергиевы лавры.СПб.,1868.

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII - начало ХУШ в.М.,1976.

Барг М.А. Категории и методы исторической науки.М., 1984.

Барг М.А. Место XVII в. в истории Европы (К вопросу о начале нового времен”) // Вопросы истории. 1985. № 3.

Беляев И.Д. Крестьяне на Руси.М., 1904.

Беляев П.И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение //Журнал министерства юстиции.1916. № 8-9.

Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии симпоз. По изучению проблем аграрной истории. Ростов на -Дону, 1980.

Богословский М.М. Земское самоУправление на Русском Севере.Т. 1-2.СПб.,1909

Богословский С.К. Приказные судьи XVII в. М.-Л.,1946.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка.М.,1973.

Борисов А.И. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII вв. Петрозаводск, 1966.

Бочкарев В.Н. Из истории крупной сеньории Верхне-Волжского края (Ярославский Спасский монастырь: его возникновение, расцвет и упразднение) //Ярославский край. Вып. 1.Ярославль, 1928.С.37-43.

Бочкарев В.Н. Население одной из верхне-волжских монастырщин в исходе XVII в. //Ярославский край. Вып.2.Ярославль, 1929.

Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974.

Буганов В.И., Преображенский А.А.,Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы.М., 1981.

Булыгин И.А. Положение крестьян и товарное производство в России. М.,1966.

Булыгин И.А. Борьба государства с феодальным иммунитетом в конце XVII в.//Общество и государство феодальной России. Сб.ст. к 75-летию акад.Л.В.Черепнина. М.,1975.

Булыгин И.А. Монастырские крестьяне в России в первой четверти ХУШ в.М., 1977.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века.М.,1982.

Васильев Ю.С. Порядные записи северной монастырской вотчины // Археографический ежегодник за 1976 г.М.,1977.

Васильев Ю.С. Аграрные отношения в Поморье в ХУ/-XVII вв. Сыктывкар, 1979.

Веретенников В.И. К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов // Историческое обозрение. Т.21. СПб., 1891.

Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1-2.М., 1915-1916.

Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620-1630-е гг. в сыскных приказах. М., 1907.

Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима //Ученые записки РАНИОН.М.,1926.

Веселовский С.Б. Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня) // Ученые зап. РАНИОН.М.,1929 (отд. оттиск).

Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной руси в Х1У-XVII вв.М.-Л.,1936.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие ХУ-XVII вв.М., 1975. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.,1978.

Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. ХХП сессия Всесоюз.симп. по изучению проблем аграрной истории . Тез.докл и сообщ.М.,1989.

Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII - начале ХУШ в. //Историческая география России. ХП - начало ХХ в. Сб. ст. к 70-летию проф.Л.Г.Бескровного.М., 1975. Водарский Я.Е. Количество и размещение дворов крепостных крестьян духовенства по уездам Европейской России к 1700 г. // Историческая география России ХУШ в.Ч.П.Источники и их характеристика.М.,1981.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале ХУШ в.М., 1977.

Водарский Я Е. Дворянское землевладение в России в XVII - первой половине XIX в (размеры и размещение). М.,1988.

Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников Тезисы докл и сообщ. IV Всероссийского научно-практического совещания. Петрозаводск, 1991.

Воробьев В.М., Дегтярев А.Я Русское феодальное землевладение от “смутого времени” до кануна петровских реформ. Л.,1986.

Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси: погост, свобода, село, деревня. - М.-Л.,1935.

Григорова-Захарова С.П. Русские жалованные грамоты XVII в. // Письменные источники в собраниях ГИМа.Ч.1.М,1958.С.24-58.

Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М.,1977.

Горская Н.А. Земледельческое хозяйство монастырского крестьянина в конце XVII в // Историч.записки.Т.104. М.,1979.

Горская Н.А. К вопросу о крестьянском землевладении в промысловых монастырских селах второй половины XVII в // Промышленность и торговля в России XVII – ХУШ вв.Сб.ст.М.,1983.

Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.

Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины ХУШ в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1966.

Горская Н.А.,Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.

Горфункель А.Х Термин “бобыль” в источниках XVII в. //Вопросы историографии и источниковедения истории СССР.Сб.ст.Л.,1963.

Горфункель АХ К вопросу об историческом значении крестьянской войны начала XVII в. // История СССР. 1962. №4.

Горфункель А.Х Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII в. // Исторические записки.Т.73. М.,1963.

Горчаков М.,свящ. Монастырский приказ (1649-1725 гг).0пыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. Горчаков М.,свящ. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св.Синода.СПб.1871.

Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономическогобыта Московского государства. М.,1906 (2 изд. - М.,1937).

Готье Ю,В. Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад,1915.

Греков Б.Д. Вотчинные писцовые книги // Сб.ст. по русской истории, посвящ. С.Ф.Платонову.Л.,1922.

Греков Б.Д. Новгородский дом Св.Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. Т.1.Спб,1914.

Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома // Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г. Вып.33.Л.. 1926 ; Вып.1 (34).Л,1927.

Греков Б,Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.М.,1946 (1 изд.).

Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси.М., 1994.

Дворников А. Город Бежецк и Бежецкий край. Очерки по истории и археологии.Тверь, 1994.

Дворянство и крепостной строй России в XVI-ХУШ вв.Сб. ст.в честь А.А. Новосельского. М.,1975.

Дегтярев А.Я. Русская деревня в ХУ-XVII вв. Очерки истории сельского расселения.Л.,1980.

Дементьев Е.И. Соборные приговоры как источник по истории монастырского хозяйства концаXVIIв. //Историч.записки. Т.101.М.,1978.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М.1987.

Дмитриева З.В. Некоторые аспекты метрологии вытных книг XVI в. //Вспомогательные исторические дисциплины. Вып.XVI.Л.,1985.

Дмитриева З.В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в. (К проблеме достоверности данных писцовых книг) //Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. ХХП.Л., 1991.

Дмитриева З.В. Земельные переделы XVI в. //Russia Mediaevalis. Munchen. 1992.Т. VII. 1. Дмитриева З.В. Хлебные ссуды крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в XVI-XVII вв. (по монастырским хозяйственным книгам) // Ферапонтовский сборник.Вып.5.М., 1999.

Дмитриева З.В. Платежи крестьян села Волока Славинского в конце XVII в. (челобитные и монастырские приговоры) // Ферапонтовкий сборник. Вып.5. М.,1999.

Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение среднего Поволжья в XVII в. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.

Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозеского монастыря. К 600-летию основания. Сб.ст. СПб.,1998.

Дьяконов М.А. Очерки по истории сельского населения в Московской Руси XVI-XVII вв. СПб.,1898.

Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI - XVII в. Хронологический перечень документов . Казань, 1980.

Забелин И.Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 1,2.

Заозерская Е.И. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. // Материлы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР М., 1960.С.29-66.

Заозерский А.И. Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича.М.,1937.

Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период). Межвуз сб науч.тр. Вологда, 1985.

Зимин А.А. КрVIIная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России в конце ХУ-XVI в. М., 1977.

Иванов В.И. О достоверности монастырских приходо-расходных книг XVII в. //Источниковедческие исследования по истории феодальной России.Сб.ст.М.,1981.С.83-115.

Иванов В.И. Реконструкция состава монастырских приходо-расходных книг XVII в. и некоторые вопросы их изучения // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период.Сб.ст.М., 1981.

Ивина Л.И. КрVIIная вотчина Северо-Восточной Руси конца XI У - первой половины XVI в.Л.,1979.

Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.

Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода. Сб.ст.М., 1993.

Исследования по социально-политической истории России. Сб.ст.Л.,1971.

Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. Сб.ст.М.,1969.

История северного крестьянства. Т.I. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.Т-1-Ш.М.,1985-1986.

История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1993.

История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т.1.М.,1987. Т.П.М.,1990.

История крестьянства России. Т.Ш.М.,1993.

Камкин А.В. Православная Церковь на Русском Севере. Вологда, 1992.

Каштанов С.М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1952. № 4. С. 106-121.

Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России (1) // История и историки.

Историография истории СССР. М..1965.С.270-312.

Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.,1970.

Каштанов С.М. К историографии крепостного права в России (П) // История и историки.

Историографический ежегодник. 1972.М.,1973.С.126-141.

Каштанов С.М. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России (Ш) // История и историки. Историографический ежегодник. 1974.М., 1976.С. 148-178. Каштанов С.М. Современные проблемы европейской дипломатики //Археографический ежегодник за 1981 г.М.,1982.

Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.

Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М.,1987.

Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв.М., 1996.

Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998.

Кириченко Л.А. Промысловые владения в вотчине Троице-Сергиева монастыря в 1584-1641 гг. по актовому материалу // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры . Сергиев Посад.1998.

Клитина Е.Н. Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. //Труды Отдела древнерусской литературы. Т.26.Л.,1971.

Клитина Е.Н.Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. //Древнерусское и народное искусство. Сообщения Загорского музея-заповедника. М.,1990.

Кобрин В.Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве ХУ-XVI в // Источниковедение отечественной истории.Вып. 1 .М., 1973.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.,1987.

Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб.,1994.

Колесников П.А. Северная деревня в ХУ - первой половине XIX в. Вологда, 1976.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края в ХУ-XVI вв.М.-Л.,1951.

Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в.Л.,1978.

Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л.,1984.

Крестьяне и власть. Тезисы докл. науч. конф. Тамбов, 1995.

Крестьяне и сельское хозяйство России в Х1У-ХУШ вв. Сб. науч.тр.М.,1989.

Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всеросс. науч. конф.4.1-2.Вологда,1992.

Крестьянство Севера России XVI в. Межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1984.

Клосс Б.М. Избранные труды. Т.I.Житие Сергия Радонежского.М., 1998.

Кузнецов В.И. истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI-XVII вв.). М.,1993

Колычева Е.И.Аграрный строй России XVI в.М.,1987.

Колычева Е.И.К вопросу о малых монастырях в России XVI в. // Церковь в истории России. С6.1.М..1997.

Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в ХУШ в. М.,1994.

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве XVII в.М., 1906.

Лаппо-Данилевский А. С. Выслуженные вотчины в Московском государстве в XVI - XVII вв. //Историческое обозрение .1893. Т.3.

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения России // Крестьянский строй. СПб.,1905.

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк дипломатики частных актов.Пгд., 1920.

Лихачев Н.П. Дипломатика. Из лекций, читанных в Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1901.

Лукомский В.К. Жалованные грамоты XVII-ХУШ вв. //Старые годы. 1913. Июль-сентябрь.

Лялина Г. С. К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в. // Труды МГИАИ.Т.16.М.,1961.

Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963.

Маньков А.Г Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. \\Ученые зап. ЛГУ, серия историч наук. Вып. 10.Л.,1941.

Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.-Л., 1950.

Маньков А.Г. Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955.

Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.,1962.

Маньков А.Г. Уложение 1649 г. - кодекс феодального права России.Л.,1980.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд.2.Т.46.Ч.1.М.,1968.

Материалы ХУ сессии симпозиума по проблемам аграрной историии СССР. Вып.1. Вологда, 1976.

Мацук М.А. Крестьяне Коми края в конце XVI - XVII в.Феодальная эксплуатация.М., 1990.

Мацук М.А. Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII в. Ч.1-1У. Сыктывкар, 1998.

Менталитет и аграрное развитие России (Х1Х-ХХ вв). Материалы междун.науч.конф. М.,1996.

Милов Л.В. О производительности труда в земледелии в России в середине ХУШ в. (по материалам монастырской барщины) //Исторические записки. Т. 8 5. М., 1970.

Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б.Веселовского) //История СССР. 1978. № 2.

Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в. Источник. Компьютер. Методы исследования. М.,1986.

Милов Л.В.Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) //История СССР.1989.№2.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.М.,1998.

Милютин В.А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. Мир источниковедения. Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.-Пенза,1994.

Муравьев А.В. Когда был поставлен вопрос о “русском феодализме”? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки.М., 1981.

Муравьева Л.Л. Материалы писцовых, переписных и приходо-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины ХУШ в. // Археографический ежегодник за 1962 г.М.,1963.

Назаров В. Д. Указная книга Московского Судного приказа // Археографический ежегодник за 1962 г.М.,1963.

Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов в первой половине XVII в. //История СССР. 1977. № 4.

Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т.1.Вып.1-2. СПб.,1897-1910.

Новосельский А.А. Вотчинник и егохозяйство в XVII в. М.-Л..1929. Новосельский А.А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей, думных людей по переписным книгам 1678 г. //Исторический архив.Т.IV.М.-Л.,1949.

Новосельцев А.П.,Пашуто В.Т.,Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. Закавказье. Средняя Азия. Русь. Прибалтика. М.,1972.

Крестьянство и классовая борьба в феодальной России .Сб. ст. пам. И.И.Смирнова. Л.,1967.

Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм). Чтения, посвящ. памяти акад.Л.В.Черепнина. Вып. 1-2.М., 1988.

Общество, государство и право России и стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвящ памяти акад. С.Д.Сказкина и Л.В.Черепнина. М.,1983.

О подлинности и достоверности исторического источника. Сб.ст.Казань,1991. Очерки истории СССР XVII в.М.,1955.

Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.) //Историч.записки.Т.1 Г6.М.,1988.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.).СПб,1992.

Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России.Ч. 1 .Одесса, 1871.

Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в. Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М.,1991.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.,1988. I. Перетяткович Г. Поволжье в XVII - начале ХУШ в. (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 18 82.

Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хохяйство XVII в. Л.,1967. Петров В. Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов //Сборник ст. по русской истории, посвящ. С.Ф.Платонову. Птб.,1922.

Представления о собственности в российском обществе ХУ-ХУШ вв. Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи.М., 1998. Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. Его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1904.

Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России конца XI У - начала XVI в. Новосибирск, 1973.

Покровский Н.Н. Начало вотчин Тобольского Софийского дома //Вспомогательные исторические дисциплины. Вып.26.СПб.,1998. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М.,1964. Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л.,1972.

Преображенский А.А. Структура земельной собственности в России XVII-ХУШ вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. Таллин, 1971. Преображенский А.А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII -начала XIX в. //Вопросы истории. 1977. № 5.

Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С.Б.Веселовского “К вопросу о происхождении вотчинного режима”) //Летопись занятий Археографической комиссии. Вып.1 (34).Л.,1927.

Применение количественных методов в исследованиях по аграрной истории СССР.Сб ст.М.,1984.

Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории. Межвуз сбо научн.ст. Вологда, 1999.

Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986.

Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.,1975.

Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство XVII в. (По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря). Л.,1959.

Развитие русского права в ХУ - первой половине XVII в. /Отв. ред.В.С.Нерсесянц.М., 1986.

Рефераты докл и сообщ. VI Всеросс. научно-практич. совещания по изучению и издани. Писцовых книг и других историке - географических источников. СПб,1993.

Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. СПб.,1897.

Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (По поводу работ Н.Н.Воронина и С.Б.Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве ХП - XVII вв.М.-Л.,1960.

Россия в средние века и в новое время. Сб.ст. к 70-летию чл.- корр. Л.В.Милова.М.,1999.

Русское государство в XVII в.Сб.ст.М.,1961.

Русское православие: Вехи истории. М.,1989.

Савич А.А. Соловецкая вотчина ХУ-XVII вв. Пермь, 1972. Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI-XVII вв.. // Проблемы развития феодальнои,собственности.М.,1979.

Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М.,1966.

Сахаров А.Н. Эволюция категорий крестьянства в XVII в. (Критико-историографический очерк) //Вопросы истории. 1965. № 9.

Сельские поселения России. Исторический и социокультурный анализ. Сб.ст.М.,1995.

Сербина К.Н. Очерки социально-экономической истории русского города в XVI-XVII вв.Тихвинский посад.Л.,1950.

Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная ппромышленность Центральной России XVI - первой половины XIX в.Л.,1978.

Система государственного феодализма в России / Под ред Л.В.Даниловой. Вып1-П.М.,1989.

Славко Т.Н. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М.,1981.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.3 (XVII в.).Ч.1.СПб.,1992.Ч.3.СПб,1998.

Смирнов М.И. О сельском хозяйстве Переславль-Залесского уезда в ХУ-XVII вв. // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. Вып.1. Переславль-Залесский. 1927.

Смирнов М.И.Актография Переславль-Залесского уезда XVII в. // Труды Перенславль-Залесского историко-художественного музея. Вып.5.Переславль-Залесский, 1928.

Смирнов М.И. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде в ХУ-ХУШ вв.//Там же. Вып. 6-7. Переславль-Залесский. 1928.

Смирнов М.И. Историко-географическая номенклатура Переславского края // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. Вып. 11. Переславль-Залесский, 1929.

Смирнов М.И.Феодальные владения переславских и иногородних монастырей в Переславль-Залесском уезде Х1У-ХУШ ст.//Там же. Вып. 12.Переславль-Залесский 1929.

Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т.I-П. Киев, 1917.

Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба в России с древнейших времен до середины XVII в. Т.1-П . М.,1948.

Советов П.В. Проблема податного иммунитета в феодальной Молдавии // Тезисы докл. УШ (Московской) сессии симп. по аграрной истории Восточной европы.М.,1965.

Советов П.В. Общее и особенное в развитии молдавского феодализма (какова была в XVI -начале ХУШ в. основная тенденция в развитии податного иммунитета ?) //Молдавский феодализм. Общее и особенное (История и культура). Кишинев. 1991.

Советов П.В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии (Очерки истории ренты в XVI -начале ХУШ в.). Кишинев, 1980.

Соловьева Т.Б. О взаимоотношениях царской власти и патриаршества по земельным и финансовым вопросам во второй половине XVII в. // Вестник МГУ. Серия “история”, 1978. №5.

Соловьева Т.Б. Пути роста городских владений церкви в первой половине XVII в. // Русский город. Вып. 9 . М., 1990.

Соловьева Т.Б. Земельная политика патриарха Никона в середине XVII в. //Русское средневековье: общество и церковь. Сб.ст./ Отв.ред.Д.Володихин.М.,1997.

Сословия и государственная власть в России. ХУ - середина XIX в. Междун конф. - Чтения пам акад.Л.В.Черепнина. Ч.1-2.М.,1994.

Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы “Анналов”. М.,1993.

Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в.М.,1911.

Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

Сташевский Е.Д. Смоленская война 1634-1634 гг. Организация и состояние русской армии. Киев, 1919.

Сторожев В.Н. К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей // ЧОИДР. 1894. Кн.1.

Сторожев В.Н. Монастырское землевладение на Вологде по данным 1627/30 г. // Сб.ст., посвящ. В.О.Ключевскому. М.,1909.

Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. М.,1915. Тезисы докладов и сообщений III-го Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Вологда, 1990.

Тезисы докл и сообщений У-го Всероссийского научно-пактического совещания по вопросам издания и изучения писцовых книг и других историко-географических источников. Новгород, 1992.

Тезисы докл XI-и Всероссийской конф. “Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-xx вв. Проблемы изучения монастырей и монастырской культуры”. Тихвин, 1999. Тихомиров М.Н. Российское государство ХУ-XVII вв.М., 1973.

Тимошенкова ЗА. Государственные повиннсти крестьян Иверской вотчины во второй половине XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник научных трудов Калининград, 1991.

Тихомиров Б.Н. Проблема “вторичного закрепощения” и крестьянский выход // Историк-марксист, 1932.Т.З(25).

Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII - начале ХУШ в.М.,1974.

Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описаник г. Киржача Владимирской губ.М., 1884.

Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. Памяти Д.М.Петрушевского и А.И.Неусыхина.Сб.ст.М.,1995.

Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Тезисы докл науч конф. Сергиев Посад, 1998.

Тутова Т.Л. Из истории архива Соловецкого монастыря //Археографический ежегодник за 1983г.М.,1985.

Тюменцев И.О.Очерки по истории обороны Троице-Сергиева монастыря 1608-1610 гг. Волгоград, 1995.

Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII в. Движение Лжедмитрия П . Волгоград, 1999.

Успенский Н.П. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря //ЧОИДР.1897.Кн.1. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод. М.,1983.

Хвостова К.В. Количественный подход всредневековой социально-экономической истории. М.,1980.

Черепний Л.В. Из истории борьбы за крестьян в московском государстве в начале XVII в. // Ученые зап. Института истории РАНИОН Т.VII.М.,1928.

Черепнин Л.В. Из истории древнерусских феодальных отношений XI У-XVII вв. //Историч.зап.Т.9.М.,1940.

Черепнин Л.В.Русские феодальные архивы Х1У-ХУ вв.Ч.1-2.М.-Л.,1949-1951.

Черепнин Л.В. У истоков архивоведения и актового источниковедения (“практической дипломатики”) в России (вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в ХУ -начале XVI в.) // Вопросы архивоведения. 1963. № 1.

Черепнин Л.В.Земские соборы Русского государства XVI-XVII вв.М., 1978.

Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М.,1981.

Чернов С.Н.Исторический ландшафт древнего Радонежа .Происхождение и семантика //Памятники культуры.Новые открытия. 1988.М., 1989.

Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества ХШ-ХУ вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1.

Чернов С.З. Сельские монастыри Х1У-ХУ вв. на северо-востоке Московского княжества по археологческим данным // Российская археология. 1996. № 2.

Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXI У сессия симп. по аграрной истории Восточной Европы. М.,1995.

Церковь в истории России. Сб.1-3.М., 1997-1999.

Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб.ст.М.,1990.

Чаев Н.С. Из истории крупного духовного феодализма Поморья в XVII в. // Уч. зап. ЛГУ. 1941. № 73, серия “исторические науки”.

Шабанова А.М. Организация обложения владельческими повинностями крестьян Александро-Свирской вотчины в первой половине ХУШ в. // Проблемы истории феодальной России. Сб.ст.Л.,1971.

Шапиро А.Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения владельческими повиннстями в ХУШ - начале XIX в. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. Киев, 1962.

Шапиро А.Л. Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства России (О сопоставлении описей XVII, ХУШ и XIX вв.) //Исследования по отечествнному источниковедению. Сб.ст. к 80-летию С.Н.Валка. М.-Л.,1964.

Шапиро А.Л. Живущая четь и живущая выть //Вспомогат историч. дисциплины.Вып. 19.Л., 1987.

Шапиро А.Л. Русское крестьяенство перед закрепощением (ХУ-XVI вв). Л.,1987.

Шапиро А.Л. Соха - единица обложения в Русском государстве ХУ-XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию Б.А.Романова. СПб., 1991.

Шапиро А.Л., Дмитриева З.В. Выть - единица обложения в Русском государстве ХУ-XVII вв. // Средневековая Русь. Сб.ст. к 65-летию проф. Р.Г.Скрынникова.СПб,1995.

Шаховская Н.Д.,гр. В монастырской вотчине XI У-XVII вв. (Св .Сергий и его хозяйство М.,1915.

Шватченко О.А. Хозяйственное состояние родовых и купленных вотчин светских феодалов России в 20-30-е гг. XVII в. //Крестьяне и сельское хозяйсьво Росси. М.,1989.

Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в.М., 1990.

Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. (историко-географический очерк). М.,1996.

Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М.,1997.

Шмидт С.О Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М.,1984.

Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений XVI-XVIIвв.М.,1985.

Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне Сибири в XVII-ХУШ вв. Красноярск, 1983.

Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. //Исторические записки .Т.18.М.,1946.

Эксплуатация и собственность в сословие-классовых обществах (Опыт системно-струтурного исследования). М.,1990.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М.,1981.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.,1987.

QQQ

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ.

Амосов А.А. Архивы двинских монастырей. Автореф.канд дисс. М.,1975.

Андреев И.Л. Развитие крепостного права в России в 20-40—е годы XVII вв. Канд. дисс.М.,1982.

Горфункель А.Х. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. Канд.дисс. Л.,1956.

Дементьев Е.И. Савво-Сторожевский монастырь и его крестьяне во второй половине XVII в. Автореф.канд.дисс.М.,1984.

Дмитриева З.В. Организация обложения в крупной вотчине в XVI-XVII вв. Автореф.канд дисс.Л.,1986.

Дмитриева З.В. Хозяйственные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. (Книги вытные и описные). Докт. дисс. СПб.,2000.

Иванов В.И. Монастырские крестьяне Поморья в XVII в. Автореф. докт. дисс.М.,1987.

Иванов Ю.Н Феодальное землевладение Казанской епархии во второй половине XVI-XVII в. Автореф.канд.дисс.Казань, 1982.

Комиссаренко А.И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20-60—гг. ХУШ в.). Докт. дисс.Т.1-П.М.,1984.

Лохтева Г.Н. Монастырское хозяйство в XVII в. (По материалам Троицко-Гледенского монастыря). Автореф. канд. дисс. М.,1964.

Пономарева И.Г. КрVIIная вотчина Тверского края в ХУ - начале XVII в. (По материалам Троицкого Калязина монастыря). Автореф. канд. дисс. М.,1989.

Попеску Т.А. Источники по истории формирования книжного рукописного собрания Троице-Сергиева монастыря (описи, вкладные и переписные книги). Канд. дисс. М.,1979.

Соколова Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском Поволжье в XVII - первой половине ХУШ в. Автореф. канд. дисс. М.,1990.

Соловьева Т.Б. Отношения церкви и государства по вопросам землевладенив России XVII в. (По материалам патриаршего дома). Канд. дисс.М.,1979.

Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII в. Движение Лжедмитрия. Автореф. докт. дисс.СПб., 1999.

Чекунова А.Е. Вотчинное хозяйство и монастырские крестьяне в конце XVII – первой четверти ХУШ в. Канд. дисс.М.,1979.

Чернякова И.А. Крестьяне Олонецкого края в XVII в. Автореф. канд. дисс. Л.,1989.

Aries F. L Homme devant la Mort.Paris, 1977.

Aries F. Western Attitudes toward Death from the Middle Ages to the Present. Baltimore-London, 1976.

Blum D. Lord and Peasant in Russia. Princeton-Massachusets, 1962. Keep J.The Regimte of Filaret // The Slavonic and East European Review. 1960. Vol.XXXVIII.N.9 I.June.

Miller B. David. Motivs for Donations to the Trinity-Sergius Monastere 1392 - 1605. Jender Mattrers // Essays in Medieval Stadiesl4(1998). P.91-106.

Jonneau Pierre. La maison de la Saite Trinite - un grand monastere russe du moyen - age tardif (1345-1533). Paris, 1993.

Smith R.E. F. The origines of Farming in Russia. Paris, 1959. Smith R.E F. The Enserfment of the Russian Ptasantry. Cambrige, 1968.

Steindorf Ludwig. Memoria in Altrussland . Unungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994.

Vovelle M. La mort et I Occident de 1300 a nos gours. Paris, 1983. Zernov N. The russians and their chutch. London, 1978.

QQQ

Приложение
Список таблиц.

Табл.1. Распределение Троицких актов по видам и десятилетиям (1584 - 1700 гг.).

Табл.2. Распределение Троицких актов по основным уездам.

Табл.3. Приписные монастыри Троицкой корпорации: состав и хронология.

Табл.4. Вотчинные монастыри Троицкой корпорации в XVII в.

Табл.5. Структура землевладения Троице-Сергиева монастыря в конце XVI - XVII в (пашня и перелог).

Табл.6. Величина и размещение Троицкого домена в конце XVI - XVII в.

Табл.7. Наемная и наезжая пашня в вотчине Троице-Сергиева монастыря по писцовым книгам 1592-1594 гг. *Метрологическая справка к таблицам вытных окладов.*

Табл. 8. Вытное тягло крестьянских дворов по писцовым и вотчинным книгам 1590-х гг.

Табл. 9. Вытное тягло крестьянских дворов по переписным вытным книгам 1610-х гг.

Табл. 10. Вытное тягло крестьянских дворов по оброчной книге 1617 г

Табл. 11. Вытное тягло крестьянских дворов по вотчинной книге 1623 г

Табл. 12. Вытное тягло крестьянских дворов по переписным оброчным книгам 1692-1696 гг.

Табл. 13 Вытное тягло и крестьянское землепользование в Переславском уезде в 1600/01 г.

Табл.14. Повытная раскладка тяглой пашни вЦереславском уезде в 1600/01 гг (с.Давыдовское)

Табл. 15. Структура крестьянского землепользования по вытной книге 1623 г

Табл. 16. Крестьянское хозяйство в Муромском уезде в 1630 г

Табл. 17.Тяглые крестьянские наделы в конце XVII - XVII в

Табл. 18. Зависимость тяглообложения от размеров тяглой пашни и от населения крестьянского двора в конце XVII в

Табл. 19. Раскладка тяглой пашни в Суздальском уезде в 1692 г

Табл .20. Эволюция двух волосток Троице-Сергиева монастыря в Деревской пятине в конце XVI - XVII в

Табл. 21. Сельское расселение и крестьянское землепользование по описаниям 1500-1560-х гг.
Табл. 22. Соотношение жилых и пустых селений и дворов в конце XVI - XVII в
Табл. 23. Виды сельских поселений в троицкой вотчине в конце XVI - XVII в
Табл. 24. Поуездное распределение видов сельских поселений в конце XVI - XVII

в. Табл. 25. Поуездное распределение жилых селений и их размеры в конце XVI-XVII в
Табл .26. Поуездное распределение сельского населения и его плотность в конце XVI-XVIIв.
Табл. 27. Изменение полевой барщины крестьян за 1594-1623 гг.
Табл. 28. Распределение денежной ренты в зависимости от крестьянского тягла и надела.
Табл .29. Денежная рента монастырских крестьян в 1590-1620-е годы
Табл.30. Отработочная и денежная рента в вотчинах Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей в конце XVII в.
Табл.31. Распределение денежной ренты по группам хозяйств в вотчине Троице-Алатырского монастыря в конце XVII в.
Табл. 32. Денежная рента в вотчинах Троице-Алатырского и Троице-Свияжского монастырей в конце XVII в.

QQQ

Приложение 6.

Список сокращений.

Архивы и научные учреждения.

ГАВО - Государственный архив Вологодской обл.
ГАТО - Государственный архив Тверской области
ГАЯО - Государственный архив Ярославской области
ИРИ РАН - Институт Российской истории Российской Академии наук
КГПИ - Казанский государственный педагогический институт
МГИАИ - Московский государственный историко-архивный институт
МГУ - Московский государствнный университет им. М.В.Ломоносова
ОР РГБ - Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (б. ГБЛ им.В.И.Ленина)
ОР РНБ - Отдел Рукописей российской Национальной библиотеки (б.ГПБ им М.Е.Салтыкова-Щедрина)
РГАДА - Российский государственный архив древних актов (б.ЦГАДА)
СПб ФИРИ РАН - Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН (б.ЛОИИ)

Архивные фонды и рукописные собрания

АТСЛ - Архив Троице-Сергиевой Лавры (ф.ЗОЗ) в ОР РГБ
ГКЭ - Грамоты Коллегии Экономии (ф.281) в РГАДА
Погод. - Погодинское собр. в ОР РНБ

Румянц. - Собрание Н.П.Румянцева (ф.256) в ОР РГБ
Собр.МДА - Собрание Московской Духовной Академии (Ф.173.П.) в ОР РГБ
Муз.собр. - Музейское собрание (ф.178) в ОР РГБ

Издания

ААЭ - Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею имп.Академии наук.СПб.,1836 - 1838. Т. 1-4.

АРГ - Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России /Собрал и издал А.Федотов-Чеховский.Киев, 1860.Т.2.

АЕ - Археографический ежегодник

АИ - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.,1841-1843.Т.1-5.

АИСЗР - Аграрная история Северо-Западной России. Т.I. Вторая половина ХУ - начало XVI в.Л.,1971 ; Т.П. Новгородские пятины.Л.,1974, Т.Ш.Север.Псков.Общие итоги развития Северо-Запада; Т.I У (Население, землевладение, землепользование) Ру код. автор, колл. А.Л Шапиро

АРГ - Акты Русского государства 1505-1526 гг.М.,1975.

АССЕМ - Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг.М.,1998.

АСЭИ .Т.1-Ш. - Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца Х1У - начала XVI в Т.1-Ш.М.,1952-1964.

АФЗХ. 1 -Ш. - Акты феодального землевладения и хозяйства.Ч. 1 -Ш.М., 1951 -1961.

АФЗХ.Ч.1У. Акты Московского Симонова монастыря 1506-1613 гг.Л.,1983. АЮБ - Акты, относящиеся до юридического быта древней россии.Т.Ш.СПб,1884. ВЕВ - Вологодские епархиальные ведомости. Часть неоф. ВИ - Вопросы истории

ВИД - Вспомогательные исторические дисциплины

ВХК ИВМ. 1-П. - Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573-1595 гг. /Под ред А.Г.Манькова.Вып!-П.М.-Л..1978.

ВХК КБМ.1-Ш. - Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559-1601 гг. /Под ред А.Г.Манькова.Вып 1 -Ш.М.-Л., 1983.

Вклад.кн. - Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.Изд.подг. Е.Н.Клитина, Т.Н.Манушина, Т.В.Николаева / Под ред. Б.А.Рыбакова.М.,1987.

ГВНП - Грамоты Великого Новгорода и Пскова.Под ред. С.Н.Валка.М.-Л.,1949.

ДАИ - Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.Т. 1 -П.СПб., 1846.

ДДГ - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-ХУ вв.М.-Л.,1950. ЖМНП - Журнал министерства народного просвещения

ЖМЮ - Журнал министерства юстиции

ЗОР ГБЛ - Записки Отдела рукописей государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина

ИА - Исторический архив ИКРЗ - История и культура Ростовской земли

ИЗ - Исторические записки ИСССР - ж. История СССР

ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры Дверинский. Материалы. 1-Ш. - Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях российской империи.Т.I-Ш.СПб.,1892-1897.

МК-20, МК.254 - Межевые книги Троице-Сергиева монастыря 1557-1558 гг. - (РГАДА.Ф.1209.Кн.20,254).

Корм.кн. - Кормовая книга троице-Сергиева монастыря 1592 г. Изд. В приложении архим.Леонида к книге А.В.Горского историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры в ЧОИДР.1879.Кн.2.С.35-46 и в отдельнном изд. 1890 г.С.46-54. ЛЗАК -Летопись занятий Археографической комиссии

МОИДР - Московское общество истории и древностей российских ОИ - ж.Отечественная история

ОРД - Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.Разд.У. ПИ - Проблемы источниковедения

ПСЗ РИ - Полное собрание законов Российской империи (1 отд.СПб.,1830) ПСРЛ - Полное собрание русских летописей

ПСЭИ - Памятники социально-экономической истории Московского государства Х1У-XVII вв.М.,1929.

РАНИОН - Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РД - Русский дипломатарий.Вып. 1-6.М., 1997-2000. РИБ - Русская историческая библиотека

Сб.ГКЭ - Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1.П6., 1922. Т. П. Л., 1929. СВ - Средние века

ССМ - Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI в. (из собрания ЦГАДА). Тебекин .1. - Тебекин Д.А. Перечень иммунитетных грамот 1584-1610 гг. // АЕ за 1978 г. М..1979.С.191-235.

Тебекин Д.А. Перечень иммунитетных грамот 1584-1610 гг. //АЕ за 1979.М..1981. ХП. 1-Ш. - Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.4.1 // АЕ за 1957 г.М,1958.С.302-376.

ХП.П. - Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1960г.М,1962.

ХП.Ш. - Каштанов С.М.,Назаров В.Д.,Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.Ч.З.Дополнение//АЕ за 1966 г.М,1968.С. 197-273. Шумаков С.А. ОГКЭ .1-1У. - Шумаков С.А. Обзор грамот коллегии экономии.Вып. 1-1У.М.1899-1917.

Шумаков С.А.Сотницы. 1,Ш,VI. - Шумаков С.А. Сотницы, грамоты, записи. Вып.1,Ш,VI. М.,1902-1911.

ЧОИДР - Чтения в общее истории и древностей российских при имп.Московском университете

QQQ

Приложение 7.

СТРУКТУРА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИВА И КАНЦЕЛЯРИИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В XVI- НАЧАЛЕ ХУШ ВЕКА.

РАЗДЕЛ 1. №№ 1-103 - Документы, поступившие в монастырскую казну, но не сохранившиеся №№ 1-3 4-Акты

№ 35-103 - Писцовая, переписная и платежная документация XVI-XVII в

РАЗДЕЛ П.

№ 104-172 - Документы, созданные в крепостной казне Троице-Сергиева монастыря

№ 104-172 - Акты крепостной казны

№ 173-228 - Внутривотчинные акты, регулирующие сеньориально-крестьянские отношения

РАЗДЕЛ Ш.

№ 229-275 - Долговая и ссудно-кредитная документация
№ 229-262 - денежные и хлебные кабалы троицких старцев, слуг, строителей
приписных монастырей № 263-275 - заемные кабалы частных лиц, данные в Троицу в качестве денежных вкладов

РАЗДЕЛ IV.

№ 276-332 - Внутривотчинная учетная, переписная и хозяйственная документация XVI-XVII вв. № 276-312 - хозяйственно-учетная документация № 313-331 - приходо-расходная документация

РАЗДЕЛ У.

№ 332-345 - Дело- и судопроизводственная документация

РАЗДЕЛ VI.

№ 346-361 - Общинно-крестьянская документация.

QQQ

Приложение 2.

Таблицы

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРОИЦКИХ АКТОВ ПО ВИДАМ И ДЕСЯТИЛЕТИЯМ (1584—1700 гг.)

Виды актов	Десятилетия												Всего актов данного вида
	1584—1590	1591—1600	1601—1610	1611—1620	1621—1630	1631—1640	1641—1650	1651—1660	1661—1670	1671—1680	1681—1690	1691—1700	
Жалованные царские	18	19	11	15	5	3	5	1	1	1	-	1	80
Указные царские	35	14	12	38	9	7	12	6	13	30	23	27	226
Послушные царские	1	1	-	1	-	4	7	1	3	-	5	2	25
Жалованные и указные патриархов	-		2	1	9		-	-	-		2	1	17
Данные	6	10	7	76	47	29	7	2	1	-	-	-	185
Купчие	10		6	20	10	9	6	2	-	-	2	-	65

Меновные	3	3	-	-	8	4	5	5	1	-	4	2	35
Духовные	1	7	2	5	2	3	-	1	-	-	-	-	21
Отступные и поступные на недвижимость	1		-	6	6	2	1	-	2	-	-	-	18
Отступные и поступные на людей	-		-	1	7	3	2	1	2	-	2	-	18
Зарядные	-		-	-	3	-	2	-	1	-	-	-	6
Закладные и заемные	1	-	-	3	7	0	-	1	-	-	2	-	34
Отписи,записи и памяти	9	11	2	12	12	3	3	1	2	2	-	-	57
Межевые, разъезжие, отводные	1	-	1	10	6		2			5	1		43
Правые	-	-	1	5	9	2	-	1	-	1	1	-	20
Выписи	3	8	-	3	7	8	10	3	6	8	6	2	64
Поручные	-	-	1	2	4	2	-	-	-	1	-	-	10
Челобитные	-	-	7	12	11	4	-	-	1	2	3	1	41
Уставные	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5
Всего за десятилетие	93	73	52	210	162	109	72	26	35	51	51	36	970

Примечание 1. Акты, дошедшие до нас только в упоминаниях, в табл. 1 не отражены. См. приложение I. Примечание 2. Порядные записи 1617—1618 гг. из сб. 571, составляющие единую тетрадь, в табл. 1 также не включены.

Таблица

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРОИЦКИХ АКТОВ 1584—1700 гг. ПО ОСНОВНЫМ УЕЗДАМ

№	Уезды	Всего по уезду	Виды актов																
			жалованные	указные	Данные	Купчие	Меновные	духовные	Отступные и поступные	Отступные на людей	Зарядные	Заемные и закладные	Отписи и памяти	Межевые разъез	Правые	Выписи	Поручные записи	Челобмтные	Монастырские уставные
1.	Переславский	101	17	13	25	4	6	2	-	2	-					4			
2.	Московский	79	14	10	10	2	4	1	1	1	-		1	2					
3.	Двинский	52	-	7	23	9	1	1	3	-	-								

4.	Галицкий	51	2	5	20	14	-	2	-	-	-								
5.	Костромской	45	3	9		-	1	2	6	2	1								
6.	Суздальский	41	3	2		1	2	-	1	1	3							7	
7.	Дмитровский	37	4	5	11	-	2	-	-	-	-								
8.	Нижегородский	37	6	2		2	-	-	1	2	1								
9.	Тверской	33	3	5	12	-	2	2	-	-	-								
10.	Бежецкий	30	-	10	10	-	2	2	-	2	-								
11.	Вологодский	22	1	6		2	-	-	1	-	-								
12.	Алатырский	21	-	3		1	1	1	1	4	-	.							
13.	Арзамасский	21	-	-		-	2	-	2	-	1								
14.	Муромский	21	3	3		-	3	-	1	-	-								
15.	Ярославский	17	1	8		2	-	-	-	-	-								
16.	Юрьевский	16	7	4		-	1	2	-	-	-								
17.	Владимирский	16	3	2		-	2	-		1	-								
18.	Казанский	15	6	4		-	-	-	-	-	-								
19.	Балахнинский	14	1	2		8	-	-	-	-	-								
20.	Ростовский	14	-	7		1	-	-	-	-	-								
21.	Новгородский (Деревская пятина)	12	1	3		1	-	-	-	-	-								
22.	Кашинский	11	-	6		-	-	1	-	-	-								
23.	Боровский	11	-	6		-	-	-	-	-	-								
24.	Старицкий	10	-	4		-	1	-	-	-	-								
25.	Акты на несколько уездов	27	12	2		-	2	2	-	3	-								
26.	Акты общего действия	17	17	-		-	-	-	-	-	-								

Примечание: В табл. 2 не включены уезды, к которым относится менее, чем по 10 грамот: Астраханский, Белозерский, Гороховецкий, Зубцовский, Кинешемский, Клинский,

Коломенский, Оболенский (Серпуховской), Соликамский, Тетюшский, Угличский, Чердынский, Юрьевецкий (Повольского).

QQQ

Таблица 2

ПРИПИСНЫЕ МОНАСТЫРИ ТРОИЦКОЙ КОРПОРАЦИИ: СОСТАВ И ХРОНОЛОГИЯ

№№	Монастырь и уезд	Характеристика	Время попадания в состав корпорации	Время пребывания			
				XV в.	XVI в.	XVII в.	нач. XVIII в.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Успенский на Воинове Горе в Переславском у.	мужской общежительный (?) сельский вотчинный	1420-е гг.	+	+		
2.	Пустынь Св. Георгия в Гороховце	мужской общежительный (?) пригородный вотчинный	1430-е гг.	+	+	+	+
3.	Рождества Христова в с. Прилуки Угличского у.	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1430-е гг.	+	+		
4.	Св. Юрия в Раменейце на р. Шексне в Пошехонском у.*	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1440-1470-е гг.	+	+		
5.	Троицы на Березнике в вол. Воре Московского у.*	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1471 г.	+			
6.	Св. Ильи в вол. Воре Московского у.*	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1481 г.	+			
7.	Николы Чудотворца в с. Дерюзине Переславского у.	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1481 г.	+	+		
8.	Киржачский Благовещенский в Переславском у.	мужской общежительный сельский вотчинный	Изначально,с момента основания	+	+	+	+
9.	Богоявленское подворье в Московском Кремле	мужской особножительный (?) городской безвотчинный	1460 г.	+	+	+	+
10.	Покрова в Хотькове в Радонеже Московского у.	мужеско-женский особножительный сельский вотчинный	1544г.		+	+	+
11.	Пятницкий Введенский на Подоле (под ТСМ)	мужской или совместный (?) особножительный безвотчинный	1547г.	+	+	+	+
12.	Успенский Богородицкий в с. Подсосенье в Радонеже Московского у.	женский особножительный сельский вотчинный	1530-1550-е гг.		+		

13.	Спаса-Преображения в с. Присеках Бежецкого Верха	мужской особножительный сельский безвотчинный	1520-1550-е гг.		+	+	
14.	Троице-Казанский в Казани	мужской общежительный городской вотчинный	1550-е гг.		+	+	+
15.	Троице-Свияжский в Свияжске	мужской общежительный городской вотчинный	1550-е гг.		+	+	+
16.	Сергия Чудотворца на Двине “на усть-Курьи” в Холмогорах*	мужской особножительный (?) городской безвотчинный	1550-е гг.		+	+	
17	Спаса-Преображения в с. Тушине в Горетове ст. Московского у.*	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1570-е гг.		+		

QQQ

Таблица 3

окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
18.	Рождества Пречистые в с. Рождественном Дмитровского у.*	Мужской (?) особножительный (?) сельский безвотчинный	1570г.		+		
19.	Рождества Пречистые Тутанский в Тверском у.*	мужской (?) особножительный (?) сельский вотчинный	1570г.		+	+	
20.	Флора и Лавра в с. Дубровы Муромского у.*	мужской особножительный (?) сельский безвотчинный	1580г.		+	+	
21.	Николо-Чухченемский близ Холмогор	мужской особножительный пригородный вотчинный	1611-1613 гг.			+	+
22.	Успенский Стромынский в вол. Шеренке Московского у.	мужской 1) общежительный 2) особножительный сельский вотчинный	1616.1617гг. (а первоначально -в 1442 *г.?)*	+ (?)		+	+
23.	Троице-Махрищский в Переславском у.	мужской общежительный сельский вотчинный	1615			+	+
24.	Рождественская Макарьева пустынь под Городецком (Бежецком)	мужской особножительный пригородный вотчинный	1615.1617гг.			+	
25.	Троице-Алатырский в г. Алатыре	мужской общежительный городской вотчинный	1617г.			+	+
26.	Троице-Авнежский в Вологодском у.	мужской особножительный сельский вотчинный	1617г.			+	+

27.	Успенская Хотимская пустынь в Суздальском у.*	мужской особножительный сельский вотчинный	1616г.			+	
28.	Богоявленская Пелегова пустынь в Юрьевецком у.*	мужской особножительный сельский вотчинный	1626г.			+	
29.	Чердынский Иоанно-Богословский в “Перми Великой”	мужской особножительный пригородный безвотчинный	1632г.			+	
30.	Покровская Антоньева пустынь в Переславском у.	мужской общежительный (?) сельский вотчинный	1628г.			+	
31.	Симеоновский под Александровой Слободой 11ереславского у.	мужской общежительный (?) сельский вотчинный	1650г.			+	
32.	Иоанно-Богословский Холохоленский в Старицком у.	мужской общежительный сельский вотчинный	1625-1663 гг.			+	
33	Троице-Астраханский в г. Астрахани	мужской общежительный городской вотчинный	1699г.				+
34.	Троице-Белопесоцкий в Кашире	мужской общежительный городской вотчинный	1699 г.				+
35.	Николо-Песношский в Дмитровском у.	мужской общежительный сельский	1700г.				+

выделены монастыри и пустыни, не отраженные в официальных актах приписки XVI-XVII вв.

QQQ

Таблица 5

СТРУКТУРА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

(в четвертях в 1-м поле)

№ №	Регионы и уезды	1590-е гг.					1620-1640-е гг.				
		Всего	Пашня		Перелог		Всего	Пашня		Перелог	
			Абс.	%	Абс.	%		Абс.	%	Абс.	%
					Центр						
1.	Московский	27232	8810	32,3	18422	67,6	25872	4739	18,3	21133	81,6
2.	Переславский	15970	5826	36,4	10144	63,5	20412	3844	18,8	16568	81,1
3.	Владимирский	4626	1980	40,2	2646	57,1	4209	2066	49,0	2143	50,9
4.	Суздальский	2407	1022	42,4	1385	57,5	2611	1370	52,4	1241	47,5
5.	Стародубский	6480	2707	41,7	3773	58,2	2512	451	17,9	2061	82,0
6.	Юрьевский	3354	1821	54,2	1533	45,7	3674	1486	40,4	2188	39,5
7.	Муромский	7325	2597	35,4	4726	64,5	5561	2107	37,8	3454	62,1
8.	Ростовский	6260	3328	53,1	2932	46,8	6129	-	-	-	-
9.	Ярославский	1498	979	65,3	519	34,6	1353	875	64,6	478	35,3
10.	Угличский	3483	1861	53,4	1622	46,5	4043	587	14,5	3456	85,4
11.	Костромской	5891	4398	74,8	1493	25,3	6271	2479	34,0	3792	60,4
12.	Галичский	426	321	75,3	105	24,6	481	10	2,0	471	97,9
13.	Кашинский	1142	744	65,1	398	34,8	330	-	-	330	100,0
14.	Дмитровский	12690	5176	40,7	7514	59,2	14755	834	5,6	13921	94,3
15.	Тверской	5355	3313	61,8	2042	38,1	5460	481	8,8	4979	91,1
16.	Стар и цк и и	1077	703	65,3	374	34,7	742	42	5,6	700	94,3
17.	Новоторжский	1254	848	67,6	406	32,3	1123	93	8,2	1030	91,7
18.	Рузский	1641	386	23,5	1255	76,4	1587	-	-	-	-
19.	Звенигородский	4317	718	16,6	3599	83,3	3914	-	-	-	-
20.	Бежецкий Верх	16879	8665	51,3	8214	48,6	18280	1552	8.4	16728	91,5
	По региону:	2935	56203	43,4	73102	56,5	129320	23016	19,5	94673	80,5
					Поволжье						
21.	Нижегородский	3003	339	11,2	2664	88,7	3113	1824	58,5	1289	41,0
22.	Балахнинский	672	343	51,0	329	48,9	479	286	59,7	193	40,2
23.	Юрьевецкий	-	-	-	-	-	352	38	10,7	314	89,2
24.	Казанский	424	190	44,7	234	55,1	-	-	-	-	-
25.	Свияжский	373	319	85,5	54	14,4	5240	5240	100,0	-	-
26.	Алатырский	-	-	-	-	-	952	270	28,3	682	71,6
	По региону:	4472	1191	26.6	3281	73,3	10136	7658	75,5	2478	24,4
					Север и северо-запад						
11	Пошехонский	306	262	86,6	44	14,3	602	165	27,4	437	72,5
28.	Белозерский	299	132	44,1	167	55,8	383	131	34,2	252	65,7
29.	Вологодский	-	-	-	-	-	476	225	47,2	251	52,1
30.	Двинский	-	-	-	-	-	92	65	70,6	27	29,3
31.	Деревская пятина	675	407	60,2	268	39,7	252	142	56,3	110	43,6
	По региону:	1280	801	62,5	479	34,7	1805	728	40,3	1077	59,6
					Юг и юго-запад						
32.	Коломенский	1303	906	69,5	397	30,4	1548	589	38,0	959	61,9
33.	Верейский	5753	1640	28,5	4113	71,4	3505	-	-	-	-
34.	Боровский	620	589	95,0	31	5,0	615	100	16,2	515	83,7
35.	Малояролавецкий	1530	1057	69,0	473	30,9	998	179	17,9	819	82,0
36.	Оболенский	1579	530	33,5	1049	66,4	1955	489	25,0	1466	74,9
37.	Новосильский	311	294	94,5	17	5,4	255	40	-	215	-
38.	Серпейскнй	602	602	100,0		-	803	5	0,6	798	99,3
39.	Тарусскнй	-	-	-	-	-	407	97	23,8	310	76,1
	По региону;	11698	5618	48,0	6080	51,9	10086	1499	23.0	5082	76,9
	Всего:	146756	63813	43,4	82942	56,5	151346	32821	24.1	103310	75,8

QQQ

Таблица № 6

НАЕМНАЯ И НАЕЗЖАЯ ПАШНЯ В ВОТЧИНАХ ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ ПО ПИСЦОВЫМ КНИГАМ 1592—1594 гг. (В ЧЕТВЕРТЯХ В 1-м ПОЛЕ)

№№	Регионы и уезды	Всего наемной и наезжей пашни		В том числе пашни:			
		Абс.	% по всей пашне по уезду	Наемной в жилых селениях		Наезжей на пустошах	
				Абс	%	Абс.	%
	Центр						
1	Московский	668	7,5	205	2,3	463	5,2
2	Переславский	1391	23,8	558	9,5	833	14,2
3	Владимирский	73	3,6	23	1,1	50	2,5
4	Юрьевский	25	1,3	-	-	25	1,3
5	Муромский	25	0,9	-	-	25	0,9
6	Ростовский	302	9,0	-	-	302	9,0
7	Угличский	71	3,8	-	-	71	3,8
8	Кашинский	12,5	1,6	-	-	12,5	1,6
9	Дмитровский	375	7,2	151	2,9	224	4,3
10.	Тверской	104	3,1	-	-	104	3,1
11.	Старицкий	30	4,2	-	-	30	4,2
12	Новоторжский	51	6,0	-	-	51	6,0
13.	Рузский	12	3,0	-	-	12	3,0
14.	Звенигородский	20	2,8	-	-	20	2,8
15.	Бежецкий	959	11,0	320	3,6	639	7,3
16.	Костромской	13	0,2	-	-	13	0,2
	Поволжье						
17.	Казанский	10	5,2		-	10	5,2
	Север и Северо-Запад						
18.	Пошехонский	10	3,8	-	-	10	3,8
19.	Белозерский	10	7,5	-	-	10	7,5
20.	Деревская Пятина	47	11,5	-	-	47	11,5
	Юг и Юго-Запад						
21.	Коломенский	5	0,5	-	-	5	0,5
22.	Верейский	37	2,2	-	-	37	2,2
23	Боровский	7,5	1,2	-	-	7,5	2,2
24.	Малоярославецкий	167	15,7	-	-	167	15,7

25.	Оболенский	76	14,3	-	-	76	14,3
	Всего	4501	7	1257	1,9	3244	5

QQQ

Таблица 7

МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА К ТАБЛИЦАМ ВЫТНЫХ ОКЛАДОВ

Для лучшей ориентировки в табл. 8—12 простым дробям приведены соответствия в десятичном выражении. Избранная последовательность и в табл. 8—12, и в справке — от более крупных долей вытного тягла — к более мелким.

1 1/2= 1,5
1 1/3= 1,3
1 *1/4*= 1,25
1 1/6= 1,167
1,0
1 - 1/12=0,917
1 - 1/8=0,875
1-1/4 или 3/4 = 0,75
1 - 1/3-0,7
2/3 = 0,666
1/2+ 1/8=0,625
3/5 = 0,6
1/2+ 1/12=0,583
2/7=0,571
1/2+ 1/16=0,563
1/2 без 1/16=0,437
1/3+ 1/8-0,425
2/5 = 0,4
1/3+ 1/12=0,383
1/4 + 1/8 = 0,375
3/8 или 1/2 без 1/8=0,375
1/4+1/16=0,313
1/3 или 3/10-0,3
1/4 + 1/24=0,291
1/4 + 1/32=0,281
1/4 + 1/64 = 0,265
1/6 + 1/12=0.249
1/6 + 1/16 = 0,229
2/9 = 0,222
1/6+ 1/24=0.208
1/5 = 0,2
1/6+ 1/32=0,197
1/8 + 1/16=0,188
3/16 ("полтора осьмака") = 0,187
1/8+ 1/16= 1,187
1/24+1/64+1/8=0,182
1/8+ 1/32 + 1/64=0,171
1/8+ 1/24=0,167
1/6=0,167
1/8+ 1/32=0,156
1/9=0,11
1/16 + 1/32 + 1/64=0,109
1/16 + 1/4=0,105
1/10=0,1
1/12 + 1/64=0,098
1/16+1/32 ("осьмак без чети") = 0,094
1/16 + 1/32=0,093
1/12 + 1/160=0,088
1/2 без 1/16 деленное на 5 = 0,087
1/16+1/64 + 1/128=0,085
1/12=0,083
1/16+1/64=0,078
1/16+1/96=0,073
1/14=0,071
1/16 + 1/128=0,07
1/16 + 1/160 ("пирог"?) = 0,068
1/15=0,066
1/24 + 1/48 = 0,063
1/24 + 1/64 = 0,057
1/32 + 1/64 + 1/96 = 0,056
1/32 + 1/64 + 1/128=0,053
1/24+1/96=0,052
1/3 от 1/6 или 1/18=0,05
1/32 + 1/64=0,046
1/24 = 0,042
1/32 + 1/96=0,041
1/32 + 1/128=0,038
1/64+1/48=0,035
1/32 + п. = 0,031 с пирогом
1/32=0,031
1/32 - п. = 0,031 без пирога
1/48 + 1/128=0,028
1/3^=0,027
1/96+ 1/64=0,025
1/64 + 1/128=0,022
1/48 + п. = 0,021 с пирогом
1/48=0,021
1/48 - п. = 0,021 без пирога
1/64=0,015
1/64 + п. = 0,015 с пирогом

1/7=0,142
1/8+ 1/64=0,14
1/8+ 1/72=0,139
1/8+ 1/96 = 0,135
1/8+ 1/160 (0,125+0,005) =0,13
1/8=0,125("осьмак")
1/2 без 1/32 и деленное на 4 = 0,117
1/16 + 1/32 + 1/48=0,115
1/12 + 1/32=0,114
1/64 - п. = 0,015 без пирога
1/72=0,014
1/96 + п. = 0,01 с пирогом
1/96=0,01
1/96 - п. = 0,01 без пирога
1/128 + п. = 0,007 с пирогом
1/128=0,007 -
1/128 - п. = 0,007 без пирога
1/160 или 5/1000 = 0,005 ("пирог" - ?)

QQQ

Таблица 10

ВЫТНОЕ ТЯГЛО КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ ПО ОБРОЧНОЙ КНИГЕ 1617 г *

Вытные Оклады Дворов	Дворы с такими окладами	Уезд и общее число дворов					Вытные оклады дворов	Дворы с такими окладами	Уезд и общее число дворов				
		Переславкий	Ярославский	Ростовский	Костромской	Галичский			Переславский	Ярославский	Ростовский	Костромской	Галичский
		143	12	277	986	121			13	12	0277	986	121
1,937	9	-	-	-	9	-	0,291	1	-	-	1	-	-
1,3	9	-	-	-	9	-	0,249	1	-	-	1	-	-
1.25	5	-	-	-	5	-	0,229	1	-	-	-	1	-
1,0	3	-	-	-	3	-	0.208	1	-	-	-	1	-
0,917	2	-	-	-	2	-	0,25	283	5	-	43	200	35
0,875	1	-	-	-	1	-	0.2	31	-	-	-	31	-
0,75	8	-	-	-	8	-	0,188	5	-	-	2	-	3
0,7	9	-	-	-	9	-	0,167	256	8	-	9	219	20
0,666	3	-	-	-	3	-	0,156	1	-	-	1	-	-
0,6	1	-	-	-		-	0,142	4	-	-	4	-	-
0,563	1	-	-	-	1	-	0,125	382	59	-	109	186	28
0,5	63	-	-	9	48	6	0,11	33	-	-	-	33	-
0,4	4	-	-	-	5	-	0,1	22	-	-	22	-	-
0,383	1	-	-	-	1	-	0,094	17	-	-	-	17	-
0,375	4	-	-	4	-	7	0,083	149	22	12	20	91	4

0,333	84	2	-	6	82	15	0,063	105	47	-	36	19	3
0,313	2	-	-	2	-	-	0,042	1	-	-	-	1	-
0,3	7	-	-	7	-	-	0,031	1	-	-	1	-	-

*АТСЛ. Кн. 573.

QQQ

Таблица 13

ВЫТНОЕ ТЯГЛО И КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ПЕРЕСЛАВСКОМ У. В 1600/01 г. (с. ДАВЫДОВСКОЕ)*

Селение	Дворы	В т. ч. с прибавкой земли	Выти		Пашня (в десятинах в 3 полях)							
			тяглые	пустые	Тяглая			Пусторная			Всего пашни	На двор
					Всего	На выть	на двор	Всего	На выть	На двор		
Давыдовское **	33	17***	13,25	1,75	280,4	21,1	8,4	29,5	16,8	1,7	309,9	10,1
Милославле	29	-	9,125	5	191	20,9	6,5	105,5	14,0	-	296,5	6,5
Сушково	15	13	4.5	3,5	96,5	21,4	6,4	75,1	21,4	5,7	171,6	11,4
Всего	77	30	26,875	10,25	568,0	21,1	7,3	210	20,4	1,4	672,5	8,7

QQQ

Таблица 14

ПОВЫТНАЯ РАСКЛАДКА ТЯГЛОЙ ПАШНИ НА ДВОР В ПЕРЕСЛАВСКОМ У. В 1600/01 г. (с. ДАВЫДОВСКОЕ)*

Селение	Дворы на доле выти				Тяглая пашня на двор			
	0,125	0,25	0,5	0,75	0,125	0,25	0,5	0,75
Давыдовское	-	14	16	4	-	5,7	9,0	18
Милославле	5	14	10	-	2,5	5,25	10,5	-
Сушково	2	9	4	-	2,6	5,3	10,7	-
Всею	7	37	30	3	17,7	201	191,8	54

* Табл. 13—14 составлены но: АТСЛ. Кн. 637. Л. 87—101 об., 79—86 об.

** К селу тянули еще деревни Ростиново и Бориловка, по ним данные неполные и в табл. они не включены.

*** Из них 11 дворов получили "пустошный вытный оклад" на прибавленные земли.

QQQ

ТЯГЛЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ НАДЕЛЫ В КОНЦЕ XVI—XVII в.

(в четвертях в I поле)*

№ №	Уезды	Группировки наделов по размерам							
		мельчайшие		мелкие	средние	крупные			
		менее 0,5 чт	0,5-0,9	1,0-4,9	5,0-7,4	7,5-10,0	10,1-15,0	15,1-20.0	свыше 20,0
1592-1597 гг.									
1.	Дмитровский	-	4	777	15	3	-	-	-
2..	Кашинский	-	-	100	30	2	3	1	-
3.	Тверской	4	-	417	101	28	14	6	-
4.	Стар и цк и и	-	-	83	23	8	1	-	-
5.	Звенигородский	-	-	38	26	31	-	-	-
6.	Рузский	-	-	30	16	2	-	-	-
7.	Новоторжский	-	-	74	12	18	2	-	1
8.	Серпуховской	-	-	10	49	21	-	-	-
9.	Юрьевский	-	-	49	-	1	-	-	-
10.	Костромской	-	6	21	-	-	-	-	-
11.	Галицкий	-	7	15	-	1	-	-	-
1623г.									
12.	Бежецкий Верх	61	79	203	-	2	-	-	-
13.	Ярославский	16	28	158	2	2	-	-	-
14.	Пошехонский	-	7	27	4	-	-	-	-
1692-1696 .									
15.	Алатырский	-	16	501	110	33	27	-	1
16.	Суздальский	-	4	258	117	44	4	2	1

* ПКМГ. I С. 655-659, 683-694, 731-786;
Шумаков. VI. С. 1-12

АТСЛ. Кн. 578, 604, 609, 617. 637
ГКЭ. Кн. 12556.

Таблица 17

ЗАВИСИМОСТЬ ТЯГЛООБЛОЖЕНИЯ ОТ РАЗМЕРОВ ТЯГЛОЙ ПАШНИ И ОТ НАСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА В КОНЦЕ XVII в.

Уезд и селение	Дворы	Люди	Выти	Пашня в 1 поле (дес.)	В среднем на двор			Корреляция	
					душ м. п.	тягла	пашни в 1 поле (дес.)	тягло/пашня	тягло/население
1692									
Суздальский									
Шухобалово	87	287	3,472	175,5	3,2	0,039	2,0	1,0	0,6
Мукино	31	101	1,0	93,3	3,2	0,032	3,0	1,0	0,8
Богданское	44	144	1,844	106,2	3,2	0,041	2,4	1,0	0,3
Дер гае во	21	78	1,069	48	3,7	0,047	2,2	1,0	0,5
Вышковец	26	88	1,165	60,8	3,3	0,044	2,3	1,0	0,7
Мульское	48	42	2,445	135	2,9	0,05	2,8	1,0	0,6
Тума	40	131	2,031	92,6	3,2	0,05	2,3	1,0	0,6
Семеновское	58	140	2,81	146,5	2,4	0,05	2.5	1,0	0,7
Брилкина слободка	46	137	2,447	122,9	2,9	0,053	2,6	1,0	0,6
Перелоги	52	161	3,007	150	3,0	0,057	2,8	1,0	0,5
Ильинка	24	92	1,0	50	3,8	1,041	2,08	1,0	0,19
1696 г.									
А.патырский									
Четвертаково	222	721	3,993	566,6	3,2	0,017	2,5	0,9	0,4
Мишуково	123	416	1,641	624	3,3	0,013	5,0	0,9	0,5
Тургаково	101	219	1,546	203	2,1	0,015	2,0	0,9	0,3
Миленино	50	128	0,74	135,3	2,5	0,014	2,7	0,9	0,8
Ичикса	56	180	0,875	87,6	3,5	0,017	1,5	0,9	0,4
Новый Усад	86	293	1,146	116	1,3	0,013	1,3	0,9	0,5
Верхняя Ичикса	60	174	1,0	36,3	2,9	0,016	0,6	0,9	0,16
Свияжский * *									
Новое	138	384	3,64	-	2,7	0,02	-	-	0,6
Килдеево	154	373	4,672	-	2,4	0,03	-	-	0,5
Нижний У слон	158	389	6,606	-	2.4	0,04	-	-	0,3

Верхний Услон	83	190	3,364	-	2,2	0,04	-	-	0,5

*АТСЛ. Кн. 577,578,617.
** По Свияжскому уезду сведений о крестьянской пашне в кн. 577 нет.

QQQ

Таблица 20

ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХ ВОЛОСТОК ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЕ В КОНЦЕ XVI—XVII ВЕКЕ*

Хозяйственные показатели	Сытинский погост (с. Кунья Гора Сытине)						Листовский погост (с. Мокрой Остров)					
	1582	1594	1628	1648	1668	1678	1582	1594	1628	164 8	1668	178
Селений:												
Живущих	5	6	3	5	6	6	11	8	1	2	4	2
Пустых	13	14	-	-	15	-	1	3	-	-	8	-
Дворов живущих:												
- мон-ких и служних	4		1	-	-	-	3	1	-	-	-	-
Крестьянских	16	26	8	98	71	48	18	39	3	18	28	21
- бобыльских	7	31	14	7	3	12	9	14	4	2	3	3
пустых и мест дворовых	6	4	-		36		7	2	-		10	
Людей												
- крестьян	16+16.***	48+116	8	315	278+136.	174	19	61+106.	3	76	85+106.	61
- бобылей	7	34	14	13	10	30	9	19	5	4	11	6
Пашня паханая (в четвертях в 1 поле)												
Мон-кая и на приказчика	-	26	3+1 ЧТВК	-	-	-	-	25	-	-	-	-
Крестьянская	55,5	103	1/2	-	50	-	91	130	1 ЧТ ВК	-	92	-
Средняя запашка двора	2,4	1,8	1/8ч твк	-	0,7	-	3,3	2,4	1/3 ЧТ ВК	-	3,2	-
Перелог	94	26	-	-	110	-	50	20	-	-	-	-

Лесом поросло	12,5	90	-	-	-	-	14	5	-	-	14	-

* ГКЭ. Кн. 1040. Л. 10-13; Кн. 8458, 8465; АТСЛ. Кн. 583. Л. 399-404.
** В одном служнем дворе отмечено 4 бобыля.
*** В этой горизонтальной графе отмечены бобыли в крестьянских дворах.

QQQ

Таблица 21

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ПО ОПИСАНИЯМ 1500—1560-х гг.

Уезд	Годы	Селений		Дворов		Размеры	Пашни паханой (в четвертях в 1 поле)			
		жилых	пустых и пустошей	Жилых	Пустых и мест дворовых	Селений	Добр.	Средн.	Худой	Надел на двор
Московский	Нач. XVI в.	115	-	856	-	7,4 дв.	-	-	-	-
Московский	1540-е гг.	213	-	-	-	-	-	-	-	-
Бежецкий Верх	1520	265	1	795*	-	3,0	-	-	-	-
Ростовский (1 село)	1529	9	-	33**	.**	3,6	-	247**	-	7,4
Ростовский	1544	112	4	339	13	3,0	-	-	-	-
Костромской:										
- Нерехта	1536	40	-	276	19	6,2	-	-	-	-
- Емстна и Ликурт	1545	37	3	81	11	2,1	-	-	-	-
- Шачебал, Андома, Верх. Березовец	1562	52	7	113	15	2,1	136	475	394,5	8,8
Угличский	1537	145	11	491	-	3,3	-	-	-	-
Дмитровский	1537	138	2	414*	-	3,0	-	-	-	-
Звенигородский	1538	25	-	80	1	3,2	-	-	-	-
Рузский	1538	14	-	70	-	5.0	-	-	-	-
Рузский	1569	19	1	25***	-	5,0	-	22	622	7,0
Верейский	1544	64	1	544	-	8,5	-	-	-	-
Новоторжский	1544	15	4	141	1	9,4	-	-	-	-
Ярославский	1544/45	29	-	-	-	-	-	-	-	-
Ярославский	1569	63	-	200*	-	3,0	-	18	759	6,0
Пересливский:	1562									
- Троицкий м-рь		181	4	1323	114	7,3	-	598,7	8237,5	6,6
- Киржачский м-рь		125	5	594	18	4,7	2393	-	4165	11,0

* В отмеченных уездах количество дворов выведено нами, принимая в среднем по 3 двора на деревню.

** В Ростовском у. жилые и пустые дворы показаны суммарно - 33. Пустота была также определена в 1,75 “жребия”. Качество земли не указано. В конце XVI в. она была средней.

*** Количество дворов показано только в 5 деревнях Вышковского стана Рузского у.

QQQ

Таблица 22

СООТНОШЕНИЕ ЖИЛЫХ И ПУСТЫХ СЕЛЕНИЙ И ДВОРОВ В КОНЦЕ XVI—XVII в.

Периоды	Селений			Дворов	
	Жилых,%	средняя дворность	пустых, %	Жилых,%	пустых и мест дворовых,%
1590-е гг.	2100 59,0 %	6,2 дв.	1459 40,9 %	13.089 86,1 %	2097 13,8%
1620—1640-е гг.	1396 34,2 %	7,3 дв.	2653 65,7 %	10.190 76,5 %	3118 23,4 %
1670-е гг.	1599 96,5 %	11,7дв.	57 3,4 %	21.014 97,7 %	481 2,2 %

QQQ

Таблица 23

ВИДЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ТРОИЦКОЙ ВОТЧИНЕ В КОНЦЕ XVI—XVII ВЕКА

Виды поселений	Количество поселений данного вида		
	1592—1594гг.	1620—1640-е гг.	1670-е гг.
Жилые селения: Села	140(6,6%)	131 (9,3%)	134(8,3%)
Сельца	77 (3,6 %)	47 (3,4 %)	7 (0,4 %)
Деревни	1753(83,4%)	1089(78,0%)	1345(84,1 %)
Приселки	8 (0,3 %)	12(0,8%)	56 (3,5 %)
Починки	98 (4.6 %)	66 (4,7 %)	32 (2,0 %)
Сельские и подмонастырские слободки	3(0,1 %)	20(1,4%)	10(0,6%)
Погосты	11 (0,5 %)	16(1.1 %)	5 (0,3 %)
Сельские монастыри	10(0,4%)	15(1,0%)	10(0,6%)
Всего жилых селений	2100(100%)	1396(100%)	1599(100%)
Пустые селения: Пустые селения и пустоши	1344	2535	57
Припущенные в пашню селения и пустоши	115	118	-
Всего жилых и пустых селений	3559	4049	1656

QQQ

ПОУЕЗДНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИЛЫХ СЕЛЕНИЙ И ИХ РАЗМЕРЫ

Таблица 24

№ пп	Регионы и уезды	Описания								
		1592—1594 гг.			1620—1640-е гг.			1670-е гг.		
		Селений	Дворов	размер	селений	дворов	размер	селений	Дворов	Размер
1	*Центр* Московский	275	1831	6,6	159	1506	10,7	134	2873	10,7
2	Переяславский	131	906	6,9	151	921	5,6	168	2900	14,4
3	Владимирский	59	532	9,0	49	419	8,6	51	778	14,4
4	Суздальский	6	146	24,3	8	232	23,7	9	534	59,0
5	Стародуб Ряполовский	144	589	4,0	105	566	5,3	145	1440	9,9
6	Юрьевский	11	402	36,5	14	146	9,8	25	646	26,2
7	Муромский	51	410	8,0	47	605	9,3	44	538	13,6
8	Ростовский	90	517	5,7	41	363	8,6	42	1135	27,0
9	Ярославский	65	226	3,4	56	234	4,1	70	343	4,7
10	Угличский	72	498	6,9	57	325	5,7	61	790	13,5
11	Костромской	204	1021	5,0	158	836	5,2	155	1631	10,6
12	Галичский	22	98	4,4	30	88	2,9	17	118	6,9
13	Кашинский	31	153	4,9	-	-	-	21	121	5,7
14	Дмитровский	138	971	7,0	90	583	6,2	89	841	5,9
15	Тверской	182	779	4,2	35	158	4,5	39	494	12,6
16	Старицкий	28	163	5,8	3	12	4,3	8	60	9,0
17	Зубцовский	-	-	-	-	-	-	3	18	6,0
18	Клинский	-	-	-	-	-	-	1	14	14,0
19	Новоторжский	17	180	10,5	5	31	6,0	8	154	19,2
20	Рузский	17	66	3,8	5	19	3,8	8	44	5,5
21	Звенигородский	25	116	4,6	3	25	8,3	4	77	19,2
22	Бежецкий	326	1953	5,9	115	572	4,9	250	1770	7,0
23	*По региону Поволжье* Нижегородский	1894 19	11557 187	6,0 9,8	113147	7542 779	6,6 18,6	1352 50	17339 1134	12,8 22,6
24	Балахнинский	16	90	5,6	12	112	8,8	11	119	10,8
25	Юрьевецкий	31	129	4,1	21	148	2,9	25	111	4,4
26	Казанский	4	34	8,2	4	82	19,0	-	-	-
27	Свияжский	13	160	12,3	18	714	39,5	15	567	37,8
28	Алатырский	-	-	-	8	267	47,3	7	508	72,5
29	Арзамасский	-	-	-	-	-	-	5	190	38,0
30	*По региону Север и Северо-Запад* Пошехонский	83 15	60066	7,2 4,4	1107	2102 42	19,1 6,0	113 8	2726 64	24,1 8,0
31	Белозерский	15	33	•2,3	16	38	2,5	17	90	5,6
32	Вологодский	-	-	-	8	49	6,1	14	68	4,8
33	Двинский	-	-	-	16	27	1,4	15	29	1,9
34	Деревская пятина	14	117	7,8	4	26	7,25	8	74	10,5
35	*По региону Юг и Юго-Запад* Верейский	44 19	216 290	4,9 13,1	51 6	185 45	3,6 7,5	62 6	325 107	5,2 19,5
36	Боровский	13	135	10,3	4	6	1,5	4	47	11,7
37	М.-Ярославецкий	18	184	9,2	14	41	2,9	15	161	11,9
38	Коломенский	13	159	12,2	8	79	9,8	11	192	17,0
39	Оболенский	18	106	5,8	15	20	1,3	-	-	-
40	Новосильский	5	51	10,2	25	35	14,0	1	31	31,0
41	Серпейский	10	122	12,2	2	7	3,5	18	144	7,2
42	Тарусский	-	-	-	3	20	6,6	3	29	9,6

	По региону	96	1047	10,9	77	253	3,2	58	711	12,2
	Всего	2110	13.089	6,2	1396	10,190	7,3	1599	21.014	11,7

QQQ

Таблица 25

ПОУЕЗДНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВИДОВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙВ КОНЦЕ XVI—XVII в.

№ №	Уезд и годы	Села, сельца, приселки	Деревни	Починки и займища	Слободки	Погосты	Сельские монастыри	Пустые селения и пустоши	Припущенные селения и пустоши
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Центр								
1.	Московский								
	- 1594	32 1/3 1/2 1/2	237	-	-	4	2	267	5
	- 1623-28	25 1/3 1/2	129	-	-	4	1	365	1 S
	1678	25 1/3	105	-	2	-	2	29	-
2	Переславский								
	- 1594	322/32/3 1/21/21/2	91	2	1	-	-	254	4
	- 1627-49	372/3	121	2	1	2	4	667	7
	- 1678	26 2/3 1/2	134	1	2	1	2	-	-
3.	Владимирский								
	- 1594	10 1/3	472/3	-	-	2 1/2	-	37	-
	- 1638-42	7	37	2	-	3	-	23	8
	- 1678	6	42	-	-	2	-	-	-
4.	Суздальский								
	- 1594	4	2	-	-		-	-	-
	- 1627/28	6	3	-	1	-	-	-	-
	- 1678	4	5	-	-	-	-	-	-
5.	Стародубский								
	- 1594	8	122	6	-	-	-	56	-
	- 1627-46	6	105	-	1	-	1	143	-
	- 1678	7	146	-	1	-	1	2	-
6.	Юрьевский								
	-1594	6	4	-	-	-	-	4	-
	- 1629/30	10	3	-	-	-	-	9	-
	- 1678	14	13	-	-	-	-	2	-

7.	Муромский								
	- 1594	8 1/3	43 1/2	-	-	-	-	24	-
	- 1628/29	6	39	-	1	-	1	27	12
	- 1678	2	36	1	-	-	-	1	-
8.	Ростовский								
	- 1594	8	76	1	1	-	-	47	19
	- 1629/31	7	35	-	1	-	-	86	25
	- 1678	6	38	-	1	-	-	-	-
9.	Ярославский								
	- 1594	1	49	14	-	-	-	16	2
	- 1627/28	1	51	5	-	-	-	26	2

Таблица 25

Продолжение таблицы 25

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	- 1678	1	71	-	-	-	-	-	-
10.	Угличский								
	- 1594	3	61	7	-	1	-	7	-
	- 1628/29	5	50	1	-	1	-	53	33
	- 1677	5	56	-	-	-	-	-	-
11.	Костромской								
	- 1594	17 1/3	163	24	-	-	-	49	8
	- 1627/28	16	131	11	-	-	-	98	9
	- 1678	15	128	12	-	-	-	-	-
12	Галичский								
	- 1594	1	17	4	-	-	-	3	-
	- 1628-35	1	26	2	-	-	-	14	-
	- 1678	1	17	-	-	-	-	2	1
13	Кашинский								
	- 1594	3	27	1	-	-	-	33	-
	- 1628/29	1	-	-	-	-		27	-
	- 1678	2	18	-	-	-	-	-	-
14	Дмитровский								
	- 1593	24 1/3	112	2	-	-	-	172	-

	- 1628/29	14	76	-	-	-	-	329	8
	- 1678	12	77	-	-	-	-		-
15.	Тверской								
	- 1594	152/3 1/2 S	166	1	-	-	1	73	-
	-1627/28	6	28	-	-	-	1	226	4
	- 1678	8	30	-	-	-	1	-	-
16	Старицкий.								
	- 1594	3 S	24	-	-	-	-	9	-
	- 1624/26	3	1	-	2	-	1	50	2
	- 1678	3	5	-	1	-	1	-	-
17	Зубцовский								
	- 1678	-	3	-	-	-	-		-
18	Клинский								
	-1678	1	-	-	-	-	-	-	-
19	Новоторжский								
	- 1594	3	14	-	-	-	-	12	1
	- 1626/27	2	3	-	-	-	-	25	2
	- 1678	2	6	-	-	-	-	-	-
20	Рузский								
	- 1594	1 1/3	15	-	-	-	-	21	-
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	- 1624/26	-	5	-	-	-	-	39	1
	- 1678	1	7	-	-	-	-	-	-
21	Звенигородский								
	- 1594	2	23	1	-	-	-	63	-
	- 1624/26	1	1	-	-	1	-	68	-
	- 1678	2	2	-	-	-	-	-	-
22	Бежецкий Верх								
	- 1594	13 1/3	300	11	-	1	1	128	67
	- 1627/28	10	100 1/2	-	1	2	2	500	5
	- 1678	11	238	-	1	-	-	-	-
	Поволжье								
23	Нижегородский								
	- 1594	3	8	-	-	-	-	8	1
	- 1620/21	3	22	5	1	-	-	-	-
	- 1678	9	34	-	-	-	-	2	-

24	Балахнинский								
	- 1594	1	15	-	-	-	-	1	8
	- 1627/28	1	11	-	-	-	-	11	1
	- 1678	1	10	-	-	-	-	-	-
25	Юрьевецкий Повольского								
	- перв. четв. XVII в.	-	13	17	-	-	-	-	-
	- 1641/43	-	4	24	1	-	-	-	-
	- 1678	-	15	13	1	2	1	-	-
26	Казанский								
	-1594	1	1	1	-	-	-	1	-
	- 1641/43	1	3	-	-	-	-	-	-
	- 1678	-	-	-	-	-	-	-	-
27	Свияжский								
	- 1594	3	5	5	-	-	-	1	-
	- 1648/49	6	9	4	1	-	-	-	-
	- 1678	6	5	5	-	-	-	-	-
28	Алатырский								
	- 1624/26	2	2	-	-	-	-	-	-
	- 1678	4	2	-	-	-	-	-	-
29	Арзамасский								
	- 1678	2	3	-	-	-	-	-	-
	Север и Северо-Запад								
30	Пошехонский								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	- 1594	-	12	1	-	2	-	1	-
	- 1626/27	1	6	-	-	1	-	7	-
	- 1678	-	8	-	-	-	-	-	-
31.	Белозерский								
	- 1594	1	13	-	-	-	-	5	-
	- 1626/27	1	15	-	-	-	-	-	3
	-1678	1	15	-	-	-	-	2	-
32.	Вологодский								
	- 1627/29	-	7	6	-	1	1	1	-
	- 1678	-	13	-	-	-	1	-	-
33	Двинский								
	- 1623/24	-	16	1	1	-	-	-	-

	- 1678	-	14	1	1	-	-	-	-
34	Деревская пятина								
	- 1 594	3	12	-	-	-	-	13	-
	- 1627/28	1	3	-	-	-	-	-	-
	- 1678	1	8	-	-	-	-	-	-
	Юг и Юго-Запад								
35	Коломенский								
	- 1 594	4	8	-	-	-	-	-	-
	- 1627/28	3 1/2 S	4	-	-	-	-	2	-
	- 1678	4 1/2 S	4	-	-	-	-	-	-
36	Верейский								
	- 1594	2	20	-	-	-	-	7	-
	- 1624/25	2	4	-	-	-	-	22	-
	- 1678	2	4	-	-	-	-	-	-
37	Боровский								
	- 1594	5	8	-	-	-	-	12	-
	- 1627/29	2	1	-	1	-	-	25	-
	- 1678	3	1	-	-	-	-	-	-
38.	Малоярославецкий								
	- 1594	2	16	-	-	-	-	30	-
	- 1628/30	1	5	-	-	-	-	23	-
	- 1678	2	13	-	-	-	-	-	-
39	Оболенский								
	- 1594	1	16	-	-	1	-	50	-
	- 1627/29	1	12	-	-	1	-	62	1
	- 1678	-	-	-	-	-	-	-	-
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
40.	Новосильский								
	- 1594	1	4	-	-	-	-	1	-
	- 1628/29	-	2 S	-	-	-	-	1	-
	- 1678	-	1	-	-	-	-	-	-
41.	Серпейский								
	- 1594	1	9	-	-	-	-	-	-
	- 1635/36	1	1	-	-	-	-	41	6
	- 1678	2	16	-	-	-	-	-	-
42.	Тарусский								

	- 1627/29	-	3	-	-	-	-	8	-
	- 1678	1	2	-	-	-	-	-	-

QQQ

ПОУЕЗДНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ПЛОТНОСТЬ В ТРОИЦКОЙ ВОТЧИНЕ В КОНЦЕ XVI—XVII в.

№ №	Регионы и уезды Жилые селения	Дворы	Люди	В том числе дворы / люди в них					Средняя		
				мон-кие	служ -ние	Крестьянские	бобыль-ские	прочие*	дворность селения	Людность двора	
										крест-го	Боб-г
1	2 3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Центр										
1.	Московский										
	-1594 275	1831	1839	23	2	1534/1542	272/272	-	6,6	1,0	1,0
	-1623-28 159	1506	1625	14	543/ 579	550/611	399/421	-	9,4	1,1	1,0
	- 1678 134	2873	9000	10	367/ 1250	1680/5159	270/816	546/1447м. 318з.	21,4	3,0	3,0
2	Переславский										
	- 1594 131	906	926	22	13	809/829	62/62	-	6,9	1,0	1,0
	-1627-49 151	921	1606	41/56	64	397/760	234/400	185/326 д.	6,0	1,9	1,7
	-1678 168	2900	9151	20	19/67	2385/7887	415/965	61/221 м.	17,2	3,3	2,3
3.	Владимирский (с Гороховцом)										
	- 1594 59	532	536	6	-	437/477	53/53	-	9,0	1,0	1,0
	-1638-42 49	419	713	4	2	210/387	149/241	35/49 д 19/ЗОм.	8,5	1,8	1,6
	-1678 51	778	3054	-	-	738/2944	40/110	-	15,2	3,9	2,7
4	Суздальский										
	- 1594 6	146	147	3	2	130/131	11/11	-	24,3	1,0	1,0
	- 1627/28 8	232	245	6	26	111/115	64/69	25/29 д	29,0	1,0	1,0
	- 1678 9	534	1924	-	-	512/1871	22/53	-	59,3	3,6	2,4
5.	Стародубский										
	- 1594 144	589	589	1	10	540/540	38/38	-	4,0	1,0	1,0
	- 1627-46 105	566	819	4	26	303/497	233/292	-	5,3	1,6	1,2
	- 1678 145	1440	4400	-	-	1275/3971	165/429	-	9,9	3,1	2,6
6	Юрьевский										
	-1594 11	402	413	3	3	347/363	45/45	4/5 д.	36,5	1,0	1,0
	- 1627/29 –14	146	204	4	3	66/103	48/76	25/25Д.	10,4	1,5	1,5
	- 1678 25	646	2219	-	-	599/2056	47/125	38з.	25,8	3,4	2,6
7	Муромский										
	1594 51	410	415	6	6	332/337	66/66	-	8,0	1,0	1,0
	- 1628/29 47	605	1202	11	4	196/554	153/269	76/137 д. 13/10 м.	12,8	2,8	1,7

	-1678 44	588	2063	-	-	332/1307	256/756	152/186 д.	13,3	3,9	2,9
8	Ростовский										
	-1594 90	517	527	6	1	487/497	23/23	-	5,7	1,0	1,0
	-1629/31 41	363	491	9	1	215/322	94/116	21/21 м. 22/22 д	8,8	1,4	1,2
	- 1678 42	1135	4237	-	-	1022/3924	113/299	14з.	27,0	3,8	2,6
9.	Ярославский										
	-1594 65	226	229	2	-	207/210	17/17	-	3,4	1,0	1,0
	- 1623 56	234	243	1	-	226/235	7/7	-	4,1	1,0	1,0
	-1678 70	343	1612	-	-	343/1612	-	-	4,9	4,6	-
1	2	3	4	5	67	8	9	10	11	12	13
10	Угличский										
	- 1594	72	498	611	26	477/589	13/14	-	6,9	1,2	1,0
	- 1627/28	57	325	386	59	111/132	145/165	55/75 д	5,7	1,1	1,1
	- 1678	61	790	3300	6-	737/3170	47/124	-	12,9	4,3	2,6
11	Костромской										
	- 1594	204	1021	1035	75	888/895	121/128	-	5,0	1,0	1,0
	- 1627/28	158	836	1206	82	526/749	231/338	41/58 д 28/51 м.	5,2	1,4	1,4
	- 1678	155	1631	5350		1441/4832	190/518	51 кел./82	10,5	3,3	2,7
12.	Галичский										
	- 1594	22	98	101	1	85/87	12/13	-	4,4	1,0	1,0
	- 1628/29	30	88	104	112	37/49	38/42	-	2,9	1,3	1,1
	- 1678	17	118	299		94/241	24/58	-	6,9	2,5	2,4
13.	Кашинский										
	- 1594	31	153	162	2-	148/157	3/3	-	4,9	1,0	1,0
	- 1628/29	-	-			-	-	-	-	-	-
	- 1678	21	121•	406	-8/13	108/377	5/16	-	5,7	3,4	3,2
14.	Дмитровский										
	- 1594	138	971	1028	14	917/973	40/41	-	7,0	1,0	1,0
	- 1628/29	90	583	911	303	220/403	270/305	56/85 д 67/67 м.	6,4	1,8	1,4
	- 1678	89	841	3251	7	755/2869	79/205	-	9,4	3,8	2,5
15.	Тверской										
	- 1594	182	779	840	9	688/749	82/82	-	4,2	1,0	1,0
	- 1627/28	35	158	218	22	80/126	46/58	10/12 м.	4,5	1,5	1,2
	- 1678	39	494	1866		442/1716	52/200	-	12,6	3,8	2,8
16.	Стар и цк и и										
	- 1594	28	163	173	2	151/161	10/10	-	5,8	1,0	1,0
	- 1624/26	3	12	19		9/15	3/4	-	4,0	1,6	1,0
	- 1678	8	80	284	26/15	53/196	42/45	7/26 д.	9,8	3,6	3,7
17.	Зубцовский										
	- 1678	3	18	72		18/72	-	-	6,0	4,0	-
18,	Клинский										
	-1678	1	14	14		14/14	-	- .	14,0	1,0	-

19.	Новоторжский										
	- 1594	17	180	190	2	157/167	21/21	-	10,5	1,0	1,0
	- 1626/27	5	31	78	1	19/52	11/25	-	5,2	2,7	2,2
	- 1678	8	154	420	2	144/393	10/25	-	19,2	2,7	2,5
20.	Рузский										
	- 1594	17	66	69	1	60/63	5/5	-	3,8	1,0	1,0
	- 1624/26	5	19	19		10/10	9/9	-	3,8	1,0	1,0
	- 1678	8	44	189		43/188	1/1	- •	5,5	4,3	1,0
21.	Звенигородский										
	-1594	25	116	118	2	107/109	7/7	-	4,6	1,0	1,0
	- 1624/26	3	25	29		14/18	11/11	-	8,3	1,2	1,0
	- 1678	4	77	270		65/245	12/25	-	19,2	3,7	2,0
22.	Бежецкий Верх										
	- 1594	326	1953	2039	158	1778/1864	152/152	-	5,9	1,0	1,0
	- 1623	115	572	585		572/585	-	-	4,9	1,0	1,0
	- 1678	250	1770	6261		1612/5851	158/410	- •	7,0	3,6	2,5
1	2				67	8	9	10	11	12	13
	Поволжье										
23.	Нижегородский										
	- 1594	19	187	188	4	140/141	43/43	-	9,8	1,0	1,0
	- 1620/21	47	779	793		441/448	338/345	-	15,9	1,0	1,0
	- 1678	50	1140	4461	6	960/3993	174/468	-	22,8	4,1	2,6
24.	Балахнинский										
	- 1594	16	90	90		82/82	8/8	-	5,6	1,0	1,0
	- 1627/28	12	112	174		39/73	67/101	-	9,3	1,8	1,5
	- 1678	11	188	601	2/10	152/506	34/85	-	17,0	3,3	2,5
25.	Юрьевецкий										
	-1 четв. XVII в.	31	129	129		129/129	-	-	4,1	1,0	-
	- 1641/43	21	148	328		134/301	14/19	8з.	7,0	2,2	1,3
	- 1678	25	116	299		87/232	29/67	-	4,6	2,6	2,3
26.	Казанский										
	- 1594	4	34	34	1-	31/31	2/2	-	8,5	1,0	1,0
	- 1641/43	4	82	103	21	51/60	28/32	8з.	20,5	1,1	1,1
	- 1678	-	-	116	-	-/116**	-	-	-	-	-
27.	Свияжский										
	- 1594	13	160	160	31,	129/129	27/27	-	12,3	1,0	1,0
	- 1649	18	714	2222	21/5	556/1830	155/379	-	39,6	3,2	2,4
	- 1678	15	567	2066	4/77/7	506/1830	51/122	- •	37,8	3,8	2,4
28.	Алатырский										
	- 1624/26	4	267	314	13	74/90	189/219	1 вол.	66,7	1,2	1,1
	- 1678	7	522	1859	2/54/15	468/1659	40/192	8/8 вд.	74,5	3,5	4,8
29.	Арзамасский										
	- 1678	5	193	489	-	152/397	41/92	-	38,6	2,6	2,2
	Север и Северо-Запад										
30.	Пошехонский										

	- 1594	15	66	91	1	62/87	3/3	-	4,4	1,4	1,0
	- 1623	11	45	45	11	42/42	1/1	-	4,0	1,0	1,0
	- 1678	8	64	214		55/193	9/21	-	8,0	3,5	2,3
31.	Белозерский										
	1594	15	33	46		28/40	5/6	-	2,2	1,4	1,0
	- 1626/27	16	38	40		22/24	16/16	-	2,3	1,0	1,0
	- 1678	17	90	309		68/266	22/43	-	5,2	3,9	1,9
32.	Вологодский										
	- 1628/29	15	49	69	13/14	20/32	16/23	-	3,2	1,6	1,4
	- 1678	11	68	208	-	49/162	19/46	-	6,1	3,3	2,4
33.	Двинский										
	- 1623/24	16	27	38	1	22/33	4/4	-	1,6	1.5	1,0
	- 1678	15	29	88		29/88	-	-	1,9	3,0	-
34.	Деревская пятина										
	- 1594	14	117	193	24/8	66/130	45/53	-	8,3	1.9	1,1
	- 1627/28	8	26	31	1	14/19	11/19	-	3,2	1,0	1,3
	- 1678	17	74	271	-	59/235	15/36	-	4,3	3,9	2,4
	Юг и Юго-Запад										
.	Коломенский										
	- 1594	13	159	168	3	145/154	11/11	-	12,2	1,0	1,0
	- 1627/28	8	79	105	5	47/68	19/22	8/10 д	9,8	1,4	1,1
	- 1678	11	168	192	3	141/608	24/51	-	5,0	4,3	2,1
1	2	3	4	5	67	8	9	10	11	12	13
36.	Верейский										
	- 1594	19	290	290	1	270/270	19/19	-	15,2	1,0	1,0
	- 1624/25	6	45	67	5/8	14/15	24/40	2/4 з	7,5	1,0	1,6
	- 1678	6	107	455		67/344	40/111	-	17,8	5,1	2,7
37	Боровский										
	- 1594	13	135	137	2	118/120	15/15	-	10,3	1,0	1,0
	- 1627/29	4	6	6		3/3	3/3	-	1,5	1/0	1/0
	- 1678	4	47	230		47/230	-	-	11,7	4,8	-
38	Малоярославецкий										
	- 1594	18	184	184	2	164/164	18/18	-	10,2	1,0	1,0
	- 1628/30	14	41	74	2	21/47	18/25	-	2,9	2,2	1,3
	- 1678	15	161	663		138/603	23/60	-	10,7	4,3	2,6
39	Оболенский										
	- 1594	18	106	108	1	92/94	13/13	-	5,8	1,0	1,0
	- 1627/29	15	20	38	9/9	7/18	4/11	-	1,3	2,5	2,7
40	Новосильский										
	- 1594	18	51	57	1	50/56	-	-	2,8	1,0	-
	- 1628/29	2,5	35	41		35/41	-	-	14,0	1,1	-
	- 1678	1	31	135		20/99	11/36	-	31,0	4,9	3,2
41	Серпейский										
	- 1594	10	122	127		109/113	13/14	-	12,2	1,0	1,0
	- 1635/36	2	7	19	-	3/8	4/11	-	3,5	2,6	2,7

	- 1678	18	144	621	1	63/349	80/271	-	8,0	5,5	3,3
42	Тарусский										
	- 1627/29	3	20	25	-	13/17	7/8	-	6,6	1,3	1,0
	- 1678	3	29	135	-	94/241	24/58	- •	6,9	2,5	2,4

* В графе 10 приняты сокращения:
вол — воловик
вд—вдова
д—детеныши
з — захребетники
кел — кельи
м — мастера.
** Известно только количество людей.

QQQ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛЕВОЙ БАРЩИНЫ КРЕСТЬЯН ЗА 1594—1623 гг.

(в четвертях в 1 поле)*

Вотчина	Год	Дворов	Душ м. п.	Душ м. п. на двор	Монастырская запашка			
					всего	на выть	на двор	надушу м. п
Костромской у. с. Федоровское	1594	340	340	1,0	290	4,0+108 “згоном”	0,8	0,8
с. Федоровское	1617	402	592	1,4	198	4,0	0,4	0,3
с. Марьинское	1594	92	92	1,0	112	4,0	1,2	1,2
с. Марьинское	1617	90	141	1,5	68,5	-	0,76	0,4
прис. Медведково	1617	49	70	1,4	21	2,0	0,4	0,2
Ростовский с. Деболы с. Новое	1594	87	87	1,0	130	3,0+70 “згоном”	2,3	2,3
с. Деболы с. Новое	1617	58	71	1,2	66	3,0+27,5 “згоном”	1,5	0,9
с. Ивашково с. Берлюково	1594	232	234	1,0	76	1,0	0,3	0,3
с. Ивашково с. Берлюково	1617	73	102	1,3	74	1,0	1,0	0.7
Бежецкий Верх с. Присеки с. Сукромны	1594	1170	1245	1,06	220	-	0,18	0,17
с. Присеки с. Сукромны	1623	223	223	1,0	47,5	4,0	0,4	0,4

- АТСЛ. Кн. 573, 604.

QQQ

Таблица 21

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕНТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫТНОГО ТЯГЛА И НАДЕЛА КРЕСТЬЯН (в четвертях в 1-м поле) В КОНЦЕ XVI в.*

Дворов	Размер выти	Доля выти	Тяглый надел	Рента (“денег”)
РАЗНОВЕЛИКИЕ ВЫТИ *Галицкий у. (7 деревень Верхнего Березовка)*				
1	10	1,0	10,0	69,0
2	4	0,5	2,0	69,0
1	2	0,5	1,0	69,0
1	1	0,3	0,3	46,0
11	4	0,25	1,0	36,0
4	2	0,25	0,5	36,0
3	4	0,166	0,6	23,0
Костромской у. Луговая сторона (с. Костомы)				
5	5	0,5	2,5	75,0
1	5	0,5	2,5	14,4
1	5	0,5	2,5	31,5
2	4	0,5	2,0	48,0
1	5	0,375	1,875	11,0
2	4	0,375	1,5	36,0
1	5	0,25	1,25	37,0
3	5	0,25	1,25	6,3
5	5	0,25	1,25	15,7
5	4	0,25	1,0	24,0
1	4	0,125	0,5	12,0
УНИФИЦИРОВАННАЯ ВЫТЬ *Кашинский у. с. Олексино (оброчное)*				
6	10	0,5	5,0	50-60
6	10	0,3	3,0	30,0
9	10	0.25	2,5	25-30
8	10	0,166	1,6	16,6-19,9
с. *Архангельское (барщинно-оброчное)*				
1	10	0,75	7,5	33,6
6	10	0.5	5,0	24,0
5	10	0,3	3,0	14,4
4	10	0,25	2,5	12,0
д. Пестово с 5 дерр. (оброчные)				
22	10	0,3	3,0	90,0
15	10	0,25	2,5	75,0
10	10	0.166	1,6	50,0
3	10	0,125	1,25	37,5
с. *Фроловское (барщинно-оброчная половина)*				
1	10	1,0	10	18,0
2	10	0,75	7,5	12,0
8	10	0,5	5,0	9,0
3	10	0,3	3,0	5,4
12	10	0,25	2,5	4,5
с. Фроловское (оброчная половина)				
1	10	1,5	15,0	207,0
1	10	1,0	10,0	138,0
1	10	0,583	5,83	80,4
6	10	0,5	5,0	69,0
3	10	0,25	2,5	34,5
1	10	0,125	1,25	17.2

* АТСЛ. Кн. 637. Л. 184—189 об.; ГКЭ. Кн. 3875; Шумаков. VI. С. 1—12.
Таблица 28

QQQ

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕНТЫ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН В 1590—1620-е гг.

Вотчина	Год	Дворов	Вытей	Душ м. п.	Душ на двор	Денежных выплат (“денег”) Монастырю					
						с выти	со двора	с душ м. п.	с выти	Со двора	с души м. п.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Бежецкий Верх											
с. Раменка	1545	37	9,6	37	1.0	131	34	-	-	-	-
д. Волосково	1595	4	1,125	4	1,0	288	72	-	100	25	-
с. Наместково	1595	101	27	101	1,0	186	50,2	-	-	-	-
с. Присеки	1623	222	12,8	222	1,0	210	14	-	94	4	-
с. Молоково с. Ахматово	1623	97	5,6	97	1,0	1208	71	-	94	5,5	-
с. Баскаки	1623	30	1,3	30	1,0	1601	69	-	94	4,0	-
Макарьева Слободка	1623	11	1,2	11	1,0	2060	228	-	94	4,0	-
Галицкий уезд											
с. Гнездниково	1594	49	17	49	1,0	145	52	-	-	-	-
с. Гнездниково	1617	52	24,5	76	1,4	600	150	107,1	42,4	20	14,2
деревни Верхнего Березовца	1595	22	7,0	22	1,0	488	69,7	-	.	-	-
деревни Верхнего Березовца	1617	25	7,3	25	25	600	111	-	59,4	18	-
Костромской уезд, Нагорная сторона											
с. Федоровское с. Поемечье	1594	262	3,5	262	1,0	24	3,2	-	-	-	-
с. Кувакино	1594	78	10,5	78	1,0	90	12,1	-	-	-	-
с. Федоровское с. Поемечье	1617	228	29,7	341	1,4	35	4,6	-	-	-	-
с. Кувакино	1617	174	23,1	251	1,4	400	53,3	-	-	-	-
с. Жарки	1594	62	10	62	1,0	400	32	-	-	-	-
с. Жарки	1617	12	2,03	24	2,0	412	68	32	-	-	-
с. Салтаново	1594	12	3	12	1,0	200	50	-	-	-	-
с. Салтаново	1617	13	2,5	24	2,0	400	77	38,2	-	-	-

с. Марьинское	1594	26	8	26	1,0	200	7,6	7,6	-	-	-
с. Марьинское	1617	90	18,7	141	1,5	56	11,6	2,4	-	-	-
с. Медведково	1594	85	35	103	1,2	434	180	150	-	-	-
с. Медведково	1617	49	11,1	70	1,7	100	22,7	13,3	-	-	-
Луговая сторона, Костромского уезда.											
с. Костомы	1594	38	15	38	1,0	150	60	-	-	-	-
с. Костомы	1617	41	13,5	62	1,5	200	66	44	-	-	-
прис. Горки	1594	52	22	55	1,05	100	56,4	53,7	-	-	-
прис. Горки	1617	59	19,6	100	1,7	200	33,3	19,5	-	-	-
с.Головинское	1594	33	12	34	1,0	100	44	-	-	.	-
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
с. Головинское	1617	47	16,7	66	1,4	200	71,4	51	-	-	-
с.Кишема	1594	27	9	27	1,0	120	48,6	-	-	-	-
с.Кишема	1617	35	9,25	50	1,4	100	27	19,2	-	-	-
с. Богородицкое	1594	24	10	24	1,0	146	60	-	-	-	-
с. Богородицкое	1617	25	5,3	39	1,5	200	43,6	29	-	-	-
с. Новое	1594	42	11	43	1,0	62	29,5	-	-	-	-
с. Новое	1617	35	10,3	57	1,6	168	49	30,6	-	-	-
с. Сухоруково*	1617	145	26,8	194	1,3	201	37,9	29,1	-	-	-
с. Буяково*	1617	124	28,2	184	1,5	201	46	31,1	-	-	-
Пошехонский уезд.											
прис. Поповский пог. Подъяблонный	1594	62	17,5	62	1,0	120	34	-	-	-	-
прис. Поповский пог. Подъяблонный	1623	44	4,4	44	1,0	410	41	-	94	9,4	-
Ростовский уезд.											
с. Поникарово	1594	34	11	34	1,0	126	42	-	-	-	-
с. Поникарово	1617	38	5	40	1,05	48	7,6	7,2	-	-	-
с. Деболы	1594	87	21	87	1,0	62	15,5	-	-	-	-
с. Деболы	1617	58	12,8	58	1,0	53	11,7	-	-	-	-
с. Новое	1594	47	17	47	1,0	108	38,7	-	-	-	-
с. Новое	1617	77	10,03	77	1,0	53	8,5	-	-	-	-
с. Берлюково с. Ивашково	1594	232	75,5	234	1,0	30	10,8	-	-	-	-
с. Берлюково с.. Ивашково	1617	71	11,3	100	1,4	53	8,3	-	-	-	-

Ярославский уезд, волость Червмха											
с.Коприно	1594	23	5	23	1,0	230	46	-	-	-	-
с.Коприно	1594	161	35	161	1,0	160	34,7	-	-	-	-
с. Коприно	1623	214	18,5	216	1,0	402	35	-	94	8	-
Ярославский уезд, Закоторосльский стан.											
д. Харлово с дерр.	1594	23	4	23	1,0	200	34,7	-	-	-	-
д. Харлово с дерр.	1617	12	1,0	18	1,5	600	50	33,.3	-	-	-

* Этих сел нет в описании 1594 г.
Окончание таблицы 29

QQQ

Таблица 30

ОТРАБОТОЧНАЯ И ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА В ВОТЧИНАХ ТРОИЦЕ-АЛАТЫРСКОГО И ТРОИЦЕ-СВИЯЖСКОГО МОНАСТЫРЕЙ В КОНЦЕ XVII в.

Вотчина	Дворы	Душ м. п. на двор	Монастырская запашка в 3 полях (дес.)			Монастырский сенокос (волоковых копен)			Денежные платежи (руб. коп.)		
			всего	на двор	на душу	Всего	на двор	На душу	Всего	на двор	на душу
Алатырский уезд.											
с. Четвертаково	222	3,2	90	0,4	0,12	1000	4,5	1,4	113р. 4,5 к.	51 к.	16 к.
			отменялись в 1696 г.						вводились в 1696 г.		
с. Мишуково	123	3,3	36	0,29	0,08	300	2,4	0,7	156р. 79 к.	1р.27 к.	38 к.
			отменялись в 1696 г.						вводились в 1696 г.		
с. Тургаково	101	2,1	45	0,4	0,2	400	3,9	1,8	150р. 94 к.	1р. 49 к.	71 к.
д. Миленино	50	2,5	-	-		-	-	-	74р. 91 к.	1р.49 к.	60 к.
д. Ичикса	56	3,5	-	-		-	-	-	74р. 79 к.	1р. 33 к.	38 к.
д. Новый Усад	86	3,4	-	-		-	-	-	106р. 23 к.	1р.33 к.	36 к.
д. Верхняя Ичикса	60	2,9	-	-		-	-	-	90р.	1р. 50 к.	52 к.
д. Евлея	31	3,0	-	-		-	-	-	31р.	1р.	33 к.
д. Подгородняя	90	2,9	-	-		-	-	-	104р. 18 к.	1р. 15 к.	40 к.
Свияжский уезд											
с. Новое	138	2,7	36	0,26	0,09	3000	21,7	8	92р.	66 к.	24,6 к.
			отменялись в 1696 г						до 1696г.		
с. Килдеево	154	2,4	60	0.38	0,162	900	5,8	2,4	74,3 р. 13 к.	48,3 к.	20 к.
									введены в 1696 г.		
									144р. 13 к.	93 к.	39 к.

			отменялись в 1696 г.						до 1696г.		
с.Нижний Услон	158	2,4	96	0.6	0,25	400	2,5	1	116,7 Р.	73,8 к.	30,7 к.
									введены в 1696 г.		
									219р. 4,5 к.	1р. 38 к.	57 к.
			отменялись в 1696 г.						до 1696г.		
с. Верхний Услон	83	2,2	82,5	0,9	0,45	400	4,8	2,1	63,2 р. 14 к.	41,1 к.	17,1 к.
									введены в 1696 г.		
									113р. 7,5 к.	1 р. 36 к.	62 к.

- АТСЛ. Кн. 577, 578.

QQQ

Таблица 31

ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА В ВОТЧИНАХ ТРОИЦЕ-АЛАТЫРСКОГО И ТРОИЦЕ-СВИЯЖСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVII в *

Вотчинный комплекс	Дворы	Люди	Людность двора (душ м. п.)	Денежная рента (руб., коп.)					
				с комплекса		со двора		с души м. п.	
				монастырю	государству	монастырю	Государству	монастырю	государству
Алатырский уезд.									
с. Четвертаково	222	721	3,2	113 р. 4,5 к.	14 р. 90 к.	51 к.	6,3 к.	16 к.	2 к.
д. Миленино	50	128	2,5	74 р. 92 к.	3р.	150 к.	6 к.	60 к.	2,4 к.
д. Новый Усад	86	293	3.4	106 р. 23 к.	4р. . 40 к.	123,3 к.	5,1 к.	36,2 к.	1,5 к.
д. Подгородняя	90	264	2,9	104р. 18 к.	4р.	115, 5 к.	4,4 к.	39,8 к.	1,5 к.
Свияжский уезд.									
с. Новое	138	384	2,7	92р.	11 р. 40 к.	66 к.	8 к.	24,6 к.	4 к.
с. Килдеево	154	373	2,4	143,6р. 13 к.	10 р. 83 к.	93 к.	7 к.	38,8 к.	2,9 к.
с.Нижний Услон	158	389	2,4	219р. 47.5 к.	15 р. 50 к.	138,6 к.	9,8 к.	57,7 к.	4 к.
с. Верхний Услон	83	190	2,2	112,8р. 7 к.	14р. 50 к.	135,8 к.	17,4 к.	61,7 к.	7,9 к.

АТСЛ. Кн. 577, 578.

QQQ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕНТЫ ПО ГРУППАМ ХОЗЯЙСТВ В ВОТЧИНЕ ТРОИЦЕ-АЛАТЫРСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1696 г.*

Селение и группы дворохозяйств	Дворы	Вытное тягло	Тяглые наделы (в четвертях в 1 поле)	Денежная рента двора (руб., коп.)	
				Монастырю	государству
с. Четвертаково					
- крупные	25	0,031-0,052	8,7-14,7	87 к.-1 р. 40 к.	10-18 к.
- средние	50	0,021-0,025	5,9-7,0	59-70 к.	7-8 к.
- мелкие	147	0,007-0,015	1,9-4,2	19-42 к.	2-5 к.
с. Мишуково					
- крупные	6	0,031-0,052	7.8-13,1	3,0-5,1 р.	20-30 к.
- средние	18	0,021-0,025	5,3-6,2	2,0-2,4 р.	15-18 к.
- мелкие	99	0,007-0,015	1,7-3,8	69 к.-1 р. 48 к.	5 к.-Юк.
с. *Тургаково*					
- крупные	17	0,031-0,052	8,0-13,6	3,0-5,0 р.	10-30 к.
- средние	26	0,021-0,028	5,5-7,3	2,0-2,7 р.	12-16 к.
- мелкие	65	0,007-0,015	1,8-3,9	60 к.-1 р. 40 к.	5-8 к.
д. Миленшо					
- крупные	5	0,031-0,057	11,2-20,7	3р, 10к.-5р. 70 к.	12-22 к.
- средние	8	0,021-0,025	5,4-9,0	2р. 10к.-2р. 50 к.	6-10 к.
- мелкие	34	0,007-0,015	2,5-3,6	70 к.-1 р. 50 к.	2-4 к.
с. Ичикса					
- крупные	-	-	-	-	-
- средние	9	0,028-0,031	5,6-6,2	2р. 30 к,-2 р. 60 к.	10-11 к.
- мелкие	39	0,007-0,021	1,4-4,2	59 к.-1 р. 70 к.	2-7 к.
с. Новый Усад					
- крупные	1	0,038	7,6	3р. 10 к.	14 к.
- средние	5	0,031-0,035	6,2-7,0	2р. 50к.-2р.90к,	11-13 к.
- мелкие	80	0,007-0,021	1,4-4,2	50 к.-1 р. 70 к.	2-7 к.
с. *Верхняя Ичикса*					
- крупные	-	-	-	-	-
- средние	-	-	-	-	-

- мелкие	60	0,007-0,063	0,5-4,5	63 к.-5 р.60 к.	-
д. Евлея**	31	-	-	1р.	-
д. Подгородняя**	90	-	-	1 р. 10 к.	4 к.

* АТСЛ. Кн. 578

** В отмеченных деревнях вытных окладов и тяглой пашни не было.